

А Н Н А

ТОДА

*После
падения*

wattpad
www.wattpad.com

БОЛЕЕ МИЛЛИОНА ПОКЛОННИКОВ
ЭЛДЖЕЙМС УЖЕ ПРОЧИТАЛИ ЭТУ КНИГУ

Annotation

Отношения Тесс и Хардина далеки от идиллии. Бешеная страсть, неодолимое влечение притягивают их друг к другу и в то же время мешают хладнокровно решать проблемы, которые неизбежно возникают у всех людей без исключения: сложности в отношениях с родителями и друзьями, необходимость строить карьеру, наконец, разные взгляды на брак. Тесс и Хардин молоды, им только предстоит понять, что вдвоем пережить многие потрясения гораздо проще, тем более что Хардина ждет очень неприятное открытие, которое, возможно, перевернет его жизнь...

- [Анна Тодд](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)

- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Глава 87](#)
- [Глава 88](#)
- [Глава 89](#)
- [Глава 90](#)
- [Глава 91](#)
- [Глава 92](#)
- [Глава 93](#)
- [Глава 94](#)
- [Глава 95](#)
- [Глава 96](#)
- [Глава 97](#)
- [Глава 98](#)
- [Глава 99](#)
- [Глава 100](#)

- [Глава 101](#)
- [Глава 102](#)
- [Глава 103](#)
- [Глава 104](#)
- [Глава 105](#)
- [Глава 106](#)
- [Глава 107](#)
- [Глава 108](#)
- [Глава 109](#)
- [Глава 110](#)
- [Глава 111](#)
- [Глава 112](#)
- [Глава 113](#)
- [Глава 114](#)
- [Глава 115](#)
- [Глава 116](#)
- [Глава 117](#)
- [Глава 118](#)
- [Глава 119](#)
- [Глава 120](#)
- [Глава 121](#)
- [Глава 122](#)
- [Глава 123](#)
- [Глава 124](#)
- [Глава 125](#)
- [Глава 126](#)
- [Глава 127](#)
- [Глава 128](#)
- [Глава 129](#)
- [Глава 130](#)
- [Глава 131](#)
- [Глава 132](#)
- [Глава 133](#)
- [Глава 134](#)
- [Глава 135](#)
- [Глава 136](#)
- [Глава 137](#)
- [Глава 138](#)
- [Глава 139](#)

- [Глава 140](#)
 - [Глава 141](#)
 - [Глава 142](#)
 - [Глава 143](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Анна Тодд

После падения

© Беляков М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

* * *

*Посвящается J за такую любовь ко мне, о которой
большинство людей могут только мечтать.*

*А также Хардинам всего мира, история которых
достойна рассказа.*

Пролог

Тесса

Я вглядываюсь в знакомые черты бродяги, и меня переполняют воспоминания. Блондинка Барби... Я всегда так хотела быть такой, как она: она совершенство. Очаровательная, ухоженная и всегда такая, какой ей и положено быть. Ее родители, наверное, очень важные, думала я. Ее отец, где бы он ни находился, был, вероятно, главным генеральным директором, колесившим по миру, чтобы обеспечивать семью, пока ее мать занималась домом.

Отец Барби, возвращаясь домой, не шатался и не орал. Он никогда не стал бы скандалить с матерью, так что Барби не приходилось бы прятаться в теплице от шума и бьющейся посуды. И если иногда, случайно, между родителями возникали небольшие, легко разрешимые недоразумения, у Барби всегда был Кен, ее идеальный светловолосый бойфренд, который всегда составит ей компанию... даже в теплице.

Барби идеальна, поэтому у нее идеальная жизнь и идеальные родители.

Мой отец, бросивший меня девять лет назад, стоит сейчас передо мной, грязный и изможденный. Он совсем не похож на себя, ничего общего с тем, что я помню. На его лице появляется улыбка, но в моей памяти всплывает другое.

Той ночью, когда отец ушел, лицо матери превратилось в камень.

Она не плакала. Она просто стояла и ждала, когда он уйдет. В ту ночь она изменилась; она больше не была любящей матерью. Она стала суровой, далекой и несчастной.

Но осталась со мной после того, как он решил не возвращаться.

Глава 1

Тесса

– Папа? – Человек передо мной не может быть моим отцом, несмотря на знакомые карие глаза, которые смотрят на меня.

– Тесси? – Его голос грубее, чем в моих далеких воспоминаниях.

Хардин с горящими глазами поворачивается ко мне, а затем снова смотрит на этого человека.

Мой отец. Здесь, в этом ужасном районе, в грязной на спине куртке.

– Тесси? Это действительно ты? – спрашивает он.

У меня шок. Я не знаю, что сказать этому пьяному мужчине с лицом моего отца.

Хардин кладет мне руки на плечо, пытаюсь отвлечь:

– Тесса...

Я делаю шаг в сторону бродяги, и он улыбается. В его бороде много седины; его улыбка не такая белоснежная, как мне помнится... Как он до этого докатился? Я всегда считала, почти верила, что в конце концов отец изменит свою жизнь. Сейчас надежды исчезли, и осознание, что этот человек – мой отец, больше, чем я ожидала.

– Это я, – произносит кто-то, и через некоторое время я понимаю, что это мои слова.

Он преодолевает оставшееся пространство между нами и обнимает меня.

– Не могу в это поверить! Ты здесь! Я пытался...

Хардин отталкивает его от меня. Я отступаю назад, не зная, как себя вести.

Бродяга – мой отец – тревожно и недоверчиво смотрит на Хардина и на меня. Но вскоре он вновь принимает беззаботный вид и держит дистанцию, чему я очень рада.

– Несколько месяцев я пытался тебя найти, – говорит он, проводя рукой по лбу и оставляя на коже грязные разводы.

Хардин стоит передо мной, готовый к прыжку.

– Я была здесь, – спокойно говорю я, глядя из-за его плеча.

Я благодарна Хардину за защиту, и я понимаю, что он, должно быть, окончательно запутался.

Отец переключает внимание на него и некоторое время разглядывает.

– Ого! Ной сильно изменился.

– Это Хардин, – сообщаю я.

Отец переминается с ноги на ногу и когда наконец решается подойти ко мне поближе, я вижу, как Хардин напрягается. Отец рядом, и я чувствую, как от него пахнет.

В его дыхании чувствуется то ли виски, то ли какая-то дикая смесь, он пьян, раз так перепутал; Хардин и Ной – полные противоположности, их просто нельзя сравнить. Отец тянется обнять меня; Хардин косится на меня, но я слегка качаю головой, чтобы он не вмешивался.

– Кто он такой?

Мой отец обнимает меня слишком долго, а Хардин просто стоит рядом. Я вижу, что он скоро взорвется, необязательно от гнева, и понимаю, он просто не имеет ни малейшего представления о том, что говорить или делать.

Это сделает один из нас.

– Он мой... Хардин – мой...

– Бойфренд. Я ее бойфренд, – заканчивает он мою незавершенную мысль.

Карие глаза отца расширяются, и он наконец-то поворачивается к Хардину.

– Приятно познакомиться с тобой, Хардин. Я Ричард. – Он протягивает свою грязную руку для рукопожатия.

– Хм. Да, взаимно, – нерешительно отвечает Хардин.

– Что вы здесь делаете?

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы отойти и встать рядом с Хардином, который снова замолкает и прижимает меня к себе.

– Хардин хотел сделать татуировку, – машинально отвечаю я. Мой разум просто не в состоянии понять все, что сейчас происходит.

– А, круто. Мне здесь тоже набивали.

Всплывают воспоминания о том, как отец каждое утро пил кофе перед работой. Он никогда не рассказывал ни о чем таком, и я даже не уверена, что, когда я его знала, у него была татуировка. Когда была его маленькой девочкой.

– Да, работа моего друга Тома.

Он задирает рукав куртки и показывает на предплечье нечто, напоминающее череп. Это совсем на него не похоже, но чем дальше, тем больше мне кажется, что тату была и раньше.

– Ого... – Это все, что я могу сказать.

Это так ужасно. Этот мужчина – мой отец, который бросил нас с матерью в одиночестве. И он сейчас стоит здесь, передо мной... пьяный. Не знаю, что и думать.

Я взволнована, совсем немного, потому что не хочу признавать его в этот момент. Конечно, я тайно надеялась увидеть отца снова, после того как мама обмолвилась, что он вернулся в город. Я знаю, что это очень глупо, но сейчас он кажется мне лучше, чем раньше. Да, он пьян и, возможно, бездомный, но я его так мало знала, еще меньше, чем понимала. Может, у него сейчас просто тяжелый период в жизни? Кто я такая, чтобы судить этого человека, ничего о нем не зная?

Смотрю на него и на улицу вокруг; так странно, вокруг все как обычно. Могу поклясться, время остановилось, когда мой отец на нас наткнулся.

– Где ты живешь? – спрашиваю я.

Хардин не сводит с него настороженного взгляда, наблюдает, как за опасным хищником.

– Я сейчас временно без жилья. – Он вытирает лоб рукавом.

– А.

– Я работал до конца на Raymark, но меня уволили, – говорит он.

Я смутно припоминаю, что слышала название Raymark раньше. Кажется, это какая-то фирма. Так он работал на заводе?

– Чем ты занимаешься? Прошло ведь... пять лет?

Чувствую, что Хардин напряженно застыл рядом, и говорю:

– Нет, девять.

– Девять лет? Мне очень жаль, Тесси, – невнятно бормочет он.

Это прозвище пробуждает воспоминания – так отец называл меня раньше, в момент, когда он снимал меня со своих плеч и мы проходили через наш небольшой двор. Но все прошло. Я не знаю, что делать. Я хочу плакать, потому что не видела отца так давно, хочу смеяться над странностью нашей встречи, хочу плакать из-за того, что он оставил меня. Я окончательно запуталась. Я помню его пьяным, но тогда он был злой, не улыбался и, конечно, не показывал татуировку и не пожимал руку моему парню. Может быть, он изменился в лучшую сторону.

– Я думаю, нам пора идти, – заявляет Хардин, глядя на отца.

– Мне очень жаль, но я не виноват. Твоя мать... ты знаешь, какая она. – Он пытается защититься, размахивая руками перед собой. – Пожалуйста, Тереза, дай мне шанс, – просит он.

– Тесса... – предупреждающе цедит Хардин рядом со мной.

– Мы на пару минут, – говорю я отцу. Затем хватаю Хардина за руку и

отвожу его на несколько метров в сторону.

– Что, черт возьми, ты делаешь?! Ты ведь на самом деле не собираешься... – начинает он.

– Он мой *отец*, Хардин.

– Он пьяный бродяга. – Он плюет с досады.

Слезы наворачиваются от правдивых, но резких слов Хардина.

– Я не видела его девять лет.

– Именно, потому что он тебя бросил. Это пустая трата времени, Тесса. – Он смотрит из-за моей спины на отца.

– Мне все равно. Я хочу понять его.

– Знаю, я сказал то, что думаю. Надеюсь, ты не пригласишь его в квартиру или куда-нибудь еще. – Он качает головой.

– Если захочу, то позову. И если он захочет прийти, то придет снова. Это и моя квартира, – говорю я резко.

Смотрю на отца. Он стоит, одетый в грязное, и уставившись в землю перед собой. Когда он в последний раз спал в постели? Ел нормально? От этой мысли ноет сердце.

– Ты же не всерьез думаешь привести его к нам? – Пальцы Хардина скользят по волосам в привычном жесте отчаяния.

– Не жить, только на сегодня. Мы могли бы приготовить ужин, – предлагаю я.

Отец бросает взгляд на меня. Я смотрю в его сторону и вижу, как он начинает улыбаться.

– Ужин?! Тесса, он чертовски пьян! Вы не виделись почти десять лет... и ты говоришь об ужине?

Растерявшись от вспышки его гнева, тяну Хардина за шиворот поближе к себе и тихо говорю:

– Он мой *отец*, Хардин, и я больше не общаюсь с мамой.

– Это вовсе не означает, что ты должна общаться с этим уродом. Это плохо кончится, Тесс. Ты слишком хороша для всех, когда они этого не заслуживают.

– Это важно для меня, – говорю я, и взгляд смягчается: он понимает, что я настроена серьезно.

Он вздыхает и в отчаянии дергает себя за торчащие волосы.

– Черт возьми, Тесса, ничем хорошим это не закончится!

– Ты не можешь знать, чем это закончится, Хардин, – шепчу я и смотрю на отца, который перебирает пальцами бороду.

Я знаю, что Хардин может оказаться прав, но я обязана это сделать ради себя, должна попытаться понять этого человека или, по крайней мере,

услышать, что он скажет.

Возвращаюсь к отцу, инстинктивно чего-то опасаясь, отчего голос немного дрожит.

– Ты хочешь поехать к нам на ужин?

– В самом деле? – восклицает он, и по его лицу скользит тень надежды.

– Да.

– О'кей! Да, поеду! – Он улыбается, и на мгновение мне кажется, что я вижу его настоящего – не пьяного.

Пока мы все идем к машине, Хардин не говорит ни слова. Я знаю, что он сердится, и понимаю почему. Но знаю и что жизнь его отца изменилась к лучшему – он руководит нашим колледжем, он очень добр к ближним. Это ужасно глупо – надеяться на такие же изменения у своего отца?

Когда мы подходим к машине, отец спрашивает:

– Вау! Это твое? Это Саргі, не так ли? Модель конца семидесятых?

– Да. – Хардин садится на сиденье водителя.

Мой отец не спрашивает больше Хардина, и я очень рада этому. Радио приглушено до минимума, и как только смолкает рев двигателя, мы оба тянемся к переключателю в надежде, что музыка сможет заглушить неприятное молчание.

Всю дорогу я думаю о том, как мать желала бы оказаться на моем месте. От такой мысли меня бьет озноб, поэтому переключаюсь на предстоящую поездку в Сиэтл.

Нет, это еще хуже, я не знаю, как поговорить об этом с Хардином. Закрываю глаза и прислоняюсь к окну. Теплая рука Хардина охватывает мою, и я успокаиваюсь.

– Фух. И давно вы здесь живете? – зевает на заднем сиденье отец, когда мы останавливаемся у нашего дома.

Хардин кидает на меня еле уловимый взгляд, и я отвечаю:

– Да, переехали сюда несколько месяцев назад.

Пока мы поднимаемся в лифте, я чувствую, как суровый взгляд Хардина обжигает мои щеки. Улыбаюсь, надеясь смягчить гнев. Нужно действовать, но находиться рядом с этим незнакомцем очень неловко, отчего я начинаю жалеть о том, что пригласила отца. Хотя уже слишком поздно.

Хардин открывает нашу дверь, заходит в квартиру и, не оборачиваясь, без лишних слов удаляется в спальню.

– Я сейчас вернусь, – сообщаю я отцу и поворачиваюсь, чтобы оставить его стоять в прихожей.

– Вы не против, если я воспользуюсь вашей ванной? – спрашивает он у меня.

– Конечно, нет. Она дальше по коридору. – Я, не глядя, указываю на дверь ванной.

В другой комнате Хардин переобувается, сидя на кровати. Оглянувшись на дверь, он делает мне знак закрыть.

– Я знаю, что ты мной недоволен, – спокойно замечаю я, подходя к нему.

– Я...

Я ловлю руками его лицо, мои пальцы пробегают по его щекам.

– Не бойся.

Его глаза закрываются в знак признательности к моим нежным прикосновениям, и я чувствую, что его руки обхватывают меня вокруг талии.

– Он собирается сделать тебе больно. Я всего лишь пытался не допустить этого.

– Как он может причинить мне боль сильнее, чем уже сделал? Я столько лет его не видела.

– Он, наверное, сейчас распихивает наше барахло по своим гребаным карманам, – фыркает Хардин, и я прыскаю от смеха. – Это не смешно, Тесса!

Я вздыхаю и поворачиваю его лицо к себе.

– Может, ты попробуешь посмотреть на все это более позитивно? Вокруг и так достаточно обид и напряжения.

– Я не обижаюсь. Я пытаюсь тебя защитить.

– Не нужно – он мой отец.

– Он тебе не отец.

– Хардин, пожалуйста! – Я провожу большим пальцем по его губам, и лицо смягчается.

Он снова вздыхает и наконец произносит:

– Ладно, давай с этим чуваком поужинаем хотя бы. Черт знает, как давно он питался не из мусорного бака.

Я перестаю улыбаться, и губы невольно начинают дрожать. Он замечает это.

– Прости, не надо плакать, – вздыхает он.

Хардин не переставая вздыхает с тех пор, как мы столкнулись с моим отцом возле тату-салона. Видя его беспокойство, – даже если оно, как и все его эмоции, сопряжено с гневом, – я только убеждаюсь в сюрреалистичности происходящего.

– Я высказал свое мнение, но постараюсь не сильно напрягаться. – Он поднимается на ноги и целует меня в уголок рта. Когда мы выходим из спальни, он бормочет: – Начнем кормить бездомных, что не сильно повышает мне настроение.

Мужчина, разглядывающий полки с книгами в нашей гостиной, выглядит совершенно неуместно.

– Я собираюсь приготовить ужин. Хочешь посмотреть телевизор? – предлагаю я.

– Хочешь, я помогу? – спрашивает он.

– Хм, ладно. – Я слегка улыбаюсь ему, и он отправляется за мной на кухню.

Хардин остается в гостиной, продолжая держаться отстраненно, как я и предполагала.

– Не могу поверить, что ты уже так выросла и живешь отдельно, – говорит отец.

Я тянусь в холодильник за помидорами, пытаюсь собраться с мыслями.

– Я учусь в колледже, в Центральном вашингтонском университете^[1]. Вместе с Хардином, – отвечаю я, по вполне понятным причинам умолчав о грядущем отчислении.

– Правда? Ничего себе.

Он садится за стол, и я замечаю, что грязь с его рук исчезла. Разводов на лбу тоже нет, а мокрый рукав наводит меня на мысль, что даже пытался застирать пятно. Он тоже нервничает. От этого мне становится немного легче.

Я рассказываю ему о Сиэтле, о предстоящей увлекательной жизни, но так и не упоминаю о Хардине. Выражение лица отца во время рассказа заставляет немного скорректировать рассказ. Не знаю, сколько еще проблем возникнет на пути, прежде чем все окончательно рухнет у моих ног.

– Хотелось бы мне посмотреть, как все это происходило. Я всегда знал, что из тебя выйдет толк.

– Тем не менее тебя не было рядом, – коротко отрезаю я. Мне сразу становится стыдно за свои слова, но я не хочу брать их назад.

– Я понимаю, но сейчас я здесь и, надеюсь, могу что-то для тебя сделать.

Эти простые и немного жесткие слова дают мне надежду, что, может быть, не так уж все и плохо, что ему просто необходимо помочь бросить пить.

– Ты... ты все еще пьешь?

– Да. – Он смотрит в пол. – Не так, чтобы много. Я понимаю, что

сейчас тебе так не кажется, но это было несколько трудных месяцев... вот и все.

В дверях кухни появляется Хардин, и я знаю, что он прикладывает чудовищные усилия, чтобы оставаться невозмутимым. Надеюсь, у него получится.

– Несколько раз я виделся с твоей мамой.

– Правда?

– Да. Она не говорит мне, где ты. И она очень хорошо выглядит, – добавляет он.

Мне очень неловко слышать от него что-то о матери. Ее голос звучит в моей голове, напоминая, что он нас бросил. Что из-за этого человека она стала такой, как сейчас.

– Что случилось... между вами?

Кладу куриные грудки на сковородку, масло трещит и брызгает. Я жду ответа. Я не хочу поворачиваться к нему лицом после того, как задала такой резкий и прямолинейный вопрос, но я просто не удержалась.

– Мы с ней просто несовместимы; она всегда хотела больше, чем я мог дать ей, и ты же знаешь, какой она бывает.

Я знаю, но мне не нравится, как мельком и пренебрежительно он отзывается о ней. Переводя вину с матери на отца, я быстро поворачиваюсь и спрашиваю:

– Почему ты не звонил?

– Я звонил, всегда звонил. И посылал тебе подарки на дни рождения. Об этом она тоже не рассказывала?

– Нет.

– Ну, это правда. Я так по тебе скучал все это время! Не могу поверить, что ты здесь, прямо передо мной сейчас.

Он встает и подходит ко мне; глаза блестят, а голос дрожит. Не знаю, как реагировать. Я почти не знаю этого человека.

Хардин входит на кухню, создавая барьер между мной и отцом, и я этому рада. Не знаю, что и думать. Мне нужно сохранять физическую дистанцию между собой и этим человеком.

– Я знаю, ты не можешь простить меня. – Он почти рыдает, и мое сердце обрывается.

– Нет. Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть, что ты снова появился в моей жизни. Я просто не знаю, – отвечаю я, и он кивает:

– Понимаю, понимаю.

Он снова садится за стол, предоставив мне возможность доделать ужин.

Глава 2

Хардин

Этот чертов донор спермы для Тессы умял две тарелки одним махом. Наверняка он голодал, пока жил на улице. Не то чтобы мне не жалко тех, кому не повезло и для кого настали тяжелые времена, но мне ни на минуту не жаль именно этого человека, пьющего и отказавшегося от своего ребенка.

Потом, прихлебывая воду, он бубнит моей девушке:

– Ты хорошо готовишь, Тесси.

Кажется, если он назовет ее так еще раз, я заору.

– Спасибо. – Она улыбается из вежливости. Мне кажется, его болтовня заполняет те раны, что он нанес, бросив ее ребенком.

– Я серьезно; может, ты меня научишь как-нибудь этому рецепту?

Тебя? Где ты собрался его использовать? На своей воображаемой кухне?

– Конечно, – говорит она и встает, чтобы помыть тарелку, заодно хватая и мою.

– Я пойду. Спасибо за ужин, – говорит этот хрен Ричард, поднимаясь.

– Нет, ты можешь... Ты можешь остаться сегодня, если хочешь, мы можем отвезти тебя обратно... домой утром, – медленно произносит она, не зная, какие подобрать слова в этой ситуации.

Терпеть не могу всю эту чертову деликатность!

– Это было бы здорово, – говорит Ричард, потирая руки.

Он, видать, извелся от желания хряпнуть прямо сейчас, этот чертов урод.

Тесса улыбается.

– Отлично. Пойду принесу из спальни подушку и простыни. – Мгновение она глядит на отца и на меня. Видимо, понимает, что я чувствую, потому что уточняет: – Ничего, если я вас оставлю на время?

Ее отец смеется.

– Все нормально, я как раз хотел поближе познакомиться.

Ну нет, даже не думай.

Она хмуро глядит на меня и выходит, оставляя нас на кухне наедине.

– Так значит, Хардин, где ты познакомился с моей Тессой? –

спрашивает он.

Я слышу, как закрывается дверь, и жду еще пару мгновений, пока она не окажется вне зоны слышимости.

– Хардин? – повторяет он.

– Давай начистоту! – рычу я, перегибаясь через стол, чем явно его пугаю. – Никакая она не твоя Тесса. И я знаю, что ты натворил раньше, так что не думаю, что тебе стоит ломать комедию.

Он покорно поднимает руки.

– Я ничего, я...

– Что тебе нужно, деньги?

– Что? Нет, конечно, мне нужны не деньги. Мне нужны отношения с дочерью.

– У тебя было девять лет, чтобы их построить, и ты здесь только потому, что случайно столкнулся с нами на этой гребаной стоянке. Не похоже, что ты ее там искал! – рявкаю я, страстно желая вцепиться руками ему в шею.

– Я знаю. – Он качает головой, глядя в пол. – Я понимаю, что наделал много ошибок, и собираюсь их исправить.

– Да ты пьян, прямо сейчас, сидя на этой кухне, ты пьян в стельку. Я пьяных насквозь вижу. И не испытываю никакой симпатии к человеку, бросающему свою семью и ни хрена не имеющему через девять лет.

– Я знаю. Ты все это говоришь из лучших побуждений, я рад, что ты пытаешься защищать мою дочь, но я не собираюсь углубляться во всю эту историю. Я просто хочу познакомиться с ней... и с тобой.

Я молчу, пытаюсь успокоиться.

– Ты гораздо приятнее, когда она рядом, – спокойно отмечает он.

– А ты плохо играешь, когда ее нет, – парирую я.

– Ты имеешь полное право не верить мне, но ради нее дай мне шанс.

– Если ты обидишь ее, тебе не жить.

Может быть, я должен стыдиться того, что угрожаю отцу Тессы, но во мне – только гнев и недоверие к этому жалкому пьянчуге. Инстинкт подсказывает мне защищать ее, а не сочувствовать нетрезвым бродягам.

– Я ее не обижу, – обещает он.

Я закатываю глаза и отпиваю воды из своего стакана. Думая, что его обещание успокоило меня, он пытается шутить:

– Кстати, наши роли неплохо бы пересмотреть, как думаешь?

Не отвечая, ухожу в спальню. Это необходимо, чтобы Тесса, вернувшись, не увидела, как я душу ее отца.

Глава 3

Тесса

Хардин врывается в спальню. У меня в руках – одеяло, полотенце и подушка.

– Так, что случилось? – спрашиваю я, ожидая очередного взрыва из-за того, что я пригласила отца, не посоветовавшись предварительно с ним.

Хардин подходит к кровати и ложится, глядя на меня.

– Ничего. Мы познакомились. Когда мне показалось, что я уделил нашему гостю достаточно времени, решил прийти сюда.

– Пожалуйста, скажи, что вел себя с ним хорошо.

Я едва познакомилась с отцом. И я не хочу еще большего обострения отношений, чем есть сейчас.

– Я держал себя в руках, – отвечает он, закрывая глаза.

– Думаю, отнесу ему одеяло и, как всегда, буду извиняться за твое поведение, – с досадой произношу я.

Отец сидит на полу гостиной и теребит прорези на джинсах. Услышав меня, он поднимает взгляд.

– Ты можешь сесть на диван, – замечаю я, складывая вещи на диван.

– Я... ну, я не хочу как-нибудь испортить твой диван. – Он краснеет от смущения, и у меня ноет в груди.

– Не волнуйся... ты можешь еще раз принять душ, и у Хардина найдется что-нибудь сменное, в чем ты можешь лечь.

Он слабо протестует, не глядя мне в глаза.

– Не хочу его утруждать.

– Это пустяки, правда. Я принесу какую-нибудь одежду. Иди и прими душ. Вот полотенце, можешь вытереться им.

Он улыбается:

– Спасибо. Я так рад видеть тебя снова. Я так скучал по тебе... и вот мы наконец встретились.

– Прости, если Хардин был с тобой груб. Он...

– Защитная реакция? – продолжает он за меня.

– Да, думаю, так и есть. Он иногда срывается.

– Все нормально. Я мужчина. Я могу его понять. Он лишь беспокоится за тебя, я его не виню. Он меня не знает. Черт, собственно, как и ты. Он

напоминает мне кое-кого, с кем я был знаком раньше... – Отец с улыбкой замолкает.

– Кого?

– Меня... Я был очень похож на него. Не уважал тех, кто не зарабатывал денег, расталкивал локтями всех, кто стоит у меня на пути. В меня встроены тот же чип, что и в него; разница лишь в том, что у него больше татуировок.

Отец смеется, и его смех будит воспоминания, которые почти уже стерлись из памяти. Мне нравится стоять рядом с ним и улыбаться, но он поднимается и хватается полотенце.

– Пойду в душ.

Отвечаю, что принесу ему сменную одежду и положу ее возле двери ванной.

Вернувшись в спальню, обнаруживаю, что Хардин так и валяется на кровати с закрытыми глазами.

– Он пошел в душ. Я сказала, что ты можешь дать ему что-нибудь из своей одежды на смену.

Он садится.

– Зачем ты это сказала?

– Затем, что у него нет своей. – Я иду к кровати, протянув руки, чтобы успокоить его.

– Конечно, Тесса, давай, отдай ему мою одежду, – резко говорит он. – Может, нужно предложить ему лечь вместо меня на нашу кровать?

– В данный момент тебе нужно успокоиться. Это мой отец, и я хотела бы посмотреть, как все пойдет. То, что ты не можешь простить своего отца, не значит, что я не должна предпринимать попыток как-то наладить общение со своим, – так же жестко отвечаю я.

Хардин пристально на меня смотрит. По глазам я понимаю, скольких усилий ему стоит сдержаться и не наговорить мне злобных грубостей, которые крутятся у него в голове.

– Все это не то, что кажется. Ты слишком наивна. Сколько раз тебе повторять? Не каждый человек заслуживает твоей доброты, Тесса.

– Только ты, так, что ли? – огрызаюсь я в ответ. – Ты единственный, кому я должна все прощать и давать презумпцию невиновности? Это чушь собачья, а ты эгоист! – Я роюсь в ящике комода в поиске чистого белья. – Знаешь что? Лучше быть наивной и готовой видеть в людях хорошее, чем нервно и настороженно предполагать, что всем от меня что-то надо.

Беру футболку, несколько пар носков и выхожу из комнаты. Когда я кладу вещи у двери ванной, то слышу, как отец, моясь, что-то тихо напевает

себе под нос. Я прижимаю ухо к двери, слов все равно не разобрать, но приятные звуки вызывают улыбку. Я помню, мама рассказывала об ужасном слухе и голосе отца, но я считаю, что они прекрасны.

Разворачиваю телевизор в сторону гостиной и кладу пульт на стол, чтобы дать понять, что он может смотреть все, что захочет. Смотрит ли отец телевизор?

Я убираю кухню, но оставляю на столе остатки ужина. *Когда он в последний раз так же хорошо ел?* Я снова погружаюсь в раздумья.

Вода в ванной все еще льется; наверное, он сейчас нежится под горячим душем, и это подсказывает мне, что он, скорее всего, давно не мылся.

Наконец возвращаюсь в спальню. Хардин, сидя на кровати, расстегивает новый кожаный ремень. Я прохожу мимо него, не глядя, но он хватается меня за руку.

– Мы можем поговорить? – спрашивает он, притягивая меня к себе и заставляя встать между своих ног. Он быстро отбрасывает ремень в сторону.

– Давай.

– Прости за то, что я такой урод, ладно? Я просто не знаю, что об этом всем думать.

– О чем? Ничего не изменилось.

– Изменилось. Этот человек, которого мы оба не знаем, – в нашем доме, и он хочется сблизиться с тобой, после всех этих лет. Это меня напрягает, и мое побуждение – защищаться, ты же знаешь.

– Я понимаю, что ты говоришь, но тебе не стоит быть таким жестоким и говорить при мне такие вещи – например, называть его нищим. Это очень неприятно.

Хардин протягивает ко мне руки, сплетает свои пальцы с моими, притягивает поближе к себе.

– Прости, детка, прости. – Он подносит мои руки к губам, целуя костяшки пальцев, и мой гнев медленно растворяется в его поцелуях.

Я приподнимаю бровь.

– Ты правда перестанешь говорить с ним так жестко?

– Да. – Он поворачивает мою руку и разглядывает линии на ладони.

– Спасибо. – Я слежу, как он водит указательным пальцем по моему запястью.

– Только будь осторожна, ладно? Потому что я не колеблюсь...

– С ним ведь, кажется, все в порядке, правда? Я имею в виду, что он хороший, – тихо говорю я, прерывая его. Пальцы Хардина перестают

двигаться по моей коже. – Я не знаю его достаточно хорошо, я могу только предположить.

– В твоём детстве он не был хорошим.

Взор Хардина пылает, хотя голос звучит очень мягко.

– Не напоминай мне об этом, когда он рядом, пожалуйста. Я и так стараюсь изо всех сил, так что давай не будем его отталкивать.

Я слезаю с его колен, и мы ложимся, обнимая друг друга.

– Завтра будет длинный день, – вздыхает он.

– Да, – шепчу я в ответ, уткнувшись носом в его руку.

На завтра намечено слушание об отчислении Хардина за избиение Зеда, и это не наш звездный час.

Вдруг на меня накатывает страх: я вспоминаю сообщение, которое послал мне Зед. После встречи с отцом я почти забыла об этом. Телефон, установленный на вибрацию, лежал в кармане, мы ждали возвращения Стеф и Тристана, а Хардин молча смотрел на меня, пока я читала сообщение, и, к счастью, не спросил, в чем дело.

«Можно ли поговорить с тобой завтра утром наедине?» – написал Зед.

Я не понимаю, что делать, и не знаю, о чем говорить, учитывая, что он заявил Тристану, что собирается выдвинуть против Хардина обвинения. Надеюсь, что Зед сказал это только для того, чтобы произвести впечатление и сохранить репутацию. Хардин – в беде, у него реальные проблемы. Я должна ответить на сообщение, но не думаю, что встречаться с Зедом наедине – хорошая мысль. Боюсь, что Хардин из-за меня может снова попасть в беду, а у него и без этого много проблем.

– Ты меня слушаешь? – толкает меня Хардин, и я смотрю на него, не размыкая объятий.

– Нет, извини.

– О чем ты думаешь?

– Обо всем. О завтрашнем дне, обвинениях, отчислении, Англии, Сиэтле, отце... – вздыхаю я. – Обо всем.

– Ты будешь со мной? Когда будут решать, исключить ли меня?

– Если ты захочешь, чтобы я была там, – говорю я.

– Я хочу.

– Тогда я буду там. – Я должна сменить тему, поэтому продолжаю: – До сих пор не могу поверить, что у тебя новая татуировка. Покажи ее еще раз.

Он плавно откатывается от меня и переворачивается на живот.

– Подними мою футболку.

Я задираю его черную футболку, не останавливаясь, пока не

обнажается вся спина и не появляется белая повязка, закрывающая недавно набитые слова.

– На повязке немного крови, – замечаю я.

– Это нормально, – отвечает Хардин; похоже, что ему смешно от моего беспокойства.

Я очерчиваю пальцем покраснение вокруг букв. Новая тату сразу стала моей любимой. Эти слова так много значат для меня – и для него, по-видимому, тоже. Чтобы не омрачать жизнь еще больше, решаю не говорить о переезде в Сиэтл. Скажу ему завтра, как только мы узнаем об исключении. Я обещаю себе сто раз, что скажу: чем дольше я жду, тем сильнее он разозлится.

– Это достаточное обязательство моей любви для тебя, Тесси?

Я хмуро смотрю на него.

– Не называй меня так.

– Ненавижу это прозвище, – говорит он; лежа на животе, он поворачивает голову так, чтобы посмотреть на меня.

– Я тоже, но я хочу сказать не об этом. Во всяком случае, татуировки мне достаточно.

– Ты уверена? Потому что я могу вернуться в тату-салон и набить твой портрет внизу, – смеется он.

– Ой, нет, пожалуйста, не надо! – Я мотаю головой, и он гогочет еще громче.

– Ты уверена, что этого будет достаточно? – Он садится и опускает футболку. – Значит, обойдемся без свадьбы, – добавляет он.

– Что ты имеешь в виду? Ты сделал татуировку в качестве альтернативы браку?

Даже и не понимаю, как на это реагировать.

– Нет, не совсем. Я сделал ее, потому что хотел... и потому что у меня ее еще не было.

– Замысловато.

– И для тебя тоже, потому что хотел тебе ее показать. – Он берет меня за руку. – Это то, что между нами существует, то, что я не хочу потерять. Я утратил многое из того, что было между нами, да и сейчас не полностью вернул, но я считаю, что это то, чего я хочу достичь.

Его ладони такие теплые, в них так приятно моей руке!

– Итак, я снова воспользовался фразой гораздо более романтического человека, чем я сам, чтобы достигнуть цели. – Хардин широко улыбается, но я вижу в его глазах страх.

– Думаю, от того, как ты используешь его слова, Дарси пришел бы в

ужас, – дразню я.

– Наверное, он дал бы мне пять, – хвастается он.

Я непроизвольно смеюсь, но смех выходит сухой, как кашель.

– Дал бы пять? Фитцуильям Дарси никогда таких слов-то не знал.

– Думаешь, он был выше этого? Нет уж, мы бы с ним посидели, выпили пивка. И поболтали бы о том, как досаждают нам упрямые женщины.

– Вам обоим с нами повезло, потому что, видит бог, никто, кроме нас, таких, как вы, не выдержал бы.

– Вот как? – с усмешкой спрашивает он, и на щеках у него проступают ямочки.

– Естественно.

– Наверное, ты права. Но мне Элизабет как-то ближе по духу.

Я поджимаю губы и поднимаю бровь, ожидая объяснений.

– Только потому, что она разделяет мои взгляды на брак.

– Но она все же вышла замуж, – напоминаю я.

Очень не по-хардиновски он приближается ко мне, хватая за бедра и толкает на кровать, отчего я падаю головой в кучу декоративных подушек, которые он презирает, о чем напоминает мне при каждом удобном случае.

– Именно! А Дарси взамен может забрать тебя! – Его раскатистый смех заполняет воздух, и я хохочу не меньше его.

Все эти маленькие ссоры, скорее символические, когда Хардин смеется как ребенок, мгновения, когда улетучивается вся та ерунда, которую мы успеваем наговорить друг другу, защищают меня, как невидимые экраны, от суровой реальности наших отношений и от всех преград, что до сих пор лежат между нами.

– Я, кажется, слышал, как он вышел из ванной, – говорит Хардин прежним тоном.

– Пойду пожелаю ему спокойной ночи. – Я выкручиваюсь из объятий Хардина и целую его в лоб.

В гостиной сразу замечаю, как странно смотрится одежда Хардина на отце, но, по крайней мере, сидит она лучше, чем я ожидала.

– Еще раз спасибо за одежду. Я оставлю ее здесь, когда буду утром уходить, – говорит он.

– Да все нормально, можешь забрать ее... если тебе нужно.

Он садится на диван, кладя руки на колени.

– Ты уже сделала для меня гораздо больше, чем я заслуживаю.

– Все нормально, правда.

– Ты гораздо более понимающий человек, чем твоя мама, – улыбается

отец.

– Не уверена, что правильно все понимаю, но я хочу прояснить для себя ситуацию до конца.

– Все, чего я прошу, это немного времени, чтобы познакомиться немного с... ну, с моей взрослой дочерью.

Я натянуто улыбаюсь:

– Я бы тоже этого хотела.

Я знаю, он прошел долгий путь, и я не забыла его в ту ночь. Но он мой отец, и у меня нет сил его ненавидеть. Мне хочется верить, что он может измениться; я уже видела, что это возможно. Отец Хардина, например, полностью изменил свою жизнь, хотя Хардин так и не смог позабыть его тяжелое прошлое. Я видела, как изменился Хардин. А поскольку таких же упрямцев, как он, еще поискать, думаю, есть шанс и у моего отца, неважно, сколько горя он хлебнул.

– Хардин меня ненавидит. Чувствую, мне надо удавиться, чтоб ему понравиться.

У отца заразительное чувство юмора, я хихикаю.

– Да уж, это точно.

Смотрю в коридор и вижу мрачного парня в черном, подозрительно наблюдающего за нами.

Глава 4

Тесса

– Выключи его, – стонет Хардин, когда будильник начинает греметь в темной спальне.

Шарю впотьмах в поисках телефона, наконец я бью пальцем по экрану, и неприятный звук прекращается. Сажусь на постели, и плечи тянет вниз под весом сегодняшней угрозы: решение университета об отчислении Хардина, возможность предъявления Зедом обвинений против него и, наконец, предполагаемая реакция Хардина на сообщение о том, что я хочу перебраться в филиал Vance Publishing в Сиэтле и что я хочу, чтобы он тоже туда поехал, хотя он во всеуслышание заявлял, что ненавидит этот город. Не знаю, что меня пугает больше. Когда я включаю свет в ванной и плещу холодной водой себе в лицо, то понимаю, что обвинения в нападении – самое худшее. Если Хардин окажется в тюрьме, я понятия не имею, что мне делать и что будет делать он. Даже мысль об этом вызывает у меня тошноту. Вспоминаю о просьбе Зеда о встрече и прокручиваю всевозможные варианты тем нашего разговора, особенно с учетом его фразы о «влюбленности по уши» в меня, сказанной во время нашей последней встречи.

Прижимаю висящее на стене полотенце к лицу и делаю глубокий вдох.

Должна ли я ответить Зеду или, по крайней мере, узнать то, чего он хочет? Может быть, он объяснит, почему он сказал Тристану про обвинения одно, а мне другое? Мне не очень удобно просить его не поступать так после того, как Хардин сильно избил его, но я люблю Хардина, а у Зеда были те же самые намерения, что и у Хардина в самом начале, – он стремился выиграть пари. Оба хороши.

Прежде чем успеваю хорошенько подумать о последствиях, я уже набираю эсэмэс. Я всего лишь пытаюсь помочь Хардину. Будь что будет, решаю я, нажимаю «Отправить» и переключаюсь на прическу и макияж.

Когда я вижу аккуратно сложенное одеяло на подлокотнике дивана, мое сердце стонет. Он ушел? Как мне с ним связаться...

Мягкий стук открывающихся полок на кухне возвращает меня к реальности. Войдя в темную кухню, включаю свет – и отец вздрагивает, с грохотом роняя ложку на кафельный пол.

– Извини, я старался вести себя потише, – говорит он, быстро наклоняясь.

– Ничего, все нормально. Я проснулась. Ты мог бы включить свет, – тихонько смеюсь я.

– Не хотел вас разбудить. Просто пытался сварить кофе; надеюсь, что ты не против.

– Конечно, нет. – Я ставлю кофейник и смотрю на часы. Через пятнадцать минут нужно разбудить Хардина.

– Какие у вас на сегодня планы? – спрашивает он с полным ртом любимых хлопьев Хардина.

– Ну, у меня сегодня занятия, а Хардина вызвали в ректорат на комиссию.

– На комиссию? Серьезно...

Я смотрю на отца, пытаюсь понять, стоит ли ему рассказывать. Решив, что раз начала, то надо продолжать, я объясняю:

– Он подрался в кампусе.

– И из-за этого его вызвали на комиссию? В мое время бы погрозили пальцем, и все.

– Он разбил много вещей, дорогую частную собственность, и сломал парню нос.

Я вздыхаю, размешивая ложкой сахар в кофе. Мне сегодня потребуется много сил.

– Прекрасно. А из-за чего же была драка?

– Кажется, из-за меня. Он очень долго держался, но под конец не выдержал и... взорвался.

– Ну, я еще больше похож на него, чем думал прошлым вечером, – сияет отец.

Хотя мне приятно, что он тепло относится к моему парню, причина не очень достойная. Я не хочу, чтобы они сошлись на теме насилия.

Я качаю головой и проглатываю полкружки кофе, позволяя горячей жидкости успокоить расшатанные нервы.

– Откуда он? – Кажется, он искренне хочет лучше узнать Хардина.

– Из Англии.

– Я так и думал, судя по акценту. Хотя я иногда путаю его с австралийским. Значит, его семья все еще там?

– Мать. Отец здесь. Он ректор нашего университета.

В глазах отца загорается любопытство.

– Глупо получится, если его отчислят.

– Очень, – вздыхаю я.

– Твоя мать его видела? – спрашивает он, зачерпывая большую ложку хлопьев.

– Да, она его ненавидит. – Я хмурюсь.

– Ненависть – слишком сильное слово.

– Поверь мне, в данном случае оно еще недостаточно точное.

Боль от мысли о разрыве с матерью сейчас кажется гораздо слабее, чем раньше. Не знаю, хорошо ли это.

Отец кладет ложку и несколько раз кивает.

– Она, может быть, несколько твердолобая, но она просто беспокоится о тебе.

– Ей не о чем беспокоиться. Со мной все в порядке.

– Она должна сама до этого дойти; тебе не нужно выбирать между двумя близкими людьми. – Отец улыбается. – Твоя бабушка тоже была не в восторге от меня – ее, наверное, и на том свете от меня перекашивает, как говорится.

Это так странно – через столько лет сидеть на кухне с отцом и трепаться за чашкой кофе и тарелкой хлопьев.

– Мне просто тяжело от того, что мы всегда были очень близки... настолько близки, насколько с ней это возможно, по крайней мере.

– Она всегда хотела, чтобы ты была такая же, как она; она была уверена, что ты станешь такой с пеленок. Она ведь неплохой человек, Тесси. Просто боится.

Я гляжу на него с недоумением.

– Чего боится?

– Всего. Боится потерять контроль. Я уверен, что, встретив тебя с Хардином, она ужаснулась именно тому, что поняла, что уже не имеет над тобой власти.

Я смотрю на пустую кружку.

– Из-за этого ты ушел? Потому что она хотела все контролировать?

Отец негромко кряхтит.

– Нет, я ушел, потому что у меня были свои проблемы и мы не очень хорошо подходили друг другу. Не беспокойся о нас, – смеется он. – Думай лучше о себе и своем вспыльчивом друге.

Не могу представить себе, что человек, сидящий сейчас передо мной, и моя мать способны поддерживать беседу, они такие разные! Гляжу на часы и понимаю, что уже девятый час.

Я встаю и кладу кружку в посудомоечную машину.

– Мне надо разбудить Хардина. Вчера вечером я бросила твою одежду в стирку. Сейчас переоденусь и принесу ее.

Захожу в спальню и вижу, что Хардин не спит. Когда я вижу, что он натягивает черную футболку, я предлагаю:

– Может, наденешь что-нибудь более строгое?

– Зачем?

– Затем, что они будут принимать решение о твоём будущем обучении, а черная футболка не сигнализирует о твоей заинтересованности. Потом можешь переодеться, но сейчас, я считаю, тебе нужно одеться солидно.

– Чеееерт! – тянет он, запрокидывая голову назад.

Я прохожу мимо него к шкафу и достаю черную рубашку и брюки.

– Только не брюки – ради бога, нет!

Я передаю их ему.

– Это только на некоторое время.

Он держит одежду, словно это ядерные отходы или артефакт с другой планеты.

– Если я напялю это дерьмо, а меня все-таки выгонят, я сожгу к черту весь этот городок.

– Ты слишком драматично все воспринимаешь.

Я закатываю глаза, но Хардину явно не до смеха. Он начинает переодеваться.

– Наша квартира по-прежнему работает в качестве приюта для бездомных?

Я бросаю рубашку вместе с вешалкой на кровать и поворачиваюсь к двери.

Хардин резко проводит по волосам.

– Черт возьми, Тесс, я извиняюсь. Я просто не в себе от того, что не могу даже трахнуть тебя по-человечески, потому что твой папа спит на нашем диване.

Его грубые слова возбуждают меня, но он прав: присутствие отца в соседней комнате – серьезное препятствие. Я подхожу к Хардину поближе и осторожно отвожу его длинные пальцы от верхней пуговицы рубашки, с которой он не может справиться.

– Разрешите мне, – предлагаю я.

Взгляд смягчается, но я вижу, что Хардин начинает волноваться. Терпеть не могу видеть его таким, это так необычно. Он всегда так спокоен и ни о чем не беспокоится, разве что обо мне, и даже в этом случае умеет скрывать свои чувства.

– Все будет хорошо, малыш. Все пройдет удачно.

– Малыш? – Он резко усмехается, и я вспыхиваю.

– Да... малыш. – Я поправляю ему воротник, и он наклоняется, чтобы

поцеловать меня в кончик носа.

– Ты права; на худой конец, уедем в Англию.

Не обращаю внимания на комментарий, возвращаясь к шкафу, чтобы выбрать себе одежду.

– Как думаешь, мне разрешат тебя сопровождать? – спрашиваю я, раздумывая, что бы надеть.

– Ты этого хочешь?

– Если разрешат.

Я хватаю новое фиолетовое платье, которое хотела надеть завтра на работу. Натягиваю его так быстро, как это возможно. Я выбираю к нему черные туфли на каблуках и выхожу, одергивая платье спереди.

– Ты не мог бы мне помочь? – прошу я Хардина, поворачиваясь к нему спиной.

– Ты нарочно меня мучаешь. – Его пальцы скользят по моим голым плечам и вниз по спине, отчего по коже бегут мурашки.

– Извини. – В горле пересохло.

Он медленно застегивает молнию и прижимается губами к моему затылку. Я дрожу.

– Нам нужно поторопиться, – говорю я, и он стонет, сжимая пальцами мои бедра.

– По дороге я собираюсь позвонить отцу. Нам надо подбросить... твоего отца куда-нибудь?

– Я его сейчас спрошу. Тыхватишь мою сумку? – спрашиваю я, и он кивает.

– Тесс? – окликает он меня, когда я берусь за дверную ручку. – Мне нравится, как ты одета. И ты. То есть я люблю тебя, конечно... и твое новое платье, – путается он. – Я люблю тебя и твою модную одежду.

Я делаю реверанс и поворачиваюсь вокруг себя, чтобы он меня рассмотрел. Я, конечно, ненавижу, когда Хардин нервничает, но иногда это даже привлекательно, потому что напоминает мне, что, в конце концов, он не так уж жесток.

Отец дремлет на диване в гостиной. Не знаю, стоит ли мне разбудить его или оставить отдохнуть, пока мы не вернемся из кампуса.

– Пусть спит, – отвечает на мои мысли подошедший Хардин.

Быстро набрасываю записку: объясняю, когда мы вернемся, и даю наши телефонные номера. Сомневаюсь, что у отца есть мобильный телефон, но на всякий случай я решаю их оставить.

Дорога до кампуса недолгая, слишком недолгая, и Хардин выглядит так, будто готов наорать на кого-нибудь или ударить. Когда мы прибываем

на место, он оглядывает стоянку в поисках автомобиля Кена.

– Он сказал, что мы встретимся здесь, – говорит Хардин, пятый раз за пять минут проверяя экран мобильного.

– Вот он, – указываю я на серебристо-серый автомобиль, заезжающий на стоянку.

– Наконец-то! Какого хрена он так долго?

– Будь с ним вежлив, он делает это для тебя. Пожалуйста, просто будь помягче, – прошу я. Хардин расстроенно вздыхает, но соглашается.

К удивлению Хардина, Кен привез с собой жену Карен и сводного брата Хардина, Лэндона, которому я приветливо улыбаюсь. Я люблю их за то, что они поддерживают Хардина, даже когда он ведет себя так, словно не нуждается в их поддержке.

– Тебе что, нечем заняться? – говорит Хардин Лэндону, когда они приветствуют нас.

– А тебе? – отвечает Лэндон, заставляя Хардина усмехнуться.

Слушая их пререкания, Карен радостно улыбается, что резко контрастирует с выражением ее лица, с которым она выходила из машины.

Когда мы подходим к административному зданию, Кен говорит:

– Надеюсь, это будет недолго. Я попросил всех, кого мог, написать на тебя отзывы и молюсь, чтобы все прошло удачно. – Остановившись на минуту, он поворачивается к Хардину. – Позволь мне там говорить – это необходимо. – Он смотрит на сына, ожидая его согласия.

– Ладно, хорошо, – легко соглашается Хардин.

Кен кивает и рывком открывает большие деревянные двери, впуская нас внутрь. Оглянувшись через плечо, авторитетно произносит:

– Тесса, извини, но ты не можешь зайти с нами. Я не хочу тебя огорчать, но тебе придется подождать нас снаружи. – Он поворачивается ко мне, улыбаясь как можно более дружески.

Хардин автоматически переходит в режим полной паники.

– Что значит «она не может войти внутрь»? Она нужна мне там!

– Я понимаю. Мне очень жаль, но присутствовать могут только члены семьи, – отвечает отец, ведя нас по коридору. – Если она не является свидетелем, то даже тогда будет большой конфликт интересов сторон.

Кен останавливается перед конференц-залом и заявляет:

– А я не могу допустить заинтересованности наблюдателей и необъективности, пока я ректор. Но ты мой сын, и давай нарушение будет только в этом, ладно?

Я обращаюсь к Хардину:

– Он прав, так будет лучше. Все нормально, – уверяю я.

Он отпускает мою руку и кивает, бросая на отца взгляды, полные яда.

Кен вздыхает и говорит:

– Хардин, пожалуйста, постарайся произвести самое...

Хардин поднимает руку.

– Хорошо, хорошо, – говорит он и целует меня в лоб.

Все четверо заходят в комнату. Я было хочу попросить Лэндона подождать со мной, но понимаю, что он нужнее Хардину, признает тот это или нет. Я чувствую себя совершенно бесполезной здесь, вне комнаты, где несколько мрачных мужчин в костюмах будут решать, станет ли Хардин учиться дальше. Но, может, есть один способ, которым я могу помочь...

Я достаю телефон и пишу Зеду.

«Я в административном корпусе, можешь приехать сюда?»

Я смотрю на экран, ожидая ответа, и экран вспыхивает меньше чем через минуту.

«Да, я еду».

«Я буду снаружи», – отправляю я эсэмэску.

Бросив последний взгляд на дверь, выхожу из здания. Холодно, слишком холодно, чтобы ждать тут, в коротком платье до колен, но у меня нет выбора.

Через некоторое время, когда я уже решаю вернуться внутрь, на стоянку въезжает старый джип Зеда. Он выходит, одетый в черную толстовку и темные джинсы. Ужасаюсь глубоким кровоподтекам на его лице, несмотря на то что видела их только вчера. Он прячет руки в карманы.

– Привет.

– Привет. Спасибо, что встретился со мной.

– Это была моя идея, помнишь? – улыбается он, и я чувствую себя немного менее нерешительной.

Я улыбаюсь в ответ.

– Думаю, ты прав.

– Я хочу поговорить с тобой о том, что ты сказала в больнице, – говорит он, и это именно то, о чем я планировала поговорить.

– Я тоже.

– Тогда начинай первая.

– Стеф сказала, что ты говорил Тристану, что ты выдвинешь обвинения против Хардина. – Я стараюсь не смотреть на его синяк и заплывшие глаза.

– Да, это так.

– Но мне ты сказал, что не будешь выдвигать обвинения. Почему ты

соврал? – Я уверена, что он слышит, как дрожит мой голос.

– Я не соврал, я действительно так думал, когда это сказал.

Я делаю шаг к нему.

– Значит, ты передумал?

Он пожимает плечами:

– Все очень непросто. Я думал обо всем том дерьме, что он натворил по отношению ко мне и к тебе. Он не заслуживает того, чтобы просто так отделаться. – Зед показывает на свое лицо. – Господи, да ты посмотри на меня!

Я не знаю, что я могу ответить Зеду. Он имеет право быть обиженным на Хардина, но я хочу, чтобы он не предпринимал против него юридические действия.

– У него уже проблемы с университетом, – говорю я, надеясь, что он изменит решение.

– Ну, он не пропадет; Стеф рассказала мне, что его папаша ректор, – издевается он.

Черт возьми, Стеф, зачем ты ему это рассказала? Я согласно киваю.

– Это не значит, что у него не будет проблем.

Но мои слова только раздражают его.

– Тесса, почему ты всегда кидаешься его защищать? Независимо от того, что он делает, ты всегда борешься на его стороне!

– Это неправда, – вру я.

– Нет, это правда! – Он недоверчиво машет рукой. – Ты знаешь, что так и есть! Ты говорила, что ты думаешь о том, чтобы уйти от него, но день спустя я видел тебя с ним в тату-салоне. Это бессмысленно.

– Я знаю, ты не понимаешь, но я люблю его.

– Если ты его так сильно любишь, почему убегаешь от него в Сиэтл?

Меня как громом поражает. На секунду теряюсь, но затем отвечаю:

– Я не убегаю. Я собираюсь переехать, потому что там больше возможностей.

– Он за тобой не поедет. Так говорят в нашей компании, ты в курсе?

Что?

– Он собирался, – вру я.

Но я точно могу сказать, что Зед видит его насквозь.

Он задумчиво смотрит в сторону, затем переводит взгляд на меня.

– Если ты скажешь, что не испытываешь ко мне никаких чувств, вообще никаких, я сниму обвинения.

В этот момент мне начинает казаться, что ветер усилился и воздух стал еще холоднее.

– Что?

– Ты слышала. Скажи мне, чтобы я оставил тебя в покое и никогда больше не заговаривал, и я это сделаю.

Его просьба напоминает то, что говорил Хардин когда-то очень давно.

– Но я этого не хочу; я не хочу больше никогда не говорить с тобой, – признаюсь я.

– Так чего же ты хочешь? – спрашивает он, и в голосе его звучит печаль и гнев. – Мне кажется, ты так же запуталась, как и я! Ты пишешь мне эсэмэски и встречаешься со мной; ты целуешь меня, спишь со мной в одной постели; ты приходишь ко мне, когда он причиняет тебе боль! Чего ты от меня хочешь?

Я думала, что уже прояснила все свои намерения в больнице.

– Я не знаю, чего я хочу от тебя, но я люблю его, и этого не изменить. Мне жаль, что я давала тебе неясные намеки, но я...

– Объясни, почему ты собираешься на неделю в Сиэтл и не говоришь ему об этом! – кричит он, размахивая руками.

– Я не знаю... Я собиралась сказать ему, когда подвернется возможность.

– Ты не говоришь ему, потому что знаешь, что он тебя бросит, – резко говорит Зед, глядя мимо меня.

– Ох... ладно... – Я не знаю, что ответить, потому что действительно боюсь, что Зед окажется прав.

– Знаешь, что я думаю, Тесса? Вскоре ты можешь меня поблагодарить.

– За что?

Я смотрю, как его губы растягиваются в злобной ухмылке. Зед вытягивает руку, указывая на что-то позади меня, и я вздрагиваю.

– За то, что сказал это за тебя.

Я знаю, что, когда обернусь, там будет стоять Хардин. Клянусь, я слышу его прерывистое дыхание сквозь холодный зимний ветер.

Глава 5

Хардин

Когда я выхожу на улицу, вокруг свищет ветер и доносит до меня голос, который я совсем не ожидаю услышать. Я в жизни слышал много плохого о себе от чужих людей и должен бы научиться оставаться спокойным. И все, что я хотел бы слышать, был голос моей девушки, моего ангела.

И я слышал ее голос. Но слышал и его. Я поворачиваюсь, и действительно, это он. Они оба там. Тесса и Зед.

Первая моя мысль: какого хрена они здесь? Какого хрена Тесса с ним разговаривает? Какую часть фразы «Держись, блин, от него подальше» она не поняла?

Когда этот ублюдок повысил на нее голос, я стал приближаться к ним: никто не смеет так с ней разговаривать. Но когда он упомянул Сиэтл... я остановился. Тесса собирается поехать в Сиэтл?

И даже Зед знал об этом, но не я?

Это невозможно, этого просто не может быть, она никогда никуда не планирует ехать, не сказав мне...

Безумные глаза Зеда и ухмылка этого говноеда нарочно дразнят меня, когда я пытаюсь собрать свои разбегающиеся мысли. Тесса поворачивается ко мне, все ее движения удивительно медленные. Распахнутые серо-голубые глаза изумленно встречают мой взгляд.

– Хардин... – Я вижу, как она произносит слова, но голос ее так тих, что звук относится ветром.

Не зная, что сказать, я стою на месте, хватая ртом воздух несчетное число раз, пока с губ моих не срываются слова:

– Значит, такой у тебя был план?

Она отбрасывает волосы с лица, поджимает губы и непрерывно потирает руки, сложив их на груди.

– Нет! Это не так, Хардин, я...

– Вы оба – гребаные махинаторы, так? Ты... – Я указываю на этого ублюдка. – Ты строишь интриги и планы за моей спиной и подкатываешь к моей девушке, как только я отвернусь, снова и снова, мать твою. Что бы я ни делал, сколько бы ни разбивал твою проклятую рожу, ты опять ползешь

обратно, как гребаный таракан.

К моему удивлению, он еще пытается что-то вякнуть:

– Она...

– А ты... – обращаюсь я к девочке-блондинке, чей острый черный каблук подмял под себя весь мой мир. – Ты, ты продолжаешь играть со мной, будто ты моя, а на самом деле планируешь оставить меня! Ты знаешь, что я не поеду в Сиэтл, и ты планируешь свалить туда – даже не сказав мне!

Ее глаза стекленеют, она произносит умоляющим голосом:

– Именно поэтому я и не сказала тебе, Хардин, ты же...

– Хватит этой чертовой болтовни! – говорю я, и она прижимает руки к груди, будто мои слова ее ранят. Может быть, так и есть. Может быть, я даже хочу, чтобы она почувствовала то, что чувствую я. Как она могла так унижить меня – перед Зедом, перед всеми? – Почему он здесь? – спрашиваю я.

Он без причины самодовольно усмехается, когда Тесса оглядывается на него, а затем снова смотрит на меня.

– Я попросила его встретиться со мной.

Я отшатываюсь в притворном изумлении. Или, может, для меня это действительно сюрприз – не могу сказать, что это за чувство, все происходит слишком быстро.

– Ну, приехали! У вас тут важная встреча.

– Я только хотела поговорить с ним об обвинении. Я пытаюсь помочь тебе, Хардин. Пожалуйста, выслушай меня.

Она подходит ко мне, снова отбрасывая волосы с лица.

Я качаю головой:

– Ерунда! Я все слышал, весь ваш разговор. Если ты его не хочешь, скажи это ему прямо сейчас, на моих глазах.

Ее влажные глаза молча умоляют меня отказаться, не заставляя ее унижаться при мне, но я непоколебим.

– Говори, или между нами все кончено.

Слова жгут мне язык, словно кислота.

– Я не хочу тебя, Зед, – говорит она при мне.

В ее голосе чувствуется истерика, я знаю, что это причиняет ей боль.

– Совсем? – спрашиваю я, копируя усмешку Зеда.

– Совсем. – Она морщится, и он проводит рукой по волосам.

– Ты никогда не хочешь его больше видеть, – диктую я. – Повернись и скажи ему это.

Но тут начинает Зед:

– Хардин, прекрати. Оставь ее в покое. Я получил сообщение. Тебе приходится играть в его идиотские игры, Тесса. Я понимаю, – говорит он. Он жалок, как обиженный ребенок.

– Тесса... – начинаю я, но она смотрит на меня – и от того, что я вижу в ее глазах, ноги становятся ватными. Отвращение – ее взгляд полон отвращения ко мне.

Она делает шаг навстречу.

– Нет, Хардин, я не буду этого говорить. Не потому, что я хочу быть с ним, а потому, что мне не хочется этого говорить. Я люблю одного тебя, но ты делаешь это только для того, чтобы настоять на своем. Это отвратительно, это жестоко, и я не буду помогать тебе.

Она закусывает губу, чтобы не расплакаться.

Что, черт возьми, я творю?

В ярости она бросает мне:

– Я еду домой; когда захочешь поговорить о Сиэтле, я буду там.

Она поворачивается, собираясь уйти.

– Без меня тебе не попасть домой! – кричу я.

Зед протягивает ей руку.

– Я подвезу ее.

Внутри меня что-то переворачивается.

– Если бы я и так не был из-за тебя в полном дерьме, то прикончил бы тебя прямо сейчас. Не просто переломал бы тебе кости, а буквально раскроил бы твой череп об асфальт и смотрел бы, как ты истекаешь кровью...

– Прекрати! – кричит Тесса, отворачиваясь и затыкая уши.

– Тесса, если хочешь... – тихо говорит Зед.

– Зед, я ценю все, что ты сделал, но тебе действительно нужно сейчас остановиться.

Она пытается казаться суровой, но с треском проваливается. Последний раз, тяжело вздохнув, она поворачивается на каблуках и уходит.

Я спешу к машине, и как только оказываюсь возле нее, отец и Лэндон – тут как тут, черт возьми. Я слышу, как позади меня стучат каблуки Тессы.

– Мы уезжаем, – говорю я прежде, чем они успевают открыть рот.

– Я тебе скоро позвоню, – сообщает она Лэндону.

– Насчет среды все в силе, правда? – спрашивает он.

Она улыбается ему фальшивой улыбкой, скрывая панику.

– Да, конечно.

Лэндон глядит на меня, видимо, почувствовав напряжение между нами.

– Я тебе позвоню, – повторяет она и прощается с моим отцом.

Пока она застегивает ремень безопасности, я врубаю музыку.

– Начинай, – говорит она без единой эмоции в голосе.

– Что?

– Давай начинай на меня орать. Я знаю, ты собираешься это сделать.

Я ошеломленно молчу от ее пронизательности. Конечно, я планировал орать на нее, но то, что она этого ждет, застает меня врасплох.

Разумеется, она этого ждет, так происходит постоянно. Именно так я и поступаю...

– Ну так что? – Ее губы сжимаются в тонкую линию.

– Я не собираюсь на тебя орать.

Мгновение она смотрит на меня, потом отворачивается к окну.

– Я не знаю, что делать, кроме как орать... в этом-то и проблема. – Я устало вздыхаю, опираясь лбом на рулевое колесо.

– Я не собиралась делать это тайком, Хардин, это случайность.

– Да уж, блин, похоже на то.

– Я бы так никогда с тобой не поступила. Я люблю тебя. Ты поймешь это, когда все закончится.

Ее слова сразу бьют по мне, и я завожусь.

– Я так понял, что ты уедешь скоро. Я даже не знаю когда – и мы вместе живем, Тесса. Мы с тобой делим одну гребаную кровать – и ты собираешься просто взять и от меня уйти? Я всегда знал, что ты можешь так поступить.

Я слышу щелчок ремня безопасности, потом чувствую, как ее рука откидывает меня за плечи. Через несколько секунд она – у меня на коленях, голые бедра обвивают меня, холодные руки обнимают за шею, лицо, мокрое от слез, утыкается в грудь.

– Отстань от меня, – говорю я, пытаюсь расцепить ее руки.

– Почему ты всегда думаешь, что я собираюсь тебя бросить? – Она прижимается ко мне крепче.

– Потому что так и есть.

– Я собираюсь в Сиэтл не для того, чтобы бросить тебя, это важно для меня и моей карьеры. Я всегда мечтала туда попасть, это невероятные возможности. Я спрашивала у мистера Вэнса, когда мы выясняли, чем собираемся там заниматься, и я столько раз хотела рассказать тебе, но ты либо перебивал меня, либо не хотел говорить серьезно.

Перед глазами стоит только одна картина: она пакует вещи и уходит от меня, не оставив даже записки на столе.

– Не надо обвинять меня. – Мой голос звучит не так убедительно, как

бы я хотел.

– Я тебя не обвиняю, но я знаю, что ты бы меня не поддержал; а для меня это очень важно.

– Что ты собираешься делать? Если ты уедешь, я не смогу быть с тобой. Я люблю тебя, Тесса, но перебираться в Сиэтл не собираюсь.

– Почему? Ты даже не знаешь, нравится он тебе или нет. Мы могли бы хотя бы попробовать, а если ты не сможешь его терпеть, мы могли бы уехать в Англию... наверное, – говорит она, садясь рядом.

– Ты тоже не знаешь, понравится ли тебе там. – Я смотрю на нее пустым взглядом. – Извини, но тебе придется выбирать: или я, или Сиэтл.

Она глядит на меня, потом молча возвращается в пассажирское кресло.

– Ты не должна решать прямо сейчас, но время идет.

Я разворачиваю машину и выезжаю с парковки.

– Невероятно, ты ставишь меня перед таким выбором. – Она на меня не смотрит.

– Ты знала, как я отношусь к Сиэтлу. Тебе повезло, что я сдержался там, пока ты с ним разговаривала.

– Мне повезло? – с издевкой переспрашивает она.

– Сегодня и так паршивый день; давай больше не будем ссориться. Мне нужно твое решение в пятницу. Если, конечно, к тому времени ты не уедешь.

Эта мысль заставляет меня замереть. Я знаю, что она выберет меня, она должна. Мы можем уехать в Англию и избежать всего этого. Она ни слова не сказала о пропущенных сегодня занятиях, и я рад, что не придется ругаться еще и по этому поводу.

– Ты становишься таким эгоистом, – бросает она мне.

Я не спорю, потому что знаю, что она права.

– Ну, можно сказать, что не менее эгоистично не рассказывать кому-то, когда планируешь его покинуть. Где ты собираешься жить? У тебя уже есть квартира?

– Нет, но завтра посмотрю одну. Среду мы оставим на поездку к семье. – До меня не сразу доходит, что она имеет в виду.

– Мы?

– Ты сказал, что пойдешь...

– Я еще не оправился от новости с гребаным Сиэтлом, Тесса. – Я знаю, что веду себя, как последний урод, но ничего не могу поделать. – И не будем забывать, что ты звонила Зеду, – добавляю я.

Пока я веду машину, Тесса молчит. Я вынужден несколько раз взглянуть на нее, чтобы убедиться, что она не заснула.

– Ты со мной не разговариваешь? – наконец спрашиваю я, когда мы приближаемся к парковке возле нашей... моей квартиры.

– Я не знаю, что сказать, – отвечает она тихим, усталым голосом.

Я останавливаюсь и тут же вспоминаю. Черт.

– Твой папа все еще тут, так ведь?

– Не знаю, может, куда-нибудь ушел, – говорит она, не глядя на меня.

Мы выходим из машины, и я говорю:

– Ладно, когда мы поднимемся, я спрошу, куда его отвезти.

– Нет, я его подвезу, – бормочет она.

Несмотря на то что моя девушка идет рядом, ощущение, что она сейчас – в миле от меня.

Глава 6

Тесса

Я слишком раздосадована на Хардина, чтобы спорить, а он слишком зол, чтобы разговаривать без крика. На самом деле он воспринял новость лучше, чем я ожидала, но как он мог заставить меня выбирать? Он знает, что Сиэтл для меня важен, и я не понимаю, из чего он делает такую проблему – это ранит меня больше всего. Он всегда говорил, что он не может находиться далеко от меня, что не может без меня жить, но при этом ставит передо мной ультиматум, и это несправедливо.

– Если он стащил что-нибудь из нашего барахла... – начинает Хардин, когда мы приближаемся к квартире.

– Достаточно. – Надеюсь, что в моем тихом ответе он услышит усталость и не будет продолжать.

– Я просто говорю.

Вставляю ключ в замок и поворачиваю его, быстро оценивая сказанное. Я ведь и правда не знаю этого человека.

Вся паранойя рассеивается, когда мы заходим. Отец откинулся на подлокотник дивана, и из его приоткрытого рта вырывается громкий храп. Без лишних слов Хардин отправляется в спальню, а я захожу на кухню выпить воды и подумать о том, что делать дальше. Меньше всего мне хочется сейчас ссориться с Хардином, но то, что он думает только о себе, меня обижает. Я понимаю, он сильно изменился, упорно работает над собой, но я дала ему шанс после всего, что было, после бесконечных циклов расставаний и примирений, от которых бы передернуло даже Кэтрин Эрншо. Не знаю, как долго я смогу держаться на плаву и бороться с накатывающими волнами, которые мы называем нашими отношениями. Каждый раз, когда мне начинает казаться, что я твердо держусь, очередной конфликт с Хардином затягивает меня под воду.

Через несколько минут встаю и смотрю на отца: он так громко храпит, что я сочла бы это забавным, если бы не была так погружена в собственные дела. Решаю действовать по ситуации и иду в спальню.

Хардин лежит на спине, положив руки за голову и глядя в потолок. Я уже открываю рот, но он начинает первый:

– Меня отчислили. Если тебе это интересно...

Сердце замирает. Я резко поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Да. Естественно, чего еще было ждать. – Он пожимает плечами.

– Мне очень жаль. Я должна была раньше тебя спросить.

Я была уверена, что Кен сможет вытащить сына из этой передряги. Я совершенно растеряна.

– Все нормально. Ты же все равно поглощена Зедом и планами о Сиэтле, забыла?

Я сажусь на край кровати, подальше от него, изо всех сил стараясь сдержаться и ничего не говорить. На это требуется большое усилие.

– Я пыталась узнать, будет ли он выдвигать обвинения против тебя. Я знаю, что ты расстроен, но не надо относиться ко мне так неуважительно.

Стараюсь говорить медленнее, надеюсь, что он воспримет сказанное.

На мгновение он теряется, но быстро приходит в себя.

– Прости?

Я стараюсь держаться как можно более нейтрально, точнее, пытаюсь создать такое впечатление.

– Ты слышал, что я сказала: перестань так со мной разговаривать.

– Извини, меня выгнали с учебы, потом я узнал, что ты собираешься в Сиэтл. Я бы сказал, что имею право немного рассердиться.

– Да, но ты не имеешь права быть дураком. Я надеялась, что мы можем поговорить об этом и решить все, как взрослые люди... на этот раз.

– Что это значит? – Он садится, но я продолжаю держать дистанцию.

– Это значит, что после полугода наших сумбурных отношений мы можем решить все без ухода кого-то из нас и без битья посуды.

– Полугода? – Он изумленно открывает рот.

– Да, полугода, – стараюсь не смотреть ему в глаза. – С момента нашей встречи.

– Я и не думал, что это было так давно.

– Тем не менее. – А для меня это словно целая жизнь.

– Это не такой уж долгий срок...

– Разве для тебя это проблема? То, что мы слишком долго вместе? – Я наконец ловлю взгляд его зеленых глаз.

– Нет, просто это странно. Я никогда ни с кем не находился в таких долгих отношениях.

– Ну, мы не были все это время в отношениях. Большую часть времени мы провели в ссорах и избегая друг друга, – напоминаю я.

– Как долго ты встречалась с Ноем?

Удивительный вопрос! Мы несколько раз обсуждали мои отношения с

Ноем, и обычно эти разговоры длились не более пяти минут, преждевременно завершаясь из-за ревности Хардина.

– Мы были лучшими друзьями. Насколько я помню, познакомились в школе. Кажется, мы и до этого знали друг друга, только не особо общались.

Я внимательно смотрю Хардину в глаза и жду его реакции.

Воспоминание о Ное заставляет осознать, как я соскучилась по нему – не как по бывшему парню, а как по члену семьи, с которым находишься в долгой разлуке.

– А. – Хардин кладет руки на колени, и мне хочется наклониться и сжать их своими руками. – Вы с ним ссорились?

– Иногда. Но наши ссоры были из-за чего-то вроде того, какой фильм посмотреть, или если он опаздывал, когда надо было меня забрать.

Он смотрит на свои ладони.

– Значит, не так, как мы?

– Не думаю, что люди ссорятся так же часто, как мы. – Я улыбаюсь, пытаюсь его успокоить.

– Чем вы еще занимались? Я имею в виду, с ним, – спрашивает он, и я готова поклясться, что на месте Хардина сейчас сидит большой зеленоглазый ребенок, глаза которого сверкают, а руки почти дрожат от переполняющих его чувств.

Я нежно пожимаю плечами.

– На самом деле ничем таким особенным – в основном мы вместе делали уроки или смотрели кино. Со стороны мы больше были похожи на лучших друзей.

– Ты его любила, – напоминает мне ребенок напротив.

– Не так, как тебя, – говорю я ему так же, как и тысячу раз до этого.

– А ты бы отказалась от Сиэтла ради него?

Он разглядывает грязь под ногтями. Когда он снова смотрит на меня, в его взгляде сквозит неуверенность. Вот, значит, почему мы говорим о Ное: заниженная самооценка Хардина снова заставляет его сравнивать себя с тем, кто, по его мнению, лучше мне подходит.

– Нет.

– Почему нет?

Я тянусь к его руке, чтобы унять детское беспокойство.

– Потому что я вообще не должна выбирать, а он всегда знал о моих мечтах и планах, и мне не было необходимости делать выбор.

– У меня в Сиэтле ничего нет, – вздыхает он.

– Я... у тебя там есть я.

– Этого недостаточно.

Ох... Я отворачиваюсь от него.

– Я знаю, что это хреново звучит, но так и есть. У меня там ничего нет, а у тебя будет новая работа и появятся новые друзья...

– Ты можешь тоже найти новую работу. Кристиан сказал, что даст тебе новую работу, и мы могли бы вместе завести новых друзей.

– Я не хочу на него работать, а люди, которых я выбираю в друзья, и те, кого выбираешь ты, скорее всего, не совпадают. У нас слишком разные критерии.

– Ты не можешь этого знать. Я дружу со Стеф.

– Только потому, что вы были соседками по общежитию. Я не хочу туда переезжать, Тесса, особенно теперь, когда я отчислен. Больше смысла было бы в том, чтобы уехать в Англию и попробовать доучиться там.

– Ты не должен думать только о том, что имеет смысл для одного тебя.

– Учитывая, что ты за моей спиной снова встречалась с Зедом, ты не совсем в том положении, чтобы в чем-то меня обвинять.

– Правда? Потому что ты и я даже не договорились еще, что мы снова вместе. Я согласилась вернуться, ты согласился относиться ко мне лучше. – Я вскакиваю и принимаюсь ходить по комнате взад-вперед. – Ты без моего ведома избил его, в результате тебя отчислили, так что если кто-то и есть не в лучшем положении для обвинений, то это ты.

– Ты скрывала от меня свои планы! – Он повышает голос. – Ты планировала уйти от меня, не говоря ни слова!

– Я знаю! Я прошу за это прощения, но вместо того, чтобы спорить, кто больше виноват, почему бы нам не попытаться все исправить и не прийти к компромиссу?

– Ты... – Он замолкает, вставая с постели. – Ты не...

– Что? – спрашиваю я.

– Не знаю, я даже не могу думать, настолько на тебя зол.

– Мне очень жаль, что так все случилось, но я не знаю, что тебе еще сказать.

– Скажи, что ты не уедешь.

– Я не буду решать это прямо сейчас, я не должна.

– А когда? Я не буду ждать вечно...

– Что ты собираешься сделать, если я решу уехать? Что случилось с твоим «с этого дня я никогда не расстанусь с тобой»?

– Что? Ты еще будешь меня воспитывать? Тебе не кажется, что идеальным временем для того, чтобы свалить в Сиэтл, было бы до того, как я сделал эту гребаную татуировку? А у тебя неплохое чувство юмора. – Он подходит ко мне вплотную, вызываясь глядя на меня.

– Я собиралась!

– Но ты этого не сделала.

– Сколько еще раз ты собираешься мне об этом напомнить? Мы можем пережевывать это весь день, но у меня уже нет сил. С меня хватит, – говорю я.

– Хватит? С тебя хватит? – усмехается он.

– Да, с меня хватит. – Это правда, я больше не могу скандалить с ним о Сиэтле.

Он хватает из шкафа черную толстовку, натягивает ее через голову и зашнуровывает ботинки.

– Куда ты? – спрашиваю я.

– Подальше отсюда, – фыркает он.

– Хардин, ты не должен уходить! – кричу я, но он хлопает дверью, не обращая на меня внимания.

Если бы отец не сидел в гостиной, я побежала бы следом и заставила Хардина остаться.

Но, честно говоря, я устала за ним гоняться.

Глава 7

Хардин

Отец Тессы не спит, сидит на диване, скрестив руки и тупо уставившись в окно.

– Подвезти куда-нибудь? – спрашиваю я.

Эта идея меня совершенно не вдохновляет, но оставлять его наедине с ней совсем уж отвратительно.

Он резко оборачивается ко мне, словно от неожиданности.

– Хм, было бы неплохо. Это тебя не затруднит?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Хорошо, я только хочу попрощаться с Тесси. – Он глядит на дверь спальни.

– Ладно. Я буду в машине.

Иду к выходу, без понятия, куда везти этого старого дурака, но понимаю, что для нас обоих будет хуже, если я сейчас останусь. Я ужасно зол на себя. Я знаю, что она ни в чем не виновата, а я привык нападать на людей, а поскольку она всегда рядом, то легко становится мишенью моего гнева. Я понимаю, что действую, как жалкий ублюдок. В ожидании Ричарда упираюсь взглядом в двери нашего дома. Если он прямо сейчас не выйдет, оставлю его задницу здесь. Но я тут же вздыхаю, понимая, что не хочу оставлять его вместе с ней. Наконец ее отец выходит, на ходу застегивая рукава рубашки. Я ожидал увидеть его в моей одежде, которую дала ему Тесса, но на нем его вчерашнее, только теперь все вещи чистые. Да уж, Тесса, это чертовски приятно.

Он открывает дверцу, и я врубаю радио, надеясь, что музыка не даст поддерживать разговор, если он станет навязываться с беседой.

Облом.

– Она просила передать, чтобы ты был осторожнее, – первым делом говорит он, указывая мне на ремень безопасности. Как стюардесса перед взлетом.

Я слегка киваю и выезжаю на дорогу.

– Как твоя сегодняшняя встреча? – спрашивает он.

– А что? – невежливо отвечаю я.

– Просто интересно. – Он барабанит пальцами по ноге. – Я рад, что

она пошла с тобой.

– Ага.

– Она, кажется, очень похожа на мать.

Я поворачиваю голову.

– Ни черта. В ней нет ничего похожего на эту женщину. – Он что, хочет, чтобы я высадил его посреди шоссе?

Он смеется.

– Я имею в виду хорошие качества, конечно. Она очень упряма, как Кэрол. Та добивается того, чего хочет, но Тесси гораздо мягче, нежнее.

Опять это идиотское прозвище!

– Я слышал, как вы ругались. Это меня разбудило.

Я закатываю глаза.

– Прости, что разбудили тебя среди бела дня, когда ты спал на нашем диване.

Он снова усмехается.

– Понимаю, чувак. Ты зол на весь мир. Я тоже таким был. Черт, да я таким и остался. Но когда ты находишь человека, который готов мириться с твоими тараканами, не стоит больше так сердать.

Ну, старый хрен, а что мне прикажешь делать, если именно твоя дочь так меня бесит?

– Слушай, я вполне допускаю, что ты не так плох, как я думал, но я твоего совета не спрашивал, так что не трать время на то, чтобы мне их давать.

– Я не даю совет, я делюсь опытом. Не хотелось бы, чтобы вы в конце концов разбежались.

Мы не разбежимся, придурок. Я всего лишь пытаюсь настоять на своем. Я хочу быть с ней, и я буду; просто нужно убедить ее быть со мной. Меня, блин, совсем не радует, что она снова впутывает во все это Зеда, что бы она там ни объясняла.

Вырубаю это чертово радио.

– Ты меня даже не знаешь – и ее не знаешь, а рассуждаешь об этом. Почему тебе не все равно?

– Потому что я вижу, что ты ей подходишь.

– Правда? – замечаю я самым саркастическим тоном из возможных. К счастью, мы уже подъезжаем к его району, так что этот ужасный разговор скоро закончится.

– Да.

Меня поражает (в этом я, конечно, никогда никому не признаюсь), что когда кто-то говорит, что ты подходишь своей девушке, это довольно

приятно, даже если это ее пьяный папаша-придурок. Я чувствую.

– Ты собираешься с ней снова встречаться? – спрашиваю я, затем быстро добавляю: – И куда именно тебя отвезти?

– Просто высади меня у магазина, где мы вчера встретились; вроде там. И да, я надеюсь снова ее увидеть. Я причинил ей много боли, и это нужно компенсировать.

– Это точно, – соглашаюсь я.

Стоянка рядом с тату-салонem пуста, и это вполне объяснимо – нет еще и часа дня.

– Ты мог бы подвезти меня до конца улицы? – просит он.

Я киваю и проезжаю мимо салона. Единственное, что есть в конце этой улицы, – это бар и старая прачечная.

– Спасибо, что подвез.

– Ага.

– Не желаешь зайти? – спрашивает Ричард, кивая на маленький бар.

Опрокинуть по рюмке с бездомным, спившимся отцом Тессы – это совсем не самое разумное из того, что мне следует делать. Однако я не отличаюсь способностью правильно принимать решения.

– А, к черту! – бормочу я, глушу машину и захожу следом. Все равно не знаю, куда мне сейчас податься.

В темном баре пахнет сыростью и виски. Подхожу к маленькой стойке и хватаю стул, оставляя между собой и Ричардом свободное место. К нам подходит тетка средних лет, одетая в то, что, я уверен, больше подошло бы ее дочери-подростку. Молча протягивает отцу Тессы стакан с виски и льдом.

– Что для вас? – спрашивает она голосом, еще более хриплым и низким, чем мой.

– То же, что ему.

Предупреждающий голос Тессы, как колокол в ушах, уговаривает меня не делать этого. Но я отмахиваюсь.

Я поднимаю стакан, мы чокаемся и выпиваем.

– На какие деньги ты пьешь, ведь ты не работаешь? – спрашиваю я его.

– Я тут каждый день убираю и пью бесплатно, – смущенно объясняет он.

– Почему бы тебе не пить и не зарабатывать деньги?

– Не знаю; я пытался, не раз. – Он смотрит на стакан, полуприкрыв веки, и на секунду становится похож на меня. Я вижу в нем тень себя. – Надеюсь, теперь, когда я буду видеться с дочерью чаще, у меня получится.

Я киваю, даже не пытаюсь ответить, снова сжимаю стакан. Чувствую знакомое обжигающее тепло от виски, когда запрокидываю голову, допивая остатки. Когда я опускаю стакан на гладкую поверхность стойки, женщина ловит мой взгляд и наливает мне следующий.

Глава 8

Тесса

– Твой папа? – недоверчиво переспрашивает голос Лэндона в трубке.

Я забыла, что так и не смогла рассказать ему о встрече с отцом.

– Да, вчера мы случайно встретились...

– Как он? Что он сказал? Как это произошло?

– Он...

Не знаю почему, но чувствую, что мне стыдно рассказывать Лэндону, что мой отец продолжает пить. Я знаю, что он никогда никого не осуждает, но все же не решаюсь.

– Он все еще...

– Да. Он был пьян, когда мы встретили его, но привели его к нам домой и оставили ночевать. – Я накручиваю прядь на указательный палец.

– Хардин согласился?

– В данном случае у него нет права голоса. Это и мой дом, – резко отвечаю я, но тут же спохватываюсь. – Извини, пожалуйста, мне просто нужно, чтобы Хардин контролировал все вокруг.

– Тесса, хочешь, я уйду с занятий и приеду?

Лэндон такой добрый; это можно понять по его голосу.

– Нет, все не так плохо, – вздыхаю я, оглядывая спальню. – Думаю, я могу приехать в кампус сама. Я еще успеваю на последнее занятие. – Я как раз успею немного позаниматься йогой и выпить кофе.

Я слушаю Лэндона, переодеваясь для йоги. Довольно глупо тащиться в такую даль ради одного занятия, но мне не хочется сидеть в квартире в одиночестве, ожидая возвращения Хардина неизвестно откуда.

– Сегодня профессор Сото спрашивал, почему тебя нет, а Кен сказал, что он писал свидетельские показания для Хардина. Что ты об этом знаешь?

– Сото? Не знаю... Он предлагал ему свою помощь и раньше, но я не думала, что он это серьезно. Может, ему просто нравится Хардин или типа того?

– Нравится? Хардин? – Лэндон смеется, и я не могу не засмеяться вместе с ним.

Когда я пытаюсь собрать волосы в хвост, телефон падает в раковину.

Чертыхаясь, снова прикладываю его к уху, и как раз вовремя: Лэндон говорит, что перед следующей парой будет в библиотеке. Прощаюсь и пишу Хардину сообщение, чтобы он знал, где я, но потом стираю.

Ему нужно хорошенько подумать насчет Сиэтла; он должен.

К тому времени как я доезжаю до колледжа, ветер снова усиливается, и небо превращается в мерзкую палитру всех оттенков серого. Покупаю кофе, и у меня остается еще полчаса до йоги. Библиотека – на другом конце кампуса, так что у меня нет времени, чтобы повидаться с Лэндоном. В результате я жду возле аудитории профессора Сото. Его семинар должен скоро закончиться.

Мои размышления прерывают студенты, вылетевшие из дверей в коридор. Я поправляю ремень сумки и прокладываю путь через толпу.

Профессор стоит спиной ко мне, натягивая кожаную куртку. Поворачивается и улыбается мне.

– Мисс Янг.

– Здравствуйте, профессор Сото.

– Каким ветром вас занесло? Вам нужен конспект пропущенной сегодня лекции?

– Нет, Лэндон мне уже дал. Я пришла поблагодарить вас. – Я неловко переминаюсь на каблуках.

– За что?

– За свидетельские показания в пользу Хардина. Я знаю, он не очень вам нравится, и именно поэтому я очень ценю это.

– В этом нет ничего особенного. Каждый человек заслуживает хорошего образования, даже горячие головы, – смеется Сото.

– Думаю, да. – Я улыбаюсь ему, потом оглядываю аудиторию, не зная, что еще сказать.

– А кроме того, Зед заслужил то, что он получил, – внезапно добавляет он.

Что?

Я внимательно смотрю на него.

– Что вы имеете в виду?

Профессор Сото некоторое время моргает, прежде чем ответить:

– Ничего, просто... Я уверен, что у Хардина был достойный повод разобраться с ним, вот и все. Мне нужно идти, у меня еще встреча, но спасибо, что зашли. Увидимся на занятии в среду.

– В среду меня не будет. Я собираюсь уехать.

Он облегченно машет рукой.

– Ну, тогда отдыхайте. Увидимся, когда вернетесь.

Он поспешно уходит, оставляя меня в недоумении. Что он имел в виду?

Глава 9

Хардин

Мой случайный собутыльник Ричард убегает в туалет уже в четвертый раз. Похоже, барменша Бетси симпатизирует этому человеку, отчего мне становится совершенно неловко.

– Еще? – спрашивает она.

Киваю, и на время она от меня отвлекается. Всего третий час, а я уже выпил четыре стакана; все бы ничего, если бы это не было чистое виски со льдом. Мысли путаются, и гнев исчезает. Я уже не знаю, что там правильно, а что нет, и решаю ни о чем не думать и просто напиться в стельку.

– Ваш заказ. – Барменша ставит передо мной стакан.

Ричард взгромождается рядом со мной. Я-то думал, он понял смысл пустого табурета между нами. Оказывается, нет.

Он поворачивается ко мне, запустив ладонь в щетину, и отвратительным тоном спрашивает:

– Закажешь мне стаканчик?

– Тебе нужно побриться, – сообщаю я несколько нетрезвым голосом.

– Это? – Он проводит рукой по лицу еще раз.

– Да, это. Ты плохо выглядишь, – отвечаю я.

– Нормально, она тепло сохраняет, – смеется он, и я опрокидываю в глотку стакан, чтобы не усмехнуться вместе с ним. – Бетси! – кричит Ричард.

Она кивает и протягивает ему пустой стакан со счетом. Он смотрит на меня.

– Ты хочешь сказать, что на сегодня достаточно?

– Нет. – Я встряхиваю стакан, и по стеклу звенит одинокий кубик льда.

– Отлично, тогда вопросов нет. Значит, пьянка, – говорит он с каким-то ликованием.

Моя ненависть почти проходит. До тех пор, пока перед глазами не всплывает светловолосая десятилетняя девочка, которая прячется в маминой теплице. Ее серо-голубые глаза широко раскрыты от ужаса... и потом блондин в гребаном кардигане появляется, чтобы защитить ее.

– Один вопрос, – говорит он, вырывая меня из размышлений.

Я делаю глубокий вдох и еще более глубокий глоток, чтобы сдержаться и не сделать какую-нибудь глупость. Я имею в виду большую глупость, чем пить с отцом-алкоголиком моей подруги. Вот ведь семейка со своими чертовыми вопросами!

– Один, – разрешаю я.

– Неужели тебя выгнали сегодня из колледжа?

Я рассматриваю неоновую вывеску бара, думаю над его вопросом и жалею, что не выпил еще четыре... нет, пять стаканов.

– Нет. Но она считает, что меня вышибли, – признаюсь я.

– Почему она так думает? – Вот любопытный ублюдок!

– Потому что я ей так сказал. – Я качаюсь в его сторону и говорю с каменным взглядом. – Наверное, хватит откровений на один вечер.

– Дело твое.

Он улыбается и поднимает стакан, чтобы чокнуться со мной, но я отрицательно качаю головой. По его смеху я понимаю, что он и не ждал, что я чокнусь. Наверное, он считает меня забавным так же, как я его – жутко раздражающим.

Рядом с нами появляется женщина примерно его возраста. Она садится за стойку, кладет тонкую руку ему на плечо, и он дружески с ней здоровается. Она не похожа на бездомную, но явно его знает. Видимо, он большую часть времени проводит в этой дыре. Я использую паузу, чтобы посмотреть, были ли звонки или сообщения от Тессы: ничего.

Я доволен, но в то же время мне досадно, что она не попыталась со мной поговорить. Доволен, потому что сейчас я пьян, а досадно, потому что я уже соскучился по ней. Каждая новая проглоченная порция виски заставляет меня желать ее больше и больше, и пустота внутри меня от ее отсутствия только растет.

Черт, что она со мной делает?

Она чертовски меня бесит, всегда пытается надавить. Она буквально из кожи вон лезет, придумывая все новые способы позлить меня. Да, наверное, так и есть. Видимо, она сидит на кровати, скрестив ноги, держит в руках свой дурацкий ежедневник, грызет ручку, заткнув вторую за ухо, и думает, что бы такое сказать или сделать, чтобы свести меня с ума.

Мы вместе шесть месяцев – полгода. Это ужасно долго. Больше, чем я когда-либо планировал тратить на одного человека. Конечно, мы не все это время были вместе, и большая часть этого времени ушла – точнее, тупо выкинута – на мои попытки держаться от нее подальше.

Голос Ричарда возвращает меня к реальности.

– Это Нэнси.

Я киваю и по-прежнему смотрю на темную поверхность барной стойки.

– Нэнси, это очень вежливый и хорошо воспитанный молодой человек Хардин. Он парень Тессы, – с гордостью говорит он.

Почему он гордится тем, что я встречаюсь с его дочерью?

– Парень Тессы? Она здесь? Я хотела бы наконец с ней встретиться. Ричард так много о ней рассказывал!

– Ее здесь нет, – бормочу я.

– Очень жаль; как прошел ее день рождения? Он ведь был в эти выходные, верно? – спрашивает она.

Что?

Ричард смотрит на меня, явно умоляя поддержать то вранье, что он наболтал.

– Да, было здорово, – отвечает он за меня, допивая остатки из стакана.

– Хорошо, – говорит Нэнси, а затем указывает на вход. – А, вот она!

Я резко оборачиваюсь к двери, на мгновение решив, что она говорит о Тессе, но это невозможно. Она ее никогда не видела. Через зал к нам приближается очень худая блондинка. В этом баре становится чертовски многолюдно.

Я поднимаю пустой стакан в руке.

– Еще.

Получаю очередной напиток, отвожу глаза и шепчу про себя: «Осел!»

– Это моя дочь, Шеннон, – сообщает Нэнси.

Шеннон оглядывает меня с головы до ног, и глаза ее напоминают пауков. Эта девчонка чересчур накрашена.

– Шеннон, это Хардин, – говорит Ричард, но я даже не пытаюсь с ней поздороваться.

Несколько месяцев назад я бы, наверное, обратил какое-то внимание на эту девчонку. Может, даже склонил бы к минету в грязном барном туалете, но сейчас я просто хочу, чтобы она оставила меня в покое и перестала сверлить глазами.

– Не думаю, что ты сможешь опустить ее, не снимая, – мрачно замечает я, глядя, как она одергивает футболку в попытке скрыть голую талию.

– Чего? – фыркает она, упираясь руками в узкие бедра.

– Ты меня слышала.

– Ладно, ладно. Успокойтесь уже, – говорит Ричард, разводя руками между нами.

После этого Нэнси и ее распутная дочь уходят и садятся за столик.

– Пожалуйста, ты можешь пойти к ним, – предлагаю я ему, но он только мотает головой.

– Ты мерзкий сукин сын, – произносит Ричард, но прежде, чем я успеваю вымолвить хоть слово, добавляет: – Мне как раз такие и нравятся.

Еще три стакана спустя я еле удерживаюсь на барном стуле. У Ричарда, который, видимо, пьет как дышит, буквально те же проблемы, он склоняется ко мне слишком близко.

– Значит, когда я на следующий день вышел, мне нужно было две мили тащиться пешком! Конечно, начался дождь...

Он продолжает рассказ о своем последнем аресте. Я пью, делая вид, что он разговаривает не со мной.

– Если ты хочешь, чтобы я молчал, объясни хотя бы, зачем сказал Тессе, что тебя отчислили, – наконец говорит он.

Я догадывался, что он дождется, пока я окончательно напьюсь, чтобы снова об этом заговорить.

– Будет проще, если она будет так думать, – признаюсь я.

– В смысле?

– Я хочу, чтобы она поехала со мной в Англию, а она не в восторге от этой идеи.

– Не понимаю. – Он трет пальцами переносицу.

– Твоя дочь хочет от меня уйти, и я не могу позволить этому случиться.

– И ты сказал ей, что тебя отчислили, чтобы она поехала с тобой в Англию?

– Типа того.

Он смотрит то на свой стакан, то на меня.

– Это очень тупо.

– Я знаю. – Это действительно звучит чертовски глупо, когда я объясняю это вслух, но в моем воспаленном воображении почему-то имеет смысл.

– Да кто ты такой, чтобы вообще давать мне советы? – спрашиваю я в конце концов.

– Никто. Хочу только заметить, что ты кончишь так же, как и я, если будешь продолжать в том же духе.

Я хочу крикнуть ему, чтобы он на хрен заткнулся и за собой следил. Черт, но когда я смотрю на него, то замечаю то же сходство, которое отметил, когда мы только вошли. Блин.

– Не говори ей, – напоминаю я.

– Не буду. – Он поворачивается к Бетси. – Еще по одной.

Она улыбается ему и наливает нам еще. Не думаю, что я это осилю.

– Я уже хорош. У тебя сейчас три глаза, – говорю я ему.

Он пожимает плечами:

– Мне так больше идет.

Я хреновый парень, думаю я и перехожу к размышлениям о том, что Тесси – блин, то есть Тесса – делает прямо сейчас.

– Я хреновый отец, – тянет Ричард.

Я слишком пьян, чтобы чувствовать разницу между мыслью и речью, так что не уверен, то ли это совпадение, то ли я сказал это вслух.

– Слезай, – произносит грубый мужской голос слева от Ричарда.

Поворачиваюсь и вижу невысокого человека с еще более густой бородой, чем у моего собутельника.

– Здесь больше нет табуретов, приятель, – медленно отвечает Ричард.

– Ну, тогда тебе лучше проваливать, – угрожает незнакомец.

Твою мать, только не это. Не сейчас.

– Мы не уйдем, – окликаю я его.

И тут незнакомец совершает ошибку, схватив Ричарда за ворот и дернув его вверх.

Глава 10

Тесса

Дорога до машины после йоги гораздо дольше обычного. Тяжесть от отчисления Хардина и отъезда в Сиэтл на время медитации ушла, но сейчас, вне стен зала, вернулась в десятикратном размере.

Как только я выезжаю с парковки, телефон, брошенный на пассажирское сиденье, начинает вибрировать. Хардин.

– Алло? – Я останавливаюсь, включаю аварийку.

Но из динамика доносится женский голос, от которого мое сердце останавливается.

– Это Тесса?

– Да.

– Хорошо, у меня тут твой отец и...

– Ее... парень... – Я слышу, как стонет Хардин на заднем плане.

– Да, твой парень, – ехидно говорит она. – Тебе нужно забрать обоих, пока кто-нибудь не позвонил в полицию.

– В полицию? Где они? – Я снова завожу машину.

– «Диззи» на Ламара-авеню; ты знаешь, где это?

– Нет, но я посмотрю в Гугле.

– Да. Разумеется.

Не обращая внимания на ее тон, я кладу трубку и торопливо ищу в Интернете дорогу к бару. Что, черт возьми, Хардин и мой папаша делают в баре в три часа дня? Почему, блин, они вообще там вместе? В голове – полный хаос. А что за проблемы с копами? Что они натворили? Мне надо было спросить женщину по телефону. Надеюсь, что они не подрались друг с другом? Это последнее, что они могли бы сделать. Воображение подсовывает картины одна хуже другой, и когда я добираюсь до места, мне уже кажется, что либо Хардин убил отца, либо наоборот. У бара не видно полицейских машин, и я решаю, что это хороший знак.

Припарковываюсь прямо перед входом и вбегаю внутрь, жалея, что на мне футболка, а не рубашка.

– Вот она! – торжествующе кричит отец.

Он набрался, это видно по тому, как он спотыкается.

– Ты бы его видела, Тесси! – хлопает он ладонями. – Хардин просто

надрал ему задницу!

– Где он... – начинаю я, но в этот момент дверь туалета открывается и выходит Хардин, вытирая окровавленные руки об измазанное красным полотенце. – Что случилось? – кричу я через весь зал.

– Ничего... успокойся.

Я удивленно подхожу к нему.

– Ты пьян? – спрашиваю я, потом, наклонившись, смотрю в его налитые кровью глаза.

Он отводит взгляд.

– Может, и так.

– Невероятно.

Он пытается дотронуться до меня, но я отдергиваю руку.

– Э, тебе надо сказать спасибо, что я прикрыл твоего отца. Он сейчас валялся бы на полу, если б меня не было рядом. – Хардин указывает на человека, который сидит на полу и прижимает к щеке пакет льда.

– Я не буду тебя благодарить за то, что ты среди бела дня напился и подрался! Хоть с отцом, хоть с кем бы то ни было. Что, черт возьми, с тобой случилось? – Я толкаю его и возвращаюсь к стойке, где сидит отец.

– Не сердись на него, Тесси, он тебя любит. – Отец пытается защитить его.

Что за ерунда здесь происходит?

Когда Хардин подходит ближе, я упираюсь руками в бока и кричу:

– Значит, вы оба тут напились и теперь лучшие друзья? Вы не должны были пить!

– Детка, – шепчет мне Хардин на ухо, пытаясь обнять.

– Эй! – Женщина за стойкой постукивает по столу, привлекая мое внимание. – Тебе нужно увести их отсюда.

Я киваю ей, бросив гневный взгляд на пьяных идиотов, с которыми меня связала судьба. У отца красные скулы, похоже, его ударили, а у Хардина распухла рука.

– Если хотите вечером прийти домой, вам надо протрезветь, потому что это совершенно неприемлемо. – Я хочу отругать их обоих, как маленьких детей. – Неприемлемо для каждого из вас.

Выхожу из маленького душного бара и сажусь в машину прежде, чем они успевают подойти к двери. Хардин хмуро смотрит на моего отца – тот по-стариковски пытается опереться на его плечо. Я отворачиваюсь и кривлюсь. Пьянство Хардина меня бесит. Я знаю, какой он, когда пьяный, но не уверена, что видела его в таком состоянии прежде, даже в тот вечер, когда он перебил всю посуду. Я скучаю по времени, когда Хардин не пил на

вечеринках ничего, кроме воды. У нас и так сейчас целый список проблем, и его пьянство только подливает масло в огонь.

Судя по всему, отец не так уж сильно пьян, поскольку постоянно шутит, хотя большинство его шуток безвкусные и только раздражают. Всю дорогу он вместе с Хардином громко хохочет над собственными шутками. Я совсем не так представляла себе этот день. Не знаю, как получилось, что Хардин так подобрел к моему отцу, но теперь, когда они в разгар дня на пару пьяны, мне их «дружба» совсем не нравится.

Дома сажаю отца на кухне есть кукурузные хлопья Хардина и отправляюсь в спальню, где обычно начинаются и кончаются все наши скандалы.

– Тесса... – начинает Хардин, как только я закрываю дверь.

– Нет, – холодно говорю я.

– Не сердись на меня, мы просто немного выпили, – говорит он игривым тоном, но я совершенно не в настроении.

– Просто выпили? С отцом-алкоголиком, с которым я пытаюсь построить отношения и которого хотела бы видеть трезвым. С ним, значит, ты «просто выпил»?

– Детка...

Я качаю головой.

– Сам ты детка. Я вполне взрослая.

– Ничего ведь не произошло. – Он обвивает пальцами мою руку, подтягивая к себе, но когда я вырываюсь, он спотыкается о кровать.

– Хардин, ты снова подрался!

– Немножко. Какая разница?

– Есть разница. Мне не все равно.

Он смотрит на меня со своей половины кровати покрасневшими глазами и говорит:

– Тогда почему ты от меня уходишь? Если ты так обо мне заботишься? Сердце проваливается куда-то вниз.

– Я не хочу оставлять тебя, я прошу ехать со мной, – вздыхаю я.

– Но я не хочу туда ехать, – тянет он.

– Знаю, но это единственное, что мне нужно, кроме тебя, конечно.

– Я женюсь на тебе. – Он тянется к моей руке, но я отступаю назад.

Перехватывает дыхание. Я не уверена, что правильно расслышала.

– Что? – Я вытягиваю руки, не давая ему приблизиться.

– Я сказал, что на тебе женюсь, если ты выберешь меня.

Он встает и подходит ко мне.

Эти слова, пусть не имеющие смысла, потому что сказаны под

действием алкоголя, все же меня волнуют.

– Ты пьян, – говорю я.

Он предлагает мне брак только по пьяни, и это хуже, чем не предлагать его вообще.

– Ну и что? Я же серьезно.

– Нет, не серьезно. – Я качаю головой и снова уворачиваюсь от его прикосновений.

– Нет, я женюсь. Не сейчас, конечно, но в пределах... шести лет или около того. – Он сосредоточенно трет пальцем лоб.

Я закрываю глаза. Несмотря на то что мое сердце дрогнуло, последняя фраза, предложение взять в меня в жены в неопределенный период «шести лет или около того» показывает, что Хардин возвращается к реальности, раз пытается меня убедить.

– Посмотрим, что ты скажешь об этом завтра, – замечаю я, зная, что завтра он, конечно, об этом не вспомнит.

– Ты наденешь эти штаны? – Его губы растягиваются в похотливой ухмылке.

– Нет, даже не начинай говорить об этих чертовых штанах.

– Ты их всегда надеваешь. Ты знаешь, как я к ним отношусь. – Он смотрит вниз, затем снова указывает на штаны, игриво поводя бровями.

Игривый, смеющийся, пьяный Хардин в каком-то смысле очарователен... но не настолько, чтобы я потеряла голову.

– Иди сюда, – нахмурившись, говорит он.

– Нет. Я все еще рассержена.

– Давай, Тесси, не сердись, – смеется он и трет глаза тыльной стороной ладони.

– Если кто-нибудь из вас назовет меня так еще раз, я...

– Тесси, в чем дело, Тесси? Тебе не нравится имя Тесси, Тесси? – усмехается Хардин.

Смотрю на него – и моя решимость улетучивается.

– Позволишь снять с тебя штаны?

– Нет. У меня сегодня еще очень много дел, и ни одно из них не связано со снятием штанов. Я хотела попросить тебя пойти со мной, но ты решил надраться. Так что мне придется идти одной.

– Куда-то собралась? – Голос словно доносится из-под воды.

– Да.

– Ты же это не наденешь, правда?

– Надену. Я, черт возьми, могу носить то, что хочу. – Хватаю футболку и иду к двери. – Вернусь поздно; не делай глупостей, из тюрьмы я тебя или

отца не вытащу.

– Нахалка. Мне это нравится, но я думаю, что твоему язвительному язычку можно найти и другое применение. – Игнорирую его грязные намеки, и он шепчет: – Останься со мной.

Выбегаю из квартиры прежде, чем он убедит меня остаться. В дверях слышу, как он зовет меня «Тесси», и мне приходится отвернуться, чтобы подавить вырвавшийся смешок. Вот беда-то: когда дело доходит до Хардина, мой мозг не видит разницы между правильным и неправильным.

Глава 11

Тесса

Подхожу к машине и начинаю жалеть, что не осталась в спальне с Хардином, ведь у него игривое настроение. Но у меня слишком много дел. Нужно позвонить квартирной хозяйке в Сиэтл, забрать кое-какие вещи в семье Хардина и, самое главное, хорошенько обо всем подумать.

Хардин предлагает мне брак. Я почти потрясена, но знаю, что завтра это ничего не будет значить. Я пытаюсь не размышлять над его словами и думать о другом, но это не так просто, как кажется.

– Я женюсь на тебе, если ты меня выберешь.

Я удивлена, потрясена тем, что он сказал.

Хардин казался таким спокойным, его голос был бесстрастен, как будто он заявил, что пора ужинать. Хотя я знаю: он в отчаянии. Его отчаяние от моего переезда в Сиэтл и виски – единственные причины его предложения. Тем не менее не могу заставить себя то и дело не вспоминать эти слова. Это глупо, понимаю. Но, честно говоря, лучше добавить оптимизма, чем продолжать испытывать то, что я сейчас чувствую.

Приезжаю на место, так и не созвонившись с Сандрой (кажется, так ее зовут), чтобы обсудить аренду квартиры. Судя по фотографиям на сайте, место, кажется, хорошее. Не такая большая квартира, как та, в которой мы живем сейчас, но достаточно хорошая, чтобы я могла ее себе позволить на собственную зарплату. Там нет книжных полок и кирпичных стен, которые я так любила, но это неважно. Я готова к этому, к такой жизни в Сиэтле. Я готова пойти на этот шаг ради будущего, сколько себя помню, я этого ждала.

Брожу по магазину в раздумьях о Сиэтле и всем остальном – и скоро корзина наполняется случайными вещами, ни одна из которых мне не нужна. Таблетки для посудомоечной машины, зубная паста, новый совок. Зачем я все это покупаю, если все равно уеду? Кладу совок назад, вместе с цветными носками, которые также прихватила безо всякой причины. Если Хардин не переедет, мне придется начать все сначала, покупать новую посуду... Хорошо еще, что квартиру сдают с мебелью, так что можно вычеркнуть из списка сразу с десятков пунктов.

Сделала покупки и не знаю, чем еще заняться. Возвращаться к

Хардину и отцу не хочется, но идти больше некуда. Я собираюсь три дня провести с Лэндоном, Кеном и Карен, но не хочу лишний раз ездить и их беспокоить. Мне действительно надо завести друзей или, по крайней мере, одного друга. Можно позвонить Кимберли, но она, наверное, занята собственными делами. Счастливая. Кристиан взял ее с собой в Сиэтл, но когда он смотрит на нее, я могу уверенно сказать, что он пошел бы за ней хоть на край света.

Прокручиваю список вызовов на телефоне, чтобы позвонить Сандре, и натыкаюсь на номер Стеф.

Интересно, что она делает? Хардин, вероятно, будет не против, если я ей позвоню, чтобы поболтать. Опять же, кто он такой, чтобы указывать мне, что делать, когда сам напивается в зюю в разгар рабочего дня?

Позвоню, решаю я. Она отвечает почти сразу.

– Тесса! Как дела? – громко говорит она, стараясь перекричать голоса на заднем плане.

– Ничего. Стою на стоянке перед супермаркетом.

– О, хорошее настроение, да? – смеется она.

– На самом деле не очень. Что ты делаешь?

– Ничего, собираюсь пообедать с другом.

– А, ладно. Тогда позвони мне позже, что ли.

– Ты можешь с нами встретиться там, если хочешь, это в Applebee, сразу за кампусом.

Applebee напоминает мне о Зеде, но кормят там очень вкусно, а я сегодня еще не ела.

– Хорошо, я приеду, если ты уверена, что это нормально.

Слышу, как на заднем фоне захлопывается дверь.

– Да! Тащи свою задницу сюда! Мы там будем через пятнадцать минут.

По дороге звоню Сандре и оставляю ей голосовое сообщение. Я не могу не отметить облегчение, которое испытываю, когда в трубке звучит автоответчик, но не вполне понимаю почему.

Applebee переполнен; безуспешно ищу взглядом ярко-рыжую голову, потом обращаюсь к официантке.

– На сколько человек? – спрашивает она с приветливой улыбкой.

– На троих, думаю. – Стеф сказала, что она с другом, надеюсь, она имела в виду одного человека.

– Прямо сейчас есть свободный столик, так что возьмите на всякий случай, – улыбается девушка и берет четыре меню со стойки позади себя.

Я прохожу за ней в дальнюю часть ресторана и жду прибытия Стеф.

Проверяю, не было ли сообщений от Хардина, но их нет; он бы, наверное, сейчас в обморок упал. Когда я оборачиваюсь, в крови у меня резко вскипает адреналин: вижу ярко-розовую копну волос.

Глава 12

Хардин

Открываю холодильник в поисках, что бы сожрать. Мне нужно, чтобы из меня наконец выветрилось виски.

– Она ужасно на нас разозлилась, – замечает Ричард, глядя на меня.

– Да, это точно. – Не могу не улыбаться при воспоминании, как ее лицо краснеет от гнева, а маленькие кулачки сжимаются у бедер. Она была в ярости.

Это не смешно... ну, то есть смешно, но так не должно быть.

– Долго моя дочь обижается?

С минуту смотрю на него. Очень странно, когда отец спрашивает о привычках собственной дочери.

– Наверное, нет. Ты слопал все мои хлопья. Черт! – Я трясу пустой коробкой.

Он улыбается.

– Кажется, ты прав, – говорит он.

– Да, так и есть. – На самом деле этого не может быть. – Думаю, хреново, что ты встретился с ней сейчас, если меньше чем через неделю она уедет, – говорю я, засовывая контейнер с надписью «Tupperware» в микроволновку.

Я не вполне понимаю, что это, но я слишком пьян и умираю от голода, чтобы готовить, а Тессы, которая приготовила бы еду, рядом нет. Что, на хрен, я буду делать, если она меня бросит?

– Верно, – отвечает он, морщась. – Но хорошо еще, что Сиэтл не так далеко.

– Я про Англию.

После долгой паузы он говорит:

– Она не поедет в Англию.

Обалдело гляжу на него.

– Откуда, блин, ты знаешь? Ты с ней знаком всего два дня!

Я уже собираюсь выйти из кухни, но меня останавливает резкий сигнал микроволновки.

– Я знаю Кэрл, она бы тоже не поехала.

Значит, он снова стал тем неприятным пьянчугой, каким был вчера.

– Тесса – не ее мать, а я – не ты.

– Ладно, – соглашается он и пожимает плечами.

Глава 13

Тесса

Молли.

Молюсь, чтобы ее присутствие здесь оказалось совпадением, но когда следом появляется Стеф, я откидываюсь на спинку кресла.

– Привет, Тесса! – радуется мне Стеф и садится напротив, ближе к стене, чтобы ее «подруга» могла сесть рядом. Зачем она пригласила меня пообедать вместе с Молли?

– Давно не виделись, – говорит мне эта шлюшка Молли.

Не знаю, что сказать им обеим. Хочется встать и уйти, но вместо этого я натужно улыбаюсь и отвечаю:

– Да уж.

– Ты уже что-нибудь заказала? – спрашивает Стеф, совершенно игнорируя тот факт, что она притащила с собой моего главного – и единственного – врага.

– Нет. – Я лезу в сумку в поисках телефона.

– Нет необходимости звонить папочке, я тебя не укушу, – ухмыляется Молли.

– Я не собираюсь звонить Хардину. – На самом деле я собираюсь ему написать, это совсем другое дело.

– Ну конечно, не ему, – со смехом отвечает она.

– Стоп. – Стеф поднимается. – Молли, ты сказала, что будешь хорошо себя вести.

– Зачем ты вообще пришла? – спрашиваю я девушку, которую ненавижу больше всех на свете.

Она пожимает плечами.

– Проголодалась, – отвечает она как ни в чем не бывало, с явной насмешкой в голосе.

Беру куртку и поднимаюсь.

– Мне пора.

– Нет, останься! Пожалуйста, если ты уйдешь, я тебя больше не увижу, – тянет Стеф, надув губки.

– Что?

– Ты ведь через несколько дней уезжаешь, правда?

– Кто тебе сказал?

Молли и Стеф переглядываются, потом Стеф отвечает:

– Зед, кажется; это неважно. Я думала, мне ты скажешь.

– Я собиралась; просто столько всего произошло. Я собиралась сказать тебе... – говорю я, глядя на Молли, как бы объясняя ее присутствием нежелание продолжать.

– Я все еще хочу, чтобы ты со мной общалась. Я же была тут твоей первой подругой.

Стеф оттопыривает нижнюю губу, и я начинаю чувствовать себя виноватой. Но это все довольно смешно, и я рада, когда официантка подходит, чтобы принять у нас заказ.

Пока Стеф и Молли заказывают газировку, пишу Хардину: «Ты просто в обморок упадешь, но я сейчас в кафе со Стеф, а она привела с собой Молли :(» Кликаю на «Отправить» и снова смотрю на них.

– Значит, переживаешь из-за того, что уезжаешь? Что вы с Хардином собираетесь делать? – спрашивает Стеф.

Я пожимаю плечами и оглядываю зал. Я не собираюсь обсуждать свои отношения в присутствии этой ведьмы.

– Можешь говорить при мне. Уж поверь, меня совсем не интересует твоя дурацкая скучная жизнь, – издевается Молли, отпивая глоток.

– Думаешь, я тебе верю? – смеюсь я, и тут мой телефон начинает вибрировать.

«Возвращайся домой», – отвечает Хардин.

Не знаю, чего я ожидала, но я разочарована его советом, точнее, его отсутствием.

«Нет, я хочу есть», – отвечаю я.

– Слушай, вы с Хардином очень милые и все такое, но мне действительно уже плевать на ваши отношения, – сообщает Молли. – У меня есть собственные отношения, и меня волнуют только они.

– Отлично. Рада за тебя. – Я плохо понимаю, кто из нас кого пытается одурачить.

– Кстати, Молли, когда мы наконец встретимся с этим таинственным незнакомцем? – спрашивает Стеф новую подругу.

Молли отмахивается.

– Не знаю; не прямо сейчас.

Возвращается официантка с напитками и принимает у нас следующие заказы. Как только она уходит, Молли поворачивается ко мне, как хищник, загнавший добычу:

– А кстати, ты злишься на Зеду за то, что он собирается засадить

Хардина в тюрьму? – спрашивает она, и я чуть не давлюсь водой. Мысль, что Хардин может угодить за решетку, заставляет меня похолодеть.

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Ну, удачи. Но если ты не потрахнешься с Зедом, ты ничем не сможешь ему помочь, – ухмыляется она, снова постукивая ядовито-зеленым ногтем по столу.

– Этот вариант не рассматривается! – рычу я.

«Ты можешь поехать и дома. Правда, слушай, возвращайся домой, пока ничего не произошло; я не смогу тебя спасти».

Спаси меня? От чего? От Молли и Стеф? Стеф – моя подруга, однажды я уже доказала, что могу справиться с Молли, и могу сделать это снова. Она меня раздражает, я ее терпеть не могу, но не боюсь, как раньше.

Непонятное сообщение от Хардина я могу объяснить только тем, что он все еще пьян.

«Говорю тебе, уезжай оттуда», – написано в следующем сообщении, которое он послал, когда я не ответила.

Кладу телефон в сумку и снова смотрю на них.

– Ты же это уже делала, так что какая разница? – говорит Молли.

– Что-что?

– Я тебя не осуждаю. Я сама трахалась с Хардином. И с Зедом.

Я так расстроена, что хочется плакать.

– Я не спала с Зедом, – цежу я сквозь зубы.

– Хм... – мычит Молли, и Стеф смотрит на нее.

– Кто-то сказал, что я с ним спала? – спрашиваю я обеих.

– Нет, – отвечает Стеф прежде, чем Молли открывает рот. – И вообще, хватит о Зеде. Расскажи лучше о Сиэтле. Хардин тоже поедет с тобой?

– Да, – вру я, не желая признаваться, особенно перед Молли, что Хардин отказывается отправляться со мной в Сиэтл.

– Значит, вас здесь больше не будет? Это так странно, – говорит Стеф, слегка хмурясь.

Странно будет учиться в другом университете. После того как я так готовилась к поступлению в CWU. Хотя новый старт – это именно то, что мне нужно. Будет целый город, не запятнанный воспоминаниями о предательстве и обманчивой дружбе.

– Надо в эти выходные потусоваться – прощальный привет, – предлагает Стеф.

– Нет, никаких вечеринок, – со стоном отказываюсь я.

– Нет-нет, не вечеринка, только своей компанией! – Она смотрит на меня с чем-то вроде мольбы в глазах. – Давай начистоту: скорее всего, мы

никогда больше не увидимся, и Хардину нужно пообщаться со старыми друзьями хотя бы один раз.

В сомнении смотрю в сторону бара.

Молли прерывает молчание:

– Меня там не будет, не беспокойся.

Я смотрю на них, и в этот момент нам приносят еду. Но у меня нет аппетита. Правда, что ли, болтают, что я спала с Зедом? Знает ли Хардин об этих слухах? Станет ли Зед пытаться засадить Хардина в тюрьму? У меня голова раскалывается.

Стеф съедает немного картошки фри и с набитым ртом говорит:

– Поговори с Хардином и дай мне знать. Мы могли бы встретиться на квартире – например, у Тристана и Нэта. Там хотя бы нет никаких случайных душевых кабинок.

– Я могу спросить... Не знаю, согласится он или нет. – Я снова гляжу на экран. Три пропущенных вызова. Одно сообщение: «Возьми трубку».

«Уйду, как доем, успокойся. Попей воды», – отвечаю я и съедаю немного картошки фри.

Но Молли явно напряжена и говорит, как будто у нее кипит внутри:

– Он бы эту идею поддержал. Мы долго были друзьями, прежде чем ты пришла и его испортила.

– Я его не портила.

– Именно ты. Он теперь так изменился, даже никому не звонит.

– Тоже мне друзья! – фыркаю я. – Ему тоже никто не звонит. Единственный, кто иногда еще с ним связывается, – это Нэт.

– Это потому, что мы знаем, что... – начинает Молли.

Но Стеф поднимает руку.

– Господи, хватит! – стонет она, потирая виски.

– Попрошу завернуть еду с собой. Это была не лучшая мысль, – говорю я.

Не знаю, чего она ждала, притащив сюда Молли; могла меня хотя бы предупредить.

Стеф смотрит на меня с сочувствием.

– Мне очень жаль, Тесса. Я думала, вы помиритесь, раз она не пытается больше трахаться с Хардином.

Она смотрит на Молли, та только пожимает плечами.

– Мы теперь по отдельности, так даже лучше, чем раньше, – сообщает она.

Мне хочется врезать по ее самодовольной физиономии. Но звонок на мобильнике Стеф отвлекает меня от этих жестоких мыслей.

На ее лице появляется озадаченное выражение.

– Мне звонит Хардин. – Она показывает мне экран.

– Я не ответила на его сообщение; перезвоню ему через минуту, – отвечаю я, она кивает и сбрасывает вызов.

– Боже, вот прилипала! – Молли откусывает от картошки фри.

Я держу язык за зубами и заказываю коробку, чтобы упаковать обед. Я едва прикоснулась к еде, и мне не хочется устраивать сцену посреди кафе.

– Пожалуйста, подумай до субботы. Вместо вечеринки можно просто устроить ужин, – предлагает Стеф. Потом улыбается мне своей самой милой улыбкой. – Пожалуйста!

– Посмотрим, что можно сделать, но мы вроде не собираемся уезжать до субботы.

Она снова кивает мне.

– Вы можете сами выбрать время.

– Спасибо. Я дам тебе знать, – говорю я, расплачиваясь по счету.

Мне не нравится эта затея, но в каком-то смысле она права: мы больше никогда не увидимся. Хардин куда-нибудь поступит, может, не в Сиэтл, но после того, как его отчислили, здесь он не останется. Вероятно, он захочет в последний раз встретиться со старыми друзьями.

– Снова он звонит, – сообщает Стеф; она даже не пытается скрыть, что это ее забавляет.

– Скажи, что я уже еду.

Я встаю и направляюсь к двери. Когда я поворачиваю голову, Стеф и Молли болтают, а мобильник лежит на столе перед ними.

Глава 14

Хардин

«Тесса, если ты мне не перезвонишь, я поеду тебя искать, не важно, пьяный я или нет», – угрожаю я, а затем бросаю телефон на диван с такой силой, что он подскакивает и падает на пол.

– Она вернется, – услужливо подсказывает мне старый хрен.

– Да знаю! – кричу я на него и снова хватаю телефон. К счастью, экран не треснул. Я бросаю сердитый взгляд на старого пьяницу и ухожу в спальню.

Какого хрена он опять здесь? И какого хрена нет Тессы? Ничего хорошего от присутствия в одном помещении с Молли не выйдет.

Когда я начинаю уже прикидывать, как бы мне выйти и поискать ее, если у меня нет ни ключей, ни машины, а уровень алкоголя в крови сильно превышает допустимую норму, вдруг слышу, как открывается входная дверь.

– Он, э-э-э, отдыхает, – громко произносит Ричард с нелепой жизнерадостностью. Подозреваю, он пытается предупредить меня о приходе Тессы.

Открываю дверь раньше ее и протягиваю руку, приглашая ее войти. Она не кажется испуганной или хоть чуточку обеспокоенной моей мрачностью.

– Почему ты не отвечала, когда я тебе звонил? – спрашиваю я.

– Потому что сказала, что скоро приеду. И приехала.

– Ты должна была ответить. Я волновался.

– Волновался? – Она явно удивлена.

– Да, волновался. Почему, черт побери, ты встречалась с Молли?

Она вешает сумочку на спинку стула.

– Не ори. Стеф пригласила меня пообедать и привела ее с собой.

Чертова Стеф!

– Какого хрена она так сделала? Она разозлилась?

– Не больше обычного, – отвечает, не моргнув глазом.

– Зачем эта сучка Стеф ее притащила? Что они тебе сказали?

– Не знаю, кажется, про меня распускают всякие слухи. – Она хмурится и садится на стул, чтобы снять туфли.

– Что? Какие слухи?

На самом деле я спрашиваю у нее: «Кого мне грохнуть?» Черт, я все еще пьян. С какой стати? Я пил, кажется, часа в три. Припоминаю, кто-то говорил мне, что после каждого глотка алкоголя нужен час, чтобы протрезветь; я бухал около десяти часов назад. Если я все правильно помню.

– Ты меня слышишь? – Голос Тессы напряжен, даже взволнован.

– Нет, прости, – бормочу я.

Ее щеки розовеют.

– Кажется, болтают, что я и Зед... ты понимаешь.

– Вы что?

– Что мы... спали вместе, – слабым голосом заканчивает она и устало смотрит на меня.

– Кто такое говорит?

Стараюсь говорить тем же тоном, что и Тесса, несмотря на то что внутри все полыхает от гнева.

– Неизвестно, это же слухи; мне об этом сказали Стеф и Молли.

Не знаю, стоит успокоиться или дать волю гневу. Я слишком пьян для всего этого.

Она складывает руки на коленях и смотрит в пол.

– Я не хочу, чтобы люди думали обо мне подобным образом.

– Не обращай внимания, они все гребаные идиоты. Если и есть такой слух, уверен, все наладится. – Я сажаю ее рядом с собой на кровать. – Не волнуйся.

– Ты на меня не сердишься? – спрашивает она и смотрит своими серо-голубыми глазами.

– Нет. Я расстроился, что ты не отвечала и что Стеф тоже ни хрена не брала трубку. И я сержусь на этот дурацкий слух, а не на тебя, и я уверен, что они передали тебе этот слух, потому что дуры.

Мысль, что Стеф и Молли специально рассказали Тессе эту дрянь, чтобы обидеть ее, чертовски меня раздражает.

– Не понимаю, зачем она притащила с собой Молли, которая, конечно же, не преминула напомнить мне, что спала с тобой. – Она поеживается. Я тоже.

– Она просто шлюха, которой больше не хрен заняться, кроме как повспоминать деньки, когда я вытолкал из ее башки все мозги.

– Хардин! – стонет Тесса от этого чересчур красочного воспоминания.

– Извини, я серьезно.

Она расстегивает браслет и встает, чтобы положить его на столе.

– Ты все еще пьян?

– Немного.

– Немного?

Я улыбаюсь:

– Немного больше, чем немного.

– Вот почему ты такой странный. – Она закатывает глаза и берет со стола свой дурацкий ежедневник.

– Какой? – Я подхожу и встаю позади нее.

– Ты пьян и ко всему относишься хорошо. Ты с ума сходил, когда я не отвечала, но теперь ты такой... – Она смотрит мне в лицо. – «Понимающий», как любила говорить Молли.

– Чего ты от меня ожидала?

– Не знаю... Крика? У тебя не самый приятный характер, когда ты пьян, – тихо произносит она.

Уверен, она старается не раздражать меня, но хочет показать, что не будет обходить этот вопрос.

– Я не собираюсь на тебя орать. Просто не хочу, чтобы ты с ними водилась. Ты знаешь, какие они, особенно Молли, и я не хочу, чтобы кто-то причинил тебе боль. – Потом добавляю, нажимая на каждом слове: – Как бы то ни было.

– Ну, они не причинили, но... Я знаю, это глупо, но я просто хотела нормально пообедать с подружкой.

Мне хочется сказать, что Стеф в качестве подружки – не идеальный выбор, но я знаю, что у нее нет никого, кроме Лэндона и меня... и Ноя.

И Зеда.

Нет, Зед тут лишний. Когда вся эта ерунда закончится, я абсолютно уверен, что этот малый больше тут не засветится.

Глава 15

Тесса

То, что Хардин проявляет такую выдержку и здравомыслие, меня удивляет. Теперь можно немного отдохнуть. Хардин поджимает ноги и откидывается к стене. Не знаю, что лучше: заговорить о Сиэтле сейчас, когда он в хорошем настроении, или немного подождать. Но если я оставлю это на потом, кто знает, когда он будет готов поговорить?

Я смотрю в его зеленые глаза и решаюсь.

– Стеф хочет собрать всех на прощальную вечеринку, – сообщаю я и жду реакции.

– Куда она собирается?

– Нет. Это для меня, – объясняю я, опуская, что сказала им, будто он поедет со мной в Сиэтл.

Хардин смотрит на меня.

– Ты сказала им, что уезжаешь?

– Да. Почему бы и нет?

– Потому что ты еще не решила окончательно, разве не так?

– Хардин, я собираюсь в Сиэтл.

Он беспечно пожимает плечами:

– У тебя еще есть время подумать об этом.

– И все-таки... Что ты думаешь об этой вечеринке? Стеф сказала, что это могут быть просто посиделки, например, на квартире Нэта и Тристана, вместо дома братства...

Я рассказываю, но Хардин все еще пьян и, похоже, совсем меня не слушает. Изучаю свое расписание на следующую неделю. Очень надеюсь, что Сандра перезвонит насчет квартиры, в противном случае, когда я приеду, мне негде будет жить и придется сидеть на чемоданах в каком-нибудь мотеле. Не люблю мотели!

– Нет, мы не будем собираться, – заявляет он, к моему удивлению.

– Что? Почему нет? Если устроить просто ужин, все должно быть не так уж плохо. Без «Правды или действия» или «Соси и Ходи», как считаешь?

Он смеется и с интересом поглядывает на меня.

– «Соси и Дуй», Тесс.

– Ты понял, о чем я! Это последний раз, когда мы, то есть я увижусь с ними, и они были моими друзьями, как это ни странно. – Не хочу вспоминать о начале моей «дружбы» с этой компанией.

– Давай поговорим позже. У меня голова болит от всего этого дерьма, – стонет он.

Я пораженно вздыхаю. По тону понятно, что Хардин не собирается продолжать дискуссию.

– Иди сюда. – Он снова садится на кровать и протягивает руки ко мне.

Закрываю ежедневник, подхожу к кровати и встаю между его ног, прижав руки к бедрам. Он смотрит на меня с кривой улыбкой.

– Разве ты не должна за что-нибудь на меня злиться?

– Я слишком устала, Хардин, – признаюсь я.

– Устала от чего?

Я дергаюсь.

– От всего. От Сиэтла, от перевода в другой университет, от отъезда Лэндона, от твоего отчисления...

– Я соврал, – невнятно бурчит он, прижимаясь лицом к моему животу.

Что он сказал?

– Что? – Я запускаю пальцы ему в волосы и поднимаю его голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он пожимает плечами.

– Я соврал об отчислении.

Я отступаю назад, он пытается обнять меня, но я не позволяю.

– Зачем?

– Я не знаю, Тесса, – говорит он и встает. – Я так расстроился, когда застал вас с Зедом, и из-за всей этой хрени с Сиэтлом...

Я в шоке.

– И ты сказал, что тебя отчислили, потому что был зол на меня?

– Да. Ладно, есть и другая причина.

– Какая же?

Он вздыхает:

– Ты будешь сердиться. – Его глаза все еще опухшие, но он, кажется, быстро трезвеет.

Я скрещиваю руки на груди.

– Наверное. Но все же скажи.

– Я подумал, что ты не сможешь без меня и поедешь со мной в Англию.

Не знаю, что и думать. Я должна быть расстроена. Я расстроена. Я в ярости, черт возьми. Если верить его словам, он пытался на меня надавить,

чтобы я из чувства вины переехала с ним в Англию. Ему нужно было просто быть честным с самого начала... Но все же не могу не признать, что узнавать обо всем из его уст лучше, чем другими способами.

Он вопросительно смотрит мне в глаза.

– Тесса?..

Я гляжу на него и почти улыбаюсь.

– Честно говоря, я удивлена, что ты признался прежде, чем мне об этом сказал кто-то другой.

– Я тоже. – Он подходит вплотную, кладя руку мне на шею, при этом пальцы его оказываются на моей щеке. – Пожалуйста, не сердись на меня. Я мудака.

Я тяжело вздыхаю, но его прикосновения мне приятны.

– Это ужасное оправдание.

– Я не оправдываюсь. Я придурок. Я понимаю это, но я тебя люблю и устал от всего этого. Я понимал, что рано или поздно ты об этом узнаешь, особенно когда съездишь к моему отцу.

– Так ты сказал это, зная, что я все равно узнаю правду?

– Да.

Запрокидываю голову назад и смотрю на него.

– И ты хотел скрыть это от меня и пытаться заставить поехать с тобой в Англию из жалости?

– В принципе...

Что, черт возьми, я должна на это ответить? Хочу сказать, что он псих, что он мне не отец и ему нужно прекратить попытки манипулировать мной, но вместо этого просто стою с открытым ртом, как дура.

– Ты не можешь пытаться заставить меня что-то делать, обманывая меня и манипулируя мной.

– Знаю, я облажался, – отвечает он, и в глазах его появляется беспокойство. – Я не знаю, почему я такой. Я просто боюсь потерять тебя и от этого в отчаянии.

По лицу вижу, он действительно не понимает, почему так поступил.

– Нет, знаешь. Иначе не было бы необходимости лгать.

Хардин кладет мне руки на бедра.

– Тесса, прости меня, но я действительно в отчаянии. Ты должна признать, что для нас обоих так лучше.

Он прав, такой извилистый путь действительно гораздо лучше подходит для наших отношений, чем тот, что мы привыкли видеть вокруг себя. Он далек от нормы, но нормальность нам никогда не была свойственна.

– Значит, свадьба не заставит тебя поехать со мной?

Мое сердце начинает биться часто, и я уверена, что он это чувствует.

Но я отвечаю только:

– Поговорим об этом, когда ты протрезвеешь.

– Я уже не пьян.

Я улыбаюсь и глажу его по щеке.

– Для такого разговора еще пьян.

Он улыбается и подтягивает меня поближе.

– Когда ты вернешься из Сэндпойнта?

– А ты не поедешь?

– Не знаю.

– Ты говорил, что поедешь. Мы никогда раньше вместе не путешествовали.

– В Сиэтл, – говорит он, и я смеюсь.

– На самом деле ты приехал туда без приглашения и на следующее утро уехал.

Он проводит рукой по волосам.

– Это уже детали.

– Я правда хочу, чтобы ты поехал. Лэндон ведь скоро уедет. – Меня ранит даже мысль об этом.

– Ну и что? – отвечает Хардин, качая головой.

– И твой отец будет счастлив, если ты придешь, я уверена.

– Ну конечно! Он на меня просто ужасно зол: меня основательно потрепали и оставили на испытательный срок, малейшая оплошность – и я вылечу.

– Так почему бы тебе не перевестись в университет в Сиэтле вместе со мной?

– Я больше не могу слышать слово «Сиэтл», на сегодня достаточно. У меня был долгий день и адски болит голова. – Он целует меня в лоб.

Я снова отклоняюсь назад.

– Ты напился с моим отцом и врал, что тебя отчислили. Мы будем говорить о Сиэтле, если я этого хочу, – сухо сообщаю я.

Он улыбается:

– А ты надела эти штаны, чтобы меня подразнить, и не отвечала на звонки. – Он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

– Тебе не стоит мне постоянно названивать. Это невыносимо. Даже Молли назвала тебя прилипалой, – говорю я, улыбаясь под его нежными прикосновениями.

– Да ладно? – Он продолжает водить по моим губам, и они

непроизвольно открываются.

– Да, – выдыхаю я.

– Хм...

– Я знаю, чего ты хочешь.

Я тянусь вниз и снимаю его руку со своего бедра, когда пальцы уже проскальзывают за пояс моих штанов.

Он улыбается:

– Чего же именно?

– Ты пытаешься меня отвлечь, чтобы я на тебя не сердилась.

– И как, получается?

– Не очень. Кроме того, здесь мой отец, и я не буду заниматься с тобой сексом, пока он в другой комнате.

Я извиваюсь и игриво хлопаю его ладонью. Он несколько отодвигается и смотрит на меня.

– Да ну, а как насчет того случая, когда я трахал тебя там, – Хардин указывает на кровать, – пока моя мама спала на диване? – Он мягко прижимает меня к себе. – Или когда я трахал тебя в ванной у отца, или несколько раз трахал тебя, когда Карен, Лэндон и отец шлялись по коридору? – Он наклоняется и мягко касается моего бедра. – Да, кстати, и как насчет того случая, когда мы занимались этим на твоём рабочем столе?

– Хорошо-хорошо. Поняла, – соглашаюсь я, и он смеется.

– Давай, Тесси, ложись.

– Ты с ума сошел! – смеюсь я и отодвигаюсь от него.

– Куда ты? – поморщившись, спрашивает он.

– Узнать, что там делает папа.

– Зачем? Значит, ты можешь вернуться сюда и...

– Нет! Черт возьми, только спать! – восклицаю я.

Приятно, что он по-прежнему в игривом настроении, но, несмотря на признания, меня раздражает его ложь и то, что он упрямо отказывается обсуждать Сиэтл.

Я была уверена, что когда я вернусь из кафе домой, он будет в ярости из-за того, что я не отвечала на его эсэмэски. Я и подумать не могла, что мы будем что-то обсуждать и он признается, что наврал об отчислении. Может быть, Стеф его заверила, что я уже еду, и он успокоился? Но ее телефон лежал на столе, когда я уходила...

– Ты говорил, Стеф не брала трубку, когда ты звонил? – спрашиваю я.

– Да, а что? – Он смотрит на меня в замешательстве.

Я пожимаю плечами, не зная, что ответить.

– Просто интересно.

– А все-таки?

– Я попросила ее сказать, что я уже выехала, и мне просто интересно, почему она этого не сделала.

– А.

Он смотрит в сторону и тянется к кружке на тумбочке. Очень странно, что Стеф не передала ему, что я выехала.

– Я поеду. Если хочешь, можешь присоединиться.

– Хорошо. Только переоденусь.

Киваю и поворачиваю ручку двери.

– А кстати, как насчет твоего отца? Он только что вернулся в твою жизнь, и ты собираешься уехать?

Его слова меня останавливают. Не то что я не думала об этом раньше, но Хардин поставил вопрос ребром, словно вставил мне ракетку под лопатки, чтобы сидела прямо.

Выхожу из комнаты, оставив себе время на размышления. В гостиной вижу, что отец снова спит. Должно быть, пить в полдень очень утомительно. Выключаю телевизор и иду на кухню, чтобы попить. В голове снова всплывают слова Хардина об отъезде после того, как я встретила с отцом. Но я же не могу променять свое будущее на общение с отцом, которого не видела девять лет. При других обстоятельствах я бы еще подумала, но он меня бросил. Когда я возвращаюсь к спальне, я слышу внутри голос Хардина.

– Что за хрень вы сегодня устроили? – говорит он приглушенным голосом.

Прижимаюсь ухом к двери. Мне нужно взять и войти, но у меня такое впечатление, что я не должна слышать этот разговор. Это означает, что мне надо его услышать.

– Плевать, этого не должно было случиться. Теперь она расстроена, и ты должна... – Конец фразы я не могу разобрать.

– Плевать мне на это! – восклицает он.

С кем он разговаривает? И что они должны сделать? Это Стеф? Или, еще хуже, Молли?

Я слышу, как шаги приближаются к двери, и быстро удираю в ванную.

Через несколько мгновений дверь дергается.

– Тесса?

Я открываю дверь. Знаю, что должна выглядеть непринужденно, но сердце колотится, а желудок скрутило в узел.

– О, привет. Я уже заканчиваю, – говорю я еле слышным голосом.

Хардин поднимает бровь.

– Ладно. – Он смотрит назад в коридор. – Где твой папа? Все еще спит?

– Э-э, да, – отвечаю я, заставляя его улыбнуться.

– Тогда пойдем обратно в спальню, – просит он, нежно обнимает меня и ведет за собой.

Пока мы идем в спальню, просыпается давно знакомая паранойя.

Глава 16

Тесса

Крошечный участок сознания продолжает посылать предупредительные сигналы остальному мозгу, полностью занятому Хардином и всем, что с ним связано. Голос разума, точнее, то, что от него осталось, говорит, что нужно задать вопросы, но я не могу просто взять и спросить его о произошедшем. Я и так задаю ему много вопросов.

Большой сектор мозга побеждает. Действительно ли я хочу устроить скандал и обвинять Хардина в том, что может оказаться обычным недоразумением? Он мог быть просто зол на Стеф за то, что та пригласила Молли на встречу. Я не все отчетливо слышала, возможно, он меня защищал. Он только что признался, что солгал насчет исключения, – зачем же ему врать сейчас?

Хардин садится на кровати, берет мою руку в свою, усаживает меня к себе на колени.

– Ну, все серьезные темы мы обсудили, твой отец заснул. Думаю, нужно найти новый способ, чем себя занять... – Я не могу не улыбнуться вместе с ним.

– Ты думаешь только о сексе? – спрашиваю я, игриво прижимаясь к нему грудью.

Он откидывается спиной на кровать и одной рукой подтягивает меня наверх, закидывая мою ногу на себя. Сажусь, сжимая его бедрами, а он тянет меня вниз так, что наши лица соприкасаются.

– Нет, я частенько думаю и о других вещах. Например, думаю о твоих приоткрытых губах...

Наши губы соединяются. При поцелуе чувствую легкий аромат мяты; его губы бьют меня сильным электрическим разрядом, но он все же не такой мощный, чтобы заставить меня не желать большего.

– Я залезу лицом тебе между ног, пока ты... – начинает он, но я протягиваю руку и закрываю ему рот.

Он игриво лижет мою ладонь, а я вырываюсь.

– Фу! – Я морщу нос и вытираю влажную ладонь о его черную рубашку.

– Я тихо, – шепчет он, поднявшись с кровати и вытягиваясь напротив

меня. – Конечно, если ты не хочешь большего.

– Мой отец... – напоминаю я гораздо менее уверенно.

– Да при чем тут он? Это наш дом, если ему не нравится, может уходить.

Я полусерьезно смотрю на него.

– Не будь грубияном.

– Я не грубиян, просто хочу быть с тобой каждый раз, когда я этого хочу, – заявляет он, и я закатываю глаза.

– У меня тоже есть право голоса; ты говоришь о моем теле. – Я стараюсь сдерживать бешено стучащее сердце и не чувствовать знакомое томление.

– Разумеется. Но я знаю, что если я сделаю так... – Он проводит рукой между нашими телами вниз, под пояс моих штанов и трусиков. – Смотри-ка, я знал, что ты уже готова, когда начал говорить о еде...

Я прижимаюсь губами к его губам, чтобы заставить его грязный рот умолкнуть, и не могу удержаться от стонов, когда он проводит пальцем по моему клитору. Он едва касается меня, намеренно мучая таким образом.

– Даааа... – шепчу я, и он надавливает сильнее, проталкивая палец в меня.

– Я так и думал, – усмехается он, медленно двигая пальцем.

Он быстро перестает ласкать меня и кладет рядом с собой. Прежде чем я успеваю что-то сказать, он садится, хватается за мои штанины, стягивает до уровня бедер. Я сгибаю ноги в коленях, помогая ему, и он сдергивает с меня и трусы. Без лишних слов он жестом командует подняться повыше к изголовью. Я отползаю на локтях и прислоняюсь к спинке кровати. Он ложится передо мной на животе, обхватив обеими руками мои бедра, раздвинув их. Он ухмыляется:

– По крайней мере, постарайся потише.

Глаза мои закрываются, но его теплое дыхание заставляет меня напрячься, сначала немного, но он приближается, и напряжение увеличивается. Внезапно по мне скользит язык, я возбуждаюсь еще сильнее и хватаю желтую декоративную подушку, которую Хардин называет отвратительной. Закрываю лицо, чтобы приглушить собственные произвольные стоны, а его язык начинает двигаться все быстрее и быстрее.

Внезапно он срывает подушку с моего лица.

– Нет, детка, смотри на меня, – командует Хардин, и я медленно киваю.

Он прижимает палец к моим губам, и язык снова скользит по мне.

Переместив руку, он попадает в самое чувствительное место. Мои ноги вытягиваются в струнку. Прикосновения к клитору просто восхитительные, его палец медленно движется кругами, и одно только это легкое прикосновение мучительно сладко.

Повинуясь его требованию, я смотрю на него сверху вниз: жесткие волосы закинута назад, волной возвышаясь надо лбом, спадает лишь одинокая прядь, которую он то и дело отбрасывает, когда опускает голову. Наполовину видя, наполовину воображая, как его губы касаются меня, я резко усиливаю ощущения, и я знаю, просто знаю, что не смогу сидеть тихо, когда начинает накапливаться медленная волна наслаждения. Одной рукой зажимаю себе рот, другой хватаю его за волосы, смещаясь так, чтобы встретиться с его языком. Это просто безумное наслаждение.

Тяну за волосы, слышу, как он стонет, заставляя меня возбуждаться все сильнее и сильнее.

– Жестче, – хрипит он.

Что?

Он тянется к моей руке и кладет свою ладонь поверх моей, заставляя тянуть его сильнее... Он хочет, чтобы я тащила его за волосы?

– Давай, – произносит он. Взгляд его полон желания. Хардин начинает двигать пальцами, затем опускает голову и помогает языком. Я резко тяну его за волосы. Его глаза закрыты. Когда они открываются, то в них горит яркий нефритовый огонь. Он смотрит на меня, но мое зрение на мгновение становится нечетким. – Давай, детка, – шепчет он.

Я замечаю, как его рука тянется вниз, между его ног, но не могу пошевелиться. Он поглаживает рукой свой твердый член, чтобы достичь оргазма одновременно со мной. Никак не могу привыкнуть к тому, что чувствую от его прикосновений. Глядеть, как он ласкает себя, ощущать его горячее дыхание, которое становится все тяжелее...

– Ты такая вкусная, детка, – бормочет он мне, двигая рукой все быстрее.

Сама того не понимая, я впираюсь зубами в свою ладонь, когда достигаю высшей точки наслаждения, все еще цепляясь за его волосы.

Я дергаюсь. И затем еще немного, слабее.

Когда я прихожу в себя, то вижу, что он переместился, положив голову мне на живот. Его глаза закрыты, грудь часто колыхается вниз-вверх. Я поднимаю его за плечо, пытаюсь переместиться между его ног.

Он замирает и смотрит на меня.

– Я... гм, я уже все, – сообщает он.

Я смотрю на него.

– Я уже кончил... – Похоже, он совершенно изнемог.

– А.

Он лениво улыбается полупьяной улыбкой и поднимается с кровати. Затем подходит к шкафу, открывает нижний ящик и достает пару белых спортивных шортов.

– Мне явно нужно принять душ и переодеться. – Он указывает на промежность, где на джинсах, несмотря на их темный цвет, явно просматривается мокрое пятно.

– Прямо как в старые добрые времена? – улыбаюсь я, и он тоже улыбается, глядя на меня.

Хардин подходит и целует меня в лоб, затем еще один раз, в губы.

– Хорошо, что ты не потеряла свою возбудимость, – замечает он, подходя к двери.

– Она не моя, – напоминаю я, и он, качая головой, выходит из комнаты.

Я тянусь к своей одежде на краю кровати, молясь, чтобы отец все еще спал на диване и чтобы, если он вдруг проснулся, не попался на пути Хардина в ванную. Через секунду дверь в ванную закрывается, и я встаю, чтобы одеться.

Проверяю свой телефон, жду голосовое сообщение от Сандры, но ничего нет. Вижу маленький значок конверта в верхнем углу экрана, новая эсэмэска; может быть, она занята и решила отправить мне эсэмэс.

Я открываю сообщение и читаю: «Мне нужно поговорить с тобой».

Читаю имя отправителя: «Зед» – и охаю. Удалив сообщение, кладу телефон обратно на стол. Меня начинает терзать любопытство, и я ищу телефон Хардина. Мое сердце тяжелеет, когда я вспоминаю последний раз, когда я смотрела в него. Добром это не кончится.

Но на этот раз я знаю, что он ничего не скрывает. Это невозможно. Мы сейчас совершенно в другой ситуации. Он сделал ради меня татуировку... Только он не хочет ради меня переехать. Но мне ведь не о чем беспокоиться. Верно?

Я осматриваю комод, но на поверхности его нет, это означает, что он ушел с телефоном в ванную. Это ведь нормально?

«Мне не о чем волноваться; я просто псих и параноик», – напоминаю я себе.

Прежде чем погрузиться в кроличью нору беспокойства, убеждаю себя, что я не должна рыться в его мобильном, что сама бы я была в ярости, если бы он так сделал.

Хотя он, вероятно, так и делает. Просто я его еще не поймала.

Дверь в спальню внезапно открывается, и я подпрыгиваю, словно

действительно занималась чем-то подозрительным. Хардин переоделся, в футболке, босиком, в спортивных шортах, из-под которых видны черные трусы.

– Ты в порядке? – спрашивает он, вытирая белым полотенцем мокрые волосы.

Мне нравится, что его волосы кажутся темнее, когда они мокрые; они контрастируют с зелеными глазами, о таком сочетании можно только мечтать.

– Да. Что-то ты недолго пробыл в душе. – Я сажусь на стул. – Надо было тебя побольше испачкать, – говорю я, стараясь, чтобы он не заметил, как дрожит мой голос.

– Я спешил, чтобы тебя увидеть, – неуверенно заявляет он.

Я улыбаюсь.

– Ты голодный?

– Да, – признается он с веселой улыбкой. – Я проголодался.

– Я так и думала.

– Твой отец еще спит, он собирается остаться здесь, пока нас не будет?

Все мои волнения испаряются.

– Ты пойдешь со мной?

– Думаю, да. Но если там будет так скучно, как я думаю, я останусь только на одну ночь.

– Хорошо, – с сожалением говорю я.

Но внутренне я просто в восторге: раньше он не уедет. Он просто обязан соблюсти приличия.

Он облизывает губы, и я снова думаю о том, как он двигался между моих бедер.

– Могу я кое о чем спросить?

Он смотрит на меня и кивает:

– Да – Он садится на кровать.

– Ты... ну, понимаешь, это потому, что я тянула тебя за волосы?

– Что? – смеется он.

– Тебя нравится, когда я тяну тебя за волосы? – Я краснею.

– Да, конечно.

– А. – Не могу даже представить, какая я сейчас красная.

– Для тебя это странно? Что мне это нравится?

– Нет, мне просто интересно, – честно отвечаю я.

– У каждого человека есть вещи, которые он мечтает попробовать во время секса; а у меня это одна из таких вещей. Я не знал об этом до сегодняшнего дня. – Он улыбается, совершенно не смущаясь, что мы

говорим об этом.

– Вот как? – Я волнуюсь при мысли, что со мной он открыл кое-что новое.

– Ага. То есть меня тянули за волосы и другие девушки, но это было по-другому.

– А, – говорю я уже в десятый раз, но на этот раз более равнодушно.

Видимо, не поняв моей реакции, Хардин с любопытством смотрит на меня.

– А есть что-то, что тебе нравится, чего я еще не делал?

– Нет, мне нравится все, что ты делаешь, – тихо отвечаю я.

– Да, я знаю, но, может, есть что-то, чего ты хочешь, чего мы еще не пробовали?

Я качаю головой.

– Не смущайся, детка. У каждого человека есть фантазии на этот счет.

– У меня нет.

По крайней мере, я думаю, что их нет. У меня нет опыта отношений ни с кем, кроме Хардина, и я не знаю ни о чем, кроме того, чем мы с ним занимались.

– Наверняка есть, – произносит он с улыбкой. – Надо просто найти их.

Мой желудок сжимается, я не знаю, что сказать.

Вдруг нашу беседу прерывает голос отца:

– Тесси?

Первая моя мысль: как хорошо, что его голос звучит из гостиной, а не из-за двери!

Мы с Хардином одновременно встаем.

– Мне надо в туалет, – говорю я.

Злобно ухмыльнувшись, он кивает мне и уходит в гостиную.

Когда я захожу в ванную, телефон Хардина лежит на краю раковины.

Я знаю, что не должна этого делать, но не могу остановиться. Я сразу же захожу в список вызовов, но он не отображается. Все звонки стерты. На экране нет ни одного. Я выхожу и захожу снова, потом смотрю в текстовые сообщения.

Ничего. Он все удалил.

Глава 17

Тесса

Возвращаюсь из ванной с телефоном Хардина в руке. Он и отец сидят за кухонным столом.

– Детка, я с голоду умираю, – говорит Хардин, когда я подхожу.

Отец застенчиво смотрит на нас.

– Я бы съел... – неуверенно начинает он.

Кладу руку на спинку стула Хардина, и он отклоняет голову назад; его влажные волосы касаются моих пальцев.

– Тогда предлагаю вам что-нибудь себе приготовить, – предлагаю я и кладу телефон перед ним.

Хардин смотрит на меня с совершенно нейтральным выражением.

– Хорошо... – говорит он, встает и идет к холодильнику. – Ты голодна?

– У меня осталось кое-что из кафе.

– Ты расстроена, что мы сегодня напились? – спрашивает отец.

Я смотрю на него и смягчаюсь. Кажется, он такой сейчас, как был, когда мы с ним встретились.

– Я не расстроена, но не хочу, чтобы это стало обычным явлением.

– Этого не будет. Кроме того, ты уедешь, – напоминает он мне.

Гляжу через стол на человека, с которым знакома всего два дня, и не отвечаю. Вместо этого подхожу вместе с Хардином к холодильнику и открываю дверцу морозилки.

– Что бы ты хотел съесть? – спрашиваю я его.

Он осторожно смотрит мне в глаза, явно пытаюсь угадать мое настроение.

– Курицу, например... или можем что-нибудь заказать?

Я вздыхаю:

– Давай закажем.

Не хочу ему грубить, но в голове у меня кружится тысяча вариантов того, что могло быть в его телефоне, раз он решил все удалить. После того как мы решаем сделать заказ, отец и Хардин начинают спор, что заказать – китайскую еду или пиццу. Хардин хочет пиццу; он побеждает, напомнив, что платить будет он. Отец, впрочем, не очень обижается, только смеется и машет руками.

Так странно на них смотреть. После того как мой отец ушел, я часто думала о нем, когда видела отцов своих друзей. Я создала себе образ человека, похожего на тех, кого я видела, только старше, и, безусловно, не бездомного бродягу. Я всегда представляла, как он, с портфелем, набитым важными документами, идет к своей машине и несет в руке кружку кофе. Не думала, что он будет продолжать пить, что у него не будет средств к существованию и дома. Не могу представить себе маму и этого человека ведущими беседу, не говоря уже о том, чтобы они провели в браке несколько лет.

– Как вы с мамой познакомились? – неожиданно спрашиваю я.

– В колледже, – отвечает отец.

Хардин хватает телефон и выходит из комнаты, чтобы заказать пиццу. Наверное... А может, чтобы кому-нибудь позвонить, а потом быстренько удалить вызовы.

Сажусь за кухонным столом напротив отца.

– Вы долго были знакомы перед свадьбой?

– Всего два года. Мы рано поженились.

Неловко спрашивать такое, но я понимаю, что у меня не будет возможности получить ответ от матери.

– Почему?

– Ты никогда не говорила об этом с мамой? – спрашивает он.

– Нет. Мы никогда не говорили о тебе. Если даже я пыталась начать этот разговор, она замыкалась в себе, – отвечаю я, глядя, как заинтересованность на лице отца меняется смущением.

– А.

– Извини, – говорю я, хотя и не уверена, что мне есть за что извиняться.

– Нет, я понимаю. Я ее не виню. – На мгновение он закрывает глаза, потом открывает их. Хардин возвращается на кухню и садится рядом со мной. – Отвечаю на твой вопрос: мы поженились так рано, потому что она забеременела тобой, а твои бабушка с дедушкой ненавидели меня и старались, чтобы она держалась от меня подальше. Так вот мы с ней и соединились.

Он улыбается, наслаждаясь воспоминаниями.

– Вы поженились назло бабушке с дедушкой? – с улыбкой спрашиваю я.

Мои бабушка с дедушкой, царствие им небесное, были немножко... странные. Очень странные. В моих детских воспоминаниях осталось, как меня затыкают за обеденным столом, требуют, чтобы я не смеялась, и

заставляют снимать обувь, прежде чем заходить на ковры. На мой день рождения они присылали совершенно невыразительные карточки сберегательного счета, которым можно воспользоваться через десять лет, – не лучший подарок для восьмилетней девочки.

Моя мама была абсолютным клоном моей бабушки, только поживее. Хотя она старалась; мама тратила дни и ночи, пытаясь стать такой же совершенной, какой, по воспоминаниям, была ее мать.

Или настолько совершенной, насколько она ее представляла, неожиданно думаю я.

Отец усмехается:

– В некотором смысле да, назло. Но твоя мама всегда мечтала выйти замуж. Она практически приволокла меня к алтарю.

Он снова смеется, и Хардин смотрит на меня, прежде чем тоже усмехнуться.

Я хмуро поглядываю на него, вспоминая его реплики по поводу моих суждений о браке. Потом снова обращаюсь к папе:

– А ты был против брака?

– Нет. Честно говоря, я не помню; помню только, что был напуган, как всякий девятнадцатилетний пацан.

– И не зря. Мы видим, как это на тебе отразилось, – вставляет Хардин.

Я кидаю на него негодующий взгляд, но отец только отмахивается.

– Не то чтобы я это рекомендую, но многим молодым родителям это полезно. – Он машет рукой. – Я просто не был из их числа.

– А, – хмыкаю я. Не могу представить себе родителей в моем возрасте.

Он улыбается, давая мне понять, что готов отвечать еще.

– Еще вопросы, Тесси?

– Нет... думаю, это все, – говорю я.

Мне точно не очень уютно рядом с ним, но определенно уютнее, чем если бы на его месте сидела мать.

– Если захочешь узнать еще, спрашивай. А пока, если никто не против, я приму душ перед ужином?

– Конечно. Давай, – отвечаю я.

Просто не верится, что он тут всего два дня. Так много всего произошло с тех пор, как он тут появился, – Хардина отчислили или не отчислили, встреча с Зедом на парковке, обед со Стеф и Молли, стертый журнал вызовов – даже очень много. Это просто кошмар, куча вопросов постоянно растет, и кажется, что уменьшится она еще не скоро.

– Что-то случилось? – спрашивает Хардин, когда отец исчезает в коридоре.

– Ничего. – Я встаю и прохожу несколько шагов, прежде чем он меня останавливает, коснувшись моей талии и поворачивая к себе лицом.

– Я хорошо тебя знаю. Скажи мне, что случилось, – тихо требует он, положив руки мне на бедра.

Я пристально смотрю ему в глаза.

– Ты.

– Я... что? Поясни.

– Ты странно себя ведешь, ты удалил все сообщения и вызовы.

Он раздраженно морщится, потирает нос.

– Почему бы тебе не перестать лазить в мой телефон?

– Потому что ты ведешь себя подозрительно и...

– Так ты все-таки в нем копалась? Разве я тебе не говорил, чтобы ты так не делала?

Его негодование так меня возмущает, что кровь немедленно вскипает от гнева.

– Я знаю, что не должна копаться в твоих вещах, но ты не должен давать мне для этого причины. И если тебе нечего скрывать, что ты так беспокоишься? Я была бы не против, если бы ты посмотрел мой телефон. Мне нечего скрывать.

Я достаю из кармана телефон и протягиваю ему. И мгновенно вспоминаю, что, кажется, не удалила сообщение от Зеда, и начинаю паниковать, но Хардин отклоняет мою руку.

– Ты это делаешь просто в оправдание своего психоза, – заявляет он.

Его слова обижают меня. Но мне нечего сказать. То есть много есть что сказать, но слова застревают в горле. Я сбрасываю его руки с бедер и несусь прочь. Он сказал, что знает меня достаточно хорошо, чтобы чувствовать, когда со мной что-то не так. А я знаю его достаточно хорошо, чтобы определить, когда ловлю его на чем-то – будь то маленькая ложь или ставка на то, что кто-то лишит меня девственности; каждый раз происходит одно и то же: сначала он себя ведет подозрительно, а потом, когда я прижимаю его к стенке, сердится, защищается и наконец меня оскорбляет.

– Не уходи от меня! – бубнит он за моей спиной.

– Не ходи за мной! – требую я, уходя в спальню.

Но через секунду он появляется в дверях.

– Мне не нравится, когда ты лезешь в мое барахло.

– Мне тоже не нравится, но приходится.

Он закрывает дверь и прислоняется к ней спиной.

– Не стоит. Я их удалил, потому что... это вышло случайно. Там не было ничего, что бы заставило тебя волноваться.

– Волноваться? Ты хотел сказать «психовать»?

Он вздыхает.

– Я правда не хотел этого говорить.

– Тогда перестань говорить то, что не хотел говорить. Потому что я не понимаю, что ты серьезно говоришь, а что нет.

– Тогда не ройся в моем барахле. Потому что я не могу понять, могу я доверять тебе или нет.

– Ну ладно. – Я сажусь за стол.

– Ну ладно, – повторяет он, садясь на кровать.

Не могу решить, верю я ему или нет. Ничего не прибавилось, но и не убавилось. Может, он удалил вызовы и эсэмэс случайно, а может – потому что говорил по телефону со Стеф. Распаленное воображение развивает обрывки разговора, которые я слышала, но я не могу спросить об этом разговоре Хардина, потому что не хочу, чтобы он знал, что я подслушивала. Кроме того, он все равно не скажет, о чем они говорили.

– Я не хочу, чтобы между нами были секреты. Это должно остаться в прошлом, – напоминаю я.

– Черт, я знаю. Нет никаких тайн; ты просто сходишь с ума.

– Хватит называть меня сумасшедшей. Не тебе называть так кого-либо.

Я уже жалею о своих словах, но Хардин, кажется, не обижается.

– Прости, ладно? Ты не сумасшедшая, – говорит он и улыбается. – Ты просто просматриваешь мой мобильник.

В ответ выдавливаю из себя улыбку, пытаюсь убедить себя, что все нормально, а я просто параноик. В худшем случае он что-то от меня скрывает. В конце концов я об этом узнаю, так что не стоит делать из этого такое большое событие сейчас. В итоге я все узнаю. Мысленно я повторяю эти аргументы раз за разом, пока не убеждаюсь в них окончательно.

Из другой комнаты кричит что-то отец, и Хардин замечает:

– Наверное, пиццу принесли. Ты же не собираешься злиться на меня весь вечер, верно?

И он выходит из комнаты, не дав мне шанса ответить.

Я поворачиваюсь на месте и смотрю туда, где оставила телефон. С интересом проверяю его – и конечно: еще одно сообщение от Зеда. На этот раз не стану его читать.

Следующий день – последний в моем старом офисе, поэтому еду на работу медленнее, чем обычно. Хочется запомнить каждую улицу, каждое здание на пути. Эта оплачиваемая стажировка стала сбывшейся мечтой. Я знаю, что буду продолжать работать на Вэнса в Сиэтле, но это место, где

все началось, где началась моя карьера.

Когда я выхожу из лифта, Кимберли сидит за столом. Рядом с ним стоят несколько картонных коробок.

– Доброе утро! – щебечет она.

– Доброе утро, – отвечаю я не так весело, как она.

Чувствую себя неловко и словно на взводе.

– Как тебе последняя неделя? – спрашивает Ким, пока я наливаю себе кофе в пластиковый стаканчик.

– Да-а, точнее, последний день. Мне нужно будет уехать до конца недели, – напоминаю я ей.

– Ах да, чуть не забыла. Надо же! Твой последний день! Надо вручить тебе открытку, – улыбается она. – Но раз так, отдам тебе ее на следующей неделе в твоём новом кабинете.

Я смеюсь.

– А ты готова? Когда вы выезжаете?

– В пятницу! Новый дом уже обставлен и ждёт нашего приезда.

Я абсолютно уверена, что новый дом Кристиана и Кимберли большой, красивый и современный, совсем как старый. Обручальное кольцо Кимберли сверкает на свету, и я невольно разглядываю его каждый раз, когда замечаю.

– Я все ещё жду звонка насчёт квартиры, – рассказываю я.

Ким оборачивается и смотрит на меня.

– Что? Ты ещё не нашла себе квартиру?

– Я... я уже послала ей документы. Надо только договориться о деталях аренды.

– У тебя осталось всего шесть дней! – Кимберли в ужасе глядит на меня.

– Я знаю, все под контролем, – уверяю я, надеясь, что это правда.

Если бы дело происходило несколько месяцев назад, я бы тщательно спланировала каждую деталь, но сейчас я слишком загружена, чтобы сосредоточиваться на чем-либо, даже на переезде в Сиэтл.

– Ладно, если тебе потребуется помощь, просто дай знать, – предлагает она и переключается на звонящий на её столе телефон.

Иду в свой кабинет по пустым коридорам. У меня не так много личных вещей, так что на сборы не должно уйти много времени.

Через двадцать минут после того, как я упаковываю последний ящик, раздаётся осторожный стук в дверь.

– Войдите, – громко говорю я.

На мгновение думаю, что это Хардин, но, обернувшись, вижу Тревора

в широких джинсах и белой глаженной футболке. Я удивлена его неформальным видом, так как я привыкла видеть его в костюме.

– Готова к большому скачку? – спрашивает он, пока я пытаюсь поднять коробку, которую чересчур перегрузила.

– Да, почти. А ты?

Тревор подходит, забирает у меня коробку и ставит на стол.

– Спасибо, – улыбаюсь я, вытирая руки о свое зеленое платье.

– И я. Уезжаю сегодня, как только здесь все доделаю.

– Поразительно. Я знаю, что ты переедешь в Сиэтл, еще с момента, как мы были там в прошлый раз.

Чувствую, как краснею, и я вижу, что по его щекам тоже расползается румянец. «Когда мы были там последний раз», Тревор пригласил меня на замечательный ужин, а в благодарность я уклонилась от его поцелуя, а потом еще Хардин угрожал ему и толкнул. Понятия не имею, зачем я согласилась тогда с ним пойти.

Он смотрит на меня совершенно нейтрально.

– Это было интересное завершение недели. Во всяком случае, ты тоже, наверное, рада. Ты всегда хотела жить в Сиэтле.

– Да, не могу дождаться.

Тревор оглядывает мой кабинет.

– Конечно, это не мое дело... И все-таки: Хардин переедет в Сиэтл вместе с тобой?

– Нет. – Это вырывается раньше, чем я успеваю подумать. – Ну, я не уверена. Он говорил, что не хочет, но надеюсь, что он передумает... – продолжаю тараторить я слишком быстро.

Тревор несколько смущенно засовывает руки в карманы и прерывает меня:

– Почему он не хочет ехать с тобой?

– Я точно не знаю, но надеюсь, что он переедет, – вздыхаю я, садясь в свое кожаное кресло.

Голубые глаза Тревора встречаются с моими.

– Он псих, если этого не сделает.

– Он и так псих! – смеюсь я, пытаюсь разрядить обстановку.

Он тоже смеется и качает головой:

– Ну, мне нужно заканчивать работу и выезжать. Буду рад увидаться с тобой в Сиэтле.

Он, улыбаясь, уходит, и я почему-то чувствую себя немного виноватой. Достāju телефон и пишу сообщение Хардину, между делом давая ему понять, что Тревор заходил в мой кабинет. Может быть, на этот раз Хардин

так взрывает меня к Тревору, что решит переехать в Сиэтл? Это маловероятно, но не могу удержаться, чтобы не схватиться за соломинку, надеясь, что он передумает. Времени мало; шесть дней – слишком короткий срок, чтобы раздумывать. Ему придется сделать запрос на перевод, что не так уж сложно, учитывая положение Кена. Шесть дней – не такой уж долгий срок и для меня, хотя я и собираюсь в Сиэтл. Я должна там быть. Это мое будущее, и я не могу ставить в центр мира Хардина, если он не желает идти на компромисс. Я предложила вполне разумный план: мы едем в Сиэтл, и если там ничего не сложится, едем в Англию. Но он об этом не хочет и слышать. Надеюсь, поездка с его семьей, которую мы запланировали, заставит его вместе со мной, Лэндоном, Карен и Кеном заняться чем-нибудь веселым и позитивным, это не так уж сложно.

Но с Хардином все сложно. Звенит телефон на столе, отвлекая меня от тяжких дум о Сиэтле.

– К вам посетитель, – говорит Кимберли мне в ухо, и сердце подпрыгивает при мысли, что это Хардин.

Прошло всего несколько часов, а я уже соскучилась по нему, потому что мы далеко друг от друга.

– Скажи Хардину, пусть войдет. Странно, что он даже попросил тебя доложить о своем прибытии, – прошу я.

– Гм, это не Хардин.

Может быть, Хардин привез сюда папу?

– Это пожилой человек с бородой?

– Нет... молодой парень... типа Хардина, – отвечает она почти шепотом.

– У него на лице есть синяки? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

– Да. Попросить его уйти?

Я не хочу, чтобы она заставляла Зеда уезжать, он ведь не сделал ничего плохого, за исключением того, что не послушался предупреждения Хардина держаться от меня подальше.

– Нет, все нормально. Это мой друг. Ты можешь разрешить ему войти.

Зачем он пришел? Уверена, что мне не стоит его слушать, но ведь что-то заставило его сорок минут крутить баранку, чтобы сообщить мне о чем-то.

Вешаю трубку, раздумывая, написать ли Хардину эсэмэску, что пришел Зед. Кладу телефон в ящик стола и закрываю его. Меньше всего мне нужно, чтобы Хардин примчался в состоянии, в котором не может контролировать гнев и, конечно же, устроит сцену в мой последний день на работе.

И меньше всего я хочу, чтобы его снова арестовали.

Глава 18

Тесса

Открываю дверь кабинета. Зед стоит в коридоре, как ангел смерти. На нем красно-черная клетчатая рубашка, черные джинсы и кроссовки. Отек на лице немного спал, а синяки вокруг глаз и у носа поменяли цвет от темно-фиолетового до зеленовато-голубого.

– Привет... Извини, что я вот так пришел, – начинает он.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, возвращаясь к столу.

Он неловко мнетя в дверях с минуту, затем заходит внутрь.

– Нет. То есть да, со вчерашнего дня я пытался поговорить с тобой, но ты не отвечала на эсэмэс.

– Я знаю, просто у нас с Хардином сейчас и так достаточно проблем, не желаю создавать новые, к тому же он не хочет, чтобы мы с тобой разговаривали.

– Ты позволяешь ему указывать, с кем тебе можно разговаривать?

Зед садится в кресло перед столом, а я сажусь с другой стороны. Разговор становится серьезным, почти официальным. Не то чтобы так неудобно, просто слишком формально. Смотрю в окно, а потом отвечаю:

– Нет. Я знаю, что он своего рода деспот и может что-то делать неправильно, но не могу сказать, что виню его за то, что он не желает нашей с тобой дружбы. Я бы не хотела, чтобы он проводил время с кем-то, к кому испытывает какие-то чувства.

Глаза Зедаса расширяются.

– Что ты сказала?

Черт!

– Ничего, я только имела в виду...

Вокруг меня сгущается воздух и сжимаются стены. Зачем я это только что сказала? Не то чтобы это неправда, но это совсем не помогает делу.

– Ты испытываешь ко мне какие-то чувства? – спрашивает он, и с каждым словом его глаза сияют все ярче.

– Нет... То есть были. Не знаю.

Я путаюсь и отчаянно жалею, что не могу стукнуть себя за то, что ляпнула не подумав.

– Ничего страшного, если ты не испытываешь их ко мне, только не

надо лгать.

– Я не вру, ты мне нравился. И до сих пор, возможно, что-то остается, не знаю. Все так запутано. Ты всегда говорил все правильно, всегда оказывался в нужном месте. Это имело бы смысл, если бы я развивала это чувство. Я уже говорила, что ты мне небезразличен, но мы оба знаем, что это безнадежное дело.

– Почему?

Не знаю, сколько еще раз надо повторить, прежде чем он поймет, к чему я клоню.

– Потому что это бессмысленно. Я никогда не смогу быть с тобой или с кем-то другим, раз уж на то пошло. Ни с кем, кроме него.

– Ты говоришь так только потому, что ты у него на крючке.

Стараюсь сдерживать медленно нарастающий гнев. Зед, конечно, имеет право относиться к Хардину плохо, но мне совсем не нравится, когда он намекает, что я совершенно бесправна и безвольна, когда речь идет о моих личных делах.

– Нет, я говорю, потому что его люблю. Не хотела говорить тебе прямо сейчас, но я знаю, что должна это сделать. Я не хочу приближать тебя к себе больше, чем есть сейчас. Я знаю, что ты не понимаешь, почему я остаюсь с ним после всего, что произошло, но я очень его люблю, сильнее, чем когда-либо, и я не на крючке. Я хочу быть с ним.

Так и есть. Все, что я только что сказала Зеду, истинная правда. Поедет Хардин со мной в Сиэтл или нет, мы сможем попытаться сохранить отношения. Общаться по скайпу, видаться по выходным, пока он не уедет в Англию. Надеюсь, что к тому времени он уже не захочет отдаляться от меня. Может быть, расстояние смягчит сердце Хардина и он согласится ко мне переехать. История наших отношений показывает, что нам очень плохо друг без друга и, сознательно или нет, в конце концов мы все равно оказываемся вместе. Мне трудно вспомнить время, когда мои дни и ночи не были связаны с этим человеком. Снова и снова пытаюсь представить себе жизнь без него, но это почти невозможно.

– Не думаю, что он и вправду предоставляет тебе решать, что для тебя хорошо и чего ты хочешь, – убежденно говорит внезапно охрипший Зед. – Он заботится только о себе.

– Вот тут ты ошибаешься. Я знаю, что между вами есть некоторые трения, но...

– Нет, ты не знаешь обо всех наших делах, – быстро произносит он. – Если ты...

– Он любит меня, а я его, – прерываю я. – Мне жаль, что ты оказался

втянут во все это. Очень жаль. Я никогда не хотела причинить тебе боль.

Он хмурится.

– Ты мне это постоянно говоришь и все же постоянно причиняешь.

Больше всего ненавижу выяснять отношения, особенно с человеком, который для тебя что-то значит, но я должна сказать ему это, чтобы покончить раз и навсегда с... Даже не знаю, как это назвать. Этой ситуацией? Недоразумением? Темной полосой?

Я смотрю на Зеда. Надеюсь, он видит мою искренность.

– Я не нарочно. Прости.

– Тебе не нужно извиняться. Я уже знал это, когда решил сюда приехать. Ты все дала понять мне предельно ясно еще возле административного корпуса.

– Тогда зачем ты пришел? – тихо спрашиваю я.

– Чтобы с тобой поговорить. – Он оглядывает комнату, потом снова смотрит на меня. – Неважно. Не знаю, зачем я пришел, – вздыхает он.

– Вот как? Несколько минут назад ты казался вполне уверенным.

– Нет. Это бессмысленно, ты правильно сказала. Прости меня.

– Все нормально, ты не должен извиняться, – отвечаю я.

Мы оба это говорим, думаю я.

Он указывает на коробки.

– Ты собираешься?

– Да, почти закончила.

Воздух между нами становится ужасно плотным, и никто не знает, что еще сказать. Зед смотрит в серое небо в окне, я гляжу на стену позади него. Наконец он встает и говорит еле слышным грустным голосом:

– Я тогда пойду. Извини, что пришел. Удачи тебе в Сиэтле, Тесса.

Я встаю.

– Прости меня за все. Я хотела бы, чтобы многое было иначе.

– Я тоже, больше, чем ты думаешь, – отвечает он, поднимаясь с кресла.

Мне очень жалко Зеда. Он всегда был так добр ко мне, а я ничего в ответ не сделала, только заманила его и потом отвергла.

– Ты принял решение, будешь выдвигать обвинения?

Не совсем подходящее время, чтобы спрашивать об этом, но я не знаю, увижу или услышу ли я его когда-нибудь еще.

– Нет, я не собираюсь этого делать. Решено, нет смысла об этом больше говорить. Я тебе говорил, что если ты скажешь мне, что не хочешь меня больше видеть, я сниму обвинения, верно?

Внезапно чувствую, что, если Зед взглянет на меня еще раз, я расплачусь.

– Да, – тихо отвечаю я.

Чувствую себя Эстеллой из романа «Большие надежды», разбивающей чувства Пипа. Мой собственный Пип стоит передо мной и смотрит на меня. Вот эту роль мне хотелось бы играть меньше всего.

– Мне действительно жаль, что так получилось. Мы могли бы остаться друзьями, – бормочу я.

– Да, но тебе не разрешается иметь друзей, – вздыхает он, потирая пальцами нижнюю губу и пощипывая ее.

Я решаю не комментировать: речь не о том, что мне «разрешается» делать. Представляю себе, как это выглядело бы со стороны других людей и Хардина, и убеждаюсь, что он понимает, что это меня беспокоит, а его чувство ко мне заставляет всех судить обо мне неправильно.

Как нарочно, рабочий телефон нарушает наше молчание. Жестом прошу Зеда не уходить и поднимаю трубку.

– Тесса, – доносится до меня грубый голос Хардина. Вот дьявол!

– Привет, – неуверенно отвечаю я.

– Все в порядке?

– Да.

– Ты как-то странно говоришь. – Почему он так хорошо меня знает?

– Все в порядке, – снова уверяю его я. – Просто отвлеклась.

– Ладно. Короче, мне нужно знать, что делать с твоим папой. Я тебе писал, но ты не отвечала. У меня есть еще всякие дела, и я не знаю, оставлять его здесь или что?

Смотрю на Зеда. Он стоит у окна, не глядя на меня.

– Не знаю, ты не можешь взять его с собой? – Сердце у меня колотится.

– Блин, нет. Нет.

– Тогда оставь его там, – говорю я, чтобы завершить разговор.

Хочу рассказать Хардину о Зеде здесь, но представляю, как он разъярится, если узнает, что он заходил, а я, черт возьми, хотела это скрыть.

– Ладно, тогда, как вернешься, сама реши, что с ним делать.

– Ладно-ладно, увидимся дома.

Раздается музыка, и у меня уходит минута, чтобы понять, что она исходит от Зеда. Он лезет в карман и отключает ее, но не раньше, чем Хардин успевает ее услышать.

– Что это было? Чей это телефон? – спрашивает он.

Моя кровь сразу холодеет, пока я делаю паузу, чтобы обдумать ответ. Мне нельзя показать страх или волнение, когда Хардин узнает, что Зед тут. Я ничего плохого не сделала; он пришел, и он уезжает. Хардин

раздражается, когда ко мне в офис заходит Тревор, а ведь он сотрудник и имеет право заходить, когда захочет.

– Этот гребаный Тревор там?

– Нет, это не Тревор. Это Зед, – набрав воздуха в грудь, говорю я.

Молчание. Смотрю на экран, чтобы убедиться, что звонок еще продолжается.

– Хардин?

– Да, – отвечает он, шумно выдыхая.

– Ты меня слышишь?

– Да, Тесса, я слышал.

И все? Почему он не орет в телефон и не угрожает его убить?

– Поговорим об этом позже. Попроси его уйти, пожалуйста, – спокойно просит он.

– Хорошо...

– Спасибо, увидимся дома, – говорит он и вешает трубку.

Когда я, немного сбитая с толку, кладу трубку, Зед поворачивается ко мне:

– Прости, я знаю, он будет беситься из-за этого.

– Не будет. Все в порядке, – отвечаю я. Конечно, это не так, но в любом случае хорошо звучит. Реакция Хардина на то, что Зед находится в моем кабинете, меня поразила. Никак не ожидала, что он будет так спокоен. Думала, он скажет, что едет сюда. Очень надеюсь, что это не так.

Зед подходит к двери.

– Ладно. Думаю, мне пора идти.

– Спасибо, что зашел, Зед. Видимо, до моего отъезда больше не увидимся.

Он поворачивается. В его глазах что-то мелькает, но исчезает так быстро, что я не успеваю понять, что именно это было.

– Не буду говорить, что встреча с тобой усложнила мне жизнь, но я ничего не хотел бы менять. Я прошел через все это дерьмо – драки с Хардином, потерю друга, все такое. Ради тебя я прошел бы через все это еще раз. Кажется, мне не везет: не могу встретить девушку, которая не любит кого-то еще.

Его слова всегда меня трогают, всегда. Он всегда так искренен, просто восхитительно.

– Пока, Тесса.

Это куда больше, чем обычное дружеское прощание, но не могу ответить ему тем же. Если я скажу что-то не то или промолчу, то опять дам ему ложную надежду.

– Пока, Зед.

Стараюсь улыбнуться, и он подходит ко мне. На мгновение я пугаюсь, что он хочет меня поцеловать, но нет: Зед обнимает меня, крепко, но коротко, и быстро целует в лоб. Потом сразу отступает и хватается за ручку двери, как утопающий за соломинку.

– Береги себя, хорошо? – говорит он, открывая дверь.

– Ладно. В Сиэтле не так уж плохо, – улыбаюсь я.

Чувствую себя уверенной в себе, словно сделала то, что надо.

Он хмурится и выходит из кабинета. Когда дверь закрывается, слышу, как он тихо бормочет:

– Я не про Сиэтл.

Глава 19

Тесса

Как только дверь закрывается и Зед исчезает – исчезает навсегда, – закрываю глаза и откидываю голову на спинку кресла. Не могу понять, что я чувствую. Чувства смешаны, в мыслях хаос. Частично я чувствую облегчение от того, что непонимание между мной и Зедом разрешено. Но другая, меньшая, часть сознания сигнализирует о тяжелой утрате. Зед был единственным из так называемых друзей Хардина, кто всегда помогал мне, и странно сознавать, что больше я его не увижу. По щекам сами собой текут слезы, но я пытаюсь взять себя в руки. Не стоит из-за этого плакать. Я должна быть счастлива, что могу наконец закрыть книгу под названием «Зед», отложить ее прочь, оставив пылиться на полке, и никогда больше не открывать.

То, что я не хочу быть с ним, не значит, что я его не люблю. Не то что я когда-нибудь предпочту его Хардину, просто я забочусь о нем, и мне хотелось бы, чтобы все было по-другому. Жаль, что наши отношения были чисто платоническими, – может, тогда мне не пришлось бы выбросить Зеда из жизни. Не понимаю, зачем он приходил, но я рада, что он ушел раньше, чем смог еще больше запутать меня или доставить боль Хардину.

Звонит телефон; откашлявшись, беру трубку. В ответ на мое жалкое «алло» звучит громкий и ясный голос Хардина:

– Он ушел?

– Да.

– Ты плачешь?

– Я просто... – начинаю я.

– Что? – допытывается он.

– Не знаю, я просто рада, что все кончилось.

Я вытираю глаза, и он вздыхает, удивляя меня простым ответом:

– Я тоже.

Я больше не плачу, но говорю ужасным голосом:

– Спасибо... – Я делаю паузу. – За понимание.

Все прошло гораздо лучше, чем я ожидала. Не знаю, следует ли испытывать облегчение или стоит немного поволноваться. Решаю остановиться на облегчении и закончить свой последний рабочий день в

этом здании как можно более спокойно.

Около трех в кабинет заходит Кимберли; за ней входит девушка, которую я точно никогда у нас не видела.

– Тесса, это Эми, она будет меня заменять, – сообщает Кимберли, представляя тихую, еще немного нервничающую девушку.

Я отрываюсь от чтения, пытаюсь приободрить Эми приветливой улыбкой.

– Привет, Эми, я Тесса. Вам здесь понравится.

– Спасибо! Мне уже тут нравится, – взволнованно говорит она.

Ким смеется.

– Ну, я на самом деле хотела к тебе заглянуть, поэтому мы тут делаем вид, что я провожу экскурсию.

– Ах да! Ты же учишь ее тебя заменять, так что все в порядке, – дразню я.

– Эй! Если ты находишься в близких отношениях с боссом, у тебя появляются кое-какие привилегии, – парирует она.

Эми смеется, и Кимберли ведет ее дальше. Последний день на работе наконец заканчивается, и мне хочется, чтобы он тянулся как можно медленнее. Я собираюсь оставить это место, к тому же немного волнуюсь: как Хардин встретит меня дома? Снова оглядываю свой кабинет. В первую очередь взгляд останавливается на столе. Вспоминаю, как мы с Хардином занимались на нем любовью, и от воспоминаний сводит живот. Это так экстремально: заниматься сексом в офисе, когда в любой момент может зайти кто угодно! Я слишком была увлечена Хардином, чтобы обращать внимание на что-то еще... И Хардин скрашивал каждый мой день.

По дороге домой захожу в супермаркет, чтобы купить продуктов, – только на сегодняшний ужин, ведь утром мы уезжаем. Я рада предстоящей поездке и волнуюсь. Надеюсь, во время двухдневного отдыха с семьей Хардин сможет держаться в рамках. Кроме того, надеюсь, на судне достаточно места, чтобы где-то можно было передохнуть в одиночестве.

Приезжаю домой. Ногой открываю входную дверь и затаскиваю в квартиру пакеты с продуктами. В гостиной – беспорядок; на журнальном столике валяются пустые бутылки из-под воды и обертки. Отец и Хардин сидят на противоположных концах дивана.

– Как прошел день, Тесси? – спрашивает отец, наклонив голову.

– Хорошо. Это был мой последний день, – отвечаю я, хотя он и так это знает.

Убираю мусор со стола и с пола.

– Рад, что хорошо.

Смотрю на Хардина, но он не глядит в ответ, а таращится в телевизор.

– Я приготавливаю обед, а потом схожу в душ, – говорю я им, а отец тащится за мной на кухню.

Отец с интересом наблюдает, как я разгружаю пакеты с едой и выкладываю на стол фарш и всякие коробки, и наконец выдает:

– Один мой друг обещал меня забрать. Попозже. Если можно. Я знаю, ты завтра уедешь на несколько дней.

– Да, хорошо. Завтра утром мы можем тебя подкинуть, если тебе удобнее, – предлагаю я.

– Нет, ты и так уже достаточно сделала. Только обещай, что дашь мне знать, когда вернешься.

– Хорошо... Только как с тобой связаться?

Он потирает шею.

– Может, просто заехать в Lamar? Обычно я там.

– Ладно, так и сделаю.

– Пойду перезвоню другу, чтобы он знал, что я готов. – Он уходит с кухни.

Слышу, как Хардин дразнит отца, потому что тот не помнит точно номера телефонов, потому что у него нет мобильного, и закатываю глаза, когда отец заводит: «Когда я был маленьким, мобильных в помине не было».

Чтобы приготовить тако с говядиной, не нужно ни особенных усилий, ни большого ума. Мне хочется, чтобы Хардин зашел на кухню и поговорил со мной, но предполагаю, что будет лучше, если он дождется ухода отца. Я накрываю на стол и зову их. Хардин входит первым, почти не глядя на меня, затем отец. Садясь, он говорит:

– Чад скоро приедет, чтобы меня забрать. Спасибо, ребята, что разрешили у вас остановиться. Я вам очень благодарен. – Он крутится между мной и Хардином, потом внезапно добавляет: – Спасибо вам, Тесси и «Эйч-бомб».

По тому, как Хардин закатывает глаза, я догадываюсь, что это какая-то их общая шутка.

– Да не за что, – отвечаю я.

– Я так рад, что мы нашли друг друга, – заключает он и ест со зверским аппетитом.

С улыбкой отвечаю:

– Я тоже.

Я все еще не могу осознать, что этот человек – мой отец. Человек, которого я не видела девять лет, к которому у меня было так много

неприятности и который так просто сидит на кухне вместе с моим парнем и со мной и ужинает.

Смотрю на Хардина, ожидая от него какой-нибудь колкости, но он ничего не говорит и спокойно ест. Его молчание сводит меня с ума. Я хочу, чтобы он что-нибудь сказал... хоть что-нибудь. Иногда молчание намного хуже воплей.

Глава 20

Хардин

После еды Тесса еще раз, окончательно и прохладно, прощается с отцом и уходит в душ. Я намеревался пойти в душ с ней, но друг Ричарда весь вечер не может приехать, чтобы забрать его задницу.

– Он приедет сегодня или... – начинаю я.

Ричард раз двадцать кивает, потом смотрит в окно со слегка озабоченным выражением.

– Да-да, он сказал, что скоро будет. Наверное, просто заблудился.

– Конечно, – говорю я.

Он улыбается:

– Ты больше не хочешь меня видеть?

– Ну, до этого еще не дошло.

– Может быть, я найду себе работу и повидаюсь с вами обоими в Сиэтле.

– Никто из нас не будет в Сиэтле.

Он смотрит на меня с загадочным видом.

– Конечно, – повторяет он с моей же интонацией минутной давности.

Наш неприятный разговор прерывается стуком в дверь; Ричард идет открывать, я тоже встаю, на случай если потребуется небольшой дополнительный пинок.

– Спасибо, что подвезешь меня, чувак, – говорит отец Тессы своему другу, который остается за порогом, но всовывает голову в квартиру. Высокий, с длинными черными волосами, зачесанными в отвратительно сальный хвост. Щеки ввалились, под ногтями – черные ободки, руки грязные и костлявые.

Что за хрень?

Скрипучим голосом, вполне соответствующим внешнему виду, человек с некоторым интересом спрашивает:

– Это дом твоей дочери? – Он не пьяный.

– Да. Клево, а? Я ею горжусь.

Ричард улыбается, и парень поощрительно хлопает его по плечу.

– А это кто? – спрашивает он.

Оба смотрят на меня. Ричард по-прежнему улыбается.

– Это? Это Хардин, парень Тессы.

– Здорово, я Чад, – произносит мужик так, словно он местная знаменитость и я не мог про него не слышать.

Не пьян. Это гораздо хуже.

– Замечательно, – отзываюсь я.

Чад обшаривает глазами нашу гостиную. Хорошо, что Тесса в душе и не вынуждена с ним знакомиться.

Тут я слышу, как открывается дверь в ванную, и мысленно матерюсь. Надо побыстрее заканчивать эту болтовню. Чад задирает рукав толстовки и чешет руку. Чует мое сердце, к моменту, как Теса выйдет, я обязан выпроводить их на хрен.

– Хардин? – раздается голос в коридоре.

– Вам пора, – сообщаю я этой стремной парочке насколько это возможно грозно.

– Я хотел бы увидеть ее, – говорит Чад со странным огоньком в глазах.

Еле удерживаю себя от того, чтобы вышвырнуть обоих кренделей в окно.

– Нет. Ты ее не увидишь, – отвечаю я.

Ричард смотрит на меня.

– Ладно... ладно... пойдем, – бормочет он, выпроваживая приятеля. – Пока, Хардин. Еще раз спасибо. Не попади в тюрьму, – брякает он на прощание и с ухмылкой выходит.

– Хардин? – снова зовет она и заходит в гостиную.

– Они только что ушли.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Что случилось? Хм... разберемся. Зед приходил к тебе в офис, твой папаша-алкоголик привел совершенно стремного дружка в нашу квартиру. – После короткой паузы добавляю: – Ты уверена, что твой папа только пьет?

– Что? – Рукав ее – то есть моей – футболки сползает, оголяя плечо. Она отступает назад и садится на диван. – Что значит «только пьет»?

Не хочу сеять в ней подозрение, что ее отец не только бездомный пьяница, но и наркоман. Он не так плохо выглядит, как заходивший к нам придурок, но у меня все равно остается от всего этого странное чувство. Тем не менее я говорю:

– Не знаю. Я ничего не имел в виду, просто думал вслух.

– Хорошо... – спокойно отвечает она.

Уверен, – я достаточно хорошо ее знаю, – что вопрос, сидит ли отец на наркоте, ей в голову не приходил; она никогда не поймет, что я имел в виду.

– Ты на меня злишься? – робко спрашивает она.

Я знаю, она ждет, что я внезапно взорвусь. Но я нарочно избегаю разговора.

– Нет.

– Точно?

Она смотрит на меня своими большими красивыми глазами, словно просит, чтобы я что-то рассказал. Взгляд достигает цели.

– Нет, не точно. Не знаю. Я действительно сержусь, но не хочу с тобой ругаться. Я пытаюсь меняться, ты же знаешь. Держать свое дерьмо при себе и не срываться из-за каждого пустяка. – Я вздыхаю и потираю затылок. – Даже если это не пустяки. Я говорил тебе, и не раз, чтобы ты не встречалась с Зедом, но ты не послушалась. – Я холодно смотрю на нее – не потому что зол, а чтобы увидеть ее реакцию, и добавляю: – Как бы ты себя вела, если бы я так поступил?

Она на глазах бледнеет.

– Я чувствовала бы себя ужасно. Я знаю, что была не права, встретившись с ним, – покорно признает она.

Этого я не ожидал. Я ждал, что она, как всегда, разорется и станет заступаться за этого говнюка Зеда.

– Да, но это, должно быть, так. Я сделал все, что мог, чтобы держать его подальше от тебя, но он не останавливается. Значит, ты сама должна держать его подальше.

– Так и будет, клянусь. Я больше не буду с ним видеться.

Она смотрит на меня, и я вздрагиваю при мысли, что, когда я ей звонил, она плакала из-за этой встречи.

– Мы не поедem в субботу на вечеринку, – заявляю я, и ее лицо выражает изумление.

– Почему?

– Потому что я не думаю, что это хорошая идея. – На самом деле я так не считаю.

– Я хочу пойти. – Ее полные губы сжимаются в ниточку.

– Мы не пойдem, – повторяю я.

Она выпрямляется и откидывается назад.

– Если я хочу пойти, я пойду.

Вот упрямая коза!

– Может, обсудим это потом? У нас еще туча дел, если ты хочешь, чтобы я поехал на этот идиотский катер.

Она игриво улыбается:

– А еще больше ругательств ты в это предложение вставить не сможешь?

Я улыбаюсь, и она очень нежно ложится мне на колени. Это так приятно: кладу руку поперек, потирая пальцами ее кожу, не очень жестко, ровно столько, чтобы заставить ее порозоветь...

– Хардин?

Всплывают все мои потаенные извращенные мысли, которые я отталкивал от себя... до этого момента. Расскажи я, о чем мечтаю, она бы загородилась от меня руками.

Глава 21

Тесса

Я вновь трясую его за руку.

– Хардин! Тебе пора вставать! Мы опоздаем.

Я уже собралась, оделась и загрузила сумки в машину; я дала ему поспать столько, сколько было возможно. Черт возьми, я же вчера успела собрать вещи, он не очень-то мне помогал.

– Не... опоздаем, – бормочет он.

– Пожалуйста, вставай! – Я тяну Хардина и толкаю. Боже, вот бы он был жаворонком, как я!

Он закрывает лицо подушкой, но я хватаю ее и бросаю на пол.

– Нет, отстань!

Я решаю попробовать другой способ и кладу руку на его трусы спереди. Вчера он заснул прямо в джинсах, и я уйму времени убила, чтобы их стянуть, а он так и не проснулся. Но теперь Хардин уязвим.

Осторожно касаюсь ногтями татуированной кожи выше пояса... Он не двигается с места. Запускаю руку ему в трусы, и он открывает глаза.

– Доброе утро, – произносит он с похотливой улыбкой. Я вытаскиваю руки и встаю.

– Вставай.

Он резко зевает и говорит, глядя на трусы:

– Кажется, я... уже... встал.

Он не открывает глаза, но я вижу, что он притворяется. Вскоре Хардин начинает ненатурально храпеть, как в мультфильмах. Это не то, чего я ждала, но это забавно! Надеюсь, что он сохранит такое настроение всю неделю или хотя бы до конца дня.

Снова забираюсь ему в трусы, а когда его глаза приоткрываются и он смотрит на меня, как нетерпеливый щенок, говорю «ой-ой» и вытаскиваю руку.

– Нечестно! – стонет он.

Но все же встает, натягивает джинсы, затем подходит к комоду и берет черную футболку, смотрит на меня, кладет ее обратно и достает белую. Он проводит пальцами по волосам, ставя их торчком, потом отбрасывает назад.

– У меня еще есть время почистить зубы? – саркастически спрашивает

он хриплым со сна голосом.

– Да, но поторопись. Чисти поскорей, – командую я и обхожу квартиру, чтобы убедиться, что все в порядке.

Через несколько минут Хардин добирается до гостиной, и мы наконец выходим.

Кен, Карен и Лэндон ждут нас на обочине. Я опускаю окно.

– Простите, мы немного опоздали, – извиняюсь я, когда мы паркуемся рядом с ними.

– Все нормально! Мы решили, что поедем все вместе, туда довольно далеко, – говорит Карен с улыбкой.

– Черт, нет! – шепчет Хардин.

– Давайте. – Она показывает на черный внедорожник на другой стороне дороги. – Кен купил мне его на день рождения, и мы ни разу еще на нем не ездили.

– Нет. Блин, нет! – бормочет Хардин чуть громче.

– Все будет хорошо, – успокаиваю его я.

– Тесса... – начинает он.

– Хардин, пожалуйста, не делай из этого проблему, ладно? – прошу я.

Ладно, только спокойствие: смотрю на него так соблазнительно, что это должно сработать.

Через мгновение его взгляд смягчается.

– Ладно. Блин, везет, что я тебя люблю.

Я сжимаю его руку.

– Спасибо, – отвечаю я и поворачиваюсь к Карен. – Хорошо, – говорю я ей с улыбкой и глушу машину.

Хардин с недовольным видом ставит наши чемоданы в багажник машины Карен.

– Будет весело! – смеется Лэндон, когда я залезаю в автомобиль.

После пререканий на тему, что он не собирается сидеть рядом с Лэндоном, Хардин садится со мной на заднем сиденье. Кен выезжает на дорогу, Карен включает радио и начинает тихонько подпевать.

– Это чертовски похоже на какую-то дурацкую комедию, – замечает Хардин и берет меня за руку.

Глава 22

Тесса

– Висконсин! – кричит Карен, хлопает в ладоши и показывает на проезжающий мимо грузовик.

Не могу удержаться от смеха при виде испуганной физиономии Хардина.

– О боже, мать его! – фыркает он, откидываясь на сиденье.

– Может, прекратишь? Ей весело, – занудствую я.

– Техас! – вопит Лэндон.

– Открой дверь, я тут выскочу, – бормочет Хардин.

– Ты все драматизируешь, – смеюсь я в ответ. – Что такого, что они играют, называя города по номерам машин? Думаю, ты тоже можешь присоединиться. Вы с друзьями, кажется, ведь ужасно любите дурацкие игры типа «Правды или действия»?

Прежде чем Хардин успевает сказать мне что-нибудь умное, Карен восклицает:

– Мы так рады, что вы тоже увидите катер и дом!

Непонимающе таращусь на нее.

– Дом?

– Да, у нас есть небольшой домик прямо на воде. Думаю, тебе понравится, Тесса.

Хорошо, что мне не придется спать в катере, как я подозревала.

– Надеюсь, будет солнечно, погода отличная, несмотря на февраль. Летом, конечно, лучше. Может быть, съездим потом еще раз? – спрашивает Кен, глядя в зеркало заднего вида.

– Конечно! – отвечаем мы с Лэндоном хором.

Хардин закатывает глаза. Видимо, он собирается по-детски дуться всю поездку.

– У тебя в Сиэтле все готово, Тесса? – спрашивает Кен. – Я вчера говорил с Кристианом, он с нетерпением ждет твоего приезда.

Чувствую на себе взгляд Хардина. Но меня это не остановит.

– Планирую начать сборы после нашего возвращения, но я уже перевелась в новый университет, – отвечаю я.

– Этот университет ничто по сравнению с моим, – шутит Кен, и Карен

смеется. – Нет, на самом деле он неплохой. Если у тебя будут какие-то проблемы, дай мне знать.

Я улыбаюсь; здорово, что он на моей стороне.

– Спасибо, обязательно.

– Подумай об этом, – продолжает он. – Со следующей недели у нас будет работать новый профессор из Сиэтла. Он заменит одного из наших профессоров богословия.

– Ого, которого? – спрашивает Лэндон, приподняв в удивлении брови.

– Сото, молодого. – Кен снова бросает взгляд в зеркало заднего вида. – Он ведь ведет у тебя занятия?

– Да, – отвечает Лэндон.

– Не помню, куда он уходит, кажется, переезжает, – продолжает Кен.

– Дело хорошее, – бормочет Лэндон себе под нос, но я слышу и улыбаюсь ему.

Нам обоим не нравится стиль преподавания профессора Сото и отсутствие академической строгости. Хотя мне очень понравилось делать записи в дневнике, который он заставлял нас вести.

Сквозь мысли пробивается нежный голос Карен:

– Вы уже сняли себе квартиру?

– Нет. Я вроде сняла квартиру, по крайней мере, я так думала, но хозяйка, кажется, испарилась. Это было хорошее место, мне по карману и близко к работе, – отвечаю я.

Хардин пододвигается поближе. Хочу добавить, что он не поедет со мной в Сиэтл, но поскольку я надеюсь использовать поездку к озеру, чтобы его переубедить, решаю промолчать.

– Знаешь, Тесса, в Сиэтле у меня есть друзья. Если хочешь, я могу договориться и ты поживешь у них до понедельника, – предлагает Кен.

– Нет, – быстро отвечает Хардин.

Я смотрю на него.

– На самом деле это было бы здорово, – отвечаю я, встречаясь с Кеном глазами в зеркале. – Иначе придется потратиться на отель, пока я не нашла квартиру.

Хардин отмахивается.

– Все нормально. Уверен, Сандра ей перезвонит.

Очень странно.

– Откуда ты знаешь, как ее зовут? – спрашиваю я.

– Что? – Он растерянно моргает. – Ты же сто раз говорила.

– А-а-а, – тяну я; он проводит по моему бедру рукой и мягко сжимает.

– Ну, дашь мне знать, если захочешь, чтобы я позвонил, – снова

предлагает Кен.

Еще через двадцать минут Карен оглядывается на нас и с деланным оживлением спрашивает:

– Как насчет поиграть в «Шпиона»?

Лэндон тоже оживляется:

– Да, Хардин, как насчет «Шпиона»?

Хардин приваливается ко мне, кладет голову на плечо и обнимает.

– Я не против. То есть классно, но меня что-то клонит в сон. Но я уверен, Тесса с Лэндоном не против поиграть.

Несмотря на то что он смеется над игрой, от такого проявления чувств я улыбаюсь. Помню времена, когда в доме своего отца Хардин решался только держать меня за руку, да и то под столом, а теперь ему, кажется, все равно, что он обнимает меня на глазах всей семьи.

– О'кей! Я начну, – командует Карен. – Я шпион, и я заметил... что-то... синее! – взвизгивает она.

Хардин тихонько хихикает и косится на меня.

– Рубашка Кена, – шепчет он, прижимаясь ко мне.

– Экран навигатора? – гадает Лэндон.

– Нет.

– Рубашка Кена? – спрашиваю я.

– Да! Тесса, твой ход.

Ко мне прижимается Хардин, но я сосредоточиваюсь на улыбке Карен. Мне не так весело, чтобы играть в эти дурацкие игры, но она слишком милая, чтобы я могла отказаться.

– Хорошо, я заметила нечто. – Я гляжу на Хардина. – Черное.

– Душа Хардина! – восклицает Лэндон, и я смеюсь.

Хардин открывает один глаз и показывает сводному брату средний палец.

– Угадал! – хихикаю я.

– Прекрасно, значит, вы можете заткнуться и дать моей черной душе поспать, – бурчит он и опять закрывает глаза.

Мы не обращаем внимания и продолжаем играть, и уже через несколько минут дыхание Хардина выравнивается, и он начинает похрапывать мне в шею. Он что-то бормочет, потом соскальзывает и кладет голову мне на колени, обняв рукой за талию. Лэндон, вытянувшись на своем месте, следует его примеру.

Наслаждаюсь тишиной и люблюсь в окно на мелькающие пейзажи.

– Подъезжаем, осталось всего несколько миль, – сообщает Кен в воздух.

Я киваю и запускаю пальцы в мягкие волосы Хардина. От прикосновения веки вздрагивают, но он не просыпается. Медленно провожу пальцами по его спине, стараясь не нарушить его мирный сон, и Хардин обнимает меня еще крепче.

Вскоре мы оказываемся на небольшой улице, полностью вымощенной широкими сосновыми досками. Сворачиваем в переулок и оказываемся прямо на берегу.

Он прекрасен. Сверкающие синие волны набегают на берег, удивительно контрастируя с пожухшей травой (что, собственно, неудивительно для зимы в штате Вашингтон). Представляю, как тут красиво летом!

– Приехали, – говорит Кен.

Вижу впереди большое деревянное здание. Видимо, у Скоттов понятие «маленький домик» отличается от моего. Передо мной – двухэтажное строение темно-вишневого цвета, с белым крыльцом.

– Хардин, просыпайся.

Я постукиваю указательным пальцем по его подбородку. Он открывает глаза и часто моргает. Затем садится и протирает глаза пальцами.

– Дорогая, приехали, – будит Кен жену.

Карен поднимает голову, затем просыпается Лэндон.

Все еще не до конца проснувшийся Хардин заносит наши сумки в дом, и Кен показывает нам нашу комнату. Я иду за Карен на кухню, а Лэндон относит свой багаж в комнату.

На кухне такой же сводчатый потолок, как и в гостиной, только поменьше. Некоторое время посвящаю экскурсии по дому и выясняю, что кухня тут хоть и меньше, но не менее элегантная, чем у Скоттов в городе.

– Здесь очень красиво, – говорю я Карен. – Спасибо, что позвали нас.

– Спасибо, дорогая. Приятно, когда собирается много народу. – Улыбаясь, она открывает холодильник. – Нам нравится, когда вы приезжаете вдвоем. Никогда бы не подумала, что Хардин согласится на такую семейную поездку. Я понимаю, что это мелочь, но для Кена она много значит, – тихо произносит она, убедившись, что никто больше не слышит.

– Я тоже рада. Надеюсь, ему понравится, – сообщаю я вслух, убежденная, что сказанное вернее сбудется.

Карен оборачивается и с чувством берет меня за руку.

– Я буду скучать по тебе, когда ты уедешь в Сиэтл. С Хардином я меньше виделась, но и по нему буду скучать.

– Я буду приезжать. Тут всего пара часов езды, – уверяю я.

Я и сама думаю, что так будет. Я буду скучать по ней и Кену. И даже не хочу думать о приближающемся отъезде Лэндона. И хотя я сама уеду в Сиэтл еще до того, как он отправится в Нью-Йорк, не могу смириться с тем, что Лэндон будет так далеко. Из Сиэтла я все-таки могу приехать, но Нью-Йорк слишком далеко.

– Очень на это надеюсь. Боюсь, что с отъездом Лэндона мне будет одиноко. За двадцать лет я так привыкла быть матерью... – Карен плачет. – Извини, я так горжусь им. – Она вытирает слезы и осматривает кухню, чтобы найти себе занятие, чтобы отвлечься. – Может, пока Кен готовит лодку, кто-нибудь из вас сбегает в придорожный магазинчик?

– Конечно, – уверяю, как раз когда мужская половина заходит внутрь.

Ко мне со спины подходит Хардин.

– Я поставил сумки на кровать, чтоб ты распаковала. Все равно я это сделаю неправильно.

– Спасибо, – говорю я, довольная, что он даже не пытался. Он любит засовывать вещи как попало, а меня это бесит. – Я сказала Карен, что мы с тобой сходим в магазин, пока твой отец подготовит лодку.

– Ладно, – пожимает он плечами.

– Ты тоже, – обращаюсь я к Лэндону, и он кивает.

– Лэндон знает, где магазин: дальше по дороге. Можете дойти пешком или доехать. Ключ в дверях, – объясняет Кен.

Погода сегодня солнечная, отличная, гораздо теплее, чем бывает в это время. Небо ясное, голубое. Слышу, как грохочут волны, и каждый раз, когда до нас доносится порыв ветра, чувствую в воздухе запах соли.

Решаем дойти до магазинчика в конце улицы пешком. В джинсах и футболке с короткими рукавами мне комфортно.

– Здесь так хорошо, будто мы – в собственном мире, – говорю я Хардину и Лэндону.

– Мы и есть в собственном мире. Никто нам не мешает прийти на пляж в гребаном феврале, – замечает Хардин.

– Ну, думаю, это неплохо, – отвечаю я, не реагируя на тон.

– Кстати! – Лэндон смотрит на Хардина, который ступает на камни, пока мы идем по гравийной дорожке. – У Дакоты на этой неделе пробы на короткометражку.

– Правда? – восклицаю я. – Это же здорово!

– Да, я и сам впечатлен. Надеюсь, она получит роль.

– Разве она еще не учится? Почему они дают роли любителям? – спрашивает Хардин холодно.

– Хардин...

– Они дадут ей роль, потому что независимо от того, любитель она или нет, она прекрасно танцует и занимается балетом всю жизнь, – парирует Лэндон.

Хардин шутливо поднимает руки.

– Не надо заводитьсь, я просто спросил.

Но Лэндон продолжает защищать свою возлюбленную:

– Нет, она талантливая, и она получит эту роль.

Хардин закатывает глаза.

– Ладно... блин.

– Хорошо, что ты ее поддерживаешь. – Я улыбаюсь Лэндону, стараясь убрать напряжение между ним и Хардином.

– Я всегда буду ее поддерживать, независимо от того, чем она занимается. Поэтому я и переезжаю в Нью-Йорк. – Лэндон смотрит на Хардина, а тот сжимает челюсти.

– Так вот для чего вам вся эта поездка? Вы сговорились обработать меня? Считайте, что меня все это не касается, мать вашу! Я даже не собираюсь больше обсуждать это дерьмо! – рычит Хардин.

Останавливаемся, и мы с Лэндоном поворачиваемся к Хардину. Пока я соображаю, как его успокоить, Лэндон произносит:

– Значит, тебе не стоило приезжать. Всем было бы лучше без тебя и твоей кислой физиономии.

У меня глаза лезут на лоб от суровости Лэндона, мне хочется защитить Хардина, но я молчу. Кроме того, Лэндон, в общем-то, прав. Хардин не должен пытаться испортить всем отдых обидами на пустом месте.

– Чего-чего? Это ты один тут корчишь гребаные физиономии из-за того, что я назвал твою девчонку непрофессионалкой.

– Нет, ты начал придуриваться еще в машине, – отвечает Лэндон.

– Да, потому что твоя мать подпевала каждой песне и перечисляла штаты, – Хардин орет уже в полный голос, – пока я пытался любоваться видами!

Хардин пытается подойти к Лэндону, и я становлюсь между ними. Лэндон делает глубокий вдох и с вызовом смотрит на Хардина.

– Моя мама просто хочет, чтобы все хорошо провели время!

– Ну тогда, может быть, ей следует...

– Прекратите! Вы не можете ссориться все время. Никто этого не выдержит, поэтому, пожалуйста, остановитесь! – прошу я, не желая вставать на чью-либо сторону.

Несколько секунд они таращатся друг на друга. Мне смешно от того, как одинаково они себя ведут, как братья, хотя изо всех сил стараются так

не делать.

– Ладно, – наконец произносит Лэндон и вздыхает.

– О'кей, – фыркает Хардин.

Остаток пути мы молчим, Хардин пинает ботинками гравий, и слышатся мягкие шаги Лэндона. Затишье после бури... или перед ней.

Или между ними, думаю я.

– Что ты собираешься надеть на катер? – спрашиваю я Лэндона на обратном пути.

– Наверное, шорты. Сейчас тепло, но на всякий случай я захвачу спортивный костюм.

– А.

Если бы было теплее, я бы надела купальник. У меня его нет, но от идеи купить его вместе с Хардином я улыбаюсь. Представляю себе, каких пошlostей он наговорит, и скорее всего он увяжется за мной в примерочную.

Не думаю, что я его остановлю.

Нужно перестать думать о таких вещах, особенно когда Лэндон говорит о погоде, следует хотя бы сделать вид, что я слушаю.

– Катер очень большой, – говорит Лэндон.

– Ого... – Я вздрагиваю. Сейчас, когда мы оказались рядом с морем, я волнуюсь.

Мы с Лэндоном идем на кухню разбирать сумки, а Хардин молча отправляется в спальню.

Лэндон через плечо оглядывается на дверь, за которой исчез его сводный брат.

– Он слишком нервничает, когда заходит разговор о Сиэтле. Он что, до сих пор не согласился с тобой поехать?

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

– Нет, не совсем, – отвечаю я, покусывая губу от смущения.

– Не понимаю, – прищурившись, замечает он. – Что в Сиэтле такого плохого, что он не хочет ехать с тобой? Или тут еще какая-то история?

– Нет... то есть я не знаю... – начинаю я, и тут мне приходит на ум сообщение Хардина. Он упоминал какие-то трудности, мешающие его переезду в Сиэтл. Может, дело в них? Не думаю. Надеюсь, что нет. Я не готова к новым сюрпризам.

– Ну, должна же быть причина, он же без тебя даже ванную найти не может, так что я не ума не приложу, что он будет делать, когда ты уедешь. Я думал, что он сделает все, чтобы удержать тебя рядом с собой... буквально все, – говорит Лэндон, делая упор на конец фразы.

– Я тоже. – Я вздыхаю, не зная, чем объяснить упрямство Хардина, и перевожу все в шутку: – Но он ходит в ванную без меня. Иногда.

Лэндон смеется.

– Вряд ли, он, наверное, повесил тебе на одежду скрытую камеру, чтобы следить за тобой.

– Камеры – это не мое. Я больше доверяю навигаторам.

Я подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь: Хардин стоит в дверях кухни.

– Спасибо, что помог мне доказать мою точку зрения, – произносит Лэндон, но Хардин только качает головой и хихикает.

Слава богу, он вроде бы в хорошем настроении.

– Где там этот катер? Скучно слушать, как вы перемываете мне кости.

– Мы просто шутили, – говорю я и подхожу, чтобы обнять его.

– Все нормально, я тоже так делаю, когда тебя рядом нет, – насмешливо отвечает он, хотя я не могу не заметить серьезность, скрытую в этих словах.

Глава 23

Тесса

– Сходни немного шатаются, но довольно прочные. Если мне кто-то поможет... – вслух размышляет Кен.

Мы идем с ним к месту швартовки. Со двора идет спуск прямо к воде – потрясающе! Волны врезаются в скалы, окаймляющие берег, и я инстинктивно прижимаюсь к Хардину.

– Что случилось? – тихо спрашивает он.

– Ничего. Просто немножко боюсь.

Он поворачивается ко мне лицом, засовывает руки в задние карманы моих джинсов.

– Это всего лишь вода, детка, все будет в порядке.

Он улыбается, но я не могу понять: он смеется надо мной или говорит искренно? И только когда губы касаются моей щеки, сомнения исчезают.

– Я забыл, что ты не любишь воду. – Он прижимает меня к себе.

– Я люблю воду... в бассейне.

– И в реке?

В его глазах загораются озорные огоньки. Улыбаюсь: я тоже вспомнила.

– Только в одной реке.

В тот день я тоже боялась. Хардину удалось заставить меня залезть в воду только подкупом. Он обещал ответить на один из бесконечных вопросов в обмен на то, что я зайду с ним в реку. Этот день, кажется, так далеко в прошлом, но, как наша тайна, он с нами в настоящем.

Хардин берет мою руку в свою, и мы спускаемся вслед за всеми к причалу. Судно меня ужасно пугает. Я мало знаю о катерах, но этот кажется просто огромным. Я знаю, что это не яхта, но все-таки он больше любого рыбацкого корабля, который я видела.

– Он такой большой! – шепчу я Хардину.

– Тсс, не говори о моем члене при моей семье, – тихо отшучивается он.

Я люблю такое его грубо-игривое настроение, да и улыбка у Хардина всегда заразная. Доски причала скрипят под ногами, и я в панике крепко сжимаю руку.

– Смотрите под ноги! – кричит Кен, поднимаясь по трапу.

Хардин поддерживает меня за спину, помогает подняться по лестнице. Стараюсь представить себе, что это маленькая лесенка на детской площадке, а вовсе не трап на огромный катер. Уверенность, которую дает мне прикосновение Хардина, – это единственное, что удерживает меня от того, чтобы убежать и спрятаться дома под кроватью.

Кен помогает всем подняться на палубу. Теперь я могу оценить, как красиво судно, отделанное светлым деревом и кожей. Каюта большая, всем хватит места, с несколькими удобными креслами.

Когда он хочет помочь подняться Хардину, тот только отмахивается. Поднявшись на палубу, он оглядывается и заявляет:

- Приятно видеть, что на вашем катере комфортнее, чем дома у мамы. С лица Кена исчезает горделивая улыбка.
- Хардин! – шиплю я и дергаю его за руку.
- Извините, – фыркает он.

Кен вздыхает, но, кажется, прежде чем уйти к противоположному борту лодки, слышит извинения Хардина.

- Ты в порядке? – Хардин наклоняется ко мне.
- Да, только, пожалуйста, повежливее. Меня это уже достало.
- Я буду вежлив. Я уже извинился. – Он садится в одно из кресел, я тоже.

Лэндон вытаскивает мешок с продуктами и, наклонившись, открывает банку газировки и пакет с закусками. Смотрю, как лодка выходит на открытую воду. Вокруг очень красиво, на волнах играет солнце.

- Я тебя люблю, – шепчет Хардин мне на ухо.

Двигатель катера с легким гулом приходит в движение, и я моментально оказываюсь рядом с Хардином.

- И я тебя люблю, – отвечаю я, глядя на воду.
- Если мы выйдем достаточно далеко, можем увидеть дельфинов, а если повезет, то и кита! – кричит Кен.

– Кит, конечно, превратит это суденышко в щепки одним ударом, – замечает Хардин, и я вздрагиваю. – Черт, извини.

Чем дальше мы отходим от берега, тем спокойнее я становлюсь. Это странно: я думала, что будет наоборот, но когда земля исчезает из виду, появляются спокойствие и уверенность.

– Вы часто видели тут дельфинов? – спрашиваю я Карен, потягивающую газировку.

Она улыбается:

- Всего один раз. Но мы все же надеемся!
- Невероятно, погода будто в июне, – радуется Лэндон, стягивая через

голову футболку.

– Хочешь позагорать? – интересуюсь я, оглядывая его бледный торс.

– Или пытаешься произвести впечатление? – вставляет Хардин.

Лэндон закатывает глаза, но все же игнорирует замечание.

– Да, хотя он мне в городе и не понадобится.

– Если вода не ледяная, можем искупаться у берега, – предлагает Карен.

– Ну, летом – может быть, – напоминаю я, и она радостно улыбается.

– На всякий случай в доме есть джакузи, – замечает Кен.

Пользуясь моментом, люблюсь Хардином, который молча глядит куда-то вдаль.

– Смотрите! Вон там! – Кен указывает назад.

Мы с Хардином быстро поворачиваемся, и за мгновение успеваю заметить то, на что он показывает. Это стайка дельфинов, выпрыгивающих из воды. Они далеко от лодки, но мы можем увидеть, как синхронно они двигаются по волнам.

– Сегодня наш счастливый день! – смеется Карен.

Ветер треплет мне волосы, сдувает прядь на глаза, и Хардин протягивает руку и заправляет мне ее за ухо. Он всегда делает такие простые вещи, и поводы, которые он находит, чтобы прикоснуться ко мне без всякой задней мысли, трогают меня до слез.

– Это было здорово! – говорю я ему, когда дельфины исчезают из поля зрения.

– Да, точно, – удивленно говорит он.

После двух часов разговора о лодках, о совместном прекрасном летнем отдыхе, о спорте и после неловкого упоминания о Сиэтле, которое Хардин сразу же пресекает, Кен причаливает обратно к берегу.

– Классно было, да? – спрашиваем мы с Хардином друг друга одновременно.

– Думаю, нет, – смеется он и помогает мне спуститься по трапу на причал.

Солнце разрумянило его щеки и нос, а непослушные волосы развеваются на ветру. Он такой милый.

Мы заходим на двор – и все, о чем я могу думать, это как сильно я хочу сохранить спокойствие, которое появилось у меня в море.

В доме Карен объявляет:

– Я приготовлю обед – уверена, все уже проголодались, – и исчезает на кухне.

Мы молча усаживаемся в гостиной, каждый на свое место.

Наконец Хардин спрашивает отца:

– Чем еще тут можно заняться?

– Тут в городе есть хороший ресторан, мы планируем там завтра совместный обед. Там же старенький кинотеатр, библиотека...

– Значит, здесь место для гребаных неудачников? – подытоживает Хардин; слова звучат грубо, но тон скорее веселый.

– Это хороший город, дай ему шанс показать себя, – отвечает Кен, несколько не обиженный.

Все вместе отправляемся на кухню и ждем, пока Карен достает тарелки с бутербродами и фруктами. Хардин, какой-то чересчур ласковый, кладет руку мне на бедро. Может, ему тут нравится?

После обеда помогаю Карен вымыть посуду и сделать лимонад, а Хардин с Лэндоном обсуждают, как ужасна современная литература. Не могу не улыбнуться, когда Лэндон упоминает «Гарри Поттера». В результате Хардин раздражается пятиминутной речью о том, что он никогда не читал и не прочитает эту книгу, а Лэндон отчаянно старается заставить его изменить мнение.

После того как лимонад приготовлен и мгновенно выпит, Кен объявляет:

– Мы с Карен собираемся навестить наших друзей, это через несколько домов отсюда по дороге. Если хотите, можете поехать с нами.

Хардин смотрит на меня, а я жду, что он ответит.

– Я пас, – наконец говорит он и продолжает смотреть на меня.

Лэндон поворачивает голову сначала ко мне, потом к Хардину.

– Я поеду, – произносит он, и могу поклясться, что он ухмыляется Хардину, прежде чем присоединиться к Кену и Карен.

Глава 24

Хардин

Я уже начинаю думать, что они никогда не уйдут, но когда наконец дверь закрывается, тяну ее к дивану.

– Ты не хочешь пойти?

– Нет. Черт, нет, какого хрена мне туда идти? Мне гораздо приятнее остаться тут с тобой. Наедине, – говорю я, отбрасывая волосы с ее шеи. Она отклоняется от света и дрожит от моих прикосновений. – Неужели ты хочешь пойти и сидеть там, слушать, как эти скучные задницы обсуждают свои скучные делишки? – спрашиваю я, касаясь губами ее подбородка.

– Нет. – Ее дыхание меняется.

– Ты уверена? – дразню я, зарываясь носом в ее волосы, и она запрокидывает голову.

– Не знаю, может ли быть что-то приятнее этого.

Я хихикаю, целую ее, и от моего дыхания ее кожа покрывается мурашками.

– Наверное, секс. В нашей комнате есть джакузи, помнишь?

– Да, но у меня нет купальника... – начинает она.

Я ласкаю ее шею, представляя, как она выглядит в купальном костюме.

Черт!

– Тебе он не пригодится, – шепчу я.

Она отклоняется и смотрит на меня, словно я сумасшедший.

– Нет, пригодится! Я не полезу в горячую ванну без одежды.

– А почему бы и нет? – Кажется, мы здорово можем провести время.

– Потому что здесь твоя семья.

– Не понимаю, почему ты всегда используешь это в качестве оправдания... – Мои руки спускаются к ее коленям, и я сжимаю ткань джинсов. – Иногда мне кажется, что тебя это заводит.

– Что именно? – спрашивает она, тяжело дыша.

– Возможность быть пойманной.

– Разве это кого-то возбуждает?

– Многие люди так делают – чувство острее, когда тебя могут поймать, знаешь?

Я сильнее прижимаюсь к ней между ног, и она пытается сжать их, борется с тем, чего хочет, но, как ей кажется, не должна хотеть.

– Нет, это... Не знаю, но мне это не нравится, – врет она. Я абсолютно уверен, что ее это возбуждает.

– Хм...

– Мне это не нравится! – кричит она, защищаясь, щеки ее краснеют, а глаза расширяются от смущения.

– Тесс, это нормально. Это чертовски круто, уверяю тебя.

– Я не...

Конечно, Тесса.

– Ладно, ты не понимаешь.

Я поднимаю руки в знак поражения, и она стонет оттого, что я ее не касаюсь. Я знал, что она в жизни никогда в этом не признается, но, блин, попробовать стоило.

– Так ты пойдешь со мной в джакузи? – спрашиваю я, убирая руку.

– Я приду... но не буду залезать.

– Как хочешь.

С улыбкой встаю. Я же знаю, что в конце концов она там окажется, просто ее необходимо поуламливать немного больше других. Размышляя об этом, прихожу к выводу, что никогда не был еще в джакузи с девушкой, голой или нет.

Она хватается меня за запястье и идет за мной наверх, в комнату, которая несколько ближайших дней будет считаться нашей. В ней есть балкон, в первую очередь, поэтому я ее и занял. А уж когда увидел джакузи, то понял, что эта комната создана для нас.

Неплохая кровать; она маленькая, но большая нам и не нужна.

– Мне тут очень нравится, так спокойно, – говорит она, присаживаясь на кровать, чтобы снять туфли. Я открываю дверь на балкон.

– Ничего так. – Не будь тут моего отца, его жены и Лэндона, было бы еще лучше.

– Мне нечего надеть в ресторан, о котором говорил твой отец.

Я пожимаю плечами и наклоняюсь, чтобы включить воду в ванне.

– Значит, не пойдем.

– Я хочу пойти. Я просто не знала, что мы куда-то собираемся, когда паковала вещи...

– Это они виноваты, что так все плохо спланировали, – говорю я, изучая датчики, чтобы убедиться, что они исправны. – Наденем обычные джинсы. Простой и непринужденный стиль.

– Не знаю.

– Ну, не хочешь джинсы, можем зайти в местный захолустный магазин, и ты что-нибудь себе подберешь, – предлагаю я, и она улыбается.

– Почему ты сегодня в таком хорошем настроении? – Тесса изгибает бровь.

Я опускаю палец в воду. Почти готово, вода быстро нагревается.

– Не знаю... Просто так.

– Ладно... То есть мне не следует волноваться? – спрашивает она, выходя на балкон.

– Нет. – Да.

Я указываю на плетеное кресло рядом с ванной.

– Может, хотя бы посидишь со мной, пока я расслабляюсь в обжигающе горячей ванне?

Она смеется и садится в кресло. Я смотрю в ее открытые глаза, затем снимаю футболку и расстегиваю штаны. Трусы решаю оставить. Я хочу, чтобы она их сняла с меня.

– Уверена, что не хочешь присоединиться? – спрашиваю я, перешагивая через край ванны.

Черт, жарко, как в аду. Через несколько секунд тело привыкает, и я откидываюсь на твердый пластик наклонной стенки.

– Уверена, – отвечает она, вглядываясь в лес на горизонте.

– Никто нас не увидит. Неужели ты действительно думаешь, что я упрасивал бы тебя забраться сюда голой, если бы кто-то мог нас заметить? Это с моей-то ревностью и всем остальным.

– А если они вернуться? – спрашивает она тихо, будто кто-то может ее услышать.

– Они сказали, что уйдут на час или два.

– Да, но...

– Я думал, ты хоть немного научилась жить, – дразню я ее.

– Так и есть.

– Ты сидишь там зажата, в кресле, а я наслаждаюсь видами.

– Я не зажата, – отвечает она, еще больше зажимаясь.

Я ухмыляюсь, зная, что это ее раздражает.

– Ладно. – Она начинает дуться, и я закрываю глаза. – Кажется, я одинок. Придется самому о себе позаботиться.

– Мне нечего надеть.

– Дежавю, – произношу я, вспоминая наше первое купание в реке.

– Я...

– Да лезь уже в эту чертову воду, – командую я, не меняя тона и не открывая глаз. Я говорю с ней, и мы оба знаем, что это произойдет.

– Хорошо, я иду! – говорит она, безуспешно пытаясь убедить себя, что раздражена и делает это против воли.

Уговорить ее оказалось не так трудно, как я думал. Когда я открываю глаза, у меня перехватывает дыхание. Она стягивает через голову футболку, и, конечно же, на ней этот чертов красный лифчик.

– Сними лифчик.

Она опять оглядывается, и я качаю головой. Единственное, что видно с этого балкона, это море и деревья.

– Снимай его, детка, – упрашиваю я, и она соглашается, расстегивая лямки на спине.

Я никогда не могу ею насытиться. Независимо от того, сколько раз я касался ее, трахал, целовал, обнимал и сжимал в объятиях... этого никогда не будет достаточно. Я всегда буду хотеть еще. И дело даже не в сексе, которого у нас хватает; дело в том, что я единственный, с кем она была, и она доверяет мне настолько, что выходит на этот гребаный балкон раздетая.

Тогда почему я веду себя как идиот? Я совершенно не хочу разругаться с этой девушкой.

Ее джинсы оказываются рядом с футболкой, лифчик аккуратно сложен, разумеется.

– Трусы тоже, – подсказываю я.

– Нет, ты же в трусах, – отвечает она и шагает в воду. – Ой! – пищит она, выдергивая ногу обратно.

Немного потерпев, она выдыхает, тело привыкает к температуре воды.

– Иди сюда.

Я тянусь к ней, сажаю себе на колени. Кажется, неудобное пластиковое дно джакузи все же полезно. То, как ее тело касается меня, в сочетании с пульсирующими струями воды заставляет меня желать сорвать с нее трусики прямо сейчас.

– В Сиэтле все может быть так всегда, – говорит она, обнимая меня за шею.

– Как? – Меньше всего я хочу сейчас разговаривать о гребаном Сиэтле. Если бы я мог стереть этот проклятый город с лица земли, я бы это сделал.

– Вот так. – Она показывает на нас. – Только мы, никаких проблем с твоими друзьями типа Молли, никаких неприятностей. Только ты и я в новом городе. Мы могли бы начать все сначала, Хардин, вместе.

– Это не так просто.

– Просто; никакого Зеда.

– Я думал, ты собираешься потрахаться со мной, а не болтать о Зеде, – дразню я, и она напрягается.

– Извини, я...

– Успокойся, я шучу. Про Зеда. – Я придвигаю ее ближе к себе, так что ее ноги обвивают меня и грудь касается моей. – Ты для меня все. Ты же знаешь это, правда?

Я повторяю вопрос, который задавал много раз. Но сейчас она не отвечает. Вместо этого она кладет локти мне на плечи, запускает пальцы мне в волосы и целует меня. Она голодна. Я так и думал.

Глава 25

Хардин

Она впивается мне в губы, и я пытаюсь подтянуть ее голое тело еще ближе к себе. Она сжимает мои руки, и я опускаю ладонь ей между ног.

Нет смысла зря тратить время.

– Давай уберем это, – говорю я, оттягивая в сторону ее тонкие промокшие трусы. Она усмехается, затем резко втягивает воздух, когда мои пальцы погружаются в нее. Она оттягивает мою нижнюю губу так далеко, будто хочет оторвать. Она так чертовски сексуальна, так соблазнительна, и это она еще не хочет.

Когда она начинает покачивать бедрами в такт движению моей руки, я снимаю ее с коленей, обхватив за талию, и кладу рядом с собой. Широко раздвигаю ей ноги и продолжаю удовлетворять пальцами.

Эти чертовы трусики меня раздражают.

Она удивленно смотрит на меня и возмущенно пищит, когда я, достав из нее пальцы, быстро хватаю их и мгновенно стягиваю вниз, к ступням. Мгновение я смотрю, как струя относит их к противоположной стороне ванны; завораживающее зрелище: последний барьер медленно уплывает прочь.

Тесса хватается меня за запястье и заставляет войти в нее снова.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я, желая услышать ответ.

– Тебя. – Она мило улыбается, затем раздвигает ноги шире, проявляя свое настоящее вульгарное естество.

– Тогда повернись, – говорю я.

Не давая возможности ответить, резко разворачиваю ее, отчего она взвизгивает. На мгновение я теряюсь, но потом до меня доходит, что ее маленькая киска уже готова. От этого она и стонет. Через минуту она будет просто кричать.

Становлюсь на колени позади; люблю входить в нее так. Я чувствую ее гораздо лучше, могу касаться ее белой кожи на спине, и видеть, как под кожей ходит каждая мышца, – я вижу каждый ее вдох, как она напрягается, когда я двигаюсь вперед. Я отбрасываю ее длинные волосы в сторону и осторожно, медленно нажимая, погружаюсь. Ее спина изгибается, я беру в ладони ее груди и начинаю медленно двигаться вперед-назад. Черт, как

чертовски хорошо, лучше, чем когда-либо! Вхожу и выхожу, а вокруг нас плещется горячая вода. Тесса стонет, и я наклоняюсь, чтобы убедиться, что падающая вода ее не обжигает. Глаза закрыты, рот, наоборот, приоткрыт, она судорожно хватается за края ванны.

Мне хочется двигаться быстрее, оттрахать ее как следует, но заставляю себя оставаться в этом медленном, как сладкая пытка, темпе.

– Хардиинин, – стонет она.

– Черт, я чувствую каждый сантиметр внутри тебя. – И в момент, когда я это произношу, в ужасе отрываюсь от нее.

Презерватив.

Я даже не вспомнил, что его нужно надеть. Что она со мной сделала?

– Что случилось? – Она поворачивается, лицо его мокро.

– Я не надел презерватив! – Я провожу рукой по волосам.

– А, – спокойно говорит она.

– Что? Что ты имеешь в виду этим «а»?

– Так ты его наденешь? – Ее взгляд кроток, как у лани.

– Так нельзя! – Я вылезаю из ванны. Она ничего не говорит. – Если бы я не вспомнил об этом, ты могла бы залететь.

Она понимающе кивает:

– Да, конечно, но ты же не забыл.

Почему она так спокойно об этом говорит? Она вынашивает грандиозный план переезда в Сиэтл – ребенок бы все на хрен испортил. Или погоди...

– Это что, твой план? Если бы я заделал тебе ребенка, ты думаешь, я поехал бы с тобой? – Похоже на дурацкую теорию заговора, но это неважно.

Она со смехом оборачивается на меня.

– Ты что, шутишь? – И когда она пытается меня обнять, я отшатываюсь.

– Нет.

– Брось, это безумие. Иди сюда, милый.

Она снова пытается обнять меня, но я снова уворачиваюсь, отодвигаюсь в дальний угол джакузи.

Боль светится на ее лице, как неоновая вывеска, она сжимает сиськи руками.

– Ты сам забыл про презерватив и пытаешься теперь обвинить меня в том, что я хотела связать тебя беременностью? – Тесса недоуменно качает головой. – Послушай сам себя.

Ну, это не первый в мире фокус полоумной цыпочки. Я придвигаюсь к

ней поближе, но она быстро поднимается с колен и садится. Я безразлично смотрю на нее и молчу.

Ее глаза наполняются слезами, она поднимается и вылезает из ванны.

– Я в душ, – объявляет она и хлопает сначала дверью спальни, а потом душевой.

– Черт! – кричу я, ударяя ладонью по бурлящей воде, словно ожидая получить сдачу.

Мне нужно следить за тем, что я говорю, – это ведь не какая-то случайная полоумная сучка. Это Тесса. Так какого черта я творю? Я просто гребаный параноик. И дело все в этом Сиэтле, из-за него я теряю самообладание. Точнее, то, что от него осталось.

Я должен исправить это, по крайней мере попытаться. Я виноват, что обвинил ее. Главное дело, я сам же и забыл о презервативе...

Нет. Я не хочу, чтобы она уходила от меня, и я не знаю, что мне сделать, чтобы заставить ее остаться. Ребенок не вариант, в этом я абсолютно уверен. Я сделал все, что мог, разве что в квартире ее не запираю. Конечно, эта идея несколько раз приходила мне в голову, но я не думаю, что ей она понравится. К тому же у нее будет дефицит витамина D. И она перестанет посещать йогу... и носить эти штаны.

Нужно пойти, попросить у нее прощения и присунуть ей, пока вся шайка не вернулась. Может, мне повезет и они заблудятся в лесу на несколько часов. Но сначала нужно кое-что сделать. Я вылезаю из джакузи и захожу в комнату, там чертовски холодно, а я в одних мокрых трусах. Смотрю то на телефон, то на дверь ванной, выходящую в нашу комнату. Вода в душе все еще течет, и я хватаю телефон и одеяло и возвращаюсь на балкон.

Пролистав список контактов, останавливаюсь на имени «Сэмюэл»; реально очень ловкий трюк. Не знаю, зачем я сохранил ее номер. Наверное, знал, что запутаюсь и мне придется снова ей звонить. Я изменил имя на случай, если Тесса будет рыться в моем телефоне. А я знал, что будет. Я уж думал, что она меня поймала, когда спросила, почему я удалил список вызовов, и сказала, что слышала, как я орал на Молли по телефону. В каком-то смысле я уверен, что она предпочла бы увидеть в списке вызовов Молли, чем этого человека.

Глава 26

Тесса

С ума сойти: Хардин имел наглость заявить, что я хотела привязать его к себе беременностью, и вообще думает, что я на такое способна по отношению к нему... или себе. Все это полная чушь и глупость!

Все было просто замечательно – правда, просто невероятно, пока он не вспомнил про презерватив. Ему надо было только выйти из ванны и надеть его; я же знаю, что у него в сумке их целая куча. Сама видела, как он их туда засунул после того, как я аккуратно уложила багаж.

Наверное, он просто расстроен всей этой ерундой с Сиэтлом и поэтому погорячился, да и я тоже. Раздражением на грубость Хардина я испортила такой... момент в джакузи, и мне приходится стоять под душем. Через несколько минут горячая вода расслабит напряженные мышцы, успокоит нервы и очистит голову. Мы оба принимаем все слишком близко к сердцу, он несколько больше меня, и конфликт был совершенно бессмысленным. Тянусь к шампуню – и вдруг понимаю, что так была возмущена обвинениями, что забыла захватить умывальные принадлежности. Отлично!

– Хардин? – зову я.

Сомневаюсь, что он слышит, когда я в душе, а он – в горячей ванне, но все же оттягиваю цветную занавеску и на всякий случай смотрю, не придет ли он. Когда через несколько секунд он не появляется в дверях, хватаю полотенце и, обернув его вокруг тела, проскальзываю в спальню, добираюсь до чемоданов, лежащих на кровати. И в этот момент слышу голос Хардина.

Не могу расслышать, что он говорит, но улавливаю тон, ненатуральную любезность, по которому я могу понять, что он пытается быть вежливым и не показать свое разочарование. Что свидетельствует о том, что он считает этот разговор достаточно важным, чтобы вести себя как обычно. Я осторожно ступаю по деревянному полу, и, поскольку у него включена громкая связь, слышу, как кто-то говорит:

– Потому что я риелтор и моя работа – заполнять пустые квартиры.

Хардин вздыхает:

– Ну, может, у вас есть еще пустые квартиры?

Погоди-ка, Хардин хочет снять мне квартиру? Я потрясена и обрадована. Он наконец пришел к тому, чтобы переехать в Сиэтл, и действительно пытается мне помочь, а вовсе не действует против меня. Как раньше.

Женский голос на другом конце, на удивление очень знакомый, отвечает:

– У меня складывается впечатление, что мне не стоит тратить время на эту вашу подругу Тессу, пытаюсь подобрать ей квартиру.

Что? Погоди... что?..

Он не станет этого делать.

– Дело в том... она не так плоха, как я ее описал. Не то чтобы она мусорит или съезжает не заплатив, – говорит он.

У меня обрывается сердце. Он это сделал.

Я распахиваю дверь.

– Ты больной эгоистичный ублюдок! – кричу я первое, что приходит в голову.

Хардин с вытянутым лицом поворачивается ко мне, рот широко открыт, телефон падает на пол, и он таращится на меня, словно я какая-то жуткая тварь, которая пришла его сожрать.

Я просто в ярости.

– Как ты мог? Как ты мог так поступить?

– Я... – начинает он.

– Нет! Даже не трать время на оправдания! Чем ты думал? – Я гневно тычу в него рукой.

Возвращаюсь в спальню, и он бежит за мной и умоляет:

– Тесса, послушай меня!

Я оборачиваюсь, чувствуя одновременно и ярость, боль, обиду и гнев.

– Нет! Ты послушай меня, Хардин, – цежу я сквозь зубы, стараясь говорить негромко. Но не могу. – Я устала от этого, я сыта по горло твоими попытками уничтожить в моей жизни все, что не связано с тобой! – кричу я и сжимаю кулаки.

– Я не...

– Заткнись! Заткнись! Ты самый эгоистичный, себялюбивый, ты просто... тьфу!

Я просто не могу сейчас думать, оскорбления вылетают из моего рта, я машу руками.

– Я не знаю, о чем я думал. Только что я пытался все исправить.

На самом деле я даже не удивлена. Следовало догадаться, что за внезапным исчезновением Сандры стоит Хардин. Он не задумываясь

влезает в мою жизнь, портит мою карьеру, и я страдаю из-за него.

– Именно об этом я и говорю. Ты всегда так поступаешь. Постоянно скрываешь что-то. Постоянно ищешь новый способ, пытаюсь контролировать все, чем я занимаюсь, и я так больше не могу! Это слишком.

Я непроизвольно расхаживаю по комнате туда-сюда, а Хардин испуганно таращится на меня. Я могу вытерпеть твои маленькие безумства, могу вытерпеть бесконечные скандалы. Блин, я могу даже примириться с тем, что половину всего времени ты ведешь себя как полный мудак, потому что в глубине души всегда знаю, что ты делаешь то, что считаешь для меня правильным. Но это перебор. Ты пытаешься разрушить мое будущее – а мне это на хрен не надо.

– Мне очень жаль, – открывает он рот.

Я знаю, что он искренен, но...

– Да тебе, блин, всегда жаль! И всегда одна и та же хрень: ты что-то скрываешь, что-то говоришь, я плачу, ты говоришь, что тебе жаль, и бац! Все забыто. – Я сурово тычу в него пальцем. – Но не в этот раз.

Очень хочется дать ему пощечину, и я ищу глазами, на чем бы выместить злость. Хватаю с кровати декоративную подушку и швыряю на пол. Затем вторую. Это не сильно помогает, но будет еще хуже, если я испорчу что-нибудь из вещей Карен.

Это очень утомительно. Не знаю, на сколько меня еще хватит, прежде чем я сломаюсь.

Черт, я не сломаюсь! Я устала ломаться – потому что делаю это постоянно. Мне нужно собрать себя, аккуратно сложить все части вместе и держаться от Хардина подальше, чтобы обезопасить себя от очередного грубого топтания по моей душе.

– Я устала от этого замкнутого круга. Я много раз тебе об этом говорила, но ты не слушал. Ты ищешь новые способы замкнуть цикл, а с меня хватит, с меня уже хватит, черт возьми!

Не знаю, злилась ли я на него когда-нибудь сильнее, чем сейчас. Да, он делал вещи и похуже, но я всегда могла от этого отстраниться. Но мы еще не попадали в ситуацию, когда я думала, что он перестал что-то скрывать, что он понимает, что не надо мешать моей карьере, потому что она для меня очень много значит. Я насмотрелась на то, что происходит с женщиной, у которой нет ничего своего. У моей матери никогда не было ничего, чего бы она сама достигла, а мне это необходимо. Мне это нужно. Нужен шанс доказать, что, несмотря на то что я очень молода, я могу жить самостоятельно и для себя. И я никому не позволю отнять у меня шанс,

который утратила моя мать.

– С тебя хватит... быть со мной? – Голос заметно дрожит. – Ты сказала, что с тебя хватит...

Я не знаю, что я имела в виду. Скорее всего, что мне стоит с ним порвать, но я знаю, что лучше не отвечать прямо сейчас. Обычно я плачу и прощаю его, мы целуемся... но только не в этот раз.

– Я просто выжата, не могу больше этого выносить. Я не могу с этим примириться! Ты собирался сделать так, чтобы я переехала в Сиэтл, где у меня нет жилья, просто чтобы я передумала!

Хардин молча стоит передо мной. Делаю глубокий вдох, ожидая, что гнев пройдет. Но гнев не проходит. Он только нарастает, пока у меня в буквальном смысле глаза не наливаются кровью. Хватаю оставшиеся подушки, воображая, что это стеклянные вазы, которые разобьются вдребезги об пол, создав беспорядок, который кому-то придется убирать. Впрочем, уборщиком тут буду я; Хардин палец о палец не ударит, чтобы меня от этого избавить.

– Убирайся! – кричу я.

– Нет. Прости, хорошо, я...

– Пошел вон. Быстро. – Мне становится абсолютно все равно, и он смотрит на меня так, словно не узнает.

Может, это действительно так.

Он разворачивается и выходит из комнаты.

Я хлопаю за ним дверь, а потом возвращаюсь на балкон. Сажусь в плетеное кресло и гляжу на море, пытаюсь успокоиться.

Никаких слез, только воспоминания. Воспоминания и сожаления.

Глава 27

Хардин

Я знаю, что она измучена, когда мы ругаемся, я каждый раз читаю это на ее лице. Вражда с Зедом, ложь об исключении – каждый мой подобный поступок убивает какую-то ее часть. Она думает, я не замечаю, но я вижу.

Почему я начал разговаривать с Сандрой по громкой связи? Если бы я этого не сделал, то мог исправить все это и сказать ей о своей подлой выходке после того, как уладил дело. И она бы не расстроилась.

Я не подумал, что Тесса будет делать после того, как обнаружит мою подлость, и где будет жить, если не передумает переезжать. Я ведь думал, что стоит мне все предусмотреть – и, если у нее не будет жилья, она отменит поездку.

Путь чертовски сложен, Хардин.

Я думал: ну-ну, я не хочу, но придется. Я знаю, что это просто последнее дело – так крутить с квартирой в Сиэтле, но я схватился за соломинку, пытаюсь вынудить ее остаться со мной, ведь я знаю, что произойдет в Сиэтле и что добром это не кончится.

Эмоции зашкаливают, я бью кулаком по стене рядом с лестницей.

– Да чтоб тебя!

На мое счастье, это не гипсокартон. Это дерево, и от этого гораздо больнее. С малых лет я решаю все кулаками, и надо остановиться, начать контролировать себя и не воспроизводить такую идиотскую реакцию. Мне повезло, что я ничего не сломал. Конечно, первое время это будет сложно, потому что в новинку.

«Я устала от этого замкнутого круга. Я много раз тебе это говорила, но ты не слушал». Я сбегая вниз по лестнице и бросаюсь на диван, как обиженный ребенок. Вот уж действительно, веду себя, как глупый малыш. Она знает это, я знаю, – блин, да любой это знает. Надо напечатать это на одной из своих черных футболок. Мне просто нужно пойти к ней и еще раз попытаться поговорить, но, честно говоря, я побаиваюсь. Никогда не видел ее в таком бешенстве.

Мне надо свалить. Если бы Тесса не заставила меня ехать со всей семейкой, я мог бы сразу уехать и прервать эту дебильную прогулку. Я бы, наверное, вообще не приезжал.

Думаю, что катание на лодке, конечно, было клевым... но в целом поездка дурацкая, и сейчас, когда она на меня злится, нет никакого смысла тут торчать. Я таращусь в потолок и не знаю, что теперь делать. Я не могу тут сидеть, потому что рано или поздно снова пойду наверх, к Тессе.

Пойду прогуляться. Именно так и поступают нормальные люди, когда сердятся, а не пробивают стены и не ломают барахло. Нужно надеть хоть что-нибудь, прежде чем идти, но я не могу подняться наверх, не то она убьет меня в буквальном смысле слова.

Со вздохом поднимаюсь. Если бы я не был так поражен поведением Тессы, я бы заранее этим озабочился.

Дверь в комнату Лэндона распахивается, и я медленно закатываю глаза. Его одежда аккуратно разложена на кровати; видимо, он собирался положить их на полку, когда его мама и мой папа потащили его с собой.

Я роюсь в его ужасном барахле в отчаянных поисках чего-нибудь без воротника. Наконец нахожу простую синюю футболку и черные тренировочные штаны. Прекрасно, блин. Теперь я меняюсь с Лэндоном одеждой. Надеюсь, гнев Тессы будет продолжаться недолго, но на этот раз я не могу сказать, что будет дальше. Я не ожидал и половины того, что произошло; дело не в словах, которые она говорила, а в том, как она на меня смотрела. Ее взгляд сказал мне больше, чем она могла бы выразить вслух.

Я смотрю на дверь, за которой двадцать минут назад была наша комната, затем поворачиваюсь и выхожу на улицу. Едва я выхожу на эту гребаную дорогу, как передо мной возникает мой сводный брат. По крайней мере, он один.

– Где папа? – спрашиваю я.

– Ты надел мою одежду? – отвечает он, по-видимому, растерявшись.

– Ну да. У меня не было выбора, не придавай этому большого значения. – Я пожимаю плечами, понимая по его улыбке, что он именно это и собирался сделать.

– Ладно... Что ты там натворил?

Какого черта?

– С чего ты взял, что я что-то натворил?

Он приподнимает бровь.

– Ладно... Я и правда натворил кое-что совершенно идиотское. – Я вздыхаю. – Но я не хочу слышать твой бред по этому поводу, так что не думай об этом.

– Хорошо. – Он пожимает плечами и разворачивается, чтобы уйти.

Я надеялся услышать от него еще что-то, какие-нибудь его обычные

замечания.

– погоди! – кричу я, и он оборачивается. – Ты не хочешь узнать, что произошло?

– Ты только что сказал, что не хочешь об этом говорить, – отвечает он.

– Да, но я... о'кей. – Я не знаю, что сказать, и он смотрит на меня так, словно у меня две головы.

– Ты хочешь, чтобы я спросил? – Он выглядит довольным, но, к счастью, не слишком самодовольным ослом.

– Я хотел бы... – начинаю я, но тут замечаю Карен и отца, которые идут по дороге.

– Хотел что? – спрашивает Лэндон, оглядываясь на них.

– Ничего, забей, – вздыхаю я и в отчаянии провожу рукой по волосам.

– Привет, Хардин! Где Тесса? – спрашивает Карен.

Почему все всегда спрашивают меня об этом, будто я не могу находиться от нее дальше двух метров?

Боль в груди напоминает мне: действительно не могу.

– Она внутри, спит, – вру я, повернувшись к Лэндону. – Пойду прогуляюсь, убедись, что с ней все нормально.

Он кивает.

– Куда пойдешь? – спрашивает отец, когда я прохожу мимо них.

– Так! – отрезаю я, ускоряя шаг.

Дохожу до знака «СТОП». Я отмахал уже несколько поворотов и не имею ни малейшего понятия, куда иду и даже как вернуться туда, откуда пришел. Знаю только, что какое-то время шел и что все эти дороги обманчиво ветвятся.

Я всерьез ненавижу это место.

Было не так уж плохо, когда я наблюдал развевающиеся волосы Тессы, которая глядела на сверкающую воду, а на губах ее светилась счастливая улыбка. Тесса казалась такой спокойной, как размеренные волны в открытом море, ровные и невозмутимые, пока наша лодка не разрежала их неторопливое движение. Теперь позади нас ревет вода, бьет в борта. Скоро вода вернется в состояние покоя, пока новая лодка не нарушит их безмятежность.

– Что-то потеряли?

Я оборачиваюсь и с удивлением обнаруживаю рядом девушку примерно своего возраста. Ее каштановые волосы такой же длины, как у Тессы. Она одна, поздно вечером. Оглядываюсь вокруг. Ничего нет, пустое гравийное шоссе и лес.

– А ты? – отвечаю я, обращая внимание на ее длинную юбку.

Она улыбается и подходит ближе. Видимо, у нее в мозгу не хватает серого вещества, раз она посреди пустыря лезет к незнакомцу типа меня с расспросами, не потерял ли я что-нибудь.

– Нет. Я сбежала, – говорит она, заправляя волосы за ухо.

– Убежала из дома? Сколько тебе, двадцать?

В таком случае ей лучше идти куда шла. Последнее, что мне нужно, это встретить разъяренного отца, разыскивающего расфуфыренную дочку-подростка.

– Нет, – смеется она. – Я приехала из колледжа домой навестить родителей и чуть не умерла от скуки.

– А, ну, рад за тебя. Надеюсь, твои поиски свободы приведут тебя в Шангри-Ла, – отвечаю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Тебе в другую сторону! – кричит она вслед.

– Неважно.

И, услышав за своей спиной хруст гравия, мысленно подвываю.

Глава 28

Тесса

Я так измучена, так устала от переживаний после скандала с Хардином. Не знаю, что теперь делать и куда идти. Несколько месяцев мы с ним были все время вместе, и я не представляю себе, как находиться порознь. Мы возвращаемся к самому началу.

– Тесса? – Лэндона слышно и в комнате, и на балконе.

– Я здесь, – отвечаю я.

Хорошо хоть, что я надела шорты и футболку. Хардин всегда меня дразнит, когда я так одеваюсь, но в такую погоду это удобно, не холодно, не жарко.

– Привет, – начинает Лэндон, усаживаясь в кресло рядом со мной.

– Привет. – Я смотрю на него, потом снова опускаю взгляд на воду.

– Все в порядке?

Пользуюсь моментом, чтобы обдумать его вопрос. В порядке ли я? Нет. А буду? Да.

– Да, на этот раз, думаю, да. – Я подтягиваю колени к груди и обнимаю их руками.

– Хочешь поговорить об этом?

– Нет. Я не хочу портить отдых своими переживаниями. Со мной правда все нормально.

– Ладно, но знай, если захочешь поговорить, я готов тебя выслушать.

– Я знаю. – Я смотрю на Лэндона, и он ободряюще улыбается. Не знаю, что бы я без него делала.

Он вдруг вытаращивает глаза, указывая куда-то:

– Это?..

Я смотрю туда же.

– О боже!

Вскакиваю, хватаю красные трусы, плавающие в джакузи, и запихиваю их в карман.

Лэндон прикусывает губу, стараясь удержаться от смеха, но я прыскаю. Мы хохочем – он искренне, я от смущения. Но лучше уж смеяться с Лэндоном, чем, как обычно, рыдать после каждодневных стычек с Хардином.

Глава 29

Хардин

Я все больше и больше устаю от того, что вокруг этого маленького городишка нет ничего, кроме гравия и деревьев. Странная девушка все еще тащится следом, а на душе камнем лежит ссора с Тессой.

– Ты собираешься идти за мной вокруг всего города? – спрашиваю я эту прилипчивую девицу.

– Нет, я собираюсь вернуться в домик к родителям.

– Ну и иди туда одна.

– Ты не очень-то вежлив, – бормочет она.

– Правда? – Я закатываю глаза, хотя она все равно не может этого видеть. – А мне говорили, что вежливость – одно из моих главных качеств.

– Тебе наврали, – хихикает она.

Я пинаю камень, в этот раз добром поминая чистоплотность Тессы, заставившей меня снять ботинки на пороге, иначе мне пришлось бы сейчас надевать кроссовки Лэндона. Не самое приятное зрелище. Плюс к тому я уверен, что размер ноги у него гораздо меньше, чем у меня.

– Ты откуда? – спрашивает она.

Делаю вид, что не слышу, и продолжаю идти. Думаю, на следующем повороте надо повернуть налево. Я уверен, то есть адски надеюсь на это.

– Из Англии?

– Да. – Теперь, полагаю, я тоже вправе спросить. – Куда нам?

Поворачиваюсь и вижу, что она сворачивает направо. Конечно же, я ошибся.

У нее синие глаза, юбка метет по гравию. Она напоминает мне Тессу... когда я с ней только познакомился. Моя Тесса больше не носит такие ужасные шмотки, как эти. Лексический запас ее тоже пополнился; в этом, конечно, моя заслуга, теперь она может использовать его для того, чтобы осыпать мою задницу сравнениями в любых случаях жизни.

– Ты здесь тоже с родителями? – Голос у нее низкий и даже приятный.

– Нет... ну, типа того.

– Они являются кем-то типа родителей? – улыбается она.

Выражение «они являются» вместо короткого «они» тоже напоминает мне о Тессе. Я снова смотрю на девушку, чтобы убедиться, что она

существует, а я не вляпался во что-то вроде диккенсовской «Рождественской истории» и она на самом деле – призрак, который пришел, чтобы преподать мне урок.

– Они – это моя семья и моя девушка. У меня есть девушка, кстати, – предупреждаю я.

Не думаю, что она заинтересована в таком парне, как я, но когда-то я думал то же самое и о Тессе.

– Хорошо... – говорит она.

– Хорошо.

Я ускоряюсь, желая увеличить расстояние между нами. Поворачиваю направо, она тоже. Мы оба сходим на обочину, когда мимо проезжает грузовик, и девушка снова меня догоняет.

– Где она? Твоя подруга? – спрашивает она.

– Спит. – Я использую ту же ложь, что для отца и Карен.

– Хм...

– Что «хм»? – Я смотрю на нее.

– Ничего. – Она глядит в сторону.

– Ты уже прошла со мной половину пути. Если тебе есть что сказать, говори, – раздраженно бросаю я.

Она крутит что-то в руках, глядя под ноги.

– Я просто подумала, что ты пытаешься убежать от чего-то или спрятаться... не знаю почему.

– Я не прячусь; она велела мне проваливать, что я и сделал.

Что этот клон Тессы вообще может знать?

Она смотрит на меня.

– Почему она тебя прогнала?

– Ты всегда такая любопытная?

Она улыбается.

– Да, – утвердительно кивает она.

– Терпеть не могу любопытных.

Кроме Тессы, конечно. Хотя, когда она устраивает мне допрос, несмотря на всю любовь, мне хочется залепить ей рот скотчем. Она реально самый привязчивый человек, которого я в жизни видел.

На самом деле я вру. Мне нравится, когда она меня выпрашивает; раньше меня это бесило, но теперь все изменилось. Я тоже хочу знать о ней все... что она думает, что делает, чего хочет. И, к собственному ужасу, понимаю, что задаю гораздо больше вопросов, чем она...

– Так что ты мне хотел сказать? – напоминает девушка.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, уклоняясь от ответа.

– Лилиан, – представляется она и выбрасывает что-то, что держала в кулаке.

– Хардин.

Она заводит прядь за ухо.

– Расскажи мне о своей девушке.

– Зачем?

– Похоже, ты расстроен, и кому еще лучше излить душу, как не незнакомцу?

Не хочу с ней говорить: она слишком похожа на Тессу, и мне это не нравится.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Солнце тут заходит рано, и небо уже почти черное.

– Хочешь держать это в себе? – спрашивает она понимающе. Слишком понимающе.

– Слушай, ты кажешься... хорошей и все такое, но я тебя не знаю, а ты не знаешь меня, так что разговора не будет.

Она хмурится. Потом вздыхает:

– Ладно.

Наконец вдалеке замечаю знакомую покатую крышу.

– Ну, вот я и дома, – говорю я с облегчением.

– Правда? Погоди-ка... твой отец – Кен, так? – Она хлопает себя по лбу маленькой ладошкой.

– Да, – удивленно отвечаю я.

Мы останавливаемся на обочине.

– Я идиотка, ну конечно! И акцент, как я не подумала об этом раньше, – смеется она.

– Не понимаю. – Я смотрю на нее сверху вниз.

– Наши отцы – друзья, они вроде как вместе в колледж ходили. Я только что провела целый час, слушая их рассказы о добрых старых временах.

– Ну надо же, какое совпадение! – усмехаюсь я.

Я уже не чувствую себя рядом с этой девушкой неловко, как несколько минут назад.

Она широко улыбается:

– Ну, значит, мы не такие уж и чужие друг другу, в конце концов.

Глава 30

Тесса

– Печенье! – хором отвечаем мы с Лэндоном.

– Точно, печенье, – улыбается Карен, открывая духовку.

Она без остановки что-то печет, жарит, парит. Пожаловаться не на что, еестряпня невероятно вкусная.

– Уже темно. Надеюсь, он там не заблудится, – замечает Кен.

Лэндон только пожимает плечами. Это Хардин.

Хардин ушел уже более трех часов назад, и я изо всех сил пытаюсь не волноваться. Я знаю, что с ним все в порядке; если с ним что-нибудь случится, я это почувствую. Не знаю, как объяснить, но в глубине души я уверена, что почувствую.

Так что я беспокоюсь не о том, что с ним случилось что-то плохое. Я боюсь, что его настроение станет причиной поиска местного бара. Как бы я ни хотела, чтобы он поскорее вернулся, если он появится в дверях и от него будет разить перегаром, меня это просто убьет. Мне требуется время и пространство, чтобы остыть. Я стараюсь ни о чем не думать, изо всех сил стараюсь.

– Я подумала, что мы все могли бы принять джакузи сегодня или завтра с утра? – предлагает Карен.

Лэндон фыркает газировкой из стакана, а я от неожиданности прикусываю щеку изнутри. Воспоминание о том, как Лэндон обнаружил мои кроваво-красные трусы, плавающие в воде, еще свежи; у меня горят щеки.

– Карен, милая, не думаю, что они хотят принимать ванну с нами, – смеется Кен, и Карен понимающе улыбается.

– Наверное, ты прав. – Она смеется и, наморщив нос, начинает делить тесто для печенья на небольшие шарики. – Терпеть не могу делать тесто.

Я знаю, что для Карен ничего нет хуже, чем месить тесто, а мне это очень нравится. Особенно сейчас.

Когда пришли Карен и Кен, мы с Лэндоном вовсю обсуждали его скорую встречу с Дакотой и то, что они скоро будут снимать квартиру. Они рассказали, как столкнулись с ушедшим Хардином. Видимо, он сказал, что я сплю, поэтому я сделала все возможное, чтобы подтвердить его ложь,

рассказывая, что проснулась только что, когда пришел Лэндон.

Не перестаю думать о том, где Хардин и скоро ли он вернется. Часть меня все еще не хочет его видеть, но другая часть, гораздо большая, хочет знать, что он не делает ничего, что может поставить под угрозу наши и без того хрупкие отношения. Я все еще ужасно злюсь на него за то, что он вмешался в мой переезд в Сиэтл, и понятия не имею, что же, черт возьми, мне теперь делать.

Глава 31

Хардин

– Ты сорвал ей съём квартиры? – спрашивает Лилиан, пораженно уставившись на меня.

– Я же говорил, что сделал ужасную гадость, – напоминаю я.

Мы идем вдоль дороги к ее родителям, нас освещает фарами очередная машина. Я собирался вернуться в дом отца, но Лилиан оказалась весьма достойным слушателем. Поэтому, когда она попросила проводить ее до дома и договорить, я согласился. Пусть у Тессы будет время поостыть; надеюсь, к моему возвращению она будет готова к разговору.

– Ты не говорил, что дошел до такого. Я ее не виню, что она на тебя разозлилась.

Она девушка и, конечно, всегда готова принять сторону Тессы. Не представляю себе, что бы она подумала, если бы знала обо всей той фигне, которую я натворил за последние полгода.

– И что же ты собираешься теперь делать? – спрашивает она, открывая двери.

Она приглашает меня войти в дом своих родителей так, словно наверняка знает, что я хочу войти.

Внутри я понимаю, что здесь роскошно. Даже роскошнее, чем у моего отца. Это чертовски богатые люди.

– Они должны быть наверху, – говорит она, когда мы заходим.

– Кто должен быть наверху? – раздается женский голос.

Лилиан, поморщившись, оборачивается к женщине, полагаю, своей матери. Она выглядит точь-в-точь как Лилиан, за исключением возраста.

– Кто это? – спрашивает она.

В этот момент в гостиную входит мужчина средних лет в рубашке-поло и защитного цвета брюках.

Прекрасно, просто прекрасно. Я должен был просто довести Лилиан до дому. Интересно, что бы подумала Тесса, если бы узнала, что я здесь? Она все еще зла на меня за тот случай, когда были причины ревновать меня к Молли. Но тем не менее эта девушка не Молли, у них нет ничего общего.

– Мама, папа, это Хардин, сын Кена.

На лице мужчины появляется широкая улыбка.

– Очень рад с тобой познакомиться! – восклицает он с шикарным английским акцентом, который сразу объясняет, откуда он знает моего отца.

Подойдя поближе, он хлопает меня по плечу. Я делаю шаг назад, и он слегка хмурится, хотя, мне кажется, ожидал такой реакции. Отец, наверное, предупредил его обо мне. Я почти усмехаюсь при этой мысли.

– Дорогая, – обращается он к жене, – это сын Триш.

– Вы знаете мою маму? – спрашиваю я прежде, чем его жена успевает ответить.

– Да, я знала твою маму еще до того, как она стала твоей мамой, – отвечает женщина с улыбкой. – Мы дружили, все пятеро, – добавляет она.

– Пятеро? – спрашиваю я.

Отец Лилиан смотрит на нее.

– Дорогая.

– Ты так на нее похож, вылитый! Только глаза отцовские. Я не виделась с ней с тех пор, как вернулась в Америку. Как она?

– Хорошо, скоро выходит замуж.

– Правда? – взвизгивает она. – Передай ей, что я ее поздравляю и рада об этом слышать.

– Хорошо, – отвечаю я.

Эти люди чертовски много улыбаются. Все равно что находиться в комнате одновременно с тремя Карен, только более приставучими и менее красивыми.

– Ну, мне пора, – сообщаю я Лилиан, но получается довольно неловко.

– Нет-нет. Не уходи, мы уже поднимаемся вверх, – говорит отец Лилиан, обнимает жену и уводит за собой.

Лилиан смотрит им вслед, потом снова на меня.

– Извини, они такие...

– Искусственные? – договариваю я за нее. Я умею почувствовать неискренность за сверкающей белозубой улыбкой.

– Да, очень! – смеется она и садится на диван.

Я неуклюже переминаюсь у двери.

– Твоя девушка будет возражать, если узнает, что ты здесь? – спрашивает она.

– Не знаю, наверное, – вздыхаю я, раздраженно проводя рукой по волосам.

– Ты хотел бы, чтобы она так поступала? Что бы ты почувствовал, если бы она пришла в гости к парню, с которым только что познакомилась?

Как только она это произносит, в груди у меня закипает гнев.

– Я бы озверел! – рычу я.

– Так я и думала, – ухмыляется она и хлопает ладонью по дивану рядом с собой.

Глубоко вздыхаю и направляюсь к креслу напротив. Не знаю, как к ней относиться: она адски груба и несколько раздражает.

– Ты ревнивый парень, верно? – спрашивает она, разглядывая меня.

– Думаю, да. – Я пожимаю плечами.

– Готова поспорить, твоей подружке не очень понравится, если ты меня поцелуешь.

Она тянется ко мне, и я вскакиваю. Я уже на полпути к дверям, когда она начинает хохотать.

– Что ты, блин? – Я стараюсь говорить негромко.

– Да я просто прикалываюсь. Я не серьезно, поверь, – улыбается Лилиан. – И очень рада видеть, что и ты тоже. Можешь расслабиться.

Может быть, у нее действительно много общего с Тессой, но она не такая милая... и не такая невинная. Я сажусь на стул напротив дивана. Я еще недостаточно знаю эту цыпочку, чтобы ей доверять. Я здесь только потому, что мне нужно некоторое время не возвращаться в дом отца. А Лилиан, несмотря на то что она мне чужая, все-таки нейтральная сторона, в отличие от Лэндона, лучшего друга Тессы. Все-таки приятно поговорить с человеком, которому нет причин меня осуждать. К тому же, черт, она немного грубее, так что с ней сейчас лучше, чем там, откуда я пришел.

– Теперь расскажи, что там такого в Сиэтле, что ты не можешь поехать туда ради нее?

– Ничего конкретного. У меня там была пара неприятных инцидентов, но дело не в этом. А в том, что она там будет двигаться вверх, – отвечаю я, понимая, как глупо это звучит.

Но я не кретин; эта девушка топала за мной целый час, так что если кто и дурак, то это она.

– И это плохо?

– Нет. Я, конечно, хочу, чтобы она развивалась. Просто хочу быть частью этого.

Вздыхаю оттого, что мы с Тессой не рядом, хотя прошло всего несколько часов. Но дело в том, что раз она так сердится на меня, я могу оказаться вдали от нее на гораздо дольше срок.

– Так ты отказываешься ехать в Сиэтл, потому что хочешь быть частью ее жизни? Это бессмысленно, – убежденно заключает Лилиан.

– Я знаю, ты этого не понимаешь, и она тоже, но она единственное, что у меня есть. Все, что есть в моей жизни, буквально все, что мне нужно, и я не могу ее потерять. Без нее у меня нет ничего.

Зачем я все это ей рассказываю?

– Я понимаю, что это звучит дико жалко.

– Нет, ты не понимаешь. – Она сочувственно улыбается, и меня передергивает. Последнее, чего я хочу добиться от нее, – это сочувствия.

Гаснет свет на лестнице, я смотрю на Лилиан.

– Мне пора? – спрашиваю я.

– Нет, я уверена, отец просто в восторге, что я притащила тебя домой, – отвечает она без всякого сарказма.

– Почему?

– Ну, с тех пор, как я познакомила их с Райли, они все ждут, когда мы расстанемся.

– Ему он не нравится или что?

– Она.

– Что?

– Ему не нравится она, – говорит она, и я еле сдерживаю усмешку.

Я сочувствую ей, что родители не принимают ее отношения, но вынужден признать, что мне становится легче.

Глава 32

Тесса

Лэндон объясняет, что их квартира очень близко к кампусу и до университета нетрудно дойти пешком. Не нужно ездить, и ему даже не придется каждый день спускаться в метро.

– Я очень рада, что вы не будете садиться за руль в этом огромном городе. Слава богу, – говорит Карен, положив руку на плечо сыну.

Он качает головой.

– Я прекрасно вожу, лучше Тессы, – дразнится он.

– Я не так уж плохо вожу, лучше, чем Хардин, – отвечаю я.

– Нашла чем хвастаться! – смеется Лэндон.

– Я беспокоюсь не о ваших водительских навыках, а об этих сумасшедших таксистах! – кудахчет Карен, как наседка.

Хватаю с подноса печенье и снова оглядываюсь на входную дверь. Я постоянно смотрю на нее в ожидании Хардина. Моя злость медленно улетучивается, с каждой убегающей минутой.

– Хорошо, спасибо, что дала знать. Завтра увидимся, – говорит Кен кому-то по телефону, заходя к нам на кухню.

– Кто это был?

– Макс. Хардин у него дома с Лилиан, – говорит он, и мой желудок сжимается.

– Лилиан? – Я не могу удержаться от вопроса.

– Дочь Макса. Примерно твоего возраста.

Зачем Хардин пошел к соседям и их дочери? Он ее знает? Неужели он с ней встречался?

– Уверен, он скоро вернется.

Кен хмурится. Ловлю его взгляд и понимаю, что он заранее не подумал о моей реакции. И то, что ему становится неловко, заставляет меня чувствовать себя еще более неловко.

– Да. – Я вздыхаю, вставая с табурета. – Я просто... Я собираюсь лечь, – говорю я, пытаюсь держать себя в руках.

Чувствую, что меня захлестывает злость и нужно уйти раньше, чем она вырвется наружу.

– Я пойду с тобой, – предлагает Лэндон.

– Нет, все нормально, правда. Мы очень рано встали, был насыщенный день, и уже поздно, – уверяю я, и Лэндон кивает, хотя уверена, что он на это не купился.

У лестницы слышу, как он произносит:

– Он полный идиот.

Да, Лэндон. Так и есть.

Перед тем как подойти к шкафу и переодеться в пижаму, закрываю балконную дверь. Мысли так бурлят, что трудно сосредоточиться на одежде. Кроме одежды Хардина, ничего не попадает, но не хочу надевать его белую футболку. Мне нужно найти, в чем спать, среди своей дурацкой одежды. Порывшись в ящике, сдаюсь, решаю спать в тех шортах и футболке, которые на мне, и ложусь.

Кто эта таинственная девушка, с которой сейчас Хардин? Как ни странно, я больше расстраиваюсь из-за квартиры в Сиэтле, чем из-за нее. Если он хочет поставить наши отношения под угрозу, обманывая меня, это его выбор. Да, это то, что разрывает оставшуюся меня на куски, и не думаю, что когда-нибудь смогу восстановиться, но я не собираюсь заикливаться на этом.

Не могу себе представить. Не верю, что он действительно мне изменяет. Несмотря на все то, что он совершил в прошлом, я просто не могу себе этого представить. Не после его татуировки и не после того, как он вымаливал прощение, стоя на коленях. Да, он изводит меня контролем и слишком деспотичен, кроме того, он не понимает, когда следует прекратить вмешиваться в мою жизнь, но он скорее хочет удержать меня рядом с собой, а не попытаться обманом сбежать.

Даже спустя час после того, как я, уставившись в потолок, считаю трещины в досках крыши, во мне пульсирует обида на Хардина. Не знаю, в состоянии ли я говорить с ним, но я знаю, что не в состоянии заснуть, пока не услышу, что он вернулся. Чем дольше его нет, тем больше я себя накручиваю. Не могу не видеть в наших отношениях двойные стандарты: если бы я была где-то с парнем, а Хардин не знал, где я, он, наверное, попытался бы поджечь лес вокруг. Это нелепо, смешно, но мне не до смеха. Я снова закрываю глаза, мысленно призывая сон.

Глава 33

Хардин

– Хочешь выпить? – спрашивает Лилиан.

– Конечно. – Я пожимаю плечами и поглядываю на часы.

Она встает и открывает бар. Перебирает бутылки, наконец выбирает одну и быстро показывает ее мне, словно Ванна Уайт. Отвинтив крышку с бутылки коньяка, который, я уверен, дороже, чем огромный телевизор на стене, она смотрит на меня с притворным сочувствием.

– Ты не можешь постоянно трусить.

– Заткнись.

– Ты так похож на нее, – хихикает она.

– На Тессу? Нет, абсолютно. С чего ты взяла?

– Нет, не на Тессу. На Райли.

– Чем именно?

Лилиан наливает темный коньяк в бокал и передает его мне, а потом опять усаживается на диван.

– А себе не нальешь?

Она царственно качает головой:

– Я не пью.

Конечно, не пьет. Мне тоже не следует пить, но слегка сладковатый, насыщенный аромат коньяка уносит воспоминание прочь.

– Так ты скажешь мне, чем я на нее похож? – Я в ожидании гляжу на нее.

– Вы оба такие; она тоже всегда ведет себя так, словно сердита на весь мир. – Она изображает на лице преувеличенное страдание и подгибает под себя ноги.

– Ну, может, она на что-то злится, – защищаю я ее подругу, хотя совсем ее не знаю.

И одним глотком наполовину опустошаю бокал. Коньяк крепкий, выдержан до совершенства, чувствую, как меня обжигает до пальцев ног.

Лилиан не отвечает. Вместо этого она поджимает губы и смотрит на стену позади меня в глубокой задумчивости.

– Я не какой-нибудь доктор Фил^[2], без всяких «Хочешь поговорить об этом?», или там чертова «Кумбайя»^[3], – говорю я, и она кивает.

– Я и не жду «Кумбайю», но считаю, что ты должен, по крайней мере, придумать план, как извиниться перед Тamarой.

– Ее зовут Тесса, – поправляю я, внезапно раздражаясь из-за этой мелкой ошибки.

Она улыбается и перекидывает свои каштановые волосы на одно плечо.

– Тесса, извини. У меня двоюродную сестру зовут Тamarой, наверное, я сейчас думала о ней.

– С чего ты решила, что я стану извиняться? – Я прижимаю язык к нёбу в ожидании ее ответа.

– Шутишь, что ли? Ты должен извиниться! – почти кричит она. – По крайней мере, ты должен сказать, что поедешь с ней в Сиэтл.

Я устало морщусь.

– Я не собираюсь в Сиэтл, черт возьми.

В конце концов, почему Тесса и эта гребаная Тесса номер два заставляют меня ехать в Сиэтл?

– Тогда, я думаю, она уедет без тебя, – отвечает она отрывисто.

Смотрю на нее, на эту девушку, которая, как я думал, сможет меня понять.

– Что ты сказала? – Я резко ставлю бокал с коньяком, так, что коричневая жидкость выплескивается и растекается по белой поверхности стола.

Лилиан удивленно поднимает брови.

– Я сказала, что думаю, что она уедет без тебя, потому что ты пытался помешать ей снять квартиру, а значит, не готов двигаться по жизни вместе.

– Да мне совершенно насрать на то, что ты думаешь.

Хочу уехать. Я знаю, что она права, но не могу этого признать.

– Да, ты переедешь с ней, ты просто не можешь это признать. Ты пришел, чтобы разобраться в себе. Ты притворяешься, что тебя все это не касается, но на самом деле тебя эта ситуация сильно беспокоит.

Снова беру бокал и допиваю остатки, потом встаю и иду на выход.

– Ты обо мне всего не знаешь, – цежу я сквозь зубы.

Лилиан встает и случайно касается меня.

– Да. Как я и говорила, ты очень похож на Райли.

– Тогда мне ее жалко, потому что ей приходится терпеть, – начинаю я раздраженно, но останавливаю себя: ведь Лилиан не сделала ничего плохого, она на самом деле пытается помочь мне и не заслуживает моего гнева.

Я вздыхаю.

– Прости, ладно? – Я иду обратно в гостиную и шлепаюсь на диван.

– Видишь, извиняться не так сложно, не правда ли? – Лилиан улыбается, подходит к бару и приносит коньяк. – Думаю, тебе нужно еще выпить. – Она улыбается и берет мой пустой бокал.

После третьей порции я бормочу:

– Тесса терпеть не может, когда я пьян.

– Ты много пьешь?

– Нет, – машинально отвечаю я, но вижу, что ей действительно интересно, на пару секунд задумываюсь и решаю немного подкорректировать ответ. – Иногда.

– Хм.

– Почему ты не пьешь?

– Не знаю, просто так.

– А твой пар... – Я вовремя поправляюсь: – Твоя девушка пьет?

– Да, иногда, но не так много, как раньше, – кивает она.

– А. – У нас с Райли, возможно, найдется больше общего, чем я думал.

– Лилиан? – зовет ее отец, а потом я слышу шаги на лестнице.

Я инстинктивно немного отодвигаюсь от Лилиан, когда она поворачивается к нему.

– Да, папа?

– Уже почти час ночи. Я думаю, пора сворачивать посиделки.

Час ночи? Вот блин.

– Хорошо. – Лилиан кивает и смотрит на меня. – Он, кажется, забыл, что я уже взрослая, – шепчет она мне, и я ясно слышу в ее голосе раздражение.

– Мне все равно пора идти. Тесса меня убьет.

Я потягиваюсь и встаю: ноги плохо слушаются.

– Ты можешь зайти к нам завтра, Хардин, – говорит друг моего отца, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Давай извинись и переезжай в Сиэтл, – напоминает мне Лилиан.

Решаю не обращать на сказанное внимания и выхожу на улицу. Мне реально нравится, как живет ее отец, он явно чертовски богат.

Вокруг темно, хоть глаз выколи, буквально не могу разглядеть собственную руку. Как идиот, я машу перед собой. Дохожу до поворота и вижу вдалеке свет окон отцовского дома. Иду в ту сторону и поднимаюсь на крыльцо. Прозрачная дверь скрипит, когда я открываю ее, и я тихонько чертыхаюсь. Меньше всего мне хочется, чтобы отец проснулся и учуял, как от меня разит коньяком. Может, он сам хочет выпить. Моя внутренняя Тесса укоряет за подобные циничные мысли, но, ущипнув себя за

переносицу и помотав головой, прогоняю ее.

Чуть не опрокидываю лампу, пытаюсь стащить с ног ботинки. Опираясь за стену, чтобы не упасть, я наконец справляюсь с обувью и ставлю ее рядом с парой Тессы. Стараюсь как можно тише подняться по лестнице, отчего взмокают ладони. Я не пьян, но совершенно невменяем от усталости и волнения, и понимаю, что Тесса от этого еще больше расстроится. Она и так не особо веселилась, а теперь, когда я притащился так поздно, да еще и пьяный, это ее вряд ли обрадует. Я по-настоящему... побаиваюсь. Она была просто в ярости, когда выгнала меня.

Дверь в комнату, в которой мы ночуем, открывается с тоненьким скрипом, и я передвигаюсь по комнате как можно тише, стараясь не разбудить ее.

Не удалось.

Лампа на тумбочке вспыхивает, и Тесса бесстрастно пронзает меня взглядом.

– Извини... Не хотел тебя будить, – оправдываюсь я.

Ее полные губы сжимаются.

– Я не спала, – произносит она, и в груди у меня появляется нехорошее чувство.

– Я понимаю, что уже поздно, прости. – Слова вылетают сами собой.

Она вглядывается в меня.

– Ты пьян?

Несмотря на резкий тон, взгляд ее теплеет. Мне хочется присесть на кровать и прикоснуться к ней.

– Да, – отвечаю я, ожидая новой вспышки ярости.

Она вздыхает и подносит руки ко лбу, чтобы отбросить пряди, выбившиеся из хвоста. Кажется, она не удивлена.

Секунд тридцать я все еще жду скандала. Но его нет.

Она просто сидит на кровати, откинувшись назад и глядя на меня печальным усталым взглядом, а я неуклюже переминаюсь посреди комнаты.

– Ты собираешься что-то сказать? – спрашиваю я наконец, желая прервать тягостное молчание.

– Нет.

– Почему?

– Я устала, а ты пьян; мне правда нечего сказать, – говорит она совершенно равнодушно.

Я всегда с ужасом ожидаю последней капли, точки, когда она перестанет терпеть, и, честно говоря, я боюсь, что сейчас может быть

финал.

– Я не пьян, выпил только три рюмки. Ты же знаешь, для меня это фигня, – сообщаю я и сажусь на край кровати.

По позвоночнику бежит холодок: она отодвигается к спинке кровати, чтобы оказаться подальше от меня.

– Где ты был? – спокойно спрашивает она.

– Неподалеку.

Она продолжает смотреть на меня, ожидая, что я еще скажу.

– Я был с девчонкой Лилиан, ее отец ходил в колледж вместе с моим, мы разговорились, слово за слово, и...

– О боже! – Тесса закрывает глаза, затыкает уши руками, подтягивая колени к груди.

Я протягиваю руки и беру ее за запястья, осторожно опускаю на колени.

– Нет-нет, ты не так поняла. Блин. Мы говорили о тебе, – шепчу я, ожидая увидеть в ее глазах недоверие.

Она открывает глаза и смотрит на меня.

– Что именно обо мне?

– Да все про этот чертов Сиэтл.

– С ней ты говорил о Сиэтле, а со мной не хочешь?

В ее голосе не злость, только любопытство, и я на самом деле сильно путаюсь. Я ведь не хотел говорить об этом с другой, она меня практически заставила, но, кажется, я доволен, что она это сделала.

– Не совсем так: ты же меня прогнала, – напоминаю я девушке с лицом Тессы, но сейчас такой непривычно чужой.

– И ты был с ней все это время? – Ее губы вздрагивают, и она прикусывает нижнюю зубами.

– Нет, я пошел прогуляться и случайно с ней столкнулся.

Я протягиваю руку, чтобы поправить волосы, и она не отстраняется. Ее кожа горячая, а щеки словно светятся. Она наклоняется к моей ладони и закрывает глаза, когда я провожу пальцем по ее щеке.

– Она очень похожа на тебя.

Я не ожидал, что все пойдет так. Я ждал третьей мировой войны с Тессой.

– Значит, она тебе понравилась? – спрашивает она, приоткрывая глаза.

– Да, она нормальная.

Яжимаю плечами, и она снова закрывает глаза. Я сбив с толку ее поведением, это чересчур сложно для и так несколько расслабленного старым коньяком Хардина.

– Я устала, – говорит она, убирая мою руку от щеки.

– Ты не злишься? – удивленно спрашиваю я.

В глубине сознания шевелится беспокойство, не всплывая на поверхность. Проклятый коньяк!

– Я просто устала, – отвечает она и опускается на подушку.

Ладно...

Тревожный звоночек... Нет, целая сирена перед торнадо воеет во мне, когда я слышу ее абсолютно безэмоциональный голос. Она чего-то недоговаривает. А я хочу, чтобы она это сказала. Но как только она засыпает или, по крайней мере, делает вид, понимаю, что сегодня следует проигнорировать все тревожные сигналы. Уже поздно. Если я слишком надавлю на нее, она снова меня прогонит, а я этого не хочу. Я не могу заснуть без нее, и я благодарен, что она позволяет мне лежать рядом, после всей этой херни с Сандрой. А еще я благодарен тому, что коньяк нагоняет на меня такой сон, что я продрыхну всю ночь, не мучаясь тем, что происходит в голове у Тессы.

Глава 34

Тесса

В комнату льется утренний свет, солнце уже давно встало. Перевожу взгляд с неприкрытых балконных дверей на собственный живот, на котором лежит татуированная рука Хардина. Его пухлые губы открыты, и из них доносится мягкое сопение. Я не знаю, стоит ли его будить, поэтому просто провожу рукой по копне темных волос и прижимаюсь губами к розовой коже.

Я зла, чертовски зла на Хардина за все, что произошло вчера вечером. Он имел наглость вернуться в полвторого ночи, и, как я и боялась, от него разило спиртным. Еще одна загадка в нашей запутанной истории: кто эта девушка, с которой он провел несколько часов? Он сказал, что они просто болтали, и дело не в том, что я не верю, а в том, что со мной он отказывается обсуждать Сиэтл или вообще все, что имеет к этому отношение, а с ней об этом разговаривает. Не знаю, что думать, и устала все время переживать! Всегда обязательно найдется какая-нибудь проблема, которую нужно решать. А я устала. Устала от всего этого. Я люблю Хардина больше, чем могу понять его, но не знаю, на сколько меня еще хватит. Я не могу не беспокоиться каждый раз, когда он приходит домой пьяный. Хочется накричать на него, бросить подушку ему в лицо и сказать, какой он идиот, но я наконец начинаю понимать, что можно бороться с одним и тем же лишь до тех пор, пока ты не разлюбил.

Не знаю, что буду делать, если он не поедет в Сиэтл, но понимаю одно: от того, что мы проснулись вместе в одной кровати, ничего не изменилось. Я приподнимаю руку Хардина, выкручиваясь из-под нее, и мягко кладу на подушку. Он стонет во сне, но, к счастью, не просыпается.

Беру телефон с прикроватной тумбочки и не спеша выхожу на балкон. Дверь открывается почти бесшумно, и я, облегченно вздохнув, прикрываю ее за собой. На улице намного холоднее, чем вчера. Конечно, ведь только семь утра.

С телефоном в руках обдумываю ситуацию с несуществующим жильем в Сиэтле. Переезд начинает доставлять больше хлопот, чем я ожидала, и, честно говоря, порой мне кажется, что хлопот чуть ли не больше, чем оно того стоит. Быстро обрываю такие мысли. Ведь именно

этого Хардин и добивается: он пытается создать побольше сложностей для моего переезда и, наверное, надеется, что я брошу свой замысел и останусь с ним.

Но этого не будет.

Я открываю браузер на телефоне и с нетерпением ожидаю, когда загрузится Гугл. Раздраженно смотрю на маленький экранчик, где бесконечно крутится кружок загрузки. Разочаровавшись в низкой скорости своего старого мобильного, возвращаюсь в спальню и беру со стула мобильник Хардина, после чего вновь иду на балкон. Если он проснется и обнаружит у меня свой мобильник, то, конечно, рассердится. Но я не собираюсь копаться в его вызовах и сообщениях. Я только воспользуюсь Интернетом.

«Да, она нормальная». В голове крутятся его слова о Лилиан и мешают поискам квартиры в Сиэтле. Мотаю головой, избавляясь от воспоминаний, и люблюсь роскошной квартирой, которую хотела бы себе позволить. Я проматываю дальше, к квартирке поменьше. Мне не будет там комфортно, я хотела бы что-то с прихожей и комнатой, особенно если я буду жить в Сиэтле одна. Проматываю экран еще несколько раз, прежде чем нахожу наконец квартиру со спальней средних размеров. Это превышает мой бюджет, но не намного. Если понадобится, могу немного поголодать.

Сохраняю номер себе в телефон и продолжаю смотреть варианты. Погружаюсь в фантазии о совместном поиске квартиры с Хардином. Вот мы оба сидим на кровати, я – скрестив ноги, а Хардин – вытянув перед собой и прислонившись к изголовью. Я показываю квартиру, и он закатывает глаза, устав от поиска жилья, но я бы все равно совала ему под нос вариант, улыбалась и смотрела на его губы. Он бы сказал, что я милая, когда волнуюсь, и забрал бы у меня ноутбук, уверяя, что сам найдет нам квартиру.

Впрочем, это слишком просто. Слишком легко. Полгода назад все в моей жизни было просто. Мама помогала мне найти общежитие, у меня все было распланировано и намечено с момента появления в университете.

Мама... Мне так ее не хватает. Она понятия не имеет, что я встретила с отцом. Уверена, она бы рассердилась, если бы узнала.

Прежде чем я могу самой себе объяснить зачем, набираю ее номер.

– Алло? – спокойно отвечает она.

– Мама, ты?

– Кто же еще это может быть?

Я уже жалею, что позвонила.

– Как поживаешь? – спокойно спрашиваю я.

Она вздыхает:

– Хорошо. Просто была занята всем, что тут происходило.

– Что происходило?

Она знает об отце? Я быстро решаю, что если не знает, сейчас не лучшее время говорить об этом.

– Да так, ничего особенного. Я работаю, много сверхурочной работы, у нас новый пастор, да, и еще Рут скончалась.

– Рут Портер?

– Да, я собиралась тебе сообщить, – говорит мама, и ее металлический голос немного теплеет.

Бабушка Ноя Рут была одной из самых приятных женщин, которых я имела удовольствие знать. Она всегда была такая добрая, совсем как Карен, и готовила лучшее шоколадное печенье на земле.

– Как поживает Ной? – осторожно спрашиваю я.

Он был очень привязан к бабушке, я знаю, что без нее ему будет трудно. У меня никогда не было шанса познакомиться со своими бабушками и дедушками – родители отца умерли, когда я была слишком маленькой, чтобы их запомнить, а родители матери не те люди, с кем можно сблизиться.

– Ему сейчас довольно тяжело. Тебе надо позвонить ему, Тесса.

– Я... – начинаю я, собираясь сказать, что не могу позвонить ему, но останавливаюсь. Почему я не могу ему позвонить? Я могу, и я это сделаю. – Хорошо... Я позвоню ему прямо сейчас.

– Правда? – Она явно очень удивлена. – Ну, по крайней мере, подожди до девяти, – советует она, и я не могу сдержать улыбку. Я знаю, что она тоже улыбается на том конце. – Как идет учеба?

– В понедельник я переезжаю в Сиэтл, – признаюсь я и слышу, как там что-то гулко падает на пол.

– Что?

– Я говорила тебе, ты забыла? – Я ведь ей говорила?

– Нет, ты мне не говорила. Ты сказала, что твоя компания переезжает в Сиэтл, но не говорила, что тоже собираешься переехать.

– Прости, я была слишком занята Сиэтлом и Хардином.

Она, изо всех сил контролируя себя, спрашивает:

– Он едет с тобой?

– Не знаю... – вздыхаю я.

– Все нормально? Мне кажется, ты расстроена.

– Все хорошо, – вру я.

– Я знаю, что последнее время мы с тобой были не в лучших

отношениях, но я все еще твоя мать, Тесса. Ты можешь поговорить со мной, если в твоей жизни что-то происходит.

– Все в порядке, правда. Я просто нервничаю из-за переезда и перевода в другой университет.

– Ах, вот что. У тебя все получится – ты преуспеешь в любом университете, Тесса. Ты можешь достичь успеха во всем, – уверенно говорит она.

– Я знаю, но я уже так привыкла к этому университету, много знакомых среди профессоров, есть друзья... несколько друзей.

На самом деле у меня нет друзей, по которым я стану так уж скучать, не считая Лэндона. И может быть, по Стеф... но больше по Лэндону.

– Тесса, это именно то, чего мы добивались столько лет. Посмотри на себя: за какое короткое время ты многого достигла. Ты должна гордиться собой.

Удивительно! Пытаюсь переварить услышанное.

– Спасибо, – бормочу я.

– Скажи мне, как переедешь в Сиэтл, я навещу тебя, поскольку ты, видимо, не собираешься в ближайшее время приезжать ко мне, – продолжает мама.

– Обязательно. – Я игнорирую ее резкий тон.

– Я тебе перезвоню. Мне надо собраться на работу. И не забудь позвонить Ною.

– Хорошо, я позвоню ему в ближайшие пару часов.

Вешаю трубку. Какое-то движение на балконе привлекает мое внимание, и, обернувшись, замечаю Хардина. Теперь он одет в свои обычные черные джинсы и черную футболку. Он стоит босиком, пронзая меня взглядом.

– Кто это был? – спрашивает он.

– Моя мама, – отзываюсь я, подтягивая колени к груди.

– Зачем она звонила? – Он хватается за спинку соседнего стула и со скрежетом подвигает его ближе ко мне, прежде чем сесть.

– Это я ей звонила, – отвечаю я, не глядя на него.

– Почему тут мой телефон? – Он хватается свой телефон у меня с колен и начинает проверять.

– Я заходила в Интернет.

– А, – произносит он так, словно мне не верит.

Если ему нечего скрывать, что он так волнуется?

– О ком ты говорила, что собираешься позвонить? – спрашивает он, присаживаясь на край джакузи.

– О Ное, – сухо бросаю я.

Его глаза сужаются.

– Черта с два.

– Это так.

– Зачем тебе с ним говорить? – положив руки на колени, он наклоняется вперед. – Тебе это не надо.

– Значит, ты можешь часами пропадать с кем-то и вернуться пьяным, но...

– Он твой бывший, – прерывает меня Хардин.

– Откуда мне знать, что она не одна из твоих бывших подружек?

– Потому что у меня не было бывших подружек, забыла?

Я вздыхаю в отчаянии, моя прежняя решимость исчезла, и я снова начинаю злиться.

– Ладно, те девчонки, с которыми ты тогда трахался. Без разницы. – Я по-прежнему стараюсь говорить тихо и ровно. – Ты не имеешь права указывать мне, кому мне можно звонить. Бывшему или нет.

– Я думал, ты на меня не сердишься.

Я вздыхаю, перевожу взгляд на воду, потом снова гляжу в его глаза, с колечками в бровях.

– Я правда не злюсь. Ты поступил именно так, как я и ожидала.

– Как?..

– Исчез на несколько часов, а потом вернулся, дыша перегаром.

– Ты велела мне убираться.

– Это не значит, что ты должен возвращаться домой пьяным.

– Начинается! – стонет он. – Я знал, что ты не сможешь промолчать так же, как ночью.

– Промолчать? Видишь ли, в этом твоя проблема; ты хочешь, чтобы я молчала. Мне это надоело.

– Что надоело? – Он наклоняется ко мне слишком близко.

– Это... – Я резко машу рукой и встаю на ноги. – Мне все это просто надоело. Ты не останавливаешься, ты делаешь все, что хочешь, черт возьми, но можешь найти кого-нибудь другого, кто будет сидеть рядом с тобой, не обращать внимания на твои выходки и оставаться спокойной, потому что я больше не могу.

Отворачиваюсь от него. Он вскакивает на ноги и хватается меня за руку, мягко разворачивая обратно.

– Стоп, – приказывает он. Одной рукой он обвивает мою талию, другой держит за руку. Я подумываю вывернуться, но он прижимает меня к своей груди. – Хватит воевать со мной: ты куда не поедешь.

Его губы вытягиваются в тонкую линию, когда я вырываюсь из его хватки.

– Отпусти меня, я хочу сесть! – кричу я.

Я не хочу сдаваться и не хочу больше тратить время. Если я уеду, рано или поздно Хардин последует за мной, и когда-нибудь мы поставим большой фонтан перед нашим фасадом.

Он быстро отпускает меня, и я шлепаюсь в кресло. Он тоже садится напротив меня и выжидающе смотрит, уперев локти в колени.

– Что? – не выдерживаю я.

– Так значит, ты уезжаешь от меня? – шепчет он, немного смягчая мой жесткий тон.

– Если ты имеешь в виду, уезжаю ли я в Сиэтл, то да.

– В понедельник?

– Да, в понедельник. Я в сотый раз тебе это говорю. Знаю, ты думал, что твой маленький трюк меня остановит, – говорю я, вскипая, – но нет, ты ничего не сможешь с этим поделать.

– Ничего? – Он смотрит на меня сквозь ресницы.

Когда он был пьян, то сказал, что женится на мне. Он на это сейчас намекает? Как бы я ни хотела спросить его об этом прямо сейчас, прямо здесь, не могу. Думаю, я не готова к его трезвому ответу.

– Хардин, что такого в Сиэтле, что ты так не хочешь туда ехать? – спрашиваю я вместо этого.

Он отводит взгляд.

– Ничего особенного.

– Хардин, я клянусь, что если есть что-то, что ты хочешь скрыть от меня, то клянусь, я никогда об этом не заговорю! – с жаром произношу я. – С меня достаточно этой ерунды, правда.

– Ничего особенного, Тесса. У меня есть там несколько старых приятелей, но я не особенно переживаю об этом, потому что они часть моей прежней жизни.

– Препней жизни?

– Да, той, что была до тебя: пьянки, гулянки, первые попавшиеся девчонки, – говорит он. Меня передергивает, и он поспешно добавляет: – Извини. – И продолжает: – Никаких там секретов нет, просто неприятные воспоминания. Но я не потому не хочу туда ехать.

Я жду, когда он заговорит по существу, но он замолкает.

– Хорошо, тогда объясни почему. Я не понимаю.

Он с непроницаемым лицом поворачивается ко мне.

– Зачем тебе нужно объяснение? Я не хочу туда ехать и не хочу, чтобы

ты ехала без меня.

– Ну, этого недостаточно. Я туда поеду, – заявляю я, качая головой. – И знаешь что? Я больше не хочу, чтобы ты ехал со мной.

– Что? – Его глаза темнеют.

– Я не хочу, чтобы ты ехал со мной. – Я сохраняю спокойствие, насколько это возможно, и поднимаюсь со стула. Я горжусь собой за то, что говорю об этом без лишних воплей. – Ты пытался разрушить то, что было моей мечтой, сколько я себя помню, ты пытался все уничтожить. Ты превратил то, чего я должна ждать с нетерпением, в нечто зыбкое, что я должна удерживать изо всех сил. Я должна сейчас с воодушевлением готовиться ко встрече со своей мечтой. А вместо этого ты сделал так, что у меня нет ни жилья, ни какой-либо поддержки. Так что я не хочу, чтобы ты ехал со мной.

Он открывает и закрывает рот, потом встает и делает шаг ко мне.

– Ты... – начинает он, потом останавливается, словно передумав говорить то, что хотел.

Но поскольку это Хардин и он совершенно не изменился, он только выбирает слова пожестче и пообиднее.

– Ты... знаешь что, Тесса? Никто так не сходит с ума по Сиэтлу, кроме таких, как ты. Кто всю жизнь планирует переехать в этот сраный Сиэтл. Это же так престижно, – рычит он, яростно фыркая. – И кстати, если ты забыла, я – единственная причина, по которой у тебя появилась эта возможность. Ты думаешь, кто-то получает такие оплачиваемые стажировки на первом курсе колледжа? Ни хрена! Большинство людей из кожи вон лезут, чтобы получить оплачиваемую стажировку даже после учебы.

– Это тут совершенно ни при чем. – Я бледнею от злости.

– Это при том, что ты просто обычная...

Я делаю шаг, и прежде, чем осознаю, что делаю, моя рука взлетает к его лицу.

Но Хардин реагирует быстро: хватает меня за запястье и останавливает руку в сантиметрах от своей щеки.

– Нет, – предупреждает он.

Он груб и зол, и я жалею, что мне не удалось дать пощечину. Чувствую на щеке его дыхание, это он пытается сдержать себя.

Продолжай, Хардин, мысленно призываю я. Я не боюсь ни твоей ярости, ни твоих жестоких слов. Я сама могу все это дать тебе в избытке.

– Ты не можешь ничего дать людям, не напоминая потом о своей услуге и не требуя ничего взамен, – вырываются жесткие, даже

угрожающие слова.

– Взамен? – Он смотрит на меня сверху вниз горящими глазами. – Я никогда ничего не получал взамен.

Ненавижу, когда он напоминает о своей помощи со стажировкой, ненавижу, что он вечно поступает наперекор. Ненавижу, когда он так меня бесит, что хочется его ударить, и ненавижу ощущать, что теряю контроль над тем, что, может быть, никогда мне и не подчинялось.

Я гляжу на него, рука Хардина все еще сжимает мою, напрягаясь ровно настолько, чтобы не дать мне вклепить ему оплеуху; он кажется таким страдающим, донельзя несчастным. В его глазах такая мольба, что я не выдерживаю. Он подносит мою руку к своей груди, не сводя с меня глаз, и произносит:

– Ты ничего не знаешь о безвозмездности.

Он уходит, еще раз взглянув на меня, и мои руки бессильно опускаются.

Глава 35

Хардин

Что, блин, она о себе вообразила? Она считает, что только из-за того, что я не хочу ехать с ней в Сиэтл, она может говорить мне такие гадости? Она, блин, не хочет, чтобы я ехал?

Она не приглашает меня с собой в Сиэтл, и этим она пытается меня поймать? Не похоже. Обычно только я психую, и то, что она попыталась меня ударить, меня весьма удивило. Как же она ненавидяще вытаращила глаза; лучше сейчас держаться подальше от всей этой ерунды.

Захожу в небольшое кафе. Кофе на вкус как деготь, к тому же я заказываю какой-то голимый кекс, который еще хуже. Ненавижу этот дурацкий городишко, где ничего не найдешь. Вскрываю сразу три пакетика сахара и засыпаю их в этот отвратительный кофе, помешивая пластиковой ложечкой. Еще ужасно рано.

– Доброе утро, – приветствует меня знакомый голос. Хотя и не тот, что я хотел бы услышать.

– А ты почему здесь? – Поворачиваюсь и вижу Лилиан.

– Ну, ты явно не жаворонок, – сладким голосом говорит она, занимая место напротив меня.

– Проваливай, – огрызаюсь я.

Оглядываю кафе. Очередь выстроилась почти до дверей, почти все столики заняты. Вероятно, стоит сделать им одолжение и предложить найти какой-нибудь гребаный «Старбакс», потому что это место отстойное.

Она смотрит на меня.

– Я так понимаю, ты не извинился.

– Господи, ты чертовски любопытна. – Я тру переносицу, и она улыбается.

– Ты будешь это доедать? – Лилиан указывает на кекс передо мной, твердый как камень.

Я пододвигаю тарелку к ней, и она откусывает кусочек.

– Я бы не стал это есть, – предупреждаю я, но она все равно жует.

– Не так уж плохо, – врет она. Уверен, ей хочется его выплюнуть, но она проглатывает. – Так расскажешь, почему ты не извинился перед Тamarой?

– Ее зовут Тесса, если ты о ней...

– Ладно, расслабься. Шучу! Я просто прикалываюсь.

Она радостно хихикает над тем, что я разозлился.

– Ха-ха. – Я допиваю остатки кофе.

– И все-таки почему?

– Не знаю.

– Нет, знаешь, – настаивает она.

– Почему тебя это волнует? – Я наклоняюсь к ней, и она откидывается на спинку стула.

– Не знаю... Потому что ты, кажется, любишь ее, и ты мой друг.

– Твой друг? Я сам себя не знаю, а ты уверена, что хорошо знаешь меня, – многозначительно замечаю я.

Ее спокойствие мгновенно исчезает, и она начинает часто моргать. Если она заплачет, я кого-нибудь стукну. Не могу перенести спокойно столько драм за одно утро.

– Слушай, ты хорошая и все такое. Но это, – я качаю рукой, показывая на пространство между нами, – не дружба. У меня нет друзей.

Она наклоняет голову набок.

– У тебя совсем нет друзей? Ни одного?

– Нет, у меня есть знакомые из братства и Тесса.

– Тебе нужны друзья, по меньшей мере один.

– О какой дружбе между нами может идти речь? Мы здесь только до завтрашнего полудня.

Она пожимает плечами.

– Мы никогда бы не смогли подружиться, если бы не встретились.

– Очевидно, у тебя тоже нет друзей.

– Немного. Райли, кажется, их не любит.

– И что? Почему это для тебя важно?

– Не хочу с ней ругаться, поэтому предпочитаю поменьше видеться с ними.

– Извини, но Райли ведет себя как сука...

– Не говори так о ней! – Щеки Лилиан вспыхивают; впервые за все время нашего знакомства вижу ее бурные эмоции вместо обычного спокойствия и рассудительности.

Кручу в руках чашку и радуюсь, что Лилиан хоть немного мне открылась.

– Хочу и говорю. Если бы кто-нибудь попробовал указывать, встречаться мне с друзьями или нет...

– Так ты говорил мне, что у Тессы есть друзья и она встречается с

ними без тебя? – Она приподнимает бровь, и я неожиданно начинаю думать над вопросом.

У нее есть друзья... У нее есть Лэндон.

– Да.

– Ты не в счет.

– Нет, не я. Лэндон.

– Лэндон – твой сводный брат. Это не считается.

Стеф была подругой Тессы, но не очень близкой, и Зед, но он уже тоже отдалился.

– У нее есть я.

– Это именно то, о чем я подумала.

– Какое это имеет значение? После того, как мы уедем отсюда и начнем все заново, она может завести новых друзей. Мы можем завести новых друзей вместе.

– Конечно. Проблема в том, что ты не собираешься с ней ехать.

– Она останется со мной. Я знаю, что тебе это не нравится, но ты ее не знаешь. Я делаю так, как считаю нужным, и знаю, что она не сможет жить без меня.

Лириан задумчиво смотрит на меня.

– Ты знаешь, есть большая разница между «не в состоянии жить без кого-то» и любовью.

Эта малышка даже не подозревает, что говорит.

– Я не хочу больше говорить о ней, если мы хотим подружиться, то мне нужно знать о тебе и Риган.

– Райли, – отвечает она резко.

Я тихонько хихикаю.

– Раздражает, не так ли?

Лириан игриво дуется, но потом рассказывает, как она встретила свою подругу. Они вместе сидели на первом курсе. Райли сначала была грубой, но потом они сблизились, что, кажется, удивило их обеих. Райли ревнива и темпераментна. Что-то знакомое.

– Большинство наших ссор – на почве ревности. Она всегда боялась, что я отдалюсь от нее. Не знаю почему, ведь только она привлекает всех, и парней и девушек, и встречалась и с теми и с другими. – Она вздыхает. – Для нас обеих это игра с огнем.

– А ты нет?

– Нет, я никогда не встречалась с парнем. – Она морщит нос. – Ну, только один раз, в восьмом классе, потому что чувствовала, что должна. Мои подружки дразнили меня, что я ни с кем не встречаюсь.

– Почему бы тебе не соврать им?

– Это не так просто.

– Это элементарно.

Она улыбается:

– Да, элементарно? Но нет. В общем, я ни с кем не была, кроме Райли и еще одной девчонки. – Потом ее улыбка исчезает. – Но в основном с Райли.

Остаток утра и весь день трачу на проблемы этой девчонки. И я не спорю, хоть иногда и думаю иначе. Приятно чувствовать, что я не единственный, кто задается такими вопросами. Лилиан очень напоминает мне Тессу и Лэндона. Если бы они смогли совместиться в одного человека, это, без сомнения, будет Лилиан. Не хочется это признавать, но я не против ее общества. Она аутсайдер, как и я, но зато она меня не осуждает, потому что мало меня знает. Люди приходят и уходят, и каждый раз, когда в кафе появляется девушка со светлыми волосами, не могу не посмотреть в ее сторону, надеясь, что это окажется моя блондинка.

Раздается веселая мелодия.

– Наверное, это папа... – говорит Лилиан и смотрит в телефон. – Черт, уже почти пять! – в панике восклицает она. – Мы должны идти. То есть я должна. У меня до сих пор нечего надеть на вечер.

– Куда? – спрашиваю я, когда она встает.

– На ужин. Ты в курсе, что мы собираемся к твоим родителям на ужин?

– Карен не моя... – начинаю я, но решаю не продолжать. Она знает.

Поднимаюсь и тащусь за ней в небольшой магазинчик, полный цветастых платьев и безвкусной бижутерии. Там пахнет нафталином.

– Ничего нормального нет, – стонет она, щупая ярко-розовое платье с оборками.

– Отвратительное, – подтверждаю я, и она вешает платье обратно.

Неожиданно я задумываюсь, чем занимается Тесса прямо сейчас. Интересно ли ей, где я? Уверен, она думает, что я с Лилиан, и это правда, но ей не о чем волноваться.

Погоди... Нет, она же не знает об этом. Я же не сказал ей о подруге Лилиан!

– Тесса не знает, что ты лесбиянка, – замечаю я, когда она показывает мне черное платье со стразами.

Лилиан мягко смотрит на меня и демонстрирует мне платье, приподнимая его в руке так же, как прошлым вечером показывала мне коньяк.

– Я ничего не могу сказать о моде, так что не спрашивай, – говорю я, и она закатывает глаза.

– Так почему же ты ей не сказал?

Я дергаю ожерелье из перьев на стойке.

– Не знаю, как-то не придавал этому значения.

– О, я очень польщена, что моя ориентация не кажется тебе чем-то экзотическим, – сообщает она с ненатуральной благодарностью в голосе. – Но тебе стоит ей сказать. Неудивительно, что она тебя чуть не побила.

Я знал, что не стоило говорить ей о пощечине.

– Замолчи. Я ей скажу... – Хотя это может не сработать в мою пользу. – Может быть, – добавляю я.

Лилиан снова закатывает глаза. Она делает это так же, как и Тесса.

– С ней сложно, и я знаю, что мне делать, хорошо?

По крайней мере, я думаю, что мне делать. Я точно знаю, на какие кнопки жать, чтобы добиться от нее того, что я хочу.

– Тебе стоит принарядиться; место, куда мы вечером пойдем, отвратительно пафосное, – предупреждает она, перебирая платье.

– Нет, блин, я не собираюсь. С чего ты вообще взяла, что я пойду?

– Почему бы и нет? Ты же хочешь, чтобы твоя благоверная не напилась?

На мгновение меня передергивает.

– Благоверная? Не называй ее так.

Она застегивает пуговку на своей груди.

– Просто надень хорошую рубашку хотя бы, иначе мой папа выскажет тебе все, – говорит она, удаляясь к раздевалке.

Через несколько минут она выходит в черном платье. Оно хорошо смотрится – она сексуальная и все такое, но я сразу же начинаю представлять, как в этом платье будет выглядеть Тесса. Гораздо круче. У Тессы сиськи побольше, чем у Лилиан, бедра пошире, так что она будет смотреться намного лучше.

– Вот это не такое стремное, как все остальное здешнее дерьмо, – отвечаю я комплимент.

Лилиан закатывает глаза и закрывает шторку, показав мне напоследок средний палец.

Глава 36

Тесса

Я смотрюсь в зеркало и спрашиваю Лэндона:

– Как считаешь, мне идет?

– Да, тебе хорошо, – с улыбкой отвечает он. – Может, мы не будем забывать, что я все-таки парень?

Я хихикаю.

– Я помню. Извини. Я не виновата, что ты мой единственный друг.

Темное блестящее платье не очень приятно облегает тело; ткань грубая, а стразы при движении царапают кожу. В маленьком магазине одежды выбор был невелик, и я, конечно, не купила ярко-розовое платье, хотя оно и из нежной ткани. На сегодняшний дурацкий ужин нужно что-то надеть, но я не собираюсь следовать рекомендации Хардина и натягивать джинсы.

– Как думаешь, он придет? – спрашиваю я.

Как всегда, после ссоры Хардин пропал и так и не возвращался. Не писал и не звонил. Видимо, он опять с той таинственной девицей, с которой они любят обсуждать наши проблемы. С той, с которой ему легче поговорить, чем с собственной девушкой. Не удивлюсь, если между ними что-то было, он в припадке раздражения и мог поступить назло.

Нет... он не мог.

– Честно говоря, не знаю. Надеюсь. Моя мама расстроится, если его не будет.

– Да. – Я закалываю волосы и хватаю с бортика ванны тушь.

– Он вернется, просто он ужасно упрямый.

– Не уверена, что мы с ним будем вместе. – Я подкрашиваю ресницы маленькой щеточкой. – Я уже на пределе, я чувствую. Знаешь, как плохо мне было вчера, когда он сказал, что был с другой девчонкой?

– Чего? – Лэндон тупо смотрит на меня.

– Мне кажется, что это конец нашей бурной истории любви. – Пытаюсь шутить, но выходит неестественно.

– Это я ожидал от тебя услышать меньше всего, – говорит он. – И как ты?

– Немного обидно, но что поделать. Я словно замерзла, ничего не

чувствую. Просто не могу продолжать все это. Я начинаю думать, что он безнадежен, он разбивает мне сердце, – отвечаю я, пытаюсь удержать слезы.

– Он не безнадежен. Люди начинают так думать, но при этом не пытаются пробовать измениться.

– Эй, вы готовы? – зовет нас Кен из гостиной.

Лэндон кричит, что мы спустимся через минуту. Надеваю новые черные туфли на каблуках с ремешками на щиколотках. К сожалению, они совсем не так удобны, как кажется. В такие моменты я начинаю скучать по привычным кроссовкам.

Пора садиться в машину и ехать, а Хардина все нет.

– Больше мы ждать не можем, – говорит Кен, расстроено хмурясь.

– Ничего, мы ему привезем что-нибудь, – сладким голосом отвечает Карен. Она понимает, что это не решит проблему, но изо всех сил старается успокоить мужа.

Лэндон смотрит на меня, и я улыбаюсь, стараясь убедить его, что все в порядке. Он пытается развлечь меня рассказами об общих знакомых студентах, пересказывает приколы из студенческой жизни. Особенно случившиеся на лекциях по истории религий.

Кен подъезжает к месту встречи, и я вижу изысканный ресторан. Довольно большое здание сложено из массивных бревен, но внутри совсем не похоже на деревянное. Интерьер вполне современный, в черно-белых тонах, с серыми полосами вдоль стен и по полу. При входе – полумрак, но это только создает атмосферу. Неожиданно мое платье становится необычным, когда свет падает на стразы и они сияют, как бриллианты, так, что все, кажется, это замечают.

– Скотт, – представляется Кен красивой женщине за стойкой.

– Ваша компания уже здесь. – Она улыбается, показывая идеально белые, почти ослепительные зубы.

– Компания? – осведомляюсь я у Лэндона, но он только пожимает плечами.

Идем за женщиной к нашему столику. Меня раздражает, как все пялятся на меня из-за этого платья. Надо было купить ярко-розовый кошмар, он хотя бы не так привлекал внимание. Мужчина средних лет роняет свой бокал, заглядевшись на меня, и когда мы проходим мимо, Лэндон придвигается ко мне. Платье выбрано неудачно: оно не доходит мне до колен. Проблема в том, что оно сшито на меньший, чем у меня, размер бюста, и встроенный лифчик приподнимает мою грудь, максимально увеличивая декольте.

– Наконец-то вы решили к нам присоединиться, – раздается

незнакомый мужской голос, и я выглядываю из-за Карен, чтобы обнаружить источник звука.

Человек, который, как я предполагаю, и есть друг Кена, машет нам рукой. Я смотрю правее, где сидит его жена, которая здоровается с Карен. Рядом с ней – молодая девушка, та самая, я чувствую это инстинктивно, и желудок у меня сжимается. Она красивая, очень красивая. И на ней в точности такое же платье, как и на мне.

Разумеется.

Я вижу ее ярко-синие глаза. Когда она улыбается мне, то становится еще красивее. И меня настолько захватывает ревность, что я не сразу замечаю, что рядом с ней сидит Хардин в белой рубашке.

Глава 37

Хардин

– О боже... – громко шепчет Лилиан.

Я отрываюсь от раздумий о ссоре с Тессой и поднимаю взгляд, чтобы увидеть, на что она уставилась.

Тесса.

В платье... в том чертовом платье, в котором я ее представлял. Оно так подчеркивает ее огромную грудь... охренеть. Я моргаю, стараясь взять себя в руки раньше, чем она подойдет к столу. На мгновение мне кажется, что это галлюцинация; она еще сексуальнее, чем я себе представлял. Все парни, мимо которых она проходит, оборачиваются, чтобы взглянуть ей вслед, один даже кокнул бокал. Я вцепляюсь в край стола, ожидая, что этот мудака с ней заговорит. Если он заговорит, клянусь, я, мать его...

– Это Тесса? Господи! – Лилиан тяжело дышит.

– Хватит на нее пялиться, – предупреждаю я, и она смеется.

Тот, что разбил бокал, отвернувшись от своей жены, следит глазами за моей девочкой.

– Круто, – говорит Лилиан и касается моей руки.

У меня белеют костяшки пальцев, покрытые шрамами, так я напряжен. Лэндон притягивает Тессу поближе к себе и подальше от женатого придурка; она улыбается ему, и он прижимает ее еще ближе. Что за хрень?

Тесса стоит возле него, пока родители Лилиан и Карен с Кеном обмениваются своими стандартными «Чертовски рад тебя видеть, так что буду трясти твою руку, хотя мы и виделись только вчера». Мельком замечаю, как взгляд Тессы устремляется на Лилиан, в глазах что-то вспыхивает, и она их опускает. Ревнует. Прекрасно. Я на это рассчитывал.

Глава 38

Тесса

При виде Хардина, сидящего рядом с этой девчонкой, меня охватывает паника: они даже не обращают внимания, что я занимаю стул рядом с Лэндоном, с другой стороны стола.

– Здравствуйте, а вы кто? – с улыбкой спрашивает меня друг Кена. По его тону я понимаю, что он из тех людей, которые считают себя лучше всех.

– Здравствуйте, я Тесса, – говорю я, коротко улыбаясь и кивая. – Подруга Лэндона.

Оглядываюсь на Хардина, губы которого сжимаются в тонкую линию. Нет, правда, раз он решил приударить за его дочкой, зачем я буду им мешать?

– Рад с тобой познакомиться, Тесса. Я Макс, а это Дэнис. – Он указывает на женщину рядом с собой.

– Очень приятно с вами познакомиться, – говорит Дэнис. – Вы – очаровательная пара.

Хардин кашляет. Или хрипит. Мне не хочется оборачиваться, чтобы посмотреть, что с ним происходит... но не могу удержаться. Он прищурившись смотрит на меня.

Лэндон смеется:

– О нет, мы не вместе. – Он смотрит на Хардина, будто ожидая, что тот что-нибудь скажет.

Конечно же, он ничего не говорит. Девушка выглядит несколько растерянно и смущенно. Это хорошо. Хардин наклоняется к ней и что-то говорит на ухо, она улыбается ему, качая головой. Что, черт возьми, происходит?

– Я Лилиан, приятно познакомиться, – представляется она с приветливой улыбкой.

Сучка.

– Мне тоже, – машинально отвечаю я.

Сердце колотится в груди, я едва вижу окружающих. Если бы мы не сидели за столом с семьей Хардина и друзьями Кена, я бы плеснула чем-нибудь Хардину в лицо, чтобы у него защипало в глазах, – и тогда у него не

останется шансов остановить меня от пощечины, как в прошлый раз. Перед нами лежат меню, и я жду, когда в пустой стакан передо мной нальют воды. Кен и Макс рассуждают о том, стоит ли предпочитать воде из-под крана бутилированную.

– Ты что-нибудь выбрала? – тихо спрашивает меня Лэндон через несколько секунд.

Я знаю, он пытается отвлечь меня от Хардина и его новой подружки.

– Я... не знаю, – шепчу я, разглядывая затейливое меню.

Не могу даже думать о еде; желудок пульсирует, я даже дышу с трудом.

– Хочешь уйти? – спрашивает Лэндон на ухо.

Смотрю через стол на Хардина, наши взгляды встречаются, и он снова отворачивается к Лилиан.

Да. Я хочу свалить отсюда и сказать Хардину, чтобы он больше никогда мне не звонил.

– Нет. Я никуда не собираюсь идти, – говорю я и выпрямляюсь, прижимаясь к спинке стула.

– Ладно, – одобрительно отвечает Лэндон.

К нашему столику подходит красавчик официант.

– Мы возьмем бутылку вашего лучшего белого вина, – заказывает друг Кена.

Официант кивает и собирается уходить, но Макс окликает его.

– Мы еще не закончили, – говорит он и перечисляет целый список закусок.

О некоторых выбранных блюдах я никогда не слышала, но подозреваю, что в любом случае попробую немного. Я отчаянно стараюсь не смотреть через стол на Хардина, но это сложно, чертовски сложно. Зачем он пришел с ней? И тоже нарядился. Если на нем не джинсы, мне кажется, остатки моего сердца окончательно рассыплются в прах. Я по часу умоляю его надеть что-нибудь, кроме черных джинсов и футболок, и вот он тут, рядом с этой девушкой, в белой рубашке.

– Я дам вам несколько минут, чтобы посмотреть меню. На случай если возникнут какие-то вопросы, меня зовут Роберт, – говорит официант.

Его глаза встречаются с моими, и рот приоткрывается; он быстро оглядывается, только чтобы взглянуть на меня. Это все платье и это долбаное декольте! Дарю ему легкую, немного неловкую улыбку, он улыбается в ответ, и его шею и щеки заливают краской. Я ожидаю, что он посмотрит на Хардина, но потом вспоминаю, что поскольку мы сидим порознь, то Лэндон и я выйдем как пара, а Хардин – с Лилиан. Желудок

снова сжимается.

– Эй, чувак, прими наш заказ или уходи, – произносит Хардин, прерывая мои мысли.

– П-простите, – заикается Роберт и торопливо отходит от стола.

Все оглядываются на Хардина, в основном неодобрительно. Карен выглядит смущенной, Кен тоже.

– Не волнуйтесь, он вернется. Это его работа, – замечает Макс, пожимая плечами.

Кажется, он считает поведение Хардина приемлемым. Я хмурюсь, но Хардин этого не замечает; похоже, он слишком увлечен этими проклятыми голубыми глазами. Когда я смотрю на них со стороны, я чувствую, что он мне чужой, как будто я подсматриваю за счастливой любящей парой. От этой мысли мне становится совсем паршиво, к горлу подкатывает комок. Я проглатываю его и радуюсь, когда официант Роберт возвращается с вином и ведерком льда, на этот раз еще с одним официантом, приведенным, скорее всего, для моральной поддержки. Или для безопасности. Хардин не спускает с Роберта глаз, и во мне поднимается раздражение: он таращится на бедного парня, делая вид, что совершенно не знаком со мной.

Нервничая, Роберт до краев заполняет мой бокал, и я спокойно благодарю его. На этот раз он улыбается менее застенчиво и порывается налить вина Лэндону. Я никогда не видела, чтобы Лэндон пил, разве что на свадьбе Карен и Кена, и даже тогда это был всего лишь один бокал шампанского. Не будь я так расстроена поведением Хардина, я бы отказалась от вина и не пила бы в присутствии Кена и Карен, но день был долгий, и не думаю, что в силах отказаться.

Со словами «нет, спасибо» Кен закрывает бокал ладонью.

Смотрю на Хардина, чтобы убедиться, что он не собирается отпустить какое-нибудь ехидное замечание в сторону отца, но тот снова шепчется с Лилиан.

Я прямо теряюсь: зачем он так поступает? Да, мы ссорились, но это уже чересчур.

Делаю большой глоток и обнаруживаю, что у вина довольно выраженный вкус и оно оставляет на языке приятную сладость. Надо бы допить, но мне следует контролировать себя. Последнее, что мне нужно, это напиться и устроить сцену у всех на глазах. Хардин не пьет вино, но Лилиан отпивает. Хардин взглядом ее дразнит, и я быстро отворачиваюсь от них, прежде чем из глаз на замечательный ресторанный паркет польются потоки слез.

– ... А Макс подпирал стенку – он так напился, что служба

безопасности вытолкала его из кампуса! – рассказывает Кен, и все смеются.

Кроме Хардина, конечно.

Я накручиваю на вилку спагетти и откусываю. Сосредотачиваюсь на вкусе пасты и на том, как она наматывается на вилку. В противном случае я непроизвольно сосредоточилась бы на Хардине.

– Думаю, у вас есть поклонник, – говорит мне Дэнис.

Я ловлю взгляд Роберта, который собирает посуду за соседним столиком, не спуская с меня глаз.

– Не обращайтесь на него внимания, просто официант заглядывается на то, что ему не может принадлежать, – вставляет Макс с лукавой улыбкой, и я поражаюсь его черствости.

– Папа! – Лилиан смотрит на отца.

Но он только улыбается ей и начинает нарезать стейк.

– Извини, дорогуша, но это правда... Такая красавица, как Тесса, не должна смотреть на обслугу.

Хорошо бы он остановился на этом. Однако не обращая внимания, а может, не замечая нашего смущения, Макс продолжает свои унижительные рассуждения, пока наконец я с грохотом не роняю вилку на тарелку.

– Не надо, – говорит мне Хардин, впервые открыв рот.

Я пораженно смотрю на него, потом снова на Макса, взвешивая «за» и «против». Он дурак, а я выпила целый бокал вина. Наверное, следует держать язык за зубами, как подсказывает Хардин.

– Ты не имеешь права так судить о людях. – Лилиан смотрит на отца, но он только пожимает плечами.

– Ладно-ладно, – бурчит он, отмахиваясь ножом и продолжая жевать стейк. – У меня и в мыслях не было кого-то обидеть.

Его жена смущенно вытирает уголки рта салфеткой.

– Я хочу еще вина, – прошу я Лэндона, и он с улыбкой пододвигает мне полупустой бокал. Я с улыбкой мотаю головой. – Подожду, пока Роберт подойдет к столу. Но спасибо.

Обвожу ресторан взглядом (и чувствую на себе взгляд Хардина). Я не вижу светлых волос официанта, поэтому наклоняюсь, сама беру бутылку и наливаю себе. Опасаюсь, что Макс сделает замечание по поводу моих манер, но он воздерживается. Хардин мрачно уставился куда-то в пространство, а Лилиан болтает с матерью. В моем мире, в мечтах Хардин сидит рядом со мной, держит руку на моем бедре и наклоняется, чтобы сказать мне очередной грубый комплимент, который заставил бы меня смеяться и краснеть одновременно. Перед глазами чуть плывет. Я подчищаю свою тарелку и допиваю второй бокал. Лэндон болтает с Кеном

и Максом, о спорте разумеется. Я смотрю на скатерть, пытаюсь разглядеть в завитках орнамента лица и картинки. Нахожу место, похожее на «Х», и несколько раз обвожу его пальцем. Внезапно я замираю в панике, что он, может быть, заметил, что я делаю. Но Хардин не обращает на меня внимания, его взгляд направлен только на нее.

– Мне нужно подышать свежим воздухом, – сообщаю я Лэндону и встаю.

Стул скрипит по деревянному полу, и Хардин на мгновение отрывается от разговора, но потом делает вид, что ищет стакан с водой, и продолжает разговор со своей новой девушкой.

Глава 39

Тесса

Каблуки громко стучат по паркету. Сквозь алкогольный туман я концентрируюсь на задней двери ресторана. Будь мы ближе к дому, я бы уехала прямо сейчас, запаковала вещи для переезда в Сиэтл и жила бы в отеле, пока не нашла квартиру. Я так устала от всего, что исходит от Хардина, мне больно и обидно, и это меня разрушает. Он ломает меня и знает это. Поэтому так и поступает.

Он же уже говорил: он так делает, потому что это на меня действует.

Когда я толкаю дверь – надеюсь, что там не установлена какая-нибудь сигнализация, – меня окутывает холодный ночной воздух. Он успокаивает, освежает и гораздо приятнее, чем спертый воздух и тягостная неловкость между соседями по столу в этой скучной компании.

Я кладу руки на каменный парапет и смотрю на лес, черный как смоль. Ресторан расположен прямо посреди леса, что создает атмосферу уединения. Это эффектно и вообще здорово, но мне сейчас совершенно не подходит. Именно сейчас, когда я и так чувствую себя в западне.

– С вами все в порядке? – слышу я за спиной.

Поворачиваюсь; Роберт стоит в дверях с горой тарелок в руке.

– Гм, да, вот решила подышать свежим воздухом, – отвечаю я.

– О, здесь холодновато! – Он вежливо улыбается очень приятной улыбкой.

Отвечаю тем же.

– Да, немного.

Стоим и молчим. Это, наверное, неловко, но я не чувствую дискомфорта. Особенно после того, как сидела за столом.

Через несколько секунд Роберт говорит:

– Я тебя здесь раньше не видел.

Он осторожно ставит тарелки на пустой стол и подходит ближе и опирается локтями на ограду в нескольких метрах от меня.

– Я в гостях. Никогда не была тут раньше.

– Тебе надо приехать сюда летом. Февраль – худшее время для посещения. Ну, может, еще ноябрь, декабрь и... может, еще январь. – Его щеки вспыхивают, и он заикается. – Т-ты поняла, что я имею в виду. – Он

нервно побряхтывает.

Стараясь не рассмеяться, глядя на его румянец, говорю:

– Уверена, летом тут очень красиво.

– Да, ты красивая! – оживляется он. – То есть тут. Тут красиво, – поправляется официант, проводя рукой по лицу.

Пытаюсь удержаться от смеха, но не могу. Я тихонько прыскаю, отчего он смущается еще сильнее, чем раньше.

– Ты здесь живешь? – спрашиваю я, пытаюсь ему помочь.

Мне нравится его общество; хорошо находиться рядом с человеком, который тебя не напрягает. Хардин заполняет собой любую комнату, в которой он находится, и почти всегда подавляет своим присутствием.

Мой вопрос его чуть успокаивает.

– Да, я тут родился и вырос. А ты?

– Я учусь в Центральном вашингтонском университете. Но перевожусь в университет в Сиэтле на следующей неделе. – Я чувствую, что давно хотела это сказать.

– Ничего себе, Сиэтл. Впечатляет!

Он улыбается, и я снова хихикаю.

– Извини, от вина на меня нападает веселье, – брякаю я, и он смотрит на меня с усмешкой.

– Ну, я рад, что ты смеешься не надо мной. – Он шарит глазами по моему лицу, и я отворачиваюсь.

Он смотрит на ресторан.

– Тебе нужно вернуться обратно прежде, чем твой парень отправится на поиски.

Оборачиваюсь и смотрю через окно в зал. Голова Хардина по-прежнему повернута к Лилиан.

– Поверь мне, никто не придет меня искать, – со вздохом говорю я.

Дрожит нижняя губа, и сердце предательски падает все ниже и ниже.

– Без тебя он выглядит довольно потерянным, – пытается успокоить меня Роберт.

Я вижу Лэндона, который оглядывает зал в поисках меня.

– А! Так это не мой парень. Мой тот, что с татуировками.

Вижу, как Роберт смотрит на Хардина и Лилиан, и на лице его появляется смятение. Из воротника рубашки Хардина тянется ряд черных полос.

Мне нравится, как он выглядит в белом; мне нравится видеть силуэт его татуировок через ткань.

– Хм, а он в курсе, что он твой парень? – спрашивает Роберт, поднимая

бровь.

Отрываю взгляд от Хардина (он ухмыляется той своей ухмылкой, от которой на его щеках появляются ямочки, той, которая обычно предназначена только мне).

– Я сама начинаю задаваться тем же вопросом.

Прячу лицо в ладонях и мотаю головой.

– Все так сложно, – со стоном произношу я.

Держи себя в руках, не попадайся на эти игры. Не сейчас.

Роберт пожимает плечами:

– Ну, с кем еще говорить о своих проблемах, как не с незнакомцем?

Мы оба смотрим на стол, из-за которого я исчезла. Никто, кроме Лэндона, кажется, этого даже не заметил.

– Тебе не нужно работать? – спрашиваю я, надеясь, что он скажет «нет». Роберт молод, старше меня, но не старше двадцати трех.

Улыбаясь, он уверенно отвечает:

– Нужно, но у меня хорошие отношения с хозяином ресторана. – Он, кажется, шутит, но я не понимаю юмора.

– А.

– Так если это твой парень, то что за девушка рядом с ним?

– Ее зовут Лилиан. – Я слышу в своем голосе желчь. – Я ее не знаю, как и он... то есть он ее не знал, но теперь, кажется, знает.

Глаза Роберта поворачиваются ко мне.

– То есть он привел ее сюда, чтобы ты поревновала?

– Не знаю, это не сработало. То есть я ревную, когда смотрю на нее. Она в том же платье, что и я, и она выглядит в нем лучше.

– Нет. Нет, не лучше, – тихо говорит он, и я благодарно улыбаюсь.

– До вчерашнего дня все шло хорошо. Ну, то есть нормально для нас. А потом мы утром поссорились, но мы всегда ссоримся. В смысле, мы ссоримся регулярно, так что я не знаю, что особенного случилось на этот раз. Все по-другому, он вел себя не так, как обычно, когда мы скандалим, а теперь он меня игнорирует, как тогда, когда мы встретились первый раз. – Я понимаю, что больше говорю о себе, чем об этой незнакомке с голубыми глазами. – Это глупо, знаю. Это все вино.

Его губы растягиваются в улыбке, и он качает головой.

– Нет, совсем не глупо. – Он кивает на наш столик и говорит: – Он тебя ищет.

Я поворачиваю голову. Взгляд Хардина пронзает меня и моего собеседника, и в нем горит такой огонь, что я вздрагиваю.

– Тебе, наверное, стоит пойти внутрь, – предупреждаю я его.

Кажется, Хардин сейчас вскочит из-за стола, бросится сюда и вышвырнет Роберта через ограду в лес.

Но он этого не делает. Он остается на месте, его пальцы хватают ножку бокала, потом Хардин бросает на меня еще один взгляд и, подняв свободную руку, кладет ее на спинку стула Лилиан. О боже! Грудь сжимает от такого жестокого удара.

– Мне очень жаль, – говорит Роберт.

Я почти забыла, что он стоит рядом со мной.

– Все нормально, правда. Я должна была быть к этому готова. Я играла в эту игру полгода. – Меня передергивает, и я проклинаю себя за то, что, не усвоив урок в течение месяца, двух и даже трех, я стою на улице с незнакомцем и наблюдаю, как Хардин бесстыдно флиртует с другой девушкой. – Не знаю, зачем я все это рассказываю. Извини.

– Потому что я спросил, – любезно напоминает мне Роберт. – И у нас еще много вина, если ты вдруг хочешь выпить. – Он хитро улыбается мне.

– Да, мне, конечно, потребуется еще. – Я киваю, отворачиваясь от окна. – Ты уже сыт по горло? Нытьем полупьяных девушек о своих бойфрендах?

Он смеется:

– Нет, обычно на их месте – богатые старики, недовольные тем, что их стейк недостаточно прожарен.

– Как тот мужик за нашим столом, в красном галстуке. – Я указываю на Макса. – Боже, какой болван!

Роберт кивает в знак согласия:

– Да, это точно. Не в обиду будет сказано, но тот, кто требует поменять салат, потому что «в этом слишком много оливок», по-моему, кретин по определению.

Мы оба хохочем, и я прикрываю рот тыльной ладонью, боясь, что расплачусь от смеха.

– Точно! Он такой зануда, что прочитал целую лекцию, излагая свои глубокомысленные рассуждения об оливках. – Я понижаю голос, пытаюсь повторить голос неприятного отца неприятной девушки: – «Избыток оливок перебивает тонкий земляной вкус брокколи».

Роберт хохочет, сгибаясь пополам. Упершись руками в колени, он говорит, гораздо лучше воспроизводя голос Макса, чем я сама:

– Можете положить мне четыре оливки? Три я не почувствую, а пять слишком много – это разрушит весь вкус!

Я так смеюсь, что у меня болит живот. Не знаю, сколько это продолжается, но когда я слышу, как дверь рывком распахивается, мы с

Робертом инстинктивно замолкаем, оборачиваемся... и видим в дверях Хардина.

Я выпрямляюсь, поправляя платье. Не могу избавиться от ощущения, что сделала что-то плохое, хотя и понимаю, что ничего не было.

– Я не помешал? – рывкает Хардин, привлекая к себе внимание.

– Нет, – отвечаю я, надеясь, что мой голос звучит твердо.

Дыхание мое все еще сбивается от смеха, в голове шумит от выпитого, а в сердце – боль из-за Хардина.

Хардин смотрит на Роберта.

– Надеюсь.

Роберт все еще улыбается, в его глазах искры веселья, пока Хардин изо всех сил старается его запугать. Но он не боится, даже не моргает. Даже если он натренирован и часто сталкивался с подобным дерьмом, чтобы всегда оставаться любезным, то тут, вне пределов слышимости других посетителей, ему, кажется, нет оснований демонстрировать Хардину показную вежливость.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я Хардина.

Когда он поворачивается ко мне, его губы плотно сжаты.

– Иди внутрь, – приказывает он, но я отрицательно мотаю головой. – Тесса, кончай свои игры. Заходи.

Он тянется к моей руке, но я отдергиваю ее и остаюсь на месте.

– Я сказала нет. Возвращайся сам – думаю, твоя подружка скучает, – с ненавистью шиплю я.

– Ты... – Хардин оглядывается на Роберта. – Тебе действительно надо зайти. Нам нужно принести еще напитки. – Он щелкает пальцами как можно оскорбительнее.

– Я и правда пойду внутрь. Но думаю, придется вам поискать кого-то другого, кто позаботится о ваших напитках, – говорит Роберт, пожимая плечами.

Хардин на мгновение теряется; он не привык, чтобы ему так отвечали, особенно незнакомцы.

– Хорошо, выразусь доступнее. – Он подходит к Роберту вплотную. – Отвали от нее. Убирайся внутрь и займись чем-нибудь полезным, прежде чем я возьму тебя за твой дурацкий воротник и грохну башкой о перила.

– Хардин! – восклицаю я, становясь между ними.

Но Роберт остается совершенно спокоен.

– Давай, – сообщает он уверенно и спокойно. – Но учти, городок у нас маленький. Мой отец – шериф, дедушка – судья, а моего дядю они посадили за нападение и избиение. Так что если хочешь навлечь на себя

проблемы... – Он снова пожимает плечами. – Пожалуйста.

Я в шоке широко открываю рот. Хардин бросает испепеляющие взгляды, но, кажется, взвешивает все варианты, глядя попеременно то на меня, то на Роберта, то в зал ресторана.

– Пойдем, – снова говорит он мне.

– Я не пойду, – отвечаю я, отступая. Но затем поворачиваюсь к Роберту: – Пожалуйста, оставь нас на минутку.

Он еще раз кивает, бросив на Хардина еще один взгляд, перед тем как скрыться в дверях.

– Ну так что, ты собиралась потрахаться с официантом? – Лицо Хардина искажается, и я отступаю шаг назад, желая выдержать его взгляд.

– Может, ты все-таки остановишься? Мы оба знаем, что будет дальше. Ты будешь меня оскорблять. Я уйду. Ты придешь и скажешь, что никогда больше не будешь так говорить. Мы вернемся в дом и уснем вместе.

Я закатываю глаза. Он кажется абсолютно растерянным. Но, как всегда, Хардин быстро ориентируется. Он запрокидывает голову от смеха и говорит только:

– Неверно. – И быстро идет к двери. – Я не буду этого делать. Кажется, ты забыла, как это на самом деле происходит: ты начинаешь психовать из-за каких-то моих слов, потом уходишь, а потом я прихожу и трахаю тебя. А ты... – добавляет он со злорадной ухмылкой. – Ты всегда мне это позволяешь.

Я в ужасе смотрю на него, и мои руки тянутся к животу, чтобы удержаться после таких уничтожающих слов.

– Почему? – Я задыхаюсь, не чувствую холодного воздуха.

– Не знаю. Потому что ты без меня не можешь. Видимо, поэтому. Я трахаюсь лучше, чем другие, – говорит он резким тоном.

– Почему... сейчас? – уточняю я вопрос. – Я хотела сказать, почему ты так поступаешь сейчас? Из-за того, что я не поеду с тобой в Англию?

– И да, и нет.

– Я не отказываюсь от Сиэтла ради тебя, а ты решил отвернуться от меня? – Глаза горят, но я не буду плакать. – Ты приходишь с ней, – я указываю на Лилиан за столом, – и говоришь мне все эти ужасные вещи? Я думала, что мы это уже прошли. Что случилось с твоими заверениями, что ты без меня не можешь жить? Что случилось с твоими усилиями удержать меня рядом с собой?

Он смотрит в сторону, и на мгновение, еле заметную секунду, я вижу под маской ненависти волнение.

– Есть большая разница между невозможностью жить без кого-то и

любовью, – отвечает он.

И он уходит, и то немногое, что оставалось от моего уважения к нему, уходит вместе с ним.

Глава 40

Хардин

Я хотел сделать ей больно, чтобы она почувствовала то же, что и я, когда смотрел на нее за столом и видел, как она смеется. Черт возьми, она смеялась, а ведь должна была сидеть напротив меня и бороться за мое внимание. А она ведет себя так, как будто ей и дела нет, что я с Лилиан. Она слишком сосредоточилась на том, чтобы потрахаться с официантом, и на том, что он ей болтал.

Мозг начинает отсеивать идеи, пытаюсь выбрать ту, которая точно на нее подействует. То, что Лилиан сказала мне утром, еще больше подогрело мою ненависть, и я произнес это раньше, чем подумал. Существует большая разница между невозможностью жить без кого-то и любовью. Я почти хочу взять свои слова обратно... почти. На самом деле она их заслуживает. Не надо было говорить, что она не хочет, чтобы я ехал с ней в Сиэтл. Она сказала, что я отвернулся от нее; я не отворачивался. Я здесь с ней, на ее стороне. Это она пытается уйти от меня при любой возможности.

– Я ухожу, – объявляю, добравшись до стола. Шесть пар глаз поднимается на меня, а Лэндон оглядывается на дверь. – Она снаружи, – саркастически замечаю я.

Он может побежать, подставить свою жилетку – я больше не собираюсь.

– Что ты сделал? – Он имеет наглость спрашивать меня об этом перед всеми!

Я зло смотрю на него.

– Занимайся лучше своими делами, мать твою.

– Хардин! – возмущается отец.

Не только он – все, похоже, против меня. Если отец хочет со мной поругаться, то я на хрен порву с ним.

– Я тоже пойду, – говорит Лилиан, вставая.

– Нет! – огрызаюсь я, но она не обращает на меня внимания и идет за мной, через ресторан, к выходу.

– Что ты там натворил? – спрашивает она, когда мы выходим на улицу.

Не останавливаясь, кричу через плечо:

– Она была там с этим парнем, вот что!

– И что? Что она сказала, когда ты объяснил ей, что я ей не соперница?

Она спотыкается на высоких каблуках, но я не останавливаюсь, чтобы помочь ей, потому что пытаюсь понять, где, черт возьми, нахожусь. Я знал, надо было взять свою машину, но нет, Тесса настояла на своем. И вот на тебе!

– Я не сказал.

– Почему? Думаешь, она правильно все поняла?

– Мне насрать, что она думает. Надеюсь, она решила, что я пошел трахаться.

Она останавливается.

– Зачем? Если ты ее любишь, то почему хочешь, чтобы она так думала?

Ну зашибись, теперь и Лилиан настроена против меня! Поворачиваюсь к ней.

– Потому что хочу ее проучить...

Она поднимает руку.

– Стоп. Остановись уже. Она не должна ничему «учиться». Кажется, это ты должен кое-что усвоить. Так что ты сказал бедной девушке?

– Я сказал то, что ты мне сказала сегодня утром: что есть разница между невозможностью жить без кого-либо и любовью.

Она в замешательстве качает головой.

– Ты сказал ей, что ты не можешь жить без нее, но не любишь ее?

– Да. Мне не стоило тебе об этом рассказывать?

Тессе номер два лучше бы уйти прямо сейчас, потому что она начинает трепать мои нервы точно так же, как настоящая.

– Ну надо же! – веселится она.

Она тоже смеется надо мной?

– Что? Что в этом смешного? – Я почти кричу.

– Ты остопок, – с издевкой сообщает она. – Когда я тебе это сказала, я имела в виду не тебя, а ее. Я имела в виду, что только из того, что ты думаешь, что она не может жить без тебя, не следует, что она тебя любит.

– Что?

– Ты полагаешь, что держишь ее на коротком поводке и что она не оставит тебя, потому что жить без тебя не может, а в действительности, кажется, она у тебя в клетке, и поэтому она не бросает тебя: не потому, что она любит тебя, а потому, что ты убедил ее, что она не сможет без тебя жить.

– Нет... она любит меня. – Я знаю, что она меня любит и поэтому и может в любой момент выбежать за мной.

Лилиан разводит руками.

– Да ладно? Почему она должна тебя любить, когда ты делаешь то, что намеренно причиняет ей боль?

С меня достаточно!

– Ты не в том положении, чтобы читать мне свои гребаные лекции. – Я развожу руками, злобно копируя ее жест, и ору: – Твоя подруга небось сейчас с кем-то трахается, а ты тут пытаешься играть роль психотерапевта для меня и Тессы!

Глаза Лилиан расширяются, и она отступает на шаг... точно так же, как это сделала Тесса несколько минут назад. Ее голубые глаза наполняются слезами, сверкающими в сумерках. Она качает головой и уходит к ресторанной парковке.

– Ты куда? – кричу я вслед.

– Назад в ресторан. Может, Тесса и такая дура, что мирится с твоим дерьмом, но мне это не нужно.

Мгновение порываюсь броситься за девушкой, которая, как я думал, была моим... другом? Не знаю почему, но чувствую, что могу ей доверять, несмотря на то что знаю ее всего два дня.

Да ну на хрен, не пойду ни за кем. Ни за Тессой, ни за Тессой номер два. Пусть обе идут к чертям – ни одна из них мне не нужна.

Глава 41

Тесса

В груди болит, пересохло горло, кружится голова. Хардин только что сказал мне, что не любит меня и возвращается после ссор, только чтобы спать со мной. И хуже всего то, что я точно знаю: неправда. Я знаю, что он любит меня. По-своему он любит меня больше всего на свете. Он это доказывал снова и снова в течение полугода. Но он показал и то, что не задумываясь делает мне больно, когда хочет заставить почувствовать себя слабой только из-за его уязвленного эго. Если бы он любил меня по-настоящему, он бы не причинял мне страданий нарочно.

Не может быть, что хочет от меня только секса. Я же для него не просто игрушка, правда? У него, впрочем, правда и ложь сменяют друг друга так же, как и настроение. Он не может на самом деле так думать. Но говорил он с такой убежденностью, даже глазом не моргнул. Я, честно говоря, уже не знаю. Во всех наших ссорах, слезах, всех наших трещинах в отношениях меня спасала только уверенность, что он меня любит. Без этого у нас нет ничего. И без него у меня ничего нет. Мы оба вспыльчивы и нелогичны, встретились слишком юными и слишком много пробыли вместе, чтобы расстаться.

Ищу выход из ресторана. Стеклопанные двери, ведущие на балкон, закрыты. Открываю их и наслаждаюсь прохладным ветерком. Сидеть там, глядеть в темноту, радуясь ночному спокойствию, и чувствовать, как понемногу успокаивается сердце. Не замечаю, как открывается дверь и рядом со мной появляется Роберт.

– Тебя что-то беспокоит? – спрашивает он.

В руке его – бутылка белого вина, которой он игриво покачивает. Роберт прислоняется к стене, на его красивом лице – улыбка. Я радостно улыбаюсь в ответ. Самой удивительно, ведь на самом деле внутри себя я кричу, забившись в угол, и плачу.

– Молодое вино? – спрашиваю я, забирая бутылку.

Он усмехается, передавая мне бутылку.

– Какое же тут еще может быть?

Бутылка холодна, но мои руки и так почти онемели от февральского воздуха.

– Бокалы. – Роберт улыбается и запускает руки в глубокие карманы своего передника. – Я не смог вместить туда настоящие, поэтому я взял это. – Он вручает мне маленький пластиковый стаканчик, и я держу его, пока он открывает бутылку.

– Спасибо. – Стаканчик наполняется вином, и я подношу его к губам.

– Знаешь, мы можем пойти внутрь. Есть несколько залов, которые уже закрываются, так что мы можем посидеть там, – говорит Роберт, делая глоток.

– Не знаю, – вздыхаю я, отводя взгляд.

– Он уже ушел, – сообщает Роберт; в его голосе явственно слышно сочувствие. – И она тоже, – добавляет он. – Хочешь поговорить об этом?

– Не уверена, – отвечаю я и перевожу разговор на нейтральную тему. – Расскажи лучше об этом вине...

– Об этом? Ладно. Ну, оно, гм, старое и выдержано до совершенства. – Он смеется, я тоже. – Я люблю его пить, но о нем мало знаю.

– Ладно, тогда не о вине, – разрешаю я.

Прежде чем передать ему стакан, допиваю остатки.

– Хм, – произносит он, глядя куда-то позади меня.

От его встревоженного вида сердце ухает в пятки, я уже думаю, что это вернулся Хардин и сейчас выплеснет на меня очередную порцию яда. Обернувшись, вижу в дверном проеме Лилиан, будто бы колеблющуюся, заходить ли ей.

– Чего ты хочешь? – интересуюсь я.

Пытаюсь сдерживать ревность, но выпитое вино не способствует хорошим манерам. Ветер опрокидывает пустой стаканчик, Роберт подхватывает его и тут же наполняет снова. Мне кажется, что он пытается чем-то заняться, чтобы любой ценой избежать неловкой душещипательной сцены.

– Можно нам с тобой поговорить? – спрашивает Лилиан.

– О чем нам разговаривать? Мне все ясно. – Я делаю большой глоток, заполняя рот холодным вином.

К моему удивлению, не реагирует. Просто подходит и откровенно заявляет:

– Я лесбиянка.

Что? Если бы Роберт не смотрел на меня своими голубыми глазами, я бы выплюнула вино обратно в стакан. Смотрю на нее и медленно глотаю.

– Это правда. У меня есть девушка. С Хардином мы только друзья. – Она хмурится. – Если это так можно назвать.

Понимаю, он, должно быть, и на нее наорал.

– Тогда почему... – начинаю я, но останавливаюсь: не врет ли она? – Но вы же все время были друг с другом.

– Нет, он просто пытался меня... обнять. Я думаю, ты обиделась, но ничего не сказала, когда он положил руку на спинку моего стула. Но уверяю тебя, он сделал это только для того, чтобы ты ревновала.

– Почему он это сделал? С какой целью? – спрашиваю я, но знаю ответ: конечно, чтобы сделать мне больно.

– Я просила его тебе рассказать. Мне жаль, если ты думала, что между нами что-то есть, но это не так. Я встречаюсь с девушкой.

Я закатываю глаза и протягиваю стакан Роберту, чтобы он подлил еще вина.

– Ты, кажется, была весьма довольна и спокойна, когда уходила вместе с ним, – замечаю я резко.

С честным, умоляющим взглядом она говорит:

– Это не было запланировано. Я просто не обращала внимания на то, что он делает. Прости, что все это время ты страдала.

Пытаюсь найти причину, чтобы прогнать эту девушку, но не могу ничего придумать. К моему огромному облегчению, Лилиан оказалась лесбиянкой, и я хотела бы знать об этом раньше, но отношения с Хардином, скорее всего, не улучшились бы. Во всяком случае, все это усугубляет его поведение, потому что он намеренно старался заставить меня ревновать, а в довершение всего еще и наговорил всяких ужасов. Он заигрывал с ней на моих глазах, а это почти так же больно, как когда он сказал, что меня не любит.

Роберт наполняет мой стакан, делаю небольшой глоток, наблюдая за Лилиан.

– Почему ты передумала и решила рассказать? Он убедил тебя сюда пойти?

Она, слегка улыбаясь, садится с нами за стол.

– Да, он убедил.

– Он это умеет, – соглашаюсь я, и она кивает.

Вижу, что она немного нервничает, и продолжаю убеждать себя, что она не виновата в этой ситуации, виноват Хардин.

– Есть ли у вас еще чашки? – спрашиваю я Роберта, и он с гордой улыбкой кивает.

Чуть сводит желудок, от вина, наверное.

– В кармане больше нет, но я могу захватить еще на кухне, – вежливо предлагает официант. – Нам все равно пора внутрь, у тебя губы уже совсем синие.

Смотрю на него, мой взгляд останавливается на его губах. Они полные и розовые, выглядят очень соблазнительно. Почему я смотрю на его губы? Это вино на меня так действует. Я хочу посмотреть на губы Хардина, жаль только, что он в последнее время использует их для того, чтобы на меня кричать.

– Он ждет внутри? – спрашиваю я Лилиан, и она отрицательно качает головой. – Хорошо, давайте пойдем внутрь. Я должна спасти Лэндона от застолья, особенно от этого Макса, – говорю я, не думая, а затем быстро кидаю взгляд на Лилиан. – Черт, извини.

Удивительно: она смеется.

– Это отличная идея, поверь мне, я знаю, что мой папа – мудака.

Я не отвечаю. Она не может быть угрозой для наших отношений с Хардином, но это совсем не значит, что она мне нравится, даже если она настроена довольно дружелюбно.

– Так мы идем внутрь, или?.. – Роберт перекачивается на каблуках.

– Да. – Я проглатываю все оставшееся в стаканчике вино и направляюсь внутрь. – Буду спасать Лэндона. Ты уверен, что тебе можно пить? На работе? – спрашиваю я моего нового друга.

Не хочу, чтобы у него были неприятности. У меня кружится голова, и от мысли, что его может арестовать собственный отец, я хихикаю.

– Что? – спрашивает Роберт, внимательно глядя мне в лицо.

– Ничего, – вру я.

Заходим, мы с Лилиан направляемся к нашему столику. Кладу руки на спинку кресла Лэндона, и он поворачивается ко мне.

– Ты в порядке? – спокойно спрашивает он, пока Лилиан разговаривает с родителями. Я пожимаю плечами.

– Да, вполне. – Если бы не несколько стаканов вина, от которых я почти опьянела, я была бы далеко не в порядке. – Не хочешь пойти с нами? Мы собираемся немножко погулять, выпить немного вина... еще. – Я смеюсь.

– Кто? И она тоже? – Лэндон смотрит через стол на Лилиан.

– Да, она... Ну, с ней все нормально. – Не хочу при всех рассуждать о ее личной жизни.

– Я обещал Кену, что посмотрю с ними матч у Макса, но если хочешь, я останусь.

– Нет... – Я хотела бы, чтобы он остался, но не хочу, чтобы он ради меня менял планы. – Все нормально. Просто я подумала, может, ты хочешь от них сбежать, – шепчу я, и Лэндон улыбается.

– Хочу, но Кен был так рад, что я согласился, потому что Макс болеет

за другую команду. Полагаю, он думает, что будет забавно посмотреть, как мы станем кидаться друг в друга кашками. – Он наклоняется ближе, чтобы его слышала только я. – Ты уверена, что хочешь тусить с этим парнем? Он вроде неплохой, но Хардин, наверное, попытается его убить.

– Полагаю, он сможет постоять за себя, – уверяю я. – Хорошего матча.

Наклоняюсь и целую Лэндона в щеку. Рывком отстранившись, я прикрываю рот рукой.

– Прости. Не знаю, зачем...

– Все нормально! – смеется он.

Я оглядываюсь и, к своему облегчению, вижу, что все заняты болтовней. К счастью, мое проявление чувств осталось незамеченным.

– Ладно, будь осторожна, Тесса. И звони, если я тебе понадобится.

– Хорошо. Если тебе надоест, возвращайся сюда.

– Хорошо, – улыбается Лэндон.

Я знаю, что он не будет скучать во время матча. Он любит проводить время с отчимом, а Хардин, наоборот, совсем не понимает его энтузиазма.

– Папа, я взрослый человек. – Это Лилиан фыркает на том конце стола. Макс властно мотает головой:

– Тебе нет абсолютно никакой необходимости бегать по улицам, ты вернешься с нами домой. Разговор окончен. – Очевидно, он из тех мужчин, кто любит контролировать все в своей жизни. И противная ухмылка подтверждает это.

– Хорошо, – разочарованно отвечает его дочь.

Она смотрит на мать, но та молчит. Выпей я еще стакан вина, я бы обозвала Макса дураком, но не хочу расстраивать Кена и Карен.

– Тесса, ты вернешься с нами? – спрашивает Карен.

– Нет, я собиралась задержаться еще немного, если не возражаете.

Надеюсь, что она не против. Я вижу, как она смотрит на Лилиан, потом себе за спину, туда, где стоит Роберт. Я понимаю, что она понятия не имеет о сексуальной ориентации Лилиан, и ее раздражало, как Хардин вел себя с ней. Я люблю Карен.

– Все нормально, развлекайся, – одобрительно улыбается она.

– О'кей.

Я улыбаюсь в ответ и отхожу от стола, не прощаясь с Максом и его женой.

– Мы можем идти; ей не разрешили остаться, – сообщаю я Роберту.

– Не разрешили?

– Ее отец – придурок. Я даже рада, потому что не знаю, как к ней относиться. Она мне кого-то напоминает. Но не могу понять, кого...

Я размышляю над этим, пока иду вслед за Робертом в пустую половину ресторана. В огороженной зоне стоит несколько столиков, на которых нет ничего, кроме незажженных свечей и перечниц с солонками. Садимся, и тут в памяти всплывает избитое лицо Зеда. Я спрашиваю Роберта:

– Ты уверен, что хочешь со мной общаться? Может вернуться Хардин, а он имеет привычку нападать на людей...

Роберт отодвигает для меня стул и смеется.

– Уверен.

Он усаживается напротив меня, наполняет пластиковые стаканчики белым вином, и мы беззвучно чокаемся мягкими стенками. Немного не хватает звона стекла. Но так хорошо и уютно, в отличие от остальной части этого пафосного ресторана!

Глава 42

Хардин

Я позвонил во все эти гребаные такси отсюда и до кампуса, пытаюсь доехать до дома. Конечно, никто не согласился, далеко. Можно сесть в автобус, но я терпеть не могу общественный транспорт. Помню, как меня передергивало, когда Стеф рассказывала, что Тесса ездит на автобусе в торговый центр. Даже когда я еще не любил Тессу... то есть думал, что не люблю ее... то все равно ужасался при мысли о том, как она сидит одна рядом с кучей гребаных неудачников.

Все изменилось с тех пор, когда я издевался и смеялся над Тессой, чтобы самоутвердиться. Когда я оставил ее на балконе ресторана... Нет, ничего не изменилось.

Я мучаю девушку, которую люблю. Я это делаю и не могу остановиться. И виноват не один я, в этом есть и ее вина. Она продолжает подталкивать меня к переезду в Сиэтл, хотя я ясно дал ей понять, что этого не хочу. Вместо того чтобы ссориться, ей надо было собрать барахло и поехать со мной в Англию. Отчислят меня или нет, я все равно здесь не останусь – в Америке мне скучно, я ничего не нашел для себя, одно дерьмо. Мне надоело постоянно видеть папу, я от всего устал.

– Смотри, куда идешь, придурок! – вздрагиваю от раздающегося в темноте женского голоса.

Я обхожу темную фигуру и на ходу огрызаюсь:

– Сама смотри, куда прешь.

Почему, блин, эта цыпа крутится тут перед домом Макса?

– Что ты сказал? – говорит она.

Поворачиваюсь и вижу ее в свете датчика движения на крыльце. Мне нравится, как она выглядит: смуглая кожа, вьющиеся волосы, рваные джинсы, байкерские сапоги.

– Дай угадаю: Райли, верно? – Я внимательно разглядываю девушку.

Она кладет руку на бедро.

– А ты что еще за хрен?

– Да, Райли. Если ты ищешь Лилиан, ее здесь нет.

– Где она? И откуда ты знаешь, что я ее ищу? – резко спрашивает она.

– Да потому, что я только что ее трахал.

Она напрягается, опускает голову и мрачнеет.

– Что ты только что сказал? – говорит она, делая шаг вперед.

Разглядываю ее, наклонив голову набок.

– Господи, да я тебя подкалываю. Она в ресторане дальше по дороге, вместе с родителями.

Райли поднимает голову и останавливается.

– Ладно, а ты ее откуда знаешь?

– Встретил вчера. Мой отец учился с ее отцом в колледже. Она знает, что ты здесь?

– Нет. Я пыталась дозвониться. Но поскольку она посреди этого идиотского леса, – она обводит лес красноречивым жестом, – абонент недоступен. А может, ее папаша-кретин мешает нам поговорить.

Я вздыхаю:

– Да, что верно, то верно. А он позволит вам увидеться?

Она хмуро смотрит на меня:

– А не слишком ли ты любопытен? – Но потом гордо усмехается: – Позволит. Он по характеру баба и меня боится.

Фары мигают в темноте, и я отступаю на обочину.

– Это они, – сообщаю я.

Вскоре машина подъезжает и останавливается.

Выскакивает Лилиан и обнимает Райли.

– Как ты сюда попала? – Она почти визжит.

– Приехала, – сухо отвечает ее подруга.

– Как ты меня нашла? Я же неделю не выходила на связь.

Она утыкается лицом в шею подруги, и я вижу, как выражение лица Райли становится мягче. Ее рука гладит спину Лилиан, двигаясь вверх и вниз, и через несколько мгновений глаза наполняются любовью.

– Это маленький город, детка. Найти тебя было не слишком трудно. – Она чуть отстраняется и смотрит в лицо Лилиан. – Твой отец на дерьмо изойдет из-за моего приезда?

– Нет. Ну, может быть. Но ты знаешь, что он не разрешит тебе остаться.

Я делаю вид, что кашляю, мне неловко стоять тут и смотреть, как они обнимаются.

– Пожалуй, я пойду, – говорю я и делаю несколько шагов в сторону.

– Пока, – отвечает Райли; Лилиан ничего не говорит.

Через несколько минут добираюсь до отцовского дома и захожу в ворота. Тесса будет здесь с минуты на минуту, и я хочу оказаться внутри прежде, чем заедет их внедорожник. Она будет плакать, я уверен, поэтому я

должен придумать извинения, чтобы заставить ее остановиться и прислушаться ко мне.

Еле-еле успеваю зайти на крыльцо, и тут из машины выходят Карен и мать Лилиан.

– Где остальные? – спрашиваю я, а глазами ищу Тессу.

– Твой отец и Лэндон поехали с Максом смотреть какую-то игру по телевизору.

– Где Тесса? – В груди нарастает паника.

– Она вернулась в ресторан.

– Что? – Твою мать! Все получилось не так, как предполагалось. – Она с ним, да? – спрашиваю я.

Но я уже знаю ответ. Она с тем белокурым придурком, сынком шерифа.

– Да, она с ним, – отвечает Карен, и если бы я сейчас не стоял рядом с ней, то разозлился бы на слабую улыбку, которую она постаралась скрыть.

Глава 43

Тесса

– Вот вкратце и вся моя жизнь, – улыбаясь, заканчивает Роберт. Его улыбка почти по-детски искренняя, добрая и очень привлекательная.

– Интересно...

Тянусь к бутылке на столе и поднимаю ее, чтобы наполнить свой бокал. Ничего не получается.

– Не ври-ка, – дразнит он, и у меня вырывается пьяный смешок.

История его жизни короткая и симпатичная. Не то чтобы очень интересная, обычная. Обычная семья: мама – школьная учительница, отец – шериф. После заштатного колледжа за два города отсюда решил пойти в медицину. А работает, потому что находится в списке на зачисление на медицинский факультет Вашингтонского университета. И здесь, в самом дорогом местном ресторане, неплохо зарабатывает.

– Тебе нужно учиться в CWU, – говорю я, и он качает головой.

Роберт встает из-за стола и поднимает вверх палец, прерывая разговор. Сажусь в кресло и жду его возвращения. Я кладу голову на деревянную спинку и разглядываю потолок, расписанный облаками, замками и херувимами. Прямо надо мной спит девочка-ангел: щеки ее розовеют, светлые вьющиеся локоны лежат на плечах, а белые крылья раскинулись во сне в стороны. Рядом мальчик – по крайней мере, мне кажется, что это мальчик – наблюдает за ней, расправив за спиной черные крылья.

Хардин.

– Ни за что, – произносит вдруг Роберт, прерывая мои мысли. – Даже если бы я хотел, они все равно не предлагают нужную мне программу. Кроме того, медицинский факультет находится на территории главного университета в Сиэтле, в CWU он намного меньше.

Я поднимаю голову и замечаю у него в руках новую бутылку.

– Ты там был? В кампусе? – спрашиваю я, желая узнать побольше о новом месте своей учебы. Или, скорее, стараясь отвлечься от жутких ангелочков на потолке.

– Да, всего один раз. Кампус маленький, но это хорошо.

– Мне нужно быть там в понедельник, а жить негде, – смеюсь я.

Я понимаю, что мой никудышный план не смешон, но сейчас мне он таким кажется.

– В понедельник? Сегодня четверг, понедельник ведь уже не за горами?

– Ага, – киваю я.

– А как насчет общежития? – спрашивает он, открывая бутылку.

Мысль об общежитии никогда не приходила мне в голову. Ведь я считала... то есть надеялась... что Хардин поедет со мной, поэтому вообще не рассматривала такой вариант.

– Не хочу жить в кампусе, особенно сейчас, когда знаю, каково это, на примере собственного университета.

Он кивает и наполняет бокал.

– Точно, когда ты почувствуешь вкус свободы, уже не вернешься назад.

– Точно. Если Хардин приедет в Сиэтл... – Я прерываю себя. – Впрочем, ерунда.

– А вы не хотите попробовать поддерживать отношения на расстоянии?

– Нет, это никогда не получается, – заявляю я, чувствуя, как в груди снова поднимается боль. – Нам без расстояния-то непросто.

Нужно сменить тему, прежде чем я начну хлюпать носом. Что за странное слово – хлюпать.

– Хлюпать, – произношу я, зажав губы большим и указательным пальцами.

– Развлекаешься? – Роберт улыбается и ставит передо мной полный стакан вина. Я, хихикая, киваю. – Должен сказать, что это самая забавная рабочая смена.

– И у меня тоже, – соглашаюсь я. – В смысле, если бы я здесь работала.

Мысли путаются.

– Я редко пью, последнее время чаще, чем раньше, но все же недостаточно часто, чтобы привыкнуть, поэтому я напиваюсь чертовски быстро, – говорю я заплетающимся языком, поднимая стакан на уровень глаз.

– Я тоже. Я пью не часто, но когда у красивой девушки выдался плохой вечер, я делаю исключение, – говорит он смело, но потом ужасно смущается. – Я просто имел в виду... гм... – Он закрывает лицо руками. – Кажется, ты слишком сильно на меня влияешь.

Я перегибаюсь через стол и отвожу его руки от лица; он чуть вздрагивает и смотрит на меня. Его голубые глаза так прекрасны!

– Кажется, ты говоришь искренне, – говорю я вслух, как бы сама себе.

– Кажется, – шепчет он в ответ, облизывая языком губы.

Я знаю, он хочет поцеловать меня; я читаю это на его лице, вижу в его честных глазах. Глаза Хардина всегда так непроницаемы, что я вынуждена прилагать усилия, чтобы прочитать его мысли, но даже тогда я ни разу не смогла прочитать все полностью.

Наклоняюсь ближе к Роберту, маленький столик разделяет нас, и он тоже наклоняется вперед.

– Если бы я не любила его так сильно, я бы тебя поцеловала, – спокойно говорю я, не отстраняясь, но он не приближается.

Как бы я ни была пьяна и как бы ни была зла на Хардина, я не могу это сделать. Я не могу поцеловать другого парня. Хочу, но не могу.

Левый уголок рта поднимается в кривой усмешке.

– Если бы я не знал, как сильно ты его любишь, я бы тоже поцеловал тебя.

– О'кей.

Не знаю, что еще сказать, я пьяна и смущена и не знаю, как вести себя с другим, не похожим на Хардина и Зеда. Роберт не похож ни на кого из тех, с кем я когда-либо встречалась, разве что на Лэндона. Лэндон милый и добрый, но у меня в голове не укладывается, как я могу поцеловать кого-то, кроме Хардина.

– Прости.

Сажусь на стул, он делает то же самое.

– Не беспокойся. Я предпочитаю, чтобы ты вовсе меня не целовала, чем поцеловала и жалела бы об этом.

– Ты странный, – сообщаю я ему. Я хотела бы подобрать другое слово, но уже поздно. – В хорошем смысле, – поправляюсь я.

– Как и ты! – смеется он. – Когда я впервые увидел тебя в этом платье, я подумал, что ты одна из заносчивых богатых девчонок с полным отсутствием индивидуальности.

– Ну, извини. Я конечно, не богата... – смеюсь я.

– И не заносчива, – добавляет он.

– Но с индивидуальностью у меня все нормально, – пожимаю я плечами.

– Увидим, – дразнит он.

– Ты ужасно милый.

– Почему бы и нет?

– Не знаю. – Я поигрываю стаканом. – Извини, я говорю глупости.

Мгновение он озадаченно смотрит на меня, а потом говорит:

– Ты не говоришь глупости. И тебе не следует извиняться.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

Я внезапно осознаю, что нервно обдираю край пластикового стаканчика; передо мной на столе валяются маленькие белые кусочки.

– Ты извиняешь после каждой фразы. За последний час ты сказала «извини» по крайней мере раз десять. Ты ничего плохого не сделала, поэтому тебе не стоит извиняться.

От его слов я смущаюсь, но он смотрит так по-доброму, а в голосе не слышно даже намека на раздражение или осуждение.

– Извини... – рефлексивно начинаю я. – Видишь! Я не знаю, почему я так делаю. – Я заправляю свободную прядь за ухо.

– Догадываюсь почему, но не буду говорить. Просто знай, что тебе не нужно извиняться, – отвечает он.

Я делаю глубокий вдох и откидываюсь на спинку стула. Приятно поговорить с кем-то вот так, расслабленно, не боясь поссориться.

– Кстати, расскажи мне еще о своей новой работе в Сиэтле, – произносит Роберт, и я радуюсь, что он меняет тему.

Глава 44

Хардин

– И что мне, по-твоему, делать? – ору я Карен, размахивая в отчаянии руками.

Она останавливается на крыльце и говорит:

– Я не хочу вмешиваться, Хардин, но не думаешь ли ты, что нужно оставить ее... на этот раз? Я правда не хочу тебя расстраивать, но не думаю, что выйдет что-нибудь хорошее, если ты пойдешь туда и устроишь сцену. Я знаю, что ты хочешь ее увидеть, но...

– Ничего ты не знаешь, – отрезаю я, и жена моего отца немного выпрямляется.

– Извини, Хардин, но думаю, что сегодня ты должен оставить ее в покое, – говорит она, словно моя мать.

– Да? Почему? Чтобы она смогла изменить мне?

Нервно провожу рукой по волосам. Тесса уже выпила один бокал за ужином, даже полтора, если быть точным, и бог свидетель, она не умеет пить.

– Если ты так о ней думаешь... – начинает Карен, но сдерживается. – Неважно. Иди, действуй, как всегда.

Она смотрит на жену Макса, а затем поправляет ей платье.

– Осторожнее, дорогая, – советует она с натянутой улыбкой и поднимается с подругой по лестнице.

После всего этого геморроя я, по-прежнему придерживаясь первоначального плана, бегу к ресторану. Я вытаскиваю Тессу оттуда, конечно, не в буквальном смысле, но она будет со мной. Вся эта хрень только из-за того, что я забыл надеть этот чертов презерватив. Он и вызвал ту лавину проблем, под которой мы оказались. Я мог бы позвонить Сандре раньше и исправить ту ерунду с квартирой или снять для Тессы другое жилье... но этого не произошло. Мы не должны ехать в Сиэтл. Чтобы убедить Тессу, нужно больше времени, чем я думал, к тому же теперь все очень осложнилось. Я все еще в шоке от того, что она не вылезла из машины вместе с Карен и вместо нее оказалась мать Лилиан. Я был уверен, что она будет расстроена и захочет поговорить со мной. Как этому официанту удалось так на нее повлиять, что она осталась в ресторане, вместо того

чтобы пойти ко мне? Что она в нем нашла?

Чтобы собраться с мыслями, я на минуту останавливаюсь и сажусь на один из больших камней, огораживающих двор. Может быть, врываться внутрь – не самая лучшая мысль. Может быть, мне нужно попросить Лэндона зайти и позвать ее? Она слушает его гораздо больше, чем меня... Тут же ругаю себя за глупость: знаю, что он на это не пойдет, встанет на сторону своей матери, попытается выставить меня слабым и велит оставить ее в покое.

Но я не могу. От того, что я сижу на этом долбаном холодном камне уже двадцать минут, будет только хуже, а не лучше. Могу думать только о том, как она отстранилась от меня и как беззаботно хохотала с этим парнем.

Что я ей скажу? Он, кажется, такой идиот, что даже не попытается меня остановить. Я не буду с ним драться; если я начну орать, она пойдет со мной, чтобы предотвратить драку. Надеюсь, она еще не сделала то, чего я так боюсь.

Все это так по-детски: мое поведение, мои попытки манипулировать ее чувствами. Я понимаю, но не знаю, что делать! Я, твою мать, люблю ее. Но почему-то избегаю способов сохранить нашу близость.

«На самом деле кажется, что она в западне и поэтому не оставит тебя не потому, что любит, а потому, что ты заставил ее думать, что она без тебя не может».

Слова Лилиан прокручиваются в моей голове, как испорченная пластинка. Встаю и иду дальше. Адски холодно, а эта дурацкая рубашка слишком тонкая. Тесса не взяла с собой куртку, а платье – потрясающее платье – слишком тонкое, и она точно замерзнет. Мне, наверное, следует захватить ее куртку...

А что, если он предложит ей свою? Ревность пронизывает меня, и я сжимаю кулаки от этой мысли.

«...она в западне и поэтому не оставит тебя не потому, что любит...»

Эта чертова Тесса номер два со своей гребаной психотерапией! Она даже не понимает, что говорит. Тесса любит меня, я вижу это в ее голубых глазах каждый раз, когда она на меня смотрит. Я чувствую это в кончиках ее пальцев, когда она проводит ими по татуировкам на моей коже. Я чувствую это, когда ее губы касаются моих. Я знаю разницу между любовью и западней, между любовью и зависимостью. Я отгоняю от себя легкую тревогу, которая угрожает снова накрыть меня.

Она меня любит. Любит. Тесса любит меня. Если бы она меня не любила, я бы не знал, как с ней обращаться. Я бы просто не смог. Мне нужно, чтобы она любила меня и была со мной. Я никому не позволю быть

ближе; она – единственный человек, о котором я могу сказать, что она будет любить меня беззаветно. Даже мама иногда не может меня выносить, а Тесса всегда прощает меня, что бы я ни делал, она всегда со мной, если мне это нужно. Эта упрямая, невыносимая, бескомпромиссная девушка – мой мир.

– Что ты там делаешь, придурок? – слышу я голос из темноты.

– Да ты, блин, издеваешься! – устало вою я.

Повернувшись, вижу Райли, идущую по дорожке от дома Макса. Надо быть внимательнее. Я даже не заметил, как она ко мне подошла.

– Ты единственный, кто шарится на этой дороге, – парирует она.

– Где Лилиан?

– Не твоё дело. Где Тесса? – отвечает она с усмешкой.

Видимо, Лилиан рассказала ей о нашей ссоре. Замечательно!

– Не твоё дело. Почему ты здесь?

– А ты почему? – У Райли явно проблемы с общением.

– Тебе обязательно быть такой сучкой?

Она несколько раз кивает:

– Да. Правда-правда.

Я полагал, что она мне голову снесет за то, что я назвал её сукой, но она и не думает; кажется, она в курсе этого.

– Я вышла, потому что Лилиан заснула. А от её отца, твоего папаши и твоего тупоголового братца меня тошнит.

– И ты решила поболтаться в темноте вокруг дома в середине февраля?

– Я в пальто. – Она приподнимает полы, чтобы я убедился. – Я собираюсь найти бар, мимо которого проехала, когда сюда заезжала.

– Почему бы тебе туда не поехать?

– Потому что я хочу выпить. Или ты думал, я хочу провести выходные в тюрьме? – усмехается она, проходя мимо меня. Затем оглядывается, не останавливаясь. – А ты куда собрался?

– Забрать Тессу, она тусуется сейчас с... неважно. – Мне надоело рассказывать всем подряд про свои дурацкие дела.

На этот раз Райли останавливается.

– Ты кретин, что не сказал ей, что Лил – лесбиянка.

– Она тебе рассказала, разумеется.

– Она мне всё рассказывает. Это основное в наших отношениях.

– Это долгая история.

– Теперь ты не поедешь с Тессой в Сиэтл. – Она отбрасывает волосы назад. – Наверное, в данный момент она в ванной, делает минет тому блондину.

Делаю к ней шаг, кровь в жилах кипит от гнева.

– Заткнись немедленно. Немедленно, слышишь? Не тебе, блин, говорить мне такое. – Я помню, что хоть у нее, как и у меня, есть рот, она все-таки женщина и не должна так говорить.

Не обращая внимания на мою вспышку, она спокойно отвечает:

– Не нравится? Может быть, в следующий раз ты хорошенько подумаешь, прежде чем делать охрененно элегантный комментарий о том, как ты трахнул мою подругу.

Я часто и глубоко дышу. Не могу прогнать из головы картину, как полные губы Тессы касаются его члена. Провожу рукой по волосам, потом еще раз.

– Тебя это сводит с ума, верно? Что она была с ним?

– Тебе реально пора прекратить меня доводить, – предупреждаю я, и она пожимает плечами.

– Знаю. Слушай, я, может, и не должна это говорить, но ты первый начал, помнишь? – Я молчу, а она продолжает: – Давай заключим перемирие. Я куплю тебе выпить, а ты можешь поплакаться мне о Тессе, пока я буду хвастаться тебе, как здорово Лилиан работает язычком.

Подойдя вплотную, она хватается за рукав и пытается перетащить на другую сторону дороги. На жестяной крыше небольшого местного бара горят разноцветные огни. Рывком освобождаюсь.

– Мне нужно идти за Тессой.

– По стаканчику, а потом я пойду с тобой как помощник. – Райли словно повторяет мои недавние мысли.

– Зачем? Зачем тебе идти со мной? – Я заглядываю ей в глаза, и она снова пожимает плечами:

– На самом деле не пойду. Но мне скучно, а ты здесь. Кроме того, Лил о тебе заботится, правда, я не понимаю почему. – Она осматривает меня с ног до головы. – Не понимаю за что, но она любит тебя как друга. – Райли делает на слове «друг» самый сильный из возможных акцентов. – Так что да, я хочу произвести на нее впечатление, сделав вид, что переживаю за ваши обреченные отношения.

– Обреченные? – Я иду вслед за ней по дороге.

– Из всего, что я наговорила, ты решил возразить только на это? – Она качает головой. – Ты хуже меня.

Она смеется, а я молчу. Неприятная девушка снова хватается за рубашку и ведет по дороге. Я слишком занят своими мыслями, чтобы вырываться.

Как она может думать, что наши отношения обречены, если она не

знает меня, не знает нас?

Мы не обречены.

Я знаю, что это правда. И меня бесит, что она думает иначе. Тесса меня спасет. Она всегда так делает.

Глава 45

Тесса

– Ого, похолодало, наверное, градусов на десять, – говорит Роберт, когда мы выходим за дверь.

Меня охватывает холодный воздух, и я закрываюсь руками, пытаюсь согреться. Роберт смотрит на меня, чуть нахмурившись.

– Жаль, что у меня нет куртки, я бы предложил тебе... Я бы предложил подвезти тебя обратно, но я пьян. – Шутливо ужасаясь, он добавляет: – Кошмар, что-то я сегодня не слишком по-джентльменски себя веду.

– Все нормально, правда, – улыбаясь, возражаю я. – Я тоже очень пьяная, и от этого мне тепло... Так глупо, – хихикаю я и иду вслед за ним по дороге от ресторана. – Надо было взять хотя бы запасную обувь.

– Хочешь, продам свои ботинки? – шутит он.

Осторожно прижимаюсь к его плечу, и он улыбается уже в сотый раз за этот вечер.

– У тебя обувь, похоже, удобней, чем у Хардина. У него такие тяжелые ботинки, и он всегда оставляет их у двери, потому что я... неважно. – Я смущаюсь от того, что начала говорить о нем, и мотаю головой, чтобы перестать думать о Хардине.

– Я больше кроссовочный парень, – говорит Роберт, давая мне понять, что все нормально.

– Я тоже. Но не парень. – Я снова смеюсь. От вина у меня кружится голова, и я несу все, что приходит на ум, любую глупость. – Ты знаешь, в какую сторону дома?

Он подхватывает меня, когда я почти врезаюсь в бордюр.

– Какие дома? Вообще-то в этом городе их полно.

– Хм, ну там улица с маленьким указателем, там еще три или четыре таких же домика, а потом еще улица?

Безуспешно пытаюсь вспомнить, как мы ехали с Кеном и Карен в ресторан.

– Информации, конечно, немного, – хмыкает Роберт. – Но мы можем искать его, пока не найдем.

– Хорошо, но если мы не найдем его за двадцать минут, я пойду в

отель, – со стоном отвечаю я.

Мысль, что по возвращении меня ждут встреча и разговор с Хардином, приводит меня в дрожь. Под «разговором» я имею в виду полноценную сокрушительную и уничтожительную словесную перепалку. Особенно когда он узнает, что я пила с Робертом.

Внезапно поворачиваюсь к нему в полумраке улицы.

– Тебя достают люди, которые постоянно говорят тебе, что делать?

– Мне никто так не говорит, но если бы кто-нибудь говорил, то конечно.

– Везет тебе! А мне постоянно кто-нибудь говорит, что мне делать, куда идти, с кем общаться, где жить. – Я вздыхаю и смотрю на пар от собственного дыхания, клубящийся в холодном воздухе. – Это меня бесит.

– Понимаю.

Поднимаю взгляд на звезды.

– Я хочу как-то это изменить, но не знаю, с чего начать.

– Может быть, тебе поможет Сиэтл.

– Может быть... Мне хочется сделать что-нибудь прямо сейчас, убежать куда-нибудь или наорать на кого-то.

– Наорать? – смеется он и останавливается, чтобы зашнуровать кроссовку.

Я торможу в нескольких метрах впереди и нетерпеливо оглядываюсь по сторонам. Теперь, когда мозг под воздействием алкоголя уцепился за возможность вести себя безрассудно, я не могу остановиться.

– Да, покрыть кого-нибудь матом, например.

– Тогда стоит начать прямо сейчас. Со стороны это, конечно, покажется диким, но всегда легче начинать с малого, – отвечает Роберт.

Не сразу понимаю, что он шутит, но когда до меня доходит, становится смешно.

– Нет, я серьезно. Я прямо чувствую, как хочу сделать сейчас что-нибудь... безумное. – Я закусываю зубами верхнюю губу, размышляя над этой идеей.

– Это вино довольно крепкое, а ты выпила много и за короткое время.

Мы смеемся, и я не могу остановиться. Наконец при виде фонарей на доме, похожем на ресторан, я успокаиваюсь.

– Это наш бар, – говорит Роберт и кивает на здание.

– Такой маленький!

– Ну, он и не должен быть огромным, хотя этот бар и единственный в нашем городе. Там круто. Танцы на барной стойке и все такое.

– Как в «Гадком Койоте»?

Он усмехается:

– Да, только тут всем женщинам больше сорока и на них немного больше одежды.

У него такая заразительная улыбка, что я уже знаю, куда мы направимся.

Глава 46

Хардин

– Нет, я же сказал один стакан, значит, один стакан. – Я отворачиваюсь и кручу кусочек льда в пустом стакане.

– Тем не менее. – Она подает знак бармену и заказывает еще пару стаканов.

– Я же сказал, не надо...

– С чего ты взял, что это тебе? – снисходительно спрашивает она. – Девушкам тоже надо иногда оторваться.

– Ну, тогда развлекайся. А я иду за Тессой. – Я встаю, но она снова хватает меня за рубашку. Уже не в первый раз. – Хватит меня дергать!

– Чувак, да перестань. Я сказала, что пойдем, только вот допью. Ты уже решил, что скажешь, или ты снова планируешь применить свой пещерный стиль?

– Нет. – Я снова сажусь. Действительно, я не думал, что я ей скажу. Надо придумать какую-нибудь фразу, кроме «А ну пошли!». – А ты что бы сказала? – наконец спрашиваю я.

– Ну, в первую очередь... – Она делает паузу и протягивает бармену две пятерки, придвигая к себе оба стакана. – Лилиан не должна ходить в бар с другой девушкой... или парнем без меня. – Она делает большой глоток и смотрит на меня. – Я бы пресекла это в корне.

Мне решительно не нравится ее тон.

– И ты еще предлагаешь мне выпить, прежде чем идти?

Она пожимает плечами:

– Я не говорю, что это правильно. Просто рассказываю, как бы поступила сама.

– Это фигня. Все фигня! Я пошел.

Делаю несколько шагов к двери, и тут резко бьет в голову громкое кантри, играющее в маленьком помещении. Мне не стоило приходить в этот чертов бар с самого начала. Нужно было напрямик идти к Тессе. Завсегдатаи начинают аплодировать. Повернувшись, вижу двух танцовщиц среднего возраста, забирающихся на барную стойку. Выглядит это чертовски неловко. Забавно, но все же очень странно.

– Ты пропустишь такое шоу! – хохочет Райли.

Собираюсь что-то ответить, но меня прерывает звук, раздающийся за спиной, и я догадываюсь, что это. Поворачиваюсь – и во рту у меня пересыхает, а кровь мгновенно закипает в жилах. Потому что, как я и предполагал, это Тесса, перешагивает через порог маленькой придорожной забегаловки. С ним.

Вместо того чтобы подойти к ней, как я и собирался, делаю шаг назад к барной стойке и не оборачиваясь шиплю Райли:

– Она здесь, с ним. Вот она!

Райли отводит взгляд с пожилых теток на барной стойке и поворачивается. Глаза у нее лезут на лоб.

– Вот черт! А она секси!

Я таращусь на нее.

– Хватит! Не смотри на нее так.

– Лилиан говорила, что она красивая, но, черт, гляди, какие у нее большие си...

– Прекрати!

Я смотрю на Тессу. Она чертовски горячая штучка, я это знаю, но, что еще важнее, она пьяна и смеется, проходя между высокими столиками. Выбрав свободный столик недалеко от туалета, она садится.

– Я пойду туда, – заявляю я Райли.

У меня нет никаких причин вообще что-то ей говорить, но часть меня хочет знать, что бы сделала она на моем месте. Знаю, что Тесса расстроена из-за меня, обижена на целый список гадостей, которые я уже совершил, и точно не хочу добавлять в этот список еще одну строчку. Но тем не менее у нее нет никакого права на меня злиться: она одна болтается с каким-то случайным парнем из ресторана, а теперь еще заваливается сюда, пьяная и веселая. Вместе с ним.

– Может, тебе просто подождать... Понаблюдать за ней немного, – предлагает Райли.

– Что за дурацкая идея, зачем мне смотреть, как она вертится вокруг этого дылды? Она моя, и...

Райли с любопытством смотрит на меня.

– Она бесится, когда ты зовешь ее своей?

– Нет, ей это нравится, я полагаю.

По крайней мере, она как-то это говорила. «Я твоя, Хардин, твоя», – стонала она, уткнувшись мне губами в шею, когда я, двигая бедрами, входил в нее.

– Лил ужасно злится, когда я так говорю. Она думает, что так я превращаю ее в свою собственность, – замечает Райли.

Но все, на чем я могу сосредоточиться, – это Тесса. Она собирает свои длинные волосы и закидывает на плечо. Мои досада и гнев возрастают, внимание притупляется. Как она не чувствует, что я здесь? Я всегда могу сказать, когда она заходит в комнату; когда она подходит ко мне, тело сразу же ощущает малейшие колебания воздуха. Она слишком занята своим спутником, он, наверное, рассказывает ей, как наливать воду в этот гребаный стакан.

Но тем не менее смотрю на свою девушку и говорю:

– Нет, Тесс моя, и мне все равно, что она думает по этому поводу.

– Ты говоришь как настоящий осел, – замечает Райли, глядя на Тессу. – Тебе нужно пойти на компромисс; если она действительно похожа на Лилиан, она отвергнет его и в конце концов поставит тебя перед ультиматумом.

– Что? – На мгновение отрываюсь от Тессы, хотя это дается нелегко.

– Лилиан надоели мои капризы, и она от меня ушла. Она, – Райли указывает стаканом на Тессу, – сделает то же самое, если ты не будешь хоть иногда прислушиваться к тому, что она хочет.

Поразительно, насколько Лилиан отличается от своей подруги!

– Ладно, ты ничего не знаешь о наших отношениях и не знаешь, что предлагаешь.

Я оглядываюсь на Тессу. Она в одиночестве сидит за столом, играя с прядью волос и подергивая плечами в такт музыке. Через мгновение я обнаруживаю ее дружка-официанта в другом конце бара и при виде расстояния между ними немного успокаиваюсь.

– Сам посуди, чувак, – продолжает Райли. – Мне не нужно знать детали. Я провела с тобой уже почти час и в курсе, что ты бесчувственный осел и не даешь того, что ей нужно.

Я открываю рот, чтобы огрызнуться, но она продолжает:

– С Лилиан – то же самое, из-за этого были все наши скандалы. Тесса не удовлетворена, и ты это знаешь. А ты в курсе, что лучше всего помогает неудовлетворенной девушке? – Она злорадно ухмыляется. – Кроме частого секса, конечно.

– Короче?..

Я снова оглядываюсь на Тессу. Щеки у нее разругались; изумленно раскрытыми глазами она уставилась на женщин, танцующих на барной стойке. В любой момент она может заметить, что я здесь.

– Самое приятное, что они в нас нуждаются, только не так, как ты думаешь. Они нуждаются в том, чтобы иногда мы тоже были рядом только ради них. Лилиан всегда тратила столько усилий, чтобы удержать... меня,

черт побери... что ее собственные потребности при этом не удовлетворялись. Реально, я даже не помнила, когда у меня день рождения, я вообще ни хрена для нее не делала! Я полагала, что хватит и того, что я рядом с ней и иногда говорю ей, что я ее люблю, но этого было недостаточно.

По спине ползет неприятный холодок. Я смотрю, как Райли допивает первый стакан.

– Но она же сейчас с тобой, верно?

– Да, но только потому, что я показала ей, что она может на меня положиться и что я перестала быть той сукой, какой я была, когда она меня встретила.

Она смотрит на Тессу, а потом – снова на меня.

– Знаешь, как пишут все эти дурочки в соцсетях? Кажется, примерно так: «Если бы ты сделал... Если бы ты не...» Блин. Точно не помню, но, в общем, суть в том, что либо ты хорошо относишься к девушке, либо к ней хорошо относится кто-то другой.

– Я не отношусь к ней плохо. – По крайней мере, не всегда, мысленно добавляю я.

Райли ухмыляется:

– Чувак, просто запомни это. Посмотри, я не святоша. Я до сих пор не отношусь к Лилиан так, как должна, но кое-что я все-таки усвоила. Ты же уперся как баран, сидишь здесь и думаешь, что относился к ней как надо. Если бы так и было, она бы не сидела сейчас здесь с этим парнем, который, кстати, твоя полная противоположность и вообще классный!

Мне даже нечего ей возразить, по большей части она права. Я не всегда относился к Тессе плохо, только когда она делала что-то, что выводило меня из себя. Как сейчас, например.

И до этого.

– Она смотрит на нас, – сообщает Райли, и у меня холодеет кровь.

Я медленно поворачиваю голову в сторону Тессы, и ее глаза пылают, – и я клянусь, что вижу в них отблеск ненависти, когда она переводит взгляд то на Райли, то снова на меня. Она не двигается, даже не моргает. Этот взгляд так не похож на ее первоначальное изумление, что я потрясен тем убийственным выражением, с которым она смотрит в нашу сторону.

– Она просто в бешенстве! – смеется Райли, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не вылить второй стакан ей на голову.

Вместо этого я бормочу:

– Заткнись! – Хватаю стакан и иду к Тессе.

Ее дружок-официант – все еще у стойки. Подхожу к ней.

– Ого! Никогда бы не подумала, что встречу тебя здесь, в баре, с еще одной девушкой. Вот сюрприз так сюрприз! – говорит она с сарказмом.

– Почему ты здесь? – спрашиваю я, подходя ближе.

Она отодвигается.

– А ты почему?

– Тесса... – угрожающе говорю я, и она закатывает глаза.

– Не сегодня, Хардин, не начинай.

Она слезает с высокого стула, поправляя платье.

– Не уходи от меня.

Мои слова звучат как приказ, но я знаю, что на самом деле это мольба. Я тянусь к ее руке, но она отстраняется.

– А почему бы и нет? Именно так ты всегда и поступаешь со мной. – Она снова смотрит на Райли. – Мы оба здесь с другими.

Я качаю головой:

– Черт! Нет. Это подруга Лилиан.

Ее плечи мгновенно расслабляются.

– Ааа... – Она смотрит мне в глаза и приоткрывает рот.

– Сейчас нам нужно уйти.

– Так идите.

– Тебе и мне, – уточняю я.

– Я никуда не собираюсь, разве что повеселиться. Куда-нибудь, где веселее, чем здесь, потому что здесь ты, а ты всегда обламываешь мне веселье. Словно ты из полиции смеха. – Она улыбается своей глупой шутке и продолжает: – Точно, так и есть! Ты из полиции смеха. Тебе нужно получить какой-нибудь жетон, чтобы везде его носить. Ну, понимаешь, чтобы пресекать веселье. – Она начинает безудержно хохотать.

Господи, она чертовски пьяна!

– Сколько ты выпила? – кричу я, перебивая музыку.

Я думал, что все уже закончилось, но, похоже, танцовщиц вызвали на бис.

Она пожимает плечами:

– Не знаю. Мало. И вот это еще.

Она забирает мой стакан прежде, чем я успеваю ее остановить, ставит его на стол и вскарабкивается обратно на стул.

– Не пей! Тебя точно вырубят.

– Что это за звук? – Она прикладывает ладонь к уху. – Я слышу сирену полиции смеха? Виу, виу, виу!

Мгновение она сердится, как ребенок, но потом снова смеется.

– Если ты собираешься быть энергетическим вампиром, то уходи.

Тесса подносит бокал к губам и делает три больших глотка. Она опустошает его наполовину в считанные секунды.

– Ты с ума сошла! – говорю я.

– Ла-ла-ла! – Она издевательски качает головой, смотрит мимо меня, и на губах у нее появляется усмешка. – Ты ведь знаешь Роберта, верно?

Оглядываюсь и вижу, что этот придурок стоит рядом со мной со стаканами в обеих руках.

– Рад тебя снова видеть, – говорит Роберт, криво улыбаясь и глядя на меня помутневшим взглядом. Он тоже пьян.

Он воспользовался ею? Он ее целовал?

Я делаю глубокий вдох. Его отец – шериф. Его отец – шериф. Его отец – шериф.

Его отец – гребаный шериф этого дурацкого города. Я оглядываюсь на Тессу и бросаю через плечо:

– Пойдем.

Тесса закатывает глаза. Я забыл, какой смелой она становится, когда в крови у нее спиртное.

– Не пойду! – с вызовом отвечает она, и он садится за стол. – У тебя нет компании, чтобы развлечься? – насмехается Тесса.

– Нет. Давай пойдем домой. – Я едва сохраняю самообладание.

В любой другой вечер я бы уже припечатал Роберта лицом к столу.

– Это не мой дом. Наш дом – в нескольких часах отсюда.

Она допивает стакан, который стащила у меня, потом смотрит странным взглядом, в котором сочетаются отвращение, опьянение, легкомыслие и безразличие.

– В любом случае, благодаря тебе, с понедельника это уже не мой дом.

Глава 47

Тесса

Ноздри Хардина раздуваются, он отчаянно пытается контролировать себя. Я смотрю на Роберта, который кажется немного смущенным, хотя нисколько не испугался.

– Если ты пытаешься нарочно меня разозлить, то это у тебя получается, – говорит Хардин.

– Нет, я просто не хочу уходить. – И как раз в тот момент музыка прекращается, а я воплю: – Я хочу пить, быть молодой и веселиться!

Все в баре поворачиваются ко мне. Не знаю, что мне делать, поэтому неловко машу всем рукой. Раздаются одобрительные возгласы, половина бара приветственно поднимает бокалы, а затем все возвращаются к своим разговорам. Вновь играет музыка, и Роберт смеется.

Хардин злится.

– Тебе, наверное, достаточно, – замечает он, глядя на полупустой бокал, который принес мне Роберт.

– Сенсационная новость, Хардин: я уже взрослая, – пишу я в ответ детским голосом.

– Тесса, мать твою.

– Может быть, мне уйти?.. – спрашивает Роберт.

– Конечно, – тут же отвечает Хардин, но я отрицательно мотаю головой.

И оглянувшись вокруг, я вздыхаю. Я не смогу радоваться вечеру с Робертом, потому что знаю, что Хардин все время будет торчать рядом, хамить, угрожать и всячески пытаться заставить его уйти. Так что будет лучше, если он уйдет сейчас.

– Извини, я пойду, а ты можешь остаться, – говорю я Роберту.

Он с пониманием качает головой:

– Нет-нет, не беспокойся. У меня все равно был длинный день.

Он так спокоен, несмотря ни на что. Это действительно круто.

– Я тебя провожу, – прошу я.

Не уверена, увижу ли я его еще когда-нибудь, а сегодня вечером он был так добр.

– Нет, не провожай, – вмешивается Хардин.

Однако я, не обращая на него внимания, иду вслед за Робертом к дверям. Оглядываюсь и вижу: Хардин, закрыв глаза, склонился над столом. Надеюсь, что он успокоится, потому что сейчас я не в настроении терпеть его выходки.

На улице говорю Роберту:

– Извини, я не знала, что он здесь. Так хотелось весело провести вечер.

Роберт улыбается и, чуть наклонившись, смотрит мне в глаза.

– Помнишь, я просил тебя перестать за все извиняться? – Он лезет в карман и достает маленький блокнот и ручку. – Я ни на что не надеюсь, но если в Сиэтле тебе когда-нибудь станет скучно и одиноко, позвони мне. Или нет. В любом случае – возьми.

Он что-то пишет на бумажке и отдает листочек мне.

– Хорошо. – Не хочу его лишний раз обнадеживать, так что, просто улыбаясь, кладу клочок бумаги в лифчик. – Извини! – кричу я ему, когда понимаю, что весь вечер была зациклена на себе и своих проблемах.

– Прекрати извиняться! – смеется он. – Тем более не за что.

Он смотрит то на дверь бара, то в темноту.

– Ну, я пойду. Приятно было познакомиться. Может, еще увидимся?

Я с улыбкой киваю, и он уходит.

– Холодно, – раздается голос Хардина у меня за спиной, и я вздрагиваю.

Я фыркаю и прохожу мимо него обратно в бар. Столик, за которым я сидела, теперь занят лысым мужчиной с огромной кружкой пива. Хватаю сумочку с табурета, и мужик невидяще таращится на меня. Точнее, на мою грудь.

Позади меня Хардин. Опять!

– Пожалуйста, давай уйдем.

Я делаю шаг к стойке.

– Можно мне получить метр свободного пространства? В настоящий момент я не хочу с тобой общаться. Ты наговорил мне ужасных вещей, – напоминаю я.

– Ты же знаешь, на самом деле я так не думаю, – защищаясь, отвечает он и пытается поймать мой взгляд, но я избегаю на него смотреть.

– Это не значит, что ты можешь так говорить. – Я гляжу на девушку, подругу Лилиан, которая смотрит на нас с Хардином. – Я не хочу обсуждать это прямо сейчас. У меня был хороший вечер, не порти его.

Хардин делает шаг назад.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я здесь оставался? – В его глазах сверкает боль, и что-то в этой глубине заставляет меня отступить.

– Я этого не говорила, но если ты снова скажешь мне, что не любишь меня или что используешь только для секса, то тебе лучше уйти. Или уйду я.

Я изо всех сил стараюсь удержать наши хрупкие, зыбкие отношения, вместо того чтобы расстаться и не дать боли и разочарованию захлестнуть меня.

– Ты сама заварила всю эту кашу, когда пришла сюда с этим пьяным парнем. И еще... – начинает он.

Я вздыхаю:

– Начинается.

Хардин – просто король двойных стандартов. И один из них видно прямо сейчас.

– Господи, да заткнитесь вы оба! Мы в общественном месте, – прерывает нас красивая девушка, с которой он только что сидел.

– Не лезь! – огрызается на нее Хардин.

– Пойдем, мания Хардина. Давай сядем за стойку, – продолжает она, не обращая на него внимания.

Сидеть за столиком в задней части бара – это одно, а сидеть за стойкой и заказывать напитки бармену – совсем другое.

– Я не так взросло выгляжу, – отвечаю я ей.

– Да брось! В таком платье тебе точно продадут бухло. – Она смотрит на мою грудь, и я слегка подтягиваю вырез вверх.

– Если меня выгонят из бара, то ты будешь виновата, – сообщаю я ей, и она хохочет, запрокидывая голову.

– Я вытащу тебя из тюрьмы, – подмигивает она, и Хардин застывает рядом со мной.

Он с такой угрозой смотрит на нее, что я не могу не расхохотаться. Он весь вечер пытался заставить меня ревновать к Лилиан, а теперь он сам ревнует к ее подруге, которая мне подмигнула. Все эти детские пререкания – он ревнует, я ревную, бабка за стойкой ревнует, все ревнуют – ужасно раздражают. Немного забавно, особенно сейчас, но все же раздражают.

– Кстати, меня зовут Райли. – Она садится на краю стойки. – Уверена, что твой угрюмый друг не собирается нас знакомить.

Я оглядываюсь на Хардина, ожидая, что он начнет ругаться, но он только закатывает глаза, что для него – почти подвиг. Он хочет занять место между нами, но я отодвигаюсь, а затем кладу ему руку на плечо, чтобы пересесть. Я знаю, что не должна его касаться, но хочу посидеть здесь, наслаждаясь последним вечером этого маленького путешествия, обернувшегося катастрофой. Хардин прогнал моего нового друга, а

Лэндон, вероятно, уже спит. Других вариантов, кроме как сидеть в одиночестве в комнате, у меня нет, так что это не так плохо.

– Что будете заказывать? – спрашивает меня огненно-рыжая барменша в джинсовой куртке.

– Три шота «Джека», пожалуйста. И охладите сначала, – отвечает Райли за меня.

Женщина несколько секунд вглядывается в мое лицо, и сердце начинает колотиться.

– Пожалуйста, – наконец говорит она и ставит перед нами три рюмки.

– Я не собирался пить. Выпил только одну до твоего прихода, – говорит Хардин мне на ухо, наклоняясь.

– Пей сколько хочешь, мне все равно, – замечаю я, не глядя на него. И все же про себя молюсь, чтобы он не слишком напивался. Никогда не угадаешь, что он выкинет.

– Оно и видно, – сердито бурчит он.

Презрительно кошусь на него, но все же избегаю встречаться с ним взглядом. Просто сижу и смотрю, как медленно двигаются его губы, когда он говорит; мне очень нравится наблюдать за этим.

Видимо, заметив, что я смягчилась, он спрашивает:

– Ты все еще сердишься?

– Да, очень.

– Тогда почему ведешь себя так, как будто не сердишься? – Его губы шевелятся медленнее.

Надо обязательно узнать название этого вина. Действительно замечательное.

– Я же тебе сказала: хочу весело провести время, – повторяю я. – Ты злишься на меня?

– Я всегда злюсь, – отвечает он.

Я усмехаюсь:

– Это неправда.

– Что ты сказала?

– Ничего. – Я невинно улыбаюсь, наблюдая за тем, как он почесывает шею рукой, зажимая кожу между большим и указательным пальцами.

Спустя несколько секунд передо мной появляется шот с виски, и Райли поднимает свою рюмку, глядя на нас с Хардином.

– За неадекватные, психически неуравновешенные отношения, – ухмыляется она и залпом пьет, запрокидывая голову назад.

Хардин следует ее примеру.

Я глубоко выдыхаю и глотаю холодное, обжигающее горло виски.

– Еще по одной! – кричит Райли, пододвигая мне бокал.

– Не знаю, смогу ли, – с трудом выдавливаю из себя я. – Я никогда не б-была такой пьяной. Вообще никогда.

Виски захватил меня полностью, закрепился и, кажется, не отпустит меня в ближайшее время. Хардин пропустил уже пять шотов, а я после третьего потеряла счет. Уверена, что Райли уже должна валять на полу от такого количества алкоголя.

– Кажется, это вкусное виски, – замечаю я, макая язык в холодную жидкость.

Хардин смеется рядом со мной. Я прислоняюсь к его плечу, положив руку к нему на бедро. Его взгляд сразу же опускается на мою руку, и я тут же убираю ее. Я не должна вести себя так, как будто ничего не произошло, знаю, что не должна, но легче сказать, чем сделать. Особенно когда я еле соображаю, а Хардин так здорово выглядит в этой белой рубашке. Ладно, разберусь со всем завтра.

– Видишь, все, что тебе было нужно, чтобы расслабиться, это немного виски. – Райли со стуком ставит пустой бокал на стойку, и я хихикаю. – Что? – восклицает она.

– Вы с Хардином очень похожи.

Я закрываю рот рукой, чтобы наконец перестать хихикать.

– Совсем не похожи, – отзывается Хардин, растягивая слова, как это обычно бывает, когда он не трезв, совсем как Райли.

– Похожи! Как две капли воды, – смеюсь я. – А Лилиан знает, что ты здесь? – спрашиваю я ее, поворачивая голову.

– Неа. Она сейчас спит. – Она облизывает губы. – Но я собираюсь ее разбудить, когда вернусь.

Снова звучит музыка, и я вижу, как ярко-рыжая барменша забирается на стойку, вероятно, уже четвертый раз за вечер.

– Опять? – кривится Хардин, и я смеюсь.

– А мне кажется, это смешно!

Сейчас мне все кажется смешным.

– Мне кажется, это глупо и повторяется каждые полчаса, – жалуется он.

– Тебе надо туда залезть! – толкает меня Райли в бок.

– Куда?

– На стойку. Ты должна потанцевать в баре.

Я качаю головой и смеюсь, краснея.

– Ни за что!

– Давай! Ты же кричала, что хочешь быть молодой и веселиться, это

твой шанс. Станцуй на стойке!

– Я не умею танцевать.

Это правда. Я ни разу не танцевала, за исключением одного медленного танца в ночном клубе в Сиэтле.

– Никто не заметит – тут все пьянее тебя. – Она вздергивает бровь, бросая мне вызов.

– Ни в коем случае, – заявляет Хардин.

Сквозь пьяный туман вспоминаю одно: я уверена, что должна, черт возьми, дать ему понять, что сама решаю, что мне можно, а что нельзя. Без лишних слов наклоняюсь и расстегиваю ужасно неудобные ремешки вокруг лодыжек, отчего туфли на каблуках падают на пол. Глаза Хардина расширяются, когда я забираюсь на стул, а с него – на стойку.

– Что ты делаешь? – Он стоит и смотрит, а оставшиеся посетители бара начинают мне хлопать.

– Тесс...

Музыка становится громче, а женщина, которая подавала нам выпивку, улыбаясь, берет меня за руку.

– Ты знаешь какие-нибудь танцы, дорогуша? – кричит она.

Я мотаю головой, внезапно смущаясь.

– Я тебя научу!

О чем, черт возьми, я думала? Я всего лишь хотела настоять на своем в споре с Хардином. И посмотрите, где я оказалась – на стойке бара. Пытаюсь танцевать... что-то. Я даже не уверена, что у меня получается. Если бы я знала, что сюда попаду, то подготовилась бы получше и внимательнее следила за женщинами, которые танцевали до меня.

Глава 48

Хардин

Райли стоит перед стойкой и таращится на Тессу.

– Черт! Я и не думала, что она на самом деле это сделает! – визжит она.

Я тоже не думал, но, похоже, сегодня она решила меня завести. Райли смотрит на меня, и лицо ее сияет.

– А она очень смелая детка.

– Нет... – спокойно не соглашаюсь я.

Тесса кажется растерянной, видимо, она уже пожалела о своем импульсивном решении.

– Я помогу ей спуститься. – Я поднимаю руку, но Райли тянет ее вниз.

– Дай ей расслабиться, чувак.

Снова гляжу на Тессу. Женщина, которая подавала нам виски, что-то ей говорит, но я не могу разобрать, что именно. Танцы на барной стойке в этом коротком платье – полная жесь. Если я обопрусь на стойку, то могу заглянуть ей под платье, и наверняка не только я. Она меня возбуждает, и Райли, вероятно, тоже. Я оглядываюсь и отмечаю, что никто из толстяков, из дальнего конца бара, на нее не смотрит. Пока. Тесса смотрит на женщину рядом с ней и сосредоточенно хмурит брови, что полностью противоречит мнению Райли о ее внезапной вспышке необузданности. Она повторяет движения этой тетки: сначала сгибает одну ногу, потом другую, а потом резко крутит бедрами.

– Сядь и наслаждайся шоу, – говорит Райли и пододвигает мне один из оставшихся полных стаканов.

Я пьян. Очень пьян, но ум мой проясняется, когда я смотрю, как двигается Тесса. Охрененно двигается. Она кладет руки на бедра и наконец-то улыбается, больше не волнуясь, что привлекает внимание почти всех посетителей бара. Ее глаза встречаются с моими; на мгновение она смущается, но потом берет себя в руки и отворачивается.

– Круто, правда? – смеется Райли, поднося виски к губам.

Да, наверное, Тесса смотрится чертовски сексуально, но это неожиданно приводит меня в бешенство. Первая мысль, которая приходит ко мне на ум: блин, это реально круто, но следом я понимаю, что не должен

таращиться на нее, а должен злиться на ее постоянное желание бросить мне вызов. Но я не могу сосредоточиться на этом, когда она так здорово танцует прямо передо мной. То, как ее платье скользит по бедрам, как она откидывает волосы назад одной рукой и смеется, пытаясь повторять действия женщины рядом с ней... Мне нравится ее беззаботность. Я не так часто слышу ее смех. Ее кожа уже мокрая от пота и блестит в свете софитов. Я неловко переминаюсь и оттягиваю воротник своей дурацкой рубашки.

– Ой-ой, – внезапно произносит Райли.

– Что?

Выхожу из транса и обвожу глазами бар. Двое мужиков в конце бара таращатся на Тессу. Пялятся так, что их чертовы глаза вылезли из орбит дальше, чем мой член. Я снова оглядываюсь на Тессу – ее платье опасно высоко задрано на бедрах. Каждый раз, когда она выпрямляет ноги, она приподнимает его немного выше.

– С меня достаточно!

– Полегче, Отелло! – замечает Райли. – Песня закончится через...

Тут она поднимает руку, и со взмахом ее кисти музыка замолкает.

Глава 49

Тесса

Хардин протягивает руки, чтобы помочь спуститься, чем сильно меня удивляет. По тому, как он хмурился и дулся во время танца, я думала, что сейчас он начнет орать или того хуже; я уже почти приготовилась, что он стащит меня со стойки, а потом затеет драку со всеми посетителями сразу.

– Видишь, никто и не заметил, что ты хреново танцуешь! – смеется Райли, когда я сажусь на прохладную стойку бара.

– Это было реально здорово! – кричу я, и музыка снова замолкает.

Со смехом спрыгиваю вниз. Хардин поддерживает меня рукой, пока я не встаю достаточно ровно, чтобы сделать шаг назад.

– В следующий раз полезешь ты! – говорю я ему на ухо, и он качает головой.

– Нет, – твердо отвечает Хардин.

– Не будь занудой. – Я протягиваю руку и касаюсь его губ.

Он милый, хоть и обиженно оттопыривает нижнюю губу. Его глаза сверкают, и мой пульс учащается. Я уже чувствую кайф от адреналина, выплеснувшегося во время танца, потому что это то, что я, наверное, раньше никогда бы не сделала. Это было обалденно, но я знаю, что никогда снова этого не повторю.

Хардин садится на стул, а я так и стою между ним и Райли возле пустого стула.

– Тебе это нравится? – улыбается он.

Мои пальцы все еще прижаты к его губам.

– Что именно? Твои губы? – с усмешкой спрашиваю я.

Он мотает головой. Он игрив, но в то же время очень серьезен, и это опьяняет. Он меня опьяняет.

– Нет. Злить меня. Тебе нравится меня злить, – отвечает он сухо.

– Нет. Ты просто слишком легко заводишься.

– Ты танцевала на стойке перед толпой народа. – Его лицо в нескольких сантиметрах от моего, и в его дыхании ощущаются мята и виски, мое любимое сочетание. – Очевидно, чтобы разозлить меня, Тесса. Тебе повезло, что я не стащил тебя вниз, не положил на плечо и не унес отсюда.

– На плечо или на колени? – уточняю я, храбро глядя ему в глаза.

– Ч-что? – заикается он.

Я смеюсь и поворачиваюсь к Райли.

– Не дай ему себя обмануть. Ему охрененно понравилось, – шепчет она, и я киваю.

В животе у меня сладко тянет при мысли, что Хардин смотрел на меня, но я пытаюсь отбросить неприличные мысли. Я должна злиться, обижаться или кричать, потому что он пытался сорвать мой переезд в Сиэтл, или из-за обидных слов, которые наговорил мне в ресторане, но я почти не способна злиться, когда пьяна.

Я позволю себе сделать вид, будто ничего не случилось, по крайней мере сейчас, и представлю, что мы с Хардином – нормальная пара, которая выбралась в бар выпить с нашей подругой. И никакой лжи, никаких драм – только веселье и танцы на столах.

– До сих пор не могу поверить, что я и вправду это сделала! – сообщаю им обоим.

– Я тоже, – бурчит Хардин.

– Но я этого точно не смогу повторить.

Провожу рукой по лбу, я горячая и потная. В маленьком баре душно, и мне трудно дышать.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Ничего, просто жарко. – Я наклоняюсь к нему, и он кивает.

– Пойдем, а то упадешь в обморок.

– Нет, я хочу остаться! Мне так весело. Я имею в виду, что весело провожу время.

– У тебя уже язык заплетается.

– Ну и что? Может, я так хочу. Либо ты расслабишься, либо уходи.

– Ты... – начинает он, но я закрываю ему рот ладонью.

– Тсс!.. Тише... Давай веселиться! – Другой рукой я касаюсь его ягодицы, сжимая ее.

– Ну ладно, – бубнит он из-под моей ладони.

Я отодвигаю ладонь на сантиметр, чтобы при необходимости снова закрыть ему рот.

– Но больше никаких танцев на стойках и столах! – мягко говорит он.

– Отлично. А ты больше не хмуришься и не дуешься, – парирую я, и он улыбается.

– Ладно.

– Хватит говорить «ладно»! – усмехаюсь я.

Он кивает:

– Ладно.

– Ты раздражающ.

– Раздражающ? Что бы сказал твой профессор литературы, услышав от тебя такое слово? – В изумрудных глазах Хардина, слегка замутненных алкоголем, вспыхивает веселье.

– А ты иногда бываешь забавный.

Я наклоняюсь к нему, он обнимает меня за талию и обхватывает ногами.

– Иногда? – Он целует мои волосы, и я расслабляюсь в его объятиях.

– Да, только иногда.

Он смеется, удерживая меня, и я не думаю, что хочу, чтобы он меня отпускал. Знаю, что должна хотеть, но не хочу. Он пьян и так мил, алкоголь заставляет меня терять здравый смысл... Как всегда.

– Кажется, вы поладили. – Райли складывает пальцы, делая вид, что нас фотографирует.

– Она меня бесит, – фыркает Хардин.

– Вы близнецы! – смеюсь я, и он мотает головой.

– Бар закрывается!

Моя новая знакомая за стойкой звонит в колокольчик. За последний час я узнала, что ее зовут Кэми, что ей почти пятьдесят и что в декабре у нее появилась первая внучка. Она сунула мне под нос напечатанные фотографии, как это делают все бабушки, и я похвалила их: «Какой красивый ребенок». Хардин едва глянул на фото. Вместо этого он принялся бормотать что-то о спиногрызах, поэтому я быстро забрала у него фотографии, пока Кэми не услышала.

Я шатаюсь из стороны в сторону.

– Еще по одной, и мне хватит!

– Не знаю, как ты еще сознание не потеряла! – с явным восхищением восклицает Райли.

Я бы потеряла, но Хардин забирал мою выпивку и пил сам.

– Ты пьешь больше, чем кто-либо, воз-мож-жно, даже больше н-него, – еле выговариваю я, указывая на человека за стойкой, который отключился и уронил голову на стол. – Жаль, что Лилиан не пошла с нами, – замечаю я, и Хардин морщит нос.

– Я думал, что ты ее ненавидишь, – отвечает он.

Райли оборачивается ко мне.

– Я ее не ненавижу, – поправляю я. – Мне она не нравилась, когда ты пытался заставить меня ревновать, обнимая ее.

Райли напрягается, глядя на Хардина.

– ЧТО?

Блин.

– Теперь не отопрешься, дорогая, – с нажимом произносит она.

Я в западне, пьяная и не имею ни малейшего представления, что мне, черт возьми, сказать, но я точно не хочу ее злить.

– Ничего. – Хардин успокаивающе поднимает руку. – Я был козлом и не сказал Тессе, что она лесбиянка. Ты это уже знаешь.

Райли расслабляется.

– А, ну тогда ладно.

Боже, как она на него похожа!

– Видишь, ничего же не произошло, так что успокойся, – говорит ей Хардин.

– Я спокойна, поверь, – ворчит она, слегка подвигаясь ближе ко мне. – Никогда не помешает немножко поревновать, верно? – Райли смотрит на меня со странным блеском в пьяном взгляде. – Ты когда-нибудь целовалась с девушкой, Тесса?

Шевелятся волосы на голове, и перехватывает дыхание.

– Что?

– Райли, что за... – начинает Хардин, но она перебивает:

– Я просто спросила. Так ты когда-нибудь целовалась?

– Нет.

– А думала когда-нибудь об этом?

Несмотря на опьянение, чувствую, как щеки заливают румянец.

– Я...

– С девушкой это намного круче, честно. Они нежные. – Ее ладонь скользит по моей руке. – Они знают, чего именно ты хочешь... и где.

Хардин тянется и сдергивает ее руку с моей.

– Хватит! – рычит он, и я убираю руку.

Райли взрывается хохотом:

– Извини! Извини! Я не могла устоять, он первый начал. – Она кивает на Хардина, продолжая хохотать, затем останавливается и с улыбкой на него смотрит. – Я тебя уже предупреждала: не шути со мной.

Я выдыхаю, успокоенная тем, что она всего лишь пыталась подколоть Хардина. Я хихикаю, а Хардин выглядит смущенным, злым и... может, даже немного возбужденным.

– Ты платишь по счету, раз уж тебе вздумалось шутить, – говорит он, протягивая длинный чек мимо меня, к Райли.

Она закатывает глаза и тянется к заднему карману, достает карточку и кладет поверх чека. Кэми быстро пробивает ее и возвращается к

отключившемуся парню за стойкой.

Когда мы добираемся до дверей, Райли объявляет:

– Кажется, мы перегнули палку. Лил будет злиться.

Хардин открывает передо мной дверь. Он закрывает ее прямо перед носом Райли, но я останавливаю его строгим взглядом. Хардин смеется и пожимает плечами, как будто не сделал ничего плохого, и я не могу не улыбнуться. Он, конечно, придурок, но это мой придурок.

Ведь так? Не знаю почему, но я ужасно не хочу думать о том, как мы будем возвращаться домой в два часа ночи.

– Она все еще спит? – спрашиваю я Райли.

– Очень на это надеюсь.

Я тоже надеюсь, что у нас тоже все спят. Меньше всего мне хочется, чтобы Кен или Карен видели, как мы, спотыкаясь, заваливаемся в дом.

– Что? Боишься, что она начнет тебя ругать? – насмехается Хардин.

– Нет... То есть да. Не хочу ее расстраивать. Я и так на лезвии ножа.

– Почему? – спрашиваю я.

– Не важно, – обрывает меня Хардин, оставляя Райли думать о своем.

Остаток пути проходит в молчании. Я считаю шаги и иногда смеюсь, вспоминая свои барные танцы.

Когда мы доходим до дома Макса, Райли останавливается.

– Мне было... приятно с вами познакомиться, – говорит она, и я не могу не засмеяться над тем, как забавно она морщится, будто слова кислые на вкус.

– Мне тоже было весело.

На мгновение мне хочется обнять ее, но это было бы неуместно, а Хардину, я полагаю, вообще не понравится.

– Пока! – на ходу бросает Хардин.

Перед самым домом я с удивлением понимаю, как я устала и как я рада, что мы вместе. Болят ноги, а грубая ткань этого дурацкого, неудобного платья раздражает кожу.

– У меня ноги болят, – ною я.

– Иди сюда, я тебя понесу, – предлагает Хардин.

Что? Я хихикаю. Он неуверенно улыбается.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Ты предложил меня понести.

– И что?

– Это на тебя не похоже, вот и все.

Я пожимаю плечами, и он, подойдя ближе и подсунув руку мне под колени, берет меня на руки.

– Захотелось что-нибудь для тебя сделать, Тесса. Не стоит удивляться, что я несу тебя по этой гребаной дороге.

Я молчу, только смеюсь. Меня сотрясает резкий неудержимый смех. Закрываю рот ладонью, но это не помогает.

– Из-за чего ты смеешься? – Его лицо каменеет, становясь серьезным и пугающим.

– Не знаю... Просто смешно.

Мы поднимаемся на крыльцо, и он чуть перехватывает меня, чтобы повернуть ручку двери.

– Тебе смешно, потому что я хочу что-нибудь для тебя сделать?

– Ты готов сделать для меня что угодно, кроме как поехать в Сиэтл, жениться или завести детей? – Даже пьяная, я не потеряла чувство юмора.

– Не начинай, мы слишком пьяны для этого разговора.

– Ааааа! – тяну я, понимая, что он прав.

Хардин кивает головой и поднимается по лестнице.

Я цепляюсь за его шею, и он улыбается, глядя на меня сверху вниз.

– Не урони меня.

Он опускает меня ниже. Я поворачиваюсь и с негромким стоном обвиваю ногами его торс.

– Тихо. Если бы я собирался тебя уронить, – шепчет он, – я бы уже это сделал.

Изображаю на лице ужас. Он злорадно усмехается, и я, наклонив голову, показываю ему язык, кончиком касаясь его носа.

Проклятое виски. В конце коридора зажигается свет, и Хардин спешит к нашей комнате.

– Ты их разбудила, – сообщает он и кладет меня на кровать.

Я расстегиваю туфли, потирая ноющие лодыжки, и сбрасываю на пол ужасную обувь.

– Это ты виноват! – Я прохожу мимо него и открываю шкаф в поисках чего-нибудь удобного для сна. – Это платье меня убивает! – восклицаю я, потянувшись рукой за спину, чтобы его расстегнуть. Это было гораздо проще сделать, когда я была трезва.

– Вот. – Хардин встает позади меня и кладет мою руку на застежку молнии.

– Какого черта?

– Что?

Его пальцы скользят по моей коже, отчего пробегают мурашки.

– У тебя кожа покраснела от этого платья. – Он прикасается к моим лопаткам и стягивает ткань вниз, пока платье не падает на пол.

– Оно ужасно неудобное, – жалуясь я.

– Я вижу. – Он обшаривает меня голодным взглядом. – Ничто не заставляет твою кожу так краснеть. Разве что я.

Я вздыхаю. Он пьян, игрив, и в его глазах отражается именно то, что он думает.

– Иди сюда.

Он подходит ко мне совсем близко. Он полностью одет, а на мне только лифчик и трусы.

Я качаю головой:

– Нет...

Я знаю, что должна ему что-то сказать, но не могу вспомнить что. Когда он так смотрит, я едва могу вспомнить, как меня зовут.

– Да, – отчеканивает он, и я делаю шаг назад.

– Я не стану заниматься сексом с тобой.

Он хватает меня за руку, а другой рукой берет меня за волосы, осторожно натягивая их так, что я вынуждена смотреть ему в глаза. Я чувствую его дыхание на своем лице, наши губы – в сантиметрах друг от друга.

– Это почему еще? – спрашивает он.

– Потому что... – Мозг судорожно ищет ответ, а подсознание умоляет его сорвать с меня оставшуюся одежду. – Потому что ты меня рассердил.

– Ну и что? Ты меня тоже рассердила.

Его губы касаются моей кожи, двигаясь вдоль подбородка. Колени мои слабеют, сознание затуманивается.

Наморщив лоб, я спрашиваю:

– А ты почему рассердился? Я ничего не сделала!

В животе у меня потягивает, когда его руки перемещаются мне на задницу, медленно сжимая ягодицы.

– Твоего маленького шоу в баре было достаточно, чтобы отправить меня на хрен в сумасшедший дом, не говоря уже о том, что ты болталась по городу с этим долбаным официантом; ты унизила меня перед всеми, оставшись с ним. – Его тон становится угрожающим, но мягкие губы продолжают двигаться вниз по шее. – Я так сильно хочу тебя, как тогда, в этом чертовом баре. После того, как я увидел, как ты танцуешь, я хотел взять тебя в туалете и трахнуть, прижав к стене. – Он прижимается ко мне, и я чувствую его твердый член.

Как бы я его ни хотела, я не могу позволить ему свалить все на меня.

– Ты... – Я закрываю глаза, наслаждаясь прикосновением его рук и губ. – Ты один... – Я даже не могу сформулировать связное предложение,

не говоря уже о том, чтобы произнести. – Остановись.

Хватаю его за руки, чтобы освободиться от объятий. Глаза Хардина вспыхивают, и руки бессильно опускаются по швам.

– Ты меня не хочешь?

– Конечно, я хочу. Я всегда хочу. Я просто... Наверное, я схожу с ума.

– Может, ты сойдешь с ума завтра? – злобно усмехается он.

– Я уже сошла. Мне нужно...

– Тсс!

Он прижимается губами к моим в жестком поцелуе. Губы мои раскрываются, и он проникает между ними, снова натягивая волосы, погружая язык в мой рот, прижимаясь так близко, как это возможно.

– Обними меня, – требует он, хватая меня за руки.

Мне не нужно повторять дважды; я хочу этого так же, как и он. Мы всегда так поступаем, это совершенно неправильный способ, но он не кажется нам таковым, когда все происходит как сейчас.

Я нашариваю пуговицы его рубашки, и он, нетерпеливо постанывая, обеими руками ослабляет воротник, и я их расстегиваю.

– Мне нравится твоя рубашка, – говорю я, не переставая целоваться, и он улыбается.

– Я ее терпеть не могу.

Я сдергиваю ткань с его плеч, и она падает на пол. Язык Хардина медленно движется у меня во рту, и я таю от этого грубого, но невероятно сладкого поцелуя. Я чувствую его гнев и раздражение, но он делает все возможное, чтобы скрыть их. Он всегда скрывает свои настоящие чувства.

– Я знаю, ты скоро от меня уедешь, – говорит он, снова целуя меня в шею.

– Что? – Я удивленно отклоняюсь назад.

Мое сердце стонет, а виски заставляет меня сильнее чувствовать его переживания. Я люблю его, я так сильно люблю его, но он заставляет меня чувствовать себя слабой и уязвимой. Как только я позволяю себе поверить, что он взволнован, печален или расстроен, я уже не могу чувствовать себя как раньше, сосредоточиваюсь на нем, а не на себе и на том, что мне нужно.

– Я так люблю тебя, – шепчет он, медленно проводя большим пальцем по моим губам.

Его голая грудь и живот прекрасно смотрятся с джинсами, и я чувствую, что уже полностью в его власти.

– Хардин, что...

– Давай поговорим позже, я хочу тебя.

Он ведет меня к кровати. Стараюсь не обращать внимания на призывы разума остановиться. Я этого не могу. У меня нет сил, чтобы остановить себя, когда его грубые руки ложатся на мои бедра, толчком раздвигая их, когда он дразнит меня, проводя указательным пальцем по моим трусикам.

– Презерватив! – задыхаясь, напоминаю я, и наши взгляды встречаются.

– Что, если мы не будем его использовать? Если я кончу в тебя, ты не будешь...

Но он прерывается, и я рада этому. Не думаю, что я готова к тому, что он собирался сказать. Он встает на ноги и идет к чемодану, который лежит на полу. Утыкаюсь в потолок и пытаюсь разобраться в своих пьяных мыслях. Действительно ли мне нужно в Сиэтл? Так ли он важен для меня, что я готова потерять Хардина? Боль, которая возникает во мне от этой мысли, почти невыносима.

– Да ты надо мной издеваешься! – внезапно произносит он. Когда я сажусь, он таращится на маленький клочок бумаги в своей руке. – Что это за хрень? – спрашивает он, глядя на меня.

– Какая?

Я смотрю на пол. Платье комком лежит на полу рядом с туфлями. Сначала я ничего не понимаю, но потом вижу, что рядом валяется мой лифчик. Вот черт! Быстро вскакиваю и пытаюсь выхватить у него бумажку.

– Не придуривайся! Ты что, взяла у него номер?

Хардин вытягивается, держа листочек над головой, так что у меня нет ни малейшего шанса до него дотянуться.

– Ты все не так понял! Я была зла, а он...

– Ерунда! – орет он.

Опять. Узнаю этот взгляд. До сих пор помню, как впервые увидела на его лице это выражение. Он громил мебель в доме своего отца, и именно так исказилось его лицо, когда я его увидела.

– Хардин...

– Иди! Звони ему! Пусть он тебя трахнет, потому что мне это уже на хрен не надо!

– Ты слишком остро реагируешь, – замечаю я, слишком пьяная, чтобы вступать с ним в перепалку.

– Остро реагирую? Да я только что нашел номер другого парня у тебя в одежде! – шипит он сквозь зубы, сжав челюсти от досады.

– Ты тоже не ангел, – отвечаю я, а он ходит взад-вперед. – Если ты собираешься на меня орать – побереги глотку, я устала скандалить с тобой каждый день, – говорю я со вздохом.

Он сердито тычет в меня пальцем.

– Конечно, устала! Потому что ты постоянно выводишь меня из себя; я из-за тебя так себя веду, и ты это знаешь!

– Нет! Это не так. – Я стараюсь говорить тише. – Ты не можешь во всем обвинять меня. Мы оба совершаем ошибки.

– Нет, это ты делаешь ошибки. Тонны гребаных ошибок! Я устал от этого. – Он проводит рукой по волосам. – Ты думаешь, я хочу себя так вести? Ни хрена! Ты меня вынуждаешь!

Я сохраняю спокойствие.

– Давай плачь, – издевательски требует он.

– Я не собираюсь плакать.

Его глаза расширяются.

– Ну и ну! Сюрприз так сюрприз! – Он аплодирует мне самым унижительным образом.

Я смеюсь. Это его останавливает.

– Чему ты смеешься? – Он смотрит на меня в упор. – Отвечай!

Я качаю головой.

– Ты облажался. Ты колоссально облажался.

– А ты эгоистичная сука! Что скажешь?

Он вскакивает, и я резко перестаю смеяться. Затем молча встаю с кровати, хватаю из шкафа футболку и шорты и под его взглядом торопливо натягиваю их.

– Куда это ты собралась? – спрашивает он.

– Оставь меня!

– Нет, иди сюда. – Он приближается ко мне, и я ужасно хочу дать ему пощечину, но я знаю, что он меня остановит.

– Отстань от меня! – Я вырываю руку. – С меня хватит метаний! Я устала и совершенно опустошена. Ты меня не любишь, ты просто хочешь обладать мной, а я тебе этого не позволю, – говорю я, глядя в его зеленые глаза. – Ты болен, Хардин, и я не могу тебе помочь.

Лицо каменеет от осознания того, что он наделал, и с него исчезают все эмоции. Плечи опускаются, из глаз исчезает блеск, и когда он смотрит на меня, я вижу только два своих отражения. Мне нечего больше сказать, а ему нечего больше ломать внутри меня, – и когда он наконец это понимает, с его лица сходят все краски.

Глава 50

Тесса

Лэндон открывает дверь, протирая глаза. Он полуодет, на нем одни клетчатые штаны.

– Можно я посплю у тебя? – спрашиваю я, и он сонно кивает, не задавая никаких вопросов. – Прости, что разбудила.

– Все нормально, – бормочет он и ковыляет обратно к кровати. – Вот, ты можешь лечь на другую половину.

Лэндон передает мне высокую белую подушку. Улыбаясь, я прижимаю ее к себе и сажусь на край кровати.

– Вот за это я тебя и люблю. То есть не только поэтому, но и за это тоже.

– За то, что я дал тебе самую лучшую подушку? – Улыбка полусонного Лэндона еще более очаровательна.

– Нет. За то, что ты всегда помогаешь мне... И у тебя есть мягкие подушки.

Я так медленно говорю, когда я пьяная... даже странно.

Лэндон ложится на спину. Сдвигается к краю кровати, чтобы освободить мне побольше места.

– Он тоже собирается сюда прийти? – спрашивает он.

– Не думаю.

На мгновение шутка Лэндона и его мягкие подушки исчезают за стеной боли от слов, которыми мы с Хардином обменялись несколько минут назад.

Ложусь на свою половину и смотрю на Лэндона.

– Помнишь, ты сказал, что он еще не безнадежен? – шепчу я.

– Да.

– Ты действительно в это веришь?

– Да, конечно... – Он делает паузу. – Если он не натворил что-то еще.

– Нет, но... на самом деле ничего нового. Просто я не знаю, что еще делать. Мы постоянно возвращаемся к исходной точке. Каждый раз, когда я думаю, что мы делаем успехи, он становится тем же Хардином, которого я встретила полгода назад. Он называет меня эгоистичной сукой или говорит, что не любит меня, – и я знаю, что он так не думает. Но каждое новое

оскорбление давит на меня немного сильнее, чем раньше. И начинаю думать, что он такой от природы. Он не может измениться.

Лэндон задумчиво смотрит на меня, прежде чем ответить:

– Он назвал тебя сукой? Сегодня?

Я киваю, и он тяжело вздыхает, потирая рукой лицо.

– Я тоже наговорила ему всякого. – Я икаю. Завтра тяжелое сочетание вина и виски даст о себе знать.

– Он не должен тебя так называть – он мужчина, а ты женщина, это всегда плохо, Тесса. Так что, пожалуйста, не оправдывай его.

– Я не оправдываю... Просто... – Я вздыхаю, понимая, что все-таки пытаюсь оправдать Хардина. – Думаю, что все это из-за Сиэтла. Он сделал для меня татуировку, говорил, что не может жить без меня, а потом сказал, что возвращается ко мне, просто чтобы потрахаться. О черт! Извини, Лэндон! – Прячу лицо в ладонях.

Не могу поверить, что я это ему сказала.

– Все нормально, ты же просто ловила рыбу в джакузи своими трусами, помнишь? – усмехается он, снимая напряжение.

Надеюсь, что в комнате достаточно темно, чтобы не было видно, как я краснею.

– Эта поездка стала катастрофой. – Я прижимаюсь головой к прохладной подушке.

– Может быть, и нет. Может быть, это то, что необходимо вам обоим.

– Чтобы расстаться?

– Нет... А что, это уже произошло? – Он поворачивает ко мне голову.

– Я не знаю. – Я прячу лицо в подушке.

– Ты этого хочешь? – деликатно спрашивает он.

– Нет, но, кажется, я должна этого хотеть. Неправильно, если это так и будет продолжаться из дня в день. Может, я и сама не ангел, я всегда ждала от него слишком многого.

Это у меня от матери. Она тоже ждет от всех слишком многого.

Лэндон недолго ворочается.

– Нет ничего плохого в том, чтобы ждать от него чего-то, особенно если это что-то разумно, – отвечает он. – Он должен понять, чем владеет. Ты лучшее, что у него когда-либо было, и он это понимает.

– Он сказал, что это я виновата... в том, что он такой. Я хочу только, чтобы он относился ко мне по-доброму, по крайней мере иногда. Хочу уверенности в наших отношениях, вот и все. Хотя все это глупо, – говорю я дрожащим голосом, все еще ощущая привкус виски и мяты на своем языке. – А ты бы поехал в Сиэтл на моем месте? Мне кажется иногда, что я

должна просто забыть о нем и остаться здесь или уехать с ним в Англию. Если он ведет себя так, потому что я собираюсь в Сиэтл, может быть, мне стоит...

– Ты не можешь не поехать в Сиэтл, – перебивает меня Лэндон. – Ты мечтала об этом с того дня, как я тебя встретил. Если Хардин не поедет с тобой, то это его ошибка. Кроме того, я бы дал ему еще неделю после отъезда, чтобы он возник на твоём пороге. В этом ты не можешь отступить; он должен знать, что на этот раз ты настроена серьезно. Ты должна дать ему поскучать по тебе.

Улыбаюсь, вообразив Хардина с лилиями в руках: он появляется через неделю после моего отъезда и отчаянно просит у меня прощения.

– У меня еще даже нет порога, на котором ему нужно появиться.

– Это его рук дело? В этом причина, что та женщина тебе не перезванивает?

– Да.

– Я так и знал. Риелторы всегда отвечают на звонки. Ты должна ехать. Кен поможет тебе найти место, где остановиться, пока ты не подберешь себе постоянное жилье.

– А что делать, если он все-таки не приедет? Или еще хуже, если он приедет, но еще злее, чем сейчас, потому что ненавидит Сиэтл?

– Тесса, я это сказал, потому что желаю тебе добра, понимаешь? – Он ждет моего ответа, и я киваю. – Только псих откажется от Сиэтла ради того, кто любит тебя больше всего на свете, но при этом готов уделять тебе только половину своего времени.

Вспоминаю слова Хардина, что я постоянно ошибаюсь и заставляю его вести себя так, как он.

– Ты думаешь, без меня он был бы лучше?

Приподнявшись, Лэндон отвечает:

– Нет, черт возьми, нет! Но я полагаю, что ты не говоришь мне и половины тех гадостей, что вываливает на тебя он, и, может быть, это действительно не сработает.

Он протягивает руку и легко пожимает мне ладонь. Уговариваю себя, что я пьяная и не замечаю, что Лэндон, один из немногих людей, кто действительно верил в мои отношения с Хардином, только что поднял белый флаг.

– Завтра мне будет ужасно плохо, – сообщаю, чтобы сменить тему, прежде чем нарушить данное самой себе обещание не плакать.

– Да уж, – подтверждает он. – От тебя пахнет, как из винной лавки.

– Я встретила подругу Лилиан, она угостила меня виски. Да, и я

танцевала на барной стойке.

Он радостно охает.

– Не может быть!

– Может! Это было очень глупо. Это идея Райли.

– Она... интересная, – улыбается Лэндон и, кажется, заметив, что продолжает гладить мою ладонь, отдергивает руку и прячет ее под голову.

– Она женский вариант Хардина, – смеюсь я.

– Вот как? Неудивительно, что она ее так раздражает, – подхватывает он мой смех.

И в этот момент у меня появляется шальная мысль, от которой я поворачиваюсь к двери, ожидая увидеть там Хардина, который с мрачным видом слушает шутливое оскорбление Лэндона.

– Благодаря тебе я могу обо всем забыть, – говорю я не подумав.

– Ну, я рад.

Мой лучший друг улыбается и берет одеяло, лежащее в ногах. Он закрывает нас обоих, и веки мои слипаются.

Минута проходит в тишине. В голове крутятся мысли, хотя меня клонит в сон. Дыхание Лэндона выравнивается. С закрытыми глазами представляю себе, что рядом лежит Хардин, иначе мне не успокоиться. Перед тем как наконец провалиться в сон, вижу перед собой злобного Хардина и слышу его оскорбление: «Ты эгоистичная сука».

– НЕТ!

Рывком просыпаюсь от крика Хардина. Я не сразу вспоминаю, что нахожусь в комнате Лэндона и что Хардин спит в другой комнате один.

– Отстань от нее! – эхом разносится по коридору.

Выскакиваю из кровати и оказываюсь в дверях, прежде чем эхо успевает замолкнуть.

«Ты не можешь отступить, он должен знать, что на этот раз ты настроена серьезно. Ты должна дать ему поскучать по себе».

Если я брошусь в его комнату, то я прощу ему все. Я увижу его слабость и страх и скажу ему то, что он хочет услышать, чтобы утешить.

Скрепя сердце возвращаюсь к кровати. Опускаю голову на подушку, и тут по дому разносится новое «НЕТ!».

– Тесса... Ты... – шепчет Лэндон.

– Нет, – отвечаю я срывающимся голосом.

Я кусаю край подушки и не сдерживаю собственного обещания – плачу. Не из-за себя, из-за Хардина. Мальчика, не знающего, как вести себя с теми, кто его любит, которому снятся кошмары, когда я не сплю с ним в одной постели, но утверждающего, что не любит меня. Мальчика, которому

действительно нужно напомнить, что значит быть одному.

Глава 51

Хардин

Они не хотят, не желают перестать ее лапать. Его грязные, потные руки хватают ее бедра, она стонет, а второй, схватив ее волосы в кулак, резко запрокидывает голову назад.

– Оставьте ее! – пытаюсь крикнуть я, но они меня не слышат.

Я пытаюсь пошевелиться, но не могу сдвинуться с места, замираю на лестнице, как тогда, в детстве. Ее серо-голубые глаза распахнуты, в них ужас, она безжизненно смотрит на меня, а на щеке у нее багровеет кровоподтек.

– Ты меня не любишь, – шепчет она.

С горящим взглядом она протягивает руку и обнимает меня за шею.

Что?

– Нет, нет! Я люблю тебя, Тесс! – кричу я, но она не слушает.

Она качает головой, а один из них хватает ее еще крепче и раздвигает ей ноги.

– Нет! – последний раз кричу я, прежде чем она начинает растворяться, исчезать из поля в воздухе.

– Ты меня не любишь...

Ее глаза полны боли, но я не могу ничего сделать, чтобы помочь ей.

– Тесс!

Я шарю руками по кровати, пытаюсь найти ее. Как только я прикоснусь к ней, паника исчезнет, и вместе с ней пропадут образы проклятых рук, давящих ее шею.

Ее здесь нет.

Она не вернется. Сажусь, включаю ночник и оглядываю комнату. Мое сердце стучит в груди, как молот, я весь в поту.

Легкий стук заставляет меня задержать дыхание, и со скрипом дверь открывается. Тесса, пожалуйста...

– Хардин? – раздается мягкий голос Карен. Твою мать!

– Все в порядке, – резко отвечаю я, и она приоткрывает дверь.

– Если тебе что-нибудь нужно, ты скажи мне...

– Я же сказал, твою мать, что все в порядке!

Я смахиваю с тумбочки лампу, и она с отвратительным грохотом

хлопается на пол.

Карен молча выходит из комнаты, закрыв за собой дверь, и я остаюсь в темноте.

Тесса сидит, опустив голову на стол, подложив под нее скрещенные руки. Она все еще в пижаме, ее волосы забраны в пучок на макушке.

– Мне нужно принять таблетку тайленола и попить воды, – стонет она.

Лэндон сидит рядом с ней и жует кукурузные хлопья.

– Я тебе принесу. Как только мы погрузим вещи в машину, то сразу же уедем, хотя Кен еще в постели. Он плохо спал этой ночью, – говорит Карен.

Тесса смотрит на нее, но молчит. Я знаю, что она думает о том, слышали ли они, как она кричала, как жалкая сучка. Карен открывает ящик и достает пачку таблеток. Смотрю на них, ожидая, что кто-нибудь из этой троицы обратит на меня внимание. Но никто на меня не смотрит.

– Пойду собираться; большое спасибо за тайленол, – мягко говорит Тесса и поднимается.

Она быстро запивает таблетку. Когда она ставит стакан обратно на стол, наши взгляды встречаются, но Тесса быстро отворачивается.

Всего одна ночь без нее, а я уже так сильно по ней скучаю. Я не могу забыть навязчивые образы из кошмара, особенно когда она равнодушно проходит мимо меня. Никаких признаков того, что мы с ней помиримся. Сон становится реальностью, она уже охладела ко мне.

На мгновение застываю, раздумывая, пойти ли за ней, но ноги решают за меня. Поднимаюсь по лестнице, захожу в комнату. Она стоит на коленях возле открытого чемодана.

– Как только я все упакую, мы можем ехать, – говорит она, не оборачиваясь.

Я киваю, но понимаю, что она не может этого увидеть.

– Да, хорошо, – бормочу я.

Я не знаю, о чем она думает, что чувствует и что я должен ей сказать. Я, как обычно, стою, как бесчувственный чурбан.

– Мне очень жаль, – чересчур громко произношу я.

– Я знаю, – быстро отвечает она и, по-прежнему не поворачиваясь ко мне, продолжает складывать свою одежду с пола и из шкафа.

– Мне правда очень жаль. Я не хотел этого говорить. – Мне очень нужно, чтобы она посмотрела на меня, чтобы убедиться, что это был всего лишь кошмар.

– Я знаю, что ты не хотел. Все нормально, – вздыхает она, и я вижу, что ее плечи опускаются еще ниже.

– Знаешь... я наговорил тебе много всякого.

«Ты болен, Хардин, и я не могу тебе помочь» – это худшее, что она могла сказать. Она понимает, что я облажался. И, что еще важнее, она понимает, что меня никак не исправить. Никто не может мне помочь, кроме нее.

– Я тоже. У меня очень болит голова. Мы можем поговорить в другой раз?

– Конечно.

Я пинаю осколок лампы, которую разбил прошлой ночью. Я должен купить отцу и Карен по крайней мере пять этих чертовых ламп. Чувствую легкую вину за то, что наорал ночью на Карен, но я не хочу заговаривать об этом первым, а она, вероятно, слишком вежлива, чтобы напоминать мне.

– Пожалуйста, заberi свои вещи из ванной, – просит Тесса.

Оставшееся время в этом чертовом доме я провожу, наблюдая, как Тесса упаковывает вещи и собирает осколки. Она молчит и даже не смотрит на меня.

Глава 52

Тесса

– Я так рада, что мы увиделись с Максом и Дэнис, – столько лет, столько зим! – восклицает Карен.

Кен заводит свой внедорожник. Вещи уже в багажнике, и я одолжила у Лэндона наушники, чтобы отвлечься на время поездки.

– Да, было здорово. Лилиан так выросла, – отвечает Кен, сдержанно улыбаясь.

– Да. Она такая красивая девушка.

Не удержавшись, закатываю глаза. Лилиан, конечно, замечательная, но после нескольких часов, проведенных в заблуждении, что она интересуется Хардином, я не уверена, что захочу с ней увидеться вновь. Слава богу, мои шансы на новую встречу с ней весьма невелики.

– А Макс совсем не изменился, – тихо замечает Кен неодобрительным тоном.

По крайней мере, я не единственная, кого покорило его высокомерие.

– Тебе уже лучше? – спрашивает меня Лэндон, оборачиваясь.

– Не совсем, – вздыхаю я.

Он кивает.

– Ты можешь поспать, пока мы едем? Хочешь бутылку воды?

– Я сам могу подать, – встревает Хардин.

Не обращая на него внимания, Лэндон достает воду из небольшого холодильника на полу. Тихо благодарю его и вставляю в уши наушники. Мой телефон несколько раз зависает, и я включаю и выключаю его, надеясь, что он заработает. Это будет ужасная поездка, если я не смогу заглушить напряжение музыкой. Не понимаю, почему я никогда не делала так раньше, во время «великой депрессии», хотя Лэндон показывал мне, как скачивать музыку. Чуть улыбаюсь смешному названию, которое я дала долгому периоду без Хардина. Не знаю, почему я улыбаюсь, учитывая, что это были худшие дни в моей жизни. Нечто подобное я ощущаю и сейчас. И этот период наверняка повторится.

– Что случилось? – спрашивает Хардин, наклоняясь к моему уху, и я рефлексивно дергаюсь.

Он хмурится, но больше не делает попыток прикоснуться ко мне.

– Ничего, просто мой телефон... барахло. – Я подбрасываю мобильник в руках.

– А что конкретно ты пытаешься сделать?

– Послушать музыку и, может быть, поспать.

Он берет мобильник у меня из рук и копается в настройках.

– Если бы ты меня послушала и купила новый телефон, все было бы нормально, – ворчит он.

Не отвечаю и все время, пока он пытается наладить мой телефон, пялюсь в окно. Я не хочу новую трубку, к тому же сейчас у меня все равно нет денег. Мне нужно найти квартиру, купить новую мебель, платить по счетам. Последнее, о чем я думаю, это выкинуть сотню долларов на то, за что я недавно уже заплатила.

– Теперь, кажется, должно работать. Если нет, можешь просто взять мой, – сообщает Хардин.

Взять его телефон? Хардин добровольно мне предлагает воспользоваться своим мобильником? Это что-то новенькое.

– Спасибо, – бормочу я и прокручиваю список композиций на своем телефоне в поисках подходящей.

Вскоре музыка заполняет мои уши, проникает в мысли, заглушает внутренний хаос. Хардин прислоняется лбом к стеклу и закрывает глаза. Темные подглазники свидетельствуют о том, что его мучила бессонница. На меня накатывает волна вины, но я ее заглушаю. Через несколько минут под успокаивающими звуками закрываю глаза.

– Тесса! – Меня будит голос Хардина. – Есть хочешь?

– Нет, – отвечаю я, не желая поднимать веки.

– У тебя похмелье. Ты должна поесть.

Внезапно понимаю, что мне совершенно необходимо немедленно что-нибудь проглотить.

– Хорошо, – сдаюсь я; у меня все равно нет сил на пререкания.

Через несколько минут у меня на коленях оказываются сэндвич и картошка фри, и я открываю глаза. Съев половину, я откидываюсь назад, но телефон снова зависает. Увидев, как я с ним борюсь, Хардин вынимает наушники из моего телефона и подключает к своему.

– Вот.

– Спасибо.

Он уже открыл музыкальное приложение. На экране появляется длинный список песен, и я прокручиваю его, пытаюсь найти что-нибудь знакомое. Почти сдаюсь, но вдруг натыкаюсь на папку «Т». Я смотрю на

Хардина, но, к моему удивлению, он сидит с закрытыми глазами и не следит за мной. Открываю папку – и там оказывается вся моя любимая музыка, даже те песни, которые я никогда не упоминала. Наверное, он видел их, когда копался в моем телефоне.

Такие вещи заставляют меня задуматься. Маленькие знаки внимания, которые он делает не напоказ, я люблю больше всего. Я хочу, чтобы он перестал их скрывать.

Меня кто-то осторожно трясет, на этот раз это Карен.

– Просыпайся, дорогая.

Открываю глаза и вижу спящего Хардина. Его рука вытянута на сиденье между нами, и пальцы слегка касаются моей ноги. Даже во сне он тянется ко мне.

– Хардин, просыпайся, – шепчу я.

Хардин открывает глаза и настороженно смотрит. Он трет веки, чешет затылок и смотрит на меня, пытаясь оценить выражение моего лица.

– С тобой все хорошо? – тихо спрашивает он, и я киваю.

Я пытаюсь избежать любой конфронтации, но его спокойствие заставляет меня волноваться. Как правило, это предвестник бури. Мы вылезаем из машины, и Хардин идет к багажнику, чтобы достать наши сумки. Карен крепко обнимает меня.

– Тесса, дорогая, еще раз спасибо тебе. Мы прекрасно провели время. Пожалуйста, приезжай поскорее, как только покоришь Сиэтл.

Когда она отпускает меня, глаза ее полны слез.

– Я скоро приеду, обещаю.

Мы снова обнимаемся. Она всегда была так добра и поддерживала меня больше, чем родная мать.

– Удачи, Тесса, и дай мне знать, если тебе что-нибудь потребуется. У меня в Сиэтле много связей, – улыбается Кен и неловко обнимает меня.

– Я увижусь с тобой до того, как уеду в Нью-Йорк, так что пока никаких объятий, – говорит Лэндон, и мы оба смеемся.

– Я буду в машине, – бормочет Хардин и уходит, даже не попрощавшись с семьей.

Глядя ему вслед, Кен говорит мне:

– Он придет, когда поймет, что ему действительно нужно.

Я гляжу на Хардина, который садится в машину.

– Надеюсь.

– Ему не нужно возвращаться в Англию. Там у него слишком много воспоминаний, слишком много врагов и слишком много ошибок. Ему нужна ты, ты и Сиэтл, – уверяет Кен, и я киваю.

Если бы только Хардин думал так же!

– Еще раз спасибо!

Я улыбаюсь им и ухожу к машине Хардина.

Когда я залезаю, он молчит, только включает радио погромче, показывая, что не хочет разговаривать. Если бы я могла знать, что происходит в его голове в такие минуты, когда он становится непроницаем! Тереблю браслет, который он подарил мне на Рождество, и смотрю в окно.

Когда мы подъезжаем к нашему дому, напряжение возрастает до невыносимого уровня. Это сводит меня с ума, но он, кажется, ничего не замечает. Я порываюсь, но Хардин движением руки останавливает меня. Другой рукой он берет меня за подбородок и поворачивает к себе.

– Прости. Пожалуйста, не сердись на меня, – говорит он тихо, при этом его губы двигаются в нескольких сантиметрах от моих.

– Хорошо.

Я вдыхаю мятный аромат его губ.

– Ты сердишься. Я вижу. Ты избегаешь меня, и мне это не нравится.

Он прав и всегда точно знает, о чем я думаю, и в то же время ничего не понимает. Это противоречие сбивает с толку.

– Я не хочу с тобой ругаться.

– Так не ругайся, – говорит он, как будто это так просто.

– Я не хотела, но так получилось во время нашей поездки. Я до сих пор пытаюсь осознать все это, – признаюсь я.

Все началось с того, что я узнала, что Хардин мешал мне снять квартиру, а закончилось тем, что он назвал меня эгоистичной сукой.

– Я знаю, что испортил тебе поездку.

– Дело не только в тебе. Мне не стоило проводить время с...

– Не продолжай, – прерывает он, убирая руку. – Я не хочу об этом слышать.

– Хорошо. – Я внимательно смотрю ему в глаза, и он осторожно сжимает мне руку.

– Иногда я... Ну, в общем, я... блин. – Он вздыхает. – Когда я думаю о нас, я становлюсь параноиком, понимаешь? Когда я не знаю, что между нами происходит, мне начинает казаться, что все плохо и я тебя теряю, и вот тогда я начинаю нести всякий бред. Если бы ты могла забыть о Сиэтле, мы стали бы наконец счастливы, и никаких больше причуд.

– Сиэтл не причуда, Хардин, – отвечаю я тихо.

– Так и есть. Ты только что это подтвердила, пытаюсь настаивать на своем.

Удивительно, как его голос способен менять интонацию от теплой до

ледяной всего за несколько секунд!

Смотрю в окно.

– Может быть, мы прекратим уже говорить о Сиэтле, пожалуйста? Ничего ведь не меняется: ты не хочешь менять решение, я тоже. Меня уже тошнит от этого замкнутого круга.

Он берет меня за руку, и я поворачиваюсь.

– Ладно, что ты предлагаешь? Поедешь в Сиэтл без меня? И сколько же мы не будем видеться? Неделю? Месяц?

От его ледяного взгляда меня пробирает озноб.

– Мы можем попробовать, если действительно хотим. По крайней мере, на то время, пока я не пойму, действительно ли работа в Сиэтле – это то, чего я хочу. Если я ошиблась, мы можем поехать в Англию.

– Нет, нет и еще раз нет, – говорит он, пожимая плечами. – Если ты уедешь туда, мы вообще перестанем быть вместе.

– Почему? С какой стати? – Я подыскиваю слова, чтобы убедить его.

– Потому что я не представляю отношений на расстоянии.

– Ты еще и когда-то «ни с кем не встречался», помнишь? – напоминаю я.

Меня бесит, что приходится умолять его сохранить отношения вместо того, чтобы бросить его за его поведение в последнее время.

– Посмотрим еще, как пойдет, – цинично бросает он.

– Буквально две минуты назад ты умолял меня простить твои вспышки, а теперь угрожаешь окончательным расставанием, если я поеду в Сиэтл без тебя? – Когда он медленно кивает, я ахаю. – Тогда давай уж поставим вопрос ребром: если я не поеду, ты женишься на мне, а если поеду, мы расстаемся?

Я не собиралась упоминать о браке, но эти слова вырвались сами собой.

– Жениться на тебе? – Его рот изумленно раскрывается, а глаза прищуриваются. Я знала, что не стоит об этом говорить. – Что...

– Ты сказал, что если я выберу тебя, ты женишься на мне. Знаю, ты был пьян, но я подумала, может...

– Что ты подумала? Что я и вправду женюсь?

На этом месте в машине становится нечем дышать, я с трудом заставляю себя проталкивать в легкие воздух. С каждой секундой пауза становится тягостней. Нет, я не стану плакать перед этим парнем!

– Я знала, что ты не хочешь, просто...

– Тогда зачем ты об этом сказала? Ты же знаешь, я был пьян и так хотел, чтобы ты осталась, что ляпнул это.

Мое сердце разрывается от этих слов, от презрения, звучащего в его голосе. Значит, он обвиняет меня в том, что я поверила в ту чушь, которую он сам и наболтал. Я знала, что его реакция будет унижительна, но та часть меня, что все еще верила в его любовь, заставляла считать, что он предлагал мне выйти замуж серьезно.

Дежавю. Когда-то я уже сидела вот так, в машине, а он обманул и посмеялся надо мной, думающей, что мы с ним теперь встречаемся. Разница только в том, что сейчас мне намного больнее, чем тогда, настолько, что хочется кричать.

Но я не издаю ни звука. Сажу тихо и кротко, как всегда, когда Хардин так поступает.

– Я тебя люблю. Я люблю тебя больше всего на свете, Тесса, и я не хотел тебя обидеть, хорошо?

– Тем не менее у тебя это прекрасно получилось, – отвечаю я, закусывая щеку изнутри, чтобы сдержать слезы. – Я пойду в дом.

Он вздыхает и открывает дверь машины, а я открываю свою. Он идет к багажнику за сумками. Я бы предложила помощь, но действительно не чувствую никакого желания общаться с ним, к тому же он все равно настоит на своем и понесет их сам. Потому что больше всего Хардин хочет быть сам по себе.

В полном молчании мы проходим через вестибюль, и единственное, что слышно, – это шорох тросов и двигателя лифта. Когда мы доходим до квартиры, Хардин вставляет ключ в замок и спрашивает меня:

– Мы что, забыли закрыть дверь?

Сначала я не понимаю, о чем он, но потом, сообразив, отвечаю:

– Нет, ты запер. Я помню.

Я видела, как он поворачивал ключ, когда мы уходили. Помню, как он, закатив глаза, пошутил, что я долго копалась.

– Странно, – говорит он, заходит и обшаривает комнату глазами, словно что-то ищет.

– Ты думаешь... – начинаю я.

– Здесь кто-то был, – отвечает Хардин, мгновенно напрягшись, и сжимает рот в тонкую линию.

Я начинаю нервничать.

– Ты уверен? Не похоже, что что-то пропало. – Я иду по коридору, но Хардин резко тянет меня назад.

– Не ходи туда, пока я не посмотрю, – командует он.

Я хочу сказать, чтобы он стоял на месте, а посмотрю я, но это глупо. В самом деле: странная идея, что мне нужно защитить его, в то время когда

он должен защищать меня. Я киваю, по спине у меня бежит холодок. Что, если там действительно кто-то есть? Кто-то проник в нашу квартиру, пока нас не было, но не украл гигантский телевизор с плоским экраном, который все еще висит на стене в гостиной?

Хардин исчезает в спальне, и я задерживаю дыхание, пока не раздастся его голос:

– Все чисто.

Он выходит из спальни, и я с облегчением вздыхаю.

– Ты уверен, что тут кто-то был?

– Да, но я не понимаю, почему они ничего не взяли...

– Я тоже.

Осматриваю комнату и замечаю кое-какие изменения. Небольшая стопка книг на тумбочке рядом с кроватью сдвинута. Бросается в глаза верхняя книга, которую я посоветовала Хардину; я улыбкой вспоминаю, что он несколько раз ее перечитывал.

– Это твой долбаный папаша! – орет Хардин.

– Что? – Честно говоря, я уже думала об этом, но не произносила вслух.

– Наверняка это он! Кто еще мог, зная, что мы уехали, прийти в наш дом, но ничего не украсть? Только этот пьяный тупой ублюдок!

– Хардин!

– Звони ему! Прямо сейчас!

Я тянусь к телефону в заднем кармане, но останавливаюсь.

– У него нет телефона.

Хардин так взмахивает руками, словно это худшее, что он в жизни слышал.

– Ах да. Конечно, нет. Он же паршивый бомж и нищеврод.

– Перестань! – всхлипываю я. – Ты не можешь говорить так о нем при мне просто потому, что считаешь, что это он приходил.

– Ладно. – Он опускает руки. – Давай найдем его.

Я подхожу к городскому телефону.

– Нет. Нам нужно просто позвонить в полицию и сообщить об этом, а не гоняться за моим отцом.

– И что ты скажешь полиции? Что твой наркоман-папаша вломился в нашу квартиру, но ничего не украл?

Я останавливаюсь как вкопанная и поворачиваюсь к Хардину лицом. Я практически ощущаю, как пылают мои глаза.

– Наркоман?

Он быстро моргает и делает шаг ко мне.

– Я имел в виду пьяница... – говорит он, не глядя в глаза.

Он врет.

– Скажи, почему ты назвал его наркоманом?! – требую я.

Он мотает головой и проводит рукой по волосам. Быстро смотрит на меня, потом в пол.

– Это просто предположение, ясно?

– А почему ты это предположил?

Меня бросает в жар от одной этой мысли. Ох уж этот Хардин со своими блестящими предположениями!

– Не знаю, может быть, потому, что парень, который его забрал, выглядел как обычный торчок. – Он мягко смотрит на меня. – Ты видела его руки?

Я вспоминаю, как этот человек почесывал локоть, но у него были длинные рукава.

– Мой отец не наркоман... – говорю я медленно. Не уверена, что действительно так считаю, но я не готова рассматривать эту возможность.

– Ты же его не знаешь. Я больше не буду об этом говорить.

Он снова подходит ко мне, но я отстраняюсь. Нижняя губа у меня дрожит, и я не могу на него смотреть.

– Ты тоже его не знаешь. И если ты не собирался ничего говорить, то зачем сказал?

Он пожимает плечами:

– Не знаю.

Головная боль усиливается. Я так измучена, чувствую, что могу вырубиться в любой момент.

– К чему ты это вообще сказал?

– Так просто сложилось, и к тому же он вломился в нашу квартиру.

– Ты этого точно не знаешь.

Он не мог. Ведь не мог же?

– Ладно, Тесса, ты топчешься на месте, делая вид, что твой папаша, который, позволю себе напомнить, алкоголик, тут совершенно ни при чем.

Хардин психует, как всегда. Он обвиняет отца в пьянстве? Хардин Скотт обвиняет кого-то в пьянстве, в то время как он сам нажирается так, что на следующий день ничего не помнит.

– Ты тоже алкоголик! – восклицаю я и тут же закрываю себе рот рукой.

– Что ты сказала?

Он делает страшное лицо и, глядя мне в глаза, начинает кружить вокруг, как хищник.

Я плохо себя чувствую, но понимаю, что Хардин пытается запугать

меня, чтобы я замолчала. Он сам себя не знает.

– Если ты думаешь, что это не так, то ты ошибаешься. Ты пьешь всегда, когда расстроен или сердит; ты не знаешь меры. Ты ломаешь вещи и устраиваешь драки...

– Я не какой-то грязный алкаш! Я вообще бросил пить, пока ты не появилась.

– Ты не можешь винить во всем меня, Хардин.

Мозг услужливо напоминает, что я тоже пью слишком много, когда зла или расстроена, но я не обращаю на это внимания.

– Я тебя не обвиняю, когда ты тоже пьешь, Тесса, – говорит он довольно громко.

– Еще несколько дней – и никому из нас не придется об этом беспокоиться!

Быстро выхожу из гостиной, Хардин идет за мной.

– Не могла бы ты остановиться и послушать меня? – напряженно спрашивает он, но, по крайней мере, не кричит. – Ты знаешь, я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Да, ты проделал большую работу, чтобы меня переубедить.

– Что ты имеешь в виду? Я расскажу тебе, как сильно я тебя люблю, больше всего на свете!

Я вижу, как на его лице мелькают сомнения. Он сам знает, что любит меня недостаточно сильно.

– Ты же сам себе не веришь! Я вижу.

– Тогда скажи мне вот что: ты думаешь, что можешь найти кого-то, кто будет так же мириться с твоей придурью? С твоим постоянным визгом и нытьем, раздражающим порядком в квартире и твоим отношением? – Он машет руками в воздухе.

Я смеюсь. Смеюсь ему прямо в лицо. И даже заткнув рот рукой, не могу остановиться.

– Моим отношением? Моим отношением?! Ты постоянно игнорируешь меня, ты всегда на грани оскорбительного, назойливого, глупого и грубого. Ты вошел в мою жизнь, все перевернул и ждешь, что я буду тебе кланяться, потакая твоему дурацкому самолюбованию. Ты ведешь себя, словно крутой парень, который ни о чем не беспокоится и который все решает сам, а на деле даже спать без меня не можешь! Я смотрю сквозь пальцы на все твои недостатки, но я не буду терпеть, когда ты так со мной разговариваешь.

Хожу взад-вперед по кафельному полу, а он внимательно наблюдает за каждым моим движением. Я чувствую себя немного виноватой за то, что так на него накричала, но при воспоминании о только что сказанном гнев

вспыхивает с новой силой.

– И кстати, я, может быть, иногда излишне любопытна, но это потому, что я так сильно беспокоюсь о тебе и обо всем остальном, и я стараюсь не злить тебя лишний раз, забывая о себе. Я прошу прощения, если тебя раздражаю, а ты обзываешь меня сукой, если я начинаю спорить.

Хардин смотрит на меня испепеляющим взглядом. Его руки сжимаются в кулаки, щеки темно-красные.

– Я не знаю, что мне еще сделать. Понятно? Ты же знаешь, что я раньше так не поступал! И согласившись встречаться со мной, ты знала, что у тебя будут проблемы. Так что сейчас у тебя нет прав психовать.

– Нет прав психовать? Это моя жизнь, и если я захочу, то могу психовать сколько угодно, – замечаю я с усмешкой.

Он не может говорить серьезно. На секунду мне кажется, что он сейчас извинится за то, как он ко мне относится, но Хардин гораздо предсказуемей. Его проблема в том, что когда ему хорошо, он так добр, мил и честен, что я его обожаю, но когда он зол, это самый бешеный человек, которого я когда-нибудь встречала.

Возвращаюсь в спальню, и открыв чемодан, сбрасываю туда ворох одежды.

– Ты куда? – спрашивает он.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Но точно подальше от тебя.

– А ты знаешь, в чем твоя проблема, Тереза? Она в том, что ты читаешь слишком много этих дурацких романов и забываешь, что все это полная ерунда. В жизни нет Дарси, есть только Викхэм и Алек д'Эбревиль. Так проснись и перестань ждать от меня, что я буду вести себя, как литературный герой. Такого никогда не будет!

Его слова проникают в меня, просачиваясь в каждую пору. Вот оно!

– Именно поэтому мы никогда не будем вместе. Я давала тебе много шансов, билась с тобой до посинения, простила тебе все те отвратительные вещи, которые ты сделал мне и другим, пока я была с тобой. На самом деле, я ухожу для себя. Я не жертва, я просто глупая девочка, которая слишком сильно любит, но ничего для тебя не значит. Когда в понедельник я уеду, твоя жизнь вернется в нормальное русло. Ты снова станешь Хардином, грубым и жестким, а я буду той, что страдает и едва может шевелиться. Но я сделаю это для себя. Я дала тебе обвести меня вокруг пальца, привязать к себе, зная, что все это рано или поздно закончится. Я думала, что когда мы были не вместе, ты понял, что лучше быть со мной, чем одному. Но это не так, Хардин, тебе не лучше со мной. Тебе лучше быть одному. Ты будешь всегда стремиться к одиночеству, даже если ты найдешь еще одну наивную

дурочку, которая позволит так вертеть собой и будет готова отдать тебе все, в том числе себя. Но рано или поздно она тоже устанет и уйдет от тебя точно так же, как я.

Хардин смотрит на меня налитыми кровью глазами, руки его трясутся, я вижу, что он вот-вот взорвется.

– Давай, Тесса, скажи, что ты бросаешь меня, а еще лучше ничего не говори. Просто бери свое шмотье и убирайся.

– Хватит пытаться держать себя в руках, – говорю я ему сердито, но внутренне сжимаясь.

– Ты пытаешься сохранить наши отношения, но на самом деле ты не хочешь этого! Если ты хочешь показать мне, что ты действительно чувствуешь... Хотя ты ничего не знаешь о том, что я чувствую! Убирайся!

Его голос срывается. Больше всего мне сейчас хочется обнять его и сказать, что я никогда его не покину. Но я не могу.

– Все, что тебе нужно сделать, это всего лишь сказать мне. Пожалуйста, Хардин, скажи мне, что ты попробуешь еще раз, – прошу я.

Я не знаю, что делать; не хочу уходить от него, хотя понимаю, что это рано или поздно случится. Он стоит рядом, всего в нескольких метрах от меня, но я вижу, что он отдаляется. Тот Хардин, которого я знала, медленно исчезает в темноте. Человек, которого я люблю, становится все дальше и дальше. Когда он в конце концов отводит глаза и скрещивает руки на груди, я понимаю, что он исчез, я его потеряла.

– Я не хочу больше пробовать. Я тот, кто я есть, и если тебе этого недостаточно, то ты знаешь, где дверь.

– И это то, чего ты хочешь? Ты даже не хочешь попытаться? Если сейчас я уйду, то навсегда. Я знаю, что ты мне не веришь, потому что я всегда так говорю, но это правда. Скажи мне только, что ты так поступаешь, потому что боишься переезжать со мной в Сиэтл.

Глядя сквозь меня, он отвечает:

– Уверен, ты найдешь, где перекантоваться до понедельника.

Когда я не отвечаю, он поворачивается на каблуках и выходит из комнаты. Застываю на месте, пораженная тем, что он не вернулся, чтобы продолжить скандал. Проходит несколько минут, прежде чем я, наконец взяв себя в руки после такого удара, пакую чемоданы.

Глава 53

Хардин

Мой рот продолжает извергать все это дерьмо, и хотя мозг этого не хочет, я не могу себя контролировать. Конечно же, я не хочу, чтобы она уходила. Я хочу держать ее в объятиях и целовать ее волосы. Я хочу сказать, что не могу без нее, что я изменюсь и буду любить до самой смерти, но вместо этого выхожу из комнаты и оставляю ее там одну. Я слышу, как она чем-то шуршит в спальне. Нужно пойти и остановить ее сборы, но, с другой стороны, – с какой стати? Все равно в понедельник она уезжает, так что может уйти и сейчас. Я до сих пор поражен, что она предложила мне попытаться продолжить наши отношения на расстоянии. Ничего не получится: она будет в часах езды от меня, мы будем перезваниваться один-два раза в день, но спать в разных постелях. Я этого не вынесу. По крайней мере, если наши отношения прекратятся, я не буду чувствовать вину, напиваясь и делая что в голову взбредет... Впрочем, кого я обманываю: я не хочу ничего делать без нее, я предпочел бы сидеть на диване и пересматривать вместе с ней «Друзей», чем одну минуту провести одному.

Несколько мгновений спустя Тесса появляется в коридоре с двумя чемоданами. Ее сумка перекинута через плечо, а лицо очень бледно.

– Кажется, я все забрала, кроме нескольких книг, но я куплю новые, – говорит она тихим, дрожащим голосом.

Вот он! Момент, которого я боялся с того дня, как встретился с ней. Она от меня уходит, а я стою и не делаю абсолютно ничего, чтобы ее остановить. Да я и не смог бы; она всегда стремилась к чему-то большему, чем просто быть со мной. Быть с кем-то лучшим, чем я. Я знал это с самого начала, но надеялся как-то этого избежать.

Вместо этого я говорю:

– О'кей.

– О'кей, – с трудом произносит она и ссутуливается.

Когда она подходит к двери и поднимает руку, чтобы снять ключ с крючка, ее сумка соскальзывает с плеча. Не знаю, что со мной; я должен остановить ее или помочь, но я не могу. Тесса оглядывается на меня.

– Ну, вот и все. Все ссоры, слезы, любовь, смех – все в прошлом, –

тихо говорит она.

В ее словах нет и тени гнева, они пусты... и безразличны.

Я киваю, не в состоянии ответить. Если бы я что-либо произнес, расставание стало бы в сотню раз тяжелей, я знаю.

Она качает головой и открывает дверь и придерживает ее ногой, чтобы перетащить через порог чемоданы. Затем, уже с той стороны, она смотрит на меня и еле слышно произносит:

– Я буду любить тебя вечно. Надеюсь, ты это знаешь.

Перестань, Тесса! Пожалуйста!

– Надеюсь, кто-нибудь полюбит тебя так же сильно, как я.

– Тсс! – тихо говорю я.

Я не могу это слышать.

– Ты не всегда будешь один. Я сказала так, но если бы ты немного постарался и научился бы контролировать свой гнев, то мог бы кого-то найти.

Я проглатываю комок в горле и делаю шаг к двери.

– Уходи. Просто уходи, – говорю я и захлопываю дверь перед ее лицом.

Даже через толстое дерево слышу ее тяжелый вздох. Я только что захлопнул перед ней дверь; что я наделал? Меня пронзает боль, и я начинаю страдать. Я контролировал себя достаточно долго, до тех пор, пока она не ушла. Хватаю себя за волосы, падаю на колени на бетонный пол. Я просто не знаю, как с собой справиться. Я самый главный неудачник в мире, и я ничего не могу с этим поделать. Казалось бы, так просто: поехать с ней в Сиэтл и жить долго и счастливо, но ни хрена это не просто! Там все будет по-другому. Она будет поглощена стажировкой и новым университетом; у нее появятся новые друзья, новые впечатления, и она про меня забудет. Я ей больше не буду нужен. Я вытираю слезы, выступившие у меня на глазах.

Что? Я впервые осознал, какой я эгоист. «Появятся новые друзья»? А что плохого в том, что она заведет новых друзей и у нее будут новые впечатления? Я был бы там, рядом с ней, и тоже разделял бы их. Зачем мне ездить в такую даль, когда я могу быть там с ней вместе? Это была бы возможность доказать, что я могу стать тем, каким она хочет меня видеть. Вот и все, о чем она просила, а я не смог ей этого дать. Если я позвоню ей прямо сейчас, она развернет машину, а я смогу упаковать свое барахло, и мы уедем куда-нибудь, проживем в Сиэтле.

Нет, она не развернется. Она дала мне шанс ее остановить, но я им не воспользовался. Она даже пыталась поддержать меня, когда я смотрел, как

у меня на глазах умирает последняя надежда. Мне нужно было ее утешить, но вместо этого я захлопнул перед ней дверь.

«Ты не всегда будешь одинок», – сказала она. Это неправда. Я буду одинок, а вот она нет. Она найдет кого-то, кто будет любить ее так, как не смог я. Но больше, чем я, эту девушку не сможет любить никто; но, возможно, кто-то сумеет дать ей шанс почувствовать себя любимой и покажет, что значит любящий человек рядом, несмотря на все ссоры и размолвки. Такой она была для меня всегда.

Она этого заслуживает. От мысли, что она получит то, чего заслуживает, с кем-то другим, у меня перехватывает дыхание, но так и должно быть. Мне давно нужно было позволить ей уйти, а не запускать в нее свои когти все глубже, заставляя тратить время на меня.

Я раскалываюсь на две части. Половина меня знает, что она вернется ко мне, вечером или, может быть, завтра, и простит, но другая половина понимает, что она окончательно оставила попытки меня удержать.

Через какое-то время поднимаюсь с пола и, шатаюсь, иду в спальню. Вхожу, и ноги у меня подкашиваются. Браслет, который я ей купил, надетый на свернутый в трубку листок бумаги, лежит рядом с ее электронной книжкой и томиком «Грозового перевала». Поднимаю браслет, бессмысленно верчу значок бесконечности из двух сердец в пальцах и смотрю на аналогичную татуировку у меня на запястье. Почему она его оставила? Это был мой подарок, когда я был в отчаянии, пытаюсь показать свою любовь. Мне нужны были ее любовь и прощение, и она дала их мне. К моему ужасу, листок в браслете – это письмо, которое я ей написал. Я разворачиваю и перечитываю его. Моя грудь медленно разрывается пополам, и то, что внутри, падает на жесткий пол. Воспоминания затапливают измученный мозг: первый раз, когда я сказал ей, что люблю ее, а затем отказался от своих слов; свидание с блондинкой, которой я пытался заменить ее; то, как я себя чувствовал, когда увидел, что она, прочитавшая мое письмо, стоит в дверях.

Я перечитываю собственное послание.

«Ты любишь меня, хотя и не должна, и ты нужна мне. Ты всегда была нужна мне и всегда будешь. Когда ты на прошлой неделе от меня ушла, я чуть не умер и был совершенно потерян. Без тебя я был полностью опустошен. На прошлой неделе я ходил на свидание. Не собирался тебе об этом говорить, но не могу больше тебя терять, что-либо скрывая».

Пальцы дрожат, я почти рву бумагу, но удерживаюсь, чтобы дочитать.

«Знаю, что ты сказала это лучше, чем я. Я не романтик и никогда не напишу тебе стихи и не спою песню, я не такой. Я не могу обещать тебе,

что не причиню боли, но могу поклясться, что буду любить тебя до самой смерти. Я ужасный человек и не заслуживаю тебя, но надеюсь, что ты дашь мне шанс снова заслужить твое доверие. Прости меня за всю ту боль, которую я причинил, хотя я пойму, если ты не сможешь этого сделать».

И она это сделала. Она меня простила. Она всегда прощала мне все оскорбления, но не в этот раз. Я должен был заслужить ее доверие, но вместо этого причинял ей боль снова и снова.

Быстрыми движениями рву это жалкое несдержанное обещание. Обрывки падают, кружась в воздухе, и застывают на холодном полу в странном узоре.

Смотрите! Я все уничтожил! Я знал, как много значит для нее эта бумажка, а я превратил ее в кучу мусора.

– Нет! Нет, нет, нет!

Я встаю на корточки, отчаянно пытаюсь собрать кусочки и восстановить листок, но кусочки слишком мелкие и никак не встают на место. Я снова бросаю их на пол, глядя, как они рассыпаются в разные стороны. Наверное, это похоже на то, что она чувствовала, пытаясь вернуть меня. Я встаю и пинаю обрывки ботинком, затем быстро нагибаюсь, снова собираю их и складываю кучкой на столе. Прикрываю их книгой, чтобы не разлетелись, и вижу, что схватил «Гордость и предубеждение». Черт, ну разумеется!

Ложусь на кровать и тупо жду писка входной двери, который будет означать ее возвращение. Я буду ждать час за часом, но сигнал никогда не прозвучит.

Глава 54

Тесса

Я вру Стеф. Не хочу никому рассказывать о своих проблемах, особенно сейчас, когда у меня нет ни единого шанса повлиять на происходящее. Именно поэтому я и позвонила именно ей: Лэндон слишком в теме, и мне больше не хочется его беспокоить. Других вариантов у меня нет, и это естественно, когда у вас один-единственный друг, да и тот сводный брат вашего парня.

Впрочем, уже бывшего парня...

Поэтому, когда Стеф начинает озабоченно спрашивать меня по телефону, быстро отвечаю:

– Нет-нет. Все в порядке. Просто... Хардин уехал... из города вместе с отцом и запер дверь, так что мне нужно где-то перекантоваться до понедельника, пока он не вернется.

– Очень похоже на Хардина, – отвечает она, и я облегченно вздыхаю оттого, что ложь прокатила. – Хорошо, приходи. Та же комната, что и раньше. Как в старые добрые времена! – шутит она, и я с усилием хмыкаю.

Отлично. Как в старые времена.

– Нам с Тристаном нужно будет позже сходить в торговый центр, а ты можешь посидеть тут, если хочешь, или пойти с нами. Как тебе захочется.

– Мне перед Сиэтлом нужно много всего сделать, так что я бы осталась в комнате, если ты не против.

– Конечно, конечно, – соглашается Стеф и добавляет: – Надеюсь, ты подготовилась к завтрашней вечеринке!

– Вечеринке? – переспрашиваю я.

Ах да... вечеринка. Я так замоталась, что совсем о ней забыла, забыла и то, как Стеф предлагала отметить мой отъезд. Как и на «дне рождения» Хардина, я уверена, его друзья будут пить и тусить, появлюсь я там или нет. Но Стеф, похоже, действительно хочет, чтобы я пошла, к тому же она делает мне одолжение, и я должна согласиться.

– В последний раз, давай! Знаю, Хардин, наверное, не одобрит, но...

– Хардин не решает, что мне делать, – напоминаю я, и она смеется.

– Я знаю! Просто мы никогда больше не увидимся. Я, как и ты, переезжаю.

– Ладно, я подумаю об этом. Сейчас у меня так много дел, – говорю я.

Но вместо того, чтобы отправиться прямо в общежитие, делаю несколько кругов по улицам. Мне нужно убедиться, что я смогу держать себя в руках и не расплачусь. Не плакать. Не плакать. Я закусываю губу, чтобы остановить приближающиеся слезы.

В последнее время я уже привыкла к боли, и это помогает. Я почти ничего не чувствую.

Когда я оказываюсь в комнате Стеф, она как раз одевается, натягивает красное платье и черные ажурные чулки.

– Я так соскучилась! – визжит она и обнимает меня.

Я чуть не раскисаю, но уверенно беру себя в руки.

– Я тоже по тебе скучала, хоть мы и недавно виделись, – улыбаюсь я.

Стеф кивает. Такое чувство, что мы с Хардином встретили ее в тату-салоне миллион лет назад, а не на прошлой неделе.

– Надеюсь. Похоже на то. – Она хватает из шкафа сапоги и садится на кровати. – Я, наверное, не сильно задержусь. Чувствуй себя как дома... но ничего не убирай! – добавляет она, заметив, как я осматриваю грязную комнату.

– Я и не собираюсь! – вру я.

– Ты так всегда делала! И, наверное, и дальше так же будешь, – смеется она.

Пытаюсь поддержать веселье. Ничего не получается: выходит какой-то звук, похожий на фырканье или кашель.

Но подруга не обращает на это внимания.

– Я уже всем сказала, что ты придешь. Все удивились! – добавляет она, уже захлопывая дверь.

Я открываю рот, чтобы возразить, но уже некому.

С этой комнатой связано слишком много воспоминаний. Это тягостно и приятно одновременно. Моя кровать еще пуста, хотя Стеф и закидала ее своими сумками и одеждой. Провожу пальцами по спинке, вспоминая, как Хардин впервые спал со мной в этой маленькой кроватке.

Скорее бы покинуть этот город – весь город со всеми его обитателями. С того дня, как я приехала в университет, со мной не происходило ничего, кроме горя, и мне хотелось бы никогда сюда не возвращаться.

Даже стены здесь напоминают мне Хардина и то, как он разбросал мои конспекты по комнате, и мне хотелось его ударить, а потом он внезапно страстно поцеловал меня. Я провожу пальцами по губам, они дрожат: вдруг мне никогда не поцеловать его снова?

Не думаю, что смогу остаться здесь. Воспоминания будут

преследовать меня всякий раз, как я закрою глаза.

Хочу на что-нибудь отвлечься, беру ноутбук и ищу себе жилье в Сиэтле. Как я и предполагала, дело безнадежное. Нахожу только одну квартиру в получасе езды от издательства, но мой бюджет ее не выдержит. Сохраняю в телефоне массу номеров на всякий случай, и через час поисков, подавив гордость, звоню Кимберли. Я не хотела останавливаться у них с Кристианом, но Хардин не оставил мне выбора. Кимберли, конечно же, с радостью соглашается, уверяет, что они будут рады принять меня в своем новом доме в Сиэтле, и хвастается, что дом даже немного больше, чем прежний. Обещаю ей, что не задержусь дольше, чем на две недели. Надеюсь, что этого времени мне хватит, чтобы найти подходящую квартиру с окнами, не выходящими на кабак.

Внезапно понимаю, что из-за сцены с Хардином начисто забыла о беспорядке в квартире и о том, что кто-то влез, пока нас не было дома. Хотелось бы думать, что это не мой отец, но не знаю, могу ли быть в этом уверена. Если бы это был он, то ничего бы не украл; может быть, ему нужно было где-то переночевать и ему некуда было идти. Молюсь, чтобы Хардин не стал его искать и не обвинил бы в ограблении. Но какой в этом смысл? Тем не менее я попытаюсь его найти, но сейчас уже поздно, и, честно говоря, я немного побаиваюсь ехать в тот район одна.

Просыпаюсь в полночь оттого, что вернулась Стеф. Она, шатаясь, вваливается и тут же падает на кровать. Не помню, как я заснула сидя за столом. Поднимаю голову – у меня болит шея, а когда я пытаюсь размять ее руками, становится еще хуже.

– Не забывай, завтра твоя вечеринка, – бормочет Стеф и почти мгновенно отключается.

Стаскиваю с нее сапоги (Стеф так и храпит) и про себя благодарю ее за то, что она, мой верный друг, разрешила остановиться в своей комнате, хотя я попросила об этом всего за час. Она стонет и что-то бессвязно бормочет, потом вытягивается и тихо сопит.

Ложусь на свою старую постель и перебираю в уме события прошедшего дня. Не хочется ни думать о Хардине, ни куда-то идти, ни, особенно, с кем-то разговаривать, хотя наверняка все равно придется. Вряд ли он где-то рядом, но я параноик с разбитым сердцем и сделаю все, чтобы избежать даже случайной встречи.

Стеф спит до четырех дня.

– Я собираюсь заказать пиццу – не хочешь? – спрашивает она, стирая маленькой салфеткой с глаз вчерашний макияж.

– Да, пожалуйста. – Желудок ноет, напоминая, что сегодня я еще не

ела.

Следующие два часа мы со Стеф проводим за едой и разговорами о ее переезде в Луизиану. Родители Тристана не очень довольны, что из-за нее он собирается менять место учебы.

– Надеюсь, они смирятся с этим, ты же им нравишься? – спрашиваю я ее.

– Да, типа того. Но его семья просто одержима Вашингтонским центральным университетом, это типа традиция и все такое. – Стеф закатывает глаза, и я смеюсь, не желая обсуждать, что для семей значат традиции. – Итак, вечеринка. Ты уже знаешь, что наденешь? – спрашивает она, широко улыбаясь. – Или хочешь взять что-нибудь из моего, как в старые добрые времена?

Я качаю головой:

– Невероятно, я соглашаюсь на это даже после... – Я чуть не упоминаю про Хардина, но вовремя прикусываю язык. – В конце концов, ты же меня затащила на эти вечеринки.

– Но эта – последняя. Кроме того, ты же знаешь, что не найдешь в Сиэтле такой крутой компании.

Она взмахивает длинными накладными ресницами, и я охаю.

– Я помню, как первый раз тебя увидела. Открыла дверь в эту комнату и чуть не получила сердечный приступ. Не обижайся. – Она улыбается мне в ответ. – Ты сказала, что тут крутые вечеринки, и моя мама чуть в обморок не упала. Она хотела поменять мне комнату, но я отказалась.

– Хорошо, что ты так сделала, иначе не встретила бы Хардина, – замечает она с усмешкой и поворачивается ко мне.

На мгновение представляю себе, что могло случиться, если бы я поменяла комнату и никогда его больше не увидела. Несмотря на все, что мы пережили, я ничего не желала бы менять.

– Хватит воспоминаний – давай готовиться! – восклицает она, хлопая в ладоши, затем хватая меня за руки и тащит с кровати.

– Теперь я вспоминаю, за что я ненавижу общий душ, – мычу я, вытирая полотенцем волосы.

– Не так уж он и плох, – смеется Стеф, и я закатываю глаза, представляя себе душ в квартире.

Любая мелочь напоминает мне о Хардине, и я изо всех сил стараюсь изображать на лице веселье, хотя внутри меня сжигает пламя.

Наконец макияж нанесен, волосы уложены, Стеф помогает мне застегнуть молнию на черно-желтом платье, которое я недавно купила.

Единственное, что меня удерживает, – это надежда, что вечеринка

действительно окажется веселой и мне будет обеспечено хотя бы два часа покоя.

Вскоре после восьми за нами приезжает Тристан. Стеф не пускает меня за руль, потому что планирует напоить меня до полного окосения. Кажется, это как раз то, чего я хочу. Если я действительно напьюсь, то не буду видеть ямочки от улыбки Хардина каждый раз, когда открываю глаза. Впрочем, это не поможет, когда глаза закрыты.

– А где Хардин? – спрашивает Нэт сбоку.

На мгновение теряюсь.

– Уехал. За город с отцом, – вру я.

– Разве вы не вместе уезжаете в Сиэтл?

– Да, планируем так. – Чувствую, что мои ладони начинаю потеть.

Ненавижу врать!

Нэт, приветливо улыбаясь, оборачивается.

– Ну и прекрасно, удачи вам обоим. Я хотел бы повидаться с ним перед вашим отъездом.

Лицо горит.

– Хорошо, Нэт. Я передам.

Когда мы подъезжаем к дому братства, я уже жалею о своем решении. Я и так знала, что это не лучшая мысль, но не осознавала всего и надеялась таким образом отвлечься. Но это не отвлекает, наоборот, еще больше напоминает обо всем, через что я прошла и что впоследствии потеряла.

Мне почти смешно, что каждый раз я жалею о приезде, но почему-то всегда в конце концов оказываюсь в этом проклятом братстве.

– Представление начинается! – восклицает Стеф.

Она берет меня под руку и широко улыбается. На секунду ее глаза вспыхивают, и я не могу отделаться от чувства, что в ее словах таится какой-то скрытый смысл.

Глава 55

Хардин

Когда я стучу в дверь отцовского кабинета, меня почти тошнит. Никогда бы не подумал, что до этого дойдет. Мне нужен его совет. Мне нужно, чтобы кто-то выслушал меня, кто хотя бы примерно понимает, что я чувствую.

Из-за двери доносится его голос:

– Заходи, дорогая.

Мнусь перед порогом в предчувствии неловкой, но необходимой сцены. Вхожу, усаживаюсь в кресле перед большим письменным столом и слежу за тем, как отец пытается скрыть удивление. С его губ срывается смешок.

– Извини, я думал, это Карен.

Но, заметив мое настроение, он сосредоточивается и внимательно смотрит на меня. Киваю и отвожу взгляд.

– Не знаю, почему я здесь, но мне некуда пойти.

Опускаю голову на руки, и отец присаживается на краешек стола.

– Я рад, что ты пришел ко мне, – тихо говорит он и ждет моей реакции.

– Я не сказал, что пришел к тебе, – напоминаю я.

Нет, конечно, я у него, просто не хочу, чтобы он думал, что я пришел изливать душу или откровенничать, хотя очень похоже на то. Смотрю, как он сглатывает слюну и медленно кивает, глядя куда угодно, кроме меня.

– Не беспокойся. Я не собираюсь закатывать истерику или что-нибудь ломать. У меня нет на это сил. – Я гляжу на дощатую стену позади него.

Он не отвечает, и я вздыхаю. Конечно, он это принимает за знак отчаяния и тут же спрашивает:

– Не хочешь рассказать, что случилось?

– Нет. Не хочу, – говорю я, рассматривая книги на полке.

– Ладно...

Я снова вздыхаю, чувствуя неизбежность разговора.

– Не хочу, но расскажу, наверное.

Отец озадаченно смотрит на меня некоторое время, его карие глаза расширяются в ожидании продолжения.

– Поверь мне, если бы мне было к кому пойти, меня бы тут не было, но у этого придурка Лэндона предвзятое мнение, он всегда на ее стороне.

Конечно, это даже не полуправда, но советов Лэндона мне сейчас не нужно. К тому же я не хочу признаваться ему, каким был козлом и что наговорил Тессе за последние несколько дней. Его мнение меня не волнует, но в определенных обстоятельствах оно может иметь большое значение, больше, чем чье-то еще, кроме Тессы, естественно.

Мой отец через силу улыбается:

– Я знаю, сынок.

– Хорошо.

Не знаю, с чего начать, и, честно говоря, до сих пор не уверен, что именно привело меня сюда. Я собирался пойти в бар и напиться, а вместо этого пришел к отцовскому... точнее, папиному подъезду. Это Тесса всегда говорит «отец» и «мать» вместо «папа» и «мама», и это меня бесит, но теперь это проникло и в мою речь тоже. Ему повезло, что я обращаюсь к нему «отец» или «папа», а не «Кен» или «урод», как еще это было большую часть моей жизни.

– В общем, как ты, наверное, уже догадался, Тесса меня бросила, – признаюсь я и гляжу на него. Он делает все возможное, чтобы сохранить нейтральное выражение лица, ждет продолжения, но я добавляю только: – И я ее не остановил.

– Ты уверен, что она не вернется? – спрашивает папа.

– Да, уверен. Она дала мне множество шансов, чтобы остановить ее, и не пыталась с тех пор ни позвонить, ни написать. – Я бросаю взгляд на настенные часы. – Прошло почти двадцать восемь часов, и я не имею ни малейшего понятия, где она.

Я надеялся увидеть ее машину возле дома Кена и Карен. Это одна из причин, по которой я приехал. Где же еще ей быть? Надеюсь, она не поехала в страшную даль к своей матери.

– Вы и раньше ссорились, – начинает отец. – Но, кажется, всегда находили пути...

– Ты меня слышишь? Я сказал, что она не вернется, – перебиваю я.

– Слышу. Просто интересно, чем этот раз отличается от других.

Я свирепо таращусь на него, но отец отвечает мне бесстрастным взглядом, и я с трудом подавляю желание вскочить и покинуть его изысканный кабинет.

– Это просто случилось. Не знаю, почему я это понял, – ты, наверное, думаешь, что я немая бесчувственная дубина, – но я просто устал, папа. Все это мне ужасно надоело, но я не знаю, что делать.

Твою мать! Это звучит так отчаянно и к тому же чертовски жалко!

Он было открывает рот, но останавливает себя и молчит.

– Это ты виноват, – продолжаю я. – Ты виноват во всем. Потому что, если бы ты захотел быть рядом со мной, может, ты показал бы мне, как... Я не особенный, чтобы относиться ко всем остальным людям, как к мусору. Если бы, когда я рос, в доме был мужчина, я не был бы таким упертым. Если я не смогу найти решение для нас с Тессой, все закончится тем же, чем у тебя. Ну, то есть у тебя прежнего. – Я указываю на его строгий свитер и прекрасно отутюженные брюки. – Если я не найду способ перестать тебя ненавидеть, то буду не в состоянии...

Я не хочу заканчивать фразу. Я хотел сказать, что если не перестану его ненавидеть, то не смогу выразить, как я люблю ее, и не научусь относиться к ней так, как она этого заслуживает. Невысказанная фраза висит в душной, обшитой деревянными панелями комнате, и ни один из нас не знает, что сказать.

– Ты прав, – к моему удивлению, неожиданно соглашается он.

– Да?

– Да. Если бы у тебя был отец, чтобы направлять тебя и подсказывать, как стать человеком, ты был бы лучше подготовлен и к таким вещам, и вообще к жизни. Я винил себя за твое... – Я вижу, как он мучительно подбирает слова, а найдя, чуть подается вперед. – Поведение. Это моя вина. Все из-за меня и из-за ошибок, которые я наделал. Я испытываю вину всю свою жизнь и от этих ошибок очень, очень страдаю, сынок.

Он наконец замолкает, и вдруг я чувствую... чувствую...

Что меня с души воротит.

– Нет, ну здорово, что рано или поздно ты получишь прощение, но результатом-то стал такой я, какой есть! Что мне с этим делать? – Я рассматриваю заусенцы вокруг ногтей и с удивлением обнаруживаю, что костяшки на пальцах не разбиты. Почему-то это отвлекает мой гнев. – Что-то же нужно с этим делать, – говорю я тихо.

– Думаю, тебе нужно с кем-то поговорить.

Ответа мне недостаточно, и снова поднимается раздражение. А что именно мне надо обсудить – ты, блин, не подскажешь? Машу руками.

– А мы что делаем прямо сейчас? Разговариваем.

– Я имею в виду – с профессионалом, – спокойно отвечает отец. – С детских лет в тебе осталось слишком много негативной энергии, гнева, и если ты не найдешь способ ее высвободить или по крайней мере справляться с ней, как нормальные люди, то боюсь, прогресса ты не достигнешь. Я не могу дать тебе этого, потому что сам же и причинил тебе

всю боль, с которой все началось, и в минуты ярости ты бы сомневался, стоит ли мне что-то говорить, даже если бы слова оказались полезны.

– Значит, мой приход сюда был пустой тратой времени? Ты ничем не можешь мне помочь?

Так я и знал, лучше – в бар. Сейчас я бы уже допивал второй виски с кока-колой.

– Этот разговор не пустая трата времени. Это действительно большой шаг в твоих усилиях стать лучше. – Он смотрит мне в глаза, и на минуту я чувствую виски, который сегодня выпил. – Она будет так гордиться тобой, – добавляет он.

Гордиться? С какого хрена ей гордиться мной? В этом может быть что угодно, но гордость... нет.

– Она назвала меня алкоголиком, – вырывается у меня.

– Она права? – спрашивает он, и на лице его появляется беспокойство.

– Не знаю. Не думаю, что да, но я не знаю.

– Если ты не знаешь, алкоголик ли ты, то следует это узнать, пока не стало слишком поздно.

Я смотрю ему в лицо и вижу во взгляде настоящую тревогу. Ту тревогу, которую должен испытывать я.

– Почему ты начал пить тогда? – спрашиваю я.

Я всегда хотел знать ответ на этот вопрос, но никогда не думал, что смогу об этом спросить.

Он вздыхает и поднимает руку, чтобы провести ладонью по коротким волосам.

– В то время мы с твоей мамой были не в лучших отношениях, они становились все хуже, и вот однажды вечером я ушел из дома и напился. Под «напился» я имею в виду, что я не мог идти домой. И я обнаружил, что мне это нравится – любая боль, которую я испытывал, замирала. А потом это вошло в привычку. Я проводил в этом проклятом баре через дорогу больше времени, чем с тобой и с ней. Дошло до того, что я уже не мог жить без спиртного, но с ним я тоже не мог жить. Это была заведомо проигрышная позиция.

Я не помню отца до того, как он стал пить, и всегда думал, что он стал таким еще до моего рождения.

– И ты так страдал, что решил сбежать?

– Дело не в этом. Дело в том, что в один прекрасный день я наконец проснулся и протрезвел.

– После того, как ты бросил нас, – напоминаю я.

– Да, сынок, после того, как я бросил вас. Вам обоим было лучше без меня. Я не мог быть отцом и мужем. Мама прекрасно тебя воспитывала, мне хотелось бы, чтобы она делала это не в одиночку, но все же это было лучше, чем со мной.

Внутри меня вскипает гнев, и я сжимаю подлокотники кресла.

– Но для Карен ты можешь быть мужем, а для Лэндона – отцом.

Теперь я это высказал. Во мне так много злобы к этому человеку! Я всегда помнил его как пьяного кретина – того, кто испортил мне всю жизнь, но сумел снова завести семью, жениться, получить от судьбы нового сына и новую жизнь. Не говоря о том, что теперь он богат, а когда я был ребенком, у нас не было ни хрена. Карен и Лэндон получили все, что должны были получить мы с мамой.

– Я знаю, так выглядит со стороны, Хардин, но это не так. Я встретил Карен через два года после того, как бросил пить. Лэндону было уже шестнадцать, и я не пытался стать ему отцом. Он рос без мужчины в доме, но быстро свыкся со мной. В мои намерения не входило завести новую семью и заменить тебя – никто не смог бы заменить тебя. Ты никогда не хотел иметь со мной ничего общего, и я не виню тебя за это, но, сынок, я провел большую часть своей жизни в крошечной тьме, в пустыне. И Карен – это мой свет, как Тесса – твой.

Мое сердце чуть не останавливается при упоминании о Тессе. Я так погрузился в воспоминания о собственном проклятом детстве, что на мгновение перестал о ней думать.

– Я не могу не быть счастлив от того, что Карен и Лэндон появились в моей жизни, и благодарен судьбе за это, – продолжает Кен. – Я отдал бы все, чтобы у нас с тобой были такие же отношения, как у меня с ним; может быть, однажды это случится.

Видя, как волнуется отец, я просто теряю дар речи. Я никогда не вел подобных разговоров ни с ним, ни еще с кем-то, кроме Тессы. Она во всем была исключением.

Не знаю, что ответить. Я не простил его за то, что он сломал мне жизнь и променял мою маму на бутылку, но когда я говорил, что у него есть шанс получить прощение, я говорил правду. Если я этого не сделаю, у меня нет шанса стать нормальным человеком. На самом деле, не уверен, что смогу им стать, но я хочу иметь возможность прожить неделю, ничего не испортив и никого не обидев.

Перед глазами ясно всплывают страдание и обида на лице Тессы, когда я сказал ей, чтобы она уходила. Но вместо того, чтобы, как обычно, воевать с ней, я ее обнимаю. Я должен помнить, что я ей сделал, и не прятаться от

последствий своих поступков.

– Ты ничего не сказал.

Папа перебивает мои мысли. Воображаемое лицо Тессы расплывается и, хотя я стараюсь удержать его, ускользает. Единственное утешение – то, что очень скоро оно вернется и будет меня преследовать.

– Я правда не знаю, что, блин, мне рассказать. Так много всего; не знаю, что и думать, – признаюсь я.

Собственная честность меня пугает, и я жду, что отец ляпнет какую-нибудь фигню. Но нет. Он просто кивает в знак согласия и встает.

– Если захочешь остаться, Карен приготовит что-нибудь на ужин.

– Нет, я пас.

Хочу домой. Единственная проблема с домом в том, что там нет Тессы. И я в этом виноват. Замечаю в коридоре Лэндона, но не обращаю на него внимания и ухожу прежде, чем он успевает дать мне непрошенный совет. Надо бы спросить его, где Тесса, – мне необходимо это знать. Но я знаю и то, что немедленно отправлюсь туда, где она находится, и попытаюсь убедить ее остаться со мной. Мне надо быть там, где она. Выслушивание объяснений отца, почему он был таким хреновым родителем, стало для меня шагом в правильном направлении, но чуда не произошло, и я внезапно не перестал быть контрол-фриком. И я не хочу, чтобы Тесса сейчас оказалась, например, с Зедом...

А вдруг она с Зедом? Черт возьми, что, если они вместе сейчас? Не думаю, что это так, но я позволил ей иметь много друзей. И если она не с Лэндоном...

Нет, она не с Зедом. Просто не с ним.

Я продолжаю убеждать себя в этом, пока поднимаюсь в лифте в нашу квартиру. Почти надеюсь, что придурок, что к нам вломился, сейчас снова там; я мог бы использовать его, чтобы дать выход своему гневу.

По спине и по всему телу бегут мурашки: вдруг Тесса была дома одна, когда ворвался грабитель? В мозгу вспыхивает ее окровавленное заплаканное лицо из моих кошмаров, и тело застывает. Если кто-нибудь когда-нибудь попытается сделать ей больно, это будет последнее, что он сделает.

Какой я все-таки лицемер! Угрожаю убить того, кто сделает ей больно, хотя сам только этим и занимаюсь.

Выпив воды, обвожу взглядом пустую квартиру и начинаю нервничать. Чтобы как-то занять себя, перебираю книжки Тессы. Она очень много пропустила, а это для нее просто беда. Еще одно доказательство, насколько я для нее вреден.

Замечаю тетрадь в кожаной обложке, зажатую между двумя томами «Эммы», и щелкаю застежкой. Раскрываю на середине, перелистываю несколько страниц, заполненных почерком Тессы. Это что-то вроде дневника, как это я не знал, что он у нее есть?

«Введение в мировые религии» – аккуратно написано на первой странице. Сажусь на кровать и приступаю к чтению.

Глава 56

Тесса

Логан кричит мне с другого конца кухни, но поняв, что я все равно не услышу, пробирается ко мне.

– Здорово, что ты пришла! Я не думал, что у тебя получится! – улыбается мне он.

– Я не могла пропустить собственную прощальную вечеринку, – отвечаю я и дрожащими руками поднимаю красную кружку в своего рода тосте.

– Я скучал по тебе, а о Молли пока никто и не вспоминает.

Он смеется и, запрокинув голову, пьет крепкий виски прямо из горлышка. Сделав глоток, он мигает и откашливается, мотая головой так, что я в ужасе представляю, что его горло, наверное, сейчас полыхает огнем.

– Ты станешь моим героем навеки, – шутит он и предлагает мне бутылку.

Я качаю головой, по-прежнему сжимая полупустую кружку в руке.

– Скоро, я уверена, такой герой найдется и повторит твой подвиг.

– Ого. Не поминай черта... – говорит Логан, глядя куда-то через мое плечо.

Не хочу поворачиваться.

– Ну почему? – тихо тяну я, опершись локтями на стол.

Логан снова с улыбкой предлагает мне бутылку, и я беру.

– Пей, – усмехается он и уходит.

Молли появляется в поле моего зрения и приветственно поднимает чашку.

– Так грустно, что вы уезжаете, – говорит она обманчиво сладким голосом. – Нет, я рада, что больше тебя не увижу. Но буду скучать по Хардину... этот мальчик ловко работает языком...

Я закатываю глаза, пытаюсь думать о том, чтобы уйти, но безуспешно. Ревность холодит мою кровь, как лед, и мне хочется задушить ее прямо здесь и сейчас.

– Уйди, – говорю я в конце концов, но Молли только смеется.

– Да ладно тебе, Тесса. Я же была твоим первым врагом в колледже – это ведь что-то значит, верно? – подмигивает она и, проходя мимо, толкает

меня бедром.

Дурацкая была затея с этой вечеринкой. Я знала, что лучше не приходить, тем более без Хардина. Стеф куда-то пропала, а Логана хватило, чтобы занять меня на минутку, прежде чем он нашел более доступный объект. Я смотрю на его девушку: она стоит в профиль и сначала кажется очень милой и скромной, но когда поворачивается, я чуть не падаю, заметив, что вторая половина ее лица закрашена татуировкой. Ого!

Пока я гадаю, постоянная ли это татуировка, виски в кружке становится больше, чем нужно. Я планирую растянуть его на всю ночь и пить очень медленно. Иначе маска, которую я надела, спадет, и я окажусь той раздражающей пьяной девчонкой, которая ревет, как только на нее кто-нибудь обратит внимание. Наконец замечаю Нэта, но он тоже увлечен болтовней с какими-то девчонками, и мне не хочется его отвлекать. Чувствую себя совершенно неуместной. Не только потому, что не вписываюсь в эту тусовку, но меня преследует чувство, что, несмотря на то что эта вечеринка и называется «прощальной» в нашу честь, вряд ли кто-то всерьез беспокоит, уедем ли мы с Хардином. Возможно, они бы проявляли больше интереса, если бы Хардин действительно был со мной; в конце концов, он их друг.

После часа одинокого сидения на кухне наконец слышу, как Стеф кричит:

– Ты тут!

К этому моменту я уже съедаю тарелку кренделей и выпиваю две кружки и начинаю подумывать, не вызвать ли такси. Но теперь, когда Стеф нашлась, я попробую пробыть тут немного дольше. За ней идут Тристан, Молли и Дэн, и я стараюсь изо всех сил сохранять нейтральное выражение лица.

Скучаю по Хардину.

– Я думала, вы уже уехали! – кричу я из-за музыки, отгоняя от себя мысль о том, как странно находиться здесь без Хардина.

Весь прошедший час я с трудом сдерживалась, чтобы держаться подальше от его старой спальни на втором этаже; так тянет пойти туда, скрыться от всей этой неприятной толпы и вспомнить... не знаю что. Мой взгляд опять и опять застывает на лестнице, и это похоже на медленный яд.

– Ни в коем случае! Я принесла тебе выпить.

Улыбаясь, Стеф берет у меня из рук уже полную кружку и заменяет ее точно такой же с розовой жидкостью.

– Вишневая водка, класс! – визжит она, заметив мое замешательство, и я неловко смеюсь, поднося напиток к губам.

– За твою последнюю вечеринку с нами! – восклицает Стеф, и какие-то незнакомые люди поднимают кружки, присоединяясь к тосту.

Молли глядит в сторону, пока я запрокидываю голову, глотая ароматный вишневый напиток.

– Легко на помине, – замечает Молли Стеф, и я быстро оглядываюсь.

Не уверена, хочу ли я, чтобы прибывший оказался Хардином. Но сомнения исчезают: вижу, что на кухню зашел Зед, во всем черном. Я изумленно открываю рот и поворачиваюсь к Стефу.

– Ты же говорила, что его тут не будет.

Меньше всего я хочу сейчас вспоминать о сумбуре, который сама же создала. Ведь я уже попрощалась с Зедом и не готова растревлять раны, не зажившие после его отказа оставаться друзьями.

– Извини, – говорит Стеф, пожимая плечами. – Он только что пришел. Я не знала. – Она прижимается к Тристану.

Я бросаю на нее сердитый взгляд, подогретый алкоголем.

– Ты уверена, что эта вечеринка вообще по поводу моего отъезда?

Понимаю, это звучит неблагодарно, но то, что Стеф пригласила Зеда и Молли, меня очень беспокоит. Если бы тут был Хардин, он уехал бы, как только заметил Зеда.

– Конечно! Слушай, прости, что он здесь. Я ему скажу, чтобы он не говорил с тобой, – уверяет она и порывается пойти к Зеду, но я хватаю ее за руку.

– Нет, не надо. Не хочу показаться грубой. Все замечательно.

Зед болтает с блондинкой, которая зашла вместе с ним. Он улыбается, когда она хохочет, но, подняв глаза, замечает меня, и его улыбка исчезает. Он резко переводит глаза на Тристана и Стефа, но они, избегая его взгляда, уходят из комнаты вместе с Молли и Дэном. Я опять остаюсь одна.

Зед наклоняется и шепчет что-то на ухо блондинке, и она с улыбкой уходит.

– Привет. – Он неловко улыбается и переминается с ноги на ногу, подойдя ко мне.

– Привет. – Я снова отпиваю из кружки.

– Не знал, что ты будешь здесь, – говорим мы одновременно и смущенно смеемся.

– Начинай ты, – просит он.

Я рада, что он не держит на меня зла.

– Я сказала, что понятия не имела, что ты будешь здесь.

– И я тоже не знал.

– Я так и думала. Стеф продолжает меня уверять, что это какая-то

прощальная вечеринка специально для меня, но теперь я точно уверена, что это она для красоты сказала.

Делаю большой глоток вишневой водки, гораздо больше двух предыдущих.

– Ты... ты тут со Стеф? – спрашивает он, подходя ближе.

– Да. Хардина тут нет, если ты об этом.

– Нет, я... – Он провожает глазами кружку, которую я поставила на стол. – Что это?

– Вишневая водка. Забавно, правда? – говорю я, но он не смеется.

Как странно, что они принесли мне именно его любимый напиток. Он растерянно переводит взгляд с кружки на меня и обратно.

– Это Стеф тебе принесла? – спрашивает он серьезно... очень серьезно... а я соображаю так медленно.

Слишком медленно.

– Да... и что?

– Черт. – Он хватается чашку со стола. – Оставайся тут! – командует он, и я слабо киваю.

Замечаю, что моя голова наливается тяжестью, и пытаюсь сосредоточиться на Зеде, уходящем с кухни, но отвлекаюсь на огоньки у себя над головой, кружащиеся по кругу все быстрее. Это так красиво, они прыгают и танцуют над головами.

Огоньки танцуют? Они танцуют... Я должна танцевать.

Нет, я должна сидеть тут.

Прислоняюсь к стене, сосредоточившись на траекториях огоньков, которые кружатся по стенам, сливаясь в лучи. Они светят над головами... или они светят над теми, кто танцует? Это очень красиво... и так запутанно... и я уже не осознаю, что из всего этого происходит на самом деле.

Глава 57

Хардин

Скольжу взглядом по страницам тетради и не могу решить, откуда начать читать. Это тетрадь для занятий по истории религии, и я взял ее только на минутку, чтобы понять, что это вообще такое, поскольку, несмотря на надпись на обложке, почти каждая строчка дополнена датой и заметками, большая часть которых не имеет к религии никакого отношения. И это мало напоминает эссе Тессы, которые я видел, скорее это поток сознания.

«Боль». Слово бросается мне в глаза, и я начинаю читать.

«Заставляет ли боль людей отвернуться от Бога? Если да, то как именно? Боль может кого угодно заставить отказаться от чего угодно. Боль способна заставить вас совершить то, что вы никогда не предполагали делать, например, обвинить Бога во всех несчастьях. Боль... какое простое слово, и какой в нем заложен смысл. И мне пришлось узнать, что она может стать самым сильным чувством из испытываемых человеком. В отличие от других ощущений, только это любой человек гарантированно испытывает в течение жизни, от боли нельзя абстрагироваться, в ней нет ни одного положительного аспекта, чтобы взглянуть на нее с другой точки зрения... есть только всеподавляющее чувство самой боли. За последнее время я отлично выучила, что это такое, моя боль стала уже почти невыносимой. Иногда, когда я одна, что случается все чаще, хотя недавно все было по-другому, я ловлю себя на том, что пытаюсь решить, какой тип боли хуже. Ответ не так прост, как кажется. Медленная, постоянная, ноющая боль, та, что появляется, когда тебя неоднократно ранит один и тот же человек, но вот же, пожалуйста, я все еще здесь и позволяю боли продолжаться... и никогда не заканчиваться.

Только в те редкие моменты, когда он прижимает меня к своей груди и дает обещания, которые не может сдержать, она затихает. И тогда я чувствую свободу, свободу от моей саморазрушаемой боли, которая исчезает при каждом новом столкновении».

Тут же речь ни хрена не о религии; это обо мне.

«Я решила, что горячая, жгущая, бесконечная боль хуже. Эта боль приходит тогда, когда ты наконец расслабляешься, начинаешь дышать

полной грудью, полагая, что проблемы остались в прошедшем дне, но это сегодняшние проблемы, проблемы завтрашние и всех последующих дней. Боль приходит, когда отдаешь себя полностью чему-то, кому-то, а он предаст тебя так – это так чувствительно, – что боль давит, и ты чувствуешь, что едва дышишь, едва держишься за то небольшое, что остается у тебя внутри, уговаривая себя идти дальше и не сдаваться».

Охренеть.

«Иногда это вера в поддержку близких. Иногда, если тебе повезет, можно довериться кому-то другому, доверить кому-то вытащить тебя из этой боли прежде, чем ты увязнешь в ней надолго. Боль – одно из тех отвратительных мест, из которых, если уж ты туда попал, нужно продираться с боем, и даже тогда, когда кажется, что тебе удалось уйти, обнаруживаешь на себе его несмываемые следы. Если ты такой, как я, тебе не на кого положиться, никто не подаст руку и не скажет, что ты способен преодолеть этот ад. Вместо всего этого ты должен засучить рукава, собраться и вытащить себя самостоятельно».

Мои глаза поднимаются к верхнему полю страницы, где написана дата. Она написала это, пока я был в Англии. Я не должен больше это читать. Надо положить эту чертову тетрадку и больше никогда не открывать. Но я не могу. Я должен знать, что еще написано в этой ее книге тайн. Но боюсь того, что я могу узнать из ее тщательно скрываемых мыслей.

Останавливаюсь на странице с заголовком «Вера».

«Что для вас означает вера? Есть ли у вас вера в высшие силы? Верите ли вы в то, что вера может изменить жизнь людей к лучшему?»

Это мне будет читать проще, текст не будет проворачивать нож в ране, от которой такая боль в груди. Эта тема никак не связана со мной.

«Для меня вера – это верить во что-то, кроме самого себя. И я не верю, что все люди могут иметь одну точку зрения на веру, будь то религия или нечто другое. Я верю в нечто высшее. Мы с матерью ходили в церковь каждое воскресенье и иногда еще по средам. Сейчас я не хожу в церковь, хотя, наверное, надо было бы, но теперь, когда я стала взрослой и больше не обязана делать то, что хочет мать, я все еще не выработала собственное отношение к религии.

Когда я думаю о вере, в моем сознании автоматически не возникает понятие религии. Может, и следовало бы, но нет. Там всегда возникает он. Он всегда в моих мыслях. Не знаю, хорошо ли это, но так оно и есть. И я верю, что у нас все получится. Да, он тяжел и невыносим, иногда даже контролирует... то есть он часто контролирует меня, но я верю, что он таков на самом деле, независимо от того, насколько он меня

разочаровывает. Мои отношения с ним проверяют меня на прочность так, что я и представить себе не могла, каждую секунду. Я искренне верю, что однажды его страх потерять меня рассеется и мы пойдем в будущее вместе; это все, чего я хочу. Я знаю, что он тоже этого хочет, но никогда не говорит об этом. Во мне так много веры в него, что я готова вынести все, эти слезы, эти бессмысленные обвинения... я перетерплю это, чтобы просто быть рядом, чтобы увидеть тот день, когда он наконец обретет веру в себя. Несмотря ни на что, я верю, что в один прекрасный день Хардин скажет о своих чувствах открыто и честно, наступит конец его добровольному изгнанию из мира чувств, вещей и действий, которые должны быть им поняты. Что однажды он поймет, что он не злодей. Он старается им быть, но в действительности он герой. Он был моим героем, иногда мучителем, но больше героем. Он спас меня от меня самой. Я всю жизнь притворялась кем-то, кем не являлась, а Хардин показал мне, как это прекрасно быть собой. Я больше не согласна с представлениями моей матери о том, кто я и кем я предположительно должна стать, и от всей души благодарю его за то, что он помог мне понять это. Думаю, однажды он увидит, насколько он невероятен. Он так невероятно прекрасно несовершенен, и я очень люблю его за это. Он не может проявить свой героизм просто так, но он старается, – и это все, о чем я прошу. Я верю, что если он продолжит стараться, рано или поздно он позволит себе быть счастливым. Я буду сохранять веру в него, пока он сам не имеет ее».

Я закрываю тетрадь и тру переносицу, пытаюсь сосредоточиться. Тесса верит в меня без всяких причин. Я никогда не пойму, зачем она впустую тратила на меня время, но, читая ее откровенные мысли, чувствую, что в ране, той, что в моей душе, проворачивают лезвие, вынимают из моей груди и вонзают вновь, раз за разом.

Я осознаю, что Тесса одновременно и боится, и поддерживает меня. Оттого, что все в ее мире вращается... вращалось вокруг меня, я становлюсь счастливым, даже легкомысленным, но когда я вспоминаю, что своими руками все разрушил, улыбка исчезает. Ради нее и ради себя я должен стать лучше. Как ни странно, у меня такое чувство, что после нашего неловкого разговора с отцом с моей души сняли тяжелый груз. Меня не хватило на то, чтобы сказать ему, что мои ужасные воспоминания и обиды забыты или что мы стали друзьями, будем смотреть вместе спортивные передачи и прочую хрень, но я уже не ненавижу его так, как раньше. И я больше похож на отца, чем хочу себе в этом признаться. Я пытался уйти от Тессы для ее же блага, но я до сих пор недостаточно силен, чтобы это сделать. Значит, в этом смысле он сильнее меня. Он смог

уйти и не возвращаться. Если бы у нас с Тессой был ребенок и я чувствовал, что мешаю им жить, я бы тоже захотел уйти.

Да ну на хрен! Мысль о ребенке вызывает у меня отвращение. Я был бы худшим отцом, и Тессе действительно лучше быть одной. Я даже ей не могу выразить свою любовь, не то что ребенку.

– Достаточно, – вслух произношу я, вздыхаю, поднимаясь с места, и иду на кухню.

Полупустая бутылка водки в холодильнике зовет меня, умоляя, чтобы я ее открыл.

Я и вправду долбаный алкоголик. Кручусь по кухне с бутылкой в руках, потом откручиваю крышку и подношу горлышко к губам. Только одно заставляет меня не чувствовать вину. От одного глотка я могу поверить, что Тесса скоро будет дома. Это действует, на самом деле заглушая боль, и это будет действовать всегда. Только это.

И в момент, когда я, закрыв глаза, запрокидываю голову, передо мной встает заплаканное лицо Тессы. Я поворачиваюсь, открываю кран и выливаю водку в раковину.

Глава 58

Тесса

Люди открывают рты, шевелят губами, но до меня не доносится ни звука. В голосе грохочет музыка, отражающаяся от стен. Сколько я уже тут стою? Когда я пришла на кухню? Ничего не помню.

– Привет.

Передо мной появляется Дэн, и я слегка вздрагиваю и прислоняюсь к столу. Его лицо немного не в фокусе, и я стараюсь сосредоточиться.

– Привет... – отвечаю я оооочень медленно.

Он улыбается:

– Ты в порядке?

Я киваю. Или мне кажется, будто киваю.

– Я как-то странно себя чувствую, – признаюсь я, оглядывая комнату, пытаюсь найти Зеда. Надеюсь, он скоро вернется.

– В каком смысле?

– Не знаю, очень... странное ощущение. Как опьянение, только медленнее, но тем не менее я в сознании. – Я машу рукой перед лицом... тремя руками.

Дэн смеется:

– Наверное, ты все же слишком много выпила.

Снова киваю. Потом смотрю перед собой. Мимо меня со скоростью улитки проходит девушка.

– Зед вернулся? – спрашиваю я.

Дэн смотрит вокруг.

– А куда он ушел?

– Пошел узнать у Стеф насчет моей выпивки.

Я все сильнее опираюсь на стол. Наверное, я уже почти лежу на нем. Сама не знаю.

– Правда? Хм, я помогу тебе его найти. – Он пожимает плечами. – Кажется, я видел его наверху.

– Хорошо, – говорю я.

Не думаю, что мне хочется сейчас говорить с Дэном, но нужно найти Зеда, а голова становится все тяжелее.

Медленно иду вслед за Дэном через толпу к лестнице. Теперь музыка

становится очень громкой, и я чувствую, как, пока я поднимаюсь по лестнице, голова раскачивается из стороны в сторону.

– Он точно здесь? – спрашиваю я Дэна.

– Да. Он только что был тут. – Он кивает головой на одну из дверей в коридоре.

– Это комната Хардина, – сообщаю я, и он пожимает плечами. – Можно мне посидеть тут минутку? Кажется, я больше не могу идти.

Ноги тяжелеют, а ум, наоборот, проясняется, и я не знаю, как это объяснить.

– Да, конечно, ты можешь тут посидеть.

Дэн хватает меня за руку и ведет к комнате Хардина. Я, спотыкаясь, добираюсь до края кровати, и воспоминания накрывают меня с головой: мы с Хардином сидели тут, как раз на том месте, где я сейчас. Тогда я первый раз его поцеловала. Я была так потрясена и смущена своим желанием быть с ним. Мой темный мальчик-ангел. Это был первый раз, когда я увидела нежного, доброго Хардина. Ненадолго, но все равно было приятно увидеть его таким.

– Где Хардин? – спрашиваю я, глядя на Дэна.

Странная тень скользит по его лицу, но тут же исчезает. Он смеется:

– О, Хардина тут нет, ты же сказала, что уверена, что он не придет, помнишь?

Он закрывает дверь и запирает ее на замок. Что происходит? Мой мозг лихорадочно работает, но тело словно налито свинцом. Мне хочется лечь, но тревожная сирена в моей голове предупреждает, что я должна пересилить себя.

Не ложись! Держи глаза открытыми!

– О-открой дверь, – прошу я, пытаюсь встать, но комната начинает вертеться перед глазами.

Будто по команде раздается стук в дверь. Облегченно вздыхаю, когда Дэн впускает в комнату Стеф.

– Стеф, – с трудом произношу я. – Он... он что-то задумал.

Не знаю, как ей объяснить, но я чувствую, что он что-то затевает.

Она смотрит на Дэна, и тот отвечает зловещей улыбкой. Снова взглянув на меня, она спрашивает:

– Что задумал?

– Стеф... – снова зову я.

Она мне нужна, она должна помочь мне покинуть эту проклятую комнату!

– Хватить ныть! – прикрикивает она, и у меня перехватывает дыхание.

– Что? – успеваю я спросить.

Но Стеф только улыбается Дэну, когда он засовывает руку в сумку, которую она принесла.

Снова зову ее, она поворачивается и раздраженно на меня смотрит.

– Господи, да ты заткнешься когда-нибудь? Я так устала слушать твой скулеж и постоянные дурацкие жалобы.

Наверное, у меня что-то не так с головой, Стеф не может так говорить.

Она закатывает глаза.

– И это выражение оскорбленной невинности – успокойся уже на хрен. – Покопавшись еще пару секунд, она произносит: – Нашла... вот.

И передает Дэну какую-то небольшую вещь.

Я почти отключаюсь, но тихий звук возвращает меня в сознание... по крайней мере, на несколько секунд. Вижу маленький красный огонек, похожий на крошечную вишню. На вишневую водку. Стеф, Дэн, Молли, Зед, вечеринка. О нет!

– Что ты делаешь? – спрашиваю я ее, и она снова смеется.

– Я же сказала, чтобы ты перестала ныть. Все будет хорошо, – говорит она и подходит к кровати.

В руках у Дэна камера. И красный огонек показывает, что она включена.

– От-твали от меня! – пытаюсь крикнуть я, но получается только шепот.

Стараюсь подняться на ноги, но падаю на кровать. Она мягкая... как зыбучие пески.

– Я думала, ты... – начинаю я.

Стеф кладет руки мне на плечи и рывком переворачивает меня на спину. Я уже не могу перевернуться обратно.

– Что ты думала? Что я твоя подруга? – Она встает на колени на кровати, зависая надо мной. Хватает пальцами подол моего платья и задирает до пояса. – Ты была слишком занята, когда, как шлюха, металась между Хардином и Зедом, чтобы понять, что я всегда на самом деле тебя презирала. Неужели ты думаешь, что если бы я действительно о тебе заботилась, я бы промолчала о том, что Хардин хочет встречаться с тобой, только чтобы выиграть пари? Наверное, настоящая подруга предупредила бы?

Она права; мой идиотизм вновь предстает передо мной со всей очевидностью. Боль от предательства, помноженная на полуобморочное состояние, приводит к тому, что когда я смотрю на Стеф, ее лицо в ореоле рыжих волос, искаженное самым отвратительным образом, кажется мне

демоническим, а блеск темных глаз заставляет меня похолодеть.

– Да, кстати, – скалится она, – надеюсь, ты весело провела время, ожидая появления Хардина в его день рождения? Удивительно, что можно сделать одной эсэмэской. С помощью видеокамеры можно добиться не худшего эффекта, верно?

Пытаюсь оттолкнуть ее, но это невозможно. Она легко отмахивается от моих рук и продолжает стягивать с меня одежду. Закрываю глаза и представляю, как Хардин взламывает дверь, чтобы спасти меня, словно рыцарь в черных доспехах.

– Хардин вас всех... найдет, – слабо угрожаю я.

– Ха-ха, да, это точно. А теперь заткнись.

В дверь опять кто-то стучит, и я снова безуспешно пытаюсь сбросить ее с себя.

– Закрой дверь, быстро, – командует Дэн.

Поворачиваю шею и совершенно не удивляюсь, обнаружив, что к нам присоединилась Молли.

– Помоги мне снять с нее платье, – говорит Стеф.

Мои глаза вспыхивают, я пытаюсь вертеть головой, но ничего не выходит. Не могу пошевелиться. Дэн хочет меня изнасиловать, я знаю. Такой был план Стеф на эту вечеринку. Никто и не думал устраивать прощальное торжество в мою честь. Это просто способ меня унижить. Понятия не имею, почему я считала ее своей подругой.

Волосы Молли падают мне на лицо – это она забралась на кровать, а Стеф перекачивает меня на бок, чтобы удобнее было снять с меня платье.

– Заче-е-ем? – говорю я срывающимся голосом, смутно ощущая слезы на щеках, текущие на простыню.

– Зачем? – откликается Дэн, наклоняясь близко ко мне. – Зачем? Твой парень-мудак трахнул и бросил мою сестру – вот зачем.

Я с омерзением чувствую на лице его теплое дыхание.

– Ого! – громко говорит Молли. – Кажется, ты говорила, что мы будем ее только фотографировать!

– Так и есть... ну, может, еще и заснимем немного, – отвечает Стеф.

– Ни за что! Черт, нет, ты не можешь снимать, как он ее насилует! – кричит Молли.

– Он и не будет... господи. Я же пока не сумасшедшая. Он просто будет ее трогать, вроде как они трахаются, и когда Хардин будет смотреть это видео, он так и подумает. Только представь его лицо, когда он увидит, что его невинная маленькая сучка трахается с Дэном, – смеется Стеф. – Я думала, ты этого хочешь, – шепчет она Молли. – Ты сама так сказала.

– Я, конечно, зла на него, но вы не можете записывать на видео это дерьмо, – шипит Молли, но я ее прекрасно слышу.

– Ты говоришь, как она.

Окончательно сорвав с меня платье, Стеф переворачивает меня обратно.

– Хватит! – плачу я.

Стеф закатывает глаза, а Молли выглядит так, словно ее в любую минуту стошнит.

– Мы так не договаривались, – испуганно говорит она.

Стеф злобно хватает ее за плечи и встряхивает.

– Тогда вот дверь. Если боишься, иди вниз, мы к тебе присоединимся.

Кто-то снова стучит в дверь, и я слышу голос Тристана.

– Стеф, ты тут? – спрашивает он с той стороны.

Только не он!

– Черт! – бормочет Стеф. – Да, хм, я разговариваю с Молли. Буду через минуту!

Открываю рот, чтобы закричать, но ее рука зажимает мне губы. Она липкая и пахнет спиртным. Я умоляюще смотрю на Молли, но та отворачивается. Трусиха.

– Иди вниз, милый. Я скоро. Она... она расстроена. Это женские дела, понимаешь? – врет она.

Несмотря на весь этот кошмар, я рада, что Тристан, кажется, не в курсе намерений своей жестокой подруги.

– Ладно! – кричит он.

– Иди сюда, – спокойно командует Стеф Дэну. Затем она касается моей щеки: – Открой глаза.

Я слегка приоткрываю глаза и чувствую, как рука Дэна скользит по моему бедру вверх. Меня пронизывает страх, и я снова их закрываю.

– Я пойду вниз, – заявляет Молли, когда Дэн подносит маленькую камеру к своему лицу.

– Ладно, закрой дверь.

– Подвинься, – говорит Дэн, и постель прогибается подо мной, когда Стеф слезает и он оказывается на ее месте. – Вот, возьми.

Я изо всех сил пытаюсь представить на месте Дэна Хардина, но это невозможно. Руки мягкие, слишком мягкие, и я лихорадочно пытаюсь представить вместо них хоть что-то. Представляю одеяло, которое было у меня в детстве, как оно касается моей кожи...

Дверь хлопает, что означает знак, что Молли ушла, и я снова плачу.

– Он тебя изувечит, – задыхаясь, произношу я, плотно закрыв глаза.

– Нет, он ничего не сделает, – отвечает Дэн. – Он не захочет, чтобы кто-нибудь об этом узнал, и не будет делать глупостей.

Он проводит пальцами по моим трусикам и шепчет мне:

– Так уж устроен мир.

Собираю все силы, чтобы оттолкнуть его от себя, но могу лишь слегка дернуться на кровати. Стеф злорадно хохочет.

– Хардин придурок, да? – кричит она, приставляя камеру к моему лицу. – Он все время с кем-то трахается: с сестрой Дэна, со мной, он много девушек привлекал к себе, трахал их, а потом выбрасывал. Так было до тебя. А почему тебя он так сильно полюбил, я совершенно не понимаю, – полным отвращения голосом замечает она.

– Тесса! – раздаётся откуда-то голос Зед.

Стеф снова затыкает мне рот, но я слышу, как кто-то колотит в дверь.

– Тихо! – командует она.

Я пытаюсь укунить ее за руку, она размахивается и бьет меня по лицу. К счастью, я почти ничего не чувствую.

– Открой эту чертову дверь, Стеф,пусти меня! – орет Зед.

Неужели он с ними заодно? И Хардин был прав, когда говорил о нем? Неужели все вокруг меня хотят причинить мне страдания? Мысль не такая уж невозможная: почти все, кого я знала по колледжу, меня предали. Список только пополняется.

– Я выбью дверь – хватит разговоров. Тристан, давай! – слышу я крик, и Стеф немедленно убирает руку от моего лица.

– Погодите! – кричит она, подходя к двери.

Но слишком поздно. Дверь с громким треском вылетает, и Дэн мгновенно убирает от меня руки. Открыв глаза, я замечаю, как он быстро пятится в сторону, а Зед пулей врывается в комнату.

– Что тут за херня! – орет он, бросаясь ко мне.

Он набрасывает на меня одеяло, и я пытаюсь протянуть руку.

– Помоги мне, – прошу я, надеясь, что он не участвует в этом кошмаре и что он меня слышит.

Зед кидается к Стефу и выхватывает у нее из рук камеру.

– Ты что тут устроила?

Он швыряет камеру на пол и несколько раз на нее наступает.

– Остынь, чувак, это всего лишь шутка, – говорит она, складывая руки на груди.

И в этот момент в комнату заходит Тристан.

– Шутка? Ты подсыпала ей что-то в кружку, а теперь ты стоишь тут с видеокамерой, пока Дэн пытается ее изнасиловать! Ни хрена себе шутка!

У Тристана отвисает челюсть.

– Что?

Как по команде, Стеф тычет пальцем в Зеда и начинает плакать:

– Не слушай его!

Зед качает головой:

– Нет, парень, это правда. Пойди спроси у Джейс. Она попросила у него колесо – и взгляни на Тессу! А вот камера, которую они только что использовали.

Он указывает на пол. Завернувшись в одеяло, я стараюсь сесть прямо. Но не могу.

– Это была шутка. Никто не собирался делать ей больно!

Стеф ненатурально смеется, пытаясь скрыть свои истинные мотивы. Но Тристан смотрит на нее в ужасе.

– Как ты могла так с ней поступить? Я думал, вы подруги!

– Нет-нет, милый, все не так ужасно, это Дэн придумал!

Дэн воздевает руки, пытаясь показать, что он тут ни при чем.

– Что за нафиг! Нет, это была не моя идея! Это ты меня подговорила. – Он указывает на Стеф, глядя на Тристана. – Она просто повернулась на Хардине... поэтому все это и придумала!

Покачивая головой, Тристан поворачивается, чтобы выйти из комнаты, но, видимо, передумав, с размаху бьет Дэна в челюсть. Тот валится на пол, и Тристан разворачивается к выходу. Стеф делает попытку следовать за ним.

– Отвали от меня! Между нами все кончено! – кричит он, не останавливаясь.

Обернувшись, Стеф обводит всех взглядом, восклицая:

– Ну, спасибо, блин, огромное!

Мне становится смешно: она спланировала это ужасное шоу, чтобы поглумиться надо мной, а теперь сама же всех обвиняет, когда оно обернулось против нее. И если бы я не лежала сейчас, едва дыша, я бы расхохоталась.

Зед склоняется надо мной.

– Тесса... ты в порядке?

– Нет... – признаюсь я, чувствуя, как сознание все больше затуманивается.

Сначала медленно отключалось мое тело, а в голове только немного путалось, но теперь я чувствую, как препарат все сильнее и сильнее действует на мозг.

– Извини, что я оставил тебя одну. Мне следовало бы догадаться.

Зед плотнее укутывает меня в одеяло, заводит одну руку мне под колени, другой обхватывает поперек спины и поднимает с кровати. Он поворачивается к выходу, но останавливается перед Дэном, который только пытается подняться с пола.

– Надеюсь, когда Хардин узнает об этом, он тебя убьет. Ты это заслужил.

Смутно слышу вздохи и шепот вокруг, когда Зед проносит меня через переполненный зал. Но мне все равно. Я только хочу вырваться из этого места и никогда не возвращаться назад.

– Что случилось? – узнаю голос Логана.

– Ты можешь подняться наверх и забрать ее платье и сумку? – спокойно просит Зед.

– Да, конечно, чувак, – отвечает Логан.

Зед открывает входную дверь, и меня окутывает холодный воздух, отчего я дрожу. По крайней мере, я думаю, что дрожу, но точно не знаю. Зед пытается меня укутать, но одеяло все равно сваливается. Сама я не могу ничего сделать, руки по-прежнему не шевелятся.

– Я позвоню Хардину, как только положу тебя в свою машину, о'кей?

– Нет, нет, – твержу я.

Хардин придет в настоящее бешенство. Меньше всего мне хочется ругаться с ним в момент, когда я еле могу держать глаза открытыми.

– Тесса, я правда считаю, что стоит ему позвонить.

– Пожалуйста, нет!

Я плачу. Хардин – единственный, кого я сейчас хочу видеть, но я не представляю, как он на все это отреагирует. Если он так обработал Зеда, что же он сделает с Дэном и Стеф? За это он точно сядет, я уверена.

– Не говори ему ничего, – еще раз повторяю я. – Ничего.

– Он в любом случае узнает. Даже если запись не сохранилась, много людей видели, что произошло.

– Не надо, пожалуйста.

Я слышу разочарованный вздох Зеда, когда он перекидывает меня на одну руку, чтобы открыть дверцу машины. Логан возвращается и помогает Зеду уложить меня на холодное сиденье.

– Вот ее вещи. Все нормально? – спрашивает он с явным беспокойством.

– Да, кажется. Просто она под колесами.

– Какого хрена?

– Это долгая история. Ты когда-нибудь пробовал? – спрашивает Зед.

– Да, давно, но только половину, и через час я потерял сознание.

Надеюсь, у нее не начнутся галлюцинации. У некоторых людей бешеная реакция на это дело.

– Вот дьявол! – стонет Зед, и я представляю, как он теребит пальцами кольцо в губе.

– Хардин знает?

– Еще нет...

Они продолжают обсуждать меня, словно я не лежу рядом, но, к моему удовольствию, холодный воздух из нагревателя в машине наконец-то сменяется теплым.

– Нужно отвезти ее домой, – говорит Зед и через несколько секунд садится в машину.

Озабоченно глядя на меня, он спрашивает:

– Если ты не хочешь, чтобы я вез тебя к нему, то куда тебя везти? Можешь поехать ко мне, но ты же знаешь, он взбесится, когда об этом узнает.

Если бы я была в состоянии нормально говорить, я бы сказала ему о нашем расставании, но поскольку у меня не получается, вырывается что-то среднее между стоном и кашлем.

– К... маме, – выдавливаю я.

– Ты уверена?

– Да... не к Хардину. Пожалуйста, – выдыхаю я.

Он кивает, и его джип сдвигается с места. Стараюсь сосредоточиться на голосе Зеда, который говорит по телефону, но отвлекшись на то, чтобы сидеть прямо, я теряю нить разговора, и через несколько секунд я снова лежу на сиденье. Сдавшись, закрываю глаза.

Глава 59

Хардин

«Любовь – самое главное чувство из всех. Любовь к Богу или к другому человеку – это всегда самый мощный, невероятный, гигантский опыт. Момент, когда вы осознаете, что способны любить кого-то больше, чем себя, возможно, самый важный в вашей жизни. Во всяком случае, так было со мной. Я люблю Хардина больше, чем себя, больше всего в этом мире».

На журнальном столике уже в пятый раз за последние две минуты вибрирует телефон. Наконец решаю ответить, чтобы только она отвязалась.

– Какого хрена тебе надо? – кричу я в трубку.

– Это...

– Отстань, Молли, у меня нет времени на твое дерьмо.

– Речь идет о Тессе.

Я вскакиваю, тетрадка валится на пол. Кровь холодеет.

– О чем ты?

– Она... короче, без шуток, Стеф что-то ей дала, и Дэн...

– Где ты?

– В братстве.

На этих словах отключаю телефон, хватаю ключи и выбегаю из квартиры.

Всю дорогу сердце колотится так, что чуть не выскакивает из груди. Какого черта я снял квартиру так далеко от кампуса? Это самые долгие двадцать миль в моей жизни.

Стеф что-то подсунула Тессе? Какого хрена, она что, с катушек съехала? И Дэн, этот гаденыш, – труп, если он к ней хоть пальцем прикоснулся.

Я несусь на красный свет, игнорируя сигналы, показывающие, что я получу как минимум четыре штрафа по почте.

«Речь идет о Тессе...» – снова звучит в голове, когда я добираюсь до знакомого дома. Не трачу время на выключение зажигания и закрывание дверей; машина сейчас – меньшая из проблем. Ищу Тессу, прокладывая путь сквозь толпы пьяных идиотов, которые шатаются по гостиной и коридору.

Вижу Нэта и, не тратя времени, хватаю его за воротник и прижимаю к стене.

– Где она?

– Не знаю, я ее не видел! – орет он, и я его отпускаю.

– Где эта долбаная Стеф?

– Кажется, во дворе, была там, по крайней мере.

Отталкиваю его, а он, спотыкаясь, таращится на меня.

В ужасе пробираюсь на задний двор... Если Тесса там, на холоде, со Стеф и Дэном...

Рыжие волосы Стеф хорошо заметны в темноте. Без колебаний хватаю ее сзади за воротник кожаной куртки и поднимаю над землей. Она начинает махать руками за спину.

– Что за хрень!

– Где она? – рычу я, не отпуская.

– Не понимаю, о чем ты! – выплевывает она, и я разворачиваю ее к себе лицом.

– Где она, мать твою?

– Ты мне ничего не сделаешь.

– На твоём месте я бы не был таким самоуверенным. Говори быстро, где Тесса! – бросаю я ей прямо в лицо.

Стеф вздрагивает, и на мгновение ее напускная смелость спадает, но затем она снова качает головой.

– Не знаю я, где она сейчас, но, вероятно, она без сознания.

– Ты мерзкая отвратительная сука. Будь я на твоём месте, я бы исчез отсюда прежде, чем я найду Тессу. Потому что, как только я узнаю, что с ней все в порядке, ничто не остановит меня от того, чтобы вернуться за тобой!

На мгновение мне хочется врезать Стеф, но я понимаю, что на самом деле я не смогу этого сделать. Не могу представить себе реакцию Тессы, если она узнает, что я поднял руку на женщину, даже такую лживую, как Стеф.

Разворачиваюсь и захожу в дом. У меня нет времени на игры.

– Не в курсе, где Дэн Хирт? – спрашиваю я какую-то блондинку, сидящую возле лестницы.

– Этот? – интересуется она, указывая крашенным ногтем вверх.

Не отвечая, в два прыжка взбегаю по лестнице. Дэн не знает, что я здесь, до тех пор, пока я не хватаю его и не опрокидываю на землю, случайно уронив при этом еще двоих парней. Я бью его и подминаю под себя, обхватывая шею руками. Дежавю, твою мать!

– Где Тесса, гад? – Я усиливаю захват.

Его лицо уже сильно краснеет, и вместо ответа он жалко сипит. Сжимаю пальцы еще крепче.

– Если ты хоть немного сделал ей больно, я вытрясу всю душу из твоего поганого тела, – с угрозой говорю я.

Он дрыгает ногами, и я поднимаю взгляд на парня, с которым он стоял.

– Где Тесса Янг? – спрашиваю я его, когда парень в знак капитуляции поднимает руки.

– Я не... я ее не знаю, чувак. Клянусь! – кричит этот сопляк и пятится при виде того, как я душу его друга.

Лицо Дэна меняет цвет с розового на фиолетовый.

– Готов ли ты мне ответить? – кричу я.

Он отчаянно кивает.

– Так говори, твою мать! – Я отпускаю его.

– Она... с Зедом, – бормочет он сквозь глухой кашель, напавший на него, как только мои руки отпустили его шею.

– С Зедом? – Перед глазами опускается черная пелена, и все мои кошмары материализуются. – Он с тобой заодно, да?

– Нет. Зед не имеет с ним ничего общего, – говорит Молли, выходя из одной из комнат дальше по коридору. – Он ни при чем. Я имею в виду, он слышал, что Стеф что-то затевает, но не думал, что она всерьез.

Смотрю на Молли дикими глазами.

– Где она? Где Тесса? – в сотый раз спрашиваю я.

Каждая секунда, в которую я не вижу ее, каждый момент, пока я не уверен в ее безопасности, наносит удар по моему резко исчезающему здравомыслию.

– Не знаю. Думаю, она осталась с Зедом.

– Что они с ней сделали? Расскажи мне все сейчас же!

Я встаю, оставляя Дэна валяться на полу. Он трет шею и пытается отдышаться. Молли качает головой.

– Ничего не сделали; он остановил их раньше, чем они успели.

– Кто?

– Зед. Я пошла и позвала их с Тристаном до того, как они успели. Стеф оказалась настолько ненормальной, что решила устроить так, чтобы Дэн изнасиловал Тессу. Она сказала, что только хотела инсценировать изнасилование, чтобы на видео это так смотрелось, но я не знаю; вела она себя, как настоящий псих.

– Изнасиловать Тессу? – хриплю я. Нет! – Он... прикасался к ней?

– Немного, – виновато говорит она, глядя в пол.

Смотрю на Дэна, который сидит рядом. Мой ботинок врезается в его щеку, и он мгновенно растягивается во весь рост.

– Обалдел? Ты же его убьешь! – кричит Молли.

– Ты на очереди, – огрызаюсь я, пытаюсь оценить, как сильно надо ударить его, чтобы раскроить череп.

Кровь течет по щеке Дэна и из уголка рта.

Ладно.

– Я не... Я заодно не с ними, поверь мне.

– Тогда зачем ты мне позвонила? Я думал, ты ненавидишь Тессу.

– Ненавижу, верно. Но не могу же я сидеть и смотреть, как кто-то ее насилует.

– Ну...

Я почти благодарю ее, но вспоминаю, что она тоже та еще сука, поэтому лишь киваю и ухожу на поиски Тессы.

Как здесь оказался Зед? Этот ублюдок всегда подворачивается в нужный момент, обычно когда я выгляжу полным кретином, и теперь опять – он ее спасает.

Несмотря на всю ревность, вздыхаю с облегчением, узнав, что ей удалось избежать отвратительного плана мести. Это испытание – еще одно доказательство, что все беды в жизни Тессы происходят из-за меня. Если бы я не трахался с сестрой Дэна, ничего бы не произошло. Теперь Тесса под наркотой, и она вместе с Зедом. Кто знает, что, мать его, он с ней сделает?

Вот оно – это чувство. Знать, что она попала в беду из-за меня. Ее могли изнасиловать, и виноват был бы я сам.

Так же, как в моем сне... и меня не было рядом, чтобы это остановить. Так же, как я был не в состоянии ничего поделать, когда это произошло с мамой. Ненавижу. Я так сильно ненавижу себя. Я порчу жизнь всем, кто мне близок. Я яд, а она ангел, медленно разрушаемый мной, сохраняющий от уничтожения остатки себя.

– Хардин! – Внизу меня встречает Логан.

– Не знаешь, где Тесса с Зедом? – спрашиваю я скривившись.

– Они уехали минут пятнадцать назад, я думал, они поехали к тебе, – отвечает он.

Значит, она никому не рассказывала, что мы расстались.

– Она была... в порядке? – спрашиваю я, затаив дыхание.

– Не знаю, она была довольно-таки не в себе. Ей дали какую-то синтетику.

– Черт! – Я тяну себя за волосы и иду к выходу. – Если ты узнаешь

что-нибудь от Зеда прежде, чем я найду их, дай мне знать.

Логан кивает, и я бегу к машине. К счастью, ее никто не угнал. Тем не менее кто-то не упустил возможности показать свою дурь и залить лобовое стекло пивом, оставив пустую кружку на капоте. Чертовы пьянчуги!

Звоню Тессе, потом отправляю голосовое сообщение.

– Ответь мне, пожалуйста... Перезвони сразу же.

Я понимаю, что, скорее всего, прямо сейчас она ответить не в состоянии, но Зед мог бы ответить за нее на этот чертов звонок. От мысли, что она была так беззащитна, когда меня не было рядом, меня начинает подташнивать. Я бью руками по рулю и выставляю ладони за окно. Просто напасть какая-то, Тесса с Зедом, все эти люди. Я доверяю ему не больше, чем Дэну или Стефу. Не совсем так, но все же я ему не доверяю. К моменту, как я подъезжаю к дому Зеда, я весь в слезах, щеки мои мокры, и это лишний раз напоминает мне, какой я на самом деле неудачник. Я позволил этому случиться; я позволил, чтобы ей подсунули наркотики, унизили, почти изнасиловали. Я должен был быть там. Никто не посмел бы и пикнуть, будь я рядом с ней. Наверное, ей было так страшно... Я поднимаю край футболки, чтобы вытереть предательские слезы с глаз, и захожу в подъезд Зеда. Его тачки нет на стоянке... Что за черт, где он? Где она?

Пытаюсь дозвониться то до Тессы, то до Зеда, потом опять до Тессы – но никто не берет трубку. Если он сделает с ней что-нибудь, пока она без сознания, для него это кончится гораздо хуже, чем он может себе представить. Куда еще он мог повезти ее?

К Лэндону?

– Хардин? – слышу я сонный голос Лэндона в трубке и нажимаю кнопку громкой связи.

– Тесса у тебя?

Он зевает.

– Нет... а должна быть?

– Нет, я не могу ее найти.

– Ты... – Он замолкает. – Ты в порядке?

– Да... нет. Неважно. Я не могу найти Тессу и не знаю, где еще искать.

– А она хочет, чтобы ты ее нашел? – тихо спрашивает он.

Хочет ли она? Наверное, нет. Но опять же, сейчас она, скорее всего, не может сама это сказать. Обстоятельства слишком необычны, мягко говоря.

– Я расцениваю твоё молчание как «нет», Хардин. Думаю, если она не хочет, чтобы ты ее нашел, то может быть только в одном месте, куда, как ей известно, ты не пойдешь.

– К ее матери! – догадываюсь я, ударяя себя по бедру – как я до этого

не додумался!

– Ну, значит, я тебе помог... Ты собираешься туда?

– Да. – Но действительно ли Зед будет везти ее два часа к маме?

– Ты знаешь, где это?

– Не совсем, но я могу вернуться в квартиру и найти адрес.

– Думаю, адрес где-то записан... Она недавно оставляла тут какие-то документы. Я посмотрю и перезвоню тебе.

– Спасибо.

Я нетерпеливо жду, развернув машину на ближайшей пустой стоянке. Глядя в окно, в темноту, я борюсь с внезапно навалившейся усталостью. Я должен сосредоточиться на Тессе, выяснить, что сейчас она в порядке.

– Расскажешь, что произошло? – спрашивает Лэндон через минуту, перезвонив мне.

– Стеф... Знаешь ее, рыжая? Она подсунула Тессе наркотики.

Лэндон охает.

– Что-что?

– Да, это дебильная история, а меня не было рядом, чтобы помочь ей, так что сейчас она с Зедом.

– Она в порядке? – Кажется, он серьезно встревожился.

– Понятия не имею.

Я вытираюсь футболкой, и Лэндон дает мне указания, как ехать к родительскому дому Тессы.

Когда я там окажусь, ее мать почернеет от злости, но, учитывая обстоятельства, сейчас это меня не волнует. И я понятия не имею, что, блин, собираюсь делать, когда приеду, но мне нужно только увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке.

Глава 60

Тесса

– Что случилось? Скажи мне! – кричит моя мать, помогая Зеду доставать меня из джипа.

Он обхватил меня руками, я смущена, и мне от этого неловко.

– Бывшая соседка Тессы по комнате что-то подсыпала в ее стакан, и Тесса попросила меня привезти ее сюда, – рассказывает Зед, утаивая половину.

Я рада, что некоторые детали он опустил.

– Боже мой! Зачем этой девчонке так поступать?

– Не знаю, миссис Янг... Тесса объяснит вам, когда проснется.

Я проснулась! Я хочу закричать, но не могу. Очень странное чувство, когда ты слышишь все, что вокруг происходит, но не в состоянии участвовать в разговоре. Я не могу ни шевелиться, ни говорить, в голове туман, мысли путаются, но я все осознаю. Через некоторое время все меняется: иногда голос Зеда меняется на тембр Хардина, и я могу поклясться, что слышу смех Хардина, вижу его лицо, когда пытаюсь открыть глаза. Потом это пропадает. Этот наркотик сводит меня с ума, мне хочется, чтобы все наконец закончилось.

Зед отпускает меня.

– Спасибо, что привезли ее сюда, – говорит мама. – Это просто ужасно. Когда она проснется? – напряженно спрашивает она.

Голова у меня слегка кружится.

– Не знаю. Думаю, последствия приема длятся максимум двенадцать часов. Сейчас прошло уже три.

– Как она могла быть такой дурой?

Мать смотрит на Зеда, а «дурой» эхом отдается в моей голове и замирает.

– Кто, Стеф? – переспрашивает он.

– Нет, Тереза. Как она могла оказаться такой дурой, чтобы связываться с подобными людьми?

– Это была не ее вина, – защищает меня Зед. – Это должна была быть прощальная вечеринка перед ее отъездом. Тесса думала, что это ее подруга.

– Подруга? Боже! Тессе нужно было десять раз подумать, прежде чем

дружить с ней или с кем-либо другим из вас.

– Не считайте за грубость, но вы меня не знаете. И я проделал долгий путь, чтобы привезти сюда вашу дочь, – вежливо отвечает Зед.

Мать вздыхает, и я слышу, как ее каблуки стучат по кафельной плитке на кухне.

– Вам еще потребуется моя помощь? – спрашивает ее Зед.

Диван, на котором я лежу, гораздо мягче, чем руки Зеда. Руки Хардина мягче, но и сильнее одновременно; я люблю смотреть, как под его кожей перекачиваются мускулы. Мысли снова расплываются. Ненавижу эти постоянные скачки между сознанием и забытием!

Откуда-то издали я слышу, как голос моей матери произносит:

– Нет, спасибо, больше ничего. Я нагубила вам и прошу за это прощения.

– Тогда я принесу ее одежду и вещи из машины и поеду обратно.

– Хорошо.

Из соседней комнаты доносится стук ее каблуков.

Я ожидаю услышать рев мотора его машины, но его нет, или, может быть, я его пропустила. В голове – хаос и тяжесть. Не знаю, сколько я пролежала, но мне хочется пить.

Зед уже уехал?

– Что, черт возьми, ты тут делаешь? – кричит мать, и от этого сознание мое на время становится очень четким, хотя я и не понимаю, что происходит.

– Она в порядке? – спрашивает задыхающийся, хриплый голос Хардин.

Он здесь, Хардин!

Если, конечно, это не голос Зеда. Нет, это точно Хардин. Я чувствую, что это он.

– Ты не войдешь в этот дом! Слышишь меня! Не делай вид, что ты меня не слышишь!

Наружная дверь хлопает, а мать все еще продолжает кричать.

И тогда мне кажется, что я чувствую его руку на своей щеке.

Глава 61

Хардин

Они вряд ли давно уехали – все двадцать миль я гнал на предельной скорости. Вижу возле небольшого кирпичного дома джип Зеда и рывком останавливаюсь. Зед выходит на крыльцо, и я с трудом могу себя контролировать.

Он медленно идет к своей машине, когда я припарковываюсь на обочине, не желая блокировать выезд, так что он может просто свалить отсюда.

Что я скажу ему? Что я скажу ей? Сможет ли она меня слышать?

– Я знал, что ты тут появишься, – тихо говорит он, когда я подхожу ближе.

– А почему бы мне тут не быть? – рычу я, почти не сдерживая ярости.

– Может быть, потому, что все это из-за тебя.

– Ты что, серьезно? Значит, я виноват, что у Стеф крыша поехала, да?

А ведь так и есть.

– Нет, ты виноват в том, что не пошел с ней на эту вечеринку. Видел бы ты ее глаза, когда я выбил дверь в ту комнату.

Он мотает головой, стараясь отогнать воспоминания. В груди у меня все сжимается. Тесса не должна была сказать ему, что мы не вместе. Но значит ли это, что она хочет того же, чего и я?

– Я... я даже не знал, что она туда собирается. Где она?

– Внутри, – отвечает он и бросает на меня убийственный взгляд.

– Нечего так пялиться, тебя вообще тут быть не должно, – напоминаю я.

– Если бы не я, ее бы изнасиловали и бог знает что еще...

Мои руки сами сжимают ворот его кожаной куртки, и я рывком прижимаю его к машине.

– Сколько бы ты ни пытался и сколько бы ее ни «спасал», она тебя все рано не захочет. Учти.

Я последний раз толкаю его и ухожу. Мне хочется врезать ему, разбить нос за то, что он такой самодовольный придурок, но Тесса сейчас внутри, а мне гораздо важнее как можно быстрее ее увидеть. Сквозь окно его пикапа замечаю на сиденье сумку Тессы и... ее одежду.

Она что, голая?

– Почему здесь ее платье? – спрашиваю я, дергая дверцу машины и собирая ее вещи.

Зед молчит, и я свирепо оборачиваюсь, ожидая объяснений.

– Они ее раздели, – мрачно отвечает Зед.

– Черт! – бормочу я, шагая по дорожке к дому матери Тессы.

Когда я поднимаюсь на крыльцо, Кэрол выходит и загораживает собой дверь.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь?

Ее дочь без сознания, а она не находит ничего лучше, чем орать на меня. Прекрасно.

– Мне нужно ее увидеть.

Я хватаюсь за ручку двери. Она качает головой, но отходит в сторону. Кажется, она понимает, что я снесу ее, если она будет мешать.

– Ты не войдешь в этот дом! – кричит она.

Не обращая внимания, я обхожу ее.

– Слышишь меня?! Не делай вид, что ты меня не слышишь!

За мной хлопает дверь. Оглядываю маленькую гостиную в поисках своей девушки.

Вижу ее и на мгновение застываю. Она лежит на диване с полусогнутыми коленями, ее волосы, как белый ореол, рассыпаны вокруг головы, глаза закрыты. Кэрол продолжает кричать, что вызовет полицию, но мне плевать. Я делаю шаг к Тессе и встаю на колени рядом с ее лицом. Бездумно провожу по щеке пальцем, и проявляется румянец.

– Господи! – восклицаю я, вглядываясь в то, как ее грудь медленно поднимается и опускается. – Черт, Тесс, прости меня! Это я виноват! – шепчу я, надеясь, что она меня слышит.

Она прекрасна даже сейчас, и так спокойна: губы слегка полуоткрыты, лицо обезоруживающе невинно.

Конечно же, Кэрол тут же бросается ко мне и изливает весь свой гнев:

– Ты это заслужил! Твоя вина, смотри! А теперь убирайся из моего дома, пока я не вызвала полицию!

Не оборачиваясь, говорю:

– Может, передохнешь? Я никуда не пойду. Давай вызывай копов. Их появление тут, да еще поздно ночью, сразу станет темой для пересудов, и мы оба знаем, что ты этого не хочешь.

Я знаю, что она сейчас смотрит на меня испепеляющим взглядом, но не могу отвести взгляд от лежащей передо мной Тессы.

– Ладно, – фыркает наконец Кэрол. – Даю тебе пять минут.

Ее туфли шаркают по полу самым отвратительным образом. Почему, кстати, она так одета ночью?

– Надеюсь, ты меня слышишь, Тесса? – начинаю я. Я хриплю, но нежно касаюсь ее кожи. На глаза наворачиваются слезы, и одна падает ей на щеку. – Прости меня. Боже, прости меня за все это! Я не должен был позволить этому случиться. Чем я думал?.. Думаю, ты можешь немножко мной гордиться. Я не убил Дэна, когда нашел его, только пнул в лицо... а, ну еще немного придушил, но он дышит. – Я делаю паузу и признаюсь: – И я почти запил сегодня вечером, но потом не стал этого делать. Я не мог больше портить то, что есть между нами. Знаю, ты считаешь, что мне все равно, но я стараюсь, просто не знаю, как тебе показать.

Я останавливаюсь, заметив, что ее веки вздрагивают.

– Тесса, ты слышишь меня? – с надеждой спрашиваю я.

– Зед? – еле слышно шепчет она, и на мгновение у меня темнеет в глазах.

– Нет, детка, это Хардин. Это Хардин, а не Зед.

Я не могу сдержать раздражение, поднимающееся во мне, когда она тихо шепчет его имя.

– Не к Хардину. – Ее брови слегка хмурятся в замешательстве, но глаза остаются закрытыми. – Зед? – повторяет она, и я убираю руку от ее щеки.

Когда я встаю, ее мамы нигде не видно. Я удивлен, что она не нависла над моим плечом, пока я пытался поговорить с ее дочерью.

Будто прочитав мои мысли, она появляется в комнате.

– Все? – резко спрашивает она.

Я отмахиваюсь куда-то назад, за спину.

– Нет еще.

Я хочу, чтобы наш разговор не заканчивался на том, что Тесса зовет Зеда.

Потом, кротно, как бы признавая, что не может контролировать весь мир, ее мать просит:

– Можешь перенести ее в комнату, прежде чем уйдешь? Не может же она так и лежать на диване.

– Значит, входить мне нельзя, а как... – Я останавливаю себя, понимая, что нет смысла вступать в пререкания с этой женщиной в десятый раз, и киваю. – Конечно, где комната?

– Последняя дверь слева, – коротко отвечает она и снова исчезает.

Не знаю, в кого Тесса пошла характером, но ее доброта явно не от этой женщины.

Вздохнув, подвожу одну руку под колени Тессы, другую пропускаю

под ее шеей и осторожно поднимаю. Когда я прижимаю ее к груди, с ее губ срывается тихий стон. Мне приходится чуть нагнуться, когда я несу ее по коридору. Это очень маленький дом, меньше, чем я себе представлял.

Дальняя дверь слева полуприкрыта. Толкаю ее ногой и при виде этой комнаты, в которой раньше я никогда не был, с удивлением чувствую странную ностальгию, поднимающуюся откуда-то из глубин души. Маленькая кровать стоит вплотную к дальней стене, заполняя собой почти половину крошечной спальни. Стол в углу почти тех же размеров, что и кровать. Представляю себе Тессу девочкой-подростком: должно быть, она часами просиживала за столом, выполняя бесчисленные домашние задания. Брови ее нахмурены, губы сосредоточенно сжаты, пряди падают на глаза, и она быстрым движением отбрасывает их назад, а затем закладывает за ухо карандаш.

По ней сегодняшней я бы не догадался, что у Тессы были такие розовые простыни и фиолетовое одеяло. Они должны были уйти в прошлое вместе с периодом, когда она играла с Барби; она назвала его как-то «лучшим и худшим временем своей жизни». Помню, она рассказывала, как всегда спрашивала у мамы, где Барби работает, где учится и когда ей нужно заводить детей.

Смотрю на взрослую Тессу на моих руках, и меня разбирает смех, когда я вспоминаю ее любопытство, — одна из наиболее и наименее любимых мной черт ее характера. Я отбрасываю одеяло и осторожно кладу ее на кровать, убеждаясь, что у нее под головой есть подушка, лежащая так, как она обычно кладет ее дома.

Дома... это больше не ее дом. Как и этот маленький домик ее родителей, наша квартира была временным пристанищем на пути к ее мечте: Сиэтлу.

Небольшой деревянный комод поскрипывает, когда я открываю верхний ящик в поисках одежды, которую можно натянуть на ее обнаженное тело. Мысль о том, что Дэн раздевал ее, заставляет меня до боли стискивать в кулаках тонкую ткань старенькой футболки. Нежно приподнимаю Тессу и надеваю ей футболку через голову. Волосы спутались, и когда я пытаюсь их пригладить, становится только хуже. Она стонет, и пальцы ее вздрагивают. Она пытается пошевелиться, но не может.

Это невыносимо. Я проглатываю комок в горле и пытаюсь отогнать от себя мысль о том, что этот мешок с дерьмом лапал ее.

Как можно аккуратнее просовываю ее руки в рукава и расправляю футболку. Кэрол стоит в дверях: на лице ее до сих пор еще встревоженное и задумчивое выражение, и я удивляюсь, как долго она стоит там и смотрит

на нас.

Глава 62

Тесса

«Прекратите!» – хочу я крикнуть им обоим, но не могу бороться с ними в таком состоянии. Я не могу: это просто невозможно.

Я все осознаю. Хлопают двери, моя мать спорит с Хардином, и мне тяжело слышать это, но тьма затягивает меня все сильнее, погружая все глубже...

В какой-то момент я спрашиваю Хардина:

– Что с Зедом? Ты не подрался с ним?

По крайней мере, мысленно я это произношу и стараюсь изо всех сил сказать это вслух. Не уверена, что у меня получается, насколько рот выполняет команды мозга.

– Нет, это Хардин. Хардин, а не Зед.

Здесь Хардин, а не Зед. Нет, погоди, Зед ведь тоже здесь. Разве нет?

– Хардин, ты не дрался с Зедом?

Тьма рывком тянет меня в сторону, голос его исчезает вдали. В комнате слышится голос матери, заполняющий воздух авторитарностью, но я не понимаю ни слова. Ясно слышатся только слова Хардина. Даже не его слова, а то, как они звучат, как они пронизывают меня.

В какой-то момент я ощущаю толчок под моим телом. Это рука Хардина? Не совсем уверена, но я поднимаюсь над диваном, и тут знакомый мятный аромат наполняет мои ноздри. Почему он здесь и как он меня нашел?

На несколько секунд осторожно опускаюсь на кровать, и вот меня опять поднимают. Я не хочу двигаться. Дрожащими руками Хардин натягивает на меня футболку, и я хочу крикнуть ему, чтобы он оставил меня в покое. Меньше всего мне хочется, чтобы меня сейчас трогали, но в момент, как пальцы Хардина касаются меня, отвратительное воспоминание о Дэне стирается из памяти.

– Коснись меня еще, пожалуйста. Заставь это забыть, – прошу я.

Он не отвечает. Его руки касаются моей головы, шеи, волос. Я пытаюсь поднять руку, но это слишком тяжело.

– Я люблю тебя, прости меня, – слышу я, опускаясь на подушку. – Я хочу отвезти ее домой.

«Нет, оставь меня здесь. Пожалуйста», – думаю я. Но не могу произнести.

Глава 63

Хардин

Кэрол скрещивает руки на груди.

– Ни в коем случае.

– Я так и думал, – бурчу я.

Представляю, как разозлилась бы Тесса, если бы я сказал ее матери все, что о ней думаю. Выйти из ее детской довольно сложно, особенно когда она так сдавленно стонет.

– Где ты был, когда все это произошло? – спрашивает Кэрол.

– Дома.

– А почему не там, почему это не остановил?

– С чего ты взяла, что я не пытался? Ты всегда обвиняешь меня во всех смертных грехах.

– Потому что знаю, что, несмотря на твои ужасные поступки и еще худшее отношение к ней, ты никогда не позволил бы этому случиться, если бы мог помочь.

Это что, комплимент? Сомнительный, правда... но, блин, я согласен и на такой, учитывая обстоятельства.

– Ну... – начинаю я.

Она поднимает руку, заставляя меня молчать.

– Я не закончила. Я не виню тебя во всех напастях, происходящих в мире. – Она указывает на Тессу, лежащую на кровати без сознания или в полубессознательном состоянии. – Только в тех, что происходят в ее мире.

– С этим я спорить не буду.

Вздыхнув, я сдаюсь. Она права, никаких сомнений, я разрушил почти все в жизни Тессы.

«Он был моим героем, иногда мучителем, но чаще героем», – написала она в дневнике. Героем? Какой я, на хрен, герой? Я бы отдал все, чтобы быть им для нее, но я не знаю, как мне это сделать.

– Ну, хоть в чем-то мы соглашаемся. – Ее полные губы растягиваются в полуулыбке, но она тут же стирает ее и смотрит себе под ноги. – Ну, кажется, твоя помощь больше не требуется, ты можешь идти.

– Ладно...

Последний раз смотрю на Тессу, а затем поворачиваюсь к ее матери,

которая снова на меня таращится.

– Какие у тебя планы в отношении моей дочери? – спрашивает она властно, но одновременно как-то взволнованно. – Мне нужно знать твои намерения на будущее, потому что каждый раз, когда я узнаю о ее новостях, оказывается, что что-то стряслось, и это что-то – нехорошее. Что вы планируете делать в Сиэтле?

– Я не поеду с ней в Сиэтл. – Тяжелые слова еле срываются с моего языка.

– Что? – Она идет по коридору, и я следую за ней.

– Я не собираюсь в Сиэтл. Она поедет без меня.

– Хотя я и безумно рада этому, можно все-таки узнать почему?

Ее брови совершенной формы вопросительно поднимаются, и я нетерпеливо отворачиваюсь.

– Просто не еду, и все. Все равно для нее только лучше, если я не поеду.

– Ты говоришь, как мой бывший муж, – хмыкает она. – Иногда я виню себя за то, что Тесса заинтересовалась тобой. Боюсь, это из-за того, каким был ее отец, прежде чем ушел от нас.

Она поднимает свою ухоженную руку и приглаживает волосы, пытаясь казаться невозмутимой при упоминании о Ричарде.

– Он не имеет никакого отношения к нашим с ней делам, она его едва знает. Последние несколько дней, проведенные ими вместе, показывают, что она не помнит его настолько хорошо, чтобы это как-то повлияло на ее выбор мужчин.

– Последние несколько дней?

Кэрол распахивает глаза от удивления, и я вижу, как ее лицо резко бледнеет. И то малейшее взаимопонимание, которое между нами только что установилось, мгновенно улетучивается.

Вот зараза! Черт! Гребаное дерьмо!

– Она... гм, мы случайно столкнулись с ним около недели тому назад.

– С Ричардом? Он ее нашел? – Ее голос срывается, и она обхватывает руками шею. – Где?

– Не думаю, что мне нужно отвечать на этот вопрос.

– Что-что? – Она опускает руки и потрясенно смотрит на меня.

– Если бы Тесса хотела, чтобы ты знала, что она виделась с папой, то сказала бы сама.

– Это важнее нашей взаимной неприязни, Хардин. Часто ли они виделись?

Ее глаза наливаются слезами, которые могут брызнуть в любой

момент, но я знаю эту женщину: она не способна прослезиться ни перед кем и за миллион лет, тем более передо мной.

Я вздыхаю, не желая выдавать Тессу, но и не собираясь продолжать пререкаться с ее мамой.

– Он останавливался у нас на несколько дней.

– И она не собиралась мне об этом рассказывать? – спрашивает она тонким и хриплым голосом и рассматривает свои красные ногти.

– Наверное, нет. Тебе не так просто что-то рассказать, – напоминаю я.

Не думаю, что это удачный момент, чтобы делиться подозрениями насчет взлома квартиры.

– А тебе? – Она повышает голос и делает шаг ко мне. – Я, по крайней мере, забочусь о ее благополучии, чего о тебе никак нельзя сказать!

Я знал, что цивилизованный разговор продлится недолго.

– Я заботился о ней больше, чем кто-либо, даже больше, чем ты! – кричу я в ответ.

– Я ее мать; никто не может любить ее больше, чем я. И то, что ты думаешь обратное, только доказывает, насколько ты сумасшедший.

Стуча каблуками по полу, она расхаживает передо мной взад-вперед.

– Знаешь, что я думаю? Ты ненавидишь меня, потому что я постоянно напоминаю тебе о нем. Ты ненавидишь постоянное напоминание о том, что ты одна, и ненавидишь меня потому, что если бы меня не было, тебе пришлось бы обратить свою злость на себя саму... И знаешь еще что? – Она саркастически кивает, и я продолжаю: – Мы с тобой тоже во многом похожи. На самом деле гораздо больше, чем мы с Ричардом; мы оба отказываемся брать ответственность за свои ошибки и вместо этого обвиняем всех остальных. Мы изолируем тех, кого любим, и заставляем их...

– Нет! Ты ошибаешься! – кричит она.

Ее слезы и страдание на лице удерживают меня от того, чтобы закончить мысль: что она проведет остаток своих дней в одиночестве.

– Нет, я не ошибаюсь. Но на этом я останавливаюсь и ухожу. Машина Тессы еще где-то в кампусе, завтра я ее пригоню, если не хочешь вести ее оттуда сама.

Кэрл вытирает глаза.

– Хорошо, пригони машину. Завтра в пять. – Она смотрит на меня распухшими глазами с размазанной по ресницам тушью. – Но это ничего не меняет. Я никогда не буду такой, как ты.

– Слава богу, если так.

Иду к двери, на мгновение задумавшись, не пройти ли мне обратно по

коридору, чтобы взять Тессу и увезти с собой.

– Хардин, несмотря на то, как я к тебе отношусь, я знаю, что ты любишь мою дочь. Я только хочу еще раз напомнить тебе, что если ты любишь ее, действительно любишь, то ты прекратишь вмешиваться в ее жизнь. Она уже не та девушка, которую я оставила в этом чертовом колледже год назад.

– Я знаю.

Как бы я ни ненавидел эту женщину, сейчас я чувствую к ней жалость, потому что, как и я, скорее всего, весь остаток жизни она будет несчастна.

– Сделай мне одолжение, – прошу я.

Она подозрительно смотрит.

– Какое?

– Не говори ей, что я был тут. Если она сама не вспомнит, не говори.

Судя по всему, Тесса не вспомнит. Не думаю, что она осознает, что я сейчас тут.

Кэрол смотрит на меня, точнее, сквозь меня, и кивает:

– Это я могу.

Глава 64

Тесса

Моя голова такая тяжелая, а свет, падающий через желтые шторы, такой яркий.

Желтые шторы? Я снова открываю глаза и обнаруживаю на окнах моей старой спальни знакомые желтые шторы. Эти шторы мы всегда считали дурацкими, но мать не могла позволить себе купить другие, так что мы научились жить с этими. И меня с головой накрывают обрывочные, беспорядочные, бессмысленные воспоминания о последних двенадцати часах.

Полный абсурд! Но через несколько секунд или, может, минут в голове складывается связная картина.

Предательство Стеф – самое яркое из моих ночных болезненных воспоминаний, вообще самое сильное впечатление в жизни. Как она могла так со мной поступить? Для чего? Это так сложно, настолько закручено, что я никогда бы не смогла предвидеть такой поворот событий. Я помню сильное облегчение оттого, что она вошла в комнату, и отчаяние, охватившее меня, когда она призналась, что никогда не была мне другом. Я отлично запомнила ее голос, несмотря на состояние, в котором находилась. Она подсыпала мне что-то в кружку, чтобы я отключилась или, того хуже, чтобы я в сознании прошла через все, что она задумала, и так жестоко отомстить мне и Хардину. Прошлым вечером я была так испугана, а ее переход от защитницы к врагу произошел так быстро, что я не смогла тогда полностью его осознать. Я находилась под действием наркотика в гостях с кем-то, кого считала своим другом. Реальность так жестоко бьет мне в глаза, что я не могу удержать слез обиды, и они текут по щекам.

Жало предательства сменяет унижение, когда я вспоминаю Дэна с его камерой. Они сорвали с меня платье... я никогда не забуду маленький красный огонек камеры. Они хотели изнасиловать меня, записать это и показать всем. Я сдерживаю болезненные спазмы в животе.

Каждый раз, когда я надеюсь получить передышку в битве, в которую превратилась моя жизнь, случается что-то еще более плохое. И я во всех этих ситуациях доверялась Стеф и остальным. Я до сих пор не могу понять: если она говорила правду, если она сделала это только потому, что

не любит меня и хотела быть с Хардином, почему она не сказала мне с самого начала? Зачем притворялась все это время моей подругой? Как она могла мне улыбаться, ходить со мной по магазинам, слушать мои секреты, разделять мои трудности и разрабатывать за моей спиной такой изощренный план?

Медленно сажусь. Мне это все еще сложно. В ушах пульсирует, и мне хочется кинуться в ванную и выблевать остатки наркотика, которые еще находятся в желудке. Но я не могу и снова закрываю глаза.

Когда я просыпаюсь снова, голове легче и я уже могу подняться с постели. На мне никаких штанов, только футболка, которую я не помню, как надевала. Наверное, мать надела ее на меня... а может, и нет.

Единственные пижамные штаны в старом комоде слишком узкие и короткие. С тех пор как я уехала в колледж, я поправилась, но мое тело мне нравится сейчас больше, чем раньше. Пошатываясь, выхожу из спальни и, пройдя по коридору, захожу на кухню. Мать стоит, прислонившись к кухонному столу, и читает журнал. Прямое черное платье, туфли на высоких каблуках, волосы собраны в совершенную, классическую прическу. Оглядываюсь на настенные часы – чуть больше четырех дня.

– Как ты себя чувствуешь? – осторожно спрашивает мать, повернувшись ко мне.

– Ужасно, – выдыхаю я, не в силах даже изобразить мало-мальскую бодрость.

– Представляю себе, после такой ночи.

Так...

– Выпей кофе и прими таблетку, тебе станет лучше.

Медленно киваю и подхожу к шкафу, чтобы достать кофейную кружку.

– Вечером я пойду в церковь. Полагаю, ты не захочешь оставаться тут одна? Ты пропустила утреннюю службу, – спокойно спрашивает она.

– Нет, я сейчас не в том состоянии, чтобы идти в церковь.

Только моя мать способна звать меня в церковь после того, как я очнулась от наркотического дурмана, во время которого меня пытались изнасиловать.

Она берет с кухонного стола сумочку и оборачивается ко мне.

– Хорошо, я скажу Ною, мистеру и миссис Портер, что ты передаешь им привет. Буду дома около восьми, может, чуть позже.

При упоминании о Ное чувствую укол вины. С тех пор как у него умерла бабушка, я ни разу ему не звонила. Я знаю, что должна это сделать. Позвоню ему после окончания службы, если только смогу найти свой телефон.

– Как я сюда попала прошлой ночью? – спрашиваю я.

Пытаюсь сложить кусочки головоломки из воспоминаний. Я помню, как Зед ворвался в бывшую комнату Хардина и сломал камеру.

– Молодой человек, который тебя привез, кажется, назвался Зедом, – покашляв, отвечает мать и снова утыкается в журнал.

– А.

Невыносимо. Это незнание бесит. Мне нравится контролировать все, но вчера вечером я не могла контролировать ни свои мысли, ни свое тело.

Мать кладет журнал на стол со звуком, похожим на пощечину. Безучастно взглянув на меня, она произносит:

– Позвони мне, если что-нибудь понадобится. – И идет к двери.

– Хорошо...

Обернувшись, она бросает на меня последний неодобрительный взгляд и выходит из дома.

– Да, и поищи для себя что-нибудь в моем шкафу.

Когда дверь хлопает, голос Хардина молнией проносится в моей голове.

«Это все по моей вине», – сказал он. Но это не мог быть Хардин – мозг играет со мной злую шутку. Надо позвонить Зеду и поблагодарить его за все. Я в долгу перед ним – он пришел на помощь, спас меня. Я так ему благодарна и никогда не смогу отблагодарить как следует за то, что он вытащил меня оттуда и привез домой. Не представляю себе, что бы произошло, если бы он не пришел.

Следующие полчаса мешаю соленые слезы с черным кофе. Наконец я заставляю себя встать из-за стола и пойти в ванную, чтобы смыть с себя отвратительные события прошлой ночи. К тому времени я уже ищу в мамином шкафу что-нибудь, кроме жестких бюстгалтеров на косточках, и от этого мне становится легче.

– Почему у тебя нет нормальной одежды? – вздыхаю я, путаясь в вешалках с закрытыми коктейльными платьями.

Решаю, что лучше сидеть голой, но вдруг нахожу кремовый свитер и темные джинсы. Джинсы подходят идеально, а свитер плотно облегает грудь, но я рада, что хоть что-то нашла, так что жаловаться не приходится. Поискав по дому сумку и телефон, я понимаю, что не имею ни малейшего понятия, где они могут быть. Почему мозг не может разобраться в этом бардаке? Наверное, моя машина все еще на стоянке возле общежития Стеф; будем надеяться, она не проколола мне шины.

Возвращаюсь в свою старую спальню и выдвигаю ящик стола. Телефон лежит поверх моей маленькой сумки. Я нажимаю кнопку питания

и дожидаясь загрузки. Прокручиваю бесконечный список входящих. Сообщение за сообщением, голосовая почта заполняют маленький экран.

Хардин... Хардин... Зед... Хардин... неизвестный номер... Хардин... Хардин...

Когда я вижу на экране его имя, в животе все переворачивается. Он наверняка все знает. Кто-то ему сказал, что произошло, поэтому он и заваливает меня сообщениями и звонками. Надо позвонить ему, по крайней мере пусть знает, что со мной все в порядке, чтобы не сходить с ума. Неважно, что у нас с отношениями, он, вероятно, расстроен, узнав о том, что произошло. «Расстроен» – это еще мягко сказано.

После шести звонков на автоответчик вешаю трубку и возвращаюсь в спальню матери, чтобы попытаться уложить волосы. Сейчас меня меньше всего интересует внешность, но мне не хочется слушать укоры, что я совсем не слежу за внешним видом. Кроме того, наведение красоты позволяет отвлечься от ужасных воспоминаний, время от времени вспыхивающих в сознании.

Я замазываю темные круги под глазами, накладываю немного туши и расчесываю волосы. Они почти высохли, и это мне помогает, теперь проще распутать естественно выющиеся локоны. Они не так хорошо выглядят, как хотелось бы, но у меня нет сил завивать их еще.

Меня выводит из оцепенения тихий стук в дверь. Кто мог приехать в такое время? И вдруг я замираю при мысли, что с другой стороны двери может оказаться Хардин.

– Тесса? – зовет меня знакомый голос, и я слышу, как открывается дверь.

В гостиную входит Ной. От его знакомой робкой улыбки на меня накатывают воспоминания и чувство вины.

– Привет... – кивает он мне, переминаясь с ноги на ногу.

Не долго думая, я бросаюсь к нему, обнимая руками его шею. Уткнувшись лицом ему в грудь, я начинаю рыдать. Его сильные руки обнимают меня.

– Ты в порядке?

– Да, я просто... Нет, не в порядке. – Я отрываю голову от его груди, не желая размазывать тушь по его светлому кардигану.

– Твоя мама сказала, что ты в городе. – Он все еще держит меня в объятиях, и я радуюсь его близости. – Так что я решил смыться, пока служба не закончилась, чтобы встретиться с тобой, пока никого нет. Что случилось?

– Много чего, слишком много, чтобы объяснять. Я так

расчувствовалась.

Со стоном отступаю от Ноя.

– Колледж по-прежнему не такой, как ты представляла? – спрашивает он с сочувственной улыбкой.

Я качаю головой и жестом приглашаю его за собой на кухню, где варю ему кружку кофе.

– Нет, не совсем. Я переезжаю в Сиэтл.

– Твоя мама говорила мне, – отвечает он, садясь за стол.

– Ты все еще думаешь поступать в CWU? – со смехом восклицаю я. – Я бы не рекомендовала тебе этот вуз.

Но моя попытка пошутить не удается, и на глазах опять выступают слезы.

– Да, так планировалось. Хотя... девушка, с которой я встречаюсь... мы подумывали о Сан-Франциско. Ты знаешь, как я люблю Калифорнию.

Я не была к этому готова – Ной с кем-то встречается. Полагаю, я должна была это предвидеть, но это так неожиданно, что все, что я могу сказать ему в ответ:

– Правда?

Голубые глаза Ноя сверкают в свете люминесцентных кухонных ламп.

– Да, все очень хорошо складывается. Я пытался настроиться на это, ты понимаешь... из-за всего.

Не желая заставлять его заканчивать мысль, чтобы не чувствовать себя еще более виноватой оттого, что мы расстались, я спрашиваю:

– Э-э, так как вы познакомились?

– Ну, она работает в Zooms, в торговом центре рядом с кампусом, и...

– Ты бывал в городе? – перебиваю я.

Так странно, что он не рассказал мне об этом, не заехал... я сама в этом виновата.

– Да, встречался с Беккой. Видимо, стоило тебе позвонить, но у нас все так странно сложилось...

– Знаю, все нормально, – уверяю я.

Это имя, Бекка... я его где-то слышала... но смутное воспоминание рассеивается, когда Ной продолжает:

– Ну, в конце концов мы стали довольно близки. У нас есть еще некоторые проблемы, я думал, что не мог ей доверять, но сейчас все очень хорошо.

Рассказ о его проблемах возвращает меня к собственным, и я вздыхаю.

– Я чувствую, что никому больше не могу доверять. – Когда Ной хмурится, я торопливо добавляю: – Кроме тебя. Ты – исключение. Каждый

человек, которого я встречала в этом университете, хоть раз мне лгал.

Даже Хардин. Особенно он.

– Что-то типа этого и произошло прошлой ночью?

– Вроде того... – Интересно, что моя мать ему рассказала?

– Я знал, что только что-то серьезное может вынудить тебя приехать домой.

Я киваю, Ной наклоняется через стол и берет мои ладони в свои.

– Я скучал по тебе, – грустно бормочет он.

Я смотрю на него, широко раскрыв глаза. Снова наворачиваются слезы.

– Извини, что я не позвонила, когда умерла твоя бабушка.

– Все нормально, я знаю, что ты очень занята.

Он откидывается назад и смотрит на меня добрым взглядом.

– Это не оправдание, чтобы быть такой к тебе жестокой.

– Ты не жестока, – врет он, медленно качая головой.

– Ты знаешь, что это так. Я плохо обращаюсь с тобой с тех пор, как уехала из дома, и мне очень жаль. Ты этого не заслужил.

– Перестань винить себя; сейчас у меня все нормально, – уверяет он с легкой улыбкой, но мое чувство вины не утихает.

– Я до сих пор не могу простить себе.

Вдруг, к моему удивлению, Ной задает самый неожиданный вопрос:

– Если бы ты могла все вернуть, что бы ты изменила?

– То, как я поступала. Я не должна была обманывать тебя и действовать у тебя за спиной. Я знаю тебя половину своей жизни и так внезапно бросила тебя... это просто ужасно.

– Ну, сейчас все в порядке. Мы не очень-то подходили друг другу... Ну, нам вместе было отлично, – замечает он со смехом, – и в этом-то и была настоящая проблема.

Маленькая кухня внезапно становится такой просторной – моя вина исчезает.

– Ты так думаешь?

– Да, конечно. Я люблю тебя и всегда буду любить. Просто я не любил тебя так, как я себе это представлял, а ты не любила меня так, как его.

У меня перехватывает дыхание, когда он упоминает Хардина. Он прав, и он очень мил, но я не могу говорить с Ноем о Хардине. Не сейчас. Нужно сменить тему.

– Значит, Бекка сделала тебя счастливым?

– Да, она наверняка не такая, как ты себе представляешь, но и Хардин не похож на того, кого я представлял себе как человека, ради которого ты

можешь меня бросить, – тихо смеется он. – Я думаю, нам обоим нужно что-то другое.

Он прав, снова прав.

– Думаю, да.

Я смеюсь вместе с ним, и мы продолжаем болтать, пока нас не прерывает стук в дверь.

– Я открою, – говорит он, встает и выходит с кухни раньше, чем я могу его остановить.

Глава 65

Хардин

Смотреть, как медленно тянутся минуты, просто невыносимо. Я предпочел бы вырывать себе волосы один за другим, чем сидеть и ждать тут пять часов. Я не вижу машины ее мамы. На дороге вообще нет машин, кроме машины Тессы, в которой я и сижу. Лэндон припарковался чуть дальше по улице; он приехал сюда, чтобы я мог вернуться обратно. К счастью, он заботится о Тессе больше, чем кто-либо, не считая меня, поэтому упрашивать его не пришлось.

– Иди и постучи в дверь, или это сделаю я, – предупреждает он меня по телефону.

– Я собираюсь! Дай мне секунду, твою мать. Я не знаю, вдруг там кто-то есть.

– Ну, если не хочешь, брось ключи от машины в почтовый ящик и поехали обратно.

Единственная причина, почему я до сих пор так не поступил, – беспокойство о самочувствии Тессы. Я должен знать, что с ней все в порядке.

– Я пошел, – говорю я и отключаюсь от своего несносного сводного брата.

Семнадцать шагов до входной двери – самые тяжелые в моей жизни. Стучу в дверь, но не уверен, что делаю это достаточно громко. Черт с ним. Я стучу еще раз, на этот раз сильнее. Чересчур сильно. Я опускаю руку, только когда от двери отлетает несколько алюминиевых заклепок. Блин.

Дверь со скрипом открывается, но вместо Тессы, ее мамы или кого-либо еще с этой чертовой планеты, кого я предпочел бы встретить, вижу Ноя.

– Ты что, издеваешься? – спрашиваю я.

Когда он пытается захлопнуть передо мной дверь, зажимаю дверь собой.

– Даже не думай. – Я толкаю дверь, и он отступает.

– Зачем ты пришел? – спрашивает он, хмурясь.

Мне нужно спросить, какого хрена здесь он. Мы с Тессой только три дня как расстались, а этот козел уже к ней подползает.

– Я пригнал ее машину. – Пытаюсь заглянуть за него, но ни черта не могу рассмотреть. – Она здесь?

Всю дорогу сюда я говорил себе, что не хочу, чтобы она меня видела или вспоминала, что я был тут прошлой ночью, но сейчас понимаю, что это полная чушь.

– Возможно. Она знает, что ты приехал?

Он загораживает мне путь руками, и я всеми силами пытаюсь не сбить его на пол, не перешагнуть через него или даже не наступить и найти ее.

– Нет. Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Что она тебе сказала? – спрашиваю я, делая шаг от крыльца.

– Ничего. Она ни о чем не говорила. Но я знаю, что она не приехала бы сюда, если бы ты не натворил что-то серьезное.

Я хмурюсь.

– Ты ошибаешься, на этот раз... это был не я.

Он явно удивлен моей неагрессивностью, и я остаюсь спокойным.

– Я знаю, ты меня ненавидишь, и у тебя есть для этого все основания, но я все равно ее увижу, так что либо ты уйдешь с моей дороги, либо я...

– Хардин?

Тесса за спиной Ноя шепчет так тихо, что я еле улавливаю ее голос.

– Привет...

Ноги сами несут меня вперед, и Ной благоразумно отходит с дороги.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, касаясь ее щек холодными руками.

Она рывком отдергивает голову назад – от холода, как мне хочется думать, и делает шаг назад.

– Да, я в порядке, – ненатурально отвечает она.

Вопросы вырываются сами собой:

– Ты уверена? Как ты себя чувствуешь? Ты спала? Голова болит?

– Да, немного, – кивает она, но я уже забыл, что я спрашивал. – Кто тебе рассказал? – спрашивает она, и щеки ее покрываются румянцем.

– Молли.

– Молли?

– Да, она позвонила, когда ты была... гм, в моей старой комнате, – говорю я, волнуясь.

– О... – Она смотрит мимо меня, куда-то вдаль, сдвинув брови.

Помнит ли она, что я тут был? И хочу ли я этого? Да, конечно, хочу.

– Значит, все нормально?

– Да.

Ной подходит к нам и с тревогой спрашивает:

– Тесса, что случилось?

Судя по ее лицу, она не хочет, чтобы он знал о происшедшем. Мне это приятно.

– Ничего, не беспокойся, – отвечаю я ему за нее.

– Что-то серьезное? – настаивает он.

– Я же сказал, не парься! – рычу я, и он замолкает.

Я снова поворачиваюсь к Тессе.

– Я пригнал твою машину.

– Правда? – говорит она. – Спасибо, я думала, Стеф разобьет мне лобовое стекло или еще что-то вроде того.

Она вздыхает, и плечи ее опускаются с каждым словом. Шутка не веселит никого, включая ее саму.

– Почему ты все-таки поехала к ней? Из всех людей почему именно к ней? – спрашиваю я.

Она смотрит на Ноя, потом снова на меня.

– Ной, можно мы несколько минут побудем наедине? – ласково просит она.

Он кивает и прежде, чем оставить нас в покое, бросает взгляд, который я должен расценивать как предупреждающий.

– Почему к ней? Объясни мне, пожалуйста, – повторяю я.

– Не знаю. Мне некуда было идти, Хардин.

– Ты могла бы поехать к Лэндону; у тебя же фактически собственная спальня в нашем доме.

– Я не хотела втягивать в это твою семью. Я и так достаточно пользуюсь их гостеприимством, это было бы несправедливо.

– И ты знала, что я туда поеду? – Когда она смотрит на свои руки, я продолжаю: – Я не поехал.

– Хорошо, – извиняясь, отвечает она.

Черт, я же не то имел в виду!

– Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что я собираюсь дать тебе свободное пространство.

– А... – шепчет она, разглядывая ногти.

– Ты стала такой тихой.

– Ну, я... не знаю. У меня были тяжелая ночь и утро.

Она хмурится, и мне хочется подойти и разгладить морщинку на ее лбу, поцелуем развеять ее страдания.

«Не к Хардину, Зед», – стонала она в полубреду.

– Ты помнишь, что было? – спрашиваю я, не уверенный, что выдержу ее ответ.

Я ожидал, что она велит мне убираться или начнет кричать, но ничего

подобного. Вместо этого она кивает и садится на диван и знаком просит присесть напротив.

Глава 66

Хардин

Я хочу приблизиться, протянуть дрожащую руку и найти способ стереть ужасные воспоминания. Я в отчаянии, что ей пришлось пройти через такое испытание, и снова поражаюсь ее стойкости.

Она сидит, выпрямившись, и готова со мной разговаривать.

– Зачем ты пришел? – тихо спрашивает она.

Вместо ответа я говорю:

– А зачем он здесь? – и киваю головой в сторону кухни.

Уверен, Ной сидит возле стены и подслушивает. Чертовски трудно это терпеть, но, учитывая обстоятельства, мне лучше заткнуться.

Ломая пальцы, она говорит:

– Он тут, чтобы узнать, как я.

– Ему это не нужно. – Для этого здесь я.

– Хардин, – вздыхает она. – Не сегодня. Пожалуйста.

– Извини... – Я смущаюсь, чувствуя себя еще большим ослом, чем секунду назад.

– Так зачем ты пришел? – снова спрашивает Тесса.

– Я пригнал твою машину. Ты не хочешь меня видеть, да?

До сих пор я даже не рассматривал такую возможность. И это жжет меня изнутри, как кислота. Мое присутствие ее только тяготит. Дни, когда я успокаивал ее, прошли.

– Я не о том... просто запуталась.

– В чем? – Ее глаза сияют при тусклом свете в гостиной.

– В тебе, во вчерашнем вечере, Стеф еще и все такое. Знаешь, все это было притворством, она действительно меня ненавидит.

– Нет, конечно, я этого не знал, – отвечаю я.

– И ты понятия не имел, что она на самом деле ко мне испытывает?

Черт! Но я должен быть честным с ней, поэтому отвечаю:

– Ну, может, немного. Молли пару раз говорила между делом, но я не уточнял. И вообще не думал, что она в такой степени тебя ненавидит, да и Молли об этом не догадывалась.

– Молли? С каких это пор Молли обо мне беспокоится?

Биполярность. Тесса видит вещи либо черными, либо белыми; от этого

я морщусь и встряхиваю головой. Жаль, что все не так просто.

– Она и не беспокоится и все еще тебя ненавидит, – говорю я, уставившись в пол. – Но она позвонила мне после той истории в Applebee, и я пришел в бешенство. Я не хочу, чтобы она или Стеф разрушили наши отношения. Я думал, что Стеф вмешивается только потому, что она чересчур любопытная сучка. У меня и мысли не было, что она такая ненормальная.

Поднимаю глаза на Тессу. Она вытирает слезы. Придвигаюсь к ней, но она отползает к краю дивана.

– Эй, все нормально, – уверяю я, хватаю ее за руку и прижимаю к своей груди. – Тише... – Я глажу ее по волосам, и через несколько секунд она перестает вырываться и сдается.

– Я только хочу начать все сначала. Я хочу забыть последние полгода, – рыдает она.

Сердце сжимается, но я согласно киваю, хотя и не хочу этого. Я не хочу, чтобы она меня забывала.

– Я ненавижу колледж. Я так ждала его, но в нем были одни ошибки.

Она хватается за мою футболку и прижимается ко мне. Я молчу, не желая еще больше усугубить ее состояние. Когда я сюда ехал, я не представлял себе, что будет. Когда стучал в дверь, уж точно не думал, что Тесса будет рыдать у меня в объятиях.

– Я веду себя так глупо. – Она быстро отстраняется, но я тяну ее обратно.

– Нет-нет. Ты успокоишься, когда полностью осознаешь происшедшее. Расскажи, что ты помнишь, не заставляй меня спрашивать снова. Пожалуйста.

– Это все было так спутанно, так... дико. Я понимала, что происходит, но ничего не могла поделать. Не знаю, как объяснить. Я не могла двигаться, но все чувствовала. – Она вздрагивает.

– Что ты чувствовала? Он прикасался к тебе? – Я не хочу этого знать.

– Он касался моих ног... Они раздели меня.

– Только до ног? – Пожалуйста, скажи «да».

– Да, кажется. Было бы гораздо хуже, если бы не Зед. – Она останавливается. Вдыхает. – Короче, от таблеток тело стало таким тяжелым... Не знаю, как рассказать.

Я киваю:

– Я знаю, что ты имеешь в виду.

– Что?

Прносятся смутные воспоминания о попойках в барах и шатания по

улицам Лондона. Тогда понятие «веселье» сильно отличалось от нынешнего понятия.

– Я пробовал это. Баловался.

– Ты пробовал? – Она изумленно открывает рот, и мне не нравится то, что я замечаю в ее взгляде.

– Наверное, «баловался» – не совсем то слово, – поясняю я. – Но больше я этим не увлекаюсь.

Она кивает мне, и я облегченно улыбаюсь. Тесса оттягивает воротник свитера, который ей, как я заметил, маловат.

– Откуда это у тебя? – спрашиваю я.

– Свитер? – Она криво улыбается. – Это мамин... А почему ты спрашиваешь? – Ее пальцы оправляют плотную ткань.

– Не знаю. В доме Ной, и ты одета, как... Мне показалось, я вернулся в прошлое на машине времени, – шучу я.

В ее глазах вспыхивает смех, и все печали мгновенно тают, когда она пытается не расхохотаться.

Она прыскает, подходит к маленькому столику и достает из цветной коробки салфетку.

– Нет. Тут нет машины времени. – Тесса трясет головой и вытирает нос.

Блин, даже заплаканная, она такая красивая!

– Я беспокоился за тебя.

Она перестает улыбаться. Черт.

– Это-то меня и смущает, – говорит она. – Ты сказал тогда, что тебе все равно и ты не хочешь больше делать попыток, а сейчас говоришь, что беспокоился.

Она смотрит на меня равнодушно, но губы ее дрожат. Она права. Тяжело признавать, но это правда. Я часами могу думать о ней. Эмоции – вот что я от нее получаю. Мне нужна уверенность.

Но она понимает мое молчание по-своему.

– Все нормально, я не сержусь, что ты тут. Спасибо, что приехал и пригнал машину. Для меня это много значит.

Я по-прежнему молча сижу на диване и не могу ничего ответить.

– Пустяки, – говорю я наконец и пожимаю плечами. Но мне нужно сказать что-то важное.

Выждав еще какое-то время в моем тягостном молчании, Тесса переходит в режим вежливой хозяйки.

– Как ты вернешься домой? Нет, погоди... как ты вообще узнал, куда ехать?

Блин.

– Мне Лэндон сказал.

Ее глаза загораются.

– Ой, он здесь?

– Да, снаружи.

Она вскакивает, поправляя свитер.

– О! Я тебя задерживаю, извини.

– Нет. Он прекрасно может подождать, – заикаясь, говорю я.

Не хочу уезжать. Если только ты не поедешь со мной.

– Ему надо зайти сюда. – Она быстро переводит взгляд на дверь.

– С ним все в порядке, – слишком резко произношу я.

– Еще раз спасибо за машину...

Она пытается вежливо меня выпроводить. Я ее знаю.

– Хочешь, я принесу из машины твои вещи? – предлагаю я.

– Нет, я уезжаю утром, так что пускай остаются там.

Почему меня каждый раз так удивляет, когда она заикается о своем отъезде в Сиэтл? Я все время ожидаю, что она сменит решение, но этого не происходит.

Глава 67

Тесса

Когда Хардин уже в дверях, я спрашиваю:

– Что ты сделал с Дэном?

Хочу больше узнать о прошлой ночи, даже если Ной слышит наш разговор. Поскольку он остался в коридоре, Хардин не замечает его. Думаю, Ной смотрит на нас и не знает, что делать.

– Дэн. Ты сказал, Молли тебе рассказала. Что ты с ним сделал?

Я знаю Хардина достаточно хорошо, чтобы представить, на что он способен. До сих пор удивляюсь, что Молли мне помогла, – я совсем не ожидала этого, когда она зашла прошлой ночью в спальню. Меня бьет дрожь при одном воспоминании.

Хардин усмехается:

– Ничего страшного.

«Я не убил Дэна, когда встретил, только пнул в лицо...»

– Ты ударил его по лицу... – повторяю я, пытаюсь собраться с мыслями.

Он вздергивает бровь.

– Да... Разве Зед тебе не сказал?

– Я... не знаю... – Я помню, как кто-то говорил мне, но не могу вспомнить кто.

«Это не Зед, это Хардин», – сказал тогда Хардин, его голос звучит, словно наяву.

– Ты был здесь, так? Вчера вечером? – Я делаю шаг к нему.

Хардин прислоняется к стене.

– Ты был тут, я помню. Ты сказал еще, что собирался напиться, но не сделал этого...

– Не думал, что ты вспомнишь, – бормочет Хардин.

– Почему тебе было просто мне не сказать? – У меня трещит голова от этих попыток отличить наркотические сны от реальности.

– Не знаю. Я собирался, но потом все стало нормально, ты улыбалась. И я не хотел портить тебе настроение.

Он пожимает плечами и пристально рассматривает картинку с райскими вратами.

– Почему ты сказал, что отвез меня домой после того, как все кончилось?

– Тебя отвез не я, это был Зед.

Припоминаю, что было раньше; все так спутанно.

– Значит, ты приехал потом? А что я делала?

Я хочу, чтобы Хардин помог мне восстановить последовательность событий. Самостоятельно я это сделать не смогу.

– Ты лежала на диване и едва могла говорить.

– Ох...

– Ты звала его, – добавляет он тихо, и в его голосе слышится страдание.

– Кого?

– Зеда, – коротко отвечает он, но я понимаю, какие эмоции скрываются за этим ответом.

– Нет, я не звала его. – Это же бессмысленно. – Все сложнее.

Пытаюсь разобраться в грудe психического мусора и наконец ухватываю логическую последовательность... Хардин говорит о Дэне, Хардин спрашивает меня, слышу ли я его, и я спрашиваю его о Зеде...

– Я хотела узнать, не подрался ли ты с ним. Наверное, так. – Воспоминание смутное, но точно реальное.

– Ты произнесла его имя не один раз; все нормально. Ты была без сознания. – Он опускает глаза вниз и не смотрит на меня. – Я и не ждал, что ты будешь звать меня.

– Я его не звала. Я мало что помню, но мне было страшно. И точно знаю, что я хотела, чтобы ты был рядом, – признаюсь я, не раздумывая.

И зачем я это сказала? Мы с Хардином вновь расстались. Это наш второй разрыв, но у меня такое чувство, что расставаний было гораздо больше. Может быть, потому, что теперь я не висну у него на шее, как только он признает свою вину. На этот раз я ушла из дома и оставила все его подарки, а менее чем через сутки уезжаю в Сиэтл.

– Иди сюда, – говорит он, протягивая руки ко мне.

– Я не могу. – Копируя его жест, провожу рукой по волосам.

– Нет, можешь.

Всякий раз, когда Хардин оказывается рядом, неважно, что происходит, его близость я ощущаю каждой клеточкой тела. Мы либо орем друг на друга, либо улыбаемся и шутим. Всегда только крайности, никаких середин. Сейчас мне кажется таким естественным, почти инстинктивным шагом кинуться в его объятия, не обращая внимания на его черствость, игнорируя все условности, диктуемые нам тем ужасным положением, в

котором мы находимся.

– Мы больше не вместе, – спокойно замечаю я, скорее себе.

– Я знаю.

– И я не могу притворяться, что ничего не случилось.

Закусив нижнюю губу, я стараюсь не замечать, как округляются его глаза при упоминании о наших отношениях.

– Я и не прошу тебя об этом, просто говорю тебе, иди ко мне.

Он все еще протягивает ко мне руки так призывно и заманчиво, что меня влечет к нему все сильнее.

– Если я это сделаю, мы опять попадем в замкнутый круг, из которого оба решили вырваться.

– Тесса...

– Хардин, пожалуйста!

Я отодвигаюсь дальше. Эта гостиная слишком мала, чтобы увернуться от него, а мой самоконтроль начинает давать сбой.

– Ладно, – наконец вздыхает он, резко проводя рукой по волосам, как он обычно делает в случае разочарования.

– Это нужно нам обоим, и ты это знаешь. Некоторое время мы должны держаться на расстоянии друг от друга.

– Держаться на расстоянии?

Он смотрит на меня, как раненый зверь, и я боюсь того, что он скажет дальше. Я не хочу ссориться, и сегодня не лучший день для скандала.

– Да, некоторое время лучше побыть одним. Мы не можем быть вместе, все говорит об этом. Ты же сам об этом сказал недавно, когда был сыт по горло. Ты выгнал меня из дома.

Я складываю руки на груди.

– Тесса... Блин, ты не можешь так... – Он смотрит мне в глаза и останавливается на полуслове. – Как долго?

– Что?

– Сколько мы должны быть на расстоянии?

– Я... – Я не ожидала, что он согласится. – Не знаю.

– Неделю? Месяц? – уточняет он.

– Не знаю, Хардин. Мы оба должны понять, что нам лучше.

– Мне лучше быть с тобой, Тесса.

Слова отдаются эхом у меня в груди, и я заставляю себя отвести взгляд от его лица, прежде чем потеряю силы к сопротивлению.

– Мне тоже – с тобой, но ты постоянно бесишься, и с тобой я постоянно на грани. Тебе нужно что-нибудь сделать со своим характером, а мне нужно время на себя.

– Так что, это опять моя вина? – спрашивает он.

– Нет, и моя. Я слишком зависима от тебя. Мне нужно стать более независимой.

– С каких это пор ты так решила? – По его тону ясно, что он никогда не воспринимал мою зависимость от него как проблему.

– С тех пор, как мы в пух и прах разругались несколько ночей назад. На самом деле все началось несколько раньше, а Сиэтл и тот ночной скандал были просто последней каплей.

Наконец решаюсь взглянуть на Хардина и замечаю, что выражение его лица изменилось.

– Ладно. Понимаю, – говорит он. – Извини, я знаю, что многое испортил. Мы уже сто раз скандалили из-за Сиэтла, и, возможно, время прислушаться к тебе внимательнее. – Он тянется к моей руке, и я позволяю ему взять ее, на мгновение сбита с толку его покладистостью. – Я дам тебе больше свободы, ладно? С тобой и так случилось за последние сутки достаточно дряни. Не хочу создавать тебе еще одну проблему... на этот раз.

– Спасибо, – отвечаю я.

– Может, дашь мне знать, как доберешься до Сиэтла? И еще тебе нужно немного поесть и отдохнуть. – Его зеленые глаза смотрят мягко, тепло и успокаивающе.

Мне хочется попросить его остаться, но я понимаю, что это не лучшая идея.

– Ладно. Спасибо... правда.

– Ты не должна меня благодарить – Он засовывает ладони в узкие карманы своих черных джинсов и смотрит на меня. – Я передам от тебя Лэндону привет, – добавляет он и выходит.

Не могу не улыбнуться, когда он задерживается возле машины Лэндона, чтобы бросить долгий взгляд на дом перед тем, как сесть на пассажирское место.

Глава 68

Тесса

Как только машина Лэндона исчезает из виду, на грудь наваливается тяжесть, и я отхожу от крыльца, закрыв дверь.

Ной стоит, прислонившись к косяку между комнатой и кухней.

– Он уехал? – осторожно спрашивает он.

– Да, уехал. – Мой голос звучит безжизненно, незнакомо даже для меня самой.

– Я не знал, что вы были не вместе.

– Мы... ну... мы просто хорошие друзья.

– Можно я спрошу кое-что еще, прежде чем мы сменим тему? – Ной смотрит мне в лицо. – Я знаю этот взгляд: ты же ищешь повод, чтобы это сделать.

Даже спустя несколько месяцев Ной хорошо меня понимает.

– Что ты хочешь услышать? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня в упор. Это долгий, слишком долгий взгляд.

– Если бы можно было все вернуть, ты вернула бы, Тесса? Я слышал, как ты сказала, что хотела бы стереть последние полгода из памяти... и если бы это было можно, ты бы и вправду так сделала?

Сделала бы я это?

Сажусь на диван и задумываюсь. Хотела бы я повернуть все вспять? Стереть все, что случилось со мной за последние полгода? Бесконечные скандалы с Хардином, разрушенные отношения с матерью, предательство Стеф, унижение – всё.

– Да. Не раздумывая.

То, как рука Хардина касается моей, как он обнимал меня, прижимал к своей груди. Как он иногда хохотал так, что его глаза превращались в узкие щелочки, и его смех проникал мне в уши, в сердце, заполнял всю квартиру тем редким счастьем, от которого я чувствовала себя более живой, как никогда в жизни.

– Нет. Не стала бы ничего менять. Не могу, – меняю я ответ, и Ной качает головой.

– Что с тобой? – смеется он, усаживаясь в кресло напротив дивана. – Никогда не замечал в тебе такой нерешительности.

Я твердо качаю головой:

– Я бы ничего не стерла.

– Уверена? У тебя был не лучший год... а ведь я даже половины не знаю.

– Уверена, – еще раз киваю и усаживаюсь поудобнее. – Но кое-что я бы сделала по-другому, например, то, что касается тебя.

Ной чуть улыбается.

– Да, я бы тоже, – спокойно соглашается он.

– Тереза! – Мне на плечо ложится ладонь и легко встряхивает. – Тереза, просыпайся!

– Встаю, – со стоном отвечаю я, открывая глаза.

Гостиная. Я в гостиной моей матери. Я сдергиваю с ног одеяло... это Ной меня прикрыл. После того, как мы поболтали, а потом сели вместе смотреть телевизор, как в старые времена, я решила прилечь.

Уворачиваюсь от маминой руки.

– Который час?

– Девять вечера. Я решила разбудить тебя раньше. – Она поджимает губы.

У нее что-то, видимо, сместилось в голове, раз она разрешила мне поспать днем. Как ни странно, меня это забавляет.

– Извини, я даже не помню, как заснула. – Я потягиваюсь и поднимаюсь. – Ной уехал?

Заглядываю на кухню, но его там нет.

– Да. Миссис Портер очень хотела тебя видеть, но я сказала, что сейчас не самое удобное время для этого, – говорит она и идет на кухню.

Я иду следом на запах чего-то вкусного.

– Спасибо.

Жалко, что я нормально не попрощалась с Ноем, особенно потому, что понимаю, что больше его не увижу.

Мать подходит к плите, бросая мне через плечо:

– Я вижу, Хардин пригнал твою машину.

В голосе ее слышатся неодобрение. Через мгновение она поворачивается ко мне и протягивает тарелку с салатом и жареными на гриле помидорами.

Я не разделяю ее мнения о вкусной еде. Тем не менее я беру тарелку.

– Почему ты не сказала мне, что ночью сюда приезжал Хардин? Я помню.

Она пожимает плечами.

– Он просил не говорить.

Сажусь за стол, ковыряюсь в «ужине».

– С каких это пор ты беспокоишься о том, что он хочет? – спрашиваю я, ожидая бурной реакции...

– Я не беспокоюсь, – замечает она, накладывая себе еду на тарелку. – Я не упомянула об этом, потому что в твоих интересах все забыть.

Вилка с противным звоном падает из пальцев на тарелку.

– Утаивать что-либо от меня не в моих интересах, – говорю я, изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие. Чтобы подчеркнуть это, я вытираю губы идеально сложенной салфеткой.

– Тереза, не вымещай на мне свои обиды, – говорит мать, садясь за стол. – Что бы этот человек тебе ни сделал, все это произошло по твоей вине. Не по моей.

На мгновение на ее губах появляется снисходительная усмешка. Встаю из-за стола, бросаю салфетку на тарелку и выхожу из кухни.

– Куда ты собралась, юная леди? – зовет она.

– Спать. Завтра мне вставать в четыре, и мне далеко ехать, – кричу я сверху и закрываю дверь спальни.

Ложусь на кровать, где спала все детство... и сразу на меня начинают давить светло-серые стены. Я ненавижу этот дом. Не должна, но ненавижу. Ненавижу то, как я не могу тут вздохнуть без нотаций и замечаний. Я никогда не понимала, в какой клетке и под каким надзором находилась всю жизнь, пока не почувствовала первый глоток свободы с Хардином. Мне нравится пицца на ужин и проводить весь день с ним в постели голой. Ни салфеток, никаких щипцов для волос, ни этих отвратительных желтых штор.

Не успеваю остановиться и звоню ему.

Он отвечает со второго гудка.

– Тесс? – произносит он, задыхаясь.

– А, да, – шепчу я.

– Что случилось? – пыхтит он.

– Ничего, а с тобой все в порядке?

– Эй, Скотт. Вернись, – произносит женский голос на заднем плане.

Мое сердце начинает биться в груди, как молот, и я перебираю варианты.

– О, ты... Я тебя отвлекаю.

– Нет, все нормально. Она может подождать.

Через секунду фон становится глуше. Видимо, он куда-то отошел.

– Да нет, все в порядке. Ладно, я просто не хочу... тебя отвлекать.

Смотрю на серую стену рядом с кроватью: уверена, что она стала немножко ближе. Словно готовится к прыжку.

– Хорошо, – вздыхает он.

Что?

– Ладно, до свидания, – быстро говорю я и вешаю трубку, хватаясь рукой за рот, чтобы не стошнило прямо на мамин ковер.

Это в каком-то смысле логично...

У бедра вибрирует телефон, и на экране высвечивается имя Хардина. Я отвечаю, сама не знаю почему.

– Я занят не тем, что ты подумала... Я даже не понял, как это звучит со стороны, – сразу же говорит он.

Я слышу, как в трубке, заглушая голос, воет ветер.

– Все нормально, правда.

– Нет, Тесс, ты не поняла. Если бы я сейчас с кем-то был, это было бы ненормально, так что перестань делать вид, что тебе это неважно.

Ложусь на кровать на спину, мысленно признаваясь себе, что он прав.

– Ничего такого я не думала, – почти вру я.

Почему-то я знала, что он не мог сейчас быть с другой, но мое воображение само достроило картину.

– Хорошо, может, ты все-таки мне веришь.

– Может быть.

– Это было бы уместнее, если бы ты не ушла от меня, – резко продолжает он.

– Хардин...

Он вздыхает:

– Почему ты позвонила? Твоя мама ведет себя как сука и выносит тебе мозг?

– Нет, и не говори о ней так. – Я закатываю глаза. – Ну... сейчас так оно и есть, но дело не в этом. Я просто... я не знаю, зачем позвонила, на самом деле.

– Ясно... – Он делает паузу, и я слышу, как хлопает дверца машины. – Ты хочешь поговорить?

– Ты считаешь, это нормально? Мы можем? – спрашиваю я.

Всего несколько часов назад я сказала, что мне нужно стать более независимой, но вот я ему звоню, потому что мне плохо.

– Конечно.

– Кстати, ты где?

Надо стараться по возможности поддерживать разговор на нейтральные темы, насколько это возможно... Если у нас с Хардином

вообще есть нейтральные темы.

– В тренажерном зале.

Я почти смеюсь.

– В тренажерном зале? Ты же не ходишь в тренажерку.

Хардин – один из немногих людей, кто одарен невероятно красивым телом без всяких упражнений. Его от природы широкая фигура совершенна, он высок, широкоплеч, хотя сам утверждает, что слишком худ и долговяз, как подросток. У него сильные мускулы, но не слишком выдающиеся; все тело является идеальным сочетанием жесткого и мягкого.

– Знаю. Она надрала мне задницу. Я прямо опозорился.

– Кто? – спрашиваю я чересчур громко.

Спокойно, Тесса, похоже, это женщина, чей голос ты слышала.

– Да тренер. Я решил использовать абонемент на кикбоксинг, который ты мне подарила на день рождения.

– Правда?

Мысль о боксирующем Хардине тянет за собой другие, нежелательные картинки. Как он лоснится от пота...

– Да, – немного смущенно отвечает он.

Я трясую головой, стараясь отогнать от себя образ его обнаженного торса.

– И как тебе?

– Нормально, кажется. Я предпочитаю другие тренировки. Зато есть и положительные стороны: я сейчас намного меньше напряжен, чем несколько часов назад.

Слегка прищуриваюсь, хотя он и не может меня видеть. Пальцы обводят нарисованный на одеяле цветок.

– Еще пойдешь?

Наконец я могу спокойно вздохнуть: он рассказывает, как неудачно прошли первые полчаса тренировки, когда он ругался на тренершу, пока она несколько раз подряд не настучала ему по затылку, отчего он стал с ней пообходительнее и перестал вести себя как придурок.

– погоди, – наконец вставляю я. – Ты все еще там?

– Нет, я дома.

– Ты просто... ушел? Ты ей сказал?

– Нет, зачем еще? – отвечает он, словно поступать так – самое обычное дело.

Мне приятно, что он ушел с тренировки, только чтобы поговорить со мной по телефону. Так не должно быть, но я это чувствую. Это меня радует, но я между тем вздыхаю и говорю:

– Не очень-то хорошо у нас получается поддерживать дистанцию.
– Как всегда. – Представляю себе его улыбку, хотя он и находится за сто миль.

– Знаю, но...
– Эта наша версия сохранения дистанции. Ты же не садишься в машину и не едешь сюда. Ты только звонишь.

– Видимо, так и есть... – позволяю я себе согласиться с его странной логикой. Хотя в некотором смысле он прав. Я еще не знаю, хорошо это или плохо.

– Ной все еще там?
– Нет, ушел несколько часов назад.
– Хорошо.

Я смотрю в темноту через ужасные шторы, а Хардин в трубке смеется:

– Разговаривать по телефону – это так странно.
– Почему?
– Не знаю. Мы болтаем уже час.

Отодвигаю телефон от уха, чтобы посмотреть на экран, и с удивлением убеждаюсь, что он прав.

– А кажется, что только начали.
– Ага, я никогда ни с кем вот так не болтал по телефону. Ну, разве ты мне звонишь, чтобы я что-нибудь купил по дороге, ну, или друзья звонят, но никогда не разговаривал дольше двух минут.

– В самом деле?
– Да, а что в этом такого? Я никогда терпеть не мог все эти дурацкие подростковые свиданки; все друзья часами сидели у телефонов и слушали, как их подружки распинаятся о лаке для ногтей или о чем там, блин, девушки болтают несколько часов подряд.

Он посмеивается, а я хмурюсь, вспоминая, что у Хардина и не было возможности быть нормальным подростком.

– Ты не много потерял, – уверяю я.
– А ты кого использовала для многочасового трепа по телефону? Ноя? – Я слышу злость в его голосе.

– Нет, я никогда не болтала часами. Я тратила время на штудирование романов. – Может, и я никогда не была обычным подростком.

– Ну, тогда я рад, что ты была ботаншей, – говорит он, и мой желудок сладко сжимается.

– Тереза!

Рывком возвращаюсь в реальность, мать зовет меня уже не первый раз.

– О, уже поздно, тебе пора в кровать? – дразнит Хардин.

Наши отношения или их отсутствие, наше поддержание дистанции, но сохранение общения по телефону – за последний час все еще больше запуталось.

– Замолчи, – отвечаю я и, закрыв рукой телефон, отвечаю маме, что я сейчас буду. – Пойду посмотрю, чего она хочет.

– Ты действительно собираешься завтра уехать?

– Да.

После минутного молчания он отвечает:

– Хорошо, конечно, будь осторожна...

– Я могу позвонить тебе завтра? – неуверенно спрашиваю я.

– Нет, наверное, нам не стоит опять звонить друг другу, – отвечает он, и у меня перехватывает дыхание. – Ну, по крайней мере, не так часто. Какой смысл постоянно болтать, если мы не вместе?

– Хорошо, – отвечаю я тихо, упавшим голосом.

– Спокойной ночи, Тесса, – произносит он и отключается.

Он прав, я понимаю. Но это понимание не уменьшает боль. Мне не стоило ему звонить.

Глава 69

Тесса

Сейчас без пятнадцати пять утра, и впервые моя мать еще не прибрана. На ней шелковая пижама и халат, на ногах – тапочки. Мои волосы еще влажные после душа, но я трачу еще немного времени, чтобы накраситься и нормально одеться.

Мать изучающе смотрит на меня.

– У тебя есть все, что нужно, верно?

– Да, все в машине.

– Хорошо, убедись, что у тебя полный бак, когда будешь выезжать из города.

– Все будет в порядке, мама.

– Знаю. Всего лишь пытаюсь помочь.

– Понимаю.

Я обнимаю ее на прощание, она в ответ коротко пожимает мне плечи, и я возвращаюсь в дом, чтобы выпить кофе на дорогу. Во мне еще теплится крошечная, глупая надежда, что, может быть, в темноте на дороге вспыхнут фары, Хардин вылезет из машины с сумками в руках и скажет, что он готов ехать в Сиэтл со мной.

Но в это верит только глупая часть меня, и я понимаю, что это нереально.

В десять минут шестого в последний раз обнимаю маму и сажусь в машину, которую, к счастью, я предусмотрительно прогрела. Адрес Кимберли и Кристиана введен в мой навигатор в телефоне. Навигатор постоянно перезагружается, хотя я еще даже не выехала. Мне действительно нужен новый телефон. Если бы Хардин был тут, он не раз бы напомнил, что лучше купить iPhone.

Но Хардина рядом нет.

Дорога долгая. Я только в начале пути, но во мне уже поднимается беспокойство. Каждый маленький городок, мимо которого я проезжаю, заставляет меня чувствовать себя все более и более оторванной от дома, и в Сиэтле, скорее всего, будет еще хуже. Смогу ли я там устроиться или сбегу обратно в кампус CWU или даже домой к матери?

Смотрю на часы на приборной панели; прошел всего час. Кажется, он

пролетел слишком быстро; странно, но от этого мне становится легче. Когда я смотрю снова, то понимаю, что еще двадцать минут проскочили как один миг. Чем я дальше, тем легче у меня на душе. Я не пытаюсь унять страх из-за того, что еду по темной незнакомой дороге. Я сосредоточена на будущем. Будущем, которое никто не может отнять у меня и никто не заставит меня от него отказаться. Останавливаюсь глотнуть кофе, перекусить и просто подышать свежим воздухом. Когда же из-за горизонта появляется половинка солнечного диска, я вглядываюсь в ослепительные желтые и рыжеватые блики, которые возникают вокруг, сочетаются друг с другом, украшая и освещая начало моего нового дня. Мое проясняется вместе с небом, и я начинаю подпевать Тейлор Свифт, постукивая пальцами по рулю, когда она поет о «проблеме его появления» – и я смеюсь совпадению в тексте песни с действительностью.

Когда я проезжаю знак въезда в Сиэтл, в животе порхают бабочки. Я это сделала. Тереза Янг теперь официально живет в Сиэтле и выстраивает свою жизнь в том возрасте, когда большинство ее друзей до сих пор пытаются разобраться, что же с этой жизнью делать.

Я смогла. Я не повторю маминых ошибок, не стану полагаться на других и не лишусь будущего. Конечно, мне помогали – и я благодарна за это, – но все это было для того, чтобы я перешла на новый уровень. У меня есть прекрасная стажировка, подруга и ее любящий жених, и машина, полная вещей.

У меня еще нет квартиры и... ничего нет, кроме книг, нескольких ящичков на заднем сиденье и работы. Но у меня все получится.

Все получится. Должно получиться.

Я буду счастлива в Сиэтле... Будет так, как я себе представляла. Все будет.

Миля летит за милей... и каждая секунда пути наполнена воспоминаниями, прощаниями и сомнениями.

Дом Кристиана и Кимберли даже больше, чем я ожидала по рассказам. С волнением подъезжаю к подъезду. Идеальные ряды деревьев, ухоженная живая изгородь вокруг дома, в воздухе пахнет какими-то неизвестными цветами. Паркуюсь рядом с машиной Кимберли, и перед тем как выйти, делаю глубокий вдох. Большая деревянная дверь украшена большим вензелем «V», и я хихикаю над пафосным узором.

Кимберли открывает дверь. Она удивленно приподнимает брови и смотрит туда же, куда и я.

– Мы не заказывали этот вензель! Клянусь: до нас здесь жила семья по фамилии Вермон!

– Да я ничего и не говорю, – только и отвечаю я, пожимая плечами.

– Знаю я, что ты думаешь: это ужасно. Кристиан, конечно, тщеславен, но даже он не стал бы такое делать.

Она постукивает по вензелю красным ногтем, и я снова смеюсь, после чего мы вместе заходим внутрь.

– Как доехала? Заходи, заходи, на улице холодно.

Я следую за ней в гостиную, откуда тянет теплом и вкусно пахнет камином.

– Хорошо... только долго.

– Надеюсь, мне не придется так далеко ездить больше, – она морщит нос. – Кристиан в офисе. Я взяла выходной, чтобы помочь тебе устроиться. Смит придет из школы только через несколько часов.

– Еще раз спасибо, что разрешила остановиться. Обещаю, что не останусь дольше чем на две недели.

– Да не беспокойся, смотри – ты теперь в Сиэтле! – восклицает она.

И я наконец полностью осознаю это: я действительно в Сиэтле!

Глава 70

Хардин

– Как вчерашняя тренировка по кикбоксингу? – напряженно спрашивает Лэндон.

Он взваливает себе на плечо очередной мешок мульчи, отчего кривится и принимает довольно глупый вид. Когда он сбрасывает мешок на землю, то упирается руками в бока и говорит мне, театрально закатывая глаза к небу:

– Знашь, ты мог бы и помочь.

– Знаю, – отвечаю я. Я сижу на стуле в теплице Карен, закинув ноги на одну из деревянных полок. – Кикбоксинг нормально. Тренер оказался женщиной, так что все было довольно тупо.

– Почему? Потому что она надрала тебе корму?

– Ты имеешь в виду задницу? Нет, не надрала.

– Но все-таки что заставило тебя туда пойти? Я не советовал Тесс покупать этот абонемент, потому что ты не будешь его использовать.

Раздражаюсь оттого, что он назвал ее «Тесс». Мне это ни хрена не нравится. Ну, это всего лишь Лэндон, напоминаю я себе. Из всего, о чем мне стоит беспокоиться, Лэндон – самая меньшая из проблем.

– Потому что я был в ярости и чувствовал, что хочу переломать в этой долбаной квартире всю мебель. Поэтому, когда я заметил купон, после того как вытащил один из ящиков комода, то сразу схватил его, обулся и побежал в зал.

– Ты перевернул все полки? Тесса тебя убьет...

Он качает головой и садится на гору мешков мульчи. Не понимаю, зачем он согласился помогать своей маме перетаскивать всю эту хрень.

– Она не увидит... это больше не ее дом, – напоминаю я ему, пытаюсь сохранять спокойствие.

Он виновато на меня смотрит.

– Жаль.

– Да, – вздыхаю я. Не могу даже придумать остроумный ответ.

– Мне трудно понять, зачем тебе страдать без нее, если ты можешь быть там с ней, – говорит Лэндон после нескольких минут молчания.

– Пошел ты! – Я наклоняю голову к стене и чувствую, как он на меня

смотрит.

– Это совершенно бессмысленно, – добавляет он.

– Для тебя.

– И для нее. И для всех.

– Я не должен никому ничего объяснять, – отрезаю я.

– Тогда почему ты здесь?

Вместо ответа я оглядываю теплицу; действительно, что я тут делаю?

– Мне некуда больше идти.

Неужели он думает, что я не тоскую по ней каждую секунду? Что мне не хочется быть с ней вместо того, чтобы торчать тут с ним?

Лэндон искоса смотрит на меня.

– А как же твои друзья?

– Ты имеешь в виду тех, кто подсунул Тессе наркоту? Или тех, кто подставил меня, когда рассказал ей о нашем пари? – спрашиваю я, загибая пальцы. – Или, может быть, тех, кто постоянно пытается залезть к ней в штаны? Продолжать?

– Думаю, не стоит. Из этого я могу сделать вывод, что у тебя отстойные друзья, – отвечает Лэндон неприятным голосом. – Так что же ты собираешься делать?

Решив, что мир лучше, чем братоубийство, лишь пожимаю плечами.

– То же, что и сейчас.

– Значит, будешь болтать со мной и хандрить?

– Я не хандрю. Я делаю то, что ты мне сам говорил, и совершенствуюсь, – издевательски отвечаю я, изображая пальцами кавычки. – Ты разговаривал с ней после отъезда?

– Да, сегодня утром она написала, сообщила, что приехала.

– Она у Вэнса, верно?

– А зачем тебе это знать?

Лэндон меня бесит.

– Я знаю, что она там. Где ей еще быть?

– У этого Тревора, – быстро предполагает Лэндон.

Его ухмылка заставляет меня пересмотреть решение о расправе. Если его сейчас столкнуть, ему не будет очень больно, тут и метра-то нет. Даже синяка не останется...

– Я и забыл об этом долбаном Треворе!

Я со стоном яростно потираю шею. Тревор бесит меня почти так же сильно, как Зед. Правда, думаю, Тревор на самом деле преисполнен к Тессе благими намерениями, но мне от этого не легче. Это только делает его опаснее.

– И каковы следующие этапы твоего самосовершенствования? – улыбается Лэндон, но тут же становится серьезным. – Я действительно горжусь тобой. Приятно видеть, что на этот раз ты серьезно за себя взялся, а не просто продержался часок и вернулся к тому, что она и так тебя простит. Это для нее много будет значить, если ты действительно изменишься.

Я опускаю ноги и слегка раскачиваюсь в кресле. От его слов что-то во мне шевелится.

– Не пытайся читать мне мораль. Я еще пока не перевоспитался, прошел всего лишь один день.

Долгий, несчастный, одинокий день.

Лэндон с сочувствием смотрит на меня.

– Нет, я серьезно. Ты не притронулся к выпивке, не затеял драку, не был арестован, и я знаю, что ты пришел, чтобы поговорить с отцом.

Я изумленно раскрываю рот.

– Это он тебе сказал? – Вот ублюдок.

– Нет, он мне не говорил. Я же тут живу и видел тогда твою машину.

– А...

– Думаю, то, что ты разговариваешь с ним, будет иметь для Тессы большое значение, – продолжает он.

– Заткнись, а? – Меня передергивает. – Ну тебя на хрен. Ты не мой психиатр. Хватит вести себя так, словно ты лучше меня, а я какой-то гребаный хищник, которого тебе нужно...

– Почему бы тебе просто не принять комплимент с благодарностью? – перебивает меня Лэндон. – Я никогда не говорил, что я лучше тебя. Все, что я пытаюсь сделать, это по-дружески помочь. У тебя никого нет, ты сам так сказал, и теперь ты отпускаешь Тессу в Сиэтл и лишаешься единственного человека, который тебя морально поддерживал. – Он смотрит на меня в упор, но я гляжу в сторону. – Ты должен прекратить отталкивать людей, Хардин. Я знаю, что я тебе не нравлюсь, ты меня ненавидишь, потому что думаешь, что я виноват в некоторых проблемах, которые у тебя возникают с отцом, но я все равно глубоко переживаю за вас с Тессой, хочешь ты этого или нет.

– Я не хочу это слушать! – кричу я в ответ.

Почему он всегда несет всякий бред? Я приехал сюда, чтобы... Не знаю, поговорить с ним. Именно поговорить... а не выслушивать излияния, как он обо мне заботится. И зачем ему заботиться обо мне, кстати? Я вел себя с ним всегда как придурок, но я его не ненавидел. Неужели он думает, что я его ненавижу?

– Ну, именно так ты обычно и поступаешь.

Он встает на ноги и выходит из теплицы, оставляя меня одного.

– Блин! – Я бью ногой по стеллажу, и тот накреняется. Раздается треск, и я вскакиваю на ноги. – Нет, нет, нет!

Пытаюсь поймать большие цветочные горшки, маленькие глиняные горшочки и все остальное, вдребезги бьющееся об пол. Всего несколько секунд – и они превращаются в осколки на полу. Это не должно было произойти! Я даже не хотел их разбивать – и вот стою среди гор земли, цветов и глиняных черепков.

Может, я успею что-нибудь убрать до того, как Карен...

– Ой, – слышу я ее вздох и, повернувшись, вижу ее: она застыла в дверях со шпателем в руке.

Ну, трендец.

– Я не хотел бить по нему, клянусь! Я дернул ногой и случайно задел полку, а потом вся эта хрень начала падать вниз, но я пытался их поймать! – в отчаянии объясняю я.

Карен бросается к разбитым горшкам. Ее руки шарят по осколкам, пытаюсь собрать воедино синий цветочный горшок, разбитый безвозвратно. Она молчит, но я слышу, как она всхлипывает, затем поднимает руки, чтобы вытереть щеки, и на них остаются грязные разводы. Через несколько секунд она произносит:

– Этот горшок появился у меня, когда была еще маленькая. Это был первый горшок, в котором я держала рассаду.

– Я...

Не знаю, что ей сказать. Из всего, что я совершил, это действительно вышло случайно. Ужасное ощущение.

– Этот горшок и мой фарфоровый сервиз – единственные вещи, которые оставались у меня от бабушки, – плачет она.

Фарфоровый сервиз. Тот фарфор, который я тогда перебил.

– Карен, прости, я...

– Все нормально, Хардин. – Она вздыхает и бросает осколки обратно на кучу земли.

Нет, не все нормально, я вижу это по ее карим глазам. Я чувствую, как ей больно, и поражаюсь, какую сильную вину испытываю при виде ее печали. Несколько секунд она смотрит на осколки горшка, а я молча стою рядом. Я пытаюсь представить себе Карен молодой девушкой с большими карими глазами и уже тогда добрейшей душой. Готов поспорить, она была одной из тех девушек, которые привлекательны для всех, даже таких придурков, как я. Думаю о ее бабушке: понимаю, как ей было приятно

подарить Карен что-то, что для нее кажется важным, чтобы хранить это столько лет. У меня никогда не было ничего такого, что бы я ни разрушил.

– Я пойду доделаю ужин. Скоро будет готово, – наконец говорит она.

Затем, вытирая глаза, выходит из теплицы.

Совсем как ее сын за несколько минут до нее.

Глава 71

Тесса

Разумеется, Смит встречает меня, важно пожимает мне руку и забрасывает вопросами, как мои дела. Затем, когда я развешиваю одежду, он подкрадывается и тихо спрашивает:

– Где твой Хардин?

Я не могу не расстроиться. Это заставляет меня с грустью признаться, что я оставила его в CWU, наивность этого милого ребенка слегка облегчает мою боль.

– А где это CWU?

Я улыбаюсь, сделав над собой усилие.

– Это далеко.

Смит часто моргает своими чудными зелеными глазами.

– А он придет?

– Я так не думаю. Хм, а тебе нравится Хардин, так ведь, Смит? – улыбаюсь я, складываю свое старое бордовое платье и убираю его в шкаф.

– Типа того. Он смешной.

– Эй, я тоже смешная! – дразню его я, но он только застенчиво улыбается.

– Не очень, – честно отвечает он.

Теперь мне еще сложнее смеяться.

– А Хардин считает меня смешной, – вру я.

– Правда? – Смит смотрит за тем, что я делаю, и начинает помогать мне распаковывать и складывать одежду.

– Да, хотя он и не хочет этого признавать.

– Почему?

– Не знаю, – пожимаю я плечами.

Наверное, потому что я не смешная, а когда пытаюсь быть смешной, то еще хуже.

– Тогда скажи своему Хардину, чтобы приехал к нам и жил, как и ты, – говорит он как ни в чем не бывало, словно маленький король, издавший указ.

От слов этого милого мальчика у меня сжимается сердце.

– Я ему передам. Ты не выкладывай, – прошу я, потянувшись к синей

футболке в его ручках.

– Мне нравится складывать.

Смит кладет футболку к остальным, и что мне остается делать, кроме как согласиться?

– Однажды ты станешь хорошим мужем, – улыбаясь, замечает я.

– Я не хочу быть мужем, – морщится он, и я закатываю глаза оттого, что этот пятилетний мальчик уже говорит, как взрослый мужчина.

– Однажды ты передумаешь, – дразню я.

– Нет.

На этом он завершает разговор, и мы заканчиваем раскладывать мою одежду в тишине.

Мой первый день в Сиэтле подходит к концу, а завтра наступит первый рабочий день в новом офисе. Я очень нервничаю. Я не просто волнуюсь – я в панике. Мне нравится держать любую ситуацию под контролем и всегда иметь четкий план действий. Но у меня не было времени все предусмотреть, удалось только записаться на новый курс, и, честно говоря, я жду его с нетерпением. Пока я нервничаю, Смит исчезает, оставив на моей кровати аккуратно сложенные стопки одежды.

Завтра после работы надо пройтись и посмотреть Сиэтл. Мне нужно вспомнить, за что я так люблю этот город, потому что прямо сейчас, в чужой спальне, в нескольких часах езды от всего, что я знаю, мне становится так... одиноко.

Глава 72

Хардин

Смотрю, как Логан опрокидывает в себя пинту пива с горкой пены. Поставив стакан на стол, он вытирает рот.

– Стеф сумасшедшая. Никто не знал, что она собирается делать с Тессой, – сообщает он и рыгает.

– Дэн знал. И если я узнаю, что кто-то еще... – предупреждаю я его.

Он кивает, убедительно глядя на меня.

– Никто не знал. То есть... я не то чтобы уверен. Но мне, по крайней мере, никто про эту хрень не говорил. – Рядом с ним появляется высокая брюнетка, и он скользит рукой по ее ногам. – Нэт и Челси скоро будут здесь, – говорит он ей.

– У вас тут вечер пар, – со стоном констатирую я. – Мне пора.

Собираюсь подняться, но Логан меня останавливает.

– Никаких парных вечеров. Тристан теперь один, а Нэт не встречается с Челси, они просто трахаются.

Не знаю, зачем я сюда пришел, но Лэндон со мной почти не разговаривал, а Карен за ужином была такая грустная, что я просто не мог усидеть за столом.

– Дай угадаю: Зед тоже будет?

Логан качает головой:

– Это вряд ли. Кажется, он злится на нас еще сильнее, чем ты, потому что после всего, что произошло, он с нами больше не разговаривает.

– Никто не может после этого злиться сильнее меня, – цежу я сквозь зубы.

Посиделки с моими старыми друзьями не помогают мне «стать лучше». Я только раздражаюсь. Как кто-то смеет говорить, что Зед заботится о Тессе больше, чем я?

Логан машет на меня рукой.

– Я не то имел в виду... оговорился. Выпей пива, расслабься.

Он оглядывается на бармена. Кручу головой и вижу Нэта с девушкой, по всей видимости, Челси. Они вместе с Тристаном подходят к бару.

– Не хочу это чертово пиво, – спокойно говорю я, пытаюсь держать себя в руках.

Логан всего лишь пытается мне помочь, но это меня раздражает. Все это меня раздражает. Просто достало.

Тристан хлопает меня по плечу.

– Давно не виделись. – Он пытается говорить бодро, но выходит у него плохо, никто даже не улыбнулся. – Прости за пакость, которую учудила Стеф. Честно, я понятия не имел, что она задумала, – добавляет он, и от этого становится еще хуже.

– Я не хочу об этом говорить, – с нажимом говорю я, закрывая тему.

Пока друзья бухают и болтают о том, на что мне глубоко плевать, ловлю себя на мыслях о Тессе. Что она сейчас делает? Как ей там, в Сиэтле? Действительно ли ей так некомфортно в доме Вэнсов, как я думаю? Гостеприимны ли Кристиан с Кимберли?

Конечно, гостеприимны – Кимберли и Кристиан всегда такие. На самом деле мне хочется узнать главное: скучает ли Тесса по мне так, как я по ней?

– Не желаешь? – Нэт прерывает мои мысли – машет рюмкой у меня перед глазами.

– Нет, спасибо.

Показываю на свою газировку, он пожимает плечами, затем запрокидывает голову и делает глоток.

Меньше всего хочу сейчас этим заниматься. Это незрелое, глупое желание – бухать-от-заката-до-рассвета – для них, может быть, и приемлемо, но уже не для меня. Они не одарены внутренним голосом, который постоянно фоном зудит, что они могли бы добиться большего, если бы изменили свою жизнь. У них нет тех, кто любит их настолько, что хочет сделать их совершеннее.

Я хочу стать лучше ради тебя, Тесс. Так я ей когда-то сказал. С тех пор я не шибко продвинулся.

– Я пойду, – объявляю я, но никто даже не замечает, когда я встаю со своего места и уезжаю.

Решено: больше не трачу время на тусовки в баре с людьми, которым на самом деле на меня насрать. Против большинства из них я ничего не имею, но никому до меня дела нет, и никто меня толком не знает. Мной интересуются только пьяные, шумные девчонки, с которыми можно без проблем перепихнуться. И то, я для них по большей части реквизит. Они ни черта обо мне не знают, даже не в курсе, что мой отец – ректор нашего университета. Не уверен, что они знают, что он вообще есть.

Никто из них не знает меня так, как она, и никто никогда не беспокоился обо мне так, как это делала Тесса. Она часто, иногда

назойливо расспрашивает меня: «О чем ты думаешь?», «Чем тебе нравится эта передача?», «Как ты думаешь, о чем сейчас думает вон тот человек?», «Что ты самое первое помнишь в своей жизни?».

Я всегда делал вид, что ее расспросы меня раздражают, но на самом деле они заставляли чувствовать себя особенным... или будто ей очень важно узнать ответ на эти смешные вопросы. Не знаю, почему не могу прийти к единому решению; одна половина меня считает, что мне нужно оторвать задницу и мчаться в Сиэтл, а там выбить дверь в дом Вэнса и обещать ей больше никогда не позволять ей уйти, хотя это не так просто. Другая, более сильная часть напоминает, как я облажался. Эта часть всегда побеждает. Я так все испортил, разрушил все, абсолютно все, что было в жизни, что мне лучше всего оказать Тессе услугу, оставив ее одну. И я верю, что это правильно, особенно когда ее нет рядом и никто не уверяет меня, что я ошибаюсь. Тем более прошлый опыт подтверждает правильность такого выбора.

На бумаге план Лэндона по превращению меня в нормального человека неплох, но что с того? Я должен поверить, что всегда смогу оставаться хорошим, не срываясь? Я должен поверить, что устрою Тессу, только потому, что решил не опустошать бутылку водки, когда прихожу в ярость?

Было бы намного проще, если бы я не знал, сколько всего в жизни испортил. Не знаю, что я буду делать, но не хочу принимать немедленное решение. Ограничусь пока тем, что пойду домой и буду смотреть любимые передачи Тессы – ужасные шоу с дурацкими сюжетами и нелепейшими репликами. Буду воображать, что она сидит рядом и объясняет каждый эпизод, хотя я и так прекрасно понимаю, что там происходит. Я люблю, когда она так делает. Это раздражает, но все же мне нравится, как она переживает из-за каждой детали. Типа кто надел красный плащ и преследует этих стремных «милых маленьких лгуний».

На выходе из лифта еще продумываю планы на вечер. Скорее всего, смотреть эту дрянь, то есть сначала приму душ, представляя при этом, как Тесса меня целует, и сделаю все возможное, чтобы не натворить какой-нибудь ерунды. Может, даже уберу вчерашний бардак.

Останавливаюсь возле своей двери и оглядываю коридор. Какого черта дверь приоткрыта? Вернулась Тесса или кто-то снова вломился в нашу квартиру? Не знаю, что разозлит меня больше.

– Тесса?

Открываю дверь толчком ноги, и внутри у меня все обрывается: на полу, весь в крови, лежит ее отец.

– Что за херня? – ору я, захлопывая дверь.

– Осторожно, – стонет Ричард.

Слежу за его взглядом по прихожей, краем глаза замечая какое-то движение. Там какой-то человек, он склоняется над ним. Плечи напрягаются, если потребуется, я готов драться. Но потом я понимаю, что это друг Ричарда... Кажется, его зовут Чад.

– Что, черт возьми, с ним случилось и какого хрена ты тут делаешь? – спрашиваю я.

– Я надеялся увидеть девчонку, а это ты, – ухмыляется он.

От того, что этот мерзавец заговаривает о Тессе, у меня вскипает кровь.

– Убирайся и его захвати с собой! – показываю рукой на падаль, которую он приволок в мою квартиру. Наверняка перепачкает кровью вестибюль.

Чад поводит плечами и медленно мотает головой. Уверен, что он хочет казаться спокойным, но внутренне дрожит.

– Видишь ли, какая штука: он должен мне много денег, но не может заплатить, – сообщает он, почесывая грязными ногтями маленькую красную точку на руке.

Чертов наркоман!

Развожу руками:

– Мне плевать на твои проблемы. Я не собираюсь сто раз повторять и уж точно не дам тебе денег.

Но Чад только усмехается:

– Ты не знаешь, с кем разговариваешь, малыш!

Он бьет Ричарда пониже груди, тот с жалким стоном падает на пол и лежит.

Я не в настроении болтать с наркоманами, ворвавшимися в мою квартиру.

– Мне насрать и на тебя и на него. И ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я тебя боюсь, – угрожаю я.

Что еще случится на этой неделе?

Нет, стоп. Я не хочу знать ответ на этот вопрос. Я делаю шаг к Чаду, и тот отступает. Так я и думал.

– Может быть, будет яснее, если я повторю: вали отсюда, или я вызову полицию. И пока мы дожидаемся, пока они приедут и спасут тебя, я выбью из тебя все дерьмо бейсбольной битой, которую держу на всякий случай. Например, когда какой-нибудь дебил пытается устроить черт-те что в моей квартире.

Подхожу к шкафу в коридоре, вытаскиваю битую, прислоненную к дальней стенке, и медленно поднимаю ее в доказательство.

– Если я уйду без денег, которые он мне должен, то что я с ним потом сделаю, будет по твоей вине. И его кровь будет на твоих руках.

– Мне плевать, что ты с ним сделаешь, – говорю я ему.

Но вдруг начинаю сомневаться, так ли это.

– Конечно, – соглашается он и оглядывает гостиную.

– Сколько?

– Пятсот.

– Я не дам тебе пятисот баксов.

Я думаю о том, что почувствует Тесса, если узнает, что подозрения насчет отца-наркомана оказались верными. От таких мыслей хочется швырнуть бумажник Чаду в лицо, отдать ему все, лишь бы от него избавиться. Меня бесит, что я оказался прав; до этого верила мне она только наполовину, теперь же придется взглянуть правде в глаза. Я хочу одного: чтобы все исчезло, включая этого козла.

– У меня нет при себе таких денег.

– Двести? – спрашивает он.

Я почти вижу, как его глазами на меня смотрит его ломка.

– Хорошо.

Невероятно, я собираюсь дать денег наркоману, который ворвался ко мне в квартиру и избил отца Тессы за пару зеленых бумажек. У меня даже нет двухсот долларов наличными. Мне что, переться с этим торчком к банкомату? Это полный бред.

Кто тот счастливчик, что застает у себя дома такое дерьмо?

Я. Больше никому.

Это ради нее. Только ради нее.

Достаю из кармана бумажник, швыряю ему восемьдесят долларов, которые только что снял в банкомате, и иду в спальню. Беру часы, которые отец и Карен купили мне на Рождество, и тоже бросаю ему. Чад ловит их в воздухе довольно ловко, удивительно для такого верзилы. Видно, его они и вправду заинтересовали... или его интересует то, что он купит на вырученные деньги.

– Эти часы стоят больше пятисот баксов. А теперь вали отсюда на хрен, – говорю я.

Но на самом деле мне не хочется, чтобы он уходил; я мечтаю, чтобы он напал на меня, чтобы я мог раскроить ему башку. Чад смеется, кашляет, потом снова смеется.

– До встречи, Рик, – угрожающе произносит он, выходя за дверь.

Иду за ним и, простирая биту, заявляю:

– Слышишь, Чад? Если я увижу тебя снова, я тебя убью.

И громко хлопаю дверью перед его рожей.

Глава 73

Хардин

Я пинаю Ричарда ботинком в зад. Я в ярости, потому что именно он во всем виноват.

– Извини, – стонет он, пытаясь подняться; через несколько секунд он вздрагивает и снова растягивается на полу.

Последнее, что я хочу делать, это поднимать его жалкую задницу, но в данный момент я еще не понимаю, что с ним делать.

– Я посажу тебя на стул, но на диван не садись, пока не сходишь в душ.

– Хорошо, – бормочет он, закрывая глаза, когда я наклоняюсь и его поднимаю.

Ричард не такой тяжелый, как я думал, особенно учитывая его рост. Я подвожу его к стулу, и как только он с моей помощью садится, то тут же горбится и обхватывает себя руками.

– И что теперь? Что мне с тобой делать? – спокойно спрашиваю я.

Что бы сделала Тесса, будь она здесь? Судя по всему, набрала бы горячую ванну и заставила бы что-нибудь поесть. Но я ничего подобного не сделаю.

– Подбрось меня обратно, – просит он, оттягивая дрожащими пальцами воротник футболки.

Одной из тех моих футболок, что ему отдала Тесса. Неужели он ее носит с нашей прошлой встречи? Он вытирает со рта кровь, размазав ее по подбородку, и запускает пальцы в волосы.

– Обратно – это куда? – спрашиваю я.

Может, стоило вызвать полицию сразу, как только я вошел в квартиру, не пришлось бы отдавать Чаду часы... Я соображал как следует, потому что думал о том, что могло бы мне помочь вернуть Тессу.

Но, конечно же, ее уже не вернуть... она так далеко.

– Зачем ты его сюда привел? Если бы тут была Тесса... – Я замолкаю.

– Она съехала. Я знал, что ее тут не будет, – с трудом выдавливает из себя ее отец.

Понимаю, что ему сложно говорить, но мне нужны ответы, а терпение у меня уже на исходе.

– Ты приходил сюда несколько дней назад?
– Да. Я зашел, только чтобы поесть и по-по-мыться, – кричит Ричард.
– И ты тащился в такую даль только затем, чтобы поесть и сходить в душ?

– Да, тогда я ехал на автобусе. Но Чад... – Он сбивается и, неловко повернувшись, стонет от боли. – Он предложил меня подвезти, а потом, когда мы вошли, напал.

– Как, мать твою, ты попал внутрь?

– Я взял у Тессы запасной ключ.

Он взял или она ему дала? Это важно.

Он кивает в сторону раковины:

– Из ящика.

– Значит, если говорить откровенно, ты украл ключ от моей квартиры, думая, что можешь запросто приезжать сюда всякий раз, когда тебе захочется помыться. Потом ты привел этого милого торчка Чада, и он поколотил тебя в моей гостиной, потому что ты должен ему денег? – Такое чувство, что я оказался в эпизоде фильма «Вмешательство».

– Никого не было дома, я не думал, что это имеет большое значение.

– Ты не думал – вот в чем проблема! А что, если бы сюда пришла Тесса? Ты хоть представляешь, что бы она почувствовала, если бы увидела тебя в таком виде?

Я распаляюсь все больше и больше. Первое, что мне хочется сейчас сделать, – это вышвырнуть старого дурака и оставить его истекать кровью в подъезде. Но я не могу этого сделать, хотя бы потому, что безумно люблю его дочь, а это заставит ее страдать еще больше. Разве любовь – не прекрасное чувство?

– Отвезти тебя в больницу?

– Не надо в больницу, тут требуется максимум пара повязок. Можешь ли ты позвонить Тессе и сказать, что мне очень жаль?

Я отметаю его просьбу категорическим жестом.

– Я не буду звонить. Ей не нужно об этом знать. Не хочу, чтобы она еще волновалась из-за этого.

– Ладно, – соглашается он и ерзает на стуле.

– Как давно ты на игле? – спрашиваю я.

Он нервно сглатывает.

– Я не ширяюсь, – тихо отвечает он.

– Не ври, я не идиот. Просто скажи.

Он задумывается.

– Около года, но я старался бросить с того момента, как познакомился

с Тесси.

– Для нее это будет ударом, ты понимаешь?

Надеюсь, понимает. И мне не составит труда напомнить ему об этом, если он когда-нибудь забудет.

– Я знаю, ради нее я стараюсь стать лучше, – отвечает он.

Как и я...

– Тогда тебе стоит постараться соскочить, потому что, если бы сейчас она тебя видела...

Я обрываю фразу, раздумывая, стоит ли позвонить Тессе и спросить, что, блин, мне делать с ее отцом, но знаю, что лучше этого не делать. Ей не нужно париться, не сейчас. Не в тот момент, когда она пытается реализовать свою мечту.

– Я пойду в комнату. Не стесняйся, прими душ, поешь или что ты там планировал делать, пока я не пришел домой.

Ухожу в спальню. Закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней с другой стороны. Это были самые длинные двадцать четыре часа в моей жизни.

Глава 74

Тесса

Кристиан с Кимберли показывают мне мой новый офис. Не могу сдержать улыбки: стены выкрашены в белый, косяки и двери темно-серые, столы и книжные шкафы черные, полированные – и все очень современное. Кабинет примерно такой же, как и в старом издательстве, но вид из окна невероятный, прямо дух захватывает. Издательство Вэнса теперь расположено в самом центре Сиэтла; внизу кипит жизнь, город движется, меняется, а я стою прямо посреди всего этого.

– Это потрясающе, спасибо вам огромное! – восклицаю я, наверное, слишком эмоционально для того, кого можно назвать настоящим профессионалом.

– Все, что потребуется, находится всего в нескольких минутах ходьбы – кофе, кухня на любой вкус. Здесь есть все. – Кристиан гордо осматривает город сверху вниз и обнимает невесту за талию.

– Может, перестанешь хвастаться? – подтрунивает Кимберли, и он нежно целует ее в лоб.

– Ну, на этом мы тебя оставим. А теперь – за работу, – притворно хмурится Кристиан.

Кимберли хватает его за галстук и почти тащит за собой из кабинета.

Я раскладываю на столе вещи так, как мне нравится, немного читаю, но к обеду успеваю уже послать как минимум десять фотографий нового рабочего места Лэндону... и Хардину. Я знаю, что Хардин не ответит, но ничего не могу с собой поделать. Мне хочется, чтобы он посмотрел на вид из окна – возможно, это изменит его мнение о Сиэтле? Я делаю исключение только для некоторых не понравившихся мне фотографий, которые не отправляю. Я скучаю по нему, ужасно скучаю. Надеюсь, он ответит, хотя бы просто напишет мне хоть что-нибудь. Но ответа нет.

Лэндон присылает восторженные ответы на каждую фотографию, даже на ту дурацкую, где я держу в руке кружку с надписью «Издательство Вэнс».

Чем больше я думаю об импульсивном решении послать Хардину фотографии, тем больше жалею. Вдруг он не так их воспримет? Вполне возможно. Он может увидеть в этом свидетельство того, что я двигаюсь

вперед; может даже подумать, что я специально хвастаюсь. Конечно, это не так, но мне остается только надеяться, что он отреагирует правильно.

Возможно, лучше отправить еще одно сообщение, с пояснениями, думаю я. Или сказать, что послала фотографии случайно. Не знаю, что будет выглядеть правдоподобнее. Это надо обдумать; в конце концов, это всего лишь фотографии. Я не могу нести ответственности за то, как он их интерпретирует, за его эмоции.

Захожу в комнату отдыха на своем этаже; там за одним из квадратных столиков с табличкой сидит Тревор.

– Добро пожаловать в Сиэтл, – здоровается он, и его голубые глаза приветливо сияют.

– Привет, – радостно отвечаю я, проводя карточкой через слот огромного торгового автомата.

Нажимаю кнопки с цифрами и получаю пачку крекеров с арахисовым маслом. Но я слишком нервничаю и не хочу есть, поэтому решаю завтра выйти обедать после того, как изучу окрестности.

– Как тебе Сиэтл? – спрашивает Тревор.

Подхожу к его столику и, когда он кивает, сажусь напротив него.

– Еще мало что видела. Я же только вчера приехала, но новый офис мне понравился.

В комнату входят две женщины и улыбаются Тревору; одна из них улыбается и мне, и отвечаю легким кивком. Они болтают друг с другом, а затем та, что поменьше, брюнетка, открывает холодильник и достает из микроволновки еду, и другая изучает свои ногти.

– Тебе нужно тут погулять, здесь много чем можно заняться. Это красивый город, – заявляет Тревор, и я машинально откусываю кусочек крекера. – Спейс-Нидл, Тихоокеанский научный центр, художественные музеи – все что хочешь.

– Я хотела бы посмотреть Спейс-Нидл и Пайк-Плейс маркет, – отвечаю я.

От того, что каждый раз, оглядываясь на соседний столик, я замечаю, что женщины смотрят на меня и что-то тихо обсуждают, мне неуютно.

Сегодня у меня паранойя.

– Обязательно сходи. Ты уже нашла где жить? – спрашивает он и проводит пальцем по планшету, чтобы не отвлекаться на открытое окно.

– Прямо сейчас я остановилась у Кимберли и Кристиана... на неделю-другую, пока не найду собственное жилье.

Мне не очень приятно об этом рассказывать. Ужасно неловко, что пришлось остановиться у них из-за того, что Хардин сорвал мне аренду

квартиры. Я хочу жить самостоятельно и не быть никому обузой.

– Я мог бы поспрашивать или поискать квартиру в своем доме, – предлагает Тревор.

Он поправляет галстук и оглаживает серебристую ткань пиджака.

– Спасибо, но я не уверена, что квартиры в твоём доме – моего ценового диапазона, – спокойно напоминаю я.

Он заведует отделом финансов, а я стажер – мне прилично платят, но все равно не думаю, что смогла бы арендовать в его доме даже комнату.

Он краснеет.

– Ладно. – Тревор понимает, что я намекаю на огромную разницу между нашими доходами. – Но я все равно могу поспрашивать.

– Спасибо. Уверена, что начну чувствовать себя в Сиэтле как дома, когда наконец обрету собственный угол.

– Конечно, это займет какое-то время, но я уверен, что тебе здесь понравится, – приветливо улыбается он мне.

– У тебя есть планы после работы? – спрашиваю я неожиданно для себя.

– Да, – мягко отвечает он, и в его голосе слышно сомнение. – Но я могу их поменять.

– Нет-нет. Все нормально, я просто подумала, что раз ты уже знаешь город, то мог бы что-то мне показать, но если у тебя уже есть планы, не беспокойся.

Надеюсь, мне удастся найти в Сиэтле друзей.

– Я могу прогуляться с тобой по городу. Я как раз собирался на пробежку, вот и все.

– Пробежку? – Я морщю нос. – Зачем?

– Для удовольствия.

– Не думаю, что в этом много удовольствия, – смеюсь я, и Тревор качает головой.

– Обычно я каждый день бегаю после работы, мне хочется узнать город, а это отличный способ изучить окрестности. Тебе стоит разок пробежаться со мной.

– Не знаю... – Эта идея не кажется мне привлекательной.

– Мы могли бы просто пройтись, – смеется он. – Я живу в Балларде; это довольно живописный район.

– Да, я слышала о Балларде. – Я знаю это название из сайтов с описанием достопримечательностей Сиэтла. – Хорошо, тогда давай погуляем в Балларде.

Хлопаю ладонью по столу и опускаю руки на колени.

Не могу не думать о том, как к этому отнесся бы Хардин. Он презирует Тревора, а ему и так уже трудно от нашего «поддержания дистанции». Он этого не говорил, но я догадываюсь, что так и есть. И неважно, какое расстояние между мной и Хардином, – я всегда, буквально и иносказательно, рассматриваю Тревора только как друга. У меня и мысли нет флиртовать с кем-нибудь, особенно если этот кто-то не Хардин.

– Ладно, договорились. – Тревор улыбается, явно удивляясь тому, что я согласилась. – Мой обеденный перерыв закончился, пора вернуться в кабинет, но я напишу тебе свой адрес. Или, если хочешь, можем пойти сразу с работы.

– Давай пойдем прямо отсюда – у меня подходящая обувь. – Указываю на ноги, мысленно похвалив себя за то, что не надела сегодня туфли на каблуках.

– Отлично. Буду ждать у тебя в пять. – Он встает.

– Замечательно. – Я тоже встаю и бросаю обертку от крекеров в мусорную корзину.

– Да всем ясно, как она получила эту работу, – слышу я голос одной из женщин у себя за спиной.

Когда я из любопытства на них оглядываюсь, они начинают говорить тише и опускают глаза на стол. Не могу отделаться от чувства, что речь шла про меня.

Отличный расклад для поиска новых друзей в Сиэтле!

– Они постоянно сплетничают, не обращай внимания, – говорит мне Тревор, кладет руку мне между лопаток и уводит из комнаты отдыха.

Вернувшись в кабинет, лезу в ящик стола и достаю мобильник. Два пропущенных звонка от Хардина. Перезвонить ему прямо сейчас? Он звонил мне два раза, может быть, что-то случилось? Наверное, стоит перезвонить.

Он отвечает сразу и поспешно спрашивает:

– Почему ты не ответила, когда я звонил?

– Что-то случилось? – От беспокойства даже привстаю.

– Нет. Ничего не случилось, – дышит он. Представляю себе, как его губы шевелятся, когда он произносит: – Почему ты отправила мне эти фото?

Нервно обвожу глазами кабинет.

– Просто была в восторге от офиса и захотела, чтобы ты его увидел. Надеюсь, ты не подумал, что это я нарочно, чтобы похвастаться. Извини, если я...

– Нет, я просто не понял, – холодно перебивает он, потом замолкает.

Через несколько секунд я продолжаю:

– Я не буду больше присылать фотографии, и эти не стоило присылать. Прислоняюсь лбом к стеклу и смотрю вниз на улицы.

– Не волнуйся, все хорошо... Как там? Тебе нравится? – Хардин говорит мрачным голосом, и мне хочется, чтобы морщины, прорезающие сейчас его лицо, разгладились.

– Здесь прекрасно.

Как я и думала, он напоминает:

– Ты не ответила на вопрос.

– Мне здесь нравится, – тихо говорю я.

– Ты говорила, что просто в восторге.

– Мне действительно нравится, просто я... привыкаю. Вот и все. Что у вас нового? – спрашиваю я, просто чтобы поддержать разговор; не хочу отключаться сразу.

– Ничего, – быстро отвечает он.

– Тебе неудобно говорить? Я понимаю, ты сказал, что не хочешь общаться по телефону, но ты звонил, так что я просто...

– Нет, мне удобно, – прерывает он. – Мне всегда удобно с тобой говорить; я всего лишь имел в виду, что не стоит говорить друг с другом часами, если мы не будем снова вместе, потому что в этом нет никакого смысла, это меня только мучает.

– Значит, ты все-таки хочешь со мной общаться? – спрашиваю я, потому что слаба и мне нужно говорить с ним.

– Да, конечно.

На заднем плане слышится гудок автомобиля, и я понимаю, что он, скорее всего, за рулем.

– Так что? Мы будем общаться по телефону как друзья? – спрашивает он без тени гнева, с одним любопытством.

– Не знаю, может, стоит попробовать?

Я чувствую, что произошли разительные перемены; мы заканчиваем разговор мирно, и это не полный разрыв. Я не уверена, что полный разрыв с Хардином – это как раз то, что мне нужно, и оттесняю эту мысль на задний план, обещая подумать об этом позже.

– У нас не получится.

– Мне не хочется, чтобы мы с тобой игнорировали друг друга и не общались, но я не изменила своего мнения о сохранении дистанции, – заявляю я.

– Ладно, тогда расскажи мне о Сиэтле, – наконец доносится из динамика.

Глава 75

Тесса

После того как я полдня провисела на телефоне с Хардином и даже не подобралась к работе, мой первый рабочий день в новом офисе закончился, и я терпеливо дожидаясь Тренора возле выхода.

Хардин был так спокоен, говорил так уверенно, словно во время разговора на чем-то сосредоточился. Стою в коридоре и не могу сдержать радости от того, что мы все еще общаемся; мне гораздо лучше, ведь мы перестали избегать друг друга. В глубине души знаю, что долго так продолжаться не может; образно говоря, пока я принимаю Хардина в малых дозах, но скоро захочу его целиком и постоянно. Я хочу, чтобы он был рядом, обнимал меня, целовал, заставлял смеяться.

Это, должно быть, очень похоже на измену себе.

Но сейчас мне так лучше. Таким образом я могу довольно сносно существовать, по сравнению с другим вариантом – меланхолией.

Вздыхаю и в ожидании прислоняюсь головой к стене. Я уже жалею, что спросила Тренора, свободен ли он после работы. Лучше бы поскорее оказалась у Кимберли и поболтала по телефону с Хардином. Я хочу, чтобы он приехал, пусть ненадолго. Он мог бы работать неподалеку, заходить ко мне в офис по несколько раз в день, а в перерывах между его приходами я бы находила предлоги, чтобы его навестить. Уверена, Кристиан даст Хардину работу, если он этого захочет. Он уже давал понять, что хотел бы, чтобы Хардин работал у него.

Целый час, отведенный на обед, мы могли бы проводить вместе и, может быть, сумели бы повторить кое-что из того, чем занимались в старом офисе. Представляю себе Хардина: он – позади меня, я склоняюсь над письменным столом, мои волосы туго схвачены его рукой...

– Извини, немного опоздал, совещание затянулось, – прерывает Тревор мои грезы, и я чуть не подпрыгиваю от неожиданности и смущения.

– А, хм, все нормально. Я просто... – заправляю волосы за ухо и заканчиваю: – Ждала.

Если бы Тревор только знал, о чем я думала; слава богу, он не догадывается. Я даже не знаю, откуда в моей голове возникли такие мысли.

Он оглядывает коридор.

– Готова?

– Да.

Беседуя о пустяках, идем через здание к выходу. В комнатах тихо, почти все ушли. Тревор рассказывает о новой работе своего брата в Огайо и о том, как ходил по магазинам в поисках нового костюма на свадьбу коллеги Кристал. Лениво прикидываю, сколько же всего у Тревора костюмов.

Добираемся до стоянки, сажусь в машину и следую за «БМВ» Тревора по оживленному городу. Наконец мы прибываем в окрестности Балларда. На разных сайтах я читала, что это самый стильный район в Сиэтле. Кофейшопы, вегетарианские рестораны, хипстерские бары на узеньких улочках... Заезжаю на парковку под домом Тревора и про себя усмехаюсь, вспомнив, что он предложил снять квартиру в этом шикарном доме.

Тревор, улыбаясь, указывает на костюм:

– Наверное, мне стоит переодеться.

Мы заходим в его квартиру. Пока Тревор переодевается, я мельком осматриваю его просторную гостиную. Фотографии семьи и вырезки из газет и журналов в рамках на каминной полке; сложная композиция из переплавленных винных бутылок, занимающая весь журнальный столик. Никакой пыли по углам. Я впечатлена.

– Готов! – объявляет Тревор, выходя из спальни в красной футболке.

Он всегда застает меня врасплох, на этот раз своим необычно неформальным видом – это так контрастирует с его повседневным нарядом.

Через несколько кварталов оба трясемся от холода.

– Ты голодна, Тесса? Мы можем что-нибудь перекусить, – предлагает Тревор.

От его дыхания в воздухе поднимаются белые клубы пара. Нетерпеливо киваю. Желудок урчит от голода – упаковки крекеров на обед было явно недостаточно.

Я предлагаю Тревору выбрать ресторан по его вкусу, и мы заходим в небольшой итальянский гриль-бар в двух шагах от места, где мы только что гуляли.

Мы присаживаемся на узкие кресла. В нос бьет аппетитный запах чеснока, а рот мгновенно наполняется слюной.

Глава 76

Хардин

– Теперь ты выглядишь более... гигиенично, – замечаю я Ричарду, когда он выходит из ванной, вытирая свежевыбритое лицо белым полотенцем.

– Я не брился несколько месяцев, – отвечает он, протирая гладкую кожу на подбородке.

– Да ладно? – закатив глаза, замечаю я, а он слегка улыбается.

– Еще раз спасибо, что разрешил мне побыть здесь... – осторожно начинает он.

– Это временно, так что не благодари. Вся эта ситуация мне все равно не нравится.

Откусываю очередной кусок от пиццы, которую заказал себе... и которой в итоге делюсь с Ричардом. Надо найти способ хоть немного избавить Тессу от трудностей, которые в последнее время на нее навалились. И если, разобравшись в заморочке с ее отцом, я смогу как-то ей помочь, то это я и сделаю.

– Знаю. Удивительно, что ты еще не выставил меня отсюда, – усмехается он.

Будто здесь есть над чем шутить. Я внимательно смотрю на него. Его глаза кажутся слишком большими, под ними залегли черные круги.

Я вздыхаю.

– Я тоже, – раздраженно признаю я.

Смотрю на Ричарда дальше: он дрожит, но не из-за того, что я его запугал. Ему нужны черт его знает какие наркотики – те, которые он обычно принимает.

Интересно, приносил ли он наркотики в нашу квартиру, когда был здесь на прошлой неделе. Но если я спрошу и он скажет, что приносил, я выйду из себя и в секунду вышвырну его отсюда. Ради Тессы – и ради себя самого – встаю и выхожу из гостиной с пустой тарелкой в руке. Гора грязной посуды в раковине выросла вдвое, а загружать посудомоечную машину – последнее, чем мне сейчас хотелось бы заняться.

– Можешь расплатиться со мной мытьем посуды! – кричу я Ричарду.

Из коридора доносится его низкий смех. Он заходит на кухню в тот

момент, когда я закрываю за собой дверь спальни.

Я хочу снова позвонить Тессе, просто чтобы услышать ее голос. Я хочу узнать, как она провела остаток дня... Чем она собирается заняться после работы? Смотрела ли она после нашего последнего разговора на телефон с такой же дурацкой улыбкой, как и я?

Наверное, нет.

Теперь я знаю, что пришло время расплачиваться за все грехи прошлого, – поэтому Тесса и была послана мне. Беспощадное наказание под видом прекрасной награды. Несколько месяцев счастья – и ее у меня забрали, но телефонными звонками она все время напоминала о себе. Не знаю, как долго я еще продержусь, прежде чем поддамся судьбе и наконец позволю себе выбраться из этого тупика.

Тупик, вот что это такое.

Но все может быть по-другому. Я могу изменить ситуацию. Могу быть тем, кто ей нужен, не заставляя ее при этом снова вместе со мной проходить через ад.

К черту все, позвоню ей.

Идут гудки, но она не берет трубку. Уже почти шесть – она должна была закончить работу и пойти домой. Куда ей еще идти, черт возьми? Размышляя, стоит ли позвонить Кристиану, надеваю кеды, медленно завязывая шнурки, и куртку.

Знаю, она разозлится – более чем, это точно, – если я ему позвоню, но я набрал ее номер уже шесть раз, а она так и не ответила. Тяжело вздохнув, провожу рукой по волосам. Вся эта хрень типа «дать друг другу личное пространство» меня чертовски бесит.

– Я ухожу, – сообщаю я своему незваному гостю.

Он молча кивает – его рот набит картофельными чипсами. Хотя бы посуда больше не стоит в раковине.

И куда мне, блин, вообще поехать?

Спустя несколько минут останавливаю машину на парковке у небольшого спортивного зала. Не знаю, чего я этим добьюсь и поможет ли мне, но в данный момент я все больше и больше злюсь на Тессу, и в голову приходят только два варианта действий – поругаться с ней или поехать в Сиэтл и отыскать ее. Но я не должен делать ни того ни другого... От этого будет только хуже.

Глава 77

Тесса

Когда на тарелках ничего не остается, начинаю ерзать на стуле. В момент, когда мы заказали ужин, я поняла, что забыла телефон в машине, и это изводило меня сильнее, чем можно было себе представить. Мне почти никто и не звонит. Но я не могу отделаться от мысли, что Хардин мог позвонить или прислать эсэмэс. Пытаюсь как можно внимательнее слушать Тревора, который пересказывает статью в «Таймс», не думать о Хардине и о том, что он мог позвонить. Бесполезно, я все время отвлекаюсь; уверена, Тревор все заметил, но он слишком тактичен, чтобы обратить на это внимание.

– Правда ведь? – Голос Тревора вырывает меня из раздумий.

Я цепляюсь за последние секунды разговора, пытаюсь вспомнить, о чем он говорил. В статье было что-то про медицину... кажется.

– Да, согласна, – вру я.

Понятия не имею, согласна я или нет, но надеюсь, что официант поторопится и наконец принесет счет.

Будто по сигналу, молодой человек кладет на стол небольшую папку с чеком, а Тревор поспешно лезет за бумажником.

– Я могу... – начинаю я.

Но он достает несколько банкнот, и официант снова исчезает за дверью ресторанной кухни.

– Я угощаю.

Скромно благодарю его и бросаю взгляд на большие каменные часы, висящие прямо над дверью. Уже начало восьмого – мы пробыли в ресторане больше часа. Когда Тревор, хлопнув руками, говорит «Ну что ж» и встает, я облегченно выдыхаю.

На обратном пути проходим мимо небольшой кофейни, и Тревор вопросительно изгибает бровь – молчаливое приглашение.

– Может, в другой раз, на неделе? – с улыбкой предлагаю я.

– Отличная мысль, – отвечает он со своей привычной полуулыбкой, и идем дальше в сторону его дома.

Быстро прощаюсь и обнимаю его на прощание. Потом сажусь в машину и немедленно хватаюсь за телефон. Я с ума схожу от беспокойства

и тревоги, но отгоняю от себя эти чувства. Девять пропущенных – и все от Хардина.

Сразу перезваниваю ему, но попадаю на голосовую почту. От Тревора до дома Кимберли я еду долго и медленно. Движение в Сиэтле ужасное, сплошные пробки и шум. Все сигналият, маленькие машины снуют из одной полосы в другую – вынести это трудно, и когда я наконец подъезжаю к дому, у меня раскалывается голова.

Я захожу внутрь и вижу, что Кимберли сидит на белом кожаном диване с бокалом вина в руке.

– Как прошел день? – спрашивает она и наклоняется к столику поставить бокал.

– Хорошо. Но на дорогах в этом городе творится что-то невероятное, – бурчу я и плюхаюсь в темно-красное кресло у окна. – Голова трещит.

– Да, дороги здесь такие. Выпей вина, полегчает.

Она встает и идет в угол гостиной.

Не успеваю отказаться – она уже налила игристое белое вино в бокал на длинной ножке и подает его мне. Делаю небольшой глоток и чувствую прохладу, свежесть и сладость.

– Спасибо, – улыбаюсь я и отпиваю еще.

– Значит... ты была с Тревором, да? – Кимберли так любопытна... по-доброму.

– Да, у нас был дружеский ужин. Как у друзей, – с невинным видом говорю я.

– Можешь попробовать ответить снова и вставить слово «друг» еще чаще, – подкалывает она, и я не могу не засмеяться.

– Я лишь хочу прояснить, что мы с ним только... ну... друзья.

Ее карие глаза горят от любопытства.

– Хардин знает, что ты сегодня дружила с Тревором?

– Нет, но я собираюсь сказать об этом, как только ему позвоню. Почему-то Тревор ему очень не нравится.

Она кивает.

– И его нельзя винить. Тревор мог бы стать моделью, не будь он таким скромнягой. Стоит только посмотреть в эти голубые глаза! – Она делает вид, будто обмахивается рукой, и мы обе хихикаем, как школьницы.

– Ты хотела сказать «зеленые глаза», любимая?

В холле вдруг появляется Кристиан, отчего я чуть не роняю бокал на паркет.

Ким улыбается ему:

– Конечно.

Но он только покачивает головой и коварно улыбается нам обеим.

– Наверное, я тоже мог бы стать моделью, – подмигивая, замечает он.

Что до меня, то я рада, что его это не разозлило. Услышь Хардин, что я рассуждаю о Треворе так, как сейчас Кимберли, он бы все здесь перевернул вверх дном.

Кристиан садится на диван рядом с Кимберли, и она залезает к нему на колени.

– А как дела у Хардина? Думаю, ты с ним разговаривала? – спрашивает он.

Я отвожу взгляд.

– Да, немного. У него все в порядке.

– Упрямец, вот кто он. Я все еще обижен, что он не принял мое предложение, – учитывая, в какой он ситуации.

Кристиан улыбается, уткнувшись в шею Кимберли, и нежно целует ее за ухом. Эта парочка не стесняется проявлять свои чувства на людях. Я снова пытаюсь отвернуться, но не могу.

Стойте-ка...

– Какое предложение? – спрашиваю я, не скрывая свое удивление.

– Ну, я предложил ему работу – я же тебе говорил, разве нет? Я бы хотел, чтобы он сюда переехал. Ему же осталось, сколько там, всего один семестр, чтобы досрочно окончить университет, да?

Что? Почему я об этом не знаю? Первый раз слышу, что Хардин досрочно заканчивает учебу. Но я отвечаю:

– Ну да... кажется.

Кристиан обнимает Кимберли и легко покачивает ее.

– Парень практически гений. Если бы он приложил чуть больше усилий, то дотянул бы средний балл до четверки.

– Он действительно очень умный... – соглашаюсь я.

Это правда. Хардин не перестает удивлять меня своим интеллектом. Это одно из тех качеств, которые я больше всего в нем люблю.

– И пишет отлично, – замечает Кристиан и отпивает вина из бокала Кимберли. – Не знаю, почему он решил бросить это дело. Я надеялся прочитать что-нибудь еще из его работ.

Кристиан вздыхает, а Кимберли развязывает его серебристый галстук.

Слишком много информации для одного вечера. Хардин... пишет? Я помню, как он говорил, что немного баловался на первом курсе, но в подробности он не вдавался. Когда я упоминала об этом, он каждый раз либо менял тему, либо смеялся, отчего я думала, что для него это было неважно.

– Ага. – Я допиваю вино и встаю, показывая на бутылку. – Можно?

Кимберли кивает:

– Конечно, пей сколько хочешь. У нас целый погреб, – сообщает она с милой улыбкой.

Три бокала спустя головная боль исчезает, а любопытство вырастает в геометрической прогрессии. Я жду, что Кристиан снова упомянет про писательство Хардина или предложение о работе, но он принимается разглагольствовать о переговорах с медиагруппой по поводу расширения издательства в сфере кино и телевидения. Хотя это и интересно, мне все же хочется пойти к себе в комнату и попробовать еще раз позвонить Хардину. Как только возникает такая возможность, желаю им обоим спокойной ночи и спешу в свою временную спальню.

– Возьми вино с собой! – говорит Кимберли, когда я прохожу мимо стола, на котором стоит полупустая бутылка.

Поблагодарив, я киваю и именно так и делаю.

Глава 78

Хардин

Я захожу в квартиру; ноги все еще чертовски болят после того, как я пинал ими. Беру из холодильника бутылку воды, стараясь не обращать внимания на спящего на диване человека. «Это ради нее», – напоминаю я себе. Все ради нее. Я быстро выпиваю половину бутылки, вытаскиваю телефон из спортивной сумки и включаю. Как только я начинаю набирать ее номер, на экране высвечивается ее имя.

– Да? – отвечаю я, стягивая через голову мокрую от пота футболку, которую затем бросаю на пол.

– Привет, – говорит она и замолкает.

Она отреагировала так коротко. Слишком коротко. Я хочу поговорить с ней. Хочу, чтобы она желала поговорить со мной.

Поддеваю ногой футболку, затем поднимаю ее – уверен, будь Тесса здесь, она разозлилась бы на меня за неряшливость.

– Чем занималась?

– Изучала город, – спокойно отвечает она. – Я пыталась перезвонить тебе, но попадала на автоответчик.

Звук ее голоса меня успокаивает.

– Я снова ходил в тренажерный зал. – Я ложусь на кровать, представляя, что она не в Сиэтле, а здесь, со мной.

– Правда? Это здорово! – говорит она, а потом добавляет: – Я снимаю туфли.

– Ладно...

Она хихикает.

– Не знаю, зачем я тебе это сказала.

– Ты пьяна? – Я приподнимаюсь, опираясь на локоть.

– Выпила немного вина, – признается она.

И как я сразу не догадался!

– С кем?

– С Кимберли и мистером Вэнсом... то есть с Кристианом.

– Понятно. – Не знаю, нравится ли мне то, что она пьет в незнакомом городе, но знаю, что сейчас не стоит это обсуждать.

– Он говорит, что ты потрясающе пижешь, – с явным упреком в голосе

сообщает она.

Вот черт!

– Почему он вдруг так сказал? – спрашиваю я. Сердце бешено стучит.

– Не знаю. А почему ты больше не пишешь? – В ее нетрезвом голосе слышится любопытство.

– Не знаю. Но давай не будем обо мне. Я хочу поговорить о тебе, о Сиэтле и о том, почему ты меня избегаешь.

– Ну а еще он сказал, что тебе осталось учиться один семестр, – заявляет она, не обращая внимания на мои слова.

Кристиан явно не понимает, что значит не совать свой длинный нос в чужие дела.

– Да, и что?

– Я об этом не знала, – говорит Тесса.

Я слышу, как она ерзает и раздраженно вздыхает.

– Я не собирался скрывать от тебя, просто не было повода рассказать. Ты еще не скоро закончишь учебу, так что какая разница. Я же никуда не денусь.

– Подожди, – говорит она в трубку.

Чем она там, черт возьми, занимается? Сколько она выпила?

Какое-то время слушаю, как она неразборчиво бормочет и с чем-то возится, и наконец спрашиваю:

– Что ты делаешь?

– Что? А, у меня волосы зацепились за пуговицы на рубашке. Прости, я слушала тебя. Правда.

– Почему ты вообще расспрашивала про меня своего босса?

– Он сам тебя упомянул. Он ведь пару раз предлагал тебе работу, а ты отказался – тема для него актуальная, – говорит она, особо выделяя последнее слово.

– Это уже не новость. – Я точно не помню, говорил ли ей про его предложение, но и специально скрывать это не собирался. – Мое мнение по поводу Сиэтла всем известно.

– Уж мне-то – точно.

Прямо представляю, как она закатывает глаза... опять.

Я решаю сменить тему:

– Ты не отвечала, когда я звонил. Я столько раз набирал твой номер.

– Знаю, я оставила телефон в машине у дома Тренора... – Она замолкает, не договорив.

Я встаю с кровати и начинаю ходить по комнате. Я так и знал, черт возьми!

– Он показывал мне город, как друг, вот и все, – быстро находится она.
– Ты не брала трубку, потому что была с этим гребаным Тревором? – раздраженно спрашиваю я, и с каждой секундой ее молчания мой пульс все ускоряется.

Затем она выдает:

– Не смей ругаться со мной из-за Тревора, он всего лишь друг – это тебя нет со мной рядом. Ты не будешь выбирать, с кем мне дружить, понял?

– Тесса... – предостерегаю я.

– Хардин Аллен Скотт! – восклицает она, рассмеявшись.

– Что тут смешного? – спрашиваю я, хотя сам тоже не могу сдержать улыбку.

Черт, я просто жалок!

– Я... не знаю!

Ее смех эхом отдает у меня в груди, согревая сердце.

– Тебе уже хватит на сегодня вина, – посмеиваюсь над ней я, жалея, что не могу увидеть, как она закатывает глаза в ответ на упрек.

– Попробуй меня заставить, – заявляет она. Ее хриплый голос звучит игриво.

– Если бы я был рядом, то заставил бы – можешь не сомневаться.

– Что бы еще ты сделал, если бы был здесь? – спрашивает она.

Я снова сажусь на кровать. Я правильно понимаю, на что она намекает? С ней ни в чем нельзя быть уверенным, особенно когда она пьяная.

– Тереза Линн Янг, ты что, пытаешься заняться со мной сексом по телефону? – дразню ее я.

Она тут же кашляет – видимо, подавилась вином.

– Что? Нет! Я... я просто спросила! – кричит она.

– Конечно, теперь ты будешь все отрицать, – шучу я; ее испуганный тон меня развеселил.

– Если только... ты не против этим заняться? – шепчет она.

– Ты серьезно? – От одной этой мысли я возбуждаюсь.

– Возможно... не знаю. Ты злишься из-за Тревора?

Одним своим голосом она опьяняет меня сильнее, чем любое вино.

Да, меня чертовски злит, что она была с ним, но сейчас обсуждать это я не хочу. Я слышу, как она шумно сглатывает, затем раздается тихий звон бокала.

– В данный момент мне нет дела до этого Тревора, – вру я. А затем решительно заявляю: – Не пей больше. – Я ее слишком хорошо знаю. – Тебе будет плохо.

Я слышу, как она снова громко глотает.

– Ты не можешь командовать мной на расстоянии. – Она снова отпивает вина – уверен, чтобы набраться храбрости.

– Я могу командовать тобой с любого расстояния, детка. – Ухмыльнувшись, я провожу пальцами по губам.

– Можно я кое-что тебе скажу? – тихо спрашивает она.

– Конечно, скажи.

– Я сегодня думала о тебе и о том, как ты тогда впервые пришел ко мне в офис...

– Ты была с ним и вспоминала, как я тебя трахал? – переспрашиваю я, молясь, чтобы она сказала «да».

– В тот момент я ждала его.

– Расскажи мне еще, расскажи, о чем ты думала, – настаиваю я.

Это все чертовски запутанно. Каждый раз, когда мы разговариваем, я не чувствую, что мы решили «устроить перерыв», что что-то изменилось. Разница лишь в том, что сейчас я не могу смотреть на нее или ее касаться. Черт, я так хочу дотронуться до нее, провести языком по гладкой коже...

– Я думала о том, как... – начинает она, но потом снова отпивает вина.

– Тебе нечего стесняться, – убеждаю я ее, чтобы она продолжала.

– Как мне это понравилось, и мне захотелось повторить это.

– С кем? – интересуюсь я, просто чтобы услышать это от нее.

– С тобой, только с тобой.

– Это хорошо, – с ухмылкой отвечаю я. – Хоть ты и заставляешь меня дать тебе свободу, ты по-прежнему моя, ты создана только для меня – ты ведь это знаешь, правда? – как можно мягче спрашиваю я.

– Я знаю, – говорит она. Мое сердце переполняется теплом, и я с радостью ощущаю, как меня накрывает волна облегчения. – А ты – мой? – Ее голос звучит намного увереннее, чем пару мгновений назад.

– Всегда.

«У меня нет выбора. Его не осталось с того дня, как я встретил тебя», – хочу добавить я, но молчу, с тревогой ожидая ее ответа.

– Хорошо, – решительно говорит Тесса. – А теперь расскажи мне, что бы ты сделал, если был бы здесь, – со всеми подробностями.

Глава 79

Тесса

Мои мысли слегка затуманились, а в голове чувствуется тяжесть, но приятная. Опыненная вином и бархатным голосом Хардина, я широко улыбаюсь. Мне нравится, что он может быть таким игривым, и раз он этого хочет, то я тоже в игре.

– Нет-нет, – говорит он своим ровным тоном. – Сначала ты скажи, чего бы тебе хотелось.

Я отпиваю прямо из бутылки.

– Я уже сказала.

– Выпей-ка еще: похоже, ты можешь говорить о своих желаниях, только когда пьешь.

– Ладно. – Я провожу пальцем по деревянному изголовью кровати. – Я хочу, чтобы ты наклонил меня над этой кроватью... и взял меня, как тогда на столе. – Я чувствую не смущение, а лишь тепло, поднимающееся от шеи к щекам.

Хардин едва слышно чертыхается; он явно не ожидал, что я опишу это так ярко.

– А потом? – тихо спрашивает он.

– Ну... – начинаю я и замолкаю, отпивая еще один большой глоток, чтобы набраться храбрости.

Мы с Хардином никогда этого раньше не делали. Он присылал мне несколько непристойных сообщений, но это... это совсем другое.

– Давай говори, не смущайся.

– Ты будешь держать меня за бедра, как обычно, а я схвачусь за простыню, чтобы удержаться на месте. Ты крепко сожмешь меня пальцами так, что останутся следы...

Слышу его прерывистое дыхание и сжимаю бедра.

– Потрогай себя, – говорит он, и я торопливо оглядываюсь, внезапно забыв, что наш разговор никто не слышит.

– Что? Нет, – резко шепчу я, прикрыв трубку рукой.

– Да.

– Я не стану это делать... здесь. Они меня услышат.

Если бы я вела такой разговор с кем-то другим, не с Хардином, я бы

пришла в ужас – даже при всем выпитом.

– Не услышат. Сделай это. Тебе ведь хочется, я чувствую.

Как он так может?

Хочется ли мне?

– Просто ложись на кровать, закрой глаза, раздвинь ноги, и я скажу, что делать, – вкрадчиво просит он.

Как бы сладко ни звучали его слова, тон почти командный.

– Но я...

– Давай.

Решительность в его голосе меня смущает, но гормоны не дают смятению развиваться. Не могу отрицать: то, как Хардин уговаривает меня, рассказывая обо всех непристойностях, которые он сделал бы со мной, поднимает температуру в комнате минимум градусов на десять.

– Что ж, теперь, когда ты подчинилась, – продолжает он, даже не дождавшись моего согласия, – скажи, когда останешься в одном белье.

Ого...

Тихо подхожу к двери и закрываю на замок. Спальная Кимберли и Кристиана, как и комната Смита, находится наверху, но они вполне могут еще сидеть на первом этаже. Я внимательно прислушиваюсь, и когда где-то сверху хлопает дверь, я чувствую себя спокойнее.

Я спешу назад, хватаю бутылку и допиваю. Жар внутри меня из маленькой искры разгорелся до пылающего пожара; стараюсь без колебаний снять брюки и забираюсь на кровать в одной тонкой хлопковой рубашке и белье.

– Ты еще здесь? – спрашивает Хардин – наверняка с коварной ухмылкой.

– Да, я... я готовлюсь.

Поверить не могу, я действительно буду это делать!

– Хватит раздумывать. Потом еще поблаговаришь меня.

– Хватит читать все мои мысли, – шучу я, надеясь, что он прав.

– Ты ведь помнишь, что я показывал тебе?

Я киваю, забыв, что он меня не видит.

– Я принимаю твое нервное молчание за ответ «да». Хорошо. Давай, коснись пальцами там, где я говорил тебе в прошлый раз...

Глава 80

Хардин

Я слышу резкий выдох Тессы и понимаю, что она делает все, как я сказал. Живо представляю, как она лежит на кровати, раздвинув ноги. Черт!

– Боже, как бы я хотел быть рядом и смотреть на тебя! – со стоном говорю я, пытаюсь не обращать внимания на то, как кровь приливает к моему члену.

– Тебе это нравится, правда? Смотреть на меня? – прерывисто дышит в трубку она.

– Да, блин, нравится. А тебе, как я понимаю, нравится, когда я смотрю.

– Да, как и тебе, когда я тяну тебя за волосы.

Моя рука машинально тянется в межножье. Я представляю, как она извивается под прикосновениями моего языка, как хватает меня за волосы и со стоном произносит мое имя, и сжимаю себя рукой. Только Тесса может так быстро возбудить меня.

Ее стоны приглушенные, слишком тихие. Надо ее подбодрить.

– Быстрее, Тесс, двигай пальцами по кругу, быстрее. Представь, что я там, что это я касаюсь тебя пальцами и приношу тебе удовольствие, довожу тебя до оргазма. – Я стараюсь говорить тише на тот случай, если мой надоедливый гость вдруг окажется в коридоре.

– О боже, – снова выдыхает и стонет она.

– Мой язык тоже касается тебя, детка, я прижимаюсь к тебе губами, посасываю, кусаю, дразню тебя.

Стаскиваю шорты и начинаю медленно мастурбировать. Я закрываю глаза и сосредоточиваюсь на ее тихих вздохах, мольбах и столах.

– Делай то же, что и я, – шепчет она, и я представляю, как она прогибает спину над кроватью, лаская себя.

– Уже, – бормочу я, и она издает стон. Ух, я хочу ее видеть!

– Говори со мной еще, – просит Тесса.

Я чертовски люблю такие моменты, когда ее невинность исчезает... ей всегда нравится слушать непристойности.

– Я хочу трахнуть тебя. Нет, я хочу положить тебя на кровать и заняться с тобой любовью, жестко и быстро, с такой силой, что ты будешь

выкрикивать мое имя каждый раз, когда я вхожу все глубже и глубже...

– Да... – стонет она.

Ее дыхание учащается.

– Давай, детка, кончай. Я хочу слышать это.

И замолкаю, услышав тихие стоны. Она заглушает их, зарывшись в подушку или матрас – черт его знает, как именно, но, представив это, я кончаю в трусы, сдавленно прохрипев ее имя.

Несколько секунд или минут, точно не знаю, в телефоне слышны только наши одновременные вздохи.

– Это было... – начинает она, тяжело дыша.

Я открываю глаза и опираюсь локтями на стол перед собой. Я сам стараюсь отдышаться, и моя грудь быстро поднимается и опускается.

– Ага.

– Подожди немного. – Она хихикает. Я улыбаюсь одними уголками губ, а она добавляет: – А я-то думала, что уже все перепробовали.

– О, есть много вещей, которые я хочу с тобой сделать. Однако, увы, для этого мы должны быть в одном городе.

– Тогда приезжай сюда, – быстро произносит она.

Переключив телефон на громкую связь, рассматриваю свою ладонь.

– Ты же не хочешь, чтобы я был там. Нам нужно больше свободы, не забыла?

– Знаю, – с легкой грустью говорит она. – Нам действительно нужна свобода... и, кажется, это помогает. Ты так не думаешь?

– Нет, – вру я.

Но знаю, что она права: ради нее я старался стать лучше, и я боюсь оступиться и потерять мотивацию, если она опять быстро простит меня. Если мы... когда мы найдем дорогу друг к другу, я хочу, чтобы все было по-другому – для нее. Я хочу, чтобы так было всегда, чтобы я мог доказать ей: мы больше не будем ходить по «замкнутому кругу», как она его называет.

– Я правда по тебе скучаю, очень сильно, – говорит она.

Я знаю, что она любит меня, но, каждый раз уверяясь в этом, я будто снимаю тяжесть с груди.

– Я тоже скучаю по тебе. – Больше всего на свете.

– Не говори «тоже». Как будто ты просто соглашаешься со мной, – саркастически замечает она, и у меня сам собой становится рот до ушей.

– Не воруй мои идеи, это неоригинально, – в шутку ругаюсь я, и она смеется.

– Я тоже могу, – по-детски возражает она.

Будь она здесь, сейчас она насмешливо показала бы мне язык.

– Боже, какая ты сегодня вздорная. – Я скатываюсь с кровати. – Надо сходить в душ.

– Это точно.

– И невероятно смелая. Кто бы подумал, что ты согласишься мастурбировать по телефону? – усмехаюсь я и выхожу в коридор.

– Хардин! – в ужасе визжит она, как я и ожидал. – И, кстати говоря, ты уже должен знать, что можешь склонить меня практически к чему угодно.

– Если бы это только было правдой... – бормочу я.

Будь это правдой, она бы сейчас была здесь.

Выхожу в коридор босиком и вздрагиваю, ступив на холодный пол. Но тут слышу чей-то голос и от неожиданности роняю телефон на пол.

– Прости, дружище, – басит где-то рядом Ричард. – Тут стало жарковато, поэтому я...

Он замолкает, видя, что я спешу поднять телефон, но уже слишком поздно.

– Кто это был? – слышится громкий голос Тессы из трубки. Она уже не сонная и расслабленная, какой была пару мгновений назад, она насторожена. – Хардин, кто это был? – напористо спрашивает она.

Черт. Одними губами я говорю ее отцу «Молодец, мать твою» и хватаю телефон, затем отключаю громкую связь и спешу в ванную.

– Это... – начинаю я.

– Это мой отец?

Я хочу соврать, но это было бы ужасно глупо, а я стараюсь больше не вести себя, как идиот.

– Да, это он, – говорю я и жду, что она закричит в трубку.

– Почему он там? – спрашивает она.

– Я... ну...

– Ты разрешил ему остаться у тебя? – Ужас, охвативший меня из-за необходимости найти нужные слова, чтобы объяснить ей эту чертову путаницу, прошел.

– Вроде того.

– Я в шоке.

– Я тоже, – признаю я.

– Надолго? И почему ты мне не сказал?

– Прости... он тут всего пару дней.

Следующее, что я слышу, – звук наполняющейся ванны, так что она, должно быть, приняла новость спокойно. Но она все же спрашивает:

– Почему он вообще пришел к тебе?

Не могу заставить себя сказать ей всю правду, не сейчас.

– Наверное, ему больше некуда пойти. – Я тоже включаю воду в душе и слышу, как она вздыхает.

– Понятно...

– Ты злишься? – спрашиваю я.

– Нет, я не злюсь. Я сбита с толку... – тянет она, и в ее голосе звучит удивление. – Не могу поверить, что ты действительно разрешил ему остаться у тебя в квартире.

– Самому не верится.

Небольшая ванная наполняется плотной пеленой пара, и я протираю зеркало рукой. Я будто призрак, просто оболочка. От недосыпа под глазами уже появились темные круги. Единственное, что меня поддерживает, – голос Тессы в трубке.

– Это много значит для меня, Хардин, – наконец говорит она.

– Правда? – Все выходит намного лучше, чем я ожидал.

– Конечно, очень много.

Я вдруг чувствую головокружительную радость, будто щенок, которому хозяин дал угощение... и, как ни странно, меня это устраивает.

– Хорошо. – Не знаю, что еще сказать. Чувствую себя слегка виноватым из-за того, что не сказал ей про... привычки ее отца, но сейчас не лучшее время, и это не телефонный разговор.

– Подожди... так мой отец был там, когда ты... ну, ты понял? – шепчет она, и из трубки слышится какой-то гул: наверное, она включила вытяжку, чтобы заглушить наш разговор.

– Ну, его не было в комнате – таким я не увлекаюсь, – подшучиваю я, чтобы разрядить обстановку, и она хихикает в ответ.

– Кто тебя знает, – смеется она.

– Не-а, это одна из тех немногих вещей, которые меня не интересуют, хочешь верь, хочешь нет, – с улыбкой отвечаю я. – Я ни с кем не поделю тебя, детка. Даже с твоим отцом.

Она издает звук, выражающий отвращение, и я не могу не рассмеяться.

– Ты больной!

– Конечно, – отвечаю я, и она смеется.

Вино придало ей смелости и разбудило чувство юмора. А мне? Ну, мне нечем оправдать эту дурацкую ухмылку.

– Мне надо принять душ, я стою тут весь в сперме, – говорю я, снимая боксеры.

– Мне тоже, – соглашается она. – Не в смысле, что я вся в... ну, понимаешь, но я растрепанная, и мне тоже нужно в душ.

– Ладно... значит, пора заканчивать...

– Мы уже закончили, – смеется она, довольная своей попыткой пошутить.

– Ха-ха, – поддразниваю я. Но потом спешу сказать: – Спокойной ночи, Тесса.

– И тебе тоже, – говорит она, но остается на линии, так что я отключаюсь первым.

По телу стекает горячая вода. Я еще не совсем пришел в чувство после того, как она мастурбировала по телефону. Это не только чертовски возбуждающе, это... нечто большее. Это показывает, что она по-прежнему мне доверяет, доверяет достаточно, чтобы открываться. Задумавшись, тру свою покрытую татуировками кожу твердым куском мыла. Трудно представить, что всего две недели назад мы стояли вместе под этим душем...

– Думаю, вот эта моя любимая.

Она коснулась татуировки и подняла на меня глаза, обрамленные влажными ресницами.

– Почему? Я ее ненавижу.

Я смотрел, как она проводит тонкими пальцами по цветку у моего локтя.

– Не знаю, просто цветок в окружении других мрачных рисунков – это красиво.

Ее палец спустился к страшной татуировке с иссохшим черепом.

– Никогда так об этом не думал. – Я поднял ее подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза. – Ты всегда видишь во мне свет... как это возможно, когда его нет вообще?

– Его много. И ты тоже это увидишь. Когда-нибудь.

Она улыбнулась и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать меня в уголок рта. Вода текла между нашими губами, и она снова улыбнулась, а затем опустила на пятки.

– Надеюсь, ты права, – прошептал я под струей воды так тихо, что она меня не услышала.

Это воспоминание постоянно меня мучает, хотя я пытаюсь от него отделаться. Дело не в том, что я не хочу о ней думать, – потому что это не так. Тесса заполняет все мои мысли, всегда заполняла. Меня сводят с ума воспоминания о том, как она перехваливала меня, как старалась убедить, что я лучше, чем есть на самом деле.

Я бы хотел видеть в себе то, что видит она. Хотел бы верить в ее слова, что я ее достоин. Но как это может быть правдой, когда я так облажался?

«Это много значит для меня, Хардин», – сказала она всего несколько минут назад.

Может, если я продолжу поступать так, как поступаю сейчас, и держаться подальше от того дерьма, из-за которого попадаю в неприятности, то смогу и в дальнейшем делать что-то, важное для нее. Я смогу сделать ее счастливой, а не несчастной, и, возможно (всего лишь возможно), я увижу в себе тот свет, который, по ее словам, видит она.

Может, у нас все-таки есть надежда.

Глава 81

Тесса

Не могу побороть тревогу, наполняющую меня, пока я еду по кампусу. Кампус не такой маленький, как описывал его Кен, а все дороги тут, как назло, либо извилистые, либо холмистые.

Я, как могла, готовилась, чтобы сегодня все точно прошло по плану. Выехала за два часа, чтобы не опоздать на первое занятие. Половину этого времени я провела в пробке, слушая ток-шоу по радио. Никогда не понимала, чем они всем так нравятся, – до этого утра, когда на передачу дозвонилась женщина, сраженная предательством лучшей подруги, которая переспала с ее мужем. К тому же парочка сбежала, прихватив с собой ее кошку Мэззи. Женщина говорила сквозь слезы, но все же старалась сохранить какое-то достоинство... Ну, насколько его можно сохранить, позвонив на радио и поведав о своем несчастье. Я поняла, что меня увлекла ее печальная история, и почувствовала, что она сама знает: ей будет лучше без этого мужчины.

Когда я останавливаюсь у администрации университета, чтобы забрать свой пропуск и разрешение на парковку, до занятий остается всего полчаса. Нервы на пределе, я ужасно волнуюсь, что могу опоздать на первую пару. К счастью, с легкостью нахожу студенческую парковку, и она оказывается совсем недалеко от нужного корпуса, так что в запасе у меня остается пятнадцать минут.

Занимаю место в первом ряду и чувствую, что не в силах подавить потерянность. Нет ни встречи с Лэндоном в кафе перед занятиями, ни самого Лэндона рядом – я сижу и вспоминаю первые полгода своей учебы.

Аудитория заполняется студентами. Заметив, что, кроме меня и еще одной девушки, в группе собрались одни парни, начинаю жалеть о своем решении. Я думала, что сумею впихнуть этот предмет – который я вообще не хотела выбирать – между другими в новом семестре, но теперь я считаю, что не надо было браться за политологию.

На свободное место рядом со мной садится симпатичный парень. Стараюсь не глядеть на него. Его сияющая белизной рубашка идеально отглажена, и еще на нем галстук. Он похож на политика – широкая белозубая улыбка и все такое.

Он замечает, что я смотрю в его сторону, и ухмыляется.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спрашивает он полным решительности и очарования голосом.

Да, однажды он точно станет политиком.

– Нет, из-звини, – запинаясь я, отводя взгляд.

Когда начинается занятие, отворачиваюсь и концентрируюсь на другом: записываю лекцию, снова и снова просматриваю расписание и карту кампуса – и так до конца пары.

Следующее занятие – история искусств – намного лучше. В привычной толпе гуманитариев я чувствую себя более уверенно. Рядом садится парень с синими волосами и представляется Майклом. Преподаватель просит всех по очереди представиться, и выясняется, что я – единственная со специализацией в английской филологии. Но все ребята дружелюбные, а у Майкла то еще чувство юмора – все занятие он шутит и веселит всех, включая преподавателя.

Последняя и самая интересная пара – письменная речь. Полностью погружаюсь в процесс перенесения мыслей на бумагу: это увлекательно, это помогает высвободиться, и мне это нравится. Когда профессор отпускает нас, мне кажется, что прошло всего десять минут.

Оставшаяся неделя проходит примерно так же. В один момент думаю, что начинаю лучше разбираться во всей ситуации, в другой – что я запуталась еще больше. Но сильнее всего – ощущение ожидания чего-то, что никогда не наступит.

К пятнице я уже выматываюсь и вся напряжена. Неделя выдалась трудной – и в хорошем, и в плохом смысле. Мне не хватает привычного кампуса и общества Лэндона. Мне не хватает встреч с Хардином между занятиями, мне даже не хватает Зеда и яркого естественно-научного корпуса.

Зед. Я не разговаривала с ним с тех пор, как он спас меня на вечеринке от Стеф и Дэна и отвез к моей матери. Он спас меня от ужасного насилия и унижения, а я его даже не поблагодарила.

Откладываю учебник политологии и достаю телефон.

– Алло? – Голос Зеда кажется таким незнакомым, хотя я слышала его всего неделю назад.

– Зед? Привет, это Тесса.

Прикусив щеку изнутри, жду, что он ответит.

– Э-э, привет.

Я делаю глубокий вдох, понимая, что должна сказать все то, что

хотела.

– Слушай, прости, что не позвонила раньше и не поблагодарила тебя. На этой неделе все случилось так быстро, и мне кажется, что какая-то часть меня старалась не думать о произошедшем. Я знаю, что это не лучшее оправдание... В общем, я идиотка, мне жаль и...

Слова вырываются из меня с такой скоростью, что я едва успеваю понять, о чем говорю. Но он перебивает на полуслове:

– Все в порядке, я в курсе, что у тебя много всего случилось.

– Я все равно должна была позвонить, особенно после того, что ты для меня сделал. Передать не могу, как я тебе благодарна за то, что ты был на той вечеринке, – говорю я, отчаянно желая, чтобы он понял, насколько я признательна. Я вздрагиваю, вспомнив, как Дэн вел пальцами вверх по моему бедру. – Не появись ты там, неизвестно, что они могли бы со мной сделать...

– Послушай, Тесса, – осторожно прерывает он меня. – Я успел остановить их прежде, чем что-либо случилось. Старайся не думать об этом. И тебе точно не за что меня благодарить.

– Есть за что! И я передать не могу, как больно мне от мысли, что Стеф так поступила. Я никогда ее не обижала, никого из вас...

– Прошу, не надо причислять меня к ним, – замечает Зед – его это явно задело.

– Нет-нет, прости, я не имела в виду, что ты связан с этим. Я просто говорила о компании твоих друзей, – прошу я прощения за необдуманные слова.

– Ничего страшного, – бормочет он. – Все равно мы теперь не совсем компания. Тристан скоро уезжает в Новый Орлеан, всего через несколько дней, а Стеф я с тех пор ни разу не видел в кампусе.

– Вот как... – Замолкаю и оглядываю свою нынешнюю комнату в этом огромном, почти чужом доме. – Зед, прости и за то, что я обвиняла тебя, будто ты писал мне эсэмэски с телефона Хардина. Стеф призналась, что это была она... во время того случая с Дэном.

Я улыбаюсь, чтобы постараться справиться с дрожью, которую у меня вызывает имя этого человека.

Он едва слышно выдыхает, хотя, может, это была усмешка.

– Надо признать, я и правда был самым вероятным подозреваемым, – добродушно отвечает он. – Ну так... как жизнь?

– В Сиэтле все... по-другому, – говорю я.

– Ты там? Я подумал, раз Хардин был в доме твоей матери...

– Нет, я здесь.

Я перебиваю его прежде, чем он успевает сказать, что он тоже думал, будто я останусь ради Хардина.

– Ты с кем-нибудь подружилась?

– А ты как думаешь? – улыбаюсь я и тянусь через кровать за полупустым стаканом воды.

– Скоро обязательно найдешь друзей. – Он смеется мне вслед.

– Сомневаюсь. – Я вспоминаю о двух женщинах в «Вэнсе», которые о чем-то сплетничали в комнате отдыха. Казалось, они смеются над чем-то своим, но я все время думала, что они смеются надо мной. – Мне правда очень жаль, что я так долго не звонила.

– Тесса, все нормально, перестань. Ты слишком много извиняешься.

– Прости, – говорю я и слегка шлепаю себя ладонью по лбу.

И тот официант, Роберт, и Зед сказали, что я слишком часто извиняюсь. Может, они правы.

– Собираешься как-нибудь сюда приехать? Или нам все еще... нельзя быть друзьями? – тихо спрашивает он.

– Мы можем дружить, – отвечаю я. – Но я не представляю, когда смогу приехать.

По правде говоря, я хотела поехать домой на эти выходные. Я скучаю по Хардину и по пустым дорогам.

Минуточку, почему я назвала то место своим домом? Я жила там всего полгода.

И тогда я понимаю. Хардин. Это из-за Хардина. Я всегда буду чувствовать себя как дома там, где есть он.

– Что ж, жаль. Может, я как-нибудь заеду в Сиэтл. У меня там живут друзья, – говорит Зед. – Ты не будешь против? – спрашивает он через пару секунд.

– Нет! Конечно, нет.

– Хорошо! – смеется он. – В эти выходные я лечу во Флориду к родителям, вообще-то я уже опаздываю на самолет, так что тогда, может, в следующий раз?

– Да, обязательно. Только предупреди меня. Приятного путешествия.

Заканчиваю разговор и кладу телефон на стопку своих бумаг, и всего через мгновение он начинает вибрировать.

На экране высвечивается имя Хардина; я делаю глубокий вдох и, не обращая внимания на трепет в груди, отвечаю ему.

– Чем занимаешься? – сразу спрашивает он.

– Э-э, ничем.

– Где ты?

– У Ким и Кристиана дома. А ты где? – с сарказмом интересуюсь я.
– Дома, – спокойно отвечает он. – Где мне еще быть?
– Не знаю... в спортзале? – За неделю Хардин не пропустил ни одной тренировки.

– Я только что оттуда. Пришел домой.
– И как прошло, мистер Краткость?
– Так же, – лаконично отвечает он.
– Что-то не так? – спрашиваю я.
– Нет. Все в порядке. Как прошел день?

Он быстро меняет тему. Интересно почему? Но не хочу давить на него, особенно после звонка Зеду, из-за которого я и так чувствую тяжесть в груди.

– Нормально. Пожалуй, затянуто. Мне по-прежнему не нравится политология, – жалуюсь я.

– Я говорил, брось ты ее уже. Можешь взять другой факультативный курс по общественным наукам, – напоминает он мне.

Я ложусь на кровать.

– Знаю... все будет в порядке.

– Сегодня остаешься дома? – спрашивает он с явной тревогой в голосе.

– Да, я уже в пижаме.

– Хорошо, – говорит он, и я закатываю глаза.

– Я звонила Зеду, всего пару минут назад, – выпаливаю я.

Почему бы и не разобраться? В трубке повисает тишина, и я терпеливо жду, когда Хардин перестанет учащенно дышать.

– Что-что? – резко спрашивает он.

– Я звонила, чтобы поблагодарить его... за прошлый выходной.

– Но зачем? Я думал, мы... – Я слышу его тяжелое дыхание и понимаю, что он едва сдерживает свой гнев. – Тесса, я думал, что мы работаем над нашими проблемами.

– Верно, но я у него в долгу. Если бы он там не появился ...

– Я знаю! – рявкает он, словно пытаюсь от чего-то отгородиться.

Я не хочу ссориться, но мне не стоит надеяться на перемены, если я буду что-то от него скрывать.

– Он сказал, что собирается как-нибудь приехать в гости, – говорю я.

– Он не поедет к тебе, и точка.

– Хардин...

– Тесса, нет. Он не поедет. Я тут стараюсь изо всех сил, понимаешь? Я чертовски стараюсь не сорваться прямо сейчас, поэтому помоги мне хоть немного и согласишься со мной.

Сдавшись, я вздыхаю:

– Ладно.

Если я буду проводить время с Зедом, вряд ли это хорошо для нас закончится, и для Зеда тоже. Я не могу снова вводить его в заблуждение. Это нечестно по отношению к нему, и я думаю, мы вряд ли сумеем поддерживать чисто дружеские отношения – что в глазах Хардина, что в его глазах.

– Спасибо. Вот бы ты всегда так легко подчинялась...

Что?

– Я никогда не стану просто подчиняться, Хардин, это...

– Тише, тише, я шучу. Не стоит так заводиться, – быстро говорит он. – Раз мы затронули эту тему, может, я должен что-то еще?

– Нет.

– Хорошо. А теперь расскажи мне, что нового на этом дурацком радио, по которому ты сходишь с ума.

Рассказываю в подробностях о женщине, которая искала свою забытую школьную любовь, когда сама ждала ребенка от соседа, и о том, какой скандал разразился в итоге. От этого оживляюсь и начинаю смеяться. Когда я упоминаю о кошке Мэззи, я уже истерически хохочу. Говорю, как трудно, должно быть, любить кого-то, когда ты беременна от другого, но он не соглашается. Конечно, он считает, что эти тетки сами стали причиной скандала, и дразнит меня за то, что я увлеклась ток-шоу на радио. Хардин смеется над историей, которую я рассказываю, а я закрываю глаза и представляю, что он лежит рядом со мной.

Глава 82

Хардин

– Прости меня! – тяжело дыша, говорит Ричард.

Он вытирает рвоту с подбородка; все его тело в поту. Опершись о дверной проем, я размышляю, стоит ли мне уйти, оставив его в собственной воню, или нет.

И так весь день – его рвет, он трясется, потеет, стонет.

– Скоро все выйдет из моего организ...

Он наклоняется над унитазом, и его снова рвет фонтаном. Охрененно. На этот раз он хотя бы добрался до туалета.

– Надеюсь, – говорю я, выходя из ванной.

Я открываю окно на кухне, впуская внутрь прохладный воздух, и достаю чистый стакан. Со скрипом открываю кран и наливаю в него воду. Я качаю головой.

Какого хрена мне с ним делать? У него детоксикация – по всей моей чертовой ванной. Снова вздохнув, беру стакан и упаковку крекеров, отношу все это в ванную и ставлю на край раковины.

Я трогаю Ричарда за плечо.

– Съешь вот это.

Он понимающе кивает – а может, просто дергает головой из-за белой горячки и/или ломки. Кожа у него такая бледная и липкая, что похожа на глину. Не думаю, что крекеры ему помогут, но мало ли.

– Спасибо, – наконец со стоном говорит он, и я оставляю его заблуживать ванную в одиночестве.

Без нее спальня – моя спальня – совсем не та. Когда я ложусь, кровать всегда застелена как-то не так. Я столько раз пробовал заправить края простыни под матрас, как это делает Тесса, но это просто невозможно. Мои вещи, и чистые и грязные, разбросаны по полу, журнальные столики заставлены бутылками из-под воды и банками из-под газировки. И еще тут холодно. Отопление включено, но в комнате просто... холодно.

Отправляю ей последнее на сегодня сообщение, желаю спокойной ночи и закрываю глаза, надеясь, что буду спать без снов... хоть раз.

– Тесса? – зову я из коридора, вернувшись домой.

В квартире тихо, раздаются лишь едва слышные звуки. Может, Тесса говорит с кем-то по телефону?

– Тесса! – повторяю я, открывая дверь в спальню.

От увиденного я замираю на месте. Тесса лежит поверх белого одеяла, ее светлые волосы прилипли ко лбу; одной рукой она сжимает спинку кровати, а другой – чьи-то черные волосы. Она двигает бедрами, и я чувствую, как горячая кровь, пульсирующая в моих венах, становится ледяной.

Вижу голову Зеда между ее сливочного цвета бедер. Руками он водит по ее телу.

Я пытаюсь подойти к ним, чтобы схватить его за горло и припереть к стене, но ноги у меня будто ватные. Я пытаюсь закричать, но не могу открыть рот.

– О Зед, – стонет Тесса.

Я закрываю уши руками, но без толку – ее голос звучит прямо у меня в голове, от него никуда не деться.

– Ты такая красивая, – шепчет он, и она снова издает стон.

Кончиками пальцев он гладит ее грудь, прижимается к ней губами.

Я не могу сдвинуться с места.

Они меня не видят, даже не заметили, что я зашел в комнату. Тесса снова выкрикивает его имя, и когда он поднимает голову, то наконец видит меня. Ведет языком по шее к подбородку и покусывает – продолжает смотреть на меня.

Я не могу оторвать взгляд от их обнаженных тел, а внутри у меня словно все вырвали и бросили на холодный пол. Я не могу это вынести, но я все равно смотрю.

– Я люблю тебя, – говорит он ей, глядя на меня с усмешкой.

– Я тоже тебя люблю, – стонет в ответ Тесса.

Он входит в нее, и она впивается ногтями в его покрытую татуировками спину. Наконец мой голос прорывается, и я кричу, заглушая их стоны.

– Черт! – выкрикиваю я и хватаю стакан с прикроватного столика.

Стекло со звоном разбивается о стену.

Глава 83

Хардин

Яростно дергаю себя за мокрые от пота волосы, мечусь по комнате, наступая босыми ногами на все вещи и книги.

– Хардин? Ты в порядке? – сонно спрашивает Тесса.

Я так рад, что она взяла трубку! Мне нужно, чтобы она была со мной, пусть даже по телефону.

– Я... я не знаю, – хрипло отвечаю я.

– В чем дело?

– Ты в постели? – спрашиваю я.

– Да, сейчас три часа ночи. Где мне еще быть? Что случилось, Хардин?

– Я просто не могу уснуть, вот и все, – признаюсь я, вглядываясь в темноту нашей – то есть моей – комнаты.

– Понятно... – облегченно выдыхает она. – Я уже было заволновалась.

– Ты еще говорила с Зедом? – интересуюсь я.

– Что? Последний раз я говорила с ним, когда он сказал, что хочет приехать, больше нет.

– Позвони и скажи, что ему не стоит приезжать.

Я похож на сумасшедшего, но меня это ни черта не волнует.

– Я не буду так поздно ему звонить, что с тобой такое?

Ее это так оскорбляет... Хотя, наверное, я не могу ее за это винить.

– Ничего, Тесса. Не бери в голову, – вздыхаю я.

– Хардин, что происходит? – с явным беспокойством спрашивает она.

– Ничего, просто... ничего.

Жму на кнопку отключения телефона, пока экран не гаснет.

Глава 84

Тесса

– Ты же не будешь опять весь день сидеть в пижаме? – спрашивает Кимберли на следующее утро, увидев меня за кухонным столом.

Я кладу в рот полную ложку мюсли и не отвечаю. Именно этим я и собираюсь сегодня заняться. После звонка Хардина я плохо спала. Потом он прислал несколько эсэмэсок, но в них не было ни слова о его странном поведении прошлой ночью. Хочу ему позвонить, но отказываюсь от этой идеи, вспомнив, как быстро он вчера повесил трубку. Кроме того, с момента своего приезда я уделяла мало внимания Кимберли. Большую часть свободного времени я говорила по телефону с Хардином или делала домашние задания. Меньшее, что я могу сделать, это поболтать с ней за завтраком.

– Ты никогда не носишь нормальную одежду, – добавляет Смит, и я едва не выплевываю мюсли на стол.

– Нет, ношу, – отвечаю я с набитым ртом.

– Ты прав, Смит, она не носит ничего другого, – хохочет Кимберли, а я в ответ закатываю глаза.

В этот момент заходит Кристиан и целует ее в висок. Смит улыбается отцу и будущей мачехе, а потом снова смотрит на меня.

– В пижаме удобнее, – замечаю ему я.

Смит кивает, опускает глаза и оглядывает свою пижаму с Человеком-пауком.

– Тебе нравится Человек-паук? – спрашиваю я, пытаюсь перевести беседу на другую тему.

Он держит тост.

– Нет.

– Нет? Но ты ведь носишь ее, – говорю я и показываю на пижаму.

– Она мне ее купила, – кивает он в сторону Ким. И шепчет: – Не говори ей, что мне не нравится, а то она будет плакать.

Я смеюсь. Пятилетний Смит рассуждает не по-детски.

– Не скажу, – обещаю я, и мы заканчиваем завтрак в приятной тишине.

Глава 85

Хардин

Лэндон стряхивает с шапки капли и с театральной напыщенностью ставит закрытый зонт к стене. Он хочет, чтобы я понял, какие «усилия» он прилагает, чтобы мне помочь.

– Итак, что это за срочное дело, из-за которого мне пришлось ехать сюда по холоду и дождю? – спрашивает он с самодовольством и тревогой одновременно. Смотрит на мой голый торс и добавляет: – Ну, то самое, ради чего лично я оделся и прибежал. Так в чем дело?

Я машу рукой на Ричарда, который, развалившись, спит на диване.

– В нем.

Лэндон наклоняется и заглядывает в комнату.

– Кто это? – спрашивает он. Потом, выпрямившись, смотрит на меня, открыв рот, и добавляет: – Погоди... Это что, отец Тессы?

В ответ я закатываю глаза.

– Нет, это какой-то другой бездомный придурок, которому я позволил спать у себя на диване. Сейчас модно так поступать.

Он не обращает внимания на сарказм.

– Почему он здесь? Тесса об этом знает?

– Да, знает. Правда, она не в курсе, что последние пять дней его ломает и тошнит по всей чертовой квартире.

Ричард стонет во сне, и я, схватив Лэндона за рукав клетчатой рубашки, тащу его в коридор.

Моему сводному брату такая ситуация явно незнакома.

– Ломает? – спрашивает он. – В смысле, от наркотиков?

– Да. И алкоголя.

Какое-то время он, похоже, осмысливает информацию.

– Он еще не добрался до твоего спиртного? – спрашивает он и смотрит на меня, изогнув бровь. – Или он уже его выпил?

– У меня больше нет никакого спиртного, придурок.

Он косится на спящего мужчину на моем диване.

– Я так и не понял, при чем тут я.

– Будешь за ним присматривать, – сообщаю я.

Лэндон немедленно от меня пятится.

– Ни за что! – Он пытается говорить шепотом, но получается скорее похоже на приглушенный крик.

– Расслабься, – хлопаю его по плечу. – Всего на одну ночь.

– Ни за что. Я с ним не останусь. Я его даже не знаю!

– Я тоже, – отвечаю я.

– Ты знаешь его лучше, чем я, и, не будь ты таким идиотом, однажды он стал бы твоим тестем.

Слова Лэндона задевают меня сильнее, чем должны бы. Тестем? Звучит так странно... Мысленно повторяю это слово, глядя на отвратительную человеческую массу на диване.

– Я хочу с ней увидеться, – с мольбой говорю я.

– С кем... с Тесс?

– Да, с Тес-сой, – поправляю его я. – С кем же еще?

Лэндон начинает крутить пальцами, словно нервный ребенок.

– Ну а почему она не может приехать сюда? Думаю, оставлять меня с ним – не лучшая идея.

– Не будь таким трусом, он не опасен, ничего такого, – говорю я. – Просто проследи, чтобы он никуда не ушел из квартиры. Тут много еды и воды.

– Ты как будто говоришь о собаке... – замечает Лэндон.

Раздраженно потираю виски.

– Разум у старика вполне мог деградировать до этого уровня. Так ты сможешь мне или нет?

Он сердито смотрит на меня, и я добавляю:

– Ради Тессы.

Это нечестно, но знаю, что ход сработает.

Через секунду Лэндон сдается и кивает.

– Только на одну ночь, – соглашается он, и я отворачиваюсь, чтобы скрыть улыбку.

Не знаю, какова будет реакция Тессы на нарушение нашего уговора о «свободе», но это всего на одну ночь. Одна короткая ночь с ней – вот что мне сейчас нужно. Мне нужна она. На неделе мне хватает звонков и сообщений, но после последнего кошмара мне, как никогда, нужно ее увидеть. Убедиться, что на ее теле нет никаких отметин, кроме тех, которые оставил я.

– Она знает, что ты приедешь? – спрашивает меня Лэндон по дороге в спальню.

Пытаюсь найти на полу футболку – я по-прежнему голый по пояс.

– Узнает, как только я приеду.

– Она рассказала, как вы болтали по телефону.
Рассказала? Это на нее совсем не похоже.

– Зачем ей рассказывать про то, как мы занимались сексом по телефону? – удивляюсь я.

У Лэндона округляются глаза от изумления.

– Ого! Что? Что?! Я не... О боже! – недовольно бормочет он, пытаясь заткнуть уши, но слишком поздно.

Он густо краснеет, и комната наполняется моим смехом.

– Выражайся точнее, когда речь идет обо мне и Тессе, разве ты этого еще не понял? – усмехаюсь я, вспоминая ее стоны по телефону.

– Видимо, понял. – Он хмурится и возвращается к теме: – Я имел в виду, что вы с ней много говорили по телефону.

– И?..

– Тебе она кажется счастливой?

Моя улыбка исчезает.

– Почему ты спрашиваешь?

На его лице проступает тревога.

– Просто интересуюсь. Я за нее как-то переживаю. Похоже, она не так уж радуется Сиэтлу, как я ожидал.

– Не знаю. – Я потираю затылок. – Да, по голосу она не кажется счастливой, но не знаю, почему именно – то ли потому, что я придурок, то ли потому, что Сиэтл нравится ей не настолько, как она думала, – честно отвечаю я.

– Надеюсь, первое. Я хочу, чтобы она там была счастлива, – замечает Лэндон.

– И я тоже, вроде того.

Лэндон пинает ногой грязные черные джинсы.

– Эй, я собирался их надеть, – сержусь я и наклоняюсь, чтобы поднять.

– У тебя нет чистой одежды?

– В данный момент нет.

– Ты вообще стирал после ее отъезда?

– Да... – вру я.

– Ага. – Он показывает на пятно на моей черной футболке. Может, горчица?

– Черт. – Снимаю футболку и бросаю ее на пол. – Мне нечего надеть, черт возьми.

Открываю нижний ящик комода и облегченно вздыхаю: в дальнем углу лежит стопка чистых черных футболок.

– Как насчет этих? – Лэндон показывает на темно-синие джинсы,

висящие в шкафу.

– Нет.

– Почему нет? Ты все время носишь только черные.

– Именно, – отвечаю я.

– Ну, похоже, единственная пара, которая у тебя есть, сейчас грязная, так что...

– У меня их пять пар, – поправляю я его. – Просто они одинакового фасона.

Тяжело вздохнув, я тянусь через него к шкафу и снимаю с вешалки чертовы синие джинсы. Ненавижу их. Мама купила их мне на Рождество, и я поклялся никогда не надевать их, но вот, приехали. Ради настоящей любви и все такое. Она, наверное, в обморок бы упала.

– Они чересчур... облегающие. – Лэндон прикусывает губу, чтобы не рассмеяться.

– Отвали, – говорю я и показываю ему средний палец и продолжаю собирать всякую хрень в дорогу.

Двадцать минут спустя мы снова в гостиной: Ричард по-прежнему спит, Лэндон достает меня шутками про узкие джинсы. Я готов ехать в Сиэтл и увидеться с Тессой.

– Что мне сказать ему, когда он проснется? – спрашивает он.

– Что хочешь. Будет забавно, если ты его немного подурочишь. Можешь притвориться, будто ты – это я или будто ты не знаешь, почему он здесь, – смеюсь я. – Он жутко растеряется.

Лэндон не понимает, что в этом смешного, и практически выталкивает меня за дверь.

– Осторожнее за рулем, на дороге скользко, – предупреждает он.

– Понял.

Перекидываю сумку через плечо и ухожу, пока он не успел выдать еще какую-нибудь банальщину.

В дороге я не могу отделаться от мыслей о своем кошмаре. Он был таким реалистичным, таким чертовски ярким. Я слышал, как Тесса стонала имя того засранца, я даже слышал, как она ногтями царапает его кожу.

Включаю радио, чтобы отвлечься от размышлений, но это не помогает. Тогда я решаю подумать о ней, вспомнить, как мы были вместе, чтобы кошмарные образы перестали меня преследовать. Иначе эта поездка станет самой долгой в моей жизни.

– Смотри, какие милые детки! – вопит Тесса, показывая на стаю маленьких копошащихся существ.

Ну, на самом деле их было всего двое. Но все равно.

– Да, да. Очень милые. – Я закатываю глаза и тащу ее дальше по магазину.

– У них даже одинаковые бантики в волосах.

Она широко улыбается, а голос становится пронзительным, как обычно у женщин, когда они видят маленьких детей: у них начинает вырабатываться какой-то гормон или вроде того.

– Ага, – бормочу я и тащусь вслед за ней по узким рядам «Коннерс».

Она ищет какой-то особенный сыр, нужный для блюда на сегодняшний вечер. Но ее разумом завладели дети.

– Не отрицай, что они милые. – Она смотрит на меня с сияющей улыбкой, но я упрямо мотаю головой. – Да ладно, Хардин, ты ведь знаешь, что они очень милые. Просто скажи это.

– Они. Очень. Милые... – равнодушно отвечаю я.

Ее губы сжимаются в тонкую полоску, и она скрещивает руки на груди, будто обиженный ребенок.

– Может, ты окажешься одним из тех, кто считает милыми только своих детей, – говорит она, и я вдруг замечаю, что ее улыбка быстро исчезает, будто она что-то осознала. – Если ты вообще когда-нибудь захочешь иметь детей, – мрачно добавляет она. Мне хочется поцелуем стереть с ее лица мрачность.

– Конечно, может быть. Жаль только, что я их не хочу. – Я стараюсь, чтобы она раз и навсегда поняла это.

– Я знаю... – тихо говорит она.

Вскоре она находит то, что так усердно искала, и бросает в корзину – сыр падает с глухим стуком.

Мы стоим в очереди у кассы, но она по-прежнему не улыбается. Я гляжу на нее и осторожно толкаю локтем.

– Эй?

Она поднимает на меня глаза. Взгляд такой тусклый, она явно ждала, что я заговорю первым.

– Я знаю, что мы договорились больше не говорить о детях... – начинаю я, и она смотрит в пол. – Эй? – повторяю я и ставлю корзину на пол у ног. – Посмотри на меня. – Беру ее лицо в ладони и прижимаюсь лбом к ее лбу.

– Все в порядке. Я сказала, не подумав, – признается она, пожав плечами.

Я наблюдаю, как она осматривает маленький магазин, оценивает окружающую обстановку; замечаю ее явное удивление тем, что я

прикасаюсь к ней у всех на виду.

– Что ж, тогда давай снова договоримся больше не упоминать детей. От этого у нас только проблемы, – говорю я и быстро целую ее в губы, потом еще раз.

Я не перестаю целовать ее, а она засовывает ладони в карманы моей куртки.

– Я люблю тебя, Хардин, – говорит она, но тут кашляет Ворчливая Глория, кассирша, над которой мы часто смеялись.

– Я люблю тебя, Тесс. Я дам тебе столько любви, что дети тебе не понадобятся, – обещаю я.

Она отворачивается, чтобы я не видел, как она хмурится, – это точно. Но в тот момент меня это не волновало, потому что я считал, что вопрос решен и я получил что хотел.

Еду дальше и задумываюсь: хоть когда-нибудь в жизни я вел себя не как эгоистичный придурок?

Глава 86

Тесса

Я тащусь из своей комнаты к дивану с «Грозным перевалом», и Кимберли с широкой приветливой улыбкой говорит:

– Ты в депрессии, Тесса, а я, твой друг и наставник, обязана тебя из нее вытащить.

Ее прямые светлые волосы блестят, а макияж идеален. Она одна из тех, кого женщины любят ненавидеть.

– Наставник? Серьезно? – хихикаю я, и она закатывает сильно накрашенные глаза.

– Ладно, может, не совсем уж наставник. Но друг, – поправляется она.

– Я не в депрессии. Мне просто много задали, и я не хочу никуда сегодня идти, – уверяю я.

– Тебе девятнадцать, милая, – води себя соответственно! Когда мне было девятнадцать, я все время гуляла. Я почти не ходила на занятия. Встречалась с парнями... с очень многими парнями. – Она топает каблуком по плиткам пола.

– Правда? – вмешивается зашедший в комнату Кристиан. Он отклеивает с рук пластырь.

– Но не с такими прекрасными, как ты, – подмигивает ему Ким.

Кристиан говорит мне с усмешкой:

– Вот что я получаю, встречаясь с такой молодой женщиной. Мне приходится соперничать со все еще свежими воспоминаниями о ребятах из колледжа. – Его зеленые глаза весело блестят.

– Эй, я не намного моложе тебя, – возражает она, толкая его в грудь.

– На двенадцать лет, – замечает он.

Кимберли закатывает глаза.

– Да, но ты молод душой. В отличие от Тессы, которая ведет себя так, будто ей сорок.

– Конечно, милая. – Он выбрасывает использованный пластырь в мусорное ведро. – А теперь давай, просвети ее насчет того, как не надо вести себя в университете.

Он улыбается напоследок, шлепает ее по заднице и уходит, а у Кимберли на лице расцветает широкая ухмылка.

– Я так люблю этого мужчину, – говорит она мне, и я киваю, потому что знаю, что это так. – Я очень хотела, чтобы сегодня ты пошла с нами. Кристиан только что открыл новый джазовый клуб в центре со своими партнерами. Там очень красиво – уверена, ты здорово проведешь время.

– У Кристиана есть свой джазовый клуб? – удивляюсь я.

– Он вложился в заведение, так что от него не требуется никакой работы, – с коварной улыбкой шепчет она. – По субботам они приглашают разных музыкантов – устраивают что-то вроде джем-сейшна.

Я пожимаю плечами:

– Может, в следующие выходные?

Чего мне сейчас точно не хочется, так это одеваться и идти в какой-то клуб.

– Ладно, в следующие выходные – ловлю тебя на слове. Смит тоже не хочет идти. Я пыталась уговорить, но ты его знаешь. Он прочел мне лекцию, что по сравнению с классической музыкой джаз – это ничто, – смеется Кимберли. – Так что его няня придет через несколько часов.

– Я могу присмотреть за ним, – предлагаю я. – Я все равно буду дома.

– Нет, милая, ты не обязана.

– Знаю, но я хочу.

– Ну, это было бы здорово. И намного проще – няню он почему-то не любит.

– Меня он тоже не любит, – смеюсь я.

– Верно, но с тобой он разговаривает больше, чем с большинством людей. – Она смотрит на свое обручальное кольцо, а потом – на школьную фотографию Смита над камином. – Он такой милый мальчик... просто очень замкнутый, – тихо добавляет она, будто эта мысль пришла ей не сразу.

Паузу нарушает звонок в дверь.

Кимберли удивленно смотрит на меня.

– Кого еще черт принес посреди дня? – спрашивает она, будто я могу знать ответ.

Я стою на месте, разглядывая действительно очень симпатичное фото Смита. Он такой серьезный малыш. Будто маленький инженер или математик.

– Ну и ну... Смотрите-ка, кто пришел! – кричит Кимберли.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть, о ком она говорит, и у меня от изумления открывается рот.

– Хардин! – не успев подумать, воплю я, и внезапный прилив адреналина заставляет меня кинуться вперед.

Скольжу по паркету в носках, едва не падаю лицом вниз. Удержав равновесие, подбегаю и бросаюсь на него, обнимаю так крепко, как никогда прежде не обнимала.

Глава 87

Хардин

У меня чуть не останавливается сердце, когда Тесса спотыкается и начинает падать, но она быстро выравнивается и бросается в мои объятия.

Черт возьми, такой реакции я точно не ожидал.

Я думал, меня встретят неловким «привет» и улыбкой, которая не отражается в ее взгляде. Но, боже, как я ошибался! Ужасно ошибался. Тесса крепко обнимает меня за шею, и я зарываюсь лицом в ее волосы. Чувствую сладкий запах ее шампуня, и от осознания ее близости, ее тепла и счастья меня переполняет радость.

– Привет, – наконец говорю я, и она поднимает на меня взгляд.

– Ты весь замерз. – Она касается руками моих щек, и те сразу согреваются.

– Идет ледяной дождь, а дома еще хуже... в смысле, у нас там, – поправляюсь я.

Она быстро опускает глаза в пол, а потом снова смотрит на меня.

– Что ты здесь делаешь? – почти шепотом спрашивает она, чтобы ее никто больше не услышал.

– Я позвонил Кристиану по дороге, – сообщаю я Кимберли.

Она продолжает смотреть на меня с напускным негодованием, и на ее накрашенных губах играет ухмылка. «Не мог удержаться, да?» – одними губами произносит она, стоя у Тессы за спиной. Эта женщина – настоящая стерва. Не представляю, как Кристиан ее терпит – причем по собственной воле.

– Можешь расположиться в комнате напротив спальни Тессы, она покажет, – заявляет Кимберли и уходит.

Отрываюсь от Тессы и коротко улыбаюсь.

– Про... прости! – запинается Тесса; она принимается оглядываться и краснеет. – Не знаю, почему я это сделала. Я п-просто рада увидеть знакомое лицо.

– Я тоже рад тебя видеть, – отвечаю я, стараясь избавить ее от смущения.

Я отпустил ее не потому, что не хотел обнимать. Из-за своей неуверенности она всегда все не так понимает.

– Я поскользнулась, – выпаливает она, потом опять краснеет, а я прикусываю щеку изнутри, чтобы не засмеяться.

– Да, я видел.

Я уже не сдерживаюсь и тихо смеюсь, и она качает головой и тоже смеется.

– Ты правда останешься? – спрашивает она.

– Если ты не против.

Ее серо-голубые глаза кажутся яркими и более светлыми, чем обычно. Распущенные волосы не уложены, лишь слегка выются. На лице – ни следа косметики, и выглядит она просто обалденно. Несмотря на долгие часы, что я провел, представляя перед собой ее лицо, я оказался не готов увидеть ее на самом деле. Не могу охватить взглядом ее целиком, все эти детали... Веснушка на груди, линия ее губ, блеск в глазах – это просто невероятно, черт возьми.

На ней эти отвратительные пижамные штаны и просторная футболка, которую она все время поправляет, тянет вниз, дергает за ворот. Только ей удастся выглядеть в такой безобразной одежде чертовски сексуальной. Сквозь белую ткань просвечивает черный бюстгальтер... тот самый черный кружевной бюстгальтер, который мне так нравится. Интересно, в курсе ли она, что мне видно ее белье...

– Почему ты передумал? И где остальные твои вещи? – спрашивает Тесса, ведя меня через холл. – Остальные спят наверху, – сообщает она, не задумываясь о моих извращенных мыслях. Или задумываясь...

– Взял только это. Я ведь всего на одну ночь, – говорю я, и она останавливается прямо передо мной.

– Ты останешься только на одну ночь? – переспрашивает она, глядя мне в глаза.

– Да, а ты что думала? Что я переезжаю сюда?

Конечно, она так и подумала. Ее вера в меня чересчур сильна.

– Нет. – Она отворачивается. – Не знаю, просто я думала, что немного дольше.

Вот теперь нам становится неловко. Я так и знал.

– Вот твоя комната. – Она открывает дверь, но я не захожу внутрь.

– Твоя спальня прямо напротив? – Мой голос срывается – говорю, как чертов придурок.

– Ага, – бормочет она, опустив взгляд.

– Круто, – по-идиотски отвечаю я. – Ты точно не против, что я приехал?

– Конечно, нет. Ты же знаешь, я скучала.

Похоже, ее радость исчезает, когда мы оба вспоминаем о недавнем прошлом: что я в общем и целом был засранцем и в частности отказался поехать в Сиэтл. Никогда не забуду, как она побежала ко мне, увидев у двери: на ее лице было столько эмоций, столько тоски, и я тоже почувствовал это, даже сильнее, чем она. Без нее я сходил с ума.

– Да, но когда мы виделись в последний раз, я практически выставил тебя из квартиры.

Когда я напоминаю об этом, я вижу, как ее лицо на глазах меняется. Она слабо улыбается, и я почти вижу, как между нами вырастает чертова стена.

– Не знаю, зачем я про это сказал, – добавляю я и потираю лоб рукой.

Она переводит взгляд на другую комнату – ее спальню. Затем, повернувшись к двери, у которой мы стоим, говорит:

– Можешь сложить свои вещи здесь.

Она берет мою сумку, заходит в комнату и расстегивает ее, положив на кровать. Смотрю, как она, сморщив нос, достает мои сложенные футболки и трусы.

– Они хоть чистые? – спрашивает она.

Я качаю головой.

– Трусы – да.

Она держит сумку на расстоянии вытянутой руки.

– Даже не хочу знать, что творится в квартире.

Она самодовольно улыбается одними уголками губ.

– Тогда хорошо, что ты ее больше не увидишь, – шучу я.

Ее улыбка исчезает.

Что за дерьмовая шутка – да что со мной такое, черт возьми?

– Я ничего такого не имел в виду, – быстро добавляю я, стараясь исправиться.

– Ничего страшного. Не переживай, хорошо? – Ее голос звучит мягко. – Это же я, Хардин.

– Знаю. – Я делаю глубокий вдох и продолжаю: – Просто такое чувство, будто мы не виделись черт знает сколько и сейчас находимся в такой странной стадии недоотношений, а с этим у нас всегда было хреново. Мы не видели друг друга, я скучал по тебе и надеюсь, что ты тоже.

Ого, я и правда протараторил это слишком быстро!

Она улыбается.

– Я тоже.

– Что тоже? – Я настаиваю, чтобы услышать эти слова.

– Скучала по тебе. Я говорила тебе это по телефону каждый день.

– Знаю. – Я подхожу к ней ближе. – Просто хотел услышать это еще раз.

Я протягиваю руки и убираю ее волосы за уши, а она прижимается ко мне.

– А ты-то когда успел приехать? – неожиданно раздается чей-то голос, и Тесса отскакивает в сторону.

Превосходно. Черт возьми, просто замечательно.

Перед нами в дверях новой спальни Тессы стоит Смит.

– Только что, – отвечаю ему я, надеясь, что он уйдет и я смогу продолжить начатое пару мгновений назад.

– Зачем ты здесь? – спрашивает он, входя в комнату.

Я показываю на Тессу, которая стоит в паре метров от меня. Она достает из сумки мои вещи и держит их в руках.

– Я приехал к ней.

– Понятно, – тихо говорит он, опустив взгляд.

– Ты не хочешь, чтобы я был тут? – интересуюсь я.

– Я не против. – Он пожимает плечами, и я улыбаюсь ему.

– Хорошо, потому что я все равно бы никуда не ушел.

– Знаю.

Смит улыбается в ответ и оставляет нас с Тессой одних. Наконец-то, черт возьми.

– Ты ему нравишься, – говорит Тесса.

– Он ничего так. – Я пожимаю плечами, и она смеется.

– Он тебе тоже нравится, – заявляет она.

– Нет, не нравится. Я просто сказал, что он ничего.

Она закатывает глаза.

– Конечеченно.

Она права, в каком-то смысле он мне нравится. По крайней мере, больше остальных пятилетних детей.

– Я буду сегодня за ним присматривать, Ким с Кристианом пойдут на открытие клуба, – сообщает она.

– А ты почему не идешь?

– Не знаю, просто не хочется.

– Хм-м.

Я сжимаю губы пальцами, чтобы скрыть от нее свою улыбку. Я безумно рад, что она не захотела идти с ними, и ловлю себя на мысли, что она собиралась провести этот вечер, болтая со мной по телефону, – то есть надеюсь на это.

Тесса бросает на меня странный взгляд.

– Если хочешь, то можешь пойти – тебе необязательно оставаться дома со мной.

Я возмущенно смотрю на нее.

– Что? Я проделал весь этот путь не для того, чтобы пойти без тебя в какой-то дурацкий клуб. Ты что, не хочешь, чтобы я остался с тобой?

Она ловит мой взгляд и прижимает к груди мою одежду.

– Конечно, я хочу, чтобы ты остался.

– Хорошо, потому что я все равно бы никуда не ушел, – шучу я.

Она не улыбается в ответ так, как Смит, но закатывает глаза, что тоже очень мило.

– Куда ты? – спрашиваю я, когда вижу, что она направляется к двери с моими вещами.

Она бросает на меня одновременно веселый и чувственный взгляд.

– Займусь стиркой, – говорит она и выходит из комнаты.

Глава 88

Тесса

Я включаю стиральную машину; в голове все путается. Хардин приехал в Сиэтл, и мне не пришлось просить его или умолять. Он приехал по собственной воле. Пусть всего на одну ночь – это все равно много для меня значит, и я надеюсь, что это шаг в нужном направлении. Мои мысли о наших отношениях все еще противоречивы... У нас всегда так много проблем, так много бессмысленных ссор. Мы очень разные, и сейчас я не уверена, что у нас вообще что-нибудь получится.

Но сейчас – сейчас, когда он здесь со мной, – я не желаю ничего другого, кроме как дать шанс этим то ли отношениям, то ли дружбе на расстоянии и посмотреть, что получится.

– Я знала, что он объявится, – слышу за своей спиной голос Кимберли. Поворачиваюсь и вижу, что она стоит, опираясь о притолоку.

– А я нет.

Она бросает на меня взгляд, будто говорит «Да ладно тебе».

– Ты должна была догадываться. Такой парочки, как вы, я никогда не встречала.

Я вздыхаю:

– Мы не совсем пара...

– Ты бросилась в его объятия прямо как в кино. Он не пробыл здесь и пятнадцати минут, а ты уже стираешь ему вещи. – Она кивает в сторону стиральной машины.

– Ну, они же грязные, – говорю я, игнорируя то, что она сказала вначале.

– Вы оба не можете друг без друга – это то еще зрелище. Жаль только, что вы не пойдете сегодня с нами: ты могла бы нарядиться и показать, что он упускает, находясь вдалеке от Сиэтла.

Кимберли подмигивает и выходит из прачечной.

Она права: мы с Хардином не можем друг без друга. Это всегда было так, с первого дня знакомства. Даже когда я пыталась убедить себя в том, что он мне не нужен, я не могла не замечать трепет, возникавший внутри при каждой нашей встрече.

Тогда мне казалось, что Хардин все время возникал у меня на пути...

Конечно, я ведь при любой возможности ходила на вечеринки в его братство. Мне там ужасно не нравилось, но что-то притягивало меня к этому месту – я знала, что встречу его, если туда пойду. В тот момент я не могла признаться в этом даже себе, но я жаждала общения с ним, пусть он и был ко мне жесток. Кажется, что это было так давно, будто во сне; вспоминаю, как он пристально смотрел на меня на занятиях, а потом закатывал глаза, как только я с ним здоровалась.

Внезапно, возвращая меня к реальности, пищит стиралка, и я спешно направляюсь через холл к комнате, которую на сегодня выделили Хардину. Там никого нет, на кровати по-прежнему лежит пустая сумка Хардина, но его самого не вижу. Я иду через холл и замечаю, что он стоит над столом в моей комнате и проводит рукой по одной из записных книжек.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Просто хотел посмотреть, где ты... теперь живешь. Хотел увидеть твою комнату.

– Понятно. – Я вижу, как он хмурится, называя эту спальню «моей».

– Это по учебе? – спрашивает он, поднимая со стола тетрадь в черном кожаном переплете.

– По письменной речи. Ты прочитал? – киваю на тетрадку.

Мысль, что он мог это прочитать, меня немного тревожит. Я пока подготовила лишь одно эссе, но, как и все остальное в моей жизни, оно оказалось связано с ним.

– Чуть-чуть.

– Это всего лишь задание, – бормочу я, пытаюсь объяснить. – В качестве первой работы нас попросили написать эссе в свободном стиле и...

– Мне понравилось, очень понравилось, – хвалит он и кладет тетрадь обратно на стол, а потом снова берет и открывает на первой странице. – «Кто я такая», – зачитывает он заголовок.

– Не надо, прошу тебя!

Он с удивлением ухмыляется:

– С каких пор ты стесняешься показывать свою домашнюю работу?

– Я не стесняюсь. Просто... это очень личное. Я даже не уверена, что решусь сдать его.

– Я читал твои записи по религиоведению, – говорит он, и у меня замирает сердце.

– Что? – Я отчаянно надеюсь, что неправильно его расслышала. Он не стал бы. Он не мог его прочитать...

– Я читал. Ты оставила дневник в квартире, а я его нашел.

Это унижительно. Я стою молча, а Хардин смотрит на меня с другого конца комнаты. Это были личные заметки, которые никто не должен был прочитать, – разве что кроме преподавателя. Я в ужасе от того, что Хардин копался в моих самых сокровенных мыслях.

– Ты не должен был читать. Зачем ты это сделал? – спрашиваю я, стараясь не смотреть на него.

– Все записи были про меня, – отвечает он, будто защищаясь.

– Дело не в этом, Хардин. – У меня в горле стоит ком, трудно дышать. – Это был нелегкий для меня период, и записи предназначались только для моего личного дневника. Ты не должен был...

– Они замечательные, Тесс. Замечательные. Мне было больно читать о том, как ты себя чувствовала, но твои слова, то, что ты хотела выразить, – это было прекрасно.

Я понимаю, что он пытается меня похвалить, но это лишь еще больше меня смущает.

– Каково было бы тебе, прочитай я твои записи, в которых ты выразил что-то сугубо личное?

Я не обращаю внимания на его комплименты по поводу моего творчества. В его взгляде вдруг появляется тревога, и я озадаченно спрашиваю, наклонив голову:

– Что?

– Ничего, – коротко отвечает он и качает головой.

Глава 89

Хардин

Поймав ее взгляд, думаю, что лучше замолчать, но я должен быть честным с ней и хочу, чтобы она знала, насколько интересными мне показались ее записи.

– Я прочитал их минимум десять раз, – признаюсь я.

Ее глаза округляются, но она не поднимает взгляд, а рот приоткрывается. Она спрашивает:

– Правда?

– Тебе нечего стыдиться. Это же я, не забывай.

Я улыбаюсь ей, и она подходит ко мне.

– Знаю, но мои слова, наверное, показались тебе такими жалкими.

Когда я писала этот дневник, я плохо соображала.

Я прикладываю пальцы к ее губам, чтобы она замолчала.

– Вовсе не жалкими. Они прекрасны.

– Я... – Она пытается заговорить, но я прижимаю пальцы еще сильнее.

– Ты все сказала? – улыбаюсь я, и она кивает.

Я медленно убираю руку от ее губ, и она их облизывает. Я не могу отвести взгляд.

– Я должен тебя поцеловать, – шепчу я.

Нас разделяют всего несколько сантиметров. Она смотрит мне в глаза и шумно сглатывает, а потом снова проводит языком по губам.

– Хорошо, – тихо отвечает Тесса.

Она с жадностью хватается меня за футболку и, тяжело дыша, тянет к себе. Я почти касаюсь ее губ, и тут раздается стук в дверь.

– Тесса? – визгливо зовет Кимберли сквозь приоткрытую дверь.

– Избавься от нее, – шепотом говорю я, и Тесса отходит от меня.

Сначала ребенок, теперь его мамаша. Давайте позовем и самого Вэнса.

– Мы уходим через пару минут, – говорит Кимберли, не заходя в комнату.

Вот и хорошо. А теперь убирайся отсюда к черту...

– Ладно, я сейчас буду, – отвечает Тесса, и это раздражает меня еще больше.

– Спасибо, милая, – благодарит ее Кимберли и уходит, напевая какую-

то попсовую песенку.

– Черт, лучше бы я даже не... – начинаю я.

Тесса бросает на меня взгляд, и я решаю опустить продолжение. Это все равно не так... Ничто не изменит мое желание быть сейчас здесь.

– Мне надо идти присматривать за Смитом. Если хочешь, можешь остаться тут.

– Нет, я хочу быть там, где ты, – заявляю я, и она улыбается.

Черт, я хочу поцеловать ее! Я так скучал по ней, и она говорит, что тоже скучала... Почему же она не... Она хватает меня за ворот моей черной футболки и прижимается ко мне губами. Все мое тело загорается, будто меня подключили к розетке. Она проникает языком внутрь, нежно водит им, и я подхватываю ее за бедра.

Я несую ее через комнату, пока не упираюсь в основание кровати. Я ложусь, и она осторожно опускается на меня. Прижимая к себе, я переворачиваюсь, и она оказывается подо мной. Провожу губами над ее грудью, затем снова возвращаюсь к приятной точке под ухом, чувствуя, как учащается ее пульс. В награду получаю ее стоны и вздохи. Я начинаю медленно – мучительно медленно – прижиматься своими бедрами к ее, придавливая к кровати. Тесса касается моей разгоряченной кожи под футболкой и проводит ногтями по моей спине. Я обхватываю губами мочку ее уха и...

Перед глазами у меня вдруг появляется образ из сна – Зед толчками входит в Тессу, – и я тут же вскакиваю.

– В чем дело? – спрашивает она.

От моей нежной атаки ее губы стали ярко-розовыми и припухлыми.

– Ни... ни в чем. Нам надо... ну... идти туда. Присматривать за этим мелким засранцем, – нервно отвечаю я.

– Хардин, – настаивает она.

– Тесса, забудь. Все в порядке.

Ну, знаешь, мне просто снилось, что Зед практически затрахал тебя на нашей кровати, и теперь я не могу выкинуть это из головы.

– Ладно.

Она поднимается и вытирает руки о свою мягкую пижаму.

На мгновение я закрываю глаза, стараясь избавиться от своих отвратительных мыслей. Если этот чертов выпендрожник отнимет у меня еще хоть секунду времени с Тессой, я переломаю ему на хрен все кости.

Глава 90

Тесса

Расцеловав Смита, по его мнению слишком усердно, Кимберли и Вэнс в конце концов уходят. Они трижды напомнили, чтобы в случае чего мы звонили им, и каждый раз Хардин и Смит театрально закатывали глаза. Когда Кимберли показала на список номеров экстренных служб, лежащий на кухонном столе, они мило переглянулись, будто оба не могли поверить в происходящее.

– Что хочешь посмотреть? – спрашиваю я Смита, как только их машина скрывается из вида.

Сидя на диване, он пожимает плечами и смотрит на Хардина, который глядит на малыша сверху вниз так, словно он маленький забавный хореk или кто-то вроде этого.

– Ладно... А как насчет игры, хочешь поиграть во что-нибудь? – предлагаю я, не дождавшись от них ответа.

– Нет, – говорит Смит.

– Думаю, он просто хочет пойти в свою комнату и заняться той фигней, которой был занят до того, как Ким его оттуда вытащила, – говорит Хардин, и Смит согласно кивает.

– Ну... что ж, хорошо. Можешь пойти в свою комнату, Смит. Мы с Хардином будем здесь, если тебе что-то понадобится. Я скоро закажу нам ужин.

– Ты можешь пойти со мной, Хардин? – как можно осторожнее спрашивает Смит.

– К тебе в комнату? Нет, я побуду здесь.

Смит молча слезает с дивана и идет к лестнице. Я бросаю на Хардина сердитый взгляд, а он пожимает плечами.

– Что?

– Иди с ним в его комнату, – шепчу я.

– Я не хочу к нему в комнату. Я хочу быть здесь с тобой, – как ни в чем не бывало говорит он.

Я, конечно, хочу, чтобы Хардин остался, но мне все равно жалко Смита.

– Ну, давай же! – Я киваю на светловолосого мальчика, который

медленно поднимается по ступенькам. – Ему одиноко.

– Ладно, черт возьми, – бормочет Хардин и, надувшись, идет через гостиную к лестнице за Смитом.

Меня все еще тревожит, что он так странно отреагировал на наш поцелуй в спальне. Я думала, что все идет замечательно, – даже лучше, чем замечательно, – но он так резко вскочил, будто от удара. Может, после такой долгой разлуки его чувства изменились? Может, я уже не привлекаю его так, как раньше... в сексуальном плане? Да, на мне мешковатая пижама, но раньше его это не волновало.

Не найдя никакого разумного объяснения, не позволяю воображению разыграться, а вместо этого беру стопку брошюр, которую нам оставила Кимберли, – надо выбрать, что заказать на ужин. Останавливаюсь на пицце и беру телефон, а потом иду в прачечную. Перекладываю вещи Хардина в сушилку и сажусь на скамейку посреди комнаты. Затем звоню в пиццерию и жду, глядя, как безостановочно крутится сушильная машинка.

Глава 91

Хардин

Смит кружит по спальне, а я стою в дверях и мысленно перебираю все его изъяны. Господи, он избалован, как черт!

– Что ты хочешь делать? – спрашиваю я мальчишку, входя в комнату.

– Не знаю.

Он упирается взглядом в стену. Его светлые волосы зачесаны набок так ровно, что даже жутковато.

– Тогда зачем ты меня звал?

– Не знаю, – повторяет маленький говнюк.

Упрямый мелкий ублюдок.

– Ладно... что ж, деваться все равно некуда... – Я умолкаю.

– Теперь ты тоже живешь здесь, вместе со своей девушкой? – неожиданно выдает Смит.

– Нет, останусь только на одну ночь, – говорю я и отворачиваюсь от мальчишки.

– Почему?

Он по-прежнему на меня смотрит. Я чувствую его взгляд, даже не оборачиваясь.

– Потому что я не хочу здесь жить.

Вообще-то хочу. Вроде бы.

– Почему? Она тебе не нравится? – спрашивает он.

– Нет, она мне нравится, – смеюсь я. – Просто... Не знаю. Почему ты постоянно задаешь мне столько вопросов?

– Не знаю, – опять отвечает Смит и достает из-под кровати игрушечную железную дорогу.

– У тебя есть друзья, с которыми ты можешь играть? – спрашиваю я мальчика.

– Нет.

Это неправильно. Он нормальный ребенок.

– Почему?

Смит пожимает плечами и отсоединяет от железной дороги часть рельсов. Маленькие пальцы отделяют еще один кусок полотна, и он заменяет рельсы двумя новыми металлическими частями, которые достал

из коробки, спрятанной в дальнем углу под кроватью.

– Уверен, ты сможешь с кем-нибудь подружиться в школе.

– Нет, не смогу.

– Эти засранцы издеваются над тобой, или что? – спрашиваю я у него.

Я не выбираю выражения. У Вэнса язык, как у матроса. Не сомневаюсь, его сын слышал словечки и похуже.

– Иногда.

Смит скрепляет концы какой-то проволокой и ставит на рельсы паровоз. От проволоки летят искры, но он не отдергивает руки. Через секунду паровоз трогается и едет по рельсам, сначала медленно, затем постепенно набирая скорость.

– Что это? Что ты только что сделал? – спрашиваю я.

– Заставил его ехать быстрее. Он был слишком медленный.

– Неудивительно, что у тебя нет друзей, – смеюсь я, но тут же себя одергиваю. Черт. Смит сидит и тупо пялится на паровоз. – Я просто хотел сказать, это из-за того, что ты слишком умный. Иногда умным людям приходится тяжело, они никому не нравятся. Например, Тесса: время от времени она бывает чертовски умная, и окружающие чувствуют себя рядом с ней неуютно.

– Понятно.

Смит поднимает глаза и смотрит на меня. Я ничем не могу ему помочь, и мне из-за этого паршиво. Дерьмовые у меня советы, не понимаю, зачем я вообще их даю.

Я знаю, каково это – расти без друзей. Когда я был ребенком, у меня не было ни одного приятеля. А потом начался пубертат, я стал пить, курить травку и тусоваться со всяким отребьем. Вряд ли их можно назвать друзьями; по сути, им нравилось быть со мной только потому, что я делал что хотел. Они считали, это очень круто. Повторять за мной им не хотелось, они попросту веселились.

Я всегда был хмурым мальчишкой, забивающимся в угол, с которым никто не хотел разговаривать. Потому что меня боялись. До сегодняшнего дня. Хотя на самом деле мало что изменилось.

Но я встретил Тессу. Она – единственный человек, которому на меня не наплевать. Конечно, временами она меня тоже боится. Воспоминания о Рождестве, капли красного вина на ее белом кардигане возвращают меня к реальности. Лэндон, наверно, тоже волнуется обо мне. У нас с ним вообще сложилась странная ситуация; я почти уверен, что все его переживания – из-за Тесс. Умеет она влиять на людей.

Особенно на меня.

Глава 92

Тесса

– Тебе нравится пицца? – спрашиваю я Смита, сидящего напротив.

Он смотрит на меня с полным ртом и кивает в ответ. Чтобы нарезать еду, он пользуется вилкой и ножом. Меня это не удивляет.

Когда на тарелке ничего не остается, он поднимается из-за стола, несет посуду к посудомоечной машине и кладет ее внутрь.

– Я пойду отдыхать. Я готов ко сну, – объявляет маленький ученый.

Хардин качает головой. Его забавляет взрослость ребенка.

Я встаю и спрашиваю:

– Тебе что-нибудь нужно? Воды или, может, проводить тебя до комнаты?

Но он отказывается и, прежде чем подняться в спальню, хватается за дивана свое одеяло.

Я смотрю, как он исчезает наверху, затем сажусь обратно и осознаю, что за последний час Хардин не сказал мне и десяти слов. Он выдерживает дистанцию, и я не могу не сравнивать его нынешнее поведение с тем, как он разговаривал со мной по телефону. Часть меня хочет, чтобы мы сейчас болтали по телефону, вместо того чтобы молча сидеть на диване.

– Мне надо отлить, – извещает он и выходит, пока я переключаю каналы на телевизоре с плоским экраном.

Секундой позже Кимберли и Кристиан входят в парадную дверь, за ними идет вторая пара. По деревянному полу неспешно ступает высокая блондинка в коротком золотистом платье. Стоит мне взглянуть на невероятной высоты каблуки ее туфель, как у меня самой начинают болеть лодыжки. Блондинка улыбается мне и машет рукой. В коридоре появляется Хардин, но застывает на пороге.

– Саша, это Тесса и Хардин, – любезно представляет нас Кимберли.

– Очень приятно, – улыбаюсь я; эх, жаль, я не надела пижаму покрасивее!

– Я тоже, – отвечает Саша, но смотрит только на Хардина.

Он рассматривает ее секунду, но более никак не приветствует и в комнату не входит.

– Саша – подруга делового партнера Кристиана, – сообщает нам

Кимберли.

Точнее, сообщает мне, потому что Хардин не обращает на них никакого внимания, воткнувшись в передачу о дикой природе, на которой я в конце концов остановилась.

– А это Макс, деловой партнер Кристиана.

Мужчина, который смеялся и обменивался шутками с Кристианом, обошел Сашу, и когда я наконец смотрю на него, то с удивлением обнаруживаю перед собой друга Кена из колледжа, отца той девушки, Лилиан.

– Макс, – повторяю я, осторожно глядя на Хардина и пытаюсь обратить его внимание на знакомое лицо.

Заметив это, Кимберли перевела взгляд с Макса на меня и обратно.

– Вы уже встречались раньше?

– Всего один раз, в Санд-Пойнте, – отвечаю я.

У Макса пугающий взгляд, он обладает подавляющей силой, которая тотчас захватывает пространство, но его жесткие черты немного смягчаются при моем напоминании.

– Ах да... Хардин Скотт, а вы его... приятельница, – говорит он, с улыбкой выделяя последнее слово.

– На самом деле она... – начинает Хардин, наконец-то вошедший в гостиную.

Я с раздражением наблюдаю, как Саша провожает взглядом каждое движение Хардина, пока он идет по комнате. Она поправляет золотые бретельки на платье и облизывает губы. Даже если попытаюсь, я вряд ли смогу найти причину сердиться на себя больше, чем за эти проклятые безразмерные штаны. Глаза Хардина блестят, и я вижу, как он медленно ощупывает взглядом ее тело, скользит по пышным формам. Затем он снова переключает внимание на Макса.

– Она не просто приятельница, – договаривает Хардин, как раз в момент, когда Макс вскидывает руку для быстрого и неловкого рукопожатия.

– Я вижу, – улыбается он. – В любом случае она очаровательная девушка.

– Да, это так, – бормочет Хардин.

Чувствую, как он раздражен присутствием Макса.

Кимберли, как всегда, прекрасная хозяйка, идет к бару и достает бокалы для гостей. Она вежливо спрашивает, кому что налить, а я стараюсь не смотреть, как Саша во второй раз представляется Хардину. Он отрывисто кивает ей и садится на диван. Чувствую острый укол

разочарования, когда он оставляет между нами большое расстояние. Отчего я вдруг стала такой придирой? Из-за того, что Саша такая красивая, или из-за того, как Хардин на нее пялился, или потому что он весь вечер ведет себя странно?

– Как дела у Лилиан? – спрашиваю я, чтобы сгладить неловкость и приглушить напряжение и щемящую ревность.

– Она в порядке. Она в университете, – сухо отвечает Макс.

Кимберли протягивает ему бокал с коричневой жидкостью. Он опустошает его наполовину одним глотком.

– Бурбон? – Он вопросительно вскидывает бровь на Кристиана.

– Только лучшее, – с усмешкой отвечает Кристиан.

– Вы бы как-нибудь позвонили Лилиан. Это бы хорошо повлияло на нее. – Макс переводит взгляд на Хардина.

– Не думаю, что ей нужно какое-то хорошее влияние, – резко возражаю я.

Меня не слишком волнует Лилиан, все из-за ревности. Но я чувствую сильную потребность защитить ее от отца. Не могу не думать, что он имеет в виду ее сексуальную ориентацию, и это меня серьезно беспокоит.

– Ну, позволю себе не согласиться, – улыбается он, обнажив идеально белые зубы.

Откидываюсь на спинку дивана. Вся эта перепалка напрягает. Макс красивый и богатый, но я не могу не замечать тьмы, таящейся в его глубоких карих глазах, и злобы, скрытой за широкой улыбкой.

В конце концов, почему он здесь с Сашей? Он женатый человек, а судя по длине ее платья и по тому, как она ему улыбается, дружбой их отношения не назовешь.

– Лилиан – наша постоянная няня, – звонко говорит Кимберли.

– Мир тесен. – Хардин закатывает глаза, чтобы казаться абсолютно безразличным к происходящему, но я знаю, что он взбешен.

– Да, очень тесен, – усмехается Макс.

Его британский акцент гораздо сильнее, чем у Хардина или Кристиана, но не так приятен уху.

– Тесса, иди наверх, – тихо приказывает Хардин.

Макс и Кимберли оба смотрят на него, и становится понятно, что они слышали его команду.

Сейчас ситуация еще более неловкая, чем была секунду назад. Теперь, когда все слышали, как Хардин велел мне уйти, я точно не хочу подчиняться. Как бы то ни было, я знаю Хардина и знаю, что он заставит меня отправиться наверх, даже если ему придется меня туда нести.

– Мне кажется, она должна остаться и выпить немного вина или рюмку бурбона. Он отлично выдержан и очень хорош, – замечает Кимберли, поднимается и идет к бару. – Что предпочитаешь? – улыбается она, подчеркнуто игнорируя Хардина.

Он злобно смотрит на нее и сжимает губы в тонкую линию. Мне хочется посмеяться над тем, как Кимберли дает Хардину отпор, или уйти из комнаты – предпочтительно вдвоем, но Макс наблюдает за нашей перебранкой с преувеличенным любопытством, и я остаюсь.

– Я выпью бокал вина, – говорю я.

Кимберли кивает, наполняет высокий бокал белым вином и несет его мне.

Кажется, пропасть между мной и Хардином увеличивается с каждой секундой. Я почти вижу, как с него мелкими волнами скатывается ярость. Делаю небольшой глоток живительного вина. Макс наконец отводит от меня взгляд.

Хардин пялится в стену. С момента, как мы поцеловались, его настроение резко изменилось, и это меня серьезно беспокоит. Я думала, он будет воодушевлен, счастлив, и, конечно, надеялась, что он почувствует желание и захочет большего, как всегда хотел, как я хотела.

– Вы оба живете в Сиэтле? – спрашивает Саша Хардина.

Я отпиваю еще вина. Последнее время я много пью.

– Я – нет, – отвечает он, не глядя на нее.

– Хм, а где ты живешь?

– Не в Сиэтле.

Проходил бы этот разговор при каких-либо других обстоятельствах, я бы попеняла ему за грубость, но сейчас меня это только радует. Саша хмурится и прислоняется к Макс. Он смотрит на меня, прежде чем мягко отстранить ее.

Я уже поняла, что у вас роман, так что не надо сейчас разыгрывать скромность.

Саша замолкает, и Кимберли смотрит на Кристиана, чтобы тот помог перевести разговор в более приятное русло.

– Что ж... – откашливается Кристиан. – Открытие клуба прошло прекрасно. Кто бы мог подумать, что будет столько народу.

– Это было блестяще, та группа... Не могу вспомнить название; которые были последними... – начинает Макс.

– Может, «Рэффорд»? – предполагает Кимберли.

– Нет, это не они, любовь моя! – смеется Кристиан, и Кимберли подходит, чтобы сесть ему на колени.

– Ну, как бы они ни назывались, нам нужно пригласить их и на следующий уик-энд, – заявляет Макс.

Спустя несколько минут после начала их делового разговора Хардин встает и исчезает в коридоре...

– Обычно он более вежлив, – замечает Кимберли Саше.

– Вообще-то нет, но другим его мы не знаем, – смеется Кристиан, и остальные подхватывают.

– Я собираюсь... – начинаю я.

– Иди, – кивает мне Кимберли, и я машу гостям и желаю спокойной ночи.

Когда я дохожу до конца коридора, Хардин уже закрыл за собой дверь в комнату для гостей. Мгновение стою в нерешительности, затем поворачиваю ручку и открываю дверь. Когда я наконец вхожу, Хардин ходит взад-вперед по комнате.

– Что-то случилось? – спрашиваю я у него.

– Нет.

– Уверен? Ты ведешь себя странно с тех пор...

– Я в порядке. Просто на взводе.

Он садится на край кровати и трет ладони о джинсы на коленях. Мне нравятся его новые джинсы. Я видела их в нашем – в его – шкафу в квартире. Триш подарила их ему на Рождество, а он их терпеть не может.

– Тогда в чем дело? – тихо спрашиваю я, чтобы мой голос не был слышен в коридоре и в гостиной.

– Макс – придурок! – выкрикивает Хардин.

Он явно не беспокоится, что его могут услышать.

Со смехом шепчу:

– Да, это так.

– Когда он тебе хамил, то просто-напросто хотел, чтобы я начал беситься.

– Он не хамил мне намеренно. Думаю, у него просто такая манера общения.

Я пожимаю плечами, но Хардина это не успокаивает.

– Как бы то ни было, мне он ни хрена не нравится. И меня бесит, что у нас одна ночь вместе, а в доме полно людей. – Хардин откидывает со лба темные волосы, хватая подушку и ложится.

– Понимаю, – соглашаюсь я. Надеюсь, что Макс и его любовница скоро уедут. – Меня злит, что он изменяет жене. Дэнис кажется такой милой.

– Плевать мне на всю эту грязь, правда. Просто мне он не нравится, –

говорит Хардин.

Меня слегка удивляет, как непринужденно он отмахивается от такого предательства.

– Разве тебе не обидно за нее? Хоть немного? Уверена, она даже не догадывается о Саше.

Он взмахивает руками, а потом убирает их за голову.

– Наверняка она в курсе. Макс – козел. Она не может быть такой тупой.

Представляю себе жену Макса: она сидит в особняке где-то в горах, в дорогом платье, с прической и макияжем, и ждет, когда ее неверный муж вернется домой. От такой картины мне становится грустно. Лучшее, на что я могу надеяться, так это на то, что у нее тоже есть «друг».

Удивительно, что мне бы хотелось, чтобы она обошлась с мужем так же, но он сидит здесь. Хотя я едва ее знаю, хочу, чтобы она обрела немного счастья, даже если это не самое лучшее решение.

– В любом случае это неправильно, – настаиваю я.

– Ага, но это и есть замужество. Измены, вранье и прочее, и прочее.

– Так бывает не всегда.

– Девять случаев из десяти. – Он пожимает плечами. Меня выводит из себя то, как негативно он относится к браку.

– Нет, это неправда. – Я складываю руки на груди.

– Ты опять собираешься ругаться со мной по поводу женитьбы? Не думаю, что стоит это делать, – предупреждает Хардин.

Он встречается со мной взглядом и глубоко вздыхает.

Хочу поспорить с ним, доказать, что он ошибается, и заставить его изменить свое мнение о браке, но я знаю, это бессмысленно. У Хардина сложилась такая точка зрения задолго до того, как он встретил меня.

– Ты прав, нам не стоит об этом говорить. Особенно когда ты уже издерган.

– Я не издерган, – с усмешкой говорит он.

– Хорошо. – Я закатываю глаза. Хардин вскакивает на ноги.

– Перестань мне тут глаза закатывать! – набрасывается он на меня.

Не могу не закатить их снова.

– Тесса... – рычит он.

Я стою на месте, без движений и без колебаний. У него нет причин быть со мной грубым. Не моя вина, что Макс – напыщенный ублюдок. Это типичная истерика Хардина Скотта, и в этот раз я не отступлю.

– Ты здесь всего на одну ночь, не забыл? – напоминаю я, и вижу, как с его лица сходит суровость и воинственность.

Он все еще смотрит на меня, ожидая ссоры, но я не собираюсь ругаться.

– Черт возьми, ты права. Прости, – наконец вздыхает он, поражая меня внезапной сменой настроения и способностью успокаиваться. – Иди ко мне.

Хардин раскрывает объятия, как делает всегда, и я иду к нему, как давно не шла. Он ничего не говорит, только обнимает меня и кладет подбородок мне на макушку. Его дыхание выравнивается после небольшой вспышки гнева, его запах заворачивает меня, он горячий, такой горячий. Спустя секунды, а может быть минуты, он отстраняется и берет мой подбородок ладонями.

– Прости, что вел себя как дурак. Сам не знаю, что со мной было. Макс просто вывел меня из себя. Может, дело в сидении с ребенком или в этой паскудной Стэйси. Не знаю, но прости.

– Саше, – с улыбкой поправляю я.

– Без разницы, шлюха – шлюха и есть.

– Хардин!

Я мягко бью его в грудь. Чувствую, что его мышцы крепче, чем я их запомнила. Он тренируется каждый день... Короче говоря, перехожу к рассуждениям, как он выглядит без футболки. Интересно, изменилось ли его тело с того момента, как я видела его в последний раз?

– Просто сказал. – Он пожимает плечами и проводит кончиками пальцев по моим скулам. – Мне правда очень жаль. Я не хочу портить время, которое могу провести с тобой. Простишь меня?

На его щеках появляется румянец, а голос становится таким мягким. Он нежно поглаживает пальцами мою кожу, и мне так хорошо. Он проводит пальцем по линии моих губ, и я жмурюсь.

– Ответь мне, – мягко требует он.

– Всегда прощаю, разве нет? – отвечаю я с придыханием.

Кладу руки ему на бедра и прижимаю ладони к голой коже под футболкой. Я жду, когда почувствую прикосновение его губ к своим, но, открыв глаза, вижу, что он уже выпрямился. Я сомневаюсь, но спрашиваю:

– Что-то не так?

– У меня... – Он запинается на полуслове. – У меня голова болит.

– Тебе дать что-нибудь? Я могу попросить Ким...

– Нет, ее не надо. Думаю, мне просто нужно поспать. В любом случае уже поздно.

От его слов обрывается сердце. Что с ним происходит, почему он не хочет меня поцеловать? Всего секунду назад он говорил, что не хочет

портить немногие часы, что мы можем провести вместе, а теперь он хочет спать?

Я тихо вздыхаю:

– Хорошо.

Я не собираюсь просить Хардина, чтобы он не ложился и побыл со мной. Я в смятении от того, что он отверг меня. По правде говоря, мне надо побыть одной, без его мятного дыхания, щекочущего щеку, и зеленых глаз, затуманивающих остатки благоразумия.

Тем не менее я ненадолго остаюсь; жду, когда он попросит, можно ли ему переночевать в моей комнате, или наоборот, остаться с ним.

Он не просит.

– Увидимся утром? – спрашивает он.

– Да, конечно.

Выхожу из комнаты, чтобы не смущаться еще больше, и запираю дверь в свою спальню. Поддавшись чувствам, я возвращаюсь к двери и отпираю замок, надеясь, что, может быть, только может быть, он в нее войдет.

Глава 93

Хардин

Черт.

Черт. Всю неделю я держал в себе злость, по крайней мере, большую ее часть. Но сдерживаться становится все труднее и труднее: в голову постоянно лезет Зед, и это приводит меня в бешенство. Я знаю, навязчивые мысли сводят меня с ума. Не сомневаюсь, что Тесса разозлится, если я скажу, с чего так завелся. Дело не только в Зеде – еще и в Максе с его насмешками над Тессой, в его шлюхе и в том, как она тарасилась на меня, в Кимберли, которая пререкалась со мной, когда я велел Тессе идти наверх, – все это одна большая нервотрепка, и я теряю над собой контроль. Чувствую, что нервы так напряжены, что вот-вот лопнут, и единственный способ снять напряжение – что-нибудь разбить или уединиться с Тессой, забыть обо всем; но вот засада, я даже этого не могу сделать. Я должен овладеть ей прямо сейчас, потом снова и снова – до тех пор, пока не наступит чертов рассвет. Компенсация за неделю адских мук без ее прикосновений.

Испортить эту ночь – предоставьте это мне. Уверен, она даже не удивилась. Вот уж что у меня всегда получается.

Ложусь на кровать и смотрю то на потолок, то на часы. В конце концов, уже два часа ночи. Назойливые голоса, доносившиеся из гостиной, замолкли час назад, и я был рад сначала услышать их подбострастные прощания, а потом шаги Вэнса и Ким вверх по лестнице.

Даже через коридор чувствую дьявольское притяжение к Тессе, оно зовет остаться с ней. Не обращая на него внимания, встаю и переодеваюсь в черные шорты, которые Тесса сложила и оставила на комод. Я знаю, что где-то в этом огромном доме Вэнс обустроил тренажерный зал. Нужно его найти, пока остатки моего разума не сгинули к чертям.

Глава 94

Тесса

Я не могу заснуть. Пытаюсь закрыть глаза, отрезать себя от мира, оставить хаос и напряжение из-за путаницы в любовных отношениях, но не могу. Это невозможно. Невозможно противостоять силе притяжения, которая тянет меня в комнату Хардина, умоляет быть с ним рядом. Он отдаляется, и я должна знать почему. Я должна знать, связано ли его поведение с чем-то, что я сделала, или наоборот, не сделала. Я должна знать, имеет ли это отношение к Саше и ее короткому золотому платью или Хардин теряет ко мне интерес.

Я должна знать.

Я неуверенно поднимаюсь с постели и, потянув за короткий шнур, включаю лампу. Стягиваю с запястья тонкую резинку, собираю волосы руками и закалываю их в хвост. Как можно тише я на цыпочках крадусь по коридору и медленно поворачиваю ручку двери в комнату для гостей. Она открывается с негромким скрипом, и я с удивлением вижу, что лампа включена, а кровать пуста. Черные простыни и скомканное одеяло сбились на край кровати, но Хардина в комнате нет.

У меня сердце обрывается от мысли, что он уехал из Сиэтла и вернулся домой, к себе домой. Я знаю, между нами сейчас возникли сложности, но нам следует поговорить обо всем; что бы ни произошло, это тяготит Хардина. Осмотрев комнату, я с облегчением вижу, что его сумка все еще на полу. Стопка чистой, сложенной одежды опрокинута, но она, по крайней мере, все еще здесь.

Мне понравились изменения, которые произошли с Хардином спустя всего несколько часов с момента приезда. Он стал ласковым, спокойным, он даже извинился передо мной сам, мне не пришлось вытягивать из него слова. Несмотря на то что сейчас он холоден и далек, я не могу не замечать перемен, которые, похоже, произошли с ним из-за недельной разлуки. Расстояние между нами положительно повлияло на него.

Я тихо ступаю по коридору в поисках Хардина. В доме темно, только маленькие ночные светильники вдоль пола освещают коридор. Ванная комната, гостиная, кухня пусты. Ни единого звука не доносится с лестницы. Должно быть, он наверху. Хотя, может быть, он в библиотеке?

Я держу пальцы скрещенными, чтобы не разбудить никого своими поисками. Как только закрываю дверь в темную и пустую библиотеку, я вижу тонкую полоску света, пробивающуюся из-под двери в конце длинного коридора. За все время моего недолгого пребывания здесь я ни разу не была в этой части дома. Хотя, мне кажется, Кимберли смутно упоминала, что там расположены домашний кинотеатр и тренажерный зал. Кристиан, несомненно, часами занимается на тренажерах.

Дверь не заперта, и я открываю ее легким толчком. На секунду меня охватывает беспокойство, так как в голову приходит мысль, что в зале не Хардин, а Кристиан. Будет ужасно неловко, и я молюсь, чтобы так не оказалось.

Все четыре стены от пола до потолка закрыты зеркалами. Вдоль них стоят огромные пугающие механизмы. Узнаваема только беговая дорожка. Гири и штанги закрывают дальнюю стену, почти весь пол застелен матами. Мой взгляд скользит по зеркальным стенам, внутренности расслабляются, когда я вижу его. Хардин, точнее, четыре Хардина в отражениях. Он без футболки, его движения агрессивно быстрые. На руках у него те же черные повязки, которые я видела у Кристиана каждый день на этой неделе.

Хардин стоит ко мне спиной. Его жесткие мышцы вздымаются под бледной кожей, когда он поднимает ногу, чтобы ударить большую черную грушу, свисающую с потолка. Следующий удар он наносит кулаком, раздается глухой стук; затем следующий удар другой рукой. Я наблюдаю за тем, как он бьет по груше руками и ногами. Он выглядит таким злым, разгоряченным, потным. Мне едва удастся собраться с мыслями, пока я смотрю на него.

Стремительным движением он бьет с левой ноги, затем с правой, потом врывается в грушу кулаками с такой силой, что невозможно смотреть. Его кожа блестит, покрытая потом, грудь и живот выглядят не так, как раньше, а более рельефными. Он выглядит просто... внушительнее. Кажется, что металлическая цепь, крепящаяся к потолку, вот-вот оборвется под ожесточенным натиском Хардина. Пока я смотрю на него и слушаю яростные стоны, которые вырываются из его горла, когда он начинает бить по груше только кулаками, у меня пересыхает горло и начинают путаться мысли.

Не знаю, виной ли тому тихий стон, который сорвался с моих губ от его вида, или Хардин как-то почувствовал мое присутствие, но он внезапно останавливается. Груша раскачивается на цепи, и, не сводя с меня глаз, он протягивает руку, чтобы придержать ее.

Я не хочу начинать разговор первой, но он не оставляет мне выбора,

продолжая смотреть на меня широко открытыми злыми глазами.

– Привет, – говорю я. Голос хриплый и едва слышен.

Его грудь часто вздымается.

– Привет, – отвечает он, тяжело дыша.

– Что э-э-э... – Я пытаюсь собраться. – Что делаешь?

– Не мог уснуть, – тяжело вздыхает он. – А что *ты* делаешь?

Он поднимает с пола свою черную футболку и вытирает лицо. У меня перехватывает дыхание. Я не могу найти сил отвести взгляд от его тела, покрытого потом.

– Ну, то же, что и ты. Не могла уснуть. – Я слабо улыбаюсь. Мои глаза блестят при виде его мускулистой груди. Мышцы перекачиваются с каждым вдохом.

Он кивает, не глядя мне в глаза, и я не могу не спросить:

– Я сделала что-то не так? Если да, то мы могли бы просто поговорить об этом и со всем разобраться.

– Нет, ты ничего не сделала.

– Тогда скажи мне, что случилось, прошу, Хардин. Мне нужно знать, что происходит. – Я собираю всю свою решительность. – Ты не... неважно. – Капля решимости, которая у меня была, испаряется под его взглядом.

– Что «я не»? – Он садится на длинную черную скамейку, которая, как мне кажется, нужна для занятий со штангой. Снова протерев лицо футболкой, он оборачивает ее вокруг головы, убирая влажные взъерошенные волосы.

Импровизированная повязка на голову смотрится неожиданно мило и так привлекательно, что мне с трудом удастся подобрать слова:

– Я просто начала сомневаться, что, возможно, ты... Что, наверное, тебя... Что тебя уже не так влечет ко мне, как раньше.

В голове эта фраза звучала куда лучше, а произнесенная вслух – жалобно и убого.

– Что? – Он роняет руки на колени. – Ты о чем говоришь?

– Ты еще хочешь меня... физически? – спрашиваю я.

Если бы он не отверг меня ночью чуть раньше, я бы не чувствовала себя такой униженной или неуверенной. И если бы эта мисс Длинные-Ноги-Короткое-Платье не вертелась перед ним прямо на моих глазах. Не говоря уже о том, как он смотрел на нее, медленно ощупывая взглядом ее тело.

– Что? С чего ты взяла, что нет? – Его грудь поднимается и опускается, прямо под ключицами пропечатываются тени, колеблющиеся с каждым

вдохом.

– Ну... – Я делаю несколько шагов вперед, не забывая оставить небольшое расстояние между собой и Хардином. – Сначала... когда мы целовались... ты остановился, и с тех пор не прикасаешься ко мне, а затем ты просто встал и пошел спать.

– Ты в самом деле думаешь, что больше не привлекаешь меня? – Он открывает рот, чтобы продолжить, но закрывает его и сидит молча.

– Мне приходило это в голову, – признаюсь я.

Маты на полу вдруг стали такими интересными, что я не могу от них глаз оторвать.

– Что за глупость, – начинает Хардин. – Посмотри на меня. – Наши взгляды встречаются, он глубоко вздыхает, прежде чем продолжить. – Я никак не могу понять, почему тебе вообще пришла в голову мысль, что меня больше не влечет к тебе, Тесса. – Кажется, он размышляет над ответом и добавляет: – Хорошо, думаю, я могу догадаться, что ты подумала так из-за того, как я вел себя раньше, но это не так. Грубо говоря, это очень далеко от правды.

Боль в груди начинает понемногу отпускать.

– Тогда в чем дело?

– Ты думаешь, что я чертов псих.

О нет!

– Почему? Скажи мне, прошу! – умоляю я, наблюдая, как он рассеянно трет пальцами щетину на подбородке. Она совсем короткая, возможно, не брился всего один день.

– Ты только выслушай меня перед тем, как разозлиться, хорошо?

Я медленно киваю. Жест полностью противоположен параноидальным мыслям, которые начинают появляться в моей голове.

– Мне приснился сон. Ну, вообще-то кошмар...

У меня сжимается в груди, и я молюсь, чтобы все было не так плохо, как он представляет. С одной стороны, я чувствую облегчение оттого, что он расстроен ночным кошмаром, а не серьезным происшествием, с другой стороны, я переживаю за него. Всю неделю он был один, и больно знать, что его кошмары вернулись.

– Продолжай. – Я мягко подбадриваю его.

– О тебе... и Зеде.

О господи.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Он был в нашей – моей – квартире. Я пришел домой и увидел, как ты обхватила его ногами. Ты стонала его имя и...

– Хорошо, хорошо, я поняла, – тараторю я и поднимаю руку, чтобы остановить его.

Боль в его лице вынуждает меня держать руку поднятой несколько секунд, чтобы Хардин прекратил. Но он произносит:

– Нет, позволь мне рассказать.

Мне ужасно неуютно слушать рассказ Хардина, как мы с Зедом переспали. Но если он чувствует, что ему надо выговориться, если разговор со мной поможет ему разобраться с этим, я прикушу язык и буду слушать.

– Он был сверху, трахал тебя в нашей постели. Ты сказала, что любишь его, – морщится он.

Все напряжение, странность и неестественность в поведении Хардина с того момента, как он приехал в Сиэтл, вызваны сном, который он видел обо мне и Зеде? По крайней мере, этим можно объяснить его полуночное требование, чтобы я позвонила Зеду и забрала назад приглашение навестить меня в Сиэтле.

Смотрю на зеленоглазого парня с печальным лицом – и разочарование и паранойя последних часов растворяются, словно сахар на языке.

Глава 95

Хардин

Когда мое имя на выдохе срывается с ее губ, оно звучит так мягко, словно она ласкает его языком. Как будто одним словом она выразила все, что чувствует ко мне, к моим прикосновениям. Сколько раз она доказывала, что любит, хотя часть меня все еще не может в это поверить.

Тесса подходит ближе, и я вижу в ее глазах сочувствие.

– Почему ты не рассказал мне раньше? – спрашивает она.

Смотрю в пол, теребя широкую полоску, обмотанную вокруг костяшек пальцев.

– Это же был просто сон. Ты же знаешь, ничего подобного никогда не произойдет, – говорит она.

Когда я поднимаю на нее взгляд, жжение в груди и глазах становится невыносимым.

– Это застряло у меня в голове, я не могу остановиться, постоянно прокручиваю. Этот козел все время дразнил меня, ухмылялся, пока тебя трахал.

Тесса вскидывает маленькие ладошки, чтобы закрыть уши, и недовольно морщит нос. Затем она смотрит на меня и медленно опускает руки.

– Как ты думаешь, почему тебе это приснилось?

– Не знаю. Может быть, из-за того, что ты разрешила ему навестить тебя здесь.

– Я не знала, что еще ему сказать, и мы были... ну и сейчас мы в странном положении, – бормочет она.

– Я не хочу, чтобы он к тебе приближался. Я знаю, что облажался, но мне не насрать. Честно говоря, Зед мой соперник и всегда им будет. Никакой кикбоксинг этого не изменит. Странное положение или нет, ты только моя. Не только в сексе, а полностью. Меня бесят любые отношения между тобой и этим парнем.

– Он не подходил ко мне с тех пор, как отвез к матери... той ночью, – напоминает она.

Но страх, сжигающий меня изнутри, никуда не девается. Я опускаю глаза и глубоко дышу, пытаюсь немного успокоиться.

– Но, – она подходит ближе на шаг, хотя все еще остается недосыгаемой, – если это поможет тебе не думать об этом, я скажу ему, чтобы не приезжал.

Я вскидываю глаза на ее прекрасное лицо.

– Ты скажешь? – Я ожидал от нее большего сопротивления.

– Да, я скажу. Я не хочу, чтобы тебя это тяготило.

Она робко смотрит на мою грудь, а потом – снова на лицо.

– Иди ко мне.

Я поднимаю перевязанную руку и маню ее. Она слишком медленно шевелит ногами, и я наклоняюсь, хватаю ее за локоть, чтобы быстрее привлечь ее к себе.

Мое дыхание все еще восстанавливается. Адреналин наполняет кровь. Я спустил пар на этой проклятой груше, но руки и ноги болят. Я еще не выпустил всю злость. Что-то внутри меня, в глубинах подсознания, мучает меня, не позволяет избавиться от неприязни к Зеду.

Это длится, пока я не ощущаю прикосновение ее губ к своим. Она удивляет меня, проникнув языком в мой рот. Маленькие ладони с трудом стягивают скрученную футболку, бросают на пол и забираются во влажные от пота волосы.

– Тесса...

Я нежно толкаю ее в грудь и отстраняюсь. Сажусь на скамейку и вижу ее сузившиеся глаза.

Она молча становится передо мной.

– Я не стану мириться с тем, что ты отвергаешь меня из-за снов, Хардин. Не хочешь меня – прекрасно. Но это все чушь собачья, – цедит она сквозь зубы.

Как и ожидалось, ее злость что-то пробуждает во мне, заставляет кровь прилить к члену. Я хотел эту женщину с тех пор, как последний раз был с ней, а теперь она здесь, вождедеющая и разочарованная тем, что я не дал ей того, чего она хочет.

Телефонных разговоров никогда не будет достаточно, мне нужно больше.

Внутри меня идет война. Огнем разливается дьявольская энергия. Наконец я произношу:

– Я не могу с этим справиться, Тесса. Я знаю, все это бессмысленно...

– Тогда трахни меня, – говорит она, и я открываю рот. – Тебе просто нужно трахать меня до тех пор, пока не забудешь свой сон. Потому что ты здесь всего на одну ночь, а я скучала по тебе. Но ты так заиклился, воображая меня с Зедом, что не можешь уделить мне того внимания,

которое мне нужно.

– Так ты внимания захотела?

Не могу сдержатъ резкости, когда слышу ее нелепые и лживые слова. Она понятия не имеет, сколько раз я дрочил, представляя ее, воображая ее голос, говорящий, как сильно она нуждается во мне, как сильно любит.

– Да, Хардин. Это. То. Что. Я. Хочу.

– И что конкретно тебе нужно? – спрашиваю я.

Ее тяжелый взгляд несколько нервирует.

– Я хочу, чтобы ты был со мной без заморочек о Зеде. Я хочу, чтобы ты прикасался ко мне, целовал меня и не отталкивал. Вот что мне нужно, Хардин. – Она хмурится и упирает руки в бедра. – Я хочу, чтобы ко мне прикасался ты, только ты, – добавляет она, слегка смягчаясь.

Ее слова, вкрадчивые и убедительные, начинают вытеснять бредовые идеи из моего сознания. Я начинаю осознавать, насколько глупое это на самом деле испытание. Она моя, а не его. Он сидит где-то в одиночестве, а я здесь рядом с ней, и она хочет меня. Не свожу глаз с ее надутых губ, сердитого взгляда, мягких очертаний груди под тонкой белой футболкой. Футболка, которая должна быть моей, но не моя. Еще одно последствие моего упрямства.

Тесса преодолевает разделяющее нас расстояние. Моя немного застенчивая, но все же весьма развратная девчонка смотрит на меня в ожидании ответной реакции на прикосновение. Она опрокидывает меня так, чтобы сесть мне на колени.

К черту все. Насрать на тупые сны и на дебильные правила о расстоянии. Все, чего я хочу, – я и она, она и я: Тесса и говнюк Хардин.

Ее губы движутся к моей шее. Я сжимаю ее бедра. Неважно, сколько раз за неделю я это представлял. Никакое воображение не способно сравниться с ее язычком, скользящим по моей влажной ключице к нужной точке под ухом.

– Закрой дверь, – командую я, когда она покусывает мою кожу и трется об меня бедрами.

Мне чертовски трудно справиться с ее нелепыми широкими штанами, а я хочу ее прямо сейчас.

Не обращаю внимания на болезненную пульсацию между ног, когда она слезает с меня и спешит к двери, чтобы сделать то, что я сказал. Когда она возвращается, я не теряю ни секунды. Штаны летят вниз, черные трусики отправляются следом, ворохом оседая вокруг ее лодыжек.

– Это была пытка – всю неделю думать, как ты выглядишь, когда на тебе нет одежды. – Издаю стон; упиваюсь каждым чертовым изгибом ее

полуголового тела. – Как ты прекрасна, – с благоговением произношу я.

Когда она через голову снимает футболку, не могу не наклониться и не поцеловать бедро. По ее телу бежит медленная дрожь, она тянется за спину, чтобы расстегнуть лифчик.

Охренеть. Мы столько раз занимались любовью, но я не могу припомнить такой страсти. Даже когда она будила меня тем, что брала мой член в рот, я не чувствовал такого дикого возбуждения.

Тянусь к ней, лаская один сосок губами и массируя второй. Она обхватывает меня за плечи, чтобы меньше двигаться, пока я целую ее нежную кожу.

– Боже, – стонет она. Ее ногти впиваются мне в плечи, я сильнее припадаю к ней губами. – Еще, пожалуйста.

Она помогает, мягко прижимая мою голову к себе, поэтому я пускаю в ход зубы, чтобы подразнить ее. Кончиками пальцев пробегаю по обоим соскам, медленно и сладострастно. Она меня так манит!

Ее бедра движутся вперед, и я соскальзываю вниз, так, чтобы прижаться губами к самой чувствительной зоне у нее между ног. Тихим стоном Тесса подбадривает меня. Я обхватываю ее губами, посасываю и наслаждаюсь влажностью, скопившейся там, такой теплой и чертовски сладкой.

– Твои пальцы тебя не очень-то удовлетворяли, ведь так? – отрываюсь я от нее, чтобы спросить.

Она делает глубокий вдох. Ее серо-голубые глаза следят за тем, как я провожу языком по лобку.

– Не дразни меня, – жалобно стонет она, снова притягивая меня за волосы.

– Ты ласкала себя на этой неделе, после нашей болтовни по телефону? – поддразниваю я ее.

Она извивается и кричит, когда мой язык касается того места, которое она хотела.

– Нет.

– Врешь, – уверенно говорю я.

То, что она лжет, видно по румянцу, разливающемуся по ее шее и щекам, и по тому, как она отводит взгляд к зеркальной стене. Она имела себя после наших разговоров по телефону. Мысли о ней, лежащей там, широко раздвинув ноги, ласкающей себя пальцами так, как я ее научил, заставляют меня стонать при каждом прикосновении к ее разгоряченной коже.

– Только один раз, – снова обманывает она.

– Обманывать нехорошо. – Я полностью отстраняюсь от нее.

– Ладно, трижды, – признается Тесса, в ее голосе явно слышится смущение.

– И о чем ты тогда думала? Что заставило тебя кончить? – спрашиваю я усмехаясь.

– Ты, только ты. – Ее глаза полны надежды и мольбы.

Ее признание меня волнует, и я хочу сделать ей так приятно, как никогда раньше. Я знаю, одним языком я могу заставить ее кончить меньше чем за минуту, но я так не хочу. Еще раз поцеловав ее между ног, я поднимаюсь выше. Тесса полностью обнажена, а зеркала... Твою мать, зеркала вокруг меня отражают ее совершенное тело, в десятки раз умножая соблазнительные изгибы, окружают меня ее гладкой кожей. Одной рукой я стягиваю шорты и трусы до щиколоток и начинаю теревить повязки, обмотанные вокруг пальцев, но Тесс вскидывает руку, чтобы остановить меня.

– Нет, оставь их, – требует она, ее глаза блестят от всепоглощающего желания.

Значит, ей нравятся повязки, или, может, ей нравится наблюдать за тем, как я тренируюсь, или зеркала...

Делаю, что она говорит, затем прижимаюсь к ней. Мои губы ищут ее рот, а потом я увлекаю ее за собой на пол, застеленный матами.

Она пробегает руками по моей голой груди. Ее глаза темнеют до дымчато-серого.

– Твое тело стало другим.

– Всю неделю я только тренировался.

Я переворачиваю ее, так что она оказывается подо мной.

– Но могу сказать...

Она так медленно проводит языком по полным губам, что я без колебания прижимаюсь к ней, чтобы она поняла, насколько я чертовски тверд. Она такая скользкая и влажная. Одно небольшое движение – и я вхожу в нее.

И тут – словно удар:

– У меня нет этих долбанных презервативов. – Я с проклятиями роняю голову ей на плечо.

Она издает разочарованный стон, но впивается в меня ногтями, привлекая ближе к себе.

– Я хочу тебя, – стонет она, проводя языком по моим губам.

Я погружаюсь в теплую влажную плоть, постепенно заполняя ее.

– Но...

Хочу напомнить ей о риске, но она закрывает глаза. Меня переполняют чувства: выгибаю бедра, чтобы войти в нее глубже, так глубоко, как только могу.

– Черт. Мне тебя не хватало! – выдыхаю я со стоном.

Я не могу оправиться от того, насколько она теплая и влажная, когда нас не разделяет презерватив. Весь мой здравый смысл испарился; все предупреждения, о которых я говорил ей и себе, исчезают. Мне нужно только несколько секунд, еще несколько движений в ее жаждущем теле – и я останавлиюсь.

Поднимаюсь на руках, опираюсь на них, как на рычаги. Я хочу видеть ее, как я вхожу и выхожу из нее. Она отрывает голову от пола, и она смотрит туда, где соединяются наши разгоряченные тела.

– Смотри в зеркало, – прошу я.

Я останавлиюсь через три... хорошо, четыре движения. Не могу не продолжить, когда она поворачивает голову, чтобы посмотреть на нас в зеркальную стену. Ее тело выглядит таким нежным, совершенным и чертовски чистым по сравнению с моим, покрытым черными пятнами татуировок. Мы олицетворяем абсолютную страсть, ангел и демон. Я еще никогда не был так дьявольски влюблен в нее.

– Я знаю, что тебе нравится смотреть, даже когда ты сама себя ласкаешь. Твою мать, я знаю.

Она нажимает пальцами мне на поясницу, привлекая меня ближе, глубже. Черт, я должен остановиться. Я чувствую давление, нарастающее от нижней части спины к паху, когда ощущаю ее судороги. Я должен остановиться...

Медленно выхожу из нее, позволяя нам обоим насладиться этим моментом. Она было ноет, но быстро останавливается, когда я легко проникаю в нее пальцами.

– Сейчас я сделаю так, чтобы ты кончила, а потом отнесу тебя в постель, – обещаю я, и она потрясенно улыбается, а затем вновь поворачивается к зеркалу, чтобы смотреть на меня. – Скорее, детка, ты всех перебудуешь, – шепчу я ей.

Мне нравятся ее крики, нравится, как она со стоном выдыхает мое имя, но последнее, что мне нужно, чтобы эти недоумки Вэнсы ломились в дверь.

Через секунду я чувствую, как она начинает обхватывать мои пальцы. Я потираю и посасываю эрогенную зону над влагалищем. Она оттягивает меня за волосы, чтобы видеть, как я вхожу в нее пальцами. Она кончает, хватая ртом воздух, и, тяжело дыша, повторяет мое имя.

Глава 96

Тесса

Губы Хардина оставляют влажный след на моем животе, на груди – и, наконец, он мягко целует меня в висок. Лежу рядом с ним на полу, пытаюсь отдышаться и оживить в памяти события, приведшие к этому моменту. Я твердо собиралась серьезно поговорить с ним о его – нет, о нашем – недостатке общения, но, глядя, как яростно он лупит по боксерской груше, не смогла выдавить из себя ни слова, лишь с минуту бормотала его имя.

Приподнимаюсь на локте и смотрю на него сверху.

– Я хочу ответить взаимностью.

– Позволь тебя угостить, – улыбается он. Губы его мокры.

Быстрым движением, так, что он не успевает и вздохнуть, беру его член в рот.

– Блиин, – выдыхает он.

Чувственные стоны побуждают меня открыть рот еще шире, и он проскальзывает вдоль языка. Хардин отрывает бедра от пола и прижимается к моим губам.

– Тесса, пожалуйста, – умоляет он.

Чувствую собственный вкус и почти не замечаю, как он стонет мое имя.

– Я не... черт. Меня надолго не хватит, – задыхается он, и я ускоряюсь.

Очень скоро он тянет меня за волосы и отводит мою голову назад.

– Я собираюсь кончить тебе в рот, затем отнесу тебя в постель и трахну еще разок.

Он проводит пальцем мне по губам, и я игриво покусываю его. Он откидывает голову и за волосы притягивает меня к себе.

Я чувствую, как дергается его член, как напрягаются ноги, стоит только приблизиться.

– Черт, Тесса... как же хорошо, детка, – стонет он, и я ощущаю тепло, заполняющее рот.

Я высасываю все до капли, глотаю все, что он дает. Встаю и вытираю губы ладонью.

– Одевайся, – командует он, бросая мне лифчик.

Пока мы спешно одеваемся, я снова и снова ловлю на себе его взгляд.

Не то чтобы меня это удивляло... Я тоже не перестаю пялиться на него.

– Готова? – спрашивает он.

Я киваю. Хардин выключает свет, закрывает за нами дверь, как будто в комнате ничего не произошло, и ведет меня по коридору. Мы идем в приятном молчании, совсем не таком напряженном, которое висело между нами ранее. Доходим до моей спальни, и он мягко останавливает меня за локоть.

– Я должен был рассказать тебе о кошмаре вместо того, чтобы отдаляться от тебя, – говорит он.

Тусклые ночники вдоль пола дают ровно столько света, сколько нужно, чтобы я видела его честное лицо и глаза, наполненные нежностью.

– Просто нам обоим нужно научиться общаться.

– Ты понимаешь гораздо больше, чем я. Я этого не заслуживаю, – шепчет он и поднимает мою руку к лицу.

Он целует мне пальцы, и у меня едва не подкашиваются колени от этого трогательного жеста.

Хардин открывает дверь и, взяв меня за руку, ведет к кровати.

Глава 97

Тесса

Руки Хардина по-прежнему обмотаны грубой черной лентой, но когда он обнимает меня, чувствую его нежность.

– Надеюсь, я тебя еще не уморил, – улыбается он, проводя перевязанными костяшками по моей щеке.

– Нет.

Большую часть переполнявшего меня напряжения он снял пальцами. Но, как бы то ни было, болезненная жажда его тела все еще со мной. Она всегда со мной.

– Это отлично, правда? Я имею виду, что ты хотела пространства... а это не совсем то, что можно назвать пространством. – Мы неуверенно топчемся возле кровати, а он меня обнимает.

– Нам все еще нужно пространство, но прямо сейчас я хочу этого, – объясняю я.

Уверена, для Хардина это бессмыслица. По правде говоря, это бессмыслица и для меня самой, особенно сейчас, когда он прямо здесь покоряет меня своим присутствием.

– Я тоже, – выдыхает он и опускает голову к моей шее. – Это поможет нам обоим... стать ближе, – шепчет он, крепче сжимая меня в объятиях.

Хардин подводит нас к кровати, одновременно мягко прикасаясь губами к моей горячей коже. Я чувствую бедрами, как его плоть увеличивается и твердеет. Он готов войти в меня снова. Я тоже готова.

– Я чертовски соскучился по тебе... соскучился по твоему телу, – сдавленно шепчет он.

Его руки двигаются под моей футболкой, и он стягивает ее через голову. Мой хвост цепляется за вырез, но Хардин осторожно распускает волосы, протянув руки мне за голову, чтобы выпутать резинку и дать волосам рассыпаться по подушке. Он нежно целует меня в лоб. С момента, как он взял меня в тренажерном зале, его настроение изменилось. Там он был груб, сексуален и напорист, но сейчас он стал моим Хардином, ласковым и нежным мужчиной, скрывающимся за жесткой оболочкой.

– У тебя сердце бьется. – Его губы застывают рядом с моими; он прижимает палец к жилке у меня на шее и вздыхает. – С сумасшедшей

скоростью, когда я трогаю тебя, особенно здесь.

Свободной рукой он скользит вниз по моему животу и забирается в штаны.

– Ты всегда так ждешь меня, – хрипит он, двигая средним пальцем вверх-вниз.

Я чувствую, как кожа горит огнем, но это ровное пламя от нежного прикосновения, а не взрыв. Хардин убирает руку и поднимает палец к губам.

– Такая сладкая, – говорит он, медленно облизывая палец.

Он точно знает, что со мной делать. Он знает, как сильно его скабрзные словечки на меня влияют, как сильно заставляют хотеть его. Он знает и делает все чертовски правильно, чтобы заставить меня сгорать изнутри от желания.

Глава 98

Хардин

Я точно знаю, что с ней делать. Я знаю, как ей нравится мой грязный язык, и когда я смотрю на нее, она даже не пытается это скрыть.

– Ты же такая хорошая девочка, – говорю я с томной улыбкой, заставляя ее стонать только от прикосновения к пылающей коже.

– Скажи мне, чего ты хочешь? – шепчу я ей на ухо.

Я слышу неровное сердцебиение. Я свожу ее с ума, и мне это чертовски нравится.

– Тебя, – глухо и отчаянно говорит она.

– Я хочу, чтобы это было медленно. Я хочу, чтобы ты расплатилась за каждое мгновение, которое провела без меня.

Дергаю ее за пижаму и взглядом посылаю приказ. Без лишних слов она кивает и снимает ее. Затем я поддеваю большим пальцем ее тонкие трусики и оттягиваю их.

Ее глаза темны и широко распахнуты, губы красные и опухшие. Она оплетает тонкими руками мои плечи, вцепившись в меня пальцами.

– Возьми презерватив, – напоминает она.

Твою мать, они лежат через коридор в комнате, в которой я определенно никак не мог остаться, потому что Тесса – всего в паре метров. Однако весьма любопытно, что презервативы появились в тумбочке как раз к моему приезду.

– Ты возьми презерватив, – шутливо упираюсь я, прекрасно зная, что у меня нет ни единого шанса отправить ее блуждать по коридору полуголой.

Нежно завожу руки ей за спину и расстегиваю застежку лифчика, затем стягиваю черные бретельки и отправляю белье за спину на пол.

– Презерв... – пытается напомнить она.

Но ее голос обрывается резким вздохом, так как я начал сосать только что обнажившиеся соски. Она так чувствительна к моим прикосновениям, и я хочу насладиться каждой секундой, проведенной с ней.

– Тсс... – Я заставляю ее замолчать, покусывая нежную кожу.

Но через секунду поднимаюсь на ноги. Я не трачу время на одевание. В конце концов, я в трусах, и даже если бы их на мне не было, уверен, я не стал бы сейчас тратить время на одежду.

Возвращаюсь с четырьмя презервативами в руках. Несколько амбициозно, но я чрезмерно возбужден, а учитывая, как ведет себя Тесс, нам может понадобиться весь запас.

– Я по тебе скучала, – ласково мурлычет Тесс и застенчиво улыбается, и тут же ее глаза наполняются муками стыда: она понимает, что сказала это вслух.

– А я – по тебе, – отвечаю я, что звучит так слащаво, как я и ожидал.

Без долгих разговоров иду к кровати. Она сидит с обнаженной грудью, прислонившись спиной к изголовью и слегка согнув ноги в коленях. Она полностью нагая, только на бедра наброшены кремовые атласные простыни, гармонирующие с ее сливочной кожей.

Я должен выглядеть так, словно могу себя контролировать. Я должен сдерживать себя от того, чтобы попросту не броситься на кровать, сорвать с нее простыни и взять то, что принадлежит мне. Я хочу, чтобы сегодняшняя ночь... хорошо... утро прошло гладко, и не собираюсь спешить.

Улыбаясь, разглядываю девушку на кровати. Она тоже смотрит на меня, ее взгляд ласков и приветлив, а по щекам разлит яркий румянец.

Присоединяюсь. Ее руки тянутся прямо к резинке моих трусов и с нетерпением срывают их. Ногой она стягивает их до конца, берет мой член рукой и слегка сжимает.

– О боже! – выдыхаю я.

На мгновение в сознании не остается ничего, кроме ее прикосновения. Она начинает медленно работать рукой, тонкое запястье слегка сгибается, когда она движет им вверх-вниз, и мне чертовски нравится то, что она точно знает, как нужно это делать. Она ложится, поддерживая ровный ритм рукой. Я даю ей презерватив, молча указывая, что делать дальше.

Закусив губу, она быстро его надевает. Пока он разворачивается, я мысленно проклинаю себя и ее за то, что никогда не смогу завершить начатое из-за личных соображений о контроле рождаемости. Ощущение от прикосновения кожей к ее коже божественно, и теперь, когда я познал его, мне нужно больше и больше.

Она быстро забирается на меня сверху, садится на бедра. Дух захватывает, когда мой член проникает в нее.

– Подожди, – останавливаю я, нежно обхватываю руками ее бедра и укладываю обратно на постель рядом с собой.

В ее прекрасных глазах мелькает замешательство.

– Что не так?

– Ничего... Я просто хочу целовать тебя немного дольше, чем в первый раз, – объясняю я, кладу пальцы ей на затылок и пригибаю ее

голову к себе.

Я целую ее, склоняясь сверху и заставляя себя не торопиться. Прижав ее к себе, я на мгновение осознаю, что после всего, что я совершил, она все еще со мной, черт побери, она всегда рядом. Проклятье, пора бы мне уже стать достойным этого! Опираясь всем телом на одну руку, ложусь на нее и раздвигаю ей ноги коленом.

– Я люблю тебя... так сильно. Ты уже знаешь об этом, да? – спрашиваю я, касаясь языком ее губ.

Она кивает, но на ужасный миг в памяти всплывает лицо Зеда. Его признание в любви к Тессе и ее благодарное согласие. «Я тоже люблю тебя», – стонала она во сне. По телу медленно раскатывается дрожь, и я замираю.

Заметив мою нерешительность, она зарывается пальцами в мои непослушные волосы и завладевает моими губами.

– Вернись ко мне, – молит она.

Вот и все, что мне нужно.

Все исчезает, кроме нежности ее тела подо мной и влажности у нее между ног. Вхожу в нее. Такие яркие ощущения. Неважно, сколько раз я уже это делал, мне никогда не будет достаточно.

– Я люблю тебя, – повторяет она.

Одной рукой обхватываю ее сзади, чтобы наши тела прижались друг к другу так тесно, как это возможно. Облизываю сухие губы и снова прижимаю головой к ее шее, шепча ей на ухо всякие пошлости и целую ее всякий раз, когда она стонет мое имя.

Я чувствую нарастающее возбуждение, поднимающееся откуда-то снизу. Оно выжигает каждый позвонок. Тесса впивается ногтями мне в лопатки, как будто пытается найти слова, написанные на моей коже. Эти слова – для нее, только для нее.

«С этого дня я желаю быть с тобой всегда», – написано там. И я собираюсь сделать все, что я должен, чтобы сдержать обещание.

Приподнимаюсь, чтобы взглянуть на нее. Одной рукой продолжаю поддерживать ее за спину, другая перемещается по телу, по обеим грудям и замирает чуть ниже шеи.

– Скажи, что ты чувствуешь, – хрипло прошу я.

Я едва сдерживаю удовольствие, которое рвется из меня. Я хочу сохранить его для нас обоих, продлить его. Я хочу сделать такие промежутки, которые мы сможем заполнить вдвоем.

Мои движения ускоряются, она опускает одну руку и сминает простыню в кулаке. Каждое движение моих бедер, каждый страстный

толчок в ее ждущее тело усиливает власть, которую она имеет надо мной, окончательно утверждает ее.

– Так хорошо, Хардин... так хорошо! – Ее голос томный и хриплый.

Проглатываю ее стоны, словно жадный ублюдок. Чувствую, что ее тело напрягается, и больше не могу ждать. Тихо вскрикнув ее имя, я толчком опустошаюсь в презерватив и, едва дыша, падаю рядом с ней.

Я тянусь к ней и прижимаю к себе. Открыв глаза, я вижу, что ее кожа мокра, глаза широко открыты и смотрят на вентилятор под потолком.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Конечно, в самом конце я был немного груб, но я же знаю, как она это любит.

– Да, конечно.

Она склоняется ко мне, чтобы оставить поцелуй на голой груди, и поднимается с кровати. Я разочарованно подвываю, а она натягивает через голову свою белую футболку и скрывает свое тело.

– Держи свою бандану, – улыбается она, довольная шуткой, и бросает на кровать пропитанную потом футболку, которую я обернул вокруг головы, когда был в тренажерном зале.

Я скручиваю ее и снова оборачиваю вокруг головы только ради того, чтобы посмотреть на реакцию Тессы.

– Тебе не нравится? – спрашиваю я, и она хихикает и отвечает: – Вообще-то нравится.

Тесса устраивает настоящее шоу, когда наклоняется, чтобы поднять с пола черные трусики, и, поигрывая бедрами, надевает их. То, что она без лифчика, сразу заметно по тому, как колышутся груди под футболкой.

– Отлично. Так легче. – Я показываю на затейливую конструкцию на голове.

Мне на самом деле нужно подстричься. Кстати, подружка Стеф, цыпочка с лиловыми волосами по имени Мэдс, может меня подстричь. При мыслях о Стеф закипает кровь. Дура тупая...

– Очнись, Хардин! – Голос Тессы вырывает меня из ненавистных дум.

Я скидываю голову:

– Извини.

Снова в пижаме, Тесса устраивается рядом со мной и, как ни странно, хватает пульт от телевизора и начинает переключать каналы. Я слегка обескуражен; мне нравится ее сдержанность, но через несколько минут слышу, что она вздыхает. Я замечаю, как она хмурится, словно поиск канала – это самое неприятное занятие, которым можно заниматься.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

– Нет, – врет она.
– Говори сейчас же, – настаиваю я, и она резко выдыхает.
– Ничего... Я просто немного... – Ее щеки заливает румянец. – Напряжена.

– Напряжена? Ты можешь быть какой угодно, но не напряженной после такого.

Я слегка отклоняюсь назад и смотрю на нее.

– Я не... понимаешь, я... – заикается она.

Ее застенчивость никогда не перестает меня удивлять. Минуту назад она стонала мне в ухо, чтобы я трахал ее сильнее, быстрее, глубже, а сейчас двух слов связать не может.

– Говори уже, – требую я.

– Я не кончила.

– Что? – задыхаюсь я.

Неужели я был настолько увлечен собственным наслаждением, что не заметил, что она не кончила?

– Ты остановился прямо перед тем... – спокойно объясняет она.

– Почему ты ничего не сказала? Тогда иди сюда. – Я тяну футболку и поднимаю ее над головой.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает она с волнением в голосе.

– Тсс...

Не знаю, что я собираюсь делать. Хочу снова заняться с ней любовью, но мне нужно немного времени на перезарядку.

Постой-ка, я знаю.

– Мы сделаем кое-что, что пробовали только один раз. – Я самодовольно улыбаюсь. Она широко открывает глаза. – Потому что, понимаешь, регулярная практика ведет к совершенству.

– О чем ты?

И ее напряженность сменяется возбуждением.

Я ложусь, опираясь на локти, и маню ее к себе.

– Не понимаю, – говорит она.

– Подходи сюда, так, чтобы твои бедра оказались здесь.

Я похлопываю по простыне с обеих сторон от моей головы.

– Как?

– Тесса, подойди сюда, а затем встань так, чтобы твои бедра оказались напротив моего лица, тогда я легко смогу сделать так, чтобы ты кончила, – медленно и четко объясняю я.

– Ой! – взвизгивает она.

Замечаю в ее глазах сомнение и, протянув руку, выключаю лампу. Я

хочу, чтобы ей было насколько возможно комфортно. Несмотря на темноту, я различаю мягкие очертания ее тела, полную грудь, соблазнительные изгибы бедер.

Тесса снимает штаны и через секунду, следуя моим инструкциям, становится надо мной на коленях.

– Тут такой вид... – поддразниваю я ее, и вид тут же исчезает: она набрасывает футболку мне на глаза. – Ну, вообще-то, так еще круче, – улыбаюсь я ее бедрам. В ответ она шутливо шлепает меня по голове. – Нет, правда... правда чертовски круто, – добавляю я.

В темноте я слышу ее смех, кладу руки ей на бедра, чтобы направить движение. Как только я касаюсь ее языком, она начинает двигаться сама. Вцепившись мне в волосы, она шепчет мое имя до тех пор, пока не растворяется в наслаждении, которое я даю ей.

Глава 99

Тесса

Я медленно, нехотя возвращаюсь к реальности, а счастливый Хардин лежит рядом со мной.

– Эй, – улыбается он и целует меня в губы.

Я смеюсь, смех звучит слабо, нехотя. Я чуть горю, но уже по-другому.

– Я не хочу, чтобы ты завтра уезжал, – шепчу я, проводя кончиками пальцев по линиям татуировок.

Интересно, если бы Хардин решил сделать татуировку сейчас, стал бы он набивать мертвое дерево? Или на его ветвях появилось бы несколько листьев, потому что сейчас он более живой и счастливый.

– Я тоже, – просто отвечает он.

Не могу скрыть отчаяние, когда прошу его:

– Тогда не уезжай.

Хардин кладет ладонь мне на спину и еще крепче прижимает меня к себе.

– Я не хочу, но знаю, что ты говоришь так лишь потому, что я только что заставил тебя кончить дважды.

От потрясения с моих губ срывается смешок.

– Это неправда! – Хардин с мягкой улыбкой отстраняется. – Причина не только в этом... Может, мы могли бы какое-то время проводить выходные вместе и посмотреть, что из этого выйдет?

– Ты хочешь, чтобы я мотался сюда каждый уик-энд?

– Не каждый. Я тоже буду приезжать к тебе. – Я наклоняю голову, чтобы взглянуть ему в глаза. – До сих пор у нас это получалось.

– Тесса, – вздыхает он. – Я уже объяснил тебе, как отношусь ко всем этим отношениям на расстоянии.

Перевожу взгляд на вентилятор под потолком, который медленно вращается в полумраке комнаты. На экране телевизора Рэйчел льет соус маринара в сумочку Моники.

– Да, но ты все же здесь, – парирую я.

Он вздыхает и мягко дергает меня за кончики волос, заставляя снова посмотреть на него.

– Точно.

– Хорошо, я думаю, что мы можем найти какой-нибудь компромисс, тебе не кажется?

– И что ты предлагаешь? – ласково спрашивает он, на секунду закрывая глаза и глубоко вздыхая.

– Пока я точно не знаю... дай мне подумать, – говорю я.

Что именно я предлагаю? На данный момент для сохранения душевного равновесия нам обоим нужно побыть на некотором расстоянии друг от друга. Это в наших интересах. Сердцем я позабыла об ужасах, через которые нам с Хардином пришлось пройти, но разум не позволит мне потерять последнее достоинство.

Я в Сиэтле, как и мечталось, одинокая, без квартиры из-за собственнического характера Хардина и его нежелания искать компромиссы даже в самых банальных вещах.

– По правде говоря, не знаю, – наконец отвечаю я, когда не могу придумать ничего стоящего.

– Ну, ты еще хочешь, чтобы я был поблизости? По крайней мере, хотя бы на выходных? – спрашивает он, накручивая мои волосы на пальцы.

– Да.

– Каждый уик-энд?

– Желательно, – улыбаюсь я.

– Ты хочешь болтать по телефону, как мы делали всю неделю?

– Да.

Мне нравится непринужденность, с которой мы с Хардином разговаривали по телефону; мы даже не замечали, как пролетают минуты и часы.

– Получается, что все будет так же, как и на этой неделе? Не знаю, что и думать, – говорит он.

– Почему бы и нет? Вроде бы неплохо получается, почему же ты не хочешь, чтобы так продолжалось и дальше?

– Потому что, Тесса, ты здесь в Сиэтле без меня и мы, вообще-то, не вместе. Ты можешь увидеть кого-нибудь, кого-то встретить...

– Хардин.

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на него сверху. Он буравит меня взглядом. Прядь моих непослушных светлых волос падает ему на лицо. Не переставая глядеть на меня, даже не моргая, он протягивает пальцы, чтобы убрать упавшие волосы мне за ухо.

– Я ни с кем не собираюсь ни знакомиться, ни встречаться. Все, чего я хочу, это немного независимости и чтобы мы могли друг с другом общаться.

– Почему тебе вдруг стало так важно быть независимой? – спрашивает он, поглаживая пальцами мое ухо.

От этого у меня по спине бежит дрожь. Если он пытается меня отвлечь, то это отлично получается.

Несмотря на нежное прикосновение и горящие зеленым глаза, пытаюсь заставить его понять, откуда во мне это взялось.

– Это не спонтанное желание. Я уже об этом говорила. До недавнего времени я даже не замечала, насколько я от тебя зависима, и мне это не нравится. Мне не нравится быть такой.

– А мне нравится, – тихо говорит он.

– Я знаю, что тебе нравится, а мне нет, – отрезаю я, пытаюсь заставить свой голос звучать уверенно.

Внутренне я хвалю себя за это решение, но тут же морщусь, потому что выходит у меня неубедительно.

– Ну хорошо, и как я должен играть в эту дурацкую игру с независимостью?

– Просто делай то, что делаешь сейчас. Я должна иметь возможность принимать решения, не думая о том, что нужно сначала получить у тебя разрешение, или о том, что ты о них подумаешь.

– Сейчас ты явно не думаешь о том, чтобы спрашивать разрешения, иначе ты бы и половины всего этого дерьма не наделала.

Не хочу ссориться.

– Хардин, – предупреждаю я. – Для меня это важно. Я хочу иметь возможность думать своей головой. Мы должны стать равными... партнерами, никто из нас не должен быть... сильнее другого.

Я тщательно подбираю слова, чтобы как можно понятнее объяснить, чего я хочу... что мне нужно. Я должна это сделать. Это часть того, кто я, или кем я хочу быть. Мне пришлось много трудиться, чтобы найти себя, узнать, кто я такая, с Хардином и без него.

– Равными? Сильнее? Ты здесь явно сильнее. Так что давай, вперед.

– Это не только для меня... тебе это тоже пойдет на пользу. Ты ведь знаешь.

– Может, и так, но о чем говорить, если мы можем только быть порознь из-за того, что живем в разных городах? – спрашивает он... выразив в словах то, о чем я непрестанно думала с того момента, как он приехал.

– Что ж, разберемся с этим позже.

– Конечно. – Он упрямо ухмыляется, но, смягчившись, целует меня в лоб.

– Помнишь, как ты говорил, что есть разница между тем, чтобы любить кого-то, и тем, чтобы не представлять без него своей жизни?

– Я не хочу даже слышать эту фразу больше, честно.

Я убираю со лба его влажные волосы.

– Ты сам это сказал, – напоминаю я. Кончиками пальцев я провожу вокруг его носа, по контуру пухлых губ. – С тех пор я очень много об этом думала.

– Почему? – Хардин стонет от досады.

– Потому что у тебя были причины так сказать, разве нет?

– Со злости, вот и все. Я даже понятия не имею, что это означает. Просто сдурил.

– Ну, в любом случае я продолжаю об этом думать. – Я нежно щелкаю его по кончику носа.

– Ну а я хочу, чтобы ты перестала, потому что никакой разницы нет, – задумчиво замечает он.

– Как так?

Он слегка улыбается:

– Я не могу без тебя жить, и я люблю тебя; эти вещи идут рука об руку. Если бы я мог жить без тебя, то я бы не любил тебя так сильно, как люблю. И я точно не могу находиться вдали от тебя.

– Допустим. – Я сдерживаю смехок.

Он замечает это.

– Я знаю, ты не рассказываешь обо мне... Ты чуть задницу не порвала, когда взялась за меня после того, как я приехал.

Даже в темноте вижу его широкую улыбку, и у меня перехватывает дыхание: он такой милый! Когда он становится таким, бесхитростным и умиротворенным, для меня нет ничего лучше во всем мире.

– Я знала, что ты помучаешь меня за это!

Я толкаю его в голую грудь, он вскидывает руку и ловит мое запястье своими длинными пальцами.

– Ты снова пытаешься мне грубить? Вспомни, чем это закончилось в последний раз.

Он приподымает голову с матраса, и по моему телу начинает разливаться тепло, начиная от уже покрасневших бедер.

– Ты можешь остаться еще на один день? – Я пропускаю мимо ушей его замечание о грубости. Мне нужно знать, будет ли у нас завтра больше времени, чтобы мы смогли посвятить оставшиеся утренние часы... ну... всяким неприличиям... Пожалуйста! – добавляю я, утыкаясь лицом в его шею.

– Хорошо, – говорит он.

Я чувствую лбом, как шевелится его скула, когда он улыбается.

– Но только если ты снова завяжешь мне глаза.

Быстрым движением он обхватывает меня за спину и переворачивает так, что я оказываюсь под ним. Секунду спустя мы растворяемся друг в друге... снова и снова...

Глава 100

Хардин

Кимберли сидит на кухне за столом и завтракает. Она без макияжа, волосы зачесаны назад. Кажется, я ее еще ни разу не видел без тонны штукатурки. Наверное, она стерла всю эту дрянь ради Вэнса, потому что без нее выглядит намного лучше.

– Посмотрите-ка, кто наконец проснулся, – щебечет она.

– Да-да.

Я тяжело вздыхаю и иду к кофемашине, стоящей на краю темной гранитной столешницы.

– Когда ты уезжаешь? – спрашивает она, накладывая в тарелку салат.

– Не раньше завтрашнего дня, если не возражаешь. Или ты хочешь, чтобы я уехал сейчас?

Наливаю в кружку кофе и поворачиваюсь к ней.

– Конечно, ты можешь остаться, – усмехается она. – Сколько угодно, пока ты не ведешь себя с Тессой как придурок.

– Вообще-то я не придурок. – Я закатываю глаза.

На кухне появляется Вэнс.

– Тебе нужно держать ее на коротком поводке, возможно, даже с намордником, – замечаю я.

Жених Кимберли громко хохочет, а сама она показывает мне средний палец.

– Так элегантно, – парирую я.

– Я смотрю, у тебя чертовски хорошее настроение, – сердито усмехается Кристиан, а Кимберли зыркает на него.

Что, черт возьми, все это значит?

– Интересно почему? – добавляет он, но Кимберли толкает его локтем.

– Кристиан... – осторожно начинает она.

Он качает головой и поднимает руку, чтобы закрыться от ее шутливого нападения.

– Может быть, потому, что он скучал по Тессе, – предполагает Кимберли, наблюдая за Кристианом.

Он обходит небольшой стол и берет из вазы с фруктами банан.

В его глазах загорается изумление. Он снимает банановую кожуру.

– Я слышал, полуночные тренировки очень помогают.

У меня холодеет кровь.

– Что ты сказал?

– Успокойся... Он выключил камеру до того, как произошло что-то стоящее, – заверяет меня Кимберли.

Камера?

Черт! Твою мать, конечно, у этого козла есть камера в тренажерном зале. Проклятие, вероятно, камерами видеонаблюдения оснащены все главные входы в комнаты. Он всегда умело маскировал свою паранойю.

– Что ты видел? – рычу я, пытаюсь сдержать пульсирующую ярость.

– Ничего. Только как вошла Тесса. Он знал, дальше лучше не продолжать, – сдерживает усмешку Кимберли.

Чувствую накатившее облегчение. В тот момент я был слишком увлечен Тессой, чтобы думать о таком дерьме, как камеры скрытого видеонаблюдения.

Я злобно смотрю на Вэнса.

– Зачем ты вообще полез смотреть съемки с камер? Довольно-таки неприятно сознавать, что ты подглядывал за тем, как я тренируюсь.

– Не льсти себе. Я проверял монитор на кухне, потому что он барахлил. Так получилось, что камера из зала проигрывала рядом.

– Конеч-е-чно, – насмешливо тяну я.

– Хардин останется еще на одну ночь, хорошо? – спрашивает Ким.

– Конечно, хорошо. Не понимаю, почему ты все еще не перевезешь сюда свою задницу. Знаешь, я буду платить тебе больше, чем «Болтхаус».

– Раньше не платил, в этом и была загвоздка, – напоминаю я с самодовольной ухмылкой.

– Потому что тогда ты был первокурсником в колледже. Тебе удалось получить оплачиваемую стажировку, не говоря уже о серьезной работе, не имея степени, – пытается возразить он.

Надменно скрещиваю руки на груди.

– В «Болтхаус» с тобой не согласятся.

– Они придурки. Надо ли тебе напоминать, что только за прошлый год «Вэнс» опередил их с огромным преимуществом. Мы открыли офис здесь, в Сиэтле, а в следующем году я планирую открыть офис в Нью-Йорке.

– У тебя есть основания хвастаться? – спрашиваю я.

– Есть. «Вэнс» лучше, крупнее и, так уж случилось, расположен там, где работает она. – Ему не нужно произносить имени Тессы, чтобы я ощутил весь вес его слов. – В университете тебе остался один семестр. Не стоит принимать необдуманных решений, которые повлияют на всю

дальнейшую карьеру еще до того, как она начнется.

Он откусывает банан. Я недовольно смотрю на него, пытаюсь придумать достойный ответ.

Похоже, мне не слишком это удастся.

– У «Болтхаус» есть офис в Лондоне.

Кристиан смотрит на меня насмешливо и недоверчиво.

– А кто собирается возвращаться в Лондон? Ты? – с нескрываемым сарказмом интересуется он.

– Возможно. У меня были такие планы и до сих пор есть.

– Ага, у меня тоже были. – Он смотрит на свою будущую жену. – Ты никогда не вернешься туда, как и я.

При этих словах Кимберли заливается румянцем и расцветает. Прихожу к выводу, что они самая неприятная пара, с которой я когда-либо сталкивался. Как будто их влюбленность проявляется только в том, как они ведут себя друг с другом. Это раздражает, вызывает неловкость.

– Убедительные аргументы, – фыркает Кристиан.

– Я с тобой не соглашался, – огрызаюсь я.

– Да, – Кимберли бьет под дых, – но и не спорил.

Не говоря больше ни слова, я беру кружку с кофе и качу свои яйца как можно дальше от Кимберли.

Глава 101

Тесса

Утро наступает слишком быстро. Проснувшись, обнаруживаю, что в кровати я одна. Матрас все еще сохраняет отпечаток тела, должно быть, Хардин поднялся всего несколько минут назад.

И точно: он входит в комнату с кружкой в руке.

– Доброе утро, – говорит он, заметив, что я проснулась.

– Доброе.

В горле пересохло и дерет. Воспоминания о Хардине, яростными толчкамидвигающемся у меня во рту, заставляют внутренности сжаться в комок.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – Поставив дымящуюся кружку на столик, он подходит к кровати и садится рядом со мной на край матраса. – Отвечай, – спокойно добавляет он после долгого ожидания.

– Да, просто жарко. – Я потягиваюсь, разбросав руки и ноги в стороны. Определенно жарковато. – Куда ты ходил?

– Пошел взять кофе и позвонить Лэндону, предупредить, что сегодня я не приеду, – говорит он. – Если ты, конечно, все еще хочешь, чтобы я остался.

– Хочу, – киваю я. – Но зачем тебе надо было звонить Лэндону?

Хардин проводит рукой по волосам, сосредоточенно изучает мое лицо. У меня чувство, будто я что-то упустила.

– Отвечай, – прошу я его же словами.

– Он сидит с твоим отцом.

– Почему?

Зачем моему отцу понадобилась сиделка?

– Твой отец пытается бросить пить, вот почему. И я не такой дурак, чтобы оставлять его в квартире одного.

– У тебя там есть алкоголь, да?

– Нет, я все выбросил. Не думай об этом, ладно?

Тон уже не ласковый, а требовательный, и сам он явно на пределе.

– Я не собираюсь не думать об этом. Что я еще должна знать? Потому что мне кажется, что я опять здесь как под колпаком, в стороне от всего, – заявляю, скрестив руки на груди.

Хардин театрально вздыхает и закрывает глаза.

– Да, есть кое-что, о чем ты не знаешь, но умоляю, просто доверься мне, хорошо?

– Насколько все плохо? – спрашиваю я.

Перспективы меня пугают.

– Доверься мне, ладно?

– Довериться в чем?

– Я со всем разберусь, и когда я расскажу тебе, что случилось, это больше не будет иметь значения. У тебя и так сейчас достаточно проблем. Пожалуйста, просто доверься. Позволь сделать это для тебя, и я все улажу, – настойчиво уговаривает он.

Меня охватывает паника, как всегда в подобных ситуациях. Я в миге от того, чтобы выхватить у Хардина телефон и позвонить Лэндону. Но меня останавливает выражение лица Хардина. Он умоляет меня довериться ему, поверить, что он сможет уладить все, что бы там ни произошло. По правде говоря, несмотря на то, что я хочу знать, не думаю, что смогу запихнуть в свою копилку проблем еще одну.

– Ладно, – выдыхаю я.

Хардин хмурит брови и склоняет голову набок.

– Серьезно?

Уверена, он поражен тем, как легко он меня уговорил.

– Да. Сделаю все, что в моих силах, чтобы не переживать о том, что происходит с отцом, до тех пор, пока ты считаешь, что мне лучше пока об этом не знать.

Он кивает:

– Обещаю.

Я верю ему. В основном.

– Отлично, – подытоживаю я, изо всех сил пытаюсь поглубже загнать маниакальное желание узнать, что происходит.

Мне нужно довериться Хардину. Я должна доверять ему самому принимать решения. Если я не могу поверить ему в этом, то как вообще я представляю наше будущее?

Я вздыхаю, а Хардин улыбается моему безмолвному согласию.

Глава 102

Тесса

– Кажется, придется заполнить все эти открытки для гостей, благодаря которым вчерашнее мероприятие имело такой успех, – замечает Кимберли с кривой усмешкой, указывая на конверты. – А вы оба чем планируете сегодня заняться?

Высота готовой стопки и количество открыток, над которыми еще предстоит потрудиться, заставляют меня задаться вопросом, во сколько же предприятий вложил деньги Кристиан, если все эти люди, которым пишет Ким, так или иначе его «партнеры». Да и размеры дома указывают на то, что он владеет еще кое-чем, помимо издательства и джаз-клуба.

– Даже не знаю. Решим, когда Хардин выйдет из душа, – отвечаю я, сдвигая свежую стопку конвертов на другой край гранитной столешницы.

Мне пришлось затолкать Хадрина в ванную комнату и заставить мыться в одиночестве. Он все еще злится на меня за то, что я закрылась от него, когда сама принимала душ. Сколько бы я ни пыталась объяснить, как неприятно мне будет, если Вэнсы узнают, что мы вместе были в их душе, он бросал на меня многозначительные взгляды и отвечал, что в последние двенадцать часов в доме Вэнсов мы делали вещи и похуже.

Игнорируя его протесты, я продолжала стоять на своем. В тренажерном зале все произошло спонтанно и было вызвано порывом страсти.

То, что мы занимались любовью в моей спальне, вообще не обсуждается. Сейчас это моя спальня, а я взрослый человек, который занимается сексом с... кем бы там Хардин ни был для меня в данный момент. Идея с душем, однако, выглядела для меня совсем по-другому.

Но упрямец Хардин не желал со мной соглашаться, поэтому мне пришлось попросить его принести из кухни стакан воды. Когда он вышел из комнаты, я пулей проскочила по коридору и заперла за собой дверь ванной, игнорируя настойчивые требования Хардина впустить его.

– Он должен показать тебе местные достопримечательности, – говорит Кимберли. – Может, если вы окунетесь в культуру этого города, ему легче будет принять решение переехать сюда.

Этот тяжелый разговор – совсем не то, что сейчас нужно.

– Кстати... Саша показалась мне довольно приятной, – бормочу я, чтобы уйти от обсуждения аспектов моих отношений.

Кимберли фыркает.

– Саша? Приятной? Как бы не так.

– Она ведь знает, что Макс женат, да?

– Конечно, знает. – Кимберли облизывает губы. – Но разве это ее волнует? Ни капли. Она любит его деньги и дорогие украшения, которые он дарит. А его жена и дочь ее не интересуют.

В голосе Ким звучит явное неодобрение, и от того, что по этому вопросу мы с ней сходимся во мнениях, мне легче.

– Макс – просто кретин. И все же меня удивляет, что он так спокойно появляется с ней на людях. Я имею в виду, он не боится, что Дэнис или Лилиан узнают о ней?

– Полагаю, Дэнис уже все знает. У Макса за эти годы была не одна такая Саша. А бедная Лилиан и без того презирает отца, так что, даже если она узнает, ничего не изменится.

– Все это так грустно. Они ведь женаты с колледжа, да?

Я не знаю, сколько Кимберли знает о Максе и его семье, но, похоже, немало.

– Они поженились сразу после колледжа. Это был скандал.

Глаза Кимберли загораются от предвкушения. Сейчас она расскажет мне, совершенно не осведомленной, такую смачную историю!

– Судя по всему, Макс должен был жениться на другой девушке из семьи близких друзей. По большому счету, это была просто сделка. Отец Макса происходит из богатой и влиятельной семьи. Думаю, отчасти именно поэтому Макс такой урод. Дэнис была убита горем, когда он рассказал ей, что собирается жениться на другой.

Кимберли рассказывает так, как будто сама была свидетелем этих событий, а не просто делится очередной сплетней. Хотя, может, со сплетнями так и бывает?

Она отпивает воды и продолжает:

– В любом случае, после колледжа Макс решил пойти против воли своего отца и в буквальном смысле бросил ту девушку у алтаря. В день свадьбы он в смокинге явился к Триш и Кену и ждал под дверью, пока Дэнис не вышла. В ту самую ночь они впятером подкупили пастора, предложив ему бутылку виски и все наличные, что нашлись у них в карманах. Около полуночи Дэнис и Макс поженились, а через несколько недель она забеременела.

С трудом представляю себе юного, безумно влюбленного Макса,

который бежит в смокинге по улицам Лондона, увлекая за собой возлюбленную. Ту же самую женщину, которую он теперь раз за разом предаёт, прыгая в постель к таким, как Саша.

– Я не хотела бы лезть не в свое дело, но Кристиан и...

Я не знала, как ее называть.

– Я имею в виду мать Смита, она...

С понимающей улыбкой Кимберли прерывает мое невнятное бормотание.

– Роуз появилась много лет спустя. Кристиан всегда был единственным холостяком в этой компании. Однажды он поссорился с Кеном и улетел в Америку... Тогда-то Кристиан и встретил Роуз.

– Как долго они были женаты?

Вглядываюсь в лицо Кимберли, чтобы понять, не чувствует ли она неловкость. Я не хочу выглядеть навязчивой, но история этой компании по-настоящему меня захватывает. Надеюсь, что Кимберли уже достаточно хорошо меня знает, чтобы не удивляться, что я задаю столько вопросов.

– Всего два года. Они встречались несколько месяцев, а потом она заболела. – Ее голос надламывается, и она судорожно сглатывает. На глазах появляются слезы. – Он все равно на ней женился... По проходу в церкви отец вез ее... в инвалидной коляске. Он сам настоял на этом. На полпути его сменил Кристиан.

Ее рассказ прерывается рыданиями, и я тоже смахиваю слезы, которые катятся из моих глаз.

– Прости, – говорит она с виноватой улыбкой. – Я давно никому не рассказывала эту историю. Меня переполняют эмоции.

Она тянется через стол, вытаскивает из коробки несколько бумажных платков и протягивает мне один.

– Когда я думаю об этой истории, понимаю, что, кроме его блестящего ума, есть и еще кое-что. Он умеет по-настоящему любить.

Она смотрит на меня, а затем переводит взгляд на стопку конвертов.

– Черт! Я закапала их слезами! – восклицает она, быстро приходя в себя.

Мне не терпится расспросить ее о Роуз и Смите, о Кене и Триш, но я не хочу давить.

– Он любил Роуз, а она помогала ему залечивать раны, даже перед смертью. Всю жизнь он любил одну-единственную женщину. В конце концов это его и сломило.

Эта трогательная история только запутала меня еще больше. Что это за женщина, которую Кристиан любил всю жизнь? И почему после этого ему

пришлось залечивать раны?

Кимберли высмаркивается и поднимает глаза. Оборачиваюсь и вижу в дверях Хардина. Он переводит взгляд с меня на Кимберли и обратно, пытаюсь понять, что за сцена разворачивается на кухне.

– По-моему, я не вовремя, – говорит он.

Не могу не улыбнуться, представляя, как мы выглядим со стороны, беспричинно оплакивая две огромные стопки конвертов и открыток, которые лежат перед нами.

Волосы Хардина еще влажные после душа. Он только что побрился. В простой черной футболке и джинсах он выглядит великолепно. На ногах только носки. Он пристально смотрит на меня и беззвучно подзывает к себе. Иду и встаю рядом.

– Мне сегодня ждать вас к ужину? – спрашивает Кимберли.

– Да, – отвечаю я в ту же секунду, когда Хардин произносит «нет».

Ким смеется и качает головой.

– Напишите эсэмэс, когда до чего-нибудь договоритесь.

Несколько минут спустя, когда мы с Хардином уже стоим у выхода, из боковой комнаты появляется Кристиан с сияющей улыбкой.

– На улице холодно. Где твоё пальто, малыш?

– Во-первых, мне не нужно пальто. Во-вторых, не называй меня малышом, – закатывает глаза Хардин.

Кристиан стаскивает с вешалки толстую темно-синюю куртку.

– Надень-ка. Она как обогреватель.

– Черт, нет же! – препирается Хардин, и я не могу сдержать смех.

– Не будь идиотом. На улице минус пять. Возможно, твоя дама захочет, чтобы ты ее согрел, – дразнит Кристиан.

Хардин оценивающе смотрит на мой толстый фиолетовый свитер, пальто и шапку в тон. Над шапкой он прикалывается с того момента, когда я впервые ее надела. Когда он увидел, как я катаюсь на коньках, я была так же одета, и он тогда над ней смеялся. Кое-что никогда не меняется.

– Ладно уж, – сдаётся Хардин и просовывает свои длинные руки в рукава.

Я не удивлена тем, что куртка ему идет. Даже массивные бронзовые пуговицы каким-то образом придают ему мужественности, подчеркивая простоту его стиля. В этих новых джинсах, от которых я без ума, черной футболке и черных ботинках, а теперь еще и в этой куртке он выглядит так, словно сошел со страниц модного журнала. Он может потрясающе выглядеть, не прилагая для этого никаких усилий, это несправедливо!

– Может, хватит пялиться?

Даже подпрыгиваю от неожиданности. Но Хардин награждает меня улыбкой и берет мою ладонь в свою теплую руку.

В эту секунду в фойе выбегают Кимберли и Смит.

– Подождите! – кричит она. – Смит хочет кое о чем попросить.

С нежной улыбкой она смотрит на своего будущего пасынка.

– Давай, милый.

Светловолосый мальчишка смотрит на прямо на Хардина.

– Можно мне сделать фотографию для школы?

– Что?

Хардин чуть бледнеет и смотрит на меня. Я знаю, как он к этому относится.

– Он делает что-то вроде коллажа. И сказал, что хочет твою фотографию, – объясняет Кимберли.

Умоляюще смотрю на Хардина. Не стоит отказывать в такой просьбе малышу, который прямо-таки боготворит его.

– Э-э-э, уверен? – Хардин поворачивается на пятках и смотрит на Смита. – Ладно... Можно Тессе тоже быть в кадре?

Смит пожимает плечами:

– Думаю, да.

Я улыбаюсь ему, но он, кажется, этого не замечает. Хардин бросает на меня взгляд в духе «я-направляюсь-ему-больше-хотя-даже-не-стараюсь», и я толкаю его локтем. Стягиваю шапку и резинкой, которую снимаю с запястья, собираю волосы в хвост. Красота Хардина такая естественная и непринужденная; ему достаточно просто стоять в кадре, нахмутив брови. Он выглядит великолепно.

– Это быстро, – говорит Кимберли.

Хардин теснее прижимается ко мне и лениво обнимает за талию. Пытаюсь изобразить свою лучшую улыбку, а Хардин, напротив, слегка поджимает губы. Но я снова пихаю его в бок, и он расплывается в улыбке. Как раз вовремя, в момент, когда Кимберли щелкает камерой.

– Спасибо, – говорит она.

И я вижу, что она искренне рада.

– Пойдем, – командует Хардин.

Я киваю и, помахав Смицу, направляюсь к двери.

– Это так мило с твоей стороны.

– Ерунда, – отвечает он и целует меня в губы.

Я слышу щелчок и, оторвавшись от него, вижу Кимберли с камерой в руках. Хардин прячет лицо в моих волосах, и она делает еще один снимок.

– Ну хватит уже, – ворчит он и тянет меня за дверь. – Хватит с меня

этой семейки с их фото и видео.

Он бурчит все время, пока я закрываю за собой дверь.

– Видео? – спрашиваю я.

– Забудь.

Воздух обжигающе холодный. Я быстро стаскиваю резинку с волос и снова натягиваю шапку.

– Для начала поменяем масло в твоей машине, – говорит Хардин, перекрывая свист ветра.

Роюсь в карманах пальто, чтобы найти ключ и передать ему, но он качает головой и показывает мне свою связку, на которой я без труда узнаю знакомый ключ с зеленой полосой.

– Ты не забрала его, когда вернула все подарки, – объясняет он.

– А... – В сознании всплывает воспоминание о том, как я оставила все свои ценности на подушке нашей кровати. – Я хотела бы забрать все это, если ты не возражаешь.

Хардин забирается в машину, не глядя на меня, и бормочет через плечо:

– Ммм, да... Само собой.

Когда мы оба оказываемся в машине, Хардин включает печку на максимум, берет мою ладонь и кладет мне на бедро. Его пальцы прокладывают дорожку по моему запястью, где раньше я всегда носила браслет.

– Мне не нравится, что ты оставила его там... Он должен быть здесь. – Хардин надавливает на мое запястье.

– Знаю. – Мой голос тише, чем шепот.

Я очень скучаю по своему браслету. И по электронной книге. И хочу забрать письмо, которое он мне написал, чтобы перечитывать его снова и снова.

– Может, ты мог бы привезти мне эти вещи, когда вернешься в следующие выходные? – спрашиваю я с надеждой.

– Да, конечно, – отвечает он, сосредоточившись на дороге.

– Зачем мы вообще едем менять масло? – спрашиваю я.

Длинная подъездная дорожка заканчивается, и мы поворачиваем на улицу.

– Потому что пора. – Он указывает на маленький стикер на лобовом стекле.

– Ладно...

– А что не так? – Он сердито смотрит на меня.

– Ничего. Просто это как-то странно – менять масло в чьей-то машине.

– Я многие месяцы следил за заменой масла в твоей машине. Почему именно сейчас тебя это так удивляет?

Он прав. Он всегда занимался обслуживанием моей машины, и мне иногда кажется, что он просто параноик, ремонтирует и заменяет детали, когда это не требуется.

– Не знаю. Наверное, я просто забываю, что мы были обычной парой, – признаю я, ерзая в кресле.

– Объясни.

– Мне трудно вспомнить такие обыденные вещи, как замена масла, или тот раз, когда ты разрешил мне заплести тебе косички, – я улыбаюсь воспоминанию, – потому что мы всегда переживаем какой-нибудь кризис.

– Во-первых, – усмехается он, – никогда не вспоминай про тот ужасный случай с косичками. Ты хорошо знаешь, что я позволил тебе это только потому, что ты меня подкупила.

Он слегка стискивает мое бедро, и я ощущаю под кожей теплую волну.

– Во-вторых, я думаю, ты отчасти права. Было бы здорово, если бы твои воспоминания не омрачались моей дурацкой привычкой все портить.

– Дело не только в тебе. Мы оба виноваты, – поправляю я.

Ошибки Хардина обычно были более разрушительными, но и я не ангел. Нам нужно перестать винить себя и друг друга, чтобы найти какой-то компромисс – вместе. Но этого не произойдет, если Хардин продолжит бичевать себя за ошибки, совершенные в прошлом. Он должен себя простить... Тогда он сможет двигаться дальше и стать тем, кем, я знаю, он хочет быть.

– Ты – нет, – настаивает он.

– Вместо того чтобы топтаться на месте, решая, кто прав, кто виноват, давай решим, как потратить остаток дня после того, как нам заменят масло.

– Мы купим тебе айфон, – говорит он.

– Сколько раз мне нужно повторить, что я не хочу айфон?.. – бурчу я.

Да, мой телефон медленный, но айфон дорогой и сложный, а этого я себе сейчас позволить не могу.

– Все хотят айфон. Ты просто из тех, кто не хочет следовать веяниям моды. – Он смотрит на меня, и я замечаю на его щеках ехидные ямочки. – Поэтому ты и носила в колледже юбки в пол.

Он находит свою шутку уморительной, и машина заполняется смехом.

Я игриво хмурюсь в ответ на старый прикол.

– Я не могу себе сейчас позволить такую покупку. Мне нужно платить за квартиру и продукты. Ну, знаешь, за все необходимое. – Я закатываю глаза, но улыбаюсь ему, чтобы смягчить удар.

– Только представь, что бы мы могли делать, если бы у тебя тоже был айфон. Мы могли бы общаться еще больше. И, знаешь, я бы мог купить его тебе сам, так что не беспокойся о деньгах.

– Я могу представить себе, только как ты отслеживаешь мой телефон, чтобы узнать, куда я хожу, – огрызаюсь я, игнорируя его непреодолимую потребность что-то мне покупать.

– Нет, мы могли бы пользоваться видеочатом.

– Зачем?

Он удивленно смотрит на меня и качает головой:

– Только представь себе, что сможешь видеть меня каждый день на сияющем экране своего нового айфона.

В моей голове всплывают сцены секса по телефону и видеочату. Представляю себе, как бесстыдно перелистываю на экране фото, на которых Хардин ласкает себя. Да что это со мной?

Мои щеки горят, и я не могу отвести глаз от его коленей.

Хардин приподнимает пальцем мой подбородок и заставляет посмотреть ему в лицо.

– Да ты думаешь об этом... обо всех этих грязных штучках, которые мы могли бы делать через айфон.

– Нет, не думаю.

Пытаюсь сменить тему:

– Мой новый кабинет – просто прелесть... Вид открывается чудесный.

– Правда? – Хардин сразу мрачнеет.

– Да, а из буфета вид еще лучше. А кабинет Тревожа...

Я замолкаю на полуслове, но слишком поздно. Хардин уже смотрит на меня и ждет, чтобы я договорила.

– Нет-нет. Продолжай.

– Из кабинета Тревожа самый лучший вид, – договариваю я.

Мой голос звучит намного спокойнее и увереннее, чем я себя чувствую на самом деле.

– А как часто ты бываешь в этом кабинете, Тесса? – Хардин бросает на меня быстрый взгляд и снова концентрируется на дороге.

– Я бываю там дважды в неделю. Мы вместе обедаем.

– Вы что? – рычит Хардин.

Не надо было заговаривать с ним о Тревоже до ужина. Или вообще не надо было говорить. Не стоило вообще упоминать его имени.

– Я обычно с ним обедаю, – признаюсь я.

К несчастью для меня, в этот момент мы останавливаемся на светофоре, и мне не остается ничего, кроме как встретиться с Хардином

взглядом.

– Каждый день?

– Да...

– Для этого есть какая-то причина?

– Он единственный из моих знакомых, у кого обеденный перерыв в то же время, что и у меня. Кимберли так занята, что вообще не ходит на обед. – Я активно жестикулирую, чтобы придать убедительности своему объяснению.

– Так ты изменила время обеда?

Загорается зеленый, но Хардин нажимает на газ, лишь когда позади нас раздаются раздраженные сигналы.

– Я ничего не меняла. Тревор – просто мой коллега. Все, точка.

– Да уж, – выдыхает Хардин. – Я бы предпочел, чтобы ты не обедала с долбаным Тревором. Я терпеть его не могу.

Со смехом кладу свою руку поверх его.

– Ты становишься ужасно ревнивым. Это происходит только потому, что мне больше совершенно не с кем обедать, особенно учитывая то, что две другие девушки, которые обедают в то же время, всю неделю на меня злились.

Плавное перестраиваясь в соседнюю полосу, он искоса бросает на меня взгляд.

– Что ты имеешь в виду? Злились?

– Ну, не то чтобы злились. Не знаю, может, у меня просто паранойя.

– Что случилось? Расскажи мне, – настаивает он.

– Ничего особенного. Просто у меня такое чувство, что я почему-то им не нравлюсь. Я часто замечаю, что, глядя на меня, они смеются или перешептываются. Тревор говорит, они любят посплетничать. Клянусь, я слышала, они говорили о том, как я получила эту работу.

– Что же они говорили? – мрачно усмехается Хардин.

Костяшки его пальцев, сжимающих руль, побелели от напряжения.

– «Мы-то знаем, как она получила эту работу». Что-то вроде того.

– Ты сказала им что-то? Или Кристиану?

– Нет, я не хочу никаких проблем. Я работаю всего неделю, и мне не хотелось бы бежать и жаловаться кому-то, будто я школьница.

– К черту это все. Скажи этим дурам, чтоб отвалили. Или я сам расскажу обо всем Кристиану. Как их зовут? Может, я их знаю.

– Это все не так важно, – отвечаю я, пытаюсь обезвредить бомбу, которую сама и зарядила. – В каждом офисе есть парочка таких злюк. Те, что в нашем, просто избрали целью меня. Не хочу раздувать из этого

скандал. Я просто хочу влиться в коллектив и, может, даже завести друзей.

– Это вряд ли случится, если ты позволишь этим сучкам и дальше так себя вести, а сама целыми днями будешь тусоваться с Тревором.

Он облизывает губы и делает глубокий вдох.

Я тоже вздыхаю и смотрю на него, размышляя, стоит ли мне вступить за Тревора.

Была не была.

– Тревор – единственный, кто пытается быть со мной приветливым, и я уже с ним знакома. Поэтому я с ним обедаю.

Я смотрю в окно на мой самый любимый в мире город и жду, когда взорвется бомба.

Но Хардин не отвечает, и я оборачиваюсь к нему. Он не отрывает взгляда от дороги.

– Я очень скучаю по Лэндону.

– И он по тебе скучает. Как и твой отец.

Я вздыхаю.

– Я очень хочу знать, как он там. Но если я задам хоть один вопрос, придется задать еще тридцать. Ты же меня знаешь.

Внутри меня просыпается волнение, и я изо всех сил стараюсь загнать его поглубже.

– Я знаю. И не стану на них отвечать.

– А как Карен? И твой отец? Разве это не печально, что я скучаю по ним больше, чем по своим родителям? – спрашиваю я.

– Нет, учитывая, кто твои родители. – Он морщит нос. – Отвечаю на твой вопрос: думаю, они в порядке. Я особенно не интересовался.

– Надеюсь, скоро я буду здесь как дома, – бездумно говорю я и снова утопаю в кожаном кресле.

– Тебе никогда не нравился Сиэтл, так какого черта ты здесь делаешь?

Хардин въезжает на парковку рядом с небольшим зданием. Массивный желтый знак на фасаде обещает замену масла за пятнадцать минут и вежливое обслуживание.

Не знаю, что ему ответить. Я боюсь делиться с ним своими страхами и опасениями относительно недавнего переезда. Не потому, что не доверяю. Я просто не хочу, чтобы он использовал их как аргументы, чтобы надавить на меня и заставить уехать из Сиэтла.

– Не то чтобы мне здесь не нравилось, просто я еще не привыкла. Прошла всего неделя, и мне трудно без привычных дел, без Лэндона, без тебя, – объясняю я.

– Я поставлю машину и приду к тебе. Встретимся внутри, –

произносит Хардин, не ответив на мою реплику.

Кивнув, выбираюсь из машины и спешу скорее спрятаться от холода в маленьком магазине. В комнате ожидания пахнет жженой резиной и дрянным кофе. Я рассматриваю фото старомодного автомобиля, когда внезапно ощущаю, как рука Хардина ложится мне на поясницу.

– Это не займет много времени.

Он берет меня за руку и ведет к пыльной кожаной кушетке в центре комнаты.

Через двадцать минут он вскакивает и начинает ходить взад-вперед по черно-белым плиткам пола. Раздается звонок колокольчика, означающий, что к нам кто-то присоединился.

– Объявление на фасаде обещает замену масла за пятнадцать минут, – недовольно замечает Хардин молодому человеку в испачканном маслом комбинезоне.

– Так и есть, – равнодушно пожимает тот плечами.

Сигарета, лежащая за его ухом, внезапно падает на прилавок, и он подбирает ее рукой в перчатке.

– Издеваешься? – рычит Хардин. Запас его терпения иссяк.

– Почти готово, – уверяет его механик и исчезает из комнаты так же неожиданно, как появился. Я его не виню.

Я поворачиваюсь к Хардину и встаю.

– Все нормально, мы никуда не спешим.

– Он тратит наше с тобой время. У нас и так только двадцать четыре часа, а он, мать его, тратит наше время.

– Все нормально. – Я пересекаю комнату и встаю рядом. – Мы здесь вместе.

Я засовываю руки в карманы его куртки, и он сжимает губы, чтобы не улыбнуться.

– Если они не закончат через десять минут, я не заплачу им ни цента, – угрожает он.

Киваю и кладу свою голову ему на грудь.

– И не вздумай извиняться за меня перед тем парнем. – Он приподнимает большим пальцем мой подбородок, чтобы заглянуть мне в глаза. – Я знаю, ты собираешься это сделать.

Он легко целует меня в губы, а я чувствую, что хочу большего.

Темы, которые мы обсуждали в машине, раньше были для нас болезненными, но мы все же сумели избежать ссоры. От этого у меня неожиданно начинает кружиться голова – а может, все дело в теплых руках Хардина, которыми он обнимает меня за талию. Или в исходящем от него

запахе мяты, смешивающемся с ароматом одеколona, позаимствованным у Кристиана.

Внезапно осознаю, что в этом маленьком магазинчике мы одни, и удивляюсь тому, как чувственно Хардин целует меня. В этот раз его губы давят сильнее, а язык встречается с моим. Запускаю руки в его волосы и тихонько тяну за кончики, заставляя его стонать и крепче сжимать меня в объятиях. Он прижимает меня к себе и требовательно целует. Но, услышав внезапный звонок, я отпрыгиваю от него и нервно поправляю шапку.

– Готоооово, – объявляет наш старый знакомый с сигаретой за ухом.

– Самое время, – грубо заявляет Хардин и достает бумажник из заднего кармана.

Когда я пытаюсь сделать то же самое, он бросает на меня гневный взгляд.

Глава 103

Хардин

– Он не пялился на меня, – убеждает она, когда мы наконец добираемся до машины, которую пришлось оставить подальше от ресторана.

– Он так сопел над своей лазаньей. А с подбородка у него свисали слюни.

Мужик не сводил глаз с Тессы все время, за которое я пытался съесть свою слишком дорогую и не слишком удачную пасту.

Собираюсь было настоять на своем, но решаю не делать этого. Она даже не заметила того мужчину. Она улыбалась мне, разговаривала со мной и была слишком занята, чтобы хотя бы бросить на него взгляд. Она ослепительно улыбалась и терпеливо сносила все мои раздраженные замечания, что столик пришлось ждать долго; она всегда как-то по-особенному прикасается ко мне. Ее рука мягко касается моих пальцев, нежно отбрасывает прядь волос с моего лба. Она постоянно прикасается ко мне, и я, черт возьми, чувствую себя, как ребенок в Рождество. Если бы только я на самом деле знал, что дети чувствуют в Рождество.

Включаю печку на максимум, чтобы она побыстрее согрелась. Ее нос и щеки очаровательно покраснели, и я не могу сдержаться – тянусь к ней и провожу холодными пальцами по дрожащим губам.

– Ну, тогда ему придется заплатить кучу денег за лазанью со слюнями, – хихикает она, но я наклоняюсь и заглушаю ее замечания поцелуем.

– Иди сюда, – бормочу я и притягиваю ее к себе за рукава фиолетового пальто.

Она не возражает и, преодолев небольшое препятствие в виде подлокотника, забирается ко мне на колени. Ее рот прижимается к моему, и я властно прижимаю ее к себе так близко, насколько позволяет салон небольшого автомобиля. Тяну за рычаг, и спинка кресла опускается, и она, вздохнув, накрывает меня сверху.

– Все еще болит, – говорит она, и я мягко отстраняюсь.

– Я просто хотел тебя поцеловать, – отвечаю я.

Это правда. Само собой, я бы не отказался заняться с ней любовью на

переднем сиденье машины, но в тот момент я действительно думал не об этом.

– Хотя мне бы хотелось... – застенчиво отвечает она, отвернувшись, чтобы избежать моего взгляда.

– Мы можем поехать домой... ну, к тебе.

– Почему не здесь?

– Эй? Тесса? – Я машу ладонью перед ее лицом. – Вы не видели здесь Тессу? Потому что эта развратная женщина, помешанная на сексе, точно не она, – смеюсь я, и до нее наконец доходит.

– Я не помешанная на сексе. – Она обиженно наддувает нижнюю губу, и я наклоняюсь, чтобы зажать ее между зубами.

Тесса прижимается ко мне бедрами, и я оглядываю парковку. Солнце уже садится, а из-за облачного неба кажется, что уже поздно. Но на парковке все еще полно машин, и последнее, чего я сейчас хочу, это чтобы нас поймали занимающимися сексом в общественном месте.

Она отрывает свои губы от моих и скользит ртом по моей шее.

– Я подавлена. Тебя не было рядом, а я тебя люблю.

Несмотря на жар, исходящий от печки, когда она гладит меня через джинсы, по спине пробегает дрожь.

– Ну, может, все дело в гормонах, потому что скоро... ну, знаешь, эти дни.

Последние два слова она шепчет мне на ухо, как будто это какой-то неприличный секрет.

– А, теперь понятно.

Я ухмыляюсь, придумывая про себя всякие пошлые шуточки, которыми буду изводить ее всю неделю, я всегда так делаю.

Она читает мои мысли.

– Не говори ни слова, – предупреждает она, слегка стискивая мой член, а ее губы двигаются по моей шее.

– Тогда прекрати это, пока я не кончил в штаны. Со мной слишком часто такое случается с тех пор, как я с тобой познакомился.

– Да, конечно. – Она прижимается сильнее, и мои бедра предательски поднимаются навстречу этим мучительным движениям.

– Давай вернемся... Если кто-то увидит тебя здесь, верхом на мне посреди парковки, мне придется их убить.

Тесса задумчиво оглядывается по сторонам, и я вижу, как до нее доходит, где мы находимся.

– Ладно. – Снова надувшись, она карабкается на пассажирское сиденье.

– Смотрю, ситуация в корне изменилась.

Я вздрагиваю, когда ее рука возвращается на прежнее место и сильно сжимает.

Она мило улыбается, как будто пару секунд назад не пыталась меня кастрировать.

– Давай води машину.

– Я буду ехать на красный, чтобы поскорее попасть домой и отомстить тебе, – поддразниваю я.

Она закатывает глаза и отворачивается к окну.

К тому времени как мы доезжаем до первого красного светофора, Тесса уже спит. Я прикасаюсь к ней, чтобы убедиться, что она не замерзла. Во сне на лбу у нее выступили маленькие капельки пота, и я немедленно убавляю обогрев.

Всю долгую дорогу до дома Вэнсов я слушаю, как она дышит.

Легонько трясую ее за плечо, чтобы разбудить.

– Тесса, приехали.

Ее глаза мгновенно открываются, и она, часто моргая, пытается понять, где мы.

– Уже так поздно? – спрашивает она, бросив взгляд на часы на приборной панели.

– Пробки, – объясняю я.

На самом деле я бесцельно ездил, пытаюсь понять, что ее так привлекает в этом городе. Безрезультатно. Я не разглядел в морозном воздухе ничего особенного. Только пробки. И разводной мост, который их создает. Единственное, что имело значение, это девушка, спавшая на соседнем сиденье. Несмотря на все сияющие на горизонте здания, без нее этот город не стоил и выведенного яйца.

– Я все равно чувствую себя уставшей... Наверное, слишком много съела.

Она устало улыбается и отталкивает меня, когда я предлагаю отнести ее в комнату. Она машинально, словно зомби, проходит по дому Вэнсов и снова засыпает, едва ее голова касается подушки. Осторожно раздеваю ее, накрываю одеялом и кладу рядом свою футболку в надежде, что она наденет ее, когда проснется.

Любуюсь ею. Ее руки обвили мою, как будто это не твердая рука, а мягкая подушка. Ей, должно быть, неудобно, но она уснула, держась за меня так, будто боится, что я исчезну. И я думаю, что если не буду косячить на неделе, то, может, каждые выходные буду получать подобную награду. И это поможет мне продержаться до момента, когда она поймет, как

самоотверженно я готов меняться ради нее.

– Ты еще долго собираешься мне названивать? – рычу я в трубку.

Телефон звонил всю ночь и все утро, а на дисплее высвечивалось имя моей матери. Тесса каждый раз просыпалась и будила меня. В последний раз я поставил телефон в беззвучный режим.

– Нужно было сразу ответить! Я должна поговорить с тобой о важных вещах, – спокойно объясняет она.

А я не могу припомнить, когда я в последний раз с ней разговаривал.

– Тогда к делу, – бурчу я и машинально тянусь к выключателю.

Света от маленькой лампы слишком много для столь раннего часа, и я снова щелкаю выключателем. Комната погружается в темноту.

– Ладно, давай... – Она делает глубокий вдох. – Мы с Майком собираемся пожениться, – визжит она в трубку, и я отвожу телефон от уха, чтобы не оглохнуть.

– Ну и?.. – интересуюсь я, ожидая продолжения.

– Ты разве не удивлен? – спрашивает она, явно обескураженная такой реакцией.

– Он говорил, что собирается сделать предложение. И понятное дело, ты согласилась. Чему тут удивляться?

– Он говорил тебе?

– Дааа, – отвечаю я, разглядывая прямоугольные очертания картины, висящей на стене.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– А это имеет значение? – спрашиваю я.

– Конечно, имеет, Хардин, – вздыхает мама, а я сажусь поудобнее на кровати.

Тесса ворочается во сне и прикасается ко мне.

– Мне абсолютно все равно. Я был немного удивлен. Но, по большому счету, какое мне дело до твоего замужества? – шепчу я, обнимая ногами гладкие ноги Тессы.

– Я не прошу у тебя разрешения. Я просто хочу знать, что ты об этом думаешь, чтобы объяснить причину своего звонка.

– Я не против. Теперь скажи мне, в чем дело.

– Как ты знаешь, Майк считает, что было бы неплохо продать дом.

– И?

– Ну, он продан. Новые владельцы въедут в него в следующем месяце, после свадьбы.

– В следующем месяце? – Я тру виски указательными пальцами. Не надо было брать трубку с утра пораньше.

– Сначала мы хотели подождать до следующего года, но мы ведь не молодеем, и поскольку сын Майка как раз отправляется в университет, мы посчитали, что более удачного времени не будет. Через несколько месяцев потеплеет, но мы не хотим ждать. Будет прохладно, но не невыносимо. Ты ведь приедешь, правда? И привезешь Тессу?

– Так свадьба через месяц или через две недели? – Мозг отказывается работать в такую рань.

– Две недели! – ликует она.

– Я не думаю, что смогу...

Замолкаю на полуслове. Не то чтобы я не хотел принимать участие в этом радостном празднике взаимной любви и все такое прочее, но у меня нет желания тащиться в Англию. И я знаю, что Тесса тоже не захочет, особенно учитывая характер наших нынешних отношений.

– Но почему? Я сама ее попрошу, если...

– Нет, не стоит, – перебиваю я ее. И понимая, что это прозвучало довольно грубо, добавляю: – У нее даже нет паспорта.

А что, вполне правдоподобная отговорка.

– Она вполне может успеть получить его за две недели.

Я вздыхаю.

– Не знаю, мам, дай мне немного времени подумать об этом. Черт, сейчас семь утра, – ворчу я и отключаюсь.

И понимаю, что даже ее не поздравил. Блин. Ну, думаю, она от меня этого и не ждала.

Слышу, как внизу кто-то роется в шкафах. С головой залезаю под толстое одеяло, чтобы не слышать, как хлопают дверцы и пронзительно пищит посудомоечная машина, но звуки не исчезают. Какофония не затихает, но в конце концов я все равно засыпаю.

Глава 104

Хардин

На часах чуть больше восьми; из гостиной я вижу, что Тесса, полностью одетая, завтракает на кухне с Кимберли.

Черт, уже понедельник. Ей нужно на работу, а мне – ехать обратно в колледж. Сегодня я уже не успею на занятия, ну и плевать. Меньше чем через два месяца я получу диплом.

– Ты не собираешься его будить? – спрашивает Кимберли, как раз когда я вхожу.

– Я встал, – отвечаю я, все еще полусонный.

Этой ночью я спал лучше, чем всю предыдущую неделю. А в мою первую ночь здесь мы почти не спали.

– Привет! – Тесса улыбается, освещая комнату.

Кимберли тихо соскальзывает с высокого табурета и оставляет нас одних.

Она меня больше не раздражает, и это новый рекорд.

– Ты давно встала? – спрашиваю я Тессу.

– Два часа назад. Кристиан сказал, я могу на часок опоздать и дождаться, пока ты проснешься.

– Нужно было разбудить меня раньше.

Мои глаза жадно скользят по ее телу. Темно-красную блузу на пуговицах она заправила в черную юбку-карандаш, которая так обтягивает ее бедра, что мне хочется задрать ее, чтобы увидеть трусики, наверняка кружевные, и взять ее прямо сейчас, прямо здесь...

Она возвращает меня к действительности.

– Что?

Я слышу, как закрывается входная дверь, и понимаю, что мы наконец остались одни в огромном доме.

– Ничего, – отвечаю я и иду к полупустому кофейнику. – Я-то думал, у них нормальная кофемашина, у богатых ублюдков.

Тесса смеется над моим замечанием.

– К счастью, нет. Ненавижу такие вещи.

Она ставит локти на кухонный островок, и ее волосы струятся, обрамляя лицо.

– Я тоже.

Оглядываю просторную кухню и останавливаю взгляд на груди Тессы.

– Во сколько тебе нужно уходить? – спрашиваю я.

Она скрещивает руки на груди, мешая обзору.

– Через двадцать минут.

– Черт, – вздыхаю я, и мы одновременно подносим к губам кофейные чашки. – Тебе надо было разбудить меня раньше. Скажи Вэнсу, что задержишься.

– Нет! – Она дует на парящий кофе.

– Да!

– Нет! – твердо она повторяет. – Я не могу использовать близкие отношения с ним в личных целях.

Меня раздражает, какие слова она подбирает.

– Это не «близкие отношения». Ты живешь здесь, потому что дружишь с Кимберли и в первую очередь потому, что я представил тебя Вэнсу, – напоминаю я, прекрасно понимая, как ее бесит эта тема.

Она театрально закатывает свои серо-голубые глаза и пересекает комнату. Когда она проходит мимо меня, каблуки стучат по дороговому паркету особенно громко. Я ловлю ее за локоть и прерываю театральный уход.

Притягиваю к себе и прижимаюсь губами к ее шее.

– Куда это ты собралась?

– В комнату за сумкой, – отвечает она.

Но то, как поднимается и опускается ее грудь, противоречит холодному тону и бесстрастному взгляду.

– Скажи ему, что задержишься, – упрощаю я, легко касаясь кожи ниже шеи.

Она пытается казаться равнодушной, но я-то знаю, что это не так. Я знаю ее тело лучше, чем она сама.

– Нет. – Она слегка отталкивает меня, совсем немного, просто чтобы успокоить свою совесть. – Я не хочу злоупотреблять его хорошим отношением. Они и так разрешают мне бесплатно здесь жить.

Я не собираюсь сдаваться.

– Тогда я сам скажу.

Сегодня он сможет обойтись и без нее. Она и так бывает в офисе три дня в неделю. Мне она нужна больше, чем издательству.

– Хардин... – Она хватает меня за руку прежде, чем я успеваю достать из кармана телефон. – Я позвоню Ким.

Она хмурится, а я удивлен и очень благодарен за то, что она сдалась

так быстро.

Глава 105

Тесса

– Ким, привет, это Тесса. Я хотела...

– Валяй, – перебивает она. – Я все равно сказала Кристиану, что ты, скорее всего, сегодня не появишься.

– Извини за эту просьбу. Я...

– Тесса, все в порядке. Мы понимаем.

Ее искренность вызывает у меня улыбку, несмотря на то что я злюсь на Хардина. Как же здорово иметь подругу! Я все еще не могу забыть предательство Стеф. Оглядываю свою временную спальню и напоминаю себе, что я теперь в милях от нее, от того кампуса и от тех, кто, как я думала, стали моими друзьями в первом семестре. Все они оказались фальшивыми. Теперь я живу здесь. Теперь я в Сиэтле, и мне никогда больше не придется встречаться со Стеф или с кем-то еще.

– Огромное спасибо!

– Не благодари. Только помни, что все основные комнаты в доме находятся под наблюдением, – смеется Ким. – Но, уверена, после инцидента в спортзале ты об этом не забудешь.

Я бросаю взгляд на Хардина, который входит в спальню.

Его предвкушающая улыбка и джинсы, низко сидящие на бедрах, отвлекают меня от слов Кимберли. Я с трудом припоминаю, что она сказала пару секунд назад.

Спортзал? О боже! Мороз по коже. Хардин крадется ко мне.

– Ммм, да, – бормочу я, не позволяя Хардину подойти ближе.

– Развлекайтесь. – Кимберли отключается.

– У них в спортзале камеры! Они нас видели! – паникую я.

Хардин пожимает плечами, как будто речь идет о чем-то незначительном.

– Они выключили их прежде, чем что-то увидели.

– Хардин, они видели, что мы... ну, ты знаешь... в их спортзале. Мне так стыдно!

Я закрываю лицо руками, но Хардин быстро их убирает.

– Они ничего не видели. Я уже говорил с ними. Расслабься. Думаешь, я бы был так спокоен, если бы они посмотрели запись?

Он прав. Он бы был расстроен гораздо больше. Я расслабляюсь, но совсем немного. Все равно, даже если они действительно вовремя остановили запись, унижительно, что они вообще об этом знают.

Стоп, а что вообще значит «запись»? Сейчас же все цифровое. Они могли сказать, что выключили камеры, хотя на самом деле просто отвернулись...

– Это видео... оно ведь нигде не сохранилось, правда?

Я не могу не задать этот вопрос. Мой палец скользит по татуировке в форме креста на руке Хардина.

Хардин смотрит на меня вызывающе.

– Что ты хочешь этим сказать?

Старые... хобби Хардина всплывают у меня в памяти.

– Я не то имела в виду, – быстро бормочу я. Возможно, слишком быстро.

– Уверена?

Я вижу, как черты его лица заостряются. Взгляд становится виноватым.

– А как тогда ты могла знать, что я переживаю, что ты подумаешь об этом, если ты еще об этом не подумала?

– Не надо, – уверенно заявляю я и сокращаю расстояние между нами.

– Не надо что? – спрашивает он.

В эту секунду я могу читать его мысли. Я вижу, как в его памяти оживает все дурное, что он делал.

– Не надо. Не возвращайся к этому.

– Не могу. – Он медленно проводит рукой по лицу, но я чувствую, что он в бешенстве. – Ты думала об этом? Ты подумала, что я знал про камеры и позволил им смотреть?

– Что? Да нет же! Я бы никогда так не подумала, – искренне отвечаю я. – Я просто связала видео из спортзала с... с тем, что случилось раньше, когда ты это сказал. Я просто вспомнила. Я бы никогда не подумала, что ты снова этим занимаешься.

Я берусь за горловину его черной футболки.

– Я знаю, что ты бы никогда и никому не показал видео со мной.

Смотрю на него не отрываясь, пытаюсь заставить мне поверить.

– Если бы кто-то когда-то так поступил с тобой... – Он делает долгую паузу и глубоко вздыхает. – Я не знаю, что бы я с ним сделал. Даже если бы это был Вэнс, – признает он мрачно.

За последние полгода я неплохо изучила характер Хардина.

Встаю на цыпочки и смотрю ему в глаза.

– Этого не случится.

– Однако на прошлой неделе все же едва не случилось что-то ужасное, со Стеф и Дэном.

Его плечи дрожат, и я безуспешно пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы вытащить его из тьмы.

– Ничего не случилось.

Даже забавно: я пытаюсь его успокоить, хотя в действительности травму нанесли мне. Мы поменялись ролями, и это явно демонстрирует природу наших отношений – и то, что Хардин склонен винить себя за все, что не может контролировать. Как его мать, как меня. Теперь это ясно.

– Если бы он это сделал...

Всплывают смутные воспоминания о той ночи. Пальцы Дэна поднимаются по моему бедру, а Стеф стаскивает с меня платье...

– Давай не будет обсуждать то, что могло бы произойти, но не произошло.

Я наклоняюсь к Хардину, и он обнимает меня за талию, отгораживая от мира, защищая от плохих воспоминаний и несуществующей угрозы.

– Мы и так об этом почти не говорили, – негодует он.

– Я не хочу. Мы достаточно говорили об этом в доме моей матери. Не так я мечтаю провести свой внеплановый выходной.

Изображаю самую ослепительную улыбку, безнадежно пытаюсь сменить направление разговора.

– Я не вынесу, если кто-то причинит тебе боль. Меня трясет от одной мысли о том, что они могли с тобой сделать. Я схожу с ума из-за этого – перед глазами стоит красная пелена. Я не могу с этим справиться.

Злость не исчезает, напротив, лишь усиливается. Его зеленые глаза пылают гневом, а пальцы сильнее стискивают мои бедра.

– Давай больше не будем об этом. Я хочу, чтобы ты забыл обо всем, как забыла я.

Я глажу его по спине, умоляя оставить все в прошлом. Если мы продолжим твердить одно и то же, для обоих ничего хорошего не выйдет. Это было кошмарно и отвратительно, но я не позволю воспоминаниям меня преследовать.

– Я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя.

Его губы прижимаются к моим, и я обнимаю его, притягиваю к себе.

Между поцелуями я выдыхаю:

– Думай обо мне, Хардин. Только обо мне...

Он прерывает меня очередным прикосновением к моим губам, доказывая мне и себе свою преданность. Его настойчивый язык, преодолев

сопротивление, встречается с моим. Он еще сильнее стискивает мои бедра, а затем скользит пальцами по моему животу к груди, и у меня вырывается стон. Он кладет руки мне на грудь, и я еще сильнее вжимаюсь в него, наполняя его жадные руки.

– Докажи мне, что есть только я, – шепчет он в мои губы.

И я точно знаю, чего он хочет, что ему нужно.

Опускаюсь перед ним на колени и торопливо расстегиваю кнопку на джинсах. С молнией возникают проблемы, и я прикидываю, не разорвать ли ее. Но не могу заставить себя это сделать, помня о том, как он потрясающе смотрится в этих узких джинсах. Мои пальцы медленно скользят вдоль узкой дорожки волос, ведущей от пупка вниз, и он стонет от нетерпения:

– Пожалуйста, не надо меня дразнить.

Я киваю и стягиваю с него боксеры куда-то на икры, поверх скомканных джинсов. Он снова стонет, на этот раз громче и требовательнее, и я начинаю ласкать его ртом. Медленные движения моего языка лучше, чем любые слова, доказывают то, что я пытаюсь вбить в его сумасшедшую голову: это не имеет ничего общего с тем, что другие могли бы заставить меня сделать.

Я люблю его. Я знаю: то, что я сейчас делаю, это не лучший способ преодолеть его гнев. Но я нуждаюсь в нем настолько, что забываю о нравственных устоях и моральных принципах.

– Мне чертовски нравится, что я единственный мужчина, у которого ты брала в рот. – Он стонет, когда я беру в руку все, что не поместилось. – Эти губы прикасались только ко мне.

От быстрого движения его бедер я поперхнулась, и теперь он наклоняется ко мне, чтобы погладить пальцем мой лоб.

– Посмотри на меня, – требует он.

С удовольствием подчиняюсь. Это нравится мне не меньше, чем ему. Всегда нравится. Я обожаю смотреть, как он опускает веки при каждом движении моего языка. Мне нравится, как он рычит и стонет, когда я начинаю сосать сильнее.

– Черт, ты точно знаешь...

Он запрокидывает голову, и я чувствую, как под моими руками напрягаются мускулы. Я обхватила его бедра, чтобы не потерять равновесие.

– Я единственный мужчина, перед которым ты когда-либо будешь вставать на колени...

Сжимаю бедра, чтобы снять напряжение, которое создает его грязный

рот.

Хардин одной рукой хватается за стену, а мой рот все быстрее приближает его к финалу. Не свожу с него глаз, зная, что он сходит с ума, когда видит, как мне нравится доставлять ему удовольствие.

Он убирает свободную руку с моей головы и проводит большим пальцем по моей нижней губе, ускоряя темп.

– Черт, Тесс!

Он напрягается; приближаясь к развязке, он говорит, как ему хорошо и как он любит меня.

Я чувствую, как наполняется мой рот, и постанываю, принимая все от него. Я продолжаю двигаться, вытягивая все до последней капли, а он нежно поглаживает большим пальцем мою щеку.

Растворяюсь в этом прикосновении, упиваясь его нежностью, и он бережно помогает мне встать на ноги. Как только я оказываюсь рядом с ним, он заключает меня в объятия, и меня переполняет нежность.

– Прости, что разворошил все это, – шепчет он в мои волосы.

– Тсс, – шепчу я в ответ, не желая возвращаться к неприятному разговору, который произошел между нами всего несколько минут назад.

– Нагнись над кроватью, детка, – просит Хардин, и мне требуется пара секунд, чтобы осознать его слова.

Он не дает мне возможности ответить – кладет ладонь на поясницу, подталкивая меня к краю матраса. Его руки ложатся на мои бедра и задирают узкую юбку, обнажая ягодицы.

Я так хочу его, что почти ощущаю физическую боль. Боль, которую может облегчить только он. Я хочу снять туфли, но он снова давит мне на поясницу.

– Нет, не снимай! – рычит он.

Трусы оказываются в стороне, а его палец проскальзывает в меня. Начинаю постанывать. Он пододвигается ближе. Его ноги почти касаются моих, их мягко щекочат его носки.

– Так нежно, детка, так тепло.

К пальцу присоединяется еще один, и мои стоны нарастают. Я изо всех сил упираюсь локтями в матрас и выгибаюсь, когда он начинает ритмично двигаться во мне. Его пальцы то входят в меня, то снова выскальзывают.

– Ты так возбуждающе стонешь, Тесс, – мурлычет он, сокращая расстояние между нами, и я чувствую, как его напряженный член упирается в меня.

– Пожалуйста, Хардин! – хриплю я.

Я хочу его прямо сейчас. В эту секунду он заполняет меня так, как он

один это делает.

Я безумно хочу его, но это ничто по сравнению с моей испепеляющей, всепоглощающей, безрассудной любовью. И глубоко внутри, так глубоко, что видно только мне и ему, я знаю, что он всегда будет единственным.

Потом, когда мы лежим в постели, Хардин ноет:

– Я не хочу уезжать.

И в очень не похожей на себя манере наклоняется и утыкается лицом в мое плечо, обвивая руками и ногами. Его густые волосы щекочут мою кожу. Я пытаюсь отодвинуть их, но волос слишком много.

– Мне нужно подстричься, – заявляет он, будто прочитав мои мысли.

– Мне и так нравится. – Я тихонько тяну за кончики.

– Если бы и не нравилось, ты бы все равно не сказала, – говорит он.

Он прав, но только потому, что я даже не могу представить стрижку, которая бы ему не пошла. И все же мне особенно нравится нынешняя длина волос.

– Твой телефон снова звонит, – замечаю я. Хардин поднимает голову и смотрит на меня. – Вдруг с моим отцом что-то случилось? Я и так изо всех сил стараюсь не волноваться. И я действительно хочу доверять тебе, поэтому просто ответь, пожалуйста.

– Если что-то случится с отцом, Лэндон справится, Тесса.

– Хардин, ты знаешь, как мне тяжело не...

– Тесса, – окликает он, чтобы заставить меня замолчать, но тут же сползает с кровати и идет к своему телефону, вибрирующему на письменном столе. – Видишь, это моя мама.

Он поворачивает телефон экраном ко мне, чтобы я смогла разглядеть на нем имя. Я бы очень хотела, чтобы он прислушался к моим словам и записал ее в телефоне как «маму», но он отказывается.

Все постепенно, напоминая я себе.

– Ответь. Возможно, это что-то срочное.

Я выбираюсь из постели и пытаюсь выхватить телефон из его быстрых рук.

– Она в порядке. Она достает меня все утро.

Хардин дурачится, поднимая телефон над моей головой.

– Достает? Из-за чего? – спрашиваю я и вижу, что он выключает телефон.

– Ничего интересного. Ты же знаешь, она умеет быть навязчивой.

– Она не навязчивая.

Я пытаюсь защитить Триш. Она очень милая. И мне нравится ее чувство юмора. А вот ее сыну его слегка недостает.

– Просто ты точно такая же, как она. Я знал, что ты это скажешь.

Длинными пальцами он заправляет мне волосы за уши.

Я делаю вид, что сержусь.

– Ты сегодня просто очарователен. Если не считать того, что ты только что назвал меня навязчивой.

Я не жалею, но, принимая во внимание наше прошлое, боюсь, что, когда закончатся эти блаженные выходные, он станет вести себя по-другому.

– А ты бы предпочла, чтобы я все время был уродом? – Он поднимает бровь.

Я улыбаюсь, радуясь его игривому настроению. Пусть даже это продлится совсем чуть-чуть.

Глава 106

Хардин

Как будто чертовски долгого путешествия под ледяным дождем недостаточно, чтобы испортить мой день! Вваливаюсь в квартиру и обнаруживаю, что отец Тессы валяется на моем диване в моей одежде. Мои пижамные штаны и черная футболка ему откровенно малы. Чувствую во рту вкус круассана, которым Тесса накормила меня утром. Он явно хочет оказаться снаружи, прямо на бетонном полу.

– Как там Тесса? – спрашивает Ричард, заметив меня в дверях.

– Почему ты снова в моей одежде? – ворчливо интересуюсь я.

Может, если он не захочет отвечать, мне придется его заставить.

– Ты дал мне только одну рубашку, и от нее уже пахнет, – отвечает он и встает с дивана.

– Где Лэндон?

– Лэндон на кухне, – слышу позади себя голос своего сводного брата.

Через мгновение он присоединяется к нам с кухонным полотенцем в руках. На пол капает мыльная вода. Мрачно думаю о том, почему он не заставил Ричарда помыть посуду.

– Так как она? – спрашивает он.

– Она в порядке. Блин. Если это кому-то здесь интересно, я тоже в порядке, – бурчу я.

В квартире намного чище, чем раньше. Стопки исписанной бумаги, которую я давно собирался выкинуть, исчезли. Не видно и башни из бутылок из-под воды, которую я построил на кофейном столике. Исчезла даже пыль, которую я так заботливо растил в углах телевизора.

– Какого черта здесь произошло? – спрашиваю я их обоих.

Мое терпение уже на пределе, хотя я провел в квартире всего несколько минут.

– Если ты имеешь в виду, что мы прибрали в квартире... – начинает Лэндон, но я перебиваю его:

– Где все мое барахло? – В бешенстве меряю шагами комнату. – Разве я просил кого-то трогать мои вещи?

Тру пальцами переносицу и делаю глубокий вдох, чтобы взять себя в руки и остановить внезапный приступ гнева. Ну почему они решили

убраться в квартире, предварительно не спросив меня?

Я перевожу взгляд с одного на другого и удаляюсь в свою спальню.

– Кое-кто не в настроении, – комментирует Ричард.

– Не обращай внимания... он просто скучает по ней, – быстро отвечает Лэндон.

Вместо «А-не-пошли-бы-вы-на» я с оглушительным грохотом захлопываю дверь.

Лэндон прав. Я знаю. Я почувствовал это, как только уехал из этого чертового города. И чем больше я удалялся от нее, тем сильнее ныл каждый мускул в моем теле. Каждая миля увеличивала зияющую пустоту внутри. Пустоту, которую может заполнить лишь она.

Я проклинал каждого, кто попадался мне на шоссе, чтобы сохранить разум, но это помогло ненадолго. Надо было остаться в Сиэтле еще на несколько часов. Надо было заставить ее взять неделю отпуска и вернуться со мной домой. Черт, да она была так одета, что я просто не должен был оставить ей выбора!

Чем глубже я погружаюсь в раздумья, тем чаще ловлю себя на том, что представляю себя Тессу полуголой. Ее юбка задрана до талии, и это выглядит чертовски сексуально. Она пообещала не забывать обо мне всю неделю и сказала, что любит меня очень сильно.

Чем больше я вспоминаю о том, как она целовала меня снова и снова, тем сильнее возбуждаюсь.

Сейчас она нужна мне больше, чем когда бы то ни было. Это страсть и любовь, слитые воедино. Нет, моя потребность в ней гораздо глубже, чем просто влечение. То, что я чувствую, когда мы занимаемся любовью, невозможно описать, так же, как и звуки, которые она издает, напоминая мне, что я единственный мужчина, заставляющий ее это испытывать. Я люблю ее, а она любит меня. Конец истории.

– Привет, – произношу я в трубку еще до того, как осознаю, что набрал ее номер.

– Эй, что-то случилось? – спрашивает она.

– Нет. – Я обвожу взглядом спальню, мою чисто прибранную спальню. – Да.

– Что случилось? Ты дома?

Нет, это не дом. Ведь здесь нет ее.

– Да, и твой отец и Лэндон продолжают испытывать мое терпение.

Слышу в трубке короткий смешок.

– Ты дома максимум десять минут. Что они успели натворить?

– Они убрали всю квартиру, переложили все мои вещи. Я ничего не

могу найти.

Жаль, на полу нет чего-нибудь вроде грязной рубашки, что бы я мог пнуть.

– А что ты ищешь? – спрашивает она, но я слышу фоном еще один голос.

Мне стоит жутких усилий сдержаться и не спросить, кто с ней.

– Ничего особенного, – отвечаю я. – Но если бы я и хотел что-то найти, я бы не смог.

Она смеется.

– Значит, ты злишься, что они убрали квартиру и теперь ты не можешь ничего найти, так даже не ищешь?

– Да, – отвечаю я с усмешкой.

Я знаю, что веду себя как ребенок. И она это знает. Но не злится, а лишь надо мной посмеивается.

– Тебе надо сходить в спортзал.

– Мне надо вернуться в Сиэтл и еще раз трахнуть тебя на твоей кровати, – парирую я.

Она вздыхает, и этот звук отзывается глубоко внутри меня, увеличивая потребность в ней до невыносимой.

– О да, – шепчет она.

– Кто это там с тобой? – Я выдержал примерно сорок секунд. Прогресс.

– Тревор и Ким, – медленно отвечает она.

– Ты, наверное, шутишь!

Долбанный Тревор всегда поблизости. Да он становится большей проблемой, чем Зед, и это нечеловечески бесит.

– Хар-дин. – Я чувствую, что ей неловко и она не хочет обсуждать эту тему при них.

– Те-ре-за.

– Я выйду в свою комнату на минутку, – вежливо извиняется она.

Затем я с нарастающим нетерпением слышу в трубке только ее дыхание.

– Почему этот долбанный Тревор у тебя в доме? – Это звучит гораздо менее адекватно, чем я думал.

– Это не мой дом, – напоминает она.

– Да, но ты живешь там и...

– Тебе надо пойти в зал, – перебивает она. – Ты слишком разгорячился.

Пожалуйста, Хардин.

Я не могу сказать ей «нет».

– Позвоню, когда вернусь, – отвечаю я и отключаюсь.

На боксерской груше, которую я молотил ногами и руками два часа подряд, мне мерещилось модельное личико Тревоора. Но это не помогло, не особо. Я все еще... на взводе. Хотя и не могу толком понять, чем так раздражен, кроме того, что Тесса не здесь, а я не там.

Черт, это будет очень долгая неделя.

Сажусь в машину и вижу сообщение от Тессы. Не думал, что буду заниматься в зале так долго, но мне это явно было нужно.

«Пытаюсь не уснуть, но абсолютно без сил ;)), – написано в эсэмэс.

К счастью, темнота скрывает мою глупую усмешку, вызванную ее банальными инсинуациями. Она такая милая, хотя совсем не прикладывает к этому усилий.

Размышляю, не забить ли на сообщение Лэндона о том, что у меня почти закончились продукты. Для себя я не покупал продукты уже... никогда. Когда я жил в доме братства, я ел то, что покупали другие.

Однако Тесса может расстроиться, если узнает, что я морил ее отца голодом, а Лэндон не преминет ей на меня пожаловаться...

Почему-то отправляюсь в «Таргет» вместо «Коннерса». Тесса как-то влияет на меня, даже когда ее нет рядом.

Она ходит в «Коннерс» не реже, чем в «Таргет», но может часами объяснять мне, почему «Таргет» лучше, чем другие магазины. Она может пуститься в подобные объяснения, даже стоя посреди «Коннерса». Это чертовски меня бесит, но я научился кивать в подходящий момент, чтобы она думала, что я слушаю и даже с чем-то соглашаюсь.

Я бросаю в корзину упаковку хлопьев и замечаю в конце ряда копну рыжих волос. Узнаю Стеф прежде, чем она оборачивается. Ее распутные черные с красным кружевом ботфорты невозможно не узнать.

Быстро прикидываю два возможных варианта развития событий. Первый – я могу подойти к ней и напомнить, какая тупая долбанутая...

Она оборачивается раньше, чем я успеваю обдумать второй вариант, который я бы, скорее всего, и предпочел.

– Хардин! Стой! – громко кричит она мне вслед, когда я разворачиваюсь и ухожу, оставив корзину на проходе.

Несмотря на то что я измотан тренировкой, вряд ли я смогу держать себя в руках рядом со Стеф. Ни хрена подобного.

Слышу громкий стук сапог по ламинату. Она пытается догнать меня, несмотря на мои явные попытки избежать разговора.

– Послушай же меня! – кричит она у меня за спиной.

Я резко останавливаюсь, она врезается в мою спину и падает.

Я оборачиваюсь и рычу на нее:

– Какого хрена тебе надо?

Она поднимается на ноги, и я замечаю, что ее черное платье теперь все в пыли от пола.

– Я думала, ты теперь в Сиэтле.

– Так и есть, я здесь временно, – лгу я.

Не знаю, что заставило меня попытаться выслушать ее, но теперь поздно отступать.

– Я знаю, ты меня сейчас ненавидишь... – начинает она.

– Хотя одна верная мысль в твоей башке, – огрызаюсь я.

Присмотревшись, замечаю, что выглядит Стеф дерьмово. Глаз почти не видно из-за толстого слоя черной подводки.

– Я не в настроении тебя слушать, – предупреждаю я.

– Как всегда, – улыбается она.

Я сжимаю кулаки.

– Мне нечего тебе сказать, и ты знаешь, что я чертовски не люблю, когда ко мне лезут.

– Ты мне угрожаешь? Да?

Она поднимает руки перед своим лицом и тут же опускает. Я стою и молчу, и меня заполняют мысли о Тессе. Мне нужно уйти от Стеф. Я не смогу причинить этой девке физическую боль, но я прекрасно знаю, что сказать, чтобы ранить ее еще глубже. Это один из моих многочисленных талантов.

– Она тебе не подходит, – нагло заявляет Стеф.

Не могу сдержать смех от дерзости этой сучки.

– Ты не такая тупая, чтобы пытаться меня в этом убедить.

Но Стеф всегда была слишком самоуверенной. Самовлюбленной.

– Ты же знаешь, что это правда. Она не та, кто тебе нужен. А ты никогда не будешь тем, кто нужен ей.

Тлеющий уголек раздражения внутри превращается в пожар, а она продолжает:

– Тебе скоро наскучит ее ханжеское поведение, ты же знаешь. Может, оно уже тебе наскучило.

– Ханжеское?

Она не знает Тессу, которая тащится, когда ее трахают перед зеркалом, которую я трахаю пальцами, пока она не выкрикнет мое имя.

Стеф кивает.

– Ей наскучит эта возня с плохим мальчиком, и она выйдет замуж за

какого-нибудь банкира или еще за кого. Ты же не дурак, чтобы думать, что ее хватит надолго. Ты же видел, какой она была с этим Ноем, этим придурком в кардигане. Они были идеальной парой, как с картинки, и ты это знаешь. Тебе с ним не сравниться.

– И что? Ты думаешь, мы с тобой лучше подходим друг другу?

Она закатывает свои глаза, как у енота.

– Нет, конечно, нет. Я знаю, что тебе не нужна. И никогда не была нужна. Я просто за тебя переживаю, – сообщает она. Я блуждаю взглядом по пустым рядам. – Я знаю, что ты не хочешь мне верить. Хочешь свернуть мне шею за свою непорочную деву Марию. Но в глубине души ты знаешь, что я права.

Прикусываю щеку, когда слышу прозвище, которым наградили Тессу мои так называемые друзья.

– В глубине души ты знаешь, что ничего не получится. Она для тебя слишком рафинированная. Ты покрыт татуировками, и это только вопрос времени, когда ей надоест тебя стесняться.

– Она не стесняется меня. – Я делаю шаг к этой рыжеволосой гарпии.

– Ты же знаешь, что стесняется. Она говорила мне об этом, когда вы только начали встречаться. Уверена, ничего не изменилось.

Стеф улыбается. В ее носу блестит кольцо. Меня передергивает, когда я вспоминаю о том, как ее руки касались меня, притягивали к себе.

Я проглатываю желчь и спокойно отвечаю:

– Ты пытаешься мной манипулировать. Это все, что ты умеешь. Но я на это не куплюсь.

Протискиваюсь мимо нее. Она хрипловато смеется.

– Если ей хватало тебя, зачем она все время бегала к Зеду? Ты же знаешь, что люди говорили.

Останавливаюсь как вкопанный. Я помню, какой Тесса пришла после обеда со Стеф. Она была жутка расстроена, потому что Стеф привела с собой Молли и обе намекали на упорные слухи, что Тесса трахается с Зедом. Я был в ярости, позвонил Молли и предупредил ее, чтобы не вставала между мной и Тессой. А до Стеф это явно не дошло, хотя именно она и была причиной всех проблем.

– Ты и распустила эти слухи, – бросаю я.

– Нет... Сосед по комнате Зеда. Он слышал, как кровать Зеда стучала о стену, а она выкрикивала его имя, когда тот пытался уснуть. Неприятно, правда?

Злобная улыбка Стеф прогоняет остатки самоконтроля, который я так пытался сохранять после отъезда Тесс в Сиэтл.

Мне нужно уйти. Мне нужно уйти.

– Зед сказал, что с ней было классно. Она делает бедрами... ну что-то такое особенное. А ее задница... ну, ты знаешь.

Ее черные ногти нажимают на подбородок. Я больше не могу это выносить.

– Заткнись! – Я закрываю уши руками. – Мать твою, заткнись!

Я кричу на весь магазин, и Стеф разворачивается, продолжая улыбаться.

– Хочешь верь, хочешь нет, – пожимает она плечами. – Мне-то все равно, но ты знаешь, что это лишь потеря времени. Ты теряешь с ней время.

Она исчезает как раз в тот момент, когда мой кулак врезается в металлический стеллаж.

Глава 107

Хардин

Коробки падают с полок на пол. Я снова врезаюсь кулаком в металл, перед глазами плывут красные пятна. Знакомая боль, которой отзываются костяшки пальцев, только усиливает прилив адреналина, подогревая ярость. Это немного успокаивает. Наконец-то я позволяю себе выпустить пар тем способом, к которому я привык. Не нужно себя сдерживать. Не нужно обдумывать свои действия. Я могу поддаться своему гневу и позволить ему выплеснуться наружу.

– Что вы делаете! Кто-нибудь, на помощь! – кричит женщина.

Когда я оборачиваюсь к ней, она отступает в конец прохода, и я обнаруживаю маленькую светловолосую девочку, которая цепляется за ее юбку. В глазах женщины испуг.

Вижу яркие голубые глаза девочки и не могу отвести взгляд. Мне кажется, что каждым своим разъяренным вдохом я краду наивность из глубины этих глаз. Я перевожу взгляд на бардак, который учинил. Гнев мгновенно сменяется растерянностью и осознанием того, что я разгромил прилавок посреди «Таргета». Если я не уберусь отсюда раньше, чем подоспеет охрана, мне конец.

В последний раз бросаю взгляд на девочку в длинном платье и блестящих туфельках и бегу по проходу к выходу из магазина. Не обращая внимания на окружающих, петляю между рядами, стараясь держаться в тени. В голове туман. Мысли путаются.

Тесса не спала с Зедом.

Этого не было.

Не могло быть.

Я бы об этом знал. Кто-нибудь сказал бы мне. Она бы сама мне сказала. Она единственная, кто никогда мне не врет.

Выскакиваю на улицу. Морозный зимний воздух иголками впивается в кожу. Я не свожу взгляд со своей машины, припаркованной поодаль. Хорошо, что на улице темно.

– Черт! – кричу я, добежав до машины, и изо всех сил пинаю ботинком бампер. Скрежет металла только увеличивает мою злость. – Она была только со мной, – беззвучно произношу я уже в машине.

Я вставляю ключ в замок зажигания как раз в момент, когда на парковку въезжают две полицейские машины с сиренами и мигалками. Я медленно трогаюсь с места, чтобы не привлекать к себе внимания, и вижу, как полицейские паркуются у обочины и сломя голову несутся в магазин, как будто там только что произошло убийство.

Выезжаю с парковки и ощущаю огромное облегчение. Если бы меня арестовали в «Таргете», Тесса бы просто меня пришибла.

Тесса... и Зед.

Я не верю во всю эту фигню. Я знаю, что Тесса с ним не спала. Я знаю, что я единственный, кто был с ней в постели, единственный, с кем она испытывала удовольствие. Я, а не он.

Больше никто. Только я.

Трясу головой, чтобы отогнать видение, в котором она обнимает его руки, а он входит в нее.

Черт, только не это!

Я в буквальном смысле не могу ни о чем думать. Ничего не вижу. Я хочу только схватить Зеда за шею и...

Нет, я не могу позволить себе думать об этом. Стеф добилась, чего хотела, и это злит меня еще больше.

Она знала, что делала, когда говорила про Зеда. Она намеренно выводила меня из себя, и это сработало. Она знала, что выдернула чеку из гранаты, и ушла. Но я не граната, я смогу взять себя в руки.

Набираю номер Тессы, но она не берет трубку. Ее телефон звонит... звонит... и звонит. Она говорила, что собирается спать, но я знаю, что ее телефон стоит на вибро, а она спит чутко.

– Давай, Тесс, ответь мне! – рычу я и швыряю телефон на пассажирское сиденье.

Мне нужно подальше убраться от «Таргета», пока полиция не проверила камеры с парковки и так далее.

На шоссе творится какой-то кошмар, и я продолжаю названивать Тессе. Если она не ответит в течение часа, я позвоню Кристиану.

Надо было остаться в Сиэтле еще на сутки. Черт, надо было переехать туда. Все причины, по которым я отказывался, кажутся теперь абсолютно незначительными. Больше всего я сейчас боюсь расстояния, которое отделяет меня от нее.

«В глубине души ты знаешь, что ничего не получится».

«Ты покрыт татуировками, и ей надоест тебя стесняться, это лишь вопрос времени».

«Ей наскучит эта возня с плохим мальчиком».

«Выйдет замуж за банкира».

Голос Стеф продолжает звенеть у меня в ушах. Я схожу с ума. Я в буквальном смысле теряю рассудок на этой трассе. Усилия, которые я прилагал всю неделю, теперь ничего не значат. Эта гадюка убила воспоминания о двух днях, проведенных с Тессой.

Неужели оно того стоит? Стоит ли не прекращать попытки? Неужели мне всю жизнь придется сдерживаться, чтобы не сказать или не сделать что-то не то? И если я продолжу трансформацию себя ради нее, будет ли она, в конце концов, любить меня или просто будет чувствовать себя, как будто закончила проект по психологии?

И когда все это закончится, останется ли что-то от меня, что она сможет любить? Останусь ли я тем человеком, которого она полюбила, или после того, как она превратит меня в того, кого хочет видеть, я ей наскучу?

Или она пытается сделать меня более похожим на него... на Ноя?

«Тебе не сравниться с ним...»

Стеф права. Я не могу соревноваться с ним, не могу дать ей такие же простые отношения, какие были у нее с ним. Когда она была с ним, ей ни в чем не надо было соревноваться. Им было легко вместе. Легко и хорошо.

Он не испорчен, как я.

Я помню время, когда часами просиживал в своей комнате и ждал, чтобы Стеф рассказала мне, как Тесс вернулась после встречи с ним. Я вмешивался в их отношения, как мог, и, к моему удивлению, это сработало. Она выбрала меня, а не его, парня, которого она любила с детства.

Когда я представляю, как Тесса говорит Ною, что любит его, меня начинает тошнить.

«Возня с плохим мальчиком...» Я не просто плохой мальчик для Тессы. Я это точно знаю. Я перетрахал кучу девчонок, которые просто хотели попугать мной своих папочек, но Тесса не такая. Она достаточно вытерпела, чтобы доказать это.

Мои мысли отчаянно путаются, я не успеваю за ними.

Почему я позволил Стеф влезть в мою голову? Не надо было слушать эту суку ни секунды. А теперь я не могу выбросить ее слова из головы.

Я вытираю кровоточащие костяшки пальцев о джинсы и паркую машину.

Я поднимаю глаза и вижу, что припарковался у «Слепого Боба». Я ехал куда глаза глядят и вот приехал сюда.

Мне не надо ходить туда... но я не могу остановиться.

За барной стойкой я вижу прежнюю... подругу. Карли. Карли, на которой минимум одежды и красная помада.

– Так... так... так... – улыбается она мне.

– Хватит, – бормочу я и приземляюсь на высокий стул прямо напротив нее.

– Ни за что на свете. – Она качает головой, и ее светлый хвостик на затылке качается в такт. – В последний раз, когда я тебе наливала, все закончилось настоящим представлением, а сегодня у меня нет ни времени, ни желания смотреть его снова.

В последний раз, когда я появлялся здесь, я выглядел так дерьмово, что Карли заставила меня переночевать на ее диване. Это только усугубило недопонимание между мной и Тессой, которая в тот день из-за меня попала в аварию. Из-за всей дряни, которая вторглась в ее жизнь с моим появлением.

– Твоя работа – наливать мне выпить, когда я заказываю. – Я указываю на бутылку темного виски за ее спиной.

– Вон там есть надпись, которая утверждает обратное.

Она кладет локти на барную стойку, и я отодвигаюсь, чтобы расстояние между нами стало как можно больше.

Надпись гласит, что бармен имеет право отказать в обслуживании любому посетителю. Я не могу не засмеяться.

– И побыстрее, не хочу, чтоб лед растаял. – Я не обращаю внимания на то, что она закатывает глаза, когда поднимается со стула и берет пустой стакан.

В стакан льется темная жидкость, а в моей голове по-прежнему звучит голос Стеф. Это единственный способ забыть о ее лживых обвинениях.

Из задумчивости меня выводит голос Карли:

– Она звонит.

На экране я вижу фото Тессы, которое я сделал сегодня, пока она спала.

– Черт! – Я инстинктивно отодвигаю стакан, выплескивая его содержимое на барную стойку.

Не обращаю внимания на проклятия Карли и покидаю бар так же быстро, как зашел.

Снаружи я провожу пальцем по экрану.

– Тесс.

– Хардин! – взволнованно кричит она. – Все в порядке?

– Я столько раз звонил тебе. – Я выдыхаю с облегчением, услышав ее голос в динамике.

– Я знаю. Мне очень жаль. Я спала. Ты в порядке? Где ты?

– У «Слепого Боба», – признаюсь я.

Нет смысла обманывать. Тем или иным способом она всегда узнает правду.

– Ооо... – еле слышно шепчет она.

– Я заказал себе выпить. – Я могу рассказать ей все.

– Только один стакан?

– Да, и я даже не успел прикоснуться к нему, потому что ты позвонила.

Не могу понять, что я чувствую. С одной стороны, ее голос – все для меня, но в то же время я чувствую, как что-то зовет меня обратно в бар.

– Это хорошо, – отвечает она. – Ты уходишь оттуда?

– Да, прямо сейчас.

Я открываю дверь машины и забираюсь на водительское сиденье.

Через несколько мгновений Тесса спрашивает:

– А почему ты пошел туда? Ничего страшного, что пошел... Просто хочу знать почему.

– Я видел Стеф.

Тесс тяжело вздыхает:

– Что-нибудь случилось? Что ты... Что-то случилось?

– Я ничего ей не сделал, если ты об этом.

Разворачиваю машину, но не уезжаю с парковки. Я хочу поговорить с Тессой, не отвлекаясь на вождение.

– Она сказала мне кое-что... что выбило меня из колеи. Я вышел из себя в «Таргете».

– Все хорошо? Подожди, я думала, ты ненавидишь «Таргет».

– Из всего, что я сказал... – начинаю я.

– Извини. Я просто еще наполовину сплю.

Я слышу в ее голосе улыбку, но ее тут же сменяет волнение:

– Ты в порядке? Что она сказала?

– Она сказала, что ты спала с Зедом, – отвечаю я.

Не хочу повторять ту фигню, что мы не подходим друг другу.

– Что? Это ложь! Ты же знаешь, Хардин, между нами не было ничего, о чем бы ты уже...

Я прикасаюсь пальцами к лобовому стеклу, наблюдая, как на нем застывают мои отпечатки.

– Она сказала, его сосед по комнате все слышал.

– Ты ведь ей не поверил, правда? Ты не мог ей поверить. Ты меня знаешь. Я бы сказала тебе, если бы ко мне прикасался еще кто-то. – Ее голос срывается, и я ощущаю боль в груди.

– Шшш...

Не надо было говорить с ней об этом. Надо было сказать ей, что я

знаю, что все это ложь. Но я, эгоистичный урод, хотел услышать все это от нее.

– Что еще она сказала? – Тесса плачет.

– Всякие гадости. Про тебя и Зеда. Она сыграла на всех моих страхах и сомнениях.

– И поэтому ты пошел в бар? – Неожиданно для меня в ее голосе нет осуждения, только понимание.

– Думаю, да, – выдыхаю я. – Она знает такие вещи о твоём теле, которые должен знать только я.

По моему позвоночнику пробегает дрожь.

– Она была моей соседкой по комнате. Она сто раз видела, как я переодеваюсь. Не считая того, что именно она раздевала меня в ту ночь, – всхлипывает она.

Во мне снова вскипает злость. Представляю себе, как Тесс не может шевельнуться, пока Стеф сдирает с нее одежду.

– Не плачь, пожалуйста. Я этого не выдержу. Ты так далеко от меня, – умоляю я.

Сейчас, когда я слышу в трубке нежный голос Тесс, мне очевидно, что в словах Стеф нет ни капли правды. И злость, бешеная и всепоглощающая, которую я ощущал всего пару минут назад, куда-то исчезает.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, пока я еду домой.

Выезжаю на трассу и ставлю Тессу на громкую связь.

– Да, давай. – Она секунду собирается с мыслями. – Кимберли и Кристиан предложили в эти выходные съездить с ними в клуб.

– Ты не поедешь.

– Может, ты позволишь мне договорить? – возмущается она. – Но поскольку я надеюсь, что ты в это время будешь здесь, и знаю, что ты не захочешь поехать, мы договорились, что я присоединюсь к ним в среду.

– Какой клуб открыт по средам? – Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида. – Я иду с тобой.

– Почему это? Ты же ненавидишь клубы, забыл?

Я закатываю глаза.

– Я пойду с тобой в выходные, потому что я не хочу, чтоб ты шла туда в среду.

– Я пойду туда в среду. Мы можем сходить туда вместе в выходные, но я уже сказала Ким, что пойду с ними в среду, и не вижу причин отказываться.

– Я бы не хотел, чтоб ты шла, – цежу я сквозь зубы. Я уже на грани, а она продолжает меня испытывать. – Или давай я приеду в среду, –

предлагаю я, стараясь оставаться разумным.

– Нет смысла ехать сюда в среду, раз ты все равно приедешь на выходные.

– Ты не хочешь, чтобы тебя видели со мной?

Это вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

– Что?

Я слышу щелчок. Она включила лампу.

– Ты же знаешь, что это не так. Не позволяй Стеф говорить в тебе. Это ведь ее слова, правда?

Я въезжаю на стоянку около дома и паркуюсь в полной тишине. Тесса ждет объяснений. В конце концов я вздыхаю:

– Нет. Я не знаю.

– Нам нужно научиться бороться вместе. А не друг против друга. Так не должно быть: Стеф против тебя и против меня. Мы должны быть вместе, – продолжает она.

Она права. Черт, она всегда права.

– Я приеду в среду и останусь до воскресенья.

– У меня учеба и работа.

– Похоже, ты не хочешь, чтобы я приезжал. – Паранойя снова вступает в свои права.

– Конечно, хочу. Ты знаешь, что хочу.

Я смакую эти слова. Черт! Как же я по ней скучаю!

– Ты уже дома? – спрашивает Тесса, как раз когда я выключаю зажигание.

– Да, только подъехал.

– Я скучаю по тебе.

Грусть в ее голосе заставляет меня остановиться.

– Я тоже скучаю по тебе, детка. Мне так жаль. Но я просто с ума схожу без тебя, Тесс.

– Я тоже. – Она вздыхает так, что мне снова хочется просить прощения.

– Я идиот. Мне надо было сразу поехать с тобой в Сиэтл.

Разговор прерывается кашлем.

– Что?

– Ты слышала. Я не буду повторять.

– Ладно. – Она перестает кашлять, а я тем временем захожу в лифт. – Хотя я явно услышала не то, что ты сказал.

– Так что мне сделать со Стеф и Дэном? – Я меняю тему.

– Что ты можешь сделать? – быстро спрашивает она.

– Вряд ли ты хочешь, чтобы я ответил.
– Ничего, просто оставь их в покое.
– Она наверняка расскажет всем о том, что было сегодня, и продолжит распускать слухи о тебе и Зеде.

– Я там больше не живу. Мне все равно, – отвечает Тесса, чтобы меня успокоить.

Но признает она или нет, я знаю, что эти слухи причиняют ей боль.

– Не хочу это так оставлять, – возражаю я.

– Я не хочу, чтобы ты из-за них попал в неприятности.

– Ладно, – говорю я, и мы прощаемся.

Она все равно не согласится с моими планами, как остановить Стеф, нечего и пытаться. Я открываю дверь в квартиру и вижу, что Ричард так и уснул, растянувшись на диване. По квартире разносится голос Джерри Спрингера. Выключаю телевизор и иду в спальню.

Глава 108

Хардин

Весь день я не чувствовал под собой ног. Не помню даже, как пришел на первое занятие, и уже спрашиваю себя, почему меня это вообще волнует.

Иду мимо административного корпуса и вижу, что на нижней ступеньке стоят Нэт и Логан. Я натягиваю капюшон и молча прохожу мимо них. Я хочу убратся как можно дальше от этого места.

Но внезапно меняю решение, разворачиваюсь и избегаю по ступенькам здания. Секретарша моего отца встречает меня самой фальшивой улыбкой из возможных.

– Чем я могу вам помочь?

– Мне нужно увидеть Кена Скотта.

– У вас назначена встреча? – спрашивает она приторным голоском, прекрасно зная ответ. Она отлично знает, кто я такой.

– Конечно, нет. Мой отец здесь?

Я указываю на толстую деревянную дверь. Стекло непрозрачное, поэтому через него невозможно ничего разглядеть.

– Он на месте, но у него селекторное совещание. Если вы присядете, я...

Обхожу ее стол и иду прямо к двери. Нажимаю на ручку и распахиваю дверь; отец поднимает вверх указательный палец, чтобы я дал ему минуту.

Как благовоспитанный молодой человек, закатываю глаза и сажусь напротив.

Примерно через минуту отец кладет телефонную трубку и, поднявшись с кресла, здоровается со мной.

– Я тебя не ждал, – признается он. – Что-то случилось?

Он переводит взгляд на закрытую дверь за моей спиной и снова на меня.

– У меня есть вопрос. – Я кладу руки на его темно-бордовый стол вишневого дерева и поднимаю на него глаза.

Темные пятна на лице свидетельствуют о том, что отец не брился несколько дней. Манжеты белой рубашки немного помяты. Не думаю, что с момента своего переезда в Америку я хоть раз видел его в мятой рубашке. Этот человек всегда спускался к завтраку в вязаном жилете и выглаженных

брюках.

– Я слушаю, – говорит отец.

Между нами заметна некоторая натянутость, но я уже с трудом припоминаю, что когда-то испытывал к этому человеку жгучую ненависть. Я не знаю, что испытываю к нему сейчас. Вряд ли я когда-то смогу полностью простить его, но прежняя злость отнимала слишком много сил.

У нас никогда не будет таких отношений, какие сложились у него с моим сводным братом, но все же мне приятно осознавать, что, когда мне от него что-то нужно, он старается изо всех сил. В большинстве случаев его помощь абсолютно бесполезна, но то, что он хотя бы пытается, само по себе ценно.

– Насколько мне будет трудно перевестись в отделение в Сиэтле?

Он театрально поднимает брови.

– В самом деле?

– Да. Мне не нужно знать твое мнение, мне нужен ответ на вопрос.

Даю понять, что мое неожиданное решение не обсуждается.

Он задумчиво смотрит на меня и отвечает:

– Что ж, это точно отодвинет дату твоего выпускного. Тебе лучше остаться здесь до конца семестра. Пока ты подашь заявление на перевод, зарегистрируешься там и переедешь в Сиэтл... Логически рассуждая, это просто не имеет смысла и не стоит затраченных усилий.

Откидываюсь в кожаном кресле и пристально смотрю на него.

– Ты не мог бы помочь и ускорить этот процесс?

– Возможно, но ты все равно выпустишься позже.

– Значит, я в любом случае должен остаться здесь.

– Ты не должен, – он потирает темное пятно на подбородке, – но на данный момент это самое разумное решение. Осталось совсем недолго.

– Я все равно не пойду на церемонию, – напоминаю я ему.

– Я надеялся, ты изменил свое мнение, – вздыхает он, и я отвожу глаза.

– Нет, не изменил, так что...

– Это очень важный для тебя день. Последние три года...

– Мне все равно. Я не хочу идти. Я согласен получить диплом по почте. Я не пойду, и это не обсуждается.

Блуждаю взглядом по стене за его спиной, где висят многочисленные рамки. Эти сертификаты и дипломы свидетельствуют о его многочисленных достижениях и, судя по тому, как отец ими гордится, всегда будут значить для него больше, чем когда-либо будут значить для меня.

– Обидно это слышать, – говорит он, продолжая созерцать рамки. – Но

я больше не буду спрашивать.

– Почему тебе так важно, чтобы я пошел? – решаю я спросить.

Напряжение нарастает, атмосфера накаляется, но внезапно черты его лица разглаживаются, и я понимаю, что момент тишины между нами закончился.

– Потому что, – медленно выдыхает он, – было время, довольно долгое время, когда я понятия не имел... – еще одна пауза, – чем это все обернется.

– Объясни.

– Ты уверен, что у тебя есть время на это?

Он бросает взгляд на мои разбитые кулаки и пятна крови на джинсах. Я знаю, что он на самом деле имеет в виду. «Ты достаточно психологически устойчив, чтобы начинать этот разговор?»

Конечно, надо было сменить джинсы. Но утром мне ничего не хотелось делать. Я в буквальном смысле скатился с кровати и поехал на учебу.

– Я хочу знать, – сурово отвечаю я.

Он кивает.

– Одно время я вообще не был уверен, что ты окончишь колледж, учитывая все неприятные истории, в которые ты постоянно попадал.

Перед глазами мелькают воспоминания: драки в барах, магазинные кражи, плачущие полуголые девушки, жалобы соседей и обескураженное лицо матери.

– Я знаю, – соглашаюсь я. – По правде говоря, я и сейчас влипаю в неприятности.

Отец взглядом дает понять, что ему неприятно мое легкомысленное отношение к тому, что являлось его постоянной головной болью.

– Не так, как раньше. С тех пор как встретил... ее, – спокойно замечает отец.

– Она – источник всех моих неприятностей, – отвечаю я, потирая шею и осознавая, что я полное дерьмо.

– Я бы так не сказал.

Он прищуривает свои карие глаза, поигрывая верхней пуговицей на жилете. Секунду мы сидим в тишине, не зная, что сказать.

– Я так виноват перед тобой, Хардин. Не знаю, что бы я делал, если бы ты не окончил школу и не поступил в колледж.

– Ничего. Ты бы продолжал жить своей идеальной жизнью здесь, – огрызаюсь я.

Он вздрагивает, как будто я его ударил.

– Это неправда. Я хочу для тебя лучшего. Я не всегда давал тебе знать,

я понимаю, но твое будущее для меня очень важно.

– Поэтому ты и пристроил меня сюда?

Мы никогда не обсуждали эту тему, но я точно знаю, что он использовал служебное положение, чтобы меня приняли в его чертов колледж. Я все равно ни хрена здесь не делал, и мои оценки это доказывают.

– Поэтому, и еще потому, что мать с тобой чуть с ума не сошла. Я хотел, чтобы ты приехал сюда, чтобы я мог лучше тебя узнать. Ты уже не тот мальчик, которым был, когда я уехал.

– Если хотел узнать меня поближе, надо было больше времени проводить вместе и меньше пить.

В памяти всплывают картины, которые я так старался забыть.

– Ты уехал, и у меня не было возможности побыть обычным ребенком.

Иногда мне было интересно, каково это – быть счастливым ребенком в полной гармоничной семье. Пока моя мать работала от рассвета до заката, я часами сидел в одиночестве в нашей гостиной и рассматривал грязные кривые стены. Я готовил себе какую-нибудь несъедобную гадость и представлял, что сижу за столом вместе со своей большой семьей, где каждый меня любит. Они бы смеялись и спрашивали, как прошел мой день. Когда я дрался в школе, то жалел, что поблизости нет отца, который погладил бы меня по спине или, наоборот, отвесил пинка за плохое поведение.

Но я рос, и все становилось проще. В подростковом возрасте я понял, что могу причинять людям боль, и все стало совсем легко.

За все проведенные в одиночестве часы я отомстил матери тем, что называл ее только по имени и никогда не говорил ей «я тебя люблю».

На отце я отыгрался, перестав с ним разговаривать. У меня была только одна цель: сделать всех вокруг такими же несчастными, каким был я. И в конце концов я нашел способ. Я использовал секс и обман, чтобы сделать больно девушкам, и превратил это в игру. Это имело особенно неприятные последствия для одной из подруг моей матери, которая проводила со мной слишком много времени. Пострадало не только ее достоинство, но и ее брак. А мама была шокирована, узнав, что ее четырнадцатилетний сын способен на такое.

Кажется, что Кен все понимает, как будто знает, о чем я сейчас думаю.

– Я знаю. И очень сожалею обо всем, через что тебе пришлось пройти из-за меня.

– Больше не хочу об этом говорить.

Я отталкиваю кресло и встаю.

Отец остается сидеть. Какое странное ощущение превосходства! Я чувствую себя намного... выше его во всех отношениях. Он охвачен чувством вины и сожалениями, а я, напротив, наконец примирился со своими.

– Случилось столько всего, чего ты не сможешь понять. Я хотел бы тебе рассказать, но это ничего не изменит.

– Я сказал, я больше не хочу это обсуждать. У меня и так был дерьмовый день, это уже слишком. Я понял. Ты сожалеешь, что бросил нас, и все такое. С меня хватит, – лгу я, и он кивает.

На самом деле это не совсем ложь. Я действительно сейчас как никогда близок к тому, чтобы забыть всю эту историю.

Уже в дверях мне в голову приходит одна мысль, и я оборачиваюсь.

– Мама выходит замуж. Ты в курсе? – спрашиваю я из чистого любопытства.

По его взгляду и насупленным бровям видно, что он ни хрена не знал.

– За Майка... ну, за соседа.

– А, – хмурится он.

– Через две недели.

– Так скоро?

– Ну да, – киваю я. – А что, есть какие-то проблемы?

– Нет, вовсе нет. Я просто немного удивлен, вот и все.

– Да, я тоже.

Опираюсь плечом о дверной косяк и замечаю на угрюмом лице отца облегчение.

– Ты будешь на свадьбе?

– Нет.

Кен Скотт встает, обходит массивный стол и останавливается рядом со мной. Признаюсь, я немного боюсь. Не его, конечно, а тех чувств, которые читаются в его взгляде. Он говорит:

– Ты должен быть там, Хардин. Иначе ты разобьешь ей сердце. Она ведь знает, что ты был на нашей с Карен свадьбе.

– Ну, мы оба знаем, почему я был на твоей свадьбе. У меня просто не было выбора. К тому же церемония не проходила на другом конце этой долбаной планеты.

– Ты мог отказаться, учитывая, что мы даже толком не разговаривали. Ты должен там быть, Хардин. Тесса знает?

Черт. Этого я не учел.

– Нет. И не надо говорить об этом ни ей, ни Лэндону. Он ведь не сможет держать язык за зубами.

– Почему ты скрываешь это от нее? – спрашивает он осуждающе.

– Я ничего не скрываю. Просто не хочу, чтобы она переживала. У нее даже нет паспорта. Она никогда не покидала Вашингтон.

– Ты же знаешь, она захочет поехать. Тесса любит Англию.

– Она там никогда не была!

Я повышаю голос, и тут же делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Меня бесит, что он ведет себя так, будто она его родная дочь и он знает ее лучше меня.

– Я ничего ей не скажу, – обещает он, поднимая руки, чтобы меня успокоить.

Хорошо, что он не стал развивать эту тему. Сегодня я уже наговорился и чувствую себя опустошенным. Прошлой ночью после разговора с Тессой я совсем не спал. Вернулись кошмары, и я больше не ложился после того, как в третий раз проснулся в холодном поту.

– Тебе нужно зайти к нам и повидаться с Карен. Она вчера о тебе спрашивала, – говорит он вслед.

– Ага, – бормочу я и закрываю за собой дверь.

Глава 109

Тесса

Парень, про которого я думаю, что он собирается стать политиком, наклоняется ко мне на лекции и шепчет:

– За кого ты голосовала на выборах?

Среди новых одноклассников чувствую себя немного неудобно. Парень хорош собой, даже слишком, щеголяет загаром и стильной одеждой. Он привлекателен, не так, как Хардин, но явно привлекателен и прекрасно это знает.

– Я не голосовала, – отвечаю я. – Была слишком маленькая.

– Точно! – смеется он.

На самом деле я не собиралась с ним разговаривать, но преподаватель попросил нас чем-нибудь заняться пару минут, пока он отвечает на звонок. С облегчением вздыхаю: на часах – десять, а значит, пора уходить.

Попытки будущего политика продолжить разговор за пределами аудитории терпят неудачу, и вскоре он ретируется.

Все утро я не могла сосредоточиться. Я не могла выбросить из головы Стеф: что она сказала Хардину, что он так вышел из себя? Знаю, он не поверил слухам обо мне и Зеде. Значит, она сказала ему что-то еще, нечто такое ужасное, что он даже не захотел это повторять.

Ненавижу Стеф. Ненавижу ее за то, что она сделала со мной, и за то, что она постоянно лезет к Хардину и причиняет ему боль – через меня.

Глава 110

Хардин

Кажется, я не был здесь лет сто. С час я катался по окрестностям, обдумывая все возможные последствия своего визита. Составив с умом список всех «за» и «против», что мне совершенно не свойственно, выключаю двигатель и выхожу в вечернюю прохладу.

Надеюсь, он дома. Если нет, получится, я зря потерял полдня и буду еще более раздражен, чем сейчас. Я обвожу взглядом парковку и замечаю его грузовик. Коричневый двухэтажный дом стоит чуть в стороне от дороги. На второй этаж ведет ржавая лестница. Поднимаюсь по стертým ступеням и обдумываю причины, по которым я здесь.

Как только я оказываюсь у нужной квартиры, в заднем кармане вибрирует телефон. Это Тесса или мама. Ни с одной из них я сейчас не настроен беседовать. Если я поговорю с Тессой, то не выполню свой план. А мама будет в очередной раз доставать разговорами о свадьбе.

Стучусь, и через несколько секунд Зед мне открывает. На нем только домашние штаны, он босиком. Замечаю, что замысловатая татуировка, которую он уже показывал мне, стала больше. Наверное, он доделал ее уже после того, как попытался закадрить мою девушку.

Зед не здоровается, просто молча смотрит на меня. На его лице застыло удивление.

– Нам надо поговорить, – наконец произношу я и протискиваюсь мимо него в квартиру.

– Может, мне вызвать копов? – сухо спрашивает он.

Я усаживаюсь на потрепанный кожаный диван и впиваюсь в него взглядом.

– Зависит от того, готов ли ты сотрудничать.

Темная щетина покрывает его подбородок и обрамляет рот. Кажется, я увидел его около дома матери Тессы не десять дней назад, гораздо больше, а не меньше месяца.

Он опирается о стену в противоположном конце маленькой гостиной.

– Тогда переходи к делу.

– Ты же знаешь, что речь пойдет о Тессе.

– Я догадался. – Он скрещивает на груди покрытые татуировками

руки.

– Ты не поедешь в Сиэтл.

Его широкая бровь приподнимается, а на лице появляется улыбка.

– Поеду. Я уже все спланировал.

Что за черт? Зачем ему ехать в Сиэтл? Он все усложняет, и я уже начинаю удивляться собственной тупости. Какого хрена я считал, что этот разговор может закончиться как-то иначе, кроме как тем, что его унесут на носилках.

– Дело в том, что... – Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться и следовать первоначальному плану. – Ты не поедешь в Сиэтл.

– Я собираюсь навестить друзей, – с вызовом заявляет он.

– Вот черт. Я же знаю, что ты собираешься там делать, – огрызаюсь я.

– Я собираюсь остановиться в Сиэтле у друзей, но если тебя это так волнует, да, она пригласила меня навестить ее.

Как только он произносит это, я вскакиваю.

– Не выводи меня, я пытаюсь держать себя в руках. У тебя нет совершенно никаких причин навещать ее, она моя!

Он снова поднимает бровь.

– Ты слышишь, как это звучит? Говоришь, что она твоя, как будто она твоя собственность.

– Да мне по хрену, как это звучит. Это правда.

Я делаю шаг к нему. Воздух между нами вибрирует от напряжения. Каждый пытается настоять на своем, но я не отступлю.

– Если она твоя, почему ты не с ней в Сиэтле? – настаивает он.

– Потому что я выпускаюсь в этом семестре, вот почему.

Зачем я вообще отвечаю на его вопросы? Я пришел сюда, чтобы высказаться, а не чтобы выслушать его и позволить «вовлечь меня в диалог», как выражается один наш препод.

– Не имеет значения, там я или нет. Ты не увидишься с ней, пока будешь в Сиэтле.

– Решать ей, разве нет?

– Если бы я так считал, я бы не пришел сюда, разве нет?

Я сжимаю кулаки и перевожу взгляд на стопку научных книг на его кофейном столике.

– Почему бы просто не оставить ее в покое? Или это из-за того, что я...

– Нет... – перебивает он. – Никакой связи. Я всего лишь забочусь о ней, так же, как и ты. Но, в отличие от тебя, обращаюсь с ней так, как она заслуживает.

– Ты ничего не знаешь о том, как я с ней обращаюсь! – рычу я.

– Нет, чувак, знаю. Сколько раз она прибегала ко мне вся в слезах из-за того, что ты сказал или сделал? Слишком много. – Он указывает на меня пальцем. – Ты причиняешь ей боль. И ты это знаешь.

– Во-первых, ты вообще ее не знаешь. А во-вторых, ты просто жалок. Сохнешь по той, которая никогда тебе не принадлежала. Сколько раз я уже это тебе говорил? О скольких девушках?

Он внимательно смотрит на меня и облизывает губы.

– Нет, я не жалок. На самом деле я просто умен. Я буду поблизости, буду ждать, пока ты снова облажаешься, что неизбежно, и тогда я окажусь рядом с ней, чтобы утешить.

– Ты чертов... – Отступаю на шаг, пока я не потерял контроль и не ударил его головой об стену. – Чего ты хочешь? Хочешь, чтобы она сама сказала тебе, что ты ей не нужен? Я думал, она уже это сделала, но ты нарисовался здесь...

– Это ты пришел ко мне.

– Черт побери, Зед! – ору я. – Какого черта тебе просто не прекратить? Ты знаешь, что она для меня значит, и все равно встаешь на пути. Найди себе другое развлечение. Вокруг полно шлюх.

– Шлюх? – повторяет он с издевкой.

– Ты знаешь, что я не имел в виду Тессу. – Я изо всех сил стараюсь не пускать в ход кулаки.

– Если бы она так много значила для тебя, ты бы столько не натворил. Она знает, что ты трахнул Молли, когда уже встречался с ней?

– Знает. Я ей сказал.

– И она не против?

Он – полная противоположность мне. Он собран и спокоен, в то время как я изо всех сил борюсь с закипающим гневом.

– Она ничего для меня не значила. И это случилось намного раньше. – Я пытаюсь собраться. – Но я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать с тобой наши отношения.

– Ладно, тогда зачем ты пришел?

Самодовольный ублюдок!

– Сказать тебе, что ты не увидишься с ней в Сиэтле. Я думал, мы сможем обсудить это... – я пытаюсь подобрать слова, – более цивилизованно.

– Цивилизованно? – издевается Зед. – Извини, но мне трудно поверить, что ты пришел сюда с добрыми намерениями.

Он указывает на шишку на его переносице.

Я на мгновение закрываю глаза и вспоминаю, как кровоточил его разбитый нос после того, как я приложил его головой. Эти воспоминания только подстегивают меня, адреналин в моей крови зашкаливает.

– Да, для меня это цивилизовано! Я пришел сюда поговорить, а не драться, но если ты не оставишь ее в покое, у меня просто не останется выхода.

– И что потом? – произносит Зед.

– Что?

– Что потом? Мы это уже проходили. Ты не можешь бесконечно нападать на меня безнаказанно. В этот раз я напишу заявление, и тебя арестуют.

Он делает многозначительную паузу. Это бесит меня еще больше. Я ничего не могу поделать с этим, только в буквальном смысле убить его, что, конечно, не вариант... по крайней мере сейчас.

Глубоко дышу и пытаюсь расслабиться. Мне придется пойти на крайние меры. Я не хотел прибегать к ним, но он не оставляет мне выбора.

– Я пришел сюда, чтобы предложить тебе своеобразный договор, – говорю я.

Он склоняет голову и вызывающе смотрит на меня.

– Какой договор? Еще одно пари?

– Не беси меня... – рычу я сквозь зубы. – Что ты хочешь за то, чтобы оставить нас в покое? Скажи, что ты хочешь за то, что уберешься из нашей жизни, и я дам тебе это.

– Просто позволь нам увидаться еще раз, – отвечает он. – Я буду в Сиэтле в четверг.

– Нет. Только не это.

Он совсем тупой?

– Я не прошу твоего разрешения. Я просто пытаюсь тебе объяснить.

– Этого не будет. Вам незачем встречаться. Она не будет ни с тобой, ни с каким-либо другим мужчиной. Никогда.

– В этом ты весь. Собственник.

Он закатывает глаза, а я думаю, что бы сказала Тесса, если бы увидела его таким? И каким бы я был мужиком, если бы не был собственником по отношению к ней? Если бы был не против поделиться ею с кем-нибудь?

Я прикусываю язык, а Зед пялится в потолок, подбирая слова. Вот же засада! У меня начинает кружиться голова, и я размышляю, как долго еще смогу держать себя в руках.

В конце концов Зед снова смотрит на меня с ухмылкой.

– Твою машину.

От такой дерзости у меня отваливается челюсть, и я не могу сдержать смех.

– Да ни хрена подобного! Ты не получишь мою машину. Ты совсем слетел с катушек?

Я делаю два шага к нему и размахиваю руками в воздухе.

– Тогда извини. Вряд ли мы придем к соглашению.

Его глаза блестят за густыми ресницами, он потирает подбородок.

В моей голове вновь вспыхивает кошмар: он с ней в постели...

Трясу головой, чтобы прогнать видение. Затем достаю из кармана ключи и бросаю их на столик.

Он наклоняется над ними.

– Ты серьезно?

Он рассматривает ключи, крутит их так и сяк, а затем снова смотрит на меня.

– Я пошутил!

Он швыряет ключи обратно, но я не ловлю их. Они приземляются рядом с моим ботинком.

– Я уберусь с твоего пути... Черт. Я не ожидал, что ты и вправду отдашь мне ключи, – смеется он. – Я не такой мудака, как ты.

Я сердито смотрю на него.

– Ты не оставил мне выбора.

– А мы ведь когда-то были друзьями, помнишь? – замечает Зед.

Мы оба молчим, вспоминая, как все было раньше. До всей этой фигни, до того, как я все испортил... до нее. В ожидании ответа его глаза сузились, а плечи напряглись.

Мне трудно вспоминать.

– Слишком печальные воспоминания, – говорю я.

– Ты знаешь, что это не так! – восклицает он. – Ты перестал пить после того, как...

– Я пришел не для вечера воспоминаний. Ты отстанешь от нее или нет?

Смотрю на него. Он стал каким-то другим, жестче.

Он пожимает плечами:

– Да. Конечно.

Это было бы слишком просто...

– Я серьезно.

– Я тоже, – кивает он.

– Это означает никакого общения с ней. Совсем, – напоминаю я.

– Она будет спрашивать, в чем дело. Я с ней сегодня переписывался.

Не обращаю внимания на его последнюю фразу.

– Скажи ей, что ты больше не хочешь быть ее другом.

– Я не хочу причинять ей боль, – говорит он.

– Мне плевать. Ты должен ясно дать ей понять, что больше не будешь таскаться за ней.

Мое мимолетное спокойствие исчезает, уступая место нарастающему гневу. Меня чертовски бесит, что Тессе будет больно из-за того, что Зед перестанет с ней общаться.

Подхожу к двери. Я понимаю, что не выдержу в этой чертовой квартире и пяти минут. И я ужасно горд собой, что сумел так долго находиться в одной комнате с Зедом, который сделал все, чтобы разрушить наши с Тессой отношения.

Когда я уже нажимаю на дверную ручку, он говорит:

– Я сделаю то, что ты хочешь от меня, но это все равно ничего не изменит.

– Ты прав. Не изменит, – соглашаюсь я, понимая, что мы понимаем под этим абсолютно разные вещи.

И прежде чем этот придурок скажет еще что-нибудь, выхожу из его квартиры и сбегая по лестнице со скоростью ветра.

Когда я оказываюсь у дома отца, солнце уже садится. Я не смог дозвониться Тессе, все время срабатывал автоответчик. Я даже пару раз набирал Кристиана, но он не ответил и не перезвонил.

Тесса разозлится, когда узнает, что я был у Зеда. Она все же чувствует к нему что-то, что я не собираюсь понимать или терпеть.

Но после сегодняшнего дня, думаю, мне больше не придется о нем беспокоиться. Только если она сама не станет цепляться за него...

Нет. Я не должен в ней сомневаться. Я знал, что Стеф врет, но ей все же удалось пробить брешь в стене, которую я построил. Но если бы Зед спал с Тессой, он обязательно бросил бы мне это в лицо во время разговора.

Я без стука вхожу в дом и ищу Карен или Лэндона. Карен на кухне, стоит над плитой с венчиком в руке. Она оборачивается и приветствует меня теплой улыбкой, но взгляд у нее усталый и обеспокоенный. На меня накатывает непривычное чувство вины, когда я вспоминаю, что случайно разбил в оранжерее горшки.

– Привет, Хардин. Ты ищешь Лэндона? – спрашивает она, кладет на тарелку и вытирает руки о фартук в клубничку.

– Я... не знаю, – признаюсь я.

Что я вообще здесь делаю?

Каким жалким я кажусь сейчас, когда из всех мест выбираю именно это, чтобы почувствовать себя уверенно и спокойно. Я знаю, это из-за воспоминаний, как мы были здесь с Тессой.

– Он наверху. Болтает с Дакотой.

Что-то в ее голосе меня смущает.

– Это...

Вообще-то у меня не очень получается общаться с людьми, кроме Тессы, а уж в эмоциях других людей я вообще не разбираюсь.

– У него неудачный день или что? – спрашиваю я; просто дебильно.

– Думаю, да. Кажется, у него трудный период. Он не говорит об этом со мной, но в последнее время кажется расстроенным.

– Точно... – соглашаюсь я.

Я не заметил особых перемен в настроении сводного брата. Впрочем, я был слишком поглощен идеей заставить его присматривать за Ричардом, чтобы что-то заметить.

– Когда он снова уезжает в Нью-Йорк?

– Через три недели. – Карен пытается скрыть боль, но у нее это не выходит.

– А. – Я чувствую себя все более скованно. – Я, наверное, пойду...

– Может, останешься на ужин? – быстро спрашивает она.

– А, нет. Спасибо.

После утреннего разговора с отцом, встречи с Зедом и этой ужасной сцены с Карен я переживаю своего рода перезагрузку. Я не верю, что с Лэндоном может действительно быть что-то не так. Но я все равно не смогу разговаривать с ним в таком настроении, на взводе. Мне нужно вернуться домой в свое чертово безумие, в свою пустую постель.

Глава 111

Тесса

Кимберли на кухне ждет моего возвращения из университета. Перед ней стоят два бокала, один с вином, другой пустой. Мое молчание она принимает за подтверждение того, что я не знала о планах Хардина лететь в Англию.

Роняю сумку и опускаюсь на стул рядом с ней. Она сочувственно улыбается:

– Эй, девочка?

Я резко поднимаю голову и смотрю на нее.

– Эй? Ты что, не знала?

Ее светлые волосы умело уложены и безупречными волнами спадают на ее плечи. На ярком свету поблескивают черные серьги.

– Неа. Он не говорил. – Я тянусь за полным бокалом.

Она смеется и берет бутылку, чтобы наполнить бокал, который изначально предназначался мне.

– Кристиан сказал, что Хардин еще не дал Триш окончательного ответа. Наверное, мне не надо было пока тебе говорить, но мне показалось маловероятным, что он сам расскажет тебе о свадьбе.

От неожиданности едва не выплевываю белое вино, но в последний момент мне удается его проглотить.

– О свадьбе?

Поспешно делаю еще один глоток. Мне приходит в голову дикая мысль... что Хардин возвращается в Англию, чтобы жениться. Типа брака по расчету. Они же вроде так делают в Англии, разве нет?

Да нет же, так не бывает. Но эта ужасная мысль меня терзает, пока я не дожидаюсь ответа Кимберли.

– Его мать выходит замуж. Сегодня утром она звонила Кристиану, чтобы пригласить нас.

Быстро опускаю взгляд и принимаюсь рассматривать темную столешницу.

– Я этого не знала.

Через две недели мама Хардина выходит замуж, а он и словом не обмолвился. А затем я вспоминаю... как странно он себя вел некоторое

время назад.

– Так вот почему она все время звонила!

Кимберли делает глоток вина и вопросительно смотрит на меня.

– Что мне делать? – спрашиваю я. – Притвориться, что я ничего не знаю? Мы только начали нормально общаться...

Это длится всего неделю, но наша последняя неделя была просто восхитительной. За последние семь дней нам удалось больше, чем за все предыдущие семь месяцев. Мы научились спокойно обсуждать темы, которые раньше приводили к ужасным ссорам. И все же сейчас меня отбрасывает к периоду, когда он многое от меня скрывал.

Я все равно всегда обо всем узнаю. Неужели он еще этого не понял?

– Ты хотела бы полететь туда? – спрашивает Ким.

– Я бы не смогла. Даже если бы меня пригласили. – Я опираюсь щекой на руку.

Кимберли отодвигает свой стул и поворачивает меня лицом к себе.

– Я спрашиваю, хочешь ли ты туда полететь? – поправляет она меня.

В ее дыхании чувствуется запах вина.

– Было бы здорово, но я...

– Тогда ты должна полететь! В крайнем случае отправишься туда в качестве нашей гостьи. Я уверена, что мать Хардина будет рада. Кристиан говорит, она без ума от тебя.

Несмотря на то что мое настроение испорчено скрытностью Хардина, ее слова меня трогают. Обожаю Триш.

– Я не могу полететь. У меня нет паспорта, – говорю я.

К тому же не могу позволить себе купить билет на самолет, тем более за такой короткий срок.

Она отвергает мои возражения.

– Это можно ускорить.

– Я не знаю...

От восторга хочу вскочить со стула и нестись к компьютеру, чтобы посмотреть, как оформляется паспорт, – но понимание того, что Хардин сознательно скрыл от меня информацию о свадьбе, заставляет сидеть.

– Не сомневайся, если ты прилетишь, Триш будет счастлива. И, бог свидетель, Хардина надо немного подтолкнуть.

Ким потягивает вино, и ее полные губы оставляют красные следы на ободке бокала.

Уверена, что у него есть причины не говорить мне. Если он летит туда один, значит, не хочет, чтобы я всю дорогу путалась под ногами. Я знаю, прошлое его все еще тяготит. И, как бы безумно это ни звучало, на улицах

Лондона его демоны могут настичь нас обоих.

– С Хардином это не сработает, – отвечаю я. – Чем сильнее я давлю, тем яростнее он сопротивляется.

– Ну тогда... – Она вытягивает ногу в красной туфле на высоком каблуке и постукивает носком рядом с моим. – Ты должна занять чертовски твердую позицию и подавить его сопротивление.

Я запоминаю ее слова, чтобы проанализировать их позже, вдали от посторонних глаз.

– Хардин не любит свадьбы.

– Все любят свадьбы.

– Только не он. Он ненавидит и церемонии, и саму идею брака, – объясняю я и вовсю развлекаюсь, глядя, как она выкатывает на меня глаза и ставит бокал на стол.

– Как... что, тогда... в смысле... – Она изумленно моргает. – В общем, мне нечего сказать, а это уже о многом говорит, – смеется она.

Я смеюсь вместе с ней.

– Да, и не говори.

Смех Ким всегда заразителен, в каком бы настроении я ни находилась. И мне это очень нравится. Конечно, иногда она бывает слишком любопытной, и мне не всегда нравится, как она говорит о Хардине, но прямота и честность – это то, что я ценю больше всего. Она говорит как есть и не скрывает эмоций. В отличие от многих людей, которых я встречала в последнее время, она не прячется за маской.

– И что тогда? Вы будете встречаться вечно? – спрашивает она.

– Я сказала ему то же самое, – хихикаю я.

Не знаю, что меня так веселит – то ли выпитое вино, то ли тот факт, что в последнюю неделю я абсолютно забыла про неприятие Хардином любых обязательств... Но смеяться вместе с Кимберли просто здорово.

– А как насчет детей? Ты готова родить детей не в браке?

– Дети! – Я снова смеюсь. – Детей он тоже не хочет.

– Чем дальше, тем страшнее, – закатывает Ким глаза и поднимает свой бокал, чтобы допить.

– Сейчас он так говорит, но я надеюсь... – Я не решаюсь закончить.

Если сказать это вслух, прозвучит слишком безнадежно.

Кимберли подмигивает.

– Угу, ясно, – понимающе говорит она.

И я очень благодарна ей за то, что она мгновенно меняет тему разговора: вспоминает нашу рыжую сотрудницу Кэрин, которая втрескалась в Тревора. Кимберли замечает, что секс между ними будет

похож на встречу двух красных омаров, которые неловко натыкаются друг на друга, и я безудержно смеюсь.

Когда я возвращаюсь к себе, на часах уже больше девяти. Я нарочно отключила телефон, чтобы провести несколько безмятежных часов с Кимберли. Рассказала ей, что Хардин собирается приехать в Сиэтл в среду вместо пятницы. Она засмеялась и заявила, будто была уверена, что долго он не выдержит.

После душа у меня еще мокрая голова. Решаю посвятить несколько минут сборам на работу, чтобы заранее подготовить все на завтра. Я тяну время и сама это хорошо понимаю. Я знаю, что когда включу телефон, мне придется иметь дело с Хардином и спорить – а может, и нет – о свадьбе. В идеальном мире я бы просто подняла трубку, и Хардин сразу пригласил бы меня и объяснил, что не сделал этого сразу, подыскивая аргументы, чтобы убедить меня полететь. Но мы не в идеальном мире, и с каждой секундой я волнуюсь все сильнее. Мне больно, когда я думаю о том, что Стеф сказала ему что-то такое, что задело его настолько, что он снова стал скрытным. Я ее ненавижу. Я так сильно люблю Хардина и хочу, чтобы никакие ее или еще чьи-то слова не могли ничего изменить.

Неуверенно достаю телефон из сумки и включаю. Мне нужно перезвонить маме и ответить на сообщение Зеда, но сначала я хочу поговорить с Хардином. На маленьком экранчике вспыхивают уведомления и значки в виде конвертов. Это одно за другим приходят сообщения, все от Хардина. Вместо того чтобы читать, просто набираю его номер.

Он отвечает сразу же.

– Тесса! Какого черта!

– Ты звонил? – робко спрашиваю я, изо всех сил изображая невинность и пытаюсь направить разговор в спокойное русло.

– Звонил ли я? Смеешься, что ли! Я без конца набирал тебя последние три часа, – фыркает он. – Я даже звонил Кристиану.

– Что? – переспрашиваю я, но, не желая накалять атмосферу, тут же быстро добавляю: – Просто немного посидела с Ким.

– Где? – немедленно уточняет он.

– Здесь, дома, – отвечаю я, складывая грязную одежду в корзину для белья.

Кажется, перед сном предстоит большая стирка.

– Тогда в следующий раз будь добра... – Он раздосадованно рычит в трубку и начинает заново, намного мягче: – Может быть, в следующий раз ты могла бы отправить мне сообщение, что собираешься выключить телефон. – Он делает глубокий вдох и продолжает: – Ты же знаешь, как я на

это реагирую.

Я ценю усилие, которое он сделал над собой, чтобы изменить тон и сказать совсем не то, что планировал. К несчастью, недавняя легкость мыслей, вызванная вином, исчезает, и на ее место приходит осознание того, что Хардин собирается в Англию.

– Как прошел твой день? – спрашиваю я в надежде, что, если предоставлю ему шанс самому рассказать о свадьбе, он им воспользуется.

Хардин вздыхает:

– День был... долгим.

– Мой тоже. – Не знаю, что сказать ему, кроме как прямо спросить. – Зед написал мне сообщение.

– В самом деле? – Голос Хардина звучит спокойно, но я все же улавливаю резкие нотки, которые, как обычно, пугают.

– Да, сегодня днем. Он написал, что приезжает в Сиэтл в четверг.

– И что ты ему ответила?

– Пока ничего.

– А зачем ты мне рассказываешь об этом? – спрашивает Хардин.

– Потому что я хочу, чтобы мы были честны друг с другом. Больше никаких секретов. Давай не будем ничего скрывать друг от друга.

Я особенно выделяю последнее предложение, надеясь, что это заставит его сказать мне правду.

– Ну... спасибо, что рассказала мне. Я ценю это, – отвечает он. И больше ничего.

Черт! Серьезно?

– Ну, может... есть что-нибудь, что ты хотел бы мне рассказать? – спрашиваю я, не теряя надежды, что на мою откровенность он ответит своей.

– Ммм, я сегодня говорил с отцом.

– Правда? О чем? – Слава богу! Я знала, что мы придем к этой теме. – В самом деле? – визжу я в трубку и слышу на другом конце глубокий смех Хардина.

– Да, но он сказал, что тогда я не смогу получить диплом после этого семестра, поэтому переводиться уже поздно, не имеет смысла.

– А. – Я чувствую себя обманутой, но после секундного колебания решаюсь задать вопрос: – А после выпускного?

– Да, конечно.

– Да, конечно? Что это? Так просто?

Радость вытесняет во мне все остальные эмоции. Жаль, что он не рядом. Я бы схватила его за футболку и поцеловала. Крепко-крепко.

– Я просто подумал, зачем откладывать неизбежное? – добавляет он.
Моя улыбка исчезает.

– Ты говоришь о переезде в Сиэтл как о приговоре.

Он молчит.

– Хардин?

– Я так не думаю. Меня просто злит, что потеряно столько времени, поэтому я немного расстроен, вот и все.

– Понимаю, – отвечаю я.

Может, ответу не хватает изящества, но смысл я улавливаю. Он скучает по мне. У меня все еще кружится голова из-за того, что он согласился переехать в Сиэтл и быть со мной. Мы месяцами ссорились из-за этого, а теперь он просто взял и согласился.

– Итак, ты уверен? Насчет Сиэтла? – снова спрашиваю я.

– Да, я готов попробовать что-то новое. Почему бы и не в Сиэтле?

Обнимаю себя руками от радости.

– Тогда никакой Англии? – Я даю ему последний шанс признаться.

– Нет, никакой Англии.

Я выиграла Большую Сиэтлскую Битву и не позволю своему раздражению из-за свадьбы все испортить. Сегодня мы не будем это обсуждать. Как бы то ни было, я получу, что хочу: Хардина в Сиэтле, со мной.

Глава 112

Тесса

Наутро просыпаюсь от звонка будильника совершенно разбитая. Я почти не спала. Несколько часов ворочалась, пытаюсь уснуть, но так и не смогла.

Не знаю, в чем дело. То ли от радости из-за неожиданного согласия Хардина переехать в Сиэтл, то ли в ожидании неизбежного разговора о поездке в Англию, но я так и не уснула и теперь выгляжу отвратительно. Оказывается, скрыть консилером темные круги под глазами совсем не так легко, как пытаются убедить нас косметические компании. А волосы выглядят так, будто меня ударило током. Выходит, радости от переезда недостаточно, чтобы полностью вытеснить тревогу из-за того, что Хардин снова начал мне лгать.

Принимаю приглашение Ким вместе поехать на работу, и пока она без конца перестраивается, выкраиваю несколько минут, чтобы наложить еще один слой туши. Манера вождения Кимберли напоминает мне Хардина: он тоже костерит всех вокруг и сигналист как ненормальный.

Хардин вчера так и не сказал мне, собирается ли приехать сегодня в Сиэтл. Когда я спросила у него об этом на прощание, он ответил, что даст мне знать о своем решении утром.

Сейчас почти девять, а он еще не объявлялся. Я не могу избавиться от чувства, что с ним что-то происходит. И если не разобраться с этим как следует, нас ждет очередной кризис. Я знаю, что Стеф его задела. Это понятно по тому, как он стал сомневаться во всех моих словах. Он снова стал скрытным, и меня пугают возможные последствия.

– Может, тебе следует самой вернуться на эти выходные, вместо того чтобы ему приезжать сюда? – предлагает Кимберли, на мгновение переставшая осыпать проклятиями фуру и мини-вэн.

– По мне заметно, да? – спрашиваю я, отрывая щеку от холодного стекла.

– Да, очень заметно.

– Извини, я сегодня в депрессии.

Отправиться домой на выходные – это неплохая мысль. Я ужасно скучаю по Лэндону, и было бы здорово снова увидеться с отцом.

– Вижу, – говорит Ким. – Но с этим без труда справится кофе и красная помада.

Я киваю в знак согласия, а она разворачивается на оживленном перекрестке и заявляет:

– Я знаю неподалеку отличную маленькую кофейню.

К обеду утренняя грусть рассеивается, хотя Хардин мне так и не позвонил. Я написала ему два эсэмэс и с трудом удержалась от звонка.

Тревор ждет меня в комнате отдыха за пустым столиком, перед ним – две тарелки с пастой.

– Они случайно удвоили мой заказ, и я решил, что смогу хоть один день спасти тебя от обеда, разогретого в микроволновке.

Он улыбается и пододвигает ко мне упаковку с пластиковыми приборами.

Паста прекрасна и на запах, и на вкус. Восхитительный соус альфредо напоминает мне, что я пропустила завтрак. Подношу ко рту вилку, у меня невольно вырывается стон, и я вспыхиваю.

– Вкусно, да? – Тревор вытирает сливочный соус, оставшийся у него на губах, большим пальцем.

Он сует палец в рот, и я не могу не думать о том, что для человека, одетого в деловой костюм, это странно.

– У-гу. – Я не могу ответить как следует. Я слишком занята тем, что запихиваю в рот макароны.

– Я рад... – Тревор отводит свои голубые глаза и ерзает в кресле.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Да... я... ну... хотел с тобой кое о чем поговорить.

И в этот момент я начинаю понимать, что двойной заказ, скорее всего, появился не случайно.

– Ладно... – соглашаюсь я в надежде, что мне не будет слишком неловко.

– Наверное, будет немного неловко.

Супер.

– Продолжай, – говорю я с ободряющей улыбкой.

– Хорошо... ладно. – Тревор делает небольшую паузу и теребит пальцами серебристую запонку. – Кэрин попросила меня пойти с ней на свадьбу к Кристал.

Я запихиваю в рот очередную порцию пасты, поэтому могу пока помолчать. На самом деле я не очень понимаю, зачем он мне это рассказывает и что я должна ответить. Кивком прошу его продолжать и с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, вспомнив вчерашние фантазии

Ким насчет этой Кэрин.

– И я хочу понять, есть ли у меня причины, чтобы ей отказать? – договаривает Тревор.

Затем он замолкает и смотрит на меня в ожидании ответа.

Едва не давясь пастой, и он бросает на меня обеспокоенный взгляд, но я поднимаю палец и продолжаю долго и тщательно жевать, а проглотив, отвечаю:

– Не вижу никаких причин.

Я думаю, что этого достаточно. Но когда он произносит «На самом деле я имею в виду, что...», мне остается только надеяться, что он неожиданным и чудесным образом догадается, что я прекрасно понимаю, что он имеет в виду, и воздержится от дальнейших объяснений.

Да ничего подобного.

– Я знаю, что ваши отношения с Хардином нестабильны, и сейчас как раз один из таких периодов. Прежде чем принять ее предложение, я лишь хочу быть уверен, что смогу посвятить ей все свое время, не отвлекаясь.

Не знаю, что сказать, поэтому быстро уточняю:

– Ты отвлекаешься на меня?

Мне ужасно неловко, но Тревор такой милый и так покраснел, что чувствую непреодолимую потребность его поддержать.

– Да, с тех самых пор, как ты пришла в «Вэнс», – быстро отвечает он. – Не в плохом смысле, конечно. Просто я все это время оставался на заднем плане, и теперь я хочу прояснить свои намерения, прежде чем стану рассматривать возможность отношений с кем-то другим.

Передо мной сидит собственный мистер Коллинз – хотя все же намного более симпатичная версия, – и я чувствую себя не менее неловко и смущенно, чем Элизабет Беннет из «Гордости и предубеждения».

– Тревор, мне жаль, но...

– Все нормально, правда. – Искренность в его взгляде в каком-то смысле меня подавляет. – Я это понимал, просто хотел убедиться в последний раз. – Он тычет вилкой в свою тарелку и добавляет: – Видимо, предыдущие последние разы меня не убедили.

Он тихо и нервно смеется, и я из жалости поддерживаю его.

– Ей повезло, что она пойдет с тобой на свадьбу, – говорю я, чтобы немного смягчить неловкость, которую, я знаю, он чувствует.

Не надо было сравнивать его с мистером Коллинзом. Он вовсе не такой неприятный или агрессивный.

Медленно пью воду, надеясь, что разговор окончен.

– Спасибо, – говорит он и добавляет: – Может, теперь Хардин

перестанет называть меня «долбаным Тревором».

Прикрываю рот ладонью и быстро глотаю воду, чтобы не выплюнуть.

– Я не думала, что ты знаешь об этом. – В комнате раздается мой испуганный смех.

– Да, я заметил.

Глаза Тревора сияют весельем, и я чувствую облегчение от того, что мы можем смеяться вместе, как друзья, не чувствуя при этом никакого смущения. Но мое мимолетное успокоение испаряется, когда улыбка внезапно исчезает с лица Тревора и, проследив за его взглядом, я оборачиваюсь к двери.

– Здесь так хорошо пахнет, – замечает одна из сплетниц своей подруге.

Жаль, что я чувствую к ним такую неприязнь, но ничего не могу с этим поделать.

– Нам нужно уйти, – шепчет Тревор, указывая на женщину поменьше.

Бросаю на него непонимающий взгляд, но поднимаюсь из-за стола и выбрасываю пустой контейнер в мусорный бак.

– Ты сегодня выглядишь сногшибательно, Тесса, – говорит та, что повыше.

Не знаю, что она имеет в виду, но, наверное, она издевается. Я знаю, что отвратительно выгляжу.

– Ммм, спасибо.

– Знаешь, мир так тесен. Хардин все еще работает на «Болтхаус»?

С моего плеча слетает сумка, но я подхватываю ее до того, как она успевает шлепнуться на пол. Она знает Хардина?

– Да, как и прежде, – отвечаю я и поворачиваюсь к ней спиной, пытаюсь выглядеть абсолютно равнодушной.

– Передай ему привет, ладно? – ухмыляется она, а затем разворачивается и уходит вместе со своей злобной подружкой.

– Что это было? – спрашиваю я Тревора, предварительно убедившись, что никого из этих двоих нет поблизости. – Ты знал, что они что-то собирались мне сказать?

– Я не был уверен, но предполагал. Я слышал, как они о тебе говорили.

– Что говорили? Они меня даже не знают.

Ему снова неловко. Тревора можно читать как открытую книгу.

– То есть это было не о тебе...

– Они говорили о Хардине, да? – спрашиваю я, и он кивает, подтверждая мои подозрения. – Что именно они говорили?

Тревор прячет свой красный галстук под пиджак.

– Я... не хотел бы это повторять. Лучше спроси его самого.

Учитывая нежелание Тревора говорить, с ужасом предполагаю, что Хардин мог спать с одной из них или даже с обеими. Они ненамного старше меня, максимум по двадцать пять, и, надо признать, обе красивые. Немного вульгарные и злоупотребляющие автозагаром, но все равно привлекательные.

Дорога до кабинета кажется мне бесконечной, во мне закипает ревность. Если я не спрошу Хардина об этих женщинах, то сойду с ума.

Как только я добираюсь до кабинета, хватаю телефон, чтобы ему позвонить. Мне нужно знать, приедет ли он сегодня. Мне нужна уверенность.

Прежде чем я успеваю найти имя Хардина в списке контактов, на дисплее загорается «Зед». После секундного колебания решаю, что теперь точно имею право с ним поговорить.

– Привет, – говорю я, но получается слишком радостно и слишком фальшиво.

– Привет, Тесса. Как дела? – спрашивает Зед.

Кажется, что с тех пор, как я в последний раз слышала его вкрадчивый голос, прошло очень много времени, хотя на самом деле это не так.

– Ну... так себе. – Я прислоняюсь лбом к прохладной поверхности стола.

– Звучит не очень.

– Все в порядке, просто... много событий.

– Ну, именно поэтому я тебе и позвонил. Я говорил, что приеду в четверг, но у меня изменились планы.

– Да? – Я вздыхаю с облегчением. – Ну, ничего страшного. В следующий раз...

– Нет, на самом деле я хотел сказать, что я сейчас в Сиэтле, – говорит он, и мой пульс мгновенно учащается. – Я приехал прошлым вечером и чертовски устал. А сейчас я всего в паре кварталов от твоего офиса. Я не собираюсь тебя отвлекать, но, может, мы сможем поужинать после работы?

– Ммм... – Смотрю на часы. Четверть третьего, а Хардин так и не ответил на мое сообщение. – Даже не знаю, смогу ли я. Я думаю, вечером приедет Хардин, – признаюсь я.

Сначала Тревор, теперь Зед. Это что, дополнительный слой туши так действует?

– Ты уверена? Просто я вчера видел его кое-где... Довольно поздно.

Что? Мы с Хардином вчера разговаривали около одиннадцати. Неужели он мог пойти куда-то после нашего разговора? Неужели он снова

проводит время со своими так называемыми друзьями?

– Не знаю, – отвечаю я и бьюсь лбом о стол, слишком легко, чтобы причинить себе какой-то вред, но достаточно сильно, чтобы понимать, что Зед слышит.

– Это всего лишь ужин. А потом делай то, что запланировала, – уговаривает он. – Приятно же увидеть знакомое лицо, разве нет?

Чувствую, как он улыбается одной из тех улыбок, от которых я без ума.

И я соглашаюсь.

– Меня сегодня подвезли на работу, поэтому не на машине. Сможешь забрать меня в пять?

Он с радостью соглашается, а я чувствую, что волнуюсь и немножко боюсь.

Глава 113

Тесса

Я звоню Хардину без пяти пять, но он не берет трубку. Где его целый день носит?

Правду ли сказал Зед, что Хардин куда-то поздно ушел? Может, он решил приехать в Сиэтл и удивить меня? Вряд ли. Встреча с Зедом беспокоила меня с того момента, как мы договорились увидеться. Я знаю, что Хардина злит наше общение. Это так его злит, что даже видится во сне. И теперь я подливаю масло в пламя его ненависти.

Не тратя времени на прическу и обновление макияжа, спускаюсь на лифте в вестибюль, старательно избегая критического взгляда Кимберли. Наверное, не стоило рассказывать о своих планах. Снаружи виднеется пикап Зеда, и я рада наконец-то увидеть хоть одно знакомое лицо. Я бы предпочла, чтобы на его месте был Хардин, но, так или иначе, Зед сейчас здесь, а Хардин – нет.

При виде меня Зед вылезает из машины и расплывается в улыбке. Его лицо покрыто темной щетиной. На нем черные джинсы и серая рубашка с длинным рукавом. Он выглядит неотразимо, как всегда, я же выгляжу ужасно.

– Привет! – Зед улыбается и протягивает руки для объятий.

Меня охватывает неуверенность, но я все же обнимаю его, чтобы не показаться грубой.

– Давненько не виделись, – говорит он, уткнувшись мне в волосы.

Я согласно киваю.

– Как доехал? – спрашиваю я, отстраняясь от него.

Зед шумно выдыхает.

– Очень долго. Но мне хотя бы удалось послушать хорошую музыку.

Он открывает дверь со стороны пассажирского сиденья, и я поспешно забираюсь в кабину. Внутри тепло и пахнет Зедом.

– Почему ты решил приехать сегодня, а не завтра? – Я пытаюсь завязать разговор.

– Я просто... решил изменить планы, вот и все. – Зед переводит взгляд с зеркала заднего вида на боковое зеркало и встраивается в плотный поток.

– Вождение в этом городе всегда меня пугает, – говорю я.

– Согласен, – с улыбкой отвечает он, все еще сосредоточенно следя за дорогой. – У тебя нет на примете места, где бы мы могли поужинать? Я еще плохо знаю окрестности и не имею понятия, где здесь пообедать.

Бросаю взгляд на телефон – от Хардина ничего. Просматриваю список ресторанов – и через пару минут мы решаем поужинать в небольшом гриль-баре в монгольском стиле.

Выбираю цыпленка с овощами и с благоговением наблюдаю за тем, как повар готовит его прямо перед нами. Я никогда раньше не была в подобном месте; Зеда это веселит. Мы сидим в дальней части небольшого зала, Зед – напротив меня. Между нами повисает неловкое молчание.

– Что-то не так? – спрашиваю я его.

Зед беспокойно на меня смотрит.

– Я не знаю, стоит ли вообще об этом говорить... Ты и так сейчас загружена, а я хочу, чтобы ты хорошо провела время.

– Все в порядке. Скажи мне, что тебе хочется, – заявляю я и внутренне готовлюсь к очередному потрясению.

– Вчера ко мне приходил Хардин.

– Что? – с удивлением переспрашиваю я.

Зачем это Хардину? И если он действительно ходил к Зеду, почему тот сейчас сидит здесь без единого синяка и с целыми конечностями?

– Что ему было нужно? – спрашиваю я.

– Он требовал держаться от тебя подальше, – отвечает Зед.

Прошлым вечером, когда я сказала Хардину о сообщении от Зеда, он отнесся к этому довольно равнодушно.

– В какое время? – спрашиваю я, втайне надеясь, что это случилось после нашего разговора о том, что нам не стоит ничего утаивать друг от друга.

– Около трех дня.

Раздраженно вздыхаю. Хардин не знает меры и в последнее время все чаще творит что-то возмутительное. Я устало потираю виски. К этому моменту от аппетита не остается и следа.

– Что именно он сказал?

– Что его не волнует, как именно я это сделаю, и что я должен прекратить наше общение, даже если для этого мне придется ранить твои чувства. Он вел себя очень сдержанно, это немного пугало.

Зед берет вилкой кусочек брокколи и отправляет себе в рот.

– И все же ты приехал ко мне.

– Да.

Меня утомляет это глупое соперничество самцов. Я пытаюсь

поддерживать мир между ними, но, очевидно, выходит плохо.

– Зачем? – спрашиваю я.

Зед смотрит на меня своими золотистыми глазами.

– Потому что его угрозы на меня не действуют. Он не может указывать, с кем мне дружить, и я надеюсь, ты того же мнения.

Я возмущена тем, что Хардин приходил домой к Зеду. Еще больше я возмущена тем, что он ничего мне не сказал об этом, и тем, что он хотел, чтобы Зед оскорбил меня, прервав наше общение.

– Мне тоже не нравится, что Хардин пытается мне указывать, с кем дружить. – Глаза Зеда победно сверкают, и это меня беспокоит. – Но также я считаю, что у него есть уважительная причина не желать нашей дружбы. Ты так не думаешь?

Зед качает головой.

– И да, и нет. Я не собираюсь скрывать свои чувства к тебе, но ты ведь знаешь, что я не назойлив. Я уже сказал тебе, что приму то, что ты скажешь, и если ты способна дать мне только дружбу, я не буду требовать большего.

– Я знаю, что ты не досаждаешь мне, – отвечаю я только на первую часть тирады.

Зед никогда не пытается заставить меня что-то делать и не досаждаст мне ухаживаниями. Но мне не нравится, как он говорит о Хардине.

– Ты могла бы сказать то же самое о нем? – с вызовом спрашивает Зед, пристально глядя на меня.

Внезапно мне хочется оправдать Хардина.

– Нет, я не могу сказать то же самое о нем. Он таков, какой он есть, – говорю я.

– Ты всегда так яростно его защищаешь. Я не могу этого понять.

– Тебе необязательно это понимать, – жестко отвечаю я.

– Правда? – нахмурившись, тихо спрашивает Зед.

– Да. – Я выпрямляю спину, пытаюсь придать осанкой твердость своим словам.

– Тебя не беспокоит то, что он такой собственник? Он решает, с кем тебе дружить...

– Это меня, конечно, беспокоит, но...

– Но ты позволяешь ему делать это.

– Неужели ты проделал весь путь до Сиэтла, чтобы напоминать мне, какой Хардин деспот?

Зед открывает рот, но ничего не говорит.

– Что? – пытаюсь подтолкнуть его я.

– Он считает тебя своей собственностью, и это заставляет меня переживать за тебя. Ты кажешься подавленной.

Я вздыхаю, признавая поражение. Конечно, я подавлена, очень подавлена, но спор с Зедом ни к чему не приведет, я только сильнее расстроюсь.

– Я не собираюсь его оправдывать, лишь напоминаю, что ты ничего не знаешь о наших отношениях. Ты не знаешь, как Хардин ведет себя со мной. Ты не понимаешь его так, как понимаю его я.

Отставляю свою тарелку в сторону и неожиданно замечаю, что пара за соседним столиком повернулась в нашу сторону. Понизив голос, я говорю Зеду:

– Я не хочу с тобой спорить, Зед. Я очень устала, и я правда хотела всего лишь провести с тобой время.

Зед наклоняется ко мне.

– Я веду себя как дурак, – говорит он с грустью в глазах. – Прости меня, Тесса. Наверное, я устал с дороги... но это не оправдание. Извини.

– Все хорошо, я не хотела тебя огорчать.

Сама не знаю, что на меня нашло. ПМС, наверное, поэтому я так напряжена.

– Я был не прав. – Зед протягивает руку и сжимает мою.

В воздухе все еще витает напряжение. Я все время думаю о Хардине. Мне хочется ненадолго забыться и приятно провести время, поэтому я спрашиваю:

– Ну а вообще, как твои дела?

Зед погружается в рассказ о своей семье и о том, как жарко было во Флориде во время его последней поездки. Разговор возвращается в прежнее русло. Напряжение ослабевает, и это дает мне возможность закончить обед.

На выходе из ресторана Зед спрашивает:

– У тебя есть планы на вечер?

– Да, я собираюсь в джаз-клуб Кристиана.

– Кристиан?

– А, это мой босс. Я у него живу.

Зед вопросительно приподнимает бровь.

– Ты живешь у своего босса?

– Он учился в колледже с отцом Хардина, а еще он давний друг Кена и Кэрен, – поясняю я.

Только сейчас мне пришло в голову, что Зед не знает подробностей моей жизни. Несмотря на то что он заезжал за мной на вечеринку, посвященную неожиданной помолвке Кристиана с Кимберли, он ничего об

этом не знал.

– Так вот как ты смогла устроиться на стажировку.

Таааак.

– Да, – признаю я.

– Ну, в любом случае тебе повезло.

– Спасибо.

Глядя в окно, достаю мобильный из сумочки. От Хардина по-прежнему никаких вестей.

– Чем собираешься заняться, пока ты в Сиэтле? – спрашиваю я.

Безуспешно пытаюсь объяснить, как доехать до дома Кристиана и Кимберли. Через несколько минут сдаюсь и вбиваю адрес в смартфон. Изображение на экране застывает, и телефон два раза выключается.

– Еще не знаю. Для начала я думаю узнать, чем заняты мои друзья. Мы могли бы встретиться сегодня попозже. Или перед моим отъездом в субботу.

– Хорошая идея. Я дам тебе знать, – отвечаю я.

– Когда приезжает Хардин? – спрашивает Зед с плохо скрываемой неприязнью.

Я снова бросаю взгляд на дисплей.

– Не знаю. Возможно, этим вечером.

– Вы сейчас встречаетесь? Я знаю, мы договорились это не обсуждать, но уж очень любопытно.

– Сложно сказать, – вздыхаю я. – В последнее время мы немного отдалились друг от друга.

– Это помогает?

– Да, – отвечаю я.

Помогало до тех пор, пока Хардин несколько дней назад сам не начал от меня отдаляться.

– Ну, это хорошо.

Мне хочется знать, о чем он думает. По глазам я вижу, что ему хочется что-то сказать.

– Что ты так смотришь? – спрашиваю я.

– Ничего. Я не хочу, чтобы ты это слышала.

– Я хочу, – говорю я, зная, что пожалею об этом. Но любопытство сильнее страха.

– Дело в том, что я не вижу между вами никакой свободы. Ты в Сиэтле, живешь у друзей его семьи, один из которых к тому же твой начальник. Даже с расстояния ему удастся управлять твоей жизнью. Он пытается положить конец твоим отношениям с немногими оставшимися

друзьями. И когда он не занят, он приезжает в Сиэтл. По-моему, вы вовсе не дистанцировались друг от друга.

До этого момента я не рассматривала проживание у босса с такой стороны. Неужели именно ради этого Хардин помешал мне жить отдельно? Чтобы в Сиэтле я всегда была под присмотром его друзей?

Качаю головой, пытаюсь не обращать внимания на эту мысль.

– Для нас это действует. Я знаю, что ты этого не понимаешь, но для нас это действует.

– Хардин попытался меня подкупить, чтобы я держался от тебя подальше.

– Что?

– Сначала он пытался запугать меня, затем попросил назвать свою цену. Предложил найти себе другую шлюху и забавляться с ней.

Шлюху?

Зед пожал плечами.

– Хардин сказал, что ты принадлежишь только ему и он ужасно гордится тем, что ты его не бросила, когда он рассказал о том, что спал с Молли после того, как вы уже начали встречаться.

Упоминание о Молли болезненно, и Зед об этом знает. Именно поэтому он это сказал.

– Мы уже разобрались с этим. Я не хочу говорить о Хардине и Молли, – говорю я, стиснув зубы.

– Я хочу, чтобы ты понимала, с кем имеешь дело. Когда он не с тобой, он совсем другой человек.

– В этом нет ничего плохого, – возражаю я. – Ты совсем не знаешь Хардина.

Я испытываю облегчение, как только Зед сворачивает на подъездную дорогу и направляется к пригороду. Это значит, что мы в пяти минутах от дома Кристиана. Чем скорее закончится эта поездка, тем лучше.

– Ты тоже его не знаешь, – говорит Зед. – Вы все время только пререкаетесь.

– Чего ты пытаешься добиться, Зед? – спрашиваю я.

Мне не нравится направление, в котором движется наш разговор, и я не знаю, как снова вернуть его в прежнее русло.

– Ничего. Я просто надеялся, что после всего, через что ты прошла по его вине, ты будешь способна увидеть правду.

В голове вспыхивает внезапная мысль.

– Ты сказал ему, что собираешься сюда?

– Нет.

– Это нечестно, – с вызовом говорю я.

– Хардин тоже нечестен. – Зед вздыхает, пытаюсь успокоиться. – Я знаю, что ты готова защищать его до посинения, но ты не можешь винить меня за то, что я хочу иметь то, что имеет он. Я бы хотел быть на его месте. Я бы хотел, чтобы ты доверяла мне, даже если этого делать и не стоит. Я всегда готов быть рядом, когда его нет. – Он потирает щетину и снова вздыхает. – Я борюсь нечестно, но Хардин делает ровно то же самое. Он никогда не был честен. Клянусь, иногда я думаю, что он так привязан к тебе только из-за того, что знает, что я испытываю к тебе нежные чувства.

Вот почему нам Зедом никогда не стать друзьями. Этого не будет независимо от того, насколько он понимающий и милый. Он до сих пор не сдался. Полагаю, это делает ему честь. Но я не могу дать ему то, чего он хочет, и я не хочу каждый раз оправдываться за свою связь с Хардином. Он не раз оказывался рядом со мной, когда Хардин был далеко, это так, но только лишь потому, что я позволяла ему.

– Я не знаю, осталось ли у меня что-то, что я могу дать тебе, даже как друг, – говорю я.

Зед бросает на меня невозмутимый взгляд.

– Это потому, что он истощил тебя.

Я молча отворачиваюсь к окну и смотрю на проносящиеся мимо сосны. Мне не нравится напряжение, которое я чувствую, и хочется плакать.

– Я не хотел, чтобы наша встреча так закончилась. Ты, наверное, больше не захочешь меня видеть, – бормочет Зед.

– Нам сюда, – указываю я на дорожку за окном.

В тяжелом безмолвии мы подъезжаем к большому дому. Я поворачиваюсь к Зеду и вижу, что он удивленно таращится на дом Кристиана.

– Этот дом еще больше того, из которого я тебя забрал в прошлый раз, – говорит он, пытаюсь разрядить напряжение.

Желая поддержать его, я начинаю рассказывать о спортзале, просторной кухне, о том, как Кристиан может контролировать происходящее в разных частях дома с помощью айфона.

И тут у меня подсакивает сердце. Я замечаю машину Хардина, припаркованную за «Ауди» Кимберли. Зед тоже замечает ее, но не проявляет никаких эмоций.

– Мне нужно идти, – бормочу я, чувствуя, как бледнею.

– Прости, Тесса, – говорит Зед. – Пожалуйста, не сердись на меня. Тебе сейчас нелегко, я знаю. Мне не следовало усугублять твоё настроение.

Он предлагает зайти со мной и убедиться, что все в порядке, но я только отмахиваюсь. Я знаю, что Хардин будет сердиться, причем сильно, – но я заварила эту кашу, мне ее и расхлебывать.

– Все в порядке, – фальшиво улыбаясь, заверяю я Зеда и, пообещав написать ему позже, выхожу из машины.

Понимаю, что иду слишком медленно, но не пытаюсь ускорить шаг. Я пытаюсь перебрать в голове варианты оправданий и размышляю, следует ли мне сердиться на Хардина или извиниться за то, что снова виделась с Зедом.

Открывается дверь, и из дома выходит Хардин. На нем темно-синие джинсы и простая черная футболка. Сердце начинает биться чаще от желания быть рядом с ним. Я так сильно по нему скучала те два дня, что его не было. Он провожает машину Зеда холодным взглядом.

– Хардин, я...

– Заходи в дом, – сердито командует он.

– Не говори мне... – начинаю я.

– Здесь холодно. Пойдем внутрь.

Его взгляд пылает яростью, и я не решаюсь продолжать. Неожиданно Хардин нежно обнимает меня за талию и ведет в дом. Мы молча проходим мимо гостиной, где Кимберли и Смит увлеченно играют в какую-то игру, и заходим в мою спальню.

Хардин тихо прикрывает дверь и закрывает ее на замок. Затем поворачивается ко мне и спрашивает, словно иглой мне сердце:

– Почему?

– Хардин, ничего не было, клянусь тебе! Зед сказал, что у него поменялись планы, и я почувствовала облегчение, так как решила, что он не приедет, но вместо этого он приехал на день раньше и хотел поужинать со мной. – Я пожимаю плечами, отчасти для того, чтобы успокоиться. – Я не знала, как ему отказать.

– Ты совсем не умеешь отказывать, – бросает Хардин, глядя мне в глаза.

– Он сказал, что ты вчера к нему приходил. Почему ты не сказал мне об этом?

– Тебе не нужно было это знать.

Хардин тяжело дышит, он выглядит так, будто еле себя сдерживает.

– Не тебе решать, что мне следует знать, – возражаю я. – Ты не можешь скрывать от меня все. И я знаю о свадьбе твоей матери!

– Я знал, что ты так отреагируешь! – Хардин поднимает руки ладонями вперед, как бы защищаясь.

– Бред! – Я закатываю глаза и резко делаю шаг к нему.

Хардин стоит неподвижно.

– Я буду дружить с кем хочу, и ты не будешь вести себя как ребенок и мне указывать! – предупреждаю его я.

– Ты обещала, что больше не будешь с ним встречаться.

– Я знаю. Я не понимала этого ранее, но сегодня, после встречи с Зедом, я решила больше с ним не видеться. Я выбрала прервать нашу дружбу по собственной воле, а не потому, что ты так сказал.

Хардин еле заметно вздрагивает от неожиданности, но его мрачная сосредоточенность никуда не пропадает.

– Почему ты так решила?

Я стыдливо избегаю его взгляда.

– Потому что мне прекрасно известно, как он тебя бесит, и я не хочу раздражать тебя. Мне было бы точно так же неприятно, если бы ты виделся с Молли... да с любой другой женщиной. Так или иначе, не тебе решать, с кем мне дружить. Но я признаю, что, будь я на твоём месте, я бы тоже чувствовала досаду.

Хардин скрещивает руки на груди и шумно выдыхает.

– Почему сейчас? Что сделал Зед, чтобы заставить тебя изменить свое решение?

– Ничего. Он ничего не делал. Просто мне понадобилось много времени, чтобы понять: нам следует быть равными. Никто из нас не должен управлять жизнью другого.

По его взгляду я понимаю, что Хардин хочет сказать что-то еще, но вместо этого он лишь кивает и произносит:

– Иди сюда.

Он протягивает ко мне руки, и я радостно прижимаюсь к нему.

– Откуда ты узнал, что я была с Зедом? – спрашиваю я, прижимаясь щекой к его груди.

Запах его тела обволакивает меня, прогоняя все воспоминания.

– Кимберли сказала, – говорит он, уткнувшись в мои волосы.

Я хмурюсь.

– Ей следует поменьше болтать.

– Разве ты бы не сказала мне сама? – Большой палец Хардина упирается мне в подбородок, и я поднимаю голову.

– Я собиралась. Но я бы предпочла сама тебе об этом рассказать, без чужого вмешательства.

Пожалуй, я все же рада, что Кимберли так честна. С моей стороны было бы лицемерием требовать от нее честности только со мной.

– Почему ты не приехал за мной? – спрашиваю я.

Мне казалось, что если бы Хардин узнал, что я с Зедом, он бы поступил именно так.

– Потому что, – медленно выговаривает Хардин, глядя мне в глаза, – ты все время говорила о порочном круге, и я хотел его разорвать.

Меня поражает его продуманный и честный ответ. То, что он так старается, так много для меня значит.

– Я все еще сержусь, – добавляет он.

– Я знаю. – Я прикасаюсь к его щекам кончиками пальцев, и его руки обнимают меня еще крепче. – Я тоже сержусь на тебя. Ты не сказал мне о свадьбе, и я хочу знать почему.

– Не сегодня.

– Именно сегодня. Ты спросил, что хотел, о Зеде, и теперь мой черед.

– Тесса... – Губы Хардина сжимаются в тонкую линию.

– Хардин...

– Ты меня чертовски злишь.

Он отпускает меня и начинает вышагивать по комнате. Мне неприятна мысль, что он снова отдалился от меня.

– Как и ты! – гневно говорю я, подходя к нему.

– Сейчас я не хочу обсуждать эту чертову свадьбу, я и так в ярости и еле контролирую себя. Не провоцируй меня, ладно?

– Хорошо! – громко восклицаю я.

Но я все же поддаюсь. Не потому, что боюсь того, что он может сказать, но потому, что только что провела два с половиной часа с Зедом и прекрасно понимаю, что гнев Хардина – лишь маска, скрывающая тревогу и боль, которые я ему принесла.

Глава 114

Тесса

Я открываю шкаф и достаю из него чистое белье.

– Я в душ. Кимберли выходит в девять, а уже семь, – сообщаю я Хардину, сидящему на моей кровати.

– Ты все-таки идешь? – с усмешкой спрашивает он.

– Да. Я ведь тебе говорила, помнишь? Ты же хотел приехать именно для того, чтобы мне не пришлось идти одной.

– Это не единственная причина, по которой я приехал, – оправдывается Хардин.

Я вопросительно приподнимаю бровь, и он закатывает глаза.

– Ты все еще хочешь пойти со мной? – спрашиваю я.

– Я и не хотел идти, но раз ты идешь, то иду и я, – весело отвечает Хардин.

Я улыбаюсь. Выхожу из комнаты и замечаю, что он остался на кровати. Это меня удивляет. Ловлю себя на том, что хотела бы, чтобы он последовал за мной.

Перспективы туманны. Я знаю, что Хардин все еще злится на меня из-за Зеда, и мне не нравится, что он снова от меня что-то скрывает, но в целом я рада, что он приехал, и мне бы не хотелось тратить время на ссоры.

Нет времени на сушку волос, поэтому я заматываю голову полотенцем. Горячая вода снимает напряжение в плечах и спине, но совсем не помогает прояснить мысли. У меня есть час, чтобы прийти в более подходящее настроение. Я хочу, чтобы мы хорошо провели время с Кимберли и Кристианом – без ссор и неловкого молчания. Хочу, чтобы мы с Хардином ладили, и мне бы хотелось, чтобы сегодня мы оба были в духе. Я еще не видела ночной жизни Сиэтла, и хочется, чтобы первый раз был запоминающимся. Меня все еще мучает вина за встречу с Зедом, но горячий душ уносит напряжение и смутные мысли.

Только я выключаю душ, в дверь стучится Хардин. Я закутываюсь в полотенце, глубоко вздыхаю и отзываюсь:

– Я буду готова через десять минут. Мне нужно что-то сделать с волосами.

Я поднимаю глаза, чтобы взглянуть в зеркало, и вижу за спиной

Хардина. Он бросает косой взгляд на мои спутанные волосы.

– Что с ними опять не так?

– Они в ужасном состоянии, – смеюсь я. – Это не займет много времени.

– Ты что, собираешься надеть *это*?

Хардин с недоверием косится на неудобное черное платье, которое я повесила на занавеску душа. В последний раз я его надевала на «семейный выезд на море», и все закончилось ужасным вечером... точнее, неделей.

– Да, Кимберли сказала, что там, куда мы идем, будет дресс-код.

– Какой еще дресс-код? – Хардин бросает взгляд на свои заляпанные джинсы и черную футболку.

Я пожимаю плечами и внутренне улыбаюсь, представляя, как Кимберли заставляет Хардина переодеться.

– Я не собираюсь переодеваться, – сообщает он мне, и я снова пожимаю плечами.

Хардин не отрывает взгляд от моего отражения в зеркале все время, пока я крашусь и пытаюсь привести прическу в порядок. Из-за пара волосы ужасно вьются, и я оставляю надежду с ними что-то сделать. В конце концов, закручиваю простой пучок. Хотя бы макияж удался.

– Ты останешься до воскресенья? – спрашиваю я Хардина, натягивая белье.

Я хочу удостовериться, что напряжения между нами больше нет.

– Да, а что? – спокойно отвечает он.

– Я тут подумала, что вместо того, чтобы сидеть в Сиэтле, мы в пятницу могли бы вернуться. Я хочу повидаться с Лэндоном и Карен. И с твоим отцом.

– А со своим отцом?

– А... точно, – отвечаю я. Я совершенно забыла, что мой отец теперь живет у Хардина. – Я старалась не думать об этом, пока ты не расскажешь мне побольше.

– Я не уверен, что это хорошая мысль...

– Почему же? – спрашиваю я. Я очень скучаю по Лэндону.

Хардин в нерешительности потирает шею.

– Я не знаю... Все это дерьмо с Зедом и Стеф...

– Хардин, я не собираюсь больше видаться с Зедом, и если только Стеф не появится на пороге дома твоего отца, я не собираюсь видаться и с ней.

– И все же я не думаю, что тебе следует туда идти.

– Тебе нужно расслабиться, – вздыхаю я.

– Расслабиться? – насмешливо восклицает он.
– Да, расслабиться. Ты не можешь контролировать все.
– Я не могу контролировать все? – резко отвечает Хардин. – И из всех людей это говоришь мне ты?

– Я просто предлагаю, – смеюсь я. – Ты не можешь отгородить меня от всего города только из-за страха, что я снова встречу с Зедом или какой-нибудь неприятной девушкой.

– Ты закончила? – спрашивает Хардин, опираясь на раковину.
– Ты имеешь в виду волосы или спор? – усмехаюсь я.
– Как же ты меня раздражаешь, – смеется он и шлепает меня по заднице.

Я рада, что он в таком игривом настроении, и надеюсь, что он будет такой всю ночь.

В коридоре слышим голос Кристиана из гостиной:

– Хардин, ты еще здесь? Пойдешь слушать джаз? Это, конечно, не хэви-метал, но все же...

Я заливаюсь смехом и похлопываю Хардина по груди.

– Иди, посиди с ним. Я скоро приду.

Вернувшись в комнату, достаю из сумки мобильный. Скоро мне придется позвонить матери. Я долго это откладывала, а она постоянно названивает. На дисплее высвечивается сообщение от Зед:

«Пожалуйста, не сердись на меня за то, что произошло. Я вел себя отвратительно, и мне очень жаль. Прости».

Я удаляю сообщение и убираю телефон в сумочку. Моя дружба с Зедом должна закончиться. Это продолжалось слишком долго, и каждый раз, когда после прощания я снова зачем-то виделась с ним, все усложнялось еще больше. Это нечестно по отношению к нему и к Хардину. У нас с Хардином и так достаточно проблем. Как женщина, я недовольна тем, что Хардин запрещает мне видеться с Зедом, но я понимаю, что, продолжая встречи, я веду себя лицемерно по отношению к Хардину. Я бы ни за что не хотела, чтобы Хардин дружил с Молли и проводил с ней время, – даже мысль об этом причиняет мне боль. Зед ясно дал мне понять, какие чувства он испытывает ко мне, и будет нечестно продолжать общение и тем самым давать ему надежду. Зед очень хорошо ко мне относится и не раз приходил мне на помощь, но мне не нравится, что мне постоянно приходится оправдываться перед ним за свои отношения с Хардином.

Наслаждаясь предстоящей возможностью провести ночь со своим парнем, я спускаюсь по лестнице и обнаруживаю в гостиной Хардина: он стоит посреди комнаты с возмущенным видом.

– Ни за что! – пыхтит он, отступая от Кристиана.

– Окровавленные джинсы и грязная майка – неподходящая одежда для клуба, независимо от твоих отношений с владельцем, – говорит Кристиан, протягивая Хардину что-то черное.

– Тогда я не пойду, – сердито бормочет Хардин.

Сложенная одежда, которую ему протягивал Кристиан, падает на пол.

– Не веди себя как ребенок, просто надень эту чертову рубашку.

– Если я надену эту рубашку, тогда я не буду менять джинсы. – Хардин бросает на меня взгляд в поисках поддержки.

– У тебя вообще есть хоть какая-то одежда, не заляпанная кровью? – с улыбкой спрашивает Кристиан и наклоняется, чтобы поднять майку.

– Ты можешь остаться в своих джинсах, Хардин, – говорю я, пытаюсь их примирить.

– Ладно, дай мне эту гребаную рубашку.

Хардин выхватывает одежду из рук Кристиана и, показав ему средний палец, уходит по коридору.

– Не помешала бы еще и стрижка! – поддразнивает Кристиан, и я смеюсь.

– Господи, да оставь ты человека в покое! – шутливо произносит Кимберли. – Если он захочет поставить тебе фингал, я не стану его останавливать!

– Ну да, ну да... – задумчиво говорит Кристиан и, притянув к себе Кимберли, целует ее в губы.

В этот момент кто-то звонит в дверь.

– Это Лилиан! – восклицает Ким, вырываясь из объятий Кристиана.

В гостиную заходит Хардин.

– Что она здесь делает? – страдальческим голосом спрашивает он.

Черная рубашка смотрится на нем неплохо.

– Не груби. Она – нянька Смита, и она твоя подруга, не забывай, – прошу я.

Мне тоже сперва не понравилась Лилиан, но со временем я начала относиться к ней лучше, хоть мы и не виделись со времени той ужасной прогулки на яхте.

– Вовсе нет.

– Тесса! Хардин! – восклицает Лилиан, едва зайдя в комнату.

Она улыбается, ее голубые глаза сияют. Я рада, что на Лилиан не то же платье, что и на мне, как было в первый раз, когда я встретила ее в ресторане в Сэнд-Пойнт.

– Привет, – улыбаюсь я ей.

Хардин кивает.

– Выглядишь превосходно, – сообщает Лилиан, осматривая меня снизу доверху.

– Спасибо, ты тоже.

На ней простой кардиган и брюки цвета хаки.

– О'кей, если вы обе закончили... – ноет Хардин.

– Рада видеть и тебя, Хардин. – Лилиан закатывает глаза, а он выдавливает из себя улыбку.

В это время Кимберли надевает туфли на шпильках и осматривает себя в большом зеркале над диваном.

– Смит – наверху. Мы вернемся не позже полуночи.

– Готова, милая? – спрашивает ее Кристиан.

Когда она кивает, он раскидывает руки и указывает на дверь.

– Мы едем отдельно, – объявляет Хардин.

– Почему? У нас есть водитель, – удивляется Кристиан.

– Я хочу поехать отдельно на случай, если мы захотим уйти раньше.

– Как скажешь. – Кристиан пожимает плечами.

По пути к машине разглядываю рубашку Хардина. Она похожа на его обычные выходные, но отличается тем, что покрыта еле различимыми рисунками животных.

– Ни слова! – рычит он, замечая мой взгляд.

– Молчу. – Я закусываю губу, чтобы не рассмеяться.

– Она ужасная, – ворчит он, отчего я хихикаю.

Джаз-клуб находится в деловой части Сиэтла. На улицах полно народу, как будто сейчас суббота, а не среда. Рядом с нашей машиной паркуется блестящий черный лимузин, и из него выходят Кимберли и Кристиан.

– Богатый сукин сын, – говорит Хардин, сжимая мое бедро.

Мы выходим из машины.

Бритый наголо охранник улыбается, снимает бархатный шнур с серебряной подставки и впускает нас. Кимберли проводит небольшую экскурсию по клубу, а Кристиан куда-то исчезает. Вместо столов тут серые каменные блоки, повсюду стоят черные диваны с белыми подушками. Все выдержано в разных оттенках серого, только на каждом столе стоит по вазе с красными розами. Играет приятный чиллаут.

– Затейливо, – закатывает глаза Хардин.

В черных джинсах и рубашке Кристиана он выглядит потрясающе красивым.

– Милое местечко, правда? – спрашивает сияющая Кимберли.

– Конечно, конечно, – отвечает Хардин.

Как только мы подходим к столикам, за которыми сидят посетители, он притягивает меня к себе.

– Кристиан – в VIP-секторе, – сообщает Кимберли. – Столик зарезервирован только для нас.

Мы направляемся в глубь зала, в зону, скрытую широким атласным занавесом. Там – небольшое помещение с черными занавесками вместо стен. В центре стоит большой камень, окруженный четырьмя диванами. На нем – бутылки, большая чаша со льдом и всевозможные закуски.

Я настолько увлечена разглядыванием интерьера, что только сейчас замечаю: напротив Кристиана сидит Макс.

Отлично. Макс никогда мне не нравился, и Хардин разделяет мои чувства. Его рука на моей талии напрягается, и он бросает сердитый взгляд на Кристиана. Кимберли учтиво улыбается.

– Рада видеть тебя, Макс, – говорит она.

Макс широко улыбается:

– И я рад, дорогая. – Он берет ее руку и подносит к губам.

– Прошу прощения, – раздается за моей спиной женский голос.

Мы с Хардином расступаемся, и в комнату заходит Саша.

– Отлично, – бурчит Хардин, вторя моим мыслям: он примерно так же рад видеть Сашу, как я – Макса.

– Саша.

Кимберли старается сделать вид, будто рада ее видеть, но у нее явно не выходит. Один из недостатков открытости и честности Ким в том, что ей сложно скрывать эмоции.

Саша приветливо улыбается ей и садится на диван рядом с Максом. Его взгляд встречается с моим, и Макс будто спрашивает у меня разрешения сидеть рядом с ней. Хардин ведет меня к столу, мы садимся прямо напротив Макса и Саши. Кимберли садится на колени к Кристиану и наклоняется к столу, чтобы взять бутылку шампанского.

– Как тебе это место, Тереза? – спрашивает меня Макс со своим мягким, глубоким акцентом.

– Э... – Я запинаюсь, услышав свое полное имя. – Д-довольно неплохо.

– Вам обоим налить шампанского? – обращается ко мне Кимберли.

– Мне не надо, а вот Тесса будет не против, – отвечает за меня Хардин.

Я прислоняюсь к его плечу.

– Если ты не будешь пить, то я, пожалуй, тоже откажусь.

– Если хочешь, пей. Мне не хочется.

– Спасибо, но я откажусь, – отвечаю я Ким с улыбкой.

Хардин хмурится и берет со стола полный бокал.

– Тебе следует немного выпить. У тебя выдался тяжелый день.

– Ты просто хочешь, чтобы я напилась и не задавала вопросов, – шепчу я, закатывая глаза.

– Вовсе нет, – усмехается он. – Я просто хочу, чтобы ты хорошо провела время. Ты ведь этого хотела, разве не так?

– Мне не нужно пить, чтобы хорошо провести время, – говорю я, оглядываясь.

Окружающие заняты друг другом и не обращают на нас внимания.

– Я не имел в виду, что тебе это нужно. Я лишь имел в виду, что подруга предлагает тебе бесплатно шампанское, которое, скорее всего, стоит больше, чем наша с тобой одежда. – Его пальцы поглаживают мой затылок. – Почему бы в таком случае не выпить?

– Согласна, – говорю я, и Хардин подает мне бокал. – Но только один.

Полчаса спустя я уже приканчиваю второй бокал шампанского и подумываю о третьем. Наблюдаю за Сашей, которая, как она сама утверждает, решила потанцевать. Если бы она действительно хотела танцевать, почему бы ей просто не сходить на танцпол?

Мне кажется, она просто жаждет внимания.

Прикрываю рот ладонью, будто сказала это вслух.

– Что? – удивляется Хардин.

Похоже, ему смертельно скучно. Я определяю это по его ленивому взгляду и по его пальцам, танцующим у меня на спине.

Я лишь качаю головой. Мне не следует думать так о женщине, которую даже не знаю. Все, что я знаю, – это то, что она спит с женатым мужчиной. Полагаю, этого достаточно, чтобы испытывать к ней неприязнь.

– Мы уже можем идти? – шепчет Хардин мне в ухо и кладет ладонь на мое бедро.

– Еще чуть-чуть, – отвечаю я.

Мне не так уж и скучно, но я предпочитаю провести время с Хардином наедине, а не сидеть тут и избегать взгляда Саши.

– Тесса, пойдем потанцуем? – предлагает Кимберли.

Чувствую, как напрягается Хардин. Вспоминаю тот вечер, когда я пошла с Кимберли в ночной клуб. Я танцевала с парнем назло Хардину, хоть того и не было поблизости. Я была так на него обижена.

– Я ведь не танцую, – говорю я.

– Давай хоть прогуляемся, – улыбается Кимберли. – По виду похоже, будто ты вот-вот заснешь.

– Хорошо, – соглашаюсь я и встаю с дивана. – Ты идешь? – спрашиваю

я Хардина.

Он качает головой.

– С ней все будет в порядке, мы скоро вернемся, – заверяет его Кимберли.

Хардин явно недоволен, что Кимберли отбирает меня у него, но не пытается ее остановить. Он хочет показать мне, что способен расслабиться, и я люблю его за это.

– Если ее потеряешь, можешь не возвращаться, – говорит Хардин.

Кимберли заливается смехом и, отдернув занавес, ведет меня в переполненный клуб.

Глава 115

Хардин

– Как думаешь, куда она увела Терезу? – спрашивает подсевший ко мне Макс.

– Тессу, – поправляю я.

Откуда он, черт побери, знает, что ее полное имя – Тереза? Ладно, может, это очевидно. Но мне все равно не нравится, когда он ее так называет.

– Тессу. – Макс улыбается и делает большой глоток. – Милая девочка.

Оставляю реплику без ответа и беру со стола бутылку минералки. У меня нет желания с ним разговаривать. Мне следовало пойти с Кимберли и Тессой. Я пытаюсь показать Тессе, что способен «расслабиться», и вот к чему это приводит: я сижу рядом с этим мужиком в клубе с дерьмовой музыкой.

– Я ненадолго отлучусь, группа только что прибыла, – говорит Кристиан.

Он кладет телефон в карман и уходит. Макс встает, и, пожелав своей подруге хорошо провести время, уходит следом.

Они что, и правда оставляют меня здесь один на один с этой девкой?

– Похоже, мы остались одни, – заявляет эта Стэйси, подтверждая мои худшие опасения.

– Ммм...

– Как тебе это место? Макс говорит, что с тех пор, как оно открылось, здесь полно народу каждый вечер.

Я делаю вид, что не замечаю, как она одергивает платье, чтобы сделать декольте более заметным... не то чтобы там было на что смотреть...

– Бар открылся всего несколько дней назад, вполне понятно, почему здесь полно народу.

– Даже если так, здесь очень мило.

Она вытягивает ноги и снова их сплетает.

Она что, такая отчаянная? Я даже не уверен, пытается она соблазнить меня или просто настолько привыкла вести себя как шлюха, что все эти движения автоматические.

Она опирается на стол и протягивает ко мне руку, касаясь рукава

длинным ногтем.

– Может, потанцуем?

– Ты что, спятила? – говорю я, отползая на другой конец дивана.

В прошлом году я бы не раздумывая утащил ее в сортир и хорошенько оттрахал. Теперь же мысль об этом вызывает только тошноту.

– Что? Я просто хотела потанцевать.

– Ну так потанцуй со своим женатым дружкой, – резко отвечаю я и оттягиваю занавес в надежде увидеть Тессу.

– Не спеши судить меня. Ты меня совсем не знаешь.

– Я знаю достаточно.

– Ну, я тоже кое-что о тебе знаю, так что на твоём месте я бы вела себя осторожнее.

– Правда? – смеюсь я.

Ее глаза сужаются.

– Да.

– Если бы ты хоть что-то обо мне знала, ты бы понимала, что не следует пытаться меня запугать, – предупреждаю я ее.

Она берет бокал с шампанским со стола и произносит:

– Ты именно такой, каким тебя описывают...

Решаю, что пора уходить. Выпутываюсь из занавеса и выбираюсь в главный зал на поиски Тессы: надо забрать ее и убраться отсюда к чертям собачьим.

И кто же это меня описывает? Кем она себя вообще считает? Кристиану повезло, что я обещал Тессе хорошо провести время, иначе Максу пришлось бы отвечать за слова своей шлюхи. Обхожу клуб, ища взглядом блестящее платье Тессы и светлые волосы Кимберли. К счастью, этот клуб не из тех, где все постоянно танцуют. Большинство посетителей сидит за столами, что облегчает поиск. Наконец вижу их рядом с главным баром в компании Кристиана, Макса и еще какого-то парня. Тесса стоит спиной ко мне, но по ее позе я вижу, что она нервничает. Через несколько секунд к ним подходит еще один мужчина, и по мере приближения я начинаю его узнавать.

– Хардин! Вот ты где!

Кимберли протягивает руку к моему плечу, но я уклоняюсь и иду к Тессе. Она поворачивается ко мне.

– Хардин, это мой преподаватель истории религии, профессор Сото, – улыбается она.

Да вы что, совсем охренели? Неужели все сегодня приперлись в Сиэтл?

– Джон, – поправляет он и протягивает мне руку.

Глава 116

Хардин

Профессор улыбается, едва заметно окидывая ее взглядом. Но я замечаю.

– Рад снова тебя видеть, – говорит он, пританцовывая в такт музыке, и я не понимаю, кому из нас это предназначено.

– Профессор Сото теперь живет в Сиэтле, – сообщает Тесса.

– Удобно, – еле слышно говорю я.

Однако Тесса слышит и легонько пихает меня локтем в бок. Я приобнимаю ее за талию.

Взгляд Джона на мгновение опускается к месту, куда я положил руку, затем поднимается к лицу Тессы. Она занята, ублюдох.

– Да, я перевелся в Сиэтл несколько недель назад, наконец получил работу. Моя группа так или иначе уже была готова переехать, – говорит он таким тоном, словно нам всем должно быть это интересно.

– Сегодня у нас играют «The Reckless Few», да и завтра тоже, если мы сможем их уговорить, – хвастается Кристиан.

Джон улыбается и опускает взгляд.

– Думаю, это можно устроить, – говорит он, поднимая взгляд, и, одним глотком осушив бокал, добавляет: – Ладно, пора готовиться к выступлению.

– Удачи, – говорит Кристиан и похлопывает Сото по плечу.

Профессор поворачивается к Тессе, с улыбкой ей кивает и уходит в сторону сцены.

– У него потрясающая группа, ты скоро их услышишь. – Вэнс хлопает в ладоши и, обняв Кимберли, ведет ее к столику у сцены.

Я уже слышал эту группу, и она не потрясающая.

Тесса поворачивается ко мне.

– Он хороший парень. Ты ведь не забыл, что он дал показания в твою пользу, когда тебя чуть не исключили?

– Нет. Я, если честно, ничего о нем не знаю. Кроме того, что ты ему явно нравишься и что теперь он каким-то чудом живет в Сиэтле и работает в твоём университете.

– Я ему вовсе не нравлюсь.

– Нравишься.

– Ты думаешь, что я всем нравлюсь! – возмущается Тесса.

Какая же она наивная. Неужели она и правда считает, что у этого парня хорошие намерения?

– Может, составим список? Зед, гребаный Тревор, этот придурок официант... кого я пропустил? Ну и теперь еще твой стремный профессор, который смотрел на тебя, как на десерт.

Оглядываюсь на сцену: этот придурок ходит там с важным видом.

– Считается только Зед. Тревор очень милый, но никогда не хотел ничего такого. Роберта я, скорее всего, никогда больше не увижу. А Сото вовсе не из тех, кто бы начал меня преследовать.

– Скорее всего? – Выбор слова мне совсем не нравится.

– Очевидно, я его больше не увижу. Я с тобой, ясно?

Она обнимает меня одной рукой, и я успокаиваюсь. Надо проверить, точно ли я выбросил номер того проклятого официанта. На всякий случай.

– Мне все равно кажется, что этот козел собирается тебя преследовать.

Киваю на клоуна в кожаной куртке. Надо бы поговорить с отцом, чтобы убедиться, что он не так подозрителен, как мне сейчас кажется. Тесса вообще не разбирается в людях.

Она смотрит на меня с улыбкой до ушей. Она все еще со мной, после всего, что она из-за меня пережила...

– У этой группы музыка не совсем подходит для джаз-клуба, она более... – Тесса запинаясь.

– Отстойная? – подсказываю я.

– Нет, просто это не джаз. Они скорее похожи на... ну, на «Fray».

– «Fray»? Да ну, не обижай свою любимую группу! – Единственное, что я помню о группе профессора, – это то, что она полный отстой.

– И твою, – замечает Тесса, толкая меня плечом.

– Не самая любимая.

– Не притворяйся, будто их не любишь, я же знаю.

Она сжимает мою ладонь, и я покачиваю головой. Не в знак отрицания, но и признавать не хочу.

Я перевожу взгляд со стены на грудь Тессы и обратно, в ожидании, когда проклятая группа закончит приготовления.

– Мы уже можем идти? – спрашиваю я.

– Только одну песню.

Щеки Тессы покраснелись, глаза заблестели. Она заказывает выпивку и поправляет платье, одергивая его вниз, затем вверх.

– Можно я хотя бы сяду? – спрашиваю я, кивая на ряд табуретов у

барной стойки.

Взяв Тессу за руку, я веду ее к бару. Сажусь на самый крайний, ближе к стене и дальше всех от сцены.

– Что вам? – спрашивает молодой человек с эспаньолкой и липовым итальянским акцентом.

– Бокал шампанского и воды, – заказываю я.

Тесса подходит и встает у меня между ногами. Кладу руку ей на талию.

– Мы продаем шампанское только в бутылках, сэр.

Бармен смотрит на меня извиняющимся взглядом, будто уверен, что я не могу себе позволить бутылку его гребаного шампанского.

– Хорошо, значит, бутылку, – слышится голос Вэнса у меня за спиной.

Бармен кивает, переводя взгляд с Кристиана на меня.

– Охлажденное, пожалуйста, – дерзко добавляю я.

Парень кивает и уходит за бутылкой. Блин.

– Хватит с нами нянчиться, – говорю я Вэнсу.

Тесса шипит на меня, но я не обращаю внимания.

– Я не нянчусь. Тесса все еще несовершеннолетняя, – парирует этот кретин своим обычным саркастическим тоном и закатывает глаза.

– Да-да, конечно, – говорю я.

Кто-то зовет Вэнса, и он уходит, похлопав меня по плечу. Через несколько минут приходит бармен и открывает бутылку шампанского. Тесса благодарит, и он улыбается в ответ улыбкой, еще более наигранной, чем его акцент. Она подносит бокал к губам и прижимается спиной к моей груди.

– Хорошее шампанское.

Мимо нас проходят двое мужчин и бросают на Тессу беглые взгляды. Она это замечает и еще сильнее прижимается ко мне.

– Вон Саша, – сообщает она.

Голос тонет в вое гитары профессора. Вижу Сашу. Она окидывает зал взглядом, будто кого-то ищет – своего Макса или, думаю, случайного мужика.

– Да кому она нужна? – говорю я и мягко беру Тессу за локоть, вынуждая повернуться ко мне.

– Она мне не нравится, – тихо говорит Тесса.

– Она никому не нравится.

– И тебе? – спрашивает она.

Она что, с ума сошла?

– С чего бы ей мне нравиться?

– Не знаю. – Взгляд Тессы устремляется на мои губы. – Просто она симпатичная.

– И?

– Я не знаю... похоже, я пьяна. – Тесса трясет головой, пытаюсь избавиться от мыслей о Саше.

– Ты ревнуешь, Тереза?

– Нет, – резко отвечает она.

– Тебе не следует ревновать. – Я расставляю ноги пошире и притягиваю ее ближе. – Мне бы этого не хотелось.

Опускаю взгляд на декольте Тессы и провожу пальцем по вырезу платья.

– Тебе просто нравятся мои сиськи, – говорит она, еле слышно шепча последнее слово.

– Это очевидно, – усмехаюсь я.

– Я так и знала! – Тесса притворяется обиженной, но улыбка выдает ее истинное настроение.

– Ну, теперь, после того как ты знаешь правду, можешь позволить мне трахнуть их, – говорю я.

Шампанское брызгает изо рта Тессы на мою рубашку и штаны.

– Прости! – пищит она, хватая с барной стойки салфетку и трет ею по этой дурацкой рубашке и моей промежности.

Перехватываю ее руку и отбираю салфетку.

– На твоем месте я бы этого не делал.

– Ой... – краснеет она.

Один из членов группы объявляет в микрофон, что концерт начинается, и разражается какофония. Тесса с интересом наблюдает за сценой. Группа поет песню за песней, а я подливаю шампанское в бокал Тессы. Мне нравится, как мы сидим. Она – у меня между ног, прижимается ко мне спиной, но если я облокочусь на стойку, то вижу ее лицо. В приглушенном красном свете бара Тесса просто прекрасна. Она кажется такой молодой и беззаботной. Надо бы почаще заставлять ее испытывать такие чувства.

Будто почувствовав мое внимание, она оборачивается и улыбается мне:

– Они хорошо играют, правда? – Она кивает в сторону сцены.

– Нет. – Яжимаю плечами. Они, конечно, не ужасны, но уж точно ничего особенного.

– Пффф, – выдыхает она и отворачивается.

Вскоре ее бедра начинают двигаться в такт голосу вокалиста. Черт.

Кладу руку на ее бедро, и Тесса прижимается ко мне. Темп ускоряется, и Тесса начинает двигаться быстрее. Господи.

Мы много что делали... Я много что пробовал, но еще никто не танцевал на мне так, как это делает сейчас она. Девушки и даже одна стриптизерша танцевали у меня на коленях, но никто из них не делал это так, как она. Медленно, опьяняюще... и невероятно возбуждающе. Я опускаю вторую руку на бедро Тессы, и она оборачивается, чтобы поставить бокал на стойку. Она развратно улыбается и снова поворачивается к сцене. Одна ее рука опускается на мою, а второй она проводит по моим волосам.

– Продолжай, – прошу я.

– Точно? – спрашивает она и касается моих волос.

Сложно поверить, что эта соблазнительная девушка в коротком черном платье, так сексуально двигающая бедрами, несколько минут назад смущенно прыснула, когда я заявил, что собираюсь трахнуть ее грудь.

– Да, черт подери! – выдыхаю я ей в ухо. – Двигайся. – Я сжимаю ее ягодицу. – Ближе.

Тесса повинуется. Ее задница трется точно о то место, что жаждет ее.

На мгновение отвлекаюсь. Хочется убедиться, что на нас никто не смотрит.

– Ты так сексуальна, когда танцуешь для меня, только для меня одного.

Я уверен, что слышу ее стон, и не могу больше терпеть. Поворачиваю ее и запускаю руку под юбку.

– Хардин. – Она издает стон, когда я отодвигаю ее трусики.

– Никто не смотрит. Даже если б кто-то смотрел, они бы ничего не разглядели, – уверяю я Тессу.

Я бы так не делал, если бы знал, что за нами кто-то наблюдает.

– Тебе нравилось так танцевать, верно? – спрашиваю я.

Судя по тому, как она намокла, Тесса не отрицает.

Она кладет голову мне на плечо и сжимает мою рубашку так, как обычно сжимает простыни. Я начинаю ритмично вводить пальцы в нее, стараясь попасть в ритм музыки. Ее ноги напрягаются, и она начинает сама насаживаться на мою руку. Тесса нежно стонет, давая мне знать, как ей хорошо. Губы целуют мне шею, бедра бьются об мои ноги, и она все быстрее насаживается на пальцы своей мокрой киской. Стоны тонут в грохоте музыки, а ногти, скорее всего, оставляют у меня на животе глубокие царапины.

– Я сейчас... – стонет Тесса мне в ухо.

– Я знаю, детка. Кончи для меня. Прямо здесь, Тесса. Кончи, – нежно

подбадриваю я ее.

Тесса кивает и кусает меня за шею. Я чувствую, как член пульсирует и упирается в ширинку. Она кончает и наваливается на меня всем своим весом. Тесса задыхается, ее лицо покраснелось.

– В машине или в туалете? – спрашивает она.

Я облизываю пальцы.

– В машине, – отвечаю я.

Тесса одним глотком допивает шампанское. Пусть Вэнс платит за это дерьмо, у меня нет времени, чтобы искать бармена.

Тесса берет меня за руку и ведет к двери. Мы оба возбуждены.

– Неужели это?..

Недалеко от выхода Тесса останавливается как вкопанная. В толпе я вижу голову с торчащими во все стороны черными волосами. Если бы она тоже его не увидела, я был бы уверен, что у меня начались галлюцинации.

– Какого черта он здесь делает? Ты говорила ему, что будешь здесь? – шепчу я.

Весь вечер я пытался быть невозмутимым только для того, чтобы под конец этот придурак испортил мне настроение.

– Нет! Конечно нет! – восклицает Тесса.

По ее широко раскрытым глазам я понимаю, что она не врет.

Зед замечает нас и хмурится. Он направляется к нам.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спрашиваю я, когда он подходит.

– То же, что и ты, – отвечает он и бросает взгляд на Тессу.

Еле сдерживаюсь, чтобы не задрать ей подол, а потом выбить этому дураку зубы.

– Откуда ты узнал, что она здесь?

Тесса тянет меня за руку, переводя взгляд с меня на Зеда и обратно.

– Я и не знал. Я пришел, чтобы послушать группу.

К нам подходит парень с такой же смуглой, как у Зеда, кожей.

– Вам лучше убираться, – говорю я им.

– Хардин, пожалуйста, – стонет Тесса.

– Не надо, – яростно шепчу я ей.

Мне надоел этот Зед и все, что он творит.

– Эй... – Парень делает шаг и встает между мной и Зедом. – Пошли скажем им, что мы пришли.

– Вы знаете Сото? – спрашивает Тесса.

Черт тебя дери, Тесса.

– Да, мы его знаем, – отвечает незнакомец.

Я почти чувствую поток мыслей в голове у Тессы, ее удивление от

того, что все друг друга знают, будто это какой-то заговор. Мне больше не хочется торчать тут с Зедом, поэтому беру ее за руку и веду к двери.

– Пока, – бросает Зед, жалко улыбаясь Тессе, и уходит вместе со своим знакомым к сцене.

Выскакиваю на прохладную улицу. Тесса спешит следом.

– Я не знала, что он собирается прийти сюда, клянусь! – настаивает она.

Открываю для нее дверцу.

– Я знаю, знаю, – отвечаю я, только чтобы она замолчала. Я изо всех сил стараюсь отговорить себя от того, чтобы снова зайти в клуб. – Давай забудем об этом. Пожалуйста. Не хочу портить вечер.

Я обхожу машину и сажусь с другой стороны.

– Хорошо, – кивает Тесса.

– Спасибо.

Я вздыхаю и вставляю ключ зажигания. Тесса кладет руку мне на щеку и поворачивает мою голову к себе.

– Я очень благодарна тебе за то, что ты сегодня так старался ради меня. Знаю, тебе это тяжело, но для меня это важно.

– Хорошо, – говорю я с улыбкой.

– Я серьезно. Я так люблю тебя, Хардин!

Я тоже говорю, что сильно ее люблю, и Тесса залезает мне на колени. Она быстро расстегивает мне джинсы и слегка приспускает их, затем целует мою шею и поспешно расстегивает две верхние пуговицы рубашки. Задираю платье, оголяя ее маленькое аппетитное тело. Тесса запускает руку в мой задний карман и достает презерватив, который я захватил, повинувшись предчувствию.

– Хочу только тебя, всегда, и больше никого, – уверяет она, стараясь успокоить.

Тесса натягивает презерватив, и я хватаю ее за бедра и приподнимаю. В тесной машине контакт кажется более близким, а проникновение – более глубоким. С моих губ срывается шипение, когда мой член полностью входит в нее. Тесса впивается губами в мои губы и начинает двигаться медленно и размеренно, как тогда в клубе.

– Черт, как глубоко! – Я хватаю ее за задницу и слегка сжимаю; хочу, чтобы Тесса смотрела на меня.

– Как хорошо, – стонет она, чувствуя, как я вхожу в нее, сантиметр за сантиметром.

Одна ее рука лежит у меня на шее, другая гладит волосы. Тесса так сексуальна, когда пьяна, и полна страсти, и жаждет только меня – мое тело

и ту страсть, что лишь я способен ей дать. Она не чувствовала этого больше ни с кем, как и я. Она – все, что мне нужно. Она никогда не уйдет от меня.

– Черт, я люблю тебя! – выдыхаю я ей в губы, когда одной рукой Тесса тянет меня за волосы, а второй – сжимает шею. Это заводит меня еще больше.

– Я люблю тебя, – вздыхает она, когда я приподнимаю бедра, чтобы еще глубже войти в нее.

Смотрю ей в глаза и наслаждаюсь тем, как она сжимает бедра. Меня охватывает наслаждение, распространяясь вдоль позвоночника, и я чувствую, как тело Тессы напрягается.

Ей следует начать принимать таблетки, потому что мне необходимо чувствовать ее кожей.

– Мне не терпится войти в тебя без презерватива, – шепчу я ей в ухо.

– Продолжай, – подбадривает она меня. Ей нравится, когда я говорю пошлости.

– Я хочу чувствовать, как кончаю в тебя... – Я провожу языком по ключице Тессы, слизывая пот. – Тебе это понравится, черт возьми! – Одна лишь мысль об этом подводит меня к пределу.

– Я уже почти... – стонет Тесса, и, еще раз дернувшись, мы оба кричим от наслаждения.

Помогаю ей пересесть на пассажирское сиденье и опускаю окно. Тесса поправляет платье.

– Ты что... – удивляется Тесса, когда я выкидываю презерватив в окно. – Выкинул использованный презерватив прямо здесь? А если Кристиан его увидит?

– Уверен, это будет не единственный презерватив, который он тут найдет, – зло усмехаюсь я.

– Возможно, – отвечает она, сморщив нос.

Тесса застегивает мне штаны, и мы выезжаем с парковки.

– Здесь пахнет сексом, – добавляет она и заливается смехом.

Я молча киваю. По дороге к дому Кристиана Тесса подпевает каждой дурацкой песне по радио. Я не подшучиваю над ней, так как на самом деле она издает довольно милые звуки, и это по-любому лучше, чем та дерьмовая группа в баре.

Милые звуки? Я даже начинаю говорить, как она.

– После этой ночи мне придется удалить свои барабанные перепонки, – замечаю я.

Она показывает мне язык и поет еще громче.

Я беру Тессу за руку, и мы идем к двери. Судя по всему, сама идти она

уже не в состоянии.

– А вдруг мы не сможем открыть дверь? – спрашивает она со смешком.

– Там нянька, – напоминаю я.

– А, точно. Лилиан, – улыбается Тесса. – Она очень милая.

Усмехаюсь: как же она напилась.

– Я думал, тебе она не нравится.

– Теперь, после того, как ты меня убедил, что ты ей не нравишься, я начинаю ей симпатизировать.

Я касаюсь ее губ.

– Не дуйся. Вы во многом похожи. Только она еще более... приставучая.

– Прости, что? – Тесса икает. – Тебе не следовало говорить это, теперь я ревную.

– Сработало, да? – отвечаю я с самодовольным видом.

Мы заходим в дом и видим, что Лилиан в одиночестве сидит на диване. Я поспешно одергиваю платье, и Тесса закатывает глаза.

– Ну что, как провели время? – спрашивает Лилиан.

– Это было прекрасно! Группа, которая там играла, была великолепна! – сияет Тесса.

– Она пьяная в доску, – поясняю я.

– Я вижу, – смеется Лилиан и после небольшой паузы добавляет: – Смит уснул. Вечером он даже почти поговорил со мной.

– Отлично, – бросаю я и веду Тессу по коридору.

– Было приятно повидаться! – Моя пьяная подружка машет Лилиан рукой.

Не знаю, следует ли мне сказать, что она может идти, или ей лучше подождать Вэнса, поэтому просто молчу. К тому же, когда Лилиан уйдет, некому будет заняться этим маленьким киборгом, если он проснется.

Заходим в комнату, и Тесса валится на кровать.

– Ты можешь снять это с меня? – Она показывает на платье. – У меня от него все чешется.

– Конечно, встань.

Помогаю Тессе подняться и снимаю с нее платье. В благодарность она чмокает меня в нос. Этот простой неожиданный жест заставляет меня улыбнуться.

– Я так рада, что ты здесь со мной, – говорит она.

– Правда?

Тесса кивает и расстегивает на рубашке Кристиана оставшиеся пуговицы. Она снимает рубашку с меня и складывает. Я никогда не

понимал, зачем она складывает грязную одежду, но уже привык.

– Да, очень. В Сиэтле не так классно, как я думала, – в конце концов признает она.

Мне хочется сказать «Тогда возвращайся ко мне».

– Почему? – вместо этого спрашиваю я.

– Не знаю.

Тесса хмурится, и я с удивлением понимаю, что вместо того, чтобы захотеть узнать о ее проблемах, хочу сменить тему. Мы с Лэндоном оба подозревали, что она так себя чувствует. Мне немного неловко оттого, что ее ожидания не оправдались. Надо бы завтра днем вместе погулять, чтобы она могла развеяться.

– Ты можешь переехать в Англию, – говорю я.

– Ты не хочешь пожениться там со мной, но хочешь, чтобы я туда переехала? – возмущенно спрашивает Тесса.

– Поговорим об этом позже, – отвечаю я в надежде, что к завтрашнему дню она об этом забудет.

– Да, да, конечно. «Позже».

Она пытается сесть на кровать, но не попадает и валится на пол, заливаясь смехом.

– Господи, Тесса! – Я подхожу и поднимаю ее на ноги.

– Все нормально! – Она хохочет и присаживается на край кровати, таща меня за собой.

– Тебе не стоило пить так много шампанского.

– Ты прав, – улыбается Тесса и толкает меня на кровать.

– Как ты себя чувствуешь? Тебя не тошнит?

Тесса кладет голову мне на грудь.

– Хватит относиться ко мне, как к ребенку, со мной все в порядке.

Мне хочется возразить, но я прикусываю язык и решаю промолчать.

– Что тебе хочется делать? – тихо спрашивает она.

– Что?

– Мне скучно.

Она приподнимается на локтях и смотрит на меня своим особенным взглядом. В ее глазах пляшут огоньки.

– Ну и чем тебе хочется заняться по пьяни?

– Подергать тебя за волосы, – говорит она с улыбкой и эротично прикусывает нижнюю губу.

Глава 117

Хардин

– Не можешь заснуть? – спрашивает Кристиан, заходя на кухню и включая свет.

– Тесса попросила воды, – отзываюсь я.

Закрываю дверцу холодильника, но Кристиан останавливает меня.

– Ким тоже. Цена за выпитое шампанское, – говорит он.

Бесконечные смешки Тессы и ее ненасытная жажда удовольствий меня утомили. Кроме того, если она сейчас не попьет воды, то скоро будет блевать. Перед глазами маячит образ Тессы, распластавшейся на кровати после оргазма с раскинутыми ногами. Она была восхитительна.

– Да, Тесса прилично набралась, – замечаю я, еле сдерживаю ухмылку, вспомнив, как она свалилась на пол.

– Ну так что, на следующие выходные – в Англию? – спрашивает Кристиан.

– Я не еду.

– Речь идет о свадьбе твоей матери.

– И что? Это не первая и, скорее всего, не последняя ее свадьба, – возражаю я.

Вэнс протягивает руку и выбивает бутылку с водой у меня из рук. Поверить не могу!

– Какого черта? – восклицаю я, наклоняясь за бутылкой.

Вэнс смотрит на меня серьезно и мрачно.

– Ты не можешь так говорить о своей маме.

– Тебе-то что? Я не хочу ехать и не поеду.

– Назови хоть одну стоящую причину, по которой ты не едешь, – с вызовом требует он.

Какого хрена ему надо?

– Мне не нужно ни перед кем оправдываться. Я не хочу идти на эту чертову свадьбу, и все. На одной я в этом сезоне уже был, мне хватило.

– Отлично. Я подал документы Тессы на паспорт. Полагаю, ты будешь не против, если она поедет в Англию вместе с Ким.

Бутылка сама выпадает у меня из рук. Я не спешу ее поднимать.

– Что? – Я в ярости смотрю на Вэнса. Он же не всерьез, не может

быть.

Он опирается на холодильник и скрещивает руки на груди.

– Как только я узнал о свадьбе, я подал документы на паспорт для Тессы и все оплатил. Ей только остается сходить и сфотографироваться. Остальное я сделал.

Я в бешенстве. Чувствую, как закипает кровь.

– Зачем? Это ведь незаконно. – Как будто мне на это не плевать...

– Потому что я предвидел, что ты будешь упираться, и понимал, что только она сможет тебя убедить. Твое присутствие очень важно для твоей мамы. Она беспокоится, что ты не приедешь.

– И она права. Ты думаешь, что можешь использовать Тессу, чтобы заставить меня ехать в гребаную Англию? Да пошли вы все вместе с мамой.

Я открываю холодильник, чтобы достать еще одну бутылку, назло Кристиану, но он пинком захлопывает дверь.

– Слушай, я знаю, что твоя жизнь не сахар, понял? У меня тоже. Но ты не будешь разговаривать со мной таким тоном, каким разговариваешь с родителями.

– Тогда перестань вмешиваться в мою жизнь так, как это делают они!

– Я не вмешиваюсь. Ты очень хорошо понимаешь, что Тесса хотела бы присутствовать на свадьбе, и ты знаешь, что будешь чувствовать себя последней сволочью, если не позволишь ей это сделать из эгоистических побуждений.

Несколько мгновений смотрю на Вэнса и перевариваю сказанное. Она наполовину прав – я уже начал чувствовать вину, что не хочу на свадьбу, хотя понимаю, как Тессе хочется там быть. Даже сегодня вечером она заговорила об этом, и с тех пор не могу перестать об этом думать.

– Будем считать, что твое молчание означает благодарность, – самоуверенно отмечает Вэнс.

Я закатываю глаза.

– Я не хочу, чтобы она на этом заморачивалась.

– На чем? На свадьбе?

– Именно. Я не хочу водить Тессу на еще одну свадьбу, видеть ее слезы и ждущие взгляды и думать, что у нее никогда такого не будет.

Кристиан в задумчивости почесывает подбородок.

– Теперь я понимаю! – Его улыбка становится шире. – Вот в чем дело. Ты не хочешь, чтобы она захотела свадьбу?

– Она уже хочет свадьбу. Вот в чем проблема.

– Почему проблема? Ты не хочешь, чтобы она сделала из тебя честного

мужчину?

Хоть Вэнс явно меня провоцирует, я рад, что он не сердится. В частности, поэтому он мне и нравится: он не так обидчив, как мой отец.

– Это проблема, потому что этого никогда не будет. Она из тех чокнутых, что начинают говорить о свадьбе через месяц после знакомства. Она фактически рассталась со мной, когда я сказал, что не собираюсь на ней жениться. Иногда она совершенно чокнутая.

Посмеиваясь, Вэнс отхлебывает из бутылки, предназначенной для Кимберли. Тесса ждет, когда я принесу ей воды, – следует закончить разговор. Он и так оказался более длинным и интимным, чем мне бы хотелось.

– Считай, что тебе повезло, что она хочет за тебя выйти. Ты далеко не самый простой в общении мужчина. И она это знает лучше, чем кто бы то ни было.

Я уже открываю рот, чтобы спросить, что, черт подери, он знает о моей связи с Тессой, но вспоминаю, что он помолвлен с одной из главных сплетниц Сиэтла... черт, даже не Сиэтла, а всего штата Вашингтон... или даже Соединенных Штатов...

– Я прав? – Вэнс перерывает поток мыслей о его женщине.

– Да, но все же. Глупо думать о свадьбе, учитывая, что ей даже нет двадцати.

– И это говорит человек, который не хочет отпускать Тессу дальше чем на метр от себя?

– Придурок, – ворчу я.

– Но ведь правда же.

– Это не значит, что ты не придурок.

– Возможно. Однако мне кажется забавным, что ты не собираешься жениться на Тессе, но, очевидно, не можешь контролировать себя, когда боишься ее потерять.

– Это еще как понимать?

Не думаю, что я и правда хочу знать ответ, но уже слишком поздно. Вэнс впивается в меня взглядом.

– Твое волнение стократно вырастает, когда ты боишься ее потерять или когда на нее обращает внимание другой мужчина.

– Кто сказал, что я...

Но этот упрямый козел не обращает внимания и как ни в чем не бывало продолжает:

– Знаешь, что очень помогает, когда приходится сталкиваться с этими двумя вещами?

– Что?

– Кольцо. – Вэнс поднимает руку и касается места, где в скором времени будет красоваться обручальное кольцо.

– Ох, черт, она и тебя доконала! Она что, тебе приплатила? – спрашиваю я.

Это не такая уж и невероятная идея, учитывая одержимость Тессы.

– Нет, ты идиот! – Вэнс кидается в меня крышкой от бутылки. – Я правду говорю. Представь, каково это, говорить, что она твоя, и это всем очевидно. Когда Тесса – твоя жена, это действительно так. И еще это очень удовлетворяет, особенно параноидальных чуваков типа нас с тобой.

– Бред сивой кобылы, – поспешно говорю я.

В рту пересохло, хочется закончить разговор.

Кристиан подходит к одному из шкафов и открывает его.

– Смотрел «Секс в большом городе»?

– Нет.

– Ким его смотрит. У нее есть все сезоны на DVD.

Кристиан открывает пакет печенья.

На часах – два ночи, меня ждет Тесса, а я тут стою и обсуждаю какой-то дурацкий сериал.

– И?

– В одной из серий женщины говорят о том, что в жизни можно влюбиться по-настоящему сильно только два раза...

– Ладно... Ладно... С меня хватит. Тесса ждет, – бормочу я и поворачиваюсь к двери.

– Я знаю, знаю... Позволь закончить. Я коротко и по-мужски расскажу, в чем дело.

Оборачиваюсь и вижу, что Вэнс выжидающе смотрит на меня. Поколебавшись, я киваю.

– Так вот. Они говорят, что ты по-настоящему влюбляешься только дважды в жизни. Я хочу сказать... я забыл, что хотел сказать, но я знаю, что ты по-настоящему влюблен в Тессу.

– Ты говорил, что мы любим дважды? – растерянно спрашиваю я.

– Ну, для тебя вторая любовь – ты сам, – фыркает Вэнс. – Думаю, это очевидно.

– А для тебя? Мисс Длинный Язык и мамка Смита? – спрашиваю я.

– Не перегибай... – предупреждает меня Кристиан.

– Ладно, извини. Кимберли и Роуз? – говорю я, закатывая глаза. – Это две твои большие влюбленности? Лучше бы те курицы из сериала были не правы.

– Ну да. Эти женщины были м-моими...

Он запинаясь, на его лице на мгновение отражается какое-то сильное внутреннее переживание, но оно пропадает слишком быстро, чтобы я успел понять, что это.

– Ну, раз ты закончил, я пойду спать, – говорю я Кристиану.

– Да, пожалуй... – суетливо отвечает он. – Я тоже пойду. Что-то выпил слишком много.

– Да... Ну ладно.

Оставляю его. Я не знаю, что это с ним было в конце разговора, но вид самого Кристиана Вэнса, теряющего дар речи, – сам по себе награда.

Возвращаюсь в комнату и обнаруживаю, что Тесса уже заснула. Она лежит, свернувшись калачиком и подложив ладони под щеку. Выключаю свет и ставлю бутылку с водой на тумбочку, а затем ныряю под простыню. Тело Тессы горячо и покрывается гусиной кожей, когда я прикасаюсь к ней холодными пальцами. Мысль, что мое прикосновение, даже во сне, пробуждает в ней реакцию, необычайно приятна.

– Привет, – сонно шепчет Тесса.

Притягиваю ее поближе к себе и зарываюсь носом в волосы.

– На следующие выходные мы отправляемся в Англию, – говорю я.

Тесса резко поворачивается и устремляет взгляд на меня. В комнате довольно темно, но слабого лунного света хватает, чтобы прочесть удивление на ее лице.

– Что? – спрашивает она.

– Англия. В следующие выходные. Ты и я.

– Но...

– Нет. Ты едешь. И я знаю, что ты хочешь поехать, поэтому не пытайся со мной спорить.

– У меня нет...

– Тереза. Расслабься. – Я прикрываю ладонью ей рот, и она легонько покусывает мою кожу. – Ты будешь хорошей девочкой и будешь вести себя тихо, если я уберу руку? – шутливо спрашиваю я, припоминая, как за несколько часов до того она обвинила меня, что я веду себя с ней, как с ребенком.

Тесса кивает, и я убираю руку. Она приподнимается на локте и поворачивается ко мне. Я просто не могу разговаривать с ней, когда она лежит голая.

– Но у меня нет паспорта! – восклицает Тесса, и я делаю усилие, чтобы скрыть улыбку.

Я так и знал, что она захочет поперекаться.

– Твой паспорт скоро будет готов. Остальное обсудим завтра.

– Но...

– Тереза...

– Дважды за минуту? Ох... – улыбается она.

– Больше не пей никогда шампанского.

Отвожу волосы от ее глаз и провожу пальцем по ее пухлым губам.

– Раньше ты не жаловался, когда я...

Я заставляю ее замолчать, прижав свои губы к ее. Я люблю ее так сильно, так чертовски сильно, что мне дико страшно от одной мысли, что я могу ее потерять. Действительно ли я хочу связать ее – мою, возможно, единственную любовь – со своим мрачным прошлым?

Глава 118

Тесса

Когда я просыпаюсь, Хардина рядом нет. В комнате слишком светло, и я жмурюсь. Не отрываясь от подушки, спрашиваю:

– Который час?

Раскалывается голова. Чувствую себя так, будто не лежу, а мотаюсь из стороны в сторону.

– Полдень, – слышу я низкий голос Хардина с другого конца комнаты.

– Полдень! Я пропустила две пары! – Пытаюсь встать, но головокружение заставляет меня свалиться на кровать.

– Все хорошо, выспись.

– Нет! Я не могу больше пропускать занятия, Хардин. Занятия только начались, и я не могу начинать с пропусков! – Я начинаю паниковать.

– Все будет хорошо, – говорит Хардин, пожимая плечами. Он пересекает комнату и садится на край кровати. – К тому же ты уже наверняка сделала все задания.

Он слишком хорошо меня знает.

– Дело не в этом. Я пропустила лекцию, и это отразится на моей репутации.

– Репутации у кого? – спрашивает Хардин. Я знаю, что он издевается.

– У преподавателей и однокурсников.

– Тесса, я тебя люблю, но все же. Твоим одноклассникам плевать, присутствуешь ты или нет. Они даже не заметили. Преподы – да, заметили, ведь ты подлиза, и твое раболепие им нравится. Но однокурсникам насрать, и даже если нет, то что? Их мнение абсолютно не имеет значения.

– Полагаю, ты прав. – Я закрываю глаза и пытаюсь согласиться с Хардином. Я ненавижу опаздывать, пропускать занятия и спать до обеда. – Я не подлиза, – добавляю я.

– Как ты себя чувствуешь?

Хардин ложится рядом со мной, и я открываю глаза.

– Чувствую себя так, будто прошлой ночью перепила.

И это правда, голова раскалывается.

– Ты и правдахватила лишнего, – качает головой Хардин. – Как твоя задница?

Его руки хватают меня за зад, и я воплю.

– Мы ведь не... не делали этого? Я была не настолько пьяна!

– Нет, – хихикает Хардин. – Все еще нет.

Я сглатываю.

– Только если ты хочешь. Вчера ты была сущей искусительницей, так что я решил, что это – следующее в списке.

Я? Искусительница?

– Не пугайся, это было просто предложение. – Хардин улыбается.

Я не уверена, хочется ли мне попробовать это. К тому же сейчас не лучшее время для подобных разговоров. Но любопытство берет верх.

– А ты... – Я не знаю, как спросить. – Ты делал это раньше?

Я вглядываюсь в лицо Хардина в поисках ответа.

– Нет, на самом деле ни разу.

– А, понятно... – То, что Хардин этого еще не делал, меня ободряет.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он и прижимается своим носом к моему.

Я улыбаюсь.

– Мне нравится то, что ты... не делал этого еще ни разу...

– Почему? – Его бровь выгибается, и я отвожу взгляд.

– Не знаю. – Внезапно мне становится неловко. Мне не хочется неуверенно предполагать или спорить.

– Скажи, – мягко требует Хардин.

– Я не знаю. Хотелось бы быть для тебя первой в чем-то.

– Что ты имеешь в виду? – Хардин приподнимается на локте и испытующе смотрит на меня.

– Ну, я имела в виду, что ты много что перепробовал... в сексуальном плане... – тихо говорю я. – И со мной у тебя не было чего-то нового...

– Это не так, – ласково замечает он.

– И все же, – возражаю я.

– Ни черта. Ты несешь бред и прекрасно это знаешь. – Хардин почти рычит и сурово на меня смотрит.

– Не ругайся, как, думаешь, я чувствую себя из-за того, что ты был с кем-то еще кроме меня? – спрашиваю я.

В последнее время такая мысль посещает меня редко, но когда приходит, жалит так же больно, как и в первый раз.

Хардин вздрагивает, нежно берет меня за руки и сажает.

– Иди сюда.

Он поднимает меня и опускает себе на колени. Его полуобнаженное тело излучает тепло и ласку.

– Я никогда не смотрел на это с такой стороны, – говорит Хардин. – Если бы ты раньше была с кем-то до меня, я сейчас не был бы с тобой.

– Прости, что? – Я резко поднимаю голову и смотрю на Хардина.

– Ты слышала. – Он целует меня в плечо.

– Было неприятно это услышать.

Хоть я и привыкла, что Хардин не следит за своей речью, но сказанное меня удивило. Он не мог говорить не в шутку.

– Никто не говорил, что я приятен.

– Ты серьезно?

Я устраиваюсь поудобнее у него на коленях. Хардин издает тихий стон.

– Абсолютно, – кивает он.

– То есть ты говоришь, что если бы я не была девственницей, ты бы не начал со мной встречаться?

– Именно это я и имею в виду. Если помнишь, я вообще не собирался с тобой встречаться. – Хардин ухмыляется, я хмурюсь.

Ставлю ноги на пол и пытаюсь встать, но он держит меня.

– Не дуйся, – вкрадчиво просит он и пытается поцеловать в губы, но я отворачиваюсь.

– Тогда, возможно, тебе и не стоило встречаться со мной, – обиженно говорю я, глядя ему в глаза. – Может, тебе просто стоило все прекратить, как только ты выиграл пари.

Подливаю масла в огонь и смотрю в его зеленые глаза, ожидая реакции. Через мгновение он заливается смехом, наполняя комнату моими любимыми звуками.

– Не будь таким ребенком, – отвечает Хардин и обнимает меня еще крепче, сильно зажимая мои руки в одной ладони, чтобы я не вырвалась. – Только потому, что я не хотел встречаться с тобой в самом начале, не значит, что я не рад, что это случилось.

– И все же ты сказал, что не был бы со мной сейчас, если бы я не была девственницей. Если бы я спала с Ноем перед тем, как встретила тебя, ты бы отказался встречаться со мной?

– Да, отказался бы. Мы бы не попали в эту... ситуацию... если бы ты не была девственницей.

Хардин осторожно подбирает слова. Хорошо.

– Ситуация... – повторяю я, все еще в бешенстве.

– Да, ситуация.

Хардин переворачивает меня и укладывает на кровать. Наваливается на меня и раздвигает коленом мои ноги.

– Я бы не вынес, если бы до меня к тебе прикасался другой мужчина. Я знаю, это глупо, но это правда, черт подери, независимо от того, хочешь тебе это слышать или нет.

Его горячие дыхание обдаёт мое лицо. Я мгновенно забываю причину своего раздражения. У Хардина отвратительные двойные стандарты, но хотя бы он честен.

– Как бы то ни было.

– Как бы то ни было? – Хардин издает смешок и ухватывает меня покрепче, прижимаясь трусами к моим бедрам. – Не глупи, ты же знаешь, каков я.

Чувствую себя слабой и беззащитной, а его доминирующее поведение возбуждает меня – возможно, сильнее, чем следует.

– И ты знаешь, что с тобой я испытал много нового. Я никогда раньше не любил. Ни женщин, ни членов семьи. – Его глаза на мгновение затуманиваются, будто он погрузился в болезненные воспоминания. – Раньше я не боялся никого потерять. Теперь же, если я потеряю тебя, я этого не переживу. Это – новый опыт. – Его губы находятся в сантиметре от моих. – Таких «новых опытов» тебе хватит?

Я киваю, и Хардин улыбается. Если я подниму голову хотя бы на сантиметр, наши губы сомкнутся. Будто бы услышав мои мысли, он отдаляет свое лицо от моего.

– И больше не упоминай это идиотское пари, – шепчет он, потираясь пахом о внутреннюю сторону моих бедер. – Ясно?

– Конечно. – Я закатываю глаза, и он отпускает мои руки.

– Какая ты сегодня непокорная, – говорит Хардин.

Я действительно чувствую себя несносной девчонкой. У меня похмелье и ПМС.

– А ты сегодня нахальный, так что мы квиты, – отвечаю я.

Хардин прикусывает губу и наклоняется ко мне. Его поцелуи посылают электрические разряды прямо мне в лоно. Я обхватываю ногами его талию и прижимаю к себе.

– Я люблю только тебя, – напоминает он, заглушая боль от того сказанного. Его губы касаются моей шеи, а ладонь обхватывает грудь. – Только тебя, и больше никого.

Я молчу. Не хочу нарушать святость мгновения. Мне нравится, что Хардин так искренне говорит о своих чувствах ко мне, и впервые я вижу все в новом свете. Стеф, Молли, половина университета могли трахаться с Хардином, но ни одна из них ни разу не слышала от него «Я тебя люблю». Никто из них никогда не узнает его, его настоящую сущность так, как его

знаю я. Они не знают, насколько Хардин прекрасен. Им не суждено выслушать истории из его жизни, познать убежденность его голоса, когда он говорит, как сильно любит меня. И поэтому мне их жаль.

– Я люблю только тебя, – в ответ говорю я.

Любовь, которую я испытывала к Ною, не идет ни в какое сравнение с моей любовью к Хардину. Теперь я это знаю. Я люблю его так, как никогда никого больше не смогу любить.

Чувствую, как Хардин тянется рукой к трусам. Он приспускает их, и я ступнями помогаю ему снять. Он нежно входит в меня и вскрикивает от удовольствия.

– Еще раз, – просит он.

– Я люблю только тебя, – повторяю я.

– Черт меня дери, Тесс, я тебя так сильно люблю, – шипит он сквозь сжатые зубы.

– Я буду всегда любить тебя, тебя одного, – обещаю я ему.

Я молюсь лишь о том, чтобы мы могли найти способ пройти через все трудности, ибо я знаю, что то, что я только что сказала, – сущая правда. Я всегда буду любить только Хардина, даже если жизнь нас разлучит.

Он входит в меня глубоко и жестко, покусывая в шею.

– Я чувствую тебя, каждый сантиметр... ты так горяча, – рычит Хардин.

Только теперь я вспоминаю, что он не надел презерватив. Даже в порыве эйфории это меня тревожит. Я отбрасываю мысли об этом и продолжаю наслаждаться, проводя ладонями по его плечам и мускулистым рукам.

– Надо надеть презерватив, – говорю я, в то же время сильнее сжимая его поясницу ногами и заставляя его проникнуть глубже в меня.

– Я не могу... остановиться.

Движения Хардина ускоряются, и мне кажется, будто я умру, если он остановится.

– Тогда не останавливайся!

Мы оба сошли с ума. Я не могу остановиться, мои ногти оставляют красные полосы на его спине, распаяя его все больше.

– Черт, кончай, Тесса! – приказывает он.

Как будто у меня есть выбор. Я подхожу к пику оргазма и опасаясь, что могу потерять сознание от наслаждения. Зубы Хардина смыкаются у меня на груди, оставляя красные отметины. Прорывав мое имя, Хардин застывает, а затем выходит из меня и кончает мне на живот, глядя прямо в глаза.

Затем, дрожа и задыхаясь, он ложится на меня. Мы лежим в полном молчании. Нам не нужно разговаривать, чтобы знать, о чем каждый из нас думает.

– Куда ты хочешь пойти? – спрашиваю я Хардина.

Мне не хочется вставать, но его предложение вывести меня на прогулку слишком заманчиво, чтобы его отвергать, тем более что раньше такого не случалось.

– Да мне все равно, честно. Может, устроим шопинг? – Его глаза исследуют мое лицо. – Тебе нужно сходить за покупками? Ты хочешь?

– Мне ничего особо не нужно... – отвечаю я. Подняв глаза, вижу нерешительность и беспокойство на его лице и добавляю: – Да, конечно. Пойдем за покупками.

Хардин так старается. Простые вещи, которыми занимается большинство пар, выводят его из зоны комфорта. Я улыбаюсь, вспоминая вечер, когда он повел меня на каток, чтобы доказать, что может вести себя как обычный ухажер. Это было прекрасно, и Хардин был так обаятелен и игрив, прямо как в последние полторы недели. Мне не нужен «обычный» ухажер, мне нужен Хардин – с его грубым юмором и мрачным настроением. Мне хватает того, что он иногда ведет себя как самый обычный парень, достаточно часто, чтобы я чувствовала себя с ним уверенно и чтобы достоинства перевешивали недостатки.

– Хорошо, – говорит Хардин.

– Мне только надо почистить зубы и причесаться.

– Одеться тоже не помешает, – с усмешкой говорит он и опускает руку между моих ног. Он уже вытер мне живот одной из своих футболок, как часто делал раньше.

– Точно. Наверное, мне стоит помыться, – замечаю я.

Интересно, хватит ли нас на еще один раунд, прежде чем мы выйдем из дому? Честно говоря, я не уверена, что у нас остались силы.

Встаю с кровати и невольно вздрагиваю. Я знала, что в любой момент могут начаться месячные. Почему это должно было произойти именно сегодня? Хотя, возможно, это и к лучшему: к моменту, как мы отправимся в Англию, они пройдут.

Англия... невероятно.

– Что? – Хардин вопросительно смотрит на меня.

– Я... у меня настали эти дни. – Я отвожу взгляд, зная, что у него был целый месяц, чтобы поднакопить пошлых шуточек.

– Ммм... и что же это за дни? – ухмыляется Хардин, глядя на свое запястье, будто там часы.

– Не надо... – умоляю я.

Надеваю одну из футболок Хардина и бегу к ванной.

Глава 119

Хардин

– Не знала, что вы оба тут, – удивляется Кимберли, когда я появляюсь на кухне. – Я думала, у Тессы занятия. Что она здесь делает?

– Ей плохо после вчерашнего, – отвечаю я. – Разве тебе не следует сейчас быть на работе? Или возможность побыть дома – еще одна из привилегий тех, кто трахается с начальником?

– Вообще-то я тоже чувствую себя плохо, дурень. – Кимберли кидает в меня скомканной салфеткой, но не попадает.

– Вам с Тессой следует научиться пить, – замечаю я.

Пищит микроволновка, Кимберли достает из нее тарелку с чем-то, напоминающим кошачью еду и пахнущим примерно так же. Садится за стол и увлеченно поедает это месиво.

– Твоя еда пахнет, как настоящее дерьмо, – замечаю я, картинно зажимая нос пальцами.

– Где Тесса? Она тебя заткнет.

– Я бы на это не надеялся, – ухмыляюсь я.

Я уже привык подкалывать невесту Вэнса. Она достаточно сварлива и толстокожа, так что мне определенно везет.

– Не надеялся бы на что? – раздается сзади голос Тессы.

На ней толстовка, узкие джинсы и тапочкообразные штуки, которые она называет обувью. В реальности же это два куска картона, обернутые дорожкой тканью. Тесса, конечно, с этим не согласна.

– Ничего.

Засовываю руки в карманы, пытаюсь побороть внезапное желание столкнуть Ким с табуретки.

– Он опять несет чушь, ничего нового, – сообщает Ким, отправляя в рот очередную порцию своей еды для кошек.

– Пошли, она меня бесит, – говорю я достаточно громко, чтобы Ким услышала.

– Веди себя культурно! – журит меня Тесса.

Я беру ее за руку и вывожу из дома. Уже в машине внезапно кое-что вспоминаю.

– Тебе надо начать пить противозачаточные, – говорю я Тессе.

В последнее время я и так был достаточно неосторожен, а теперь, почувствовав, каково это, быть с ней без презерватива, понимаю, что хочу только этого.

– Я знаю. Я все собираюсь сходить к врачу, но со студенческой страховкой нелегко записаться на прием, – отвечает Тесса.

– Ладно.

– Может быть, позже на этой неделе у меня получится. Стоит поторопиться, в последнее время ты потерял всякую осторожность.

– Я? Потерял осторожность? – с насмешкой переспрашиваю я. – Это ты постоянно устраиваешь так, что я не успеваю подготовиться!

– Ой, да ладно тебе! – хихикает Тесса.

– Эй, если тебе хочется разрушить свою жизнь беременностью – ради бога, но я отказываюсь в этом участвовать! – говорю я и сжимаю ее бедро.

Тесса хмурится.

– Что?

– Ничего, – врет она с натянутой улыбкой.

– Скажи мне сейчас же.

– Мы же договаривались не обсуждать детей, помнишь?

– Согласен... Так что скорее переходи на таблетки, чтобы нам больше не приходилось об этом говорить.

– Я прямо сейчас запишусь на прием, чтобы тебе было спокойнее, – говорит Тесса.

Очевидно, она раздосадована, но я понимаю, что нет более вежливого способа напомнить ей, что ей нужны противозачаточные, если она собирается трахать меня по несколько раз в день. Сделав несколько звонков, Тесса наконец объявляет:

– Я записалась к врачу на понедельник.

– Отлично. – Я провожу рукой по волосам и снова кладу ладонь ей на колено.

Включаю радио и, следуя указаниям GPS, еду к ближайшему торговому центру.

К моменту, как мы совершаем первый обход, я понимаю, что Сиэтл наскучил мне до одури. Единственное, что меня здесь развлекает, – это Тесса. Даже когда она молчит, я могу читать ее мысли, лишь наблюдая за выражением ее лица. Я наблюдаю за тем, как она смотрит на толпу. Она хмурится, когда раздраженная мать шлепает своего ребенка по заднице, и я отвожу ее подальше, чтобы настроение совсем не испортилось. Мы обедаем пиццей в небольшом ресторанчике, и Тесса без умолку рассказывает о новой книжной серии, которую собирается прочесть. Я

знаю, как часто она осуждает современную литературу, и потому заинтригован.

– Я скачаю их, как только ты вернешь мне мою электронную читалку, – говорит Тесса, вытирая губы салфеткой. – И мой браслет. И письмо.

подавляю приступ паники и запихиваю в рот почти целый кусок пиццы, лишь бы не отвечать. Я не могу сказать, что уничтожил его, и я ужасно рад, когда Тесса меняет тему.

День заканчивается тем, что она засыпает в машине. В последнее время это вошло у нее в привычку, и мне это кажется милым. Возвращаюсь к дому Кристиана окольным путем, как и в прошлый раз.

Ни будильник Тессы, ни она сама меня не разбудили. Я недоволен, что не увиделся с ней прежде. На часах уже почти полдень, а значит, Тесса скоро пойдет обедать. Поспешно одеваюсь и направляюсь к новому офису издательства Вэнса. Мне странно думать, что мы могли бы вместе там работать, вместе ездить на работу и домой.

Пространство, Хардин. Ей нужно больше свободного пространства. Я смеюсь над этой идеей – мы не оставляем друг другу почти никакого личного пространства.

Захожу в здание и обнаруживаю, что сиеэтлский офис просто возмутительно роскошен. Он куда больше того убожества, где я работал. Не скучаю по работе в тесном кубике, но здесь действительно неплохо. Вэнс не позволил бы мне работать удаленно. А мой босс Брэтт из «Болтхаус» предложил мне работать удаленно, лишь бы только я не появлялся на работе.

Удивительно, как это я не потерялся в этом долбаном лабиринте внутри здания. Когда я дохожу до приемной, стоящая за стойкой Кимберли поворачивается ко мне.

– Здравствуйте. Чем могу вам помочь? – спрашивает она, желая показать себя профессионалом.

– Где Тесса?

– В своем кабинете, – отвечает она.

– Ну и где это? – Я опираюсь на стойку в ожидании инструкций от Ким.

– Дальше по коридору. Ее имя – на табличке на двери, – говорит она и переводит взгляд на монитор своего компьютера.

Как невежливо.

За что, интересно, Вэнс ей платит? Чем бы она ни занималась, он хотя

бы имеет возможность держать Кимберли поблизости и трахать ее, когда ему вздумается. Я качаю головой, избавляясь от навязчивых картинок в голове.

– Спасибо за помощь, – недовольно бросаю я и направляюсь по длинному узкому коридору к кабинету Тессы.

Вхожу без стука. Комната пуста. Достаю телефон и набираю ее номер. Мгновение спустя я замечаю телефон Тессы, беззвучно вибрирующий на столе. Куда она могла запропасться? Я иду дальше по коридору в поисках Тессы. Я знаю, что Зед в городе, и это выводит меня из себя. Я клянусь чертовым...

– Хардин Скотт? – раздается у меня за спиной женский голос, как только я вхожу в небольшую комнату отдыха.

– Э-э... Привет?

Обернувшись, вижу перед собой знакомое лицо. Не помню, где мы встречались, но уверен, что откуда-то ее знаю. В комнату входит вторая женщина – и неожиданно я все понимаю. Вот так номер! Вселенная сыграла со мной чертовски злую шутку, и я выхожу из себя.

– Ну и ну... – ухмыляется Табита.

Рассказы Тессы о двух стервозных офисных курицах теперь обретают смысл.

– Это ты создаешь проблемы Тессе, да? – спрашиваю я.

Если бы я знал, что Табита перевелась в офис в Сиэтле, я бы сразу понял, о какой суке рассказывала мне Тесса. Она была стервозной сукой ранее, когда я еще работал на Вэнса, и вряд ли это изменилось.

– Что? Я? – Табита поправляет волосы и улыбается.

Она изменилась и выглядит несколько... неестественно. У второй женщины, мелкой сучки, бегающей следом за Табитой, кожа такого же неестественного оранжевого оттенка. Вероятно, им следует прекратить купаться в пищевых красителях.

– Заткнись и слушай. Не создавай Тессе проблем; она пытается устроиться в новом городе, и вы обе не будете ей мешать, ведя себя как суки без всякой причины.

– Я ничего не делала! И вообще, я просто шутила.

Внезапно вспоминаю, как она сосала мой член в туалете, и внутренне содрогаюсь от неприятного предчувствия, пришедшего с этим воспоминанием.

– Не делай так больше, – предупреждаю я Табиту. – Я не шучу. Даже не разговаривай с Тессой.

– О господи, я смотрю, ты так же любезен, как и прежде. Я не буду

больше ее дразнить. Я бы не хотела, чтобы ты донес на меня мистеру Вэнсу, как ты сделал с Сэм...

– Это была не моя вина.

– Нет, твоя! – драматически шепчет Табита. – Как только ее парень узнал, что вы с ней вытворяли... она загадочным образом исчезла с работы на той же неделе.

Табита оказалась легкой добычей, как и Саманта. Как только я узнал, кто парень Саманты, она начала мне нравиться, но как только я трахнул ее, весь интерес к ней пропал. Эта мелкая интрижка обошлась мне дорого и привела к куче неприятных последствий, о которых я бы не хотел вспоминать. И уж точно не хотел бы втягивать в это Тессу.

– Ты не знаешь и половины того, что произошло, так что держи рот на замке. Оставь Тессу в покое, и у тебя не будет со мной проблем.

Честно говоря, возможно, я и был в некоторой степени причиной увольнения Саманты, но то, что мы работали вместе, привело меня к куче проблем. Она была первокурсницей и работала на полставки курьером.

– Легка на помине, – замечает мелкая коллега Табиты и кивает на дверь.

Тесса улыбается и смеется, и сразу за ней входит долбанный Тревор, тоже улыбающийся и заливающийся смехом. Этот ублюдок замечает меня первым и касается руки Тессы, привлекая ее внимание. Мне требуется каждый грамм моего терпения, чтобы не проломить ему башку прямо здесь. Когда она замечает меня, ее улыбка становится шире, краска приливает к ее лицу, и она подбегает ко мне. И замечает Табиту, стоящую рядом.

– Привет, – говорит она в замешательстве.

– Пока, Табита, – говорю я.

Табита шепчется о чем-то с подружкой, и обе выходят из комнаты.

– Пока, Тревор, – говорю я, но тихо, так, чтобы услышала только Тесса.

– Прекрати! – Она хлопает меня по руке.

– Привет, Хардин, – учтиво приветствует меня Тревор.

Его правая рука вздрагивает, будто он в замешательстве и не может решить, подать мне руку или нет. Надеюсь, он не решится это сделать, ибо я не собираюсь пожимать ему руку.

– Привет, – отрывисто бросаю я.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Тесса.

Она оглядывается в поисках коллег, только что вышедших из комнаты. Я знаю, что она имеет в виду: откуда ты их знаешь и что они тебе сказали?

– Табита больше не будет тебя доставать, – говорю я.
– Что ты сделал? – спрашивает Тесса с широко раскрытыми глазами.
– Ничего. Я просто сказал ей то, что должна была сказать ты: иди к черту. – Я пожимаю плечами.

Тесса улыбается долбаному Тревору, и он садится за один из столов, стараясь не смотреть на нас. Его неловкость доставляет мне удовольствие.

– Ты уже обедала? – спрашиваю я. Тесса качает головой.

– Тогда пойдем поедим, – предлагаю я.

Бросаю на подслушивающего Тревора взгляд, как бы говорящий «пошел-ка ты тоже», и вместе с Тессой выхожу из комнаты.

– В забегаловке по соседству – отличные тако, – предлагает она.

Оказывается, она не права. Тако здесь – полное дерьмо, но Тесса съедает свою порцию и большую часть моей, после чего она краснеет и списывает свой зверский аппетит на критические дни.

– Я хочу завтра вернуться домой, увидеться со всеми и забрать свои вещи, – говорит она, запивая водой острый соус.

– Ты не думаешь, что на следующих выходных и так наездишься? – спрашиваю я в попытке заставить ее отказаться от этого плана.

– Нет. Хочу увидаться с Лэндоном. Я очень по нему скучаю.

Меня охватывает внезапный приступ ревности, но я подавляю его в зародыше. В конце концов, Лэндон – ее единственный друг, не считая Кимберли.

– Он никуда не денется, ты можешь увидаться с ним после того, как мы вернемся...

– Хардин, пожалуйста.

По ее взгляду понимаю, что она собирается поехать независимо от моего мнения. В этот раз она просит не разрешения, а лишь моего согласия.

– Черт подери, ладно, – вздыхаю я.

Все это плохо кончится, думаю я. Я бросаю взгляд на Тессу. Она гордо улыбается, и я не знаю, гордится ли она собой или мной, за то что я поддался. Она очень красивая.

– Я рада, что ты сегодня пришел. – Тесса держит меня за руку, и мы идем по улице.

Почему в Сиэтле так много народу?

– Правда?

– Да. – Тесса останавливается и смотрит на меня. – Я почти что...

– Ты почти... что?

Я останавливаю ее и разворачиваю лицом к себе. Мы стоим рядом с ювелирным магазином. Солнце ярко отражается в огромных кольцах с

бриллиантами, выложенных на витрине. Отвожу Тессу немного правее, чтобы уйти от слепящего света.

– Это глупо. – Она в задумчивости покусывает нижнюю губу, уставившись под ноги. – Я чувствую себя так, будто впервые за последние месяцы могу дышать.

– Это хорошо или плохо? – спрашиваю я, поднимая ее подбородок так, чтобы ей пришлось смотреть мне в глаза.

– Да, это хорошо. Впервые мне кажется, что все получается. Я знаю, что это небольшой срок, и все же мы все делаем слаженно и правильно. Мы почти не ругаемся, и даже когда это происходит, мы можем договориться. Я горжусь нами.

Сказанное Тессой довольно забавно, учитывая, что мы постоянно о чем-то спорим. Но в конечном счете она права: мы можем все обсудить и договориться. Я рад, что мы договариваемся, и, как я вижу, Тесса тоже рада. Мы очень разные – слишком разные, – и жить в полном согласии на самом деле было бы довольно скучно. Я бы не смог жить без ее постоянных попыток меня исправить, постоянных упреков, когда я в очередной раз влипаю в неприятности. Она меня все время достает, но даже если бы я мог, я бы ни черта в ней не изменил. Кроме ее потребности жить в Сиэтле.

– Слаженно и правильно – переоцененные понятия, детка, – говорю я.

В доказательство хватаю ее за ляжки, поднимаю и целую, прижав спиной к стене прямо посередине одной из самых оживленных улиц Сиэтла.

Глава 120

Тесса

– Ну сколько еще? – ноет Хардин с пассажирского сиденья.

– Еще пять минут, мы только что проехали Коннерс.

Он просто не может не жаловаться. Хардин вел машину большую часть пути, пока наконец мне не удалось убедить его дать мне сесть за руль. У него слипались глаза, и я понимала, что ему надо отдохнуть. В конце концов он протянул руки, обнял меня, насколько позволяла моя поза за рулем, и тут же уснул.

– Лэндон все еще там, верно? Ты говорил с ним? – спрашиваю я.

Я очень взволнована и рада, что скоро увижу своего лучшего друга. Мы давно не виделись, и я скучаю по его мудрым советам и улыбке.

– Да, десять раз, – раздраженно отвечает Хардин.

Всю дорогу он был явно чем-то озабочен и теперь пытается скрыть это за раздражением, но я чувствую, что его тяготит что-то еще. И я не уверена, что хочу знать, что именно.

Въезжаю на парковку перед зданием, которое когда-то называла домом. Теперь я волнуюсь еще больше.

– Все будет хорошо, – успокаивает меня Хардин.

Мы выходим из машины и заходим в дом, поднимаемся на небольшом скрипучем лифте. Он кажется таким чужим, хотя прошло всего три недели. Хардин держит меня за руку, пока мы не подходим к двери. Он достает ключ и вставляет его в замок.

Как только мы заходим в квартиру, Лэндон вскакивает с места и спешит к нам с самой лучистой улыбкой, которую я видела у него за все семь месяцев знакомства. Он обнимает меня, и я остро осознаю, как скучала. По лицу текут слезы, и я пыхчу, уткнувшись носом ему в грудь.

– Дайте старику обнять дочь! – раздается голос моего отца откуда-то из глубины квартиры.

Лэндон отпускает меня.

– Минутку, – говорит Хардин и кивает на Лэндона.

Я снова бросаюсь к нему в объятия.

– Я так по тебе скучала, – говорю.

Его плечи расслабляются, и он выпускает меня из объятий. Подхожу к

отцу и обнимаю его. Лэндон стоит поблизости, его улыбка лучится теплом и любовью. Судя по всему, отец знал, что я приеду. И кажется, на нем одежда Лэндона, которая ему немного узковата. Кроме того, он гладко выбрит.

– Вы только посмотрите, никакой бороды! – восклицаю я с улыбкой.

Отец заливается смехом и снова обнимает меня.

– Да, больше никакой бороды, – соглашается он.

– Добрались без проблем? – интересуется Лэндон.

– Дерьмово добрались, – бурчит Хардин в то же мгновение, когда я говорю «Без проблем».

Лэндон и отец смеются, Хардин, похоже, раздосадован, а я просто рада, что снова дома, рядом с лучшим другом и ближайшим родственником, с которым поддерживаю связь. Я вспоминаю, что мне следует позвонить матери, я уже и так это долго откладывала.

– Я отнесу твою сумку в спальню, – сообщает Хардин и выходит из комнаты.

Я наблюдаю за тем, как он направляется к спальне, которую мы когда-то делили. Вижу поникшие плечи и порываюсь пойти за ним, но остаюсь.

– Я так скучал по тебе, Тесса. Как тебе Сиэтл? – спрашивает отец.

В рубашке и брюках Лэндона и без бороды он выглядит непривычно. Теперь это совершенно другой человек. Однако мешки под глазами кажутся больше, а руки слегка дрожат.

– В Сиэтле хорошо, я все еще привыкаю и обживаюсь, – отвечаю я.

– Рад слышать, – улыбается отец.

Ко мне подходит Лэндон, и отец садится на диван.

– Такое чувство, что тебя не было несколько месяцев, – замечает Лэндон, глядя мне в глаза.

Он тоже выглядит усталым... может, из-за того, что живет здесь с моим отцом? Я не знаю, но мне хочется узнать.

– Я тоже так себя чувствую. Время в Сиэтле течет по-другому... Как у вас здесь дела? Мы ведь все это время почти не общались.

И это чистая правда. Я звонила Лэндону куда реже, чем следовало, а он, скорее всего, был занят учебой. Если три недели разлуки так тяготили меня, что будет, когда Лэндон наконец переедет в Нью-Йорк?

– Я знал, что ты занята. Все в порядке, – отвечает он.

Его взгляд на мгновение переходит на стену, и я вздыхаю. Почему я чувствую себя так, будто упускаю что-то очевидное?

– Ты уверен? – Я перевожу взгляд со своего лучшего друга на отца и обратно, пытаюсь осмыслить усталый вид Лэндона.

– Да. Поговорим об этом позже, – говорит он. – А теперь расскажи мне про Сиэтл!

Его глаза вспыхивают радостью, радостью, которой мне так не хватало.

– Там довольно неплохо... – начинаю я и на мгновение замолкаю. Лэндон хмурится. – Правда, там неплохо. Гораздо лучше теперь, когда Хардин приезжает чаще.

– У вас самое странное понимание расставания, какое я только видел, – шутливо произносит он.

– Правда, так хорошо, когда Хардин в Сиэтле, – говорю я, хоть и соглашаюсь с Лэндоном.

– Я рад слышать, – говорит он и переводит взгляд на вошедшего в комнату Хардина.

– Здесь гораздо чище, чем раньше, – удивленно оглядываюсь я.

– Мы немного прибрались, пока Хардин был в Сиэтле, – объясняет отец.

Заливаюсь смехом, вспоминая бурчание Хардина о том, что отец и Лэндон трогали его вещи. Вспоминаю самый первый визит в эту квартиру. Мне сразу же полюбились ее старомодное очарование и длинные ряды книжных полок вдоль стен. Поначалу все было хорошо, и мы с Хардином жили счастливо. Затем последовали скандалы, бесконечная ругань, слезы, брань. Теперь я бы уже не назвала это место своим домом.

– В чем дело? – спрашивает Хардин, заметивший грусть на моем лице.

– Все в порядке, – отвечаю я.

– Не верю, – угрюмо возражает Хардин и уходит на кухню. Через несколько мгновений оттуда раздается: – Здесь что, совсем нет еды?

– О, начинается, – шепчет мне отец. – Здесь было так тихо и хорошо до того, как появился он.

Они с Лэндоном смеются.

– Я сейчас вернусь, – говорю я.

Мне хочется снова прочитать письмо от Хардина. Оно для меня – самая дорогая вещь. Это письмо выражает всю его любовь и страсть лучше, чем любые речи. Я прочитала его столько раз, что запомнила наизусть, но мне нужно прикоснуться к нему руками.

Я перерываю весь комод, затем все ящики и начинаю обыскивать стол. Куда он мог его засунуть?

Электронная книга и браслет лежат на тетради по истории религии, но письмо я так и не могу найти. В кладовке я обнаруживаю старую коробку от обуви, куда Хардин складывал свои бумаги. Открываю ее, но письма там

нет. Зато вместо него там лежит листок, исписанный почерком Хардина. Что этот листок здесь делает? Обещаю себе прочитать его позже, закрываю крышку и ставлю коробку на место.

Обеспокоенная тем, что могла не заметить письма в комод, я снова открываю его. А вдруг Хардин его выбросил?

Нет, он не мог этого сделать. Он знает, как для меня оно важно. Снова открываю тетрадь, переворачиваю ее и трясу, надеясь, что письмо выпадет. Я начинаю паниковать. Вылетает какой-то белый листок и медленно опускается на пол. Я протягиваю руку и поднимаю его, как только он приземляется.

Я тут же узнаю слова, написанные на нем. Это не целый лист, а обрывок, и я могу прочитать лишь половину предложения. Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Я осознаю, что произошло. Хардин порвал письмо. Я рыдаю, и обрывок письма падает из моих пальцев обратно на пол. Мое сердце разбито, и сквозь слезы я думаю о том, сколько еще оно сможет вынести.

Глава 121

Хардин

– Ты можешь идти, – говорю я Лэндону, освобождая его от роли сиделки.

– Я никуда не пойду, ведь Тесса только приехала, – отвечает он.

Подозреваю, он – самая большая, если не единственная причина, по которой она хотела вернуться в это проклятое место.

– Ладно, – соглашаюсь я и тихо спрашиваю: – Как он?

– Более-менее. Трясет уже меньше, и его не тошнило со вчерашнего утра.

– Гребаный наркоман. – Провожу ладонями по волосами. – Черт.

– Успокойся, все будет в порядке, – уверяет мой сводный брат.

Не обращаю внимания на его увещевания и направляюсь к спальне, чтобы поговорить с Тессой. У двери слышу ее приглушенные рыдания. Влетаю в комнату и вижу, что она сидит на полу с покрасневшими глазами и на что-то смотрит. Мне хватает одного шага, чтобы понять, на что именно. Черт.

Черт.

– Тесс?

Я планировал что-то придумать по поводу проклятого письма, но у меня все не хватало времени. Я бы склеил письмо или хотя бы сказал Тессе, что я сделал, прежде чем она узнает сама.

– Тесс, прости!

– Почему ты... – всхлипывает она.

Сердце останавливается.

– Я был так зол на тебя после того, как ты сказала, что мы расстаемся. – Я протягиваю к ней руки, но Тесса отступает. Я не могу ее винить. – Оно лежало на кровати, там, где ты его оставила. Я был так зол... Прости меня! – отчаянно выкрикиваю я.

– Я... мне просто нужно пару минут, чтобы прийти в себя, ладно? – говорит она сквозь слезы.

Она закрывает глаза, и из-под век выкатывается несколько слезинок.

Мне хочется оставить ее прийти в себя, как она просила, но я опасаясь, что если я выйду из комнаты, она не захочет меня больше

видеть.

– Я никуда не уйду, – заявляю я.

Тесса зажимает рот руками, но даже так я слышу ее приглушенный плач. Это пробирает меня насквозь.

– Пожалуйста, – умоляет она сквозь слезы.

Я ожидал, что ей будет больно, когда она узнает о письме. Но я не знал, что моя боль будет так же сильна.

– Нет. Я никуда не пойду, – говорю я.

Я отказываюсь оставлять ее здесь снова страдать из-за моих ошибок. Сколько раз это уже происходило в этих стенах?

– Я любила это письмо, – говорит Тесса, утирая слезы, – оно так много для меня значило.

– Я знаю, дорогая. Мне ужасно жаль.

Я даже не пытаюсь защищаться, потому что прекрасно понимаю, что я чертов идиот. Я знал, как много это письмо значило для нее. Нежно беру ее раскрасневшееся лицо в ладони и тихо говорю:

– Я не знаю, что сказать. Мне очень жаль.

– Я не скажу, что все в порядке, потому что это не так... – наконец произносит Тесса.

– Я знаю.

– Я так зла на тебя. Я чувствую себя опустошенной, – продолжает она. – Но я ничего не могу с этим поделать, и я не хочу сидеть здесь и рыдать все выходные.

Тесса вытирает слезы, размазывая тушь по лицу. Ее молчание заставляет меня чувствовать себя очень неуютно. Я бы предпочел, чтобы она кричала.

– Тесс, пожалуйста, скажи что-нибудь. Хочешь, я отвезу тебя в Сиэтл?

Даже если она согласится, я ни за что этого не сделаю. Но мне хотелось что-то сказать, и я сказал первое, что пришло на ум.

– Нет. – Тесса качает головой. – Все хорошо.

Она со вздохом встает и выходит из комнаты. Поднимаюсь и тащусь за ней. Тесса закрывается в ванной, а я возвращаюсь в спальню за ее сумочкой. Я знаю, она захочет смыть размазанную тушь.

Стучусь в дверь ванной, и Тесса слегка приоткрывает дверь.

– Спасибо, – говорит она убитым голосом и забирает сумочку.

Выходные едва начались, а я уже их испортил.

– Родители хотят, чтобы завтра ты привез к ним Тессу, – говорит подошедший Лэндон.

– И?

– Мать скучает по Тессе.

– Ну... в таком случае она может увидеться с ней как-нибудь в другой раз, – говорю я, но внезапно осознаю, что это могло бы помочь Тессе развеяться. – Знаешь что? Отлично, – добавляю я. – Я отвезу ее туда завтра.

– Она что, плачет? – осведомляется мой сводный брат.

– Она... это вроде бы не твое дело, – хмуро отвечаю я.

– Вы здесь всего двадцать минут, и Тесса уже закрылась в ванной, – говорит Лэндон, скрещивая руки на груди.

– Сейчас не время доставать меня, Лэндон! – рычу я. – Я уже на грани срыва. Последнее, что мне сейчас нужно, – это чтобы ты совал нос не в свое дело.

Он лишь закатывает глаза, прямо как Тесса.

– Понятно. Мне можно совать нос только тогда, когда тебе от меня что-то надо.

Какого хрена? И почему я продолжаю думать о нем как о брате?

– Пошел отсюда.

– Ей и так тяжело, – продолжает Лэндон. – Нам нужно прекратить это, пока она не вышла из ванной.

– Отлично, вот и хватит со мной разговаривать, – говорю я.

Прежде чем Лэндон успевает ответить, дверь ванной открывается и на пороге появляется Тесса, умытая, но измученная.

– Что происходит? – с тревогой спрашивает она.

– Ничего. Лэндон собирается заказать пиццу, и мы проведем вечер как одна большая счастливая семья. – Я бросаю взгляд на Лэндона. – Верно?

– Угу, – соглашается он, конечно, только ради Тессы.

Эх, где денечки, когда Лэндон был не таким дерзким? В последнее время он ведет себя со мной все смелее. Или просто я стал слабее? Мне это не нравится.

Ричард лежит на диване, Лэндон сидит на стуле, а мы с Тессой расположились на полу.

– Не подашь мне еще кусочек? – просит Ричард уже в третий раз с начала кино.

– Конечно, – бурчу я и протягиваю ему коробку с пиццей.

Он и так имел наглость занять весь диван и теперь еще дергает меня каждые десять минут, выпрашивая проклятую пиццу.

– От этого фильма твоя мама всякий раз плакала, – замечает Ричард Тессе, похлопывая ее по плечу.

Я прилагаю неимоверное усилие, чтобы не ударить его по руке. Если бы она только знала, чем ее отец занимался последние несколько дней, если

бы она видела, как наркотики покидали его тело потоками блевотины, она бы сама убрала его руку, а затем продезинфицировала бы плечо.

– Правда? – спрашивает Тесса, на секунду отрываясь от просмотра.

– Да.

Кто-то стучит в дверь. Лэндон поднимается, чтобы открыть.

– Я схожу, – говорю я и пролезаю через него.

В конце концов, это мой дом.

Я открываю дверь, не глядя в глазок. Лучше бы я посмотрел.

На пороге стоит Чад.

– Где он? – спрашивает он.

Я выхожу в коридор и закрываю за собой дверь. Я не позволю этому вонючему наркоману беспокоить Тессу.

– Какого черта тебе надо? – цежу я сквозь зубы.

– Я лишь хочу увидаться со своим другом, вот и все.

Зубы Чада еще темнее, чем в прошлый раз. Ему около тридцати, но выглядит он на все пятьдесят. Часы, которые подарил мне отец, свисают с его грязного запястья.

– Он не выйдет, и никто тебе ничего не даст, так что тебе лучше убираться, пока я не разбил тебе рожу о парапет, – говорю я. – А потом я вызову полицию, и тебя заберут.

Я знаю, что у Чада с собой есть наркотики.

Он молча смотрит на меня, и я делаю шаг к нему.

– На твоём месте я бы не испытывал мое терпение, – предупреждаю я.

Он открывает рот, и в этот момент дверь в квартиру раскрывается. Черт подери.

– Что здесь происходит? – спрашивает Тесса, выходя и становясь рядом со мной.

Я инстинктивно отодвигаю ее себе за спину, и она снова задает тот же вопрос.

– Ничего, – отвечаю я. – Чад как раз собирался уходить.

Грозно смотрю в глаза Чаду, давая ему понять, что если он сейчас же не уйдет, то...

– Это что, твои часы? – спрашивает Тесса, замечая блестящий ремешок на его запястье.

– Что? Нет... – начинаю я, но Тесса меня прерывает:

– Хардин... Ты что, дружишь с этим парнем, или что?

Она скрещивает руки на груди и отступает на шаг.

– Нет! – почти кричу я. С какого перепугу она пришла к этому выводу? – Я не дружу с ним, и вообще он собирался уходить.

Я кидаю последний предупреждающий взгляд на Чада. На этот раз он, похоже, все понимает и, развернувшись, уходит по коридору.

Похоже, единственный, кто меня еще не боится, – это Лэндон. Может, я все же не потерял хватку.

– Кто это был? – спрашивает подошедший Ричард.

– Этот парень... Чад, – отвечает Тесса обвиняющим тоном.

– Ох... – Ричард бледнеет и беспомощно взирает на меня.

– Я хочу знать, что здесь происходит, – требует Тесса и, заглядывая в квартиру, зовет: – Лэндон!

Переглядываюсь с Ричардом. Лэндон, несомненно, все ей расскажет. Он не будет от нее ничего скрывать, как я или ее отец.

– Твой отец задолжал Чаду деньги, и мне пришлось отдать ему свои часы, – признаюсь я.

Тесса удивленно раскрывает рот и поворачивается к Ричарду.

– И за что ты задолжал ему? – спрашивает она, испытующе глядя на него.

– Прости, Тесси... У меня совсем не было денег, и Хардин...

Прежде чем я осознаю, что она делает, Тесса уже доходит до лифта.

Что за черт!

В ужасе бросаюсь за ней, но она успевает проскользнуть внутрь и нажать кнопку.

– Черт подери, Тесса!

Бью кулаком по железной двери лифта. Я оглядываюсь назад. Ричард и Лэндон стоят как столбы, и на их лицах написано крайнее удивление.

Спасибо за помощь, кретины.

Сбегаю по лестнице, но не нигде не нахожу Тессу. Паникую.

Двери лифта раскрываются, и из него появляется Тесса. На ее лице написана крайняя решимость.

– Ты что, совсем сбрендила? – кричу я.

– Ему придется вернуть эти часы, Хардин! Они подарок от твоего отца! – кричит она в ответ.

– Да насрать мне на эти чертовы часы, – говорю я.

– Неправда! Ты не хочешь этого признавать, но они многое для тебя значат. Я знаю.

Глаза Тессы снова наполняются слезами. Выходные катятся к чертям.

– Вовсе нет...

– Это нечестно, что он забрал часы из-за того, что мой отец ему задолжал. Это сколько надо было выпить, чтобы задолжать кому-то столько денег?

– Это был не алкоголь, Тесс, – говорю я.

Она удивленно поворачивается ко мне.

– Хардин, я знаю, что у моего отца проблемы с выпивкой... не оправдывай его, – просит она.

– Тесса, Тесса... тебе нужно успокоиться.

– Тогда скажи мне, что здесь происходит!

– Это не алкоголь... это наркотики.

– Мой отец... мой отец не наркоман, – неверяще качает она головой.

Мы молча заходим в лифт.

Глава 122

Тесса

– Все в порядке? – спрашивает Хардин, когда мы возвращаемся в квартиру.

– Да, – говорю я.

Мне страшно, я устала и раздражена. Мы приехали всего несколько часов назад, но мне уже хочется обратно в Сиэтл. Если еще вчера я думала, что хотела бы снова здесь жить, то теперь таких мыслей у меня нет.

– Тесси... – начинает отец, но я его прерываю.

– Не хочу ничего слышать, – говорю я.

Я не хочу слышать ни страшную правду, ни ложь. Я знаю, что Хардину незачем лгать о пристрастии отца к наркотикам.

– Пожалуйста... – жалким голосом продолжает отец.

– Она сказала, что не хочет ничего слышать, – угрюмо замечает Хардин. – Не надо было привозить тебя сюда, – обеспокоенно говорит он, когда отец понуро уходит. – Я знал, что что-то пойдет не так.

– Все нормально, – устало отвечаю я.

– Ты всегда так говоришь.

– Все нормально. Ты ни в чем не виноват.

– Как бы не так, – возражает Хардин. – Я порвал письмо, я привез тебя сюда, и я не смог скрыть наркоманию твоего отца. Я думал, что после того, как я отдал часы, этот гаденыш Чад больше тут не появится.

– Запускать кино? – кричит отец из гостиной.

Я бросаю на Хардина встревоженный взгляд.

– Минутку, – кричит он в ответ и, повернувшись ко мне, добавляет: – Если не хочешь, необязательно возвращаться к ним и делать вид, что ничего не произошло. Никто не посмеет тебя обвинить.

– Я понимаю, – вздыхаю я.

– Ну хорошо, – с сочувствием говорит Хардин. – Возвращайся к ним. Я скоро приду.

– Хорошо. Принесешь нам попкорна? – Я устало улыбаюсь.

– Хорошо, хорошо, – добродушно ворчит он и выталкивает меня из кухни. – Иди.

В гостиной отец лежит на своем любимом месте, а Лэндон стоит,

опершись на стену. Отец сидит и ковыряет заусеницы. Эта привычка была и у меня в раннем детстве, пока мать не отучила меня от нее. Теперь я знаю, откуда она взялась.

Неужели он правда принимает наркотики? И если это правда, то какие и как часто? Все, что я знаю о наркотиках, я почерпнула из нескольких серий «Вмешательства», которые мы с Хардином посмотрели. Я морщилась и закрывала глаза, когда наркоманы на экране кололись в вену или нагревали пенную жидкость в ложках. Я не могла смотреть на этих людей, разрушающих свою жизнь и жизнь своих близких. Хардин же говорил, что не испытывает к ним ни капли жалости.

Неужели мой отец – один из них?

– Если тебе хочется уйти, я тебя прекрасно понимаю, – в нерешительности говорит отец.

Чувствую боль в груди.

– Нет, все в порядке, – говорю я и сажусь на пол в ожидании Хардина.

С кухни доносится запах попкорна.

– Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать, – начинает он.

– Все хорошо, правда, – отвечаю я.

Черт, где Хардин?

Хардин появляется минутой позже с большим пакетом попкорна и кружкой с водой. Он молча садится рядом со мной и устремляет взгляд на экран.

– Что за дрянь мы будем смотреть на этот раз? – спрашивает он.

– «Неспящих в Сиэтле», – отвечаю я с усмешкой.

Хардин закатывает глаза.

– Да ну? Это разве не более ранняя версия той ерунды, которую мы только что посмотрели?

– Это неплохой фильм, – с улыбкой отвечаю я.

Кино несколько отвлекает меня от мыслей об отце. Хардин молча воткнулся в экран. Его плечи напряжены, он погружен в свои мрачные мысли. Неожиданно он притягивает меня к себе и шепчет:

– Я тебя люблю.

Я смотрю в его зеленые глаза и отвечаю:

– Я тоже тебя люблю.

Несколько мгновений смотрю на него, поражаясь его красоте. Он действительно меня любит, и его сегодняшнее спокойное поведение – очередное доказательство. Раньше я страшилась, что он подомнет меня под себя. Теперь я не буду возражать, если он решит это сделать.

Вздрагиваю от неожиданного громкого стука в дверь. Я и не заметила,

как задремала на руках у Хардина. Он осторожно отодвигает меня и встает. Я изучаю его лицо, опасаясь гнева, но Хардин выглядит скорее усталым и обеспокоенным.

– Не ходи за мной, – просит он.

Я киваю. Мне не хочется снова видеть Чада.

– Нам следует вызвать полицию, иначе он не перестанет сюда приходить, – недовольно замечаю я. Я оглядываюсь на Лэндона и отца. Оба спят. Похоже, мы все заснули. Забавно.

– Нет, – слышу я голос Хардина из коридора.

Поднимаюсь на колени и приоткрываю дверь. Что, если Чад пришел не один? Что, если он хочет отомстить Хардину? Встаю и подхожу к отцу, чтобы разбудить.

За моей спиной раздается стук каблуков. Оборачиваюсь и вижу мать. Она – в своем узком красном платье, с завитыми волосами и в ярко-красной помаде. На красивом лице – печать мрачной решительности.

– Что ты здесь... – начинаю я, переводя взгляд на Хардина.

Он выглядит необычайно спокойным.

– Ты ей позвонил?

Хардин отводит взгляд. Как он мог позвонить моей матери? Зачем вообще он это сделал?

– Ты не отвечаешь на мои звонки, Тереза, – грозно начинает мать. – И теперь я вдруг узнаю, что здесь твой отец! И что он принимает наркотики!

Она пронесется мимо меня словно коршун и оказывается у дивана. Руки с ярко-красными ногтями хватают отца за рукав и с силой стаскивают его на пол.

– Вставай, Ричард! – страшно рычит она, и я вздрагиваю.

Отец садится и трясет головой. Когда он осознает, кто стоит перед ним, его глаза чуть не выкатываются из орбит.

– Кэрл? – спрашивает он необычайно жалко.

– Как ты смеешь! – Мать трясет пальцем перед его лицом.

Отец отползает от нее и упирается спиной в диван. На его лице застывает ужас.

Лэндон вздрагивает и просыпается.

– Тереза, иди в спальню! – приказывает мать.

– Что? Я никуда не пойду, – возражаю я.

– Она уже не ребенок, Кэрл, – говорит отец.

Мать надувает губы, и я знаю, что она сейчас скажет.

– Не смей говорить так, будто ее знаешь! И теперь я узнаю, что ты принимаешь наркотики!

Отец встает и делает шаг к матери. Теперь его голос звучит увереннее.

– Я уже завязал! – выкрикивает он.

Мне хочется спрятаться за Хардином. Лэндон в ужасе на меня смотрит. Глаза Хардина сфокусированы на моем отце.

– Может, пойдём? – беззвучно шепчет Лэндон.

Я качаю головой.

– Уже?! Уже! – Мать в ярости топает ногой.

– Да, уже! Я не идеален, понятно? – Отец проводит руками по волосам. Я вздрагиваю, узнавая этот жест.

– Не идеален! Ха! – Мать горько смеется.

Мне хочется включить свет, но я не могу заставить себя двинуться. Не знаю, как реагировать.

– Не быть идеальным – нормально. Принимать наркотики и утягивать дочь вместе с собой на дно – это уже плачевно! И недопустимо!

– Я никуда ее не утягиваю!

– Да ты что! В ее жизни и так никакого порядка!

– С ее жизнью все в порядке, – вмешивается Хардин.

Мать бросает на него гневный взгляд, а затем вновь переключается на отца.

– Ты во всем виноват, Ричард Янг! Во всем! Если бы не ты, Тереза бы не состояла в мучительных отношениях с этим парнем! – Мать машет рукой на Хардина. Я знала, что рано или поздно она это скажет. – У нее перед глазами никогда не было примера настоящего мужчины. Она не знает, как мужчине следует обращаться с женщиной! Поэтому она с ним! Неженатая, живущая во грехе, и один Бог знает, чем он еще занимается! Скорее всего, вы вместе принимаете наркотики!

– Не смей так говорить о Хардине! – яростно выкрикиваю я, не в силах больше терпеть. – Он заботится о моем отце и позволяет ему здесь жить, чтобы он не скитался по улицам!

Хардин подходит и встает рядом. Я знаю, что он сейчас попросит меня не вмешиваться.

– Это правда, Кэрл. Хардин – хороший парень, и он любит нашу дочь больше, чем ты можешь себе представить, – добавляет отец.

Мать сжимает кулаки и краснеет.

– Не смей защищать его! Все это, – она взмахивает сжатой в кулак рукой, – из-за него! Терезе следует сейчас быть в Сиэтле, делать карьеру и устраивать собственную жизнь, искать подходящего мужчину...

– Она и так живет в Сиэтле, – раздается голос Хардина. – Она здесь, чтобы увидеться с отцом. Я сказал вам об этом по телефону.

Чувствую, что Хардин едва сдерживает ярость.

– Не думай, что если ты мне позвонил, мы вдруг стали друзьями, – осаживает его моя мать.

Хардин хватает меня за руку, и я с удивлением оборачиваюсь. Я и не заметила, что сделала несколько шагов к матери.

– Ты так и не изменилась за все эти годы, – горько вставляет отец. – Все так же поспешно судишь людей.

Отец разочарованно покачивает головой. Я благодарна ему за то, что он выбрал сторону Хардина.

– Поспешно сужу? Ты вообще знаешь о том, что этот парень, которого ты так защищаешь, трахнул твою дочь только для того, чтобы выиграть пари, заключенное с его друзьями? – Голос моей матери полон холодной ярости.

Мне кажется, будто из комнаты выкачали весь воздух. Я задыхаюсь.

– Так и есть! – продолжает мать. – Он хвастался в кампусе направо и налево. Так что не смей его защищать.

Глаза отца широко раскрыты. Я вижу в них растущую ярость, когда он переводит взгляд на Хардина.

– Это правда? – рычит он.

– Это неважно! Мы уже обсудили это, – заявляю я родителям.

– Видишь, она нашла себе такого же, как ты. Нам остается молиться, чтобы он не обрюхатил ее и не бросил. К тому же всего три недели назад ее привезли ко мне без сознания. Дружки этого Хардина чуть ее не изнасиловали!

Воспоминание о той ночи причиняет мне боль, но больше всего меня беспокоит, что моя мать винит в этом Хардина. Она прекрасно знает, что он никак не был в этом замешан.

– Ты, сукин сын, – говорит отец сквозь сжатые зубы.

– Не надо, – спокойным голосом предупреждает его Хардин.

– Ты обманывал меня! Я думал, что у тебя всего лишь дурная репутация, несколько татуировок и скверный характер! Это я еще мог стерпеть. В этом мы похожи. Но ты воспользовался моей дочерью!

Отец бросается к Хардину, и я встаю между ними.

– Прекратите оба! – выкрикиваю я. – Если вам хочется ругаться из-за вашего прошлого – это ваш выбор, но не нужно вмешивать Хардина! У него были причины позвонить тебе, мама, а ты на него нападаешь. Это его дом, не ваш. Можете убираться отсюда! – Глаза горят от сдерживаемых слез, но я отказываюсь дать им волю. – Разрешайте ваши разногласия или уходите. Мы будем в спальне.

Родители замолкают. Они смотрят на меня, затем друг на друга. Хватаю Хардина за руку и тяну за собой. Лэндон идет за нами.

В спальне говорю Хардину:

– Лучше бы ты ей не звонил.

– Тебе нужно было с ней увидеться, – мрачно отвечает он.

– Она все только усложнила. Она рассказала отцу о том, что ты сделал.

– В тот момент позвонить твоей матери казалось мне правильным решением. Я пытался тебе помочь.

– Я знаю, – вздыхаю я.

– Нам постоянно теперь будут напоминать об этом дерьме, ты же знаешь, – раздосадованно говорит Хардин.

Я чувствую, как он снова замыкается.

– Нет, неправда, – говорю я.

Мысль о том, что будет, если Кимберли и Кристиан узнают о пари, меня пугает.

– Это правда! – Хардин повышает голос и начинает нервно расхаживать по комнате. – Все постоянно будут напоминать нам об этом! Напоминать о том, что я натворил!

Он с силой бьет кулаком по комоду и раскалывает крышку.

Лэндон вскакивает на ноги.

– Не делай этого! Не позволяй словам моей матери ранить тебя!

Хватаю Хардина за рубашку и притягиваю к себе. Он вырывается, но я не отпускаю. Я хватаю его за оба рукава, и он оборачивается.

– Ты не устала от всего этого? Тебе не надоело постоянно спорить? Если ты отпустишь меня, твоя жизнь станет в разы лучше!

– Прекрати! Ты знаешь, что ради тебя я готова вытерпеть что угодно!

Беру его лицо в свои ладони и заставляю взглянуть на меня.

– Послушайте меня, оба, – вмешивается Лэндон. – Вы не можете снова расстаться. Хардин, ты не должен позволять людям так влиять на тебя. Тебя должно волновать только мнение Тессы о тебе. И, Тесс... – Лэндон вздыхает. – Тебе не следует чувствовать себя виноватой и убеждать Хардина не уходить. Он должен понимать это без слов.

– Сейчас тебе нужно утешить Тессу, Хардин, – продолжает Лэндон. – Ее родители орут друг на друга в соседней комнате. Поэтому будь с ней.

Хардин кивает и прижимается ко мне.

– Прости меня... – шепчет он.

– Мне нужно идти, – говорит Лэндон. – Я скажу маме, что вы заедете.

Я обнимаю его за шею.

– Спасибо за все. Я так рада, что ты здесь, – бормочу я, уткнувшись

ему в грудь.

Лэндон крепко обнимает меня, и на этот раз Хардин его не одергивает. Лэндон выходит из комнаты, поворачиваясь к Хардину, внимательно изучающему окровавленные суставы, и это напоминает мне что-то из нашего совместного прошлого. И вот я снова вижу то же самое – алая кровь, капающая на пол.

– Лэндон правильно сказал. – Хардин вытирает кулаки о край свитера. – Он сказал, что я должен прислушиваться только к твоему мнению. Я так хочу, чтобы так и было. – Он смотрит на меня, и его лицо вызывает во мне сострадание. – Я очень этого хочу. Я не могу выбросить их всех из головы... Стеф, Зеда, а теперь еще твои мама с папой.

– Мы с этим справимся, я уверена, – обещаю я.

– Тереза! – слышится из-за двери голос матери.

Я была слишком увлечена разговором с Хардином, чтобы заметить, что шум в гостиной затих.

– Тереза, я вхожу. – С последними словами дверь открывается, и я прячусь за Хардином. – Мы должны многое обсудить.

Мать бесстрастно смотрит на нас обоих.

Хардин поворачивается ко мне, вопросительно вздергивая бровь.

– Не думаю, что нам есть что обсуждать, – говорю я из-за его спины, как из укрытия.

– Есть. Извини меня за это поведение. Я просто взбесилась, увидев тут твоего отца через столько лет. Пожалуйста, дай мне возможность все объяснить. Пожалуйста.

Последнее слово из уст матери звучит так странно и неуместно.

Хардин направляется к двери.

– Пойду приведу себя в порядок.

Он трясет в воздухе окровавленной рукой и, не дожидаясь ответа, выходит из комнаты.

– Сядь, нам нужно поговорить.

Мать оглаживает платье и присаживается на край кровати, отбросив пышные локоны с лица.

Глава 123

Хардин

Холодная вода льется из крана на мою рассеченную кожу. Слежу за тем, как кровь смешивается с водой и утекает в трубу.

Снова? Это снова случилось? Конечно, да; рано или поздно это должно было произойти. Зачем я вообще позвонил этой суке? О чем я думал? Вот поэтому я не помогаю людям. У меня нет такого опыта. У меня неплохо получается все портить, но не наоборот.

Мое внимание привлекает отражение в зеркале. Поднимаю глаза и вижу Ричарда, стоящего в дверном проеме.

– Ты пришел ругаться? – спрашиваю я.

Он вздыхает и проводит ладонями по гладко выбритому лицу.

– Нет, не в этот раз, – отвечает Ричард.

Я почти жалею. Мне хочется с кем-нибудь подраться.

– Почему вы не рассказали мне раньше? – спрашивает Ричард, очевидно, имея в виду пари.

Он что, серьезно?

– Зачем мне тебе рассказывать? Ты ведь не думаешь, что Тесса собиралась рассказать это отцу, которого почти не знает?

Я хватаю с вешалки полотенце и обматываю костяшки пальцев. Они уже почти не кровоточат.

– Не знаю... Раньше я думал, что вас влекло друг к другу из-за того, что вы так не похожи, но теперь...

– Я не ищу твоего одобрения. Мне оно ни к чему.

Прохожу мимо Ричарда и захожу в гостиную за попкорном.

– Я знаю, что тебе оно не требуется. Я просто хочу со всем разобраться. Как ее отцу, мне следовало бы хорошенько избить тебя.

– Конечно, – соглашаюсь я, не желая в очередной раз напоминать, что он не был отцом более чем девять лет.

– Кэрол в молодости была во многом похожа на Тессу, – говорит Ричард, следуя за мной на кухню.

– Нет, не была, – уверенно возражаю я.

Не может быть, чтобы они хоть в чем-то были похожи. Раньше я думал, что Тесса похожа на свою мать, но теперь, когда я узнал ее получше,

уверен в обратном.

– Это так. Возможно, она не была так мила, как Тесса, но она не всегда была такой...

– Сукой? – договариваю я за него.

Ричард оглядывается на темный коридор, будто боится, что его бывшая жена выскочит оттуда и снова надает ему тумаков. По правде говоря, я бы на это посмотрел...

– Она всегда улыбалась... Все мужчины ее хотели, но она была только моей, – улыбается он воспоминаниям.

– Ладно... что дальше? – Не понимаю, к чему он клонит.

– В ней было так много сострадания, амбиций. Ее родители ненавидели меня, ненавидели по-настоящему. Они хотели, чтобы Кэрол вышла замуж за адвоката или брокера – да за кого угодно, но только не за меня. Я тоже их ненавидел, царствие им небесное.

Ричард бросает взгляд на потолок.

– Очевидно, вам не следовало жениться, – говорю я.

– Мы не были женаты, – грустно заявляет он.

Что? Тесса говорила мне, что они были в браке.

– Тесса не знает. Никто не знает. Мы никогда не были женаты официально. У нас была свадьба, правда, скорее для родителей. Я не хотел жениться.

– Почему?

– Потому что я всегда знал, что брак – это не мое, – говорит Ричард, почесывая затылок. – Так я думал. Мы вели себя, как будто были женаты. Она взяла мою фамилию.

Задумываюсь, как бы Тесса почувствовала себя, узнав об этом.

– Постепенно Кэрол устала от моего поведения. Мы грызлись, как кошка с собакой, и, скажу я тебе, эта женщина яростно боролась, но я победил. Но как только она перестала со мной ругаться, я знал, что все было кончено. Год за годом ее любовь ко мне угасала все больше. Они с Тессой ждали меня по вечерам. Я приходил с работы, жаловался на пригоревшую лазанью или даже засыпал, не успев поужинать. Затем мы снова ругались.

Я представляю себе маленькую Тессу, переживающую все это. Мне хочется схватить Ричарда и задушить его.

– Я не хочу больше слушать, – угрюмо говорю я.

– Хорошо. – Я вижу, он стыдится. – Я лишь хотел тебе сказать, что Кэрол не всегда была такая. Это сделал я. Я сделал ее озлобленной, угрюмой женщиной. Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы история повторилась.

Глава 124

Тесса

Мы с мамой сидим в полном молчании. Она заправляет светлый локон за ухо; она само спокойствие и сдержанность – в отличие от меня.

– Почему ты позволила отцу прийти сюда? После всего, что произошло, через столько лет. Я понимаю, ты захотела его увидеть после того, как вы столкнулись на улице, но чтобы он приехал?

– Я не разрешала ему здесь остаться, потому что сама здесь больше не живу. Хардин позволил ему просто по доброте душевной, а ты швырнула ему в лицо все благие намерения.

Я даже не пытаюсь скрыть отвращение к ее поведению. Моя мать, да и все остальные никогда не примут Хардина и никогда не поймут, почему я с ним. Да и мне это не нужно, их мнение волнует меня меньше всего.

– Он позвонил тебе, потому что думал, что ты будешь здесь со мной, – вздыхаю я, судорожно соображая, куда лучше повернуть разговор, прежде чем в свойственной ей манере мать добьется моего молчаливого согласия.

– Почему ты его защищаешь после того, как он с тобой поступил? Он причинил тебе столько боли, Тереза!

– Потому что он этого заслуживает, мама!

– Но...

– Он этого заслуживает, и я не собираюсь это обсуждать. Я тебе уже говорила: если ты не можешь его принять, я не буду с тобой общаться. Мы одно целое, нравится тебе это или нет.

– Я так же раньше думала про твоего отца.

Едва сдерживаю раздражение, когда она наклоняется поправить мои волосы.

– Хардин не такой, как отец, просто прими это.

– Ну да, ну да, конечно. Он такой. – Она кривит в усмешке накрашенные губы. – Он многим похож на твоего отца.

– Если ты собираешься продолжать в том же духе, тебе лучше уйти.

– Успокойся. – Она снова поправляет мне волосы. Двойственное чувство: покровительственный родительский жест и в то же время приятные детские воспоминания. – Я хочу тебе кое-что рассказать.

Прикидываюсь внимательным слушателем, хотя настроена

скептически. Она никогда не рассказывала об отце, когда я была маленькой, – что ж, интересно послушать.

– Послушай, ничто не может повлиять на мое отношение к Хардину, – предупреждаю ее.

Уголки ее губ приподнимаются в усмешке.

– Твой отец и я никогда не были женаты.

– Что?!

В изумлении сажусь по-турецки прямо на кровати. Что она имеет в виду, когда говорит, что они никогда не были женаты? Еще как были! А как же фотографии? Мамино красивое кружевное платье, слегка округлившийся живот, плохо скроенный костюм отца, который всегда сидел на нем, как мешок из-под картошки. Я всегда любила разглядывать эти фото, восхищаясь зардевшимся счастливым лицом матери, когда отец смотрел на нее так, будто никого в мире больше не существовало. Однажды она увидела, как я в очередной раз листаю свадебный альбом, и спрятала фотографии. Больше я их никогда не видела.

– Да, это правда, – вздыхает она. Ее руки дрожат, видимо, говорить об этом нелегко, даже унижительно. – Да, у нас была свадьба, но твой отец не хотел жениться. Я об этом знала. И я прекрасно понимала, что он гораздо раньше бросил бы меня, если бы я не была беременна тобой. На свадьбе настаивали твои бабушка с дедом. Ты же понимаешь, что мы не ладили с твоим отцом, не могли спокойно прожить ни одного дня. Сначала было интересно, даже захватывающе, но потом... – Ее глаза потускнели от воспоминаний. – Это была игра в одни ворота. Годы шли, я молилась и надеялась, что он изменится. Ради тебя. Что когда-нибудь, ради меня, он придет домой трезвый, с букетом роз, а с не запахом перегара...

Она откидывается назад, скрестив руки на груди. На ее запястье звякает слишком дорогой для нее стильный браслет.

Неожиданное признание матери выбило меня из колеи. Она никогда не разговаривала со мной на такие темы, особенно об отце. Во мне внезапно просыпаются сочувствие и жалость к этой холодной женщине, и глаза начинают предательски блестеть.

– Прекрати, – холодно говорит она. – Каждая женщина надеется, что изменит своего мужчину, но зря. Я не хочу, чтобы ты повторила мои ошибки, только и всего. Я хочу для тебя большего, лучшего. Я воспитывала тебя так, чтобы ты уехала из этого захолустья и чего-то добилась, выстроила жизнь по-другому.

К горлу подступает тошнота.

– Я не... – пытаюсь защититься я.

Мать жестом прерывает мой лепет, и я замолкаю.

– Тереза, бывали и хорошие времена, твой отец был веселым и обаятельным мужчиной, – улыбается она – Он пытался стать тем, кого я хотела в нем видеть, но его истинная натура взяла верх, я и наша семейная жизнь стали раздражать его, он стал пить и уже не был прежним. Я знаю, ты помнишь.

Ее голос дрожит, и глаза наполняются слезами, я чувствую ее ранимость и уязвимость, но это быстро проходит. Мама никогда не показывала свою слабость.

Я снова на грани истерики, как бесят оправдания вроде «я просто с лестницы упал, потому и фингал под глазом». Снова гложет ужасное чувство, что меня разрывает на куски изнутри.

– Ты можешь посмотреть мне в глаза и честно ответить: у тебя есть будущее с Хардином? – заглядывает она мне в глаза.

Я не могу ответить. Я знаю, что я хочу с ним быть, но не знаю, хочет ли он.

– Я не всегда была такой, Тереза. – Она подушечками пальцев вытирает слезы. – Я любила жизнь, думала о будущем, а сейчас посмотри на меня. Ты думаешь, что я монстр, который пытается защитить тебя от судьбы, но я просто хочу уберечь тебя от повторения моих ошибок. Я не хочу для тебя такой жизни...

Пытаюсь представить жизнерадостную Кэрл, но чтобы посчитать, сколько раз за последние пять лет я видела ее смеющейся, хватит пальцев на одной руке.

– Мама, они разные, – выдавливаю я.

– Тереза, глупо отрицать их сходство.

– Да, оно есть, но небольшое, – соглашаюсь я, признаюсь больше себе, чем ей. – Но я не верю, что ситуация повторяется. Хардин уже очень изменился в лучшую сторону.

– Так зачем тебе это, если его нужно изменять? – спрашивает она уже спокойно и оглядывает спальню, которая когда-то была моей.

– Он изменился сам. Все, что я люблю в нем, осталось, он просто научился относиться к некоторым вещам по-другому и стал лучше.

– Я видела его руку, черт побери!

– Он просто вспыльчив.

Да, у него вздорный характер, но я не собираюсь это обсуждать с ней. Как она не понимает, что я на его стороне, и, пытаясь сделать больно ему, она делает больно мне!

– Как и твой отец.

– Хардин никогда не причинит мне вред намеренно. Он не совершенство, так же, как я и ты, – отвечаю я на ее испытывающий взгляд, скрестив руки на груди и поражаясь собственной самоуверенности.

– Это больше, чем его темперамент... Подумай, как он поступил с тобой. Он тебя унизил, тебе даже пришлось перевестись в другой филиал университета.

У меня уже нет сил спорить; может быть, потому, что большая часть сказанного правда. Я всегда хотела переехать в Сиэтл, но печальный опыт первого года учебы стал дополнительным и необходимым толчком к действиям.

– Он весь в татуировках... Ладно хоть избавился от этого ужасного пирсинга. – Ее лицо искажает гримаса отвращения.

– Мам, и ты не идеальна, – повторяю я. – Нитка жемчуга на твоей шее маскирует твои шрамы, так же и он прячет свои под татуировками.

Она смотрит на меня, и я по глазам могу прочитать то, что она хочет сказать. Неужели я ее убедила?

– Мне очень жаль, что отец так с тобой поступил, правда, но Хардин не мой отец. – Сажусь рядом и беру ее за руки. Чувствую под своей ладонью холодную кожу; к моему удивлению, она не отдергивает руки. – А я – не ты, – добавляю я как можно мягче.

– Но станешь мной, если не расстанешься с ним как можно быстрее.

Убираю руку, глубоко вдыхаю, пытаюсь контролировать себя из последних сил.

– Мне не нужно твое одобрение, но ты должна уважать мой выбор. Если ты не в состоянии это сделать, – отвечаю ей я, пытаюсь сохранить уверенность, – тогда мы с тобой не сможем и не будем общаться.

Она медленно качает головой. Я знаю, мать ждала, что я соглашусь, что мы с Хардином не пара. Но она ошибалась.

– Ты не можешь ставить меня перед таким выбором.

– Могу. Мне нужна поддержка, я на грани, я устала бороться.

– Если ты борешься одна, возможно, пора перейти на другую сторону.

Она испытующе смотрит на меня, приподняв бровь. Я снова встаю.

– Я не борюсь одна, перестань, пожалуйста, – срываюсь я.

Чаша терпения переполнена, хотя я все еще пытаюсь держать себя в руках.

– Я никогда не приму его.

И я понимаю: она действительно никогда не примет Хардина.

– Тебе не нужно его принимать или любить, но ты не должна ввязывать в наши отношения других людей, включая отца. Это была твоя

ужасная ошибка – рассказать ему о пари.

– Твой отец обязан знать, что он натворил.

Она не понимает! Черт побери, она так ничего и не поняла. Голова сейчас лопнет, чувствую, как пульсируют вены на шее.

– Хардин делает для меня все, по крайней мере старается. До меня он и не знал чего-то лучшего.

Мама молчит. Она даже не смотрит на меня.

– Что, все? Ты выбираешь второе? – спрашиваю я.

Она пристально смотрит на меня и молчит. Все, о чем она думает, можно прочесть по темным кругам под глазами. От бывшего румянца не осталось и следа, только щедро нанесенный розовый тон на скулах.

В конце концов она выдавливает:

– Я постараюсь принять твой выбор, по крайней мере... попытаюсь.

– Спасибо, – благодарю я.

На самом деле не представляю, что делать с этим... перемирием. Я не настолько наивна, чтобы верить ее словам, по крайней мере, пусть подтвердит действиями, но как бы там ни было, приятно чувствовать, что с плеч упал еще один камень.

Мы обе встаем. Она возвышается надо мной на своих десятисантиметровых каблуках.

– Как ты намерена поступить с отцом?

– Не знаю.

Разговор о Хардине выбил меня из колеи, и отец ушел на второй план.

– Ты должна заставить его уехать, нечего вешать тебе лапшу на уши и пудрить мозги.

– Он ничего такого не делает! – снова взрываюсь я.

Каждый раз, как только наши отношения налаживаются, она все портит.

– Да, конечно, а ничего, что его разыскивают какие-то люди из-за долгов? Хардин мне рассказал об этом.

Зачем он это сделал? Я понимаю его тревогу, но мама в любом случае не тот человек, которому можно об этом говорить.

– Я не собираюсь его выгонять, это не мой дом, да ему и идти некуда.

Мама закрывает глаза и качает головой вот уже в десятый раз за двадцать минут.

– Тереза, перестань исправлять людей, иначе ты проведешь остаток жизни, занимаясь только этим и теряя время. Нужно начинать жить самой, даже если твои старания пока увенчиваются успехом.

– Тесса? – раздается голос Хардина.

Он открывает дверь раньше, чем я успеваю ответить, и мгновенно считывает по моему лицу всю ситуацию.

– Ты в порядке? – спрашивает он, совершенно не обращая внимания на мать.

– Да, – отвечаю я, испытывая дикое желание броситься к нему на шею и обнять, но сдерживаю порыв во спасение бедной женщины, для которой сегодня достаточно воспоминаний.

– Я ухожу. – Мама хмуро оправляет платье.

– Отлично. – Ответ Хардина в попытке защитить меня звучит грубо.

Я умоляюще смотрю на него, призывая помолчать. Он закатывает глаза, но ничего не говорит. Мать демонстративно обходит нас и направляется к выходу. От стука каблуков у меня раскалывается голова.

Беру Хардина за руку, мы оба молчим. Отец пытается заговорить с матерью, но она отмахивается.

– Ты без пальто? – неожиданно спрашивает он.

Удивленная, как и я, вопросом, мать отвечает сквозь зубы:

– Без пальто. – И поворачивается ко мне. – Я позвоню завтра, скажем... в... это же время?

Хоть какой-то прогресс. Это был вопрос, а не требование.

– Хорошо, – киваю я.

Она уходит не попрощавшись. Я и не сомневалась.

– Эта женщина сведет меня с ума! – восклицает отец, возмущенно взмахивая руками, как только за ней закрывается дверь.

– Мы ложимся спать, если кто-нибудь еще придет, не открывай, – бурчит Хардин отцу и тянет меня в спальню.

Я как выжатый лимон, едва стою на ногах.

– Что она сказала?

Хардин снимает толстовку через голову, кидает в меня и ждет, пока я подниму ее с пола.

Я рада поскорее скинуть с себя одежду и вместе с лифчиком стягиваю черную рубашку со следами засохшей крови и жирными пятнами. Знакомый запах Хардина будоражит.

– Больше, чем за всю мою прежнюю жизнь, – признаюсь я.

В голове до сих пор каша.

– Что-то из того, о чем вы говорили, поменяло твоё отношение ко мне?

В его глазах возникает страх. Похоже, у Хардина был аналогичный разговор с отцом, и мне непонятно, почему отец такого же мнения, что и мама, если она обвиняет его в том, что он разрушил и ее, и свою жизнь.

– Нет, – отвечаю я, снимаю брюки и вешаю их на стул.

– Ты уверена? Ты уверена, что мы не повторяем их... – начинает Хардин.

– Уверена. Мы – не они, – останавливаю его я.

Не хочу его грузить. Не сегодня.

Хардина мои слова явно не убеждают, но стараюсь не акцентировать на этом внимание.

– Как я должен поступить с твоим отцом? Чего ты хочешь? Мне его выгнать?

Он садится, прислонившись спиной к спинке кровати, а я подбираю с пола его грязные джинсы и носки. Хардин убирает руки за голову, обнажая свое стройное тело, покрытое татуировками.

– Нет, пожалуйста, не выгоняй его.

Я запрыгиваю в кровать, и Хардин тянет меня к себе на колени.

– Не буду, уж точно не сегодня, – заверяет он меня.

Я пытаюсь улыбнуться, но безуспешно.

– Я запуталась, – признаюсь я, уткнувшись ему в грудь лицом.

– Могу помочь.

Он поднимает свои бедра, сталкивая меня вперед, я опираюсь на ладони, чтобы удержаться на его груди.

– Конечно, можешь, если представить, что все проблемы – это гвозди, а твой единственный инструмент для их решения – молоток, – закатываю я глаза.

Он хитро улыбается:

– Хочешь, чтобы я тебя простучал?

Хардин берет меня за подбородок своими длинными разбитыми пальцами, прежде чем я раскритикую его дурацкую шутку. О, как я хочу его, несмотря на критические дни! Знаю, Хардину тоже на это наплевать, его это никогда не смущало.

– Тебе нужно поспать, малышка, не сейчас.

– Сейчас.

Я обиженно надуваю губы, и мои ладони скользят вниз по его животу.

– Нет, остановись.

Мне нужно отвлечься, а секс – как раз то, что требуется.

– Ты первый начал, – отчаянно обижаюсь я.

– Я знаю, извини. Давай завтра в машине? – Его пальцы скользят под толстовкой, рисуя загадочные узоры на моей спине. – А если будешь хорошей девочкой, я возьму тебя на письменном столе в доме отца, как ты любишь, – шепчет он мне в ухо.

От возбуждения мое дыхание учащается, и я игриво шлепаю Хардина.

Он смеется. Его смех отвлекает меня от мыслей, почти как секс. Почти.

– Мы же не будем устраивать здесь оргию сегодня, при твоём отце? Увидит кровь на кровати, подумает, что я тебя бил.

– Не начинай, – предупреждаю я.

Его шуточки начинают меня раздражать.

– Ну, малышка, не будь такой. – Он щиплет меня за задницу, и я вскрикиваю, скатываясь к нему на колени. – Плыви по течению, – скалится он.

– Ты уже говорил, – улыбаюсь я в ответ.

– Ну, прости за банальность. Мне нравится повторять шутки хотя бы раз в месяц.

О господи. Я тяжело вздыхаю и пытаюсь отвернуться, но Хардин останавливает меня и трется носом о шею.

– Ты отвратителен, – говорю ему я.

– О да, полагаю, я просто куча старого окровавленного тряпья, – смеется он, целуя меня в губы.

– Кстати, насчет крови. Дай мне посмотреть на твою руку. – Осторожно беру его за запястье. Да-а... среднему пальцу досталось больше всего, между костяшками – глубокая ссадина. – Если завтра не станет лучше, нужно показаться врачу.

– Все нормально.

– И этот тоже. – Мой указательный палец добрался до изуродованной кожи на безымянном пальце.

– Замолчи, женщина, ложись спать, – ворчит Хардин.

Киваю в ответ и тут же проваливаюсь в сон под стенания, что папа снова ест его хлопья.

Глава 125

Тесса

Я лежу в кровати уже два часа, терпеливо ожидая, когда проснется Хардин. Я давно приняла душ, оделась, прибрала на кухне, выпила пару таблеток, чтобы избавиться от спазмов и кошмарной головной боли. Похоже, придется его будить.

Я нежно беру его за руку и зову шепотом по имени. Безрезультатно.

– Хардин, проснись.

Трясу его за плечо, и внезапно перед глазами всплывает картина из прошлого: мать трясет за плечо отца, спящего на кушетке. Все утро я старалась не думать о матери и ее душераздирающей истории. Папа еще спит, короткий визит мамы выбил его из колеи, как и меня.

– Нет, – отвечает Хардин.

– Если ты сейчас же не встанешь с кровати, я тогда поеду к твоему отцу одна, – угрожаю я, надевая тапочки.

У меня много домашней обуви, но самые любимые – эти, вязанные, Хардин называет их «жуткие мокасины».

Он тяжело вздыхает и переворачивается на живот, опираясь на локти, и с закрытыми глазами поворачивается ко мне.

– Нет, не поедешь, – спокойно отвечает он.

Конечно, я знала, что он это не одобрит, поэтому и использовала секретное оружие, чтобы вытащить его из кровати.

– Тогда вставай, я уже приняла душ и все такое.

Мне не терпится увидеться с Лэндоном, Кеном и Карен. Кажется, уже прошла целая вечность с нашей последней встречи, с дня, когда я видела милую Карен в переднике с клубничинами, который она никогда не снимает.

– Черт, – бурчит Хардин, открывая один глаз.

Забавно видеть его лень. Я тоже устала, и морально и физически, но мысль о том, чтобы провести день вне стен этой квартиры, приводит меня в благоговейный трепет.

– Сначала иди ко мне.

Хардин открывает один глаз, тянется ко мне и тут же мгновенно переворачивается, ложится сверху, придавив своим тяжелым телом,

раздвигает мои бедра. Его утренняя эрекция впечатляет.

– Доброе утро.

Не могу сдержать смех. Хардин прижимается ко мне, я пытаюсь выскользнуть из его рук, он тоже смеется, я чувствую, как его губы приближаются к моим, и через мгновение наши языки встречаются в сладкой истоме.

– Ты с тампоном? – шепчет он, продолжая поцелуй. Его руки – уже на моей груди, я слышу, как бьется мое сердце, делая его сонный голос еще отчетливее.

– Да, – киваю я, мысленно отмечая, что уже привыкла к его манере спрашивать.

Он отстраняется, изучая глазами мое лицо, и проводит языком по нижней губе. Тут раздается громкий шум из кухни, хлопанье дверцами, отрывка и звон падающих на пол кастрюль.

Хардин злится.

– Черт подери, вообще-то в планах у меня было трахнуть тебя перед тем, как мы поедem, но мистер Ранняя Пташка проснулся...

Он спрыгивает с меня и встает, натянув на себя одеяло.

– Я быстро в душ, – говорит он, поглядывая в сторону двери.

Хардин возвращается через несколько минут, я поправляю простыню на кровати. На нем только белое полотенце, повязанное вокруг бедер. Я стараюсь не смотреть на его божественно красивое татуированное тело, пока он разгуливает по комнате к комоду и обратно, выбирая черную футболку и натягивая боксеры.

– Вчера я был просто отвратителен. – Хардин разглядывает свою покалеченную руку, застегивая джинсы.

– Да уж, – вздыхаю я, пытаясь избежать дальнейшего разговора.

– Идем.

Он берет со стола ключи и телефон и закидывает к себе в карман. Убирает влажные волосы со лба и открывает дверь спальни.

– Ну и? – Хардин нетерпеливо смотрит на меня, потому что я не подскакиваю сию же минуту и не бегу вслед за ним.

Ну и где игривый Хардин, который был здесь минуту назад? Если он снова в плохом настроении, боюсь, сегодня будет как вчера.

Без лишних слов встаю и иду за ним в прихожую. Дверь в ванную закрыта, слышен звук воды. Не хотелось бы выдергивать отца из душа, но и уходить, не предупредив его, куда мы отправляемся, и не спросив, нужно ли ему что-нибудь, тоже не хочется. Интересно, чем он занимается в квартире, когда остается один? Думает о наркотиках? Может, к нему кто-то

приходит? Я отгоняю эти мысли прочь. О визитах дружков отца Хардин бы точно знал, и конечно, если бы это было так, отца бы уже здесь не было.

По дороге к Кену и Карен Хардин молчит. Единственная гарантия того, что сегодня не будет повторением вчерашнего кошмара, – это его рука на моем бедре.

Вот мы и у Кена. Как обычно, Хардин входит в дом без стука. Дом наполнен сладким запахом кленового сиропа, и мы отправляемся на кухню.

Карен стоит у плиты, в одной руке – лопатка для помешивания, второй она оживленно жестикулирует, разговаривая с молодой незнакомой женщиной, которая сидит у стола. Сперва я вижу только ее длинные каштановые волосы, потом она поворачивается к нам вслед за Карен.

– Тесса, Хардин! – восклицает Карен, откладывая лопатку на противень, и бежит меня обнимать. – Боже, как давно я вас не видела!

Она отстраняется, чтобы посмотреть на меня, и снова крепко сжимает в объятиях. Ее теплый прием – как раз то, что мне нужно после вчерашнего.

– Карен, прошло всего три недели, – грубо кидает Хардин.

Она в замешательстве поправляет волосы и криво улыбается. Понимаю, что нужно как-то устранить неловкость, меняю тему. Спрашиваю, разглядывая заготовки для выпечки, разложенные на столе:

– Ммм, что печешь?

– Кленовое печенье, кленовые кексы, кленовые слоеные пирожные и маффины.

Карен тянет меня за руку, оставляя Хардина хмуриться в углу в одиночестве.

Не обращаю на него внимания и снова смотрю на молодую женщину, теряясь в догадках, как представиться.

– Прощу прощения, – спохватывается Карен. – Нужно было сначала вас познакомить. Это София, ее родители живут недалеко, сразу у дороги.

София улыбается и протягивает мне руку.

– Приятно познакомиться, – говорит она с улыбкой.

Она красивая. Очень. Яркие глаза, приветливая улыбка, она явно старше меня, хотя не старше двадцати пяти.

– Я Тесса, мы дружим с Лэндоном.

Хардин кашляет у меня за спиной, явно неудовлетворенный моим ответом. Я полагаю, София знает Лэндона, и, учитывая утренние события, мне так проще.

– Я еще не знакома с Лэндоном, – говорит София. У нее такой нежный

голос, она мне нравится.

– Да? – Я в замешательстве, вообще-то я думала, раз ее родители живут у дороги, они знакомы.

– София недавно окончила Кулинарный университет в Нью-Йорке, – хвастается за нее Карен, и София улыбается.

Я даже не против: если бы я окончила лучший в стране кулинарный университет, я бы тоже позволила другим людям погордиться мной.

– Я приехала к родителям в гости и встретила с Карен, она там сироп покупала, – улыбается София, показывая глазами на заготовки на столе.

– Это Хардин, – говорю я, имея в виду угрюмого парня за моей спиной.

Она приветливо улыбается:

– Приятно познакомиться.

Он даже не смотрит на нее, только кивает:

– Угу.

Я пожимаю плечами и сочувственно ей улыбаюсь, потом оборачиваюсь к Карен.

– А где Лэндон?

Она переводит взгляд то на Хардина, то на меня, а потом отвечает:

– Он наверну, неважно себя чувствует.

Все внутри меня переворачивается: с моим другом что-то не так. Я точно знаю.

– Я посмотрю, – говорит Хардин.

– Подожди, я пойду, – останавливаю я его.

Если у Лэндона проблемы, то в присутствии Хардина он нуждается меньше всего.

– Нет, я пойду, – качает головой Хардин. – А ты съешь кленовое пирожное или еще чего-нибудь, – дает он понять, что спорить бесполезно.

София и Карен смотрят ему вслед.

– Хардин – сын Кена, – объясняет Карен Софии.

Даже несмотря на его поведение, она говорит о нем с гордостью.

София понимающе кивает.

– Он очень милый, – замечает она, и мы все трое начинаем хохотать.

Глава 126

Хардин

К счастью для нас обоих, когда я открываю дверь, Лэндон не мастурбирует. Более того, он сидит в кресле напротив стены с учебником на коленях.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – возмущается он хриплым голосом.

– Ты знал, что мы собирались приехать. – Я нагло сажусь на край кровати.

– Я имел в виду мою комнату, – уточняет он.

Игнорирую вопрос, так как сам не знаю, зачем пришел. Скорее всего, просто не хотел оставаться с тремя женщинами, любезничающими друг с другом.

– Ты хреново выглядишь, – замечаю я.

– Спасибо. – Лэндон снова смотрит в книгу.

– Что с тобой? Как ты живешь в таком бардаке? – спрашиваю я, оглядывая его комнату, обычно здесь намного чище.

– Я здесь не убираю.

– Если что-то не так, ты мне скажи, я, так сказать... неплохо разбираюсь в делах сердечных. – Надеюсь, юмор поможет как-то сгладить ситуацию.

Лэндон захлопывает книгу и пристально на меня смотрит.

– С чего ты взял, что я буду тебе что-то рассказывать? Чтобы ты надо мной смеялся?

– Я не буду, – уверяю я.

А может, и буду. Я уже предполагаю, что братец будет ныть про плохие отметки, а я его развеселю, только и всего. Но, судя по его несчастному виду, происходит что-то более серьезное.

– Просто расскажи, может, я смогу чем-то помочь, – предлагаю я.

Зачем я это говорю? Мы оба знаем, что помощник из меня никакой. Взять хотя бы прошлый вечер – чем все обернулось? Слова Ричарда все утро не выходили из головы.

– Помочь мне? – изумленно спрашивает Лэндон.

– Давай рассказывай, не заставляй клещами тянуть из тебя информацию.

Я вытягиваюсь на его кровати, изучая вентилятор на потолке; хорошо бы поскорей пришло лето; здорово вот так расслабляться, подставляя лицо прохладе.

Лэндон выключает лампу и ставит учебник на полку.

– Мы с Дакотой расстаемся, – наконец произносит он.

– Чего?

Я пораженно вскакиваю с кровати. Эту новость я меньше всего ожидал услышать.

– Да, мы пытались наладить отношения, но... – Он хмурится, и я вижу, как блестят его глаза.

Если он сейчас разревется, я валю.

– О боже, – говорю я и отворачиваюсь.

– Я думаю, она решила со мной расстаться.

Я снова смотрю на него, стараясь не обращать внимание на его щенячий взгляд. Он и правда как щенок, особенно сейчас. Я не люблю щенков, ну, может, кроме этого. Моя неприязнь к этой кудрявой девчонке усиливается.

– С чего ты решил?

Он пожимает плечами:

– Не знаю, она не говорила, но... просто в последнее время она постоянно занята, никогда не перезванивает. У меня ощущение, что чем ближе мой отъезд в Нью-Йорк, тем все больше мы отдаляемся друг от друга.

– Возможно, у нее кто-то есть, – предполагаю я.

Лэндон ошарашивается в ответ.

– Нет, она не такая, – пытается он защитить ее.

Возможно, не надо было этого говорить.

– Извини.

– Она не такая.

Ну, Тесса тоже не такая, однако спала со мной, когда еще встречалась с Ноем. Пожалуй, я об этом умолчу.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

– Я так долго с ней встречался, что не представляю теперь, как без нее жить.

Его голос полон печали, это трогает меня до глубины души, и в груди становится тесно. Знакомое чувство.

– Я понимаю, о чем ты.

Действительно, жизни до Тессы у меня не было, одни воспоминания и тьма, и так же будет, если она уйдет.

– По крайней мере, тебе не придется столкнуться с вопросом, что потом.

– Почему ты так думаешь? – спрашиваю я, понимая, что переключился на свои проблемы, но я должен знать ответ.

– Я не представляю, что может вас разлучить...

Лэндон говорит так, как будто это ответ. Я бы хотел быть в этом уверен.

– Ну что? Ты все-таки собираешься ехать в Нью-Йорк? Ты когда должен ехать? Через две недели, если я не ошибаюсь?

– Да, но теперь не знаю. Я все сделал, чтобы уехать, зарегистрировался на летний семестр. А сейчас, похоже, нет смысла в поездке, хотя, с другой стороны, глупо не ехать. – Лэндон трет виски ладонями. – Я не знаю, что делать.

– Не надо ехать, – советую я. – Будет неудобно.

– Это большой город, мы никогда не встретимся. И мы все еще друзья.

– Да, конечно, «друзья». – Я не сдерживаюсь и закатываю глаза. – Почему ты не рассказал Тессе о том, что происходит? – спрашиваю я его.

Это просто разобьет ей сердце.

– Тесс... – начинает он.

– Тесса, – поправляю я.

– ... У нее и без меня проблем хватает. Не хочу, чтобы она волновалась еще и за меня.

– Ты хочешь, чтобы я держал это в тайне? – спрашиваю я.

Судя по выражению лица, он именно этого и хочет.

– Некоторое время – да. В последнее время она и так постоянно в стрессовой ситуации, боюсь, что в один прекрасный момент она сорвется.

Такая чрезмерная забота о моей девушке несколько напрягает, но неожиданно для себя самого я никак не комментирую это и просто молчу.

– Ты же знаешь, она мне за это голову оторвет, – говорю я, хотя сам понимаю, что сейчас лучше промолчать.

Он прав, ей и так достается, причем основная проблема – это я.

– Есть еще кое-что... – начинает Лэндон.

Да, конечно, куда же без этого.

– По поводу мамы, она... – Лэндона прерывает стук в дверь.

– Лэндон? Хардин? – слышен голос Тессы по ту сторону двери.

– Входи, – отвечает Лэндон, взглядом умоляя меня не говорить о его любовной драме.

– Не скажу, – заверяю его я.

Открывается дверь, и на пороге появляется Тесса с тарелкой,

благоухающая кленовым сиропом.

– Карен отправила меня к вам, чтобы вы оба попробовали это. – Она ставит тарелку на стол и смотрит на меня, потом с улыбкой оборачивается к Лэндону. – Попробуйте сначала слоеные пирожные, София научила нас, как их правильно глазировать... Видите маленькие цветочки? – Она показывает маленьким пальчиком на комочки глазури, застывшие корочкой. – Это она нам показала, такая милая!

– Кто? – удивленно спрашивает Лэндон.

– София. Она только что ушла домой, ее родители живут внизу у дороги. Твоя мама была на седьмом небе от счастья, ведь София поделилась с ней кучей секретов по выпечке.

Тесса улыбается и откусывает пирожное. Я знал, что эта девчонка ей понравится; скажу больше: наверняка они сидели на кухне и болтали, как сороки. Хорошо, что я ушел.

– Ну ладно.

Лэндон тянется к пирожному, Тесса берет тарелку и протягивает мне, я качаю головой, давая понять, что не хочу, она даже не возражает в ответ.

– Ну хорошо, я буду пирожное, – соглашаюсь я только ради того, чтобы она улыбнулась; я и так вел себя утром по-свински.

Она подсказывает и протягивает мне одно. Так называемые цветочки выглядят как комочки желтых соплей.

– Один-то хотя бы заморозила? – дразню я ее и тяну за запястье к себе на колени.

– Это в первый раз! – пытается она защищаться.

Мои перепады настроения ее явно удивляют, впрочем, меня тоже.

– Конечно, крошка, – широко улыбаюсь я, и она выщелкивает мне на рубашку кусочек застывшей глазури.

– Я не шеф-повар, – надувается Тесса.

Я смотрю на Лэндона: он сидит с набитым ртом и смотрит в пол. Снимаю глазурь с рубашки и провожу пальцем по носу Тессы, оставляя желтую полоску, прежде чем она меня останавливает.

– Хардин! – Она пытается вытереть нос, но я держу ее за руки, и тарелка с выпечкой с грохотом падает на пол.

– Эй, перестаньте, в моей комнате и без вас помойка! – возмущается Лэндон.

Я слизываю с носа Тессы остатки глазури, совершенно игнорируя его вопли.

– Я помогу сделать уборку! – смеется Тесса, мой язык щекочет ей щеку.

– Вот знаешь, я скучаю по времени, когда ты при мне стеснялся ее даже за руку взять, – жалуется Лэндон, собирая с пола сломанные пирожные и раздавленные печенья.

Я совершенно не хочу думать о том времени, надеюсь, Тесса тоже.

– Хардин, как тебе пирожные? – спрашивает меня Карен, доставая ветчину из духовки и выкладывая ее на разделочную доску.

– Ничего. – Я пожимаю плечами и сажусь за стол.

Тесса сидит рядом и смотрит на меня убийственным взглядом.

– Вкусные пирожные были, вкусные, – исправляюсь я, и моя девочка наконец улыбается.

Кажется, я начал понимать, что счастливой ее делают разные мелочи. Это странно, но хотя бы я это понял и буду продолжать в том же духе.

Кен поворачивается ко мне.

– Как там дела с дипломной работой?

Он наливает стакан воды и отпивает. Он выглядит несколько лучше, чем на прошлой неделе, когда я видел его на работе.

– Отлично, написал уже. Я не пойду на выпускной, ты помнишь? – Я уверен, он помнит, просто надеется, что я передумаю.

– Что ты имеешь в виду? Почему ты не хочешь идти на выпускной? – перебивает нас Тесса.

Карен перестает резать ветчину и смотрит на нас.

Твою мать.

– Я не иду на вручение дипломов, мне отправят его по почте, – отвечаю я сурово.

Вот только не нужно пытаться изменить мое мнение.

– Почему? – спрашивает Тесса, что, судя по всему, нравится моему отцу.

Он все знал, все просчитал, сукин сын.

– Я не хочу.

Пытаюсь найти поддержку у Лэндона, но он избегает моего взгляда. Понятно, он на стороне Тессы.

– Не начинай, я не иду, мнение свое я не изменю, – говорю я Тессе достаточно громко и, надеюсь, убедительно.

Пусть все слышат и не пытаются изменить мое решение.

– Мы обсудим это позже, – угрожающе говорит она.

Да, Тесса, обязательно.

Карен приносит на блюде нарезанную ветчину. Судя по виду, хозяйка горда своим творением. Ну, судя по запаху, не зря. Интересно, а сюда она кленовый сироп добавляла?

– Твоя мама сказала, что ты собираешься в Англию? – спрашивает отец.

Похоже, он считает нормальным говорить о моей матери при Карен. Наверное, просто потому, что они с Карен уже давно вместе.

– Да, – коротко отвечаю я и откусываю ветчину, давая понять, что продолжать разговор за столом не намерен.

– Тесса, ты тоже? – спрашивает ее Кен.

– Да, нужно доделать паспорт, но я да, еду.

Ее улыбка полностью прогоняет мое раздражение.

– Уверен, ты получишь массу впечатлений от поездки. Ты рассказывала, как любишь Англию. Не хочу тебя расстраивать, но современный Лондон мало похож на Лондон из твоих романов, – улыбается ей Кен, и Тесса смеется.

– Спасибо за предупреждение. Боюсь, что туман в романах Диккенса – это на самом деле смог.

Тесса отлично ладит с моим отцом и с его новой семьей, гораздо лучше, чем я. Если бы не она, я бы до сих пор ни с кем из них не разговаривал.

– Хардин должен свозить тебя в Хаутон, это меньше чем в двух часах езды от Хэмпстеда, где живет Триш, – замечает Кен.

Спасибо, я все равно планировал ее туда свозить.

– Было бы здорово, – поворачивается ко мне Тесса, и я чувствую ее руку на своем бедре. Понимаю, она хочет, чтобы я тоже участвовал в разговоре, но отец все усложняет. – Я очень много слышала о Хэмпстеде, – продолжает она.

– За эти годы там все поменялось. Это уже не маленькая деревня, где я жил раньше. Недвижимость очень недешевая, – рассказывает Кен, как будто Тессу действительно интересует вопрос, сколько же стоит недвижимость в моем родном городе.

– Там столько мест, которые стоит посмотреть! На сколько дней вы собираетесь?

– На три, – отвечает Тесса за обоих.

В любом случае я планирую свозить ее только в Хаутон, замкнуться и никуда не отпускать, чтобы тени моего прошлого не испортили ее отдых.

– Я подумал... – Отец вытирает салфеткой губы. – Я тут позвонил утром кое-куда, нашел решение проблемы с твоим отцом.

Из рук Тессы прямо в тарелку падает вилка. Лэндон, Карен и Кен смотрят на нее и ждут хотя бы слово.

– Что? – прерываю я гробовое молчание.

– Я нашел очень неплохую клинику, они предлагают трехмесячный курс лечения...

Тесса беззвучно всхлипывает рядом, так тихо, что почувствовать и услышать ее могу только я, но этот звук пронзает мое тело от макушки до пят. Да как он смел вынести весь этот позор на обозрение всей семьи?

– ...клиника – одна из лучших в Вашингтоне, если хочешь, мы можем еще поискать варианты.

Он говорит спокойно и без осуждения, но ее щеки пылают от смущения и стыда, и мое единственное желание – свернуть Кену голову.

– Сейчас не время обсуждать с ней такие вещи, – поднимаюсь я.

Тесса перебивает меня.

– Все в порядке, Хардин. – Взглядом она умоляет меня не скандалить. – Это была всего лишь забота, – пытается она оправдать Кена.

– Нет, Тесса, не в порядке. – Я поворачиваюсь к отцу. – Откуда ты вообще узнал, что с отцом Тессы проблемы такого плана?

Тесса снова вздрагивает; в этот момент я готов перебить всю посуду в доме.

– Мы с Лэндоном вчера вечером разговаривали об этом, и мы подумали, что стоит обсудить программу реабилитации с Тессой. Зависимым людям справиться с проблемой в одиночку очень сложно.

– Ты бы все равно узнал, правда? – интересуюсь я и только потом осознаю, что сказал.

Мои слова не задевают отца, он просто делает паузу. Смотрю на Карен: ее глаза полны грусти.

– Да, я бы знал, если бы был алкоголиком, – отвечает он.

– Сколько это стоит? – спрашиваю я.

У меня достаточно средств, чтобы обеспечить себя и Тессу, но реабилитация? Явно не дешевая процедура.

– Я могу заплатить.

– Нет. – Я цепляюсь за стол, Тесса крепко держит меня за руку. Я снова сажусь. – Ты не будешь платить за его лечение.

– Хардин, я предлагаю от чистого сердца.

– Может, вы обсудите это не здесь? – предлагает Лэндон.

Да, он прав, не обсуждай это при Тессе.

Тесса отпускает мою руку, отец встает, Тесса не поднимает глаз от тарелки. Мы уходим в гостиную.

– Извини, – слышу я голос Лэндона за спиной.

В порыве ярости прижимаю отца к стене. Кен отталкивает меня; он намного сильнее, чем я думал.

– Ты не мог бы это обсудить со мной перед тем, как высказать все ей за ужином? При всех! – кричу я, сжимая кулаки.

– Поставить ее в известность и обсудить этот вопрос с ней было необходимо, да и ты бы не согласился, чтобы я оплатил лечение.

В отличие от меня отец спокоен. Я же так зол, что кровь закипает в жилах. Я так и знал, семейные ужины у Скоттов обычно заканчиваются именно так печально. Скорее, это уже стало традицией.

– Ты прав, я отказываюсь. Нам не нужны твои деньги.

– Я лишь хочу тебе помочь.

– Каким образом связаны лечение отца Тессы в клинике и я? – спрашиваю я, зная ответ.

Отец вздыхает:

– Если с ним все в порядке, она будет счастлива. Она – единственное твое спасение. Я это знаю, поэтому хочу помочь.

Я глубоко вздыхаю, даже не пытаюсь спорить, потому что в этот раз он прав. Мне просто нужно несколько минут, чтобы прийти в себя.

Глава 127

Тесса

С облегчением выдыхаю, когда Хардин и Кен возвращаются в столовую без разбитых носов и синяков.

Кен садится на место и кладет на колени салфетку.

– Прошу прощения, что начал этот разговор при всех, был не в себе.

Я пытаюсь улыбнуться.

– Все в порядке, правда, я очень признательна за предложение.

Я действительно оценила, но принять это довольно трудно.

– Мы поговорим об этом позже, – шепчет мне на ухо Хардин.

Киваю в ответ. Карен встает, чтобы убрать со стола. Я почти ничего не ела. Из-за этого разговора о проблеме... моего отца... у меня совершенно пропал аппетит.

Хардин пододвигает мой стул поближе к себе.

– Съешь хоть десерт.

Но я чувствую себя неважно, действие болеутоляющего закончилось, меня снова мучают спазмы, и головная боль еще сильнее, чем утром.

– Постараюсь, – обещаю я.

Карен приносит блюдо с выпечкой на кленовом сиропе и ставит на стол. Тянусь за кексом. Хардин выбирает слоеное пирожное и разглядывает идеальные цветы из глазури.

– Вот этот я сама глазировала, – вру я.

Он смотрит на меня, улыбается и качает головой.

– Я не хочу уезжать, – говорю я Хардину, когда он смотрит на настенные часы.

Пытаюсь не думать о наручных часах, которые он отдал, чтобы оплатить долг отца за наркотики. Может, реабилитация – действительно выход? Согласится ли отец?

– Это только ты у нас в Сиэтл собралась, – бормочет Хардин.

– Я имею в виду сегодня здесь остаться, – с надеждой в голосе уточняю я.

– Ну нет, мы здесь не останемся.

– Я очень хочу. – Я надуваю губы.

– Тесса, мы едем домой, в мою квартиру, где сейчас твой папа.

Я хмурюсь. Это как раз одна из причин, по которой я не хочу возвращаться. Мне нужно время, чтобы подумать, передышка, а этот дом – как раз то, что нужно, даже несмотря на то, что за ужином Кен заговорил о реабилитации. Этот дом всегда был для меня своего рода убежищем. Я его люблю, а находиться в квартире для меня стало пыткой с момента приезда.

– Хорошо, – соглашаюсь я, отламывая кусок кекса.

В конце концов Хардин сдается:

– Ну ладно, мы остаемся.

Я знала, что добьюсь своего.

Ужин заканчивается уже не в таком напряжении. Лэндон притих, даже слишком, с ним явно происходит что-то неладное, что я и собираюсь выяснить после того, как помогу Карен убрать со стола.

– Я по тебе скучала, – говорит Карен, закрывая посудомоечную машину.

Она поворачивается ко мне и вытирает руки полотенцем.

– Я тоже скучала по этому дому, – отвечаю я и прислоняюсь к столу.

– Я рада это слышать, ты мне стала как дочь. Хочу, чтобы ты это знала.

Нижняя губа Карен предательски дрожит, и в ярком свете кухонных ламп глаза начинают блестеть от слез.

– Все в порядке? – спрашиваю я и подхожу ближе к этой дорогой мне женщине.

– Да, – улыбается она. – Я такая впечатлительная в последнее время, извини.

Она как будто отгоняет эмоции и через несколько секунд возвращается в нормальное состояние и улыбается увереннее.

– Ты ложишься? – присоединяется к нам Хардин.

По пути ко мне он хватает с тарелки очередное кленовое пирожное. Я знала, что они ему понравились больше, чем он сказал Карен.

– Иди спать, я просто устала.

Карен обнимает меня и целует в щеку, прежде чем Хардин утащит меня за руку из кухни.

Вздыхая, поднимаюсь по лестнице.

– Что-то происходит, я волнуюсь за нее и Лэндона.

– Уверен, все в порядке, – замечает мне Хардин и ведет наверх в свою комнату.

Дверь спальни Лэндона закрыта, света не видно.

– Он спит.

Вхожу в комнату Хардина и сразу чувствую себя так комфортно, как дома. Окно с эркером, новый стол и стул – все заменили после того, как

Хардин в прошлый раз все побил. После того вечера я приезжала к Скоттам, но не обращала внимания на детали. Сейчас я снова здесь и хочу насладиться каждой секундой.

– Что не так? – Голос Хардина возвращает меня на землю.

Я оглядываю комнату, вспоминая, как осталась здесь у него в первый раз.

– Всего лишь воспоминания, – разуваясь, отвечаю я.

Хардин ухмыляется:

– Воспоминания, да? – Он, как обычно, стягивает черную футболку через голову и кидает мне, еще больше погружая в воспоминания. – Может, поделишься?

На очереди – джинсы. Хардин быстрым движением спускает их, утаптывая на полу в кучу.

– Ну... – Он поднимает руки, чтобы потянуться, и я замолкаю, любуясь его татуированным торсом. – Я вспомнила, как осталась у тебя здесь в первый раз.

Забавно, Хардин тогда тоже впервые ночевал в этой комнате.

– Ну и что?

– Ничего особенного, – пожимаю я плечами.

Под его пытливым взглядом приступаю к раздеванию. Складываю джинсы и рубашку и затем надеваю его черную футболку.

– Снимай лифчик, – поднимает бровь Хардин и сверкает темно-зелеными глазами.

Снимаю бюстгальтер и забираюсь к нему в кровать.

– Теперь рассказывай, о чем ты думаешь?

Он притягивает меня за талию, кладет руку мне на бедро. Лежу от него близко-близко. Его пальцы ныряют в мои кружевные трусики, и я чувствую, как по позвоночнику, пронзая все тело, пробегает холодок.

– Я думала о той ночи, когда мне позвонил Лэндон. – Я смотрю на Хардина, проверяя выражение его лица. – Ты тогда устроил здесь жуткий беспорядок.

При воспоминании о разбитом вдребезги китайском фарфоре меня передергивает.

– Да, я помню, – тихо отвечает Хардин, рисуя замысловатые узоры на моей обнаженной коже. Затем он добирается до волос и играет с локоном, не отрывая от меня глаз.

– Я тогда испугалась, – признаюсь я. – Не тебя, а твоих слов.

– Я подтвердил тогда опасения, да?

– Думаю, да, – отвечаю я. – Но ты тогда извинился.

Хардин сжимает кулаки и смотрит вдаль.

– Да, чтобы на следующий день наговорить еще больший бред.

Я знаю, куда он клонит. Пытаюсь сесть, но его ладонь спускается мне на бедро и прижимает.

– Я уже тогда тебя любил.

– Правда?

Он кивает, еще крепче сжимая мое бедро.

– Да.

– Как ты понял? – тихо спрашиваю я.

Хардин и ранее говорил, что в ту ночь он понял, что любит меня, но не вдавался в подробности. Сейчас я спросила в надежде получить ответ.

– Просто понял. Между прочим, я знаю, чем ты сейчас займешься, – улыбается он.

– Чем же? – Я кладу ладонь ему на живот, закрывая татуировку мотылька.

– Какая ты любопытная.

Он берет прядь моих волос, с которой играл до этого, наматывает на кулак и игриво тянет вниз.

На мгновение он отпускает прядь, но только для того, чтобы захватить всю шевелюру. Он тянет волосы вниз, чтобы я смотрела на него.

– Я так долго этого ждал. – Он резко опускает голову, плавно заставляя меня сесть прямо, проводит носом по моей щеке к шее. – Я возбужден еще с утра, ты меня раздражила, – шепчет он, прижимая доказательство к моим бедрам.

Это просто потрясающе. Таю под его пристальным взглядом и жарким дыханием после таких возбуждающих слов.

– Ты ведь позаботишься о нем, правда?

Скорее утверждение, чем вопрос.

Он аккуратно тянет мои волосы вверх и вниз, заставляя меня кивнуть. На самом деле он так дразнил меня утром, но я молчу. Мне нравится такой поворот событий.

Хардин молча отпускает мои волосы, затем бедро и становится на колени. Я чувствую его холодные руки, когда он задирает футболку, обнажая мой живот и грудь. Его пальцы жадно сжимают мои груди, язык проникает в рот. Меня охватывает пламя; напряжение и стресс, накопившиеся за последние сутки, исчезают без следа, Хардин... я полностью растворяюсь в нем.

– Сядь к изголовью.

Он снимает с меня футболку, я покорно делаю, что он сказал, сползаю

вниз и опираюсь на огромную синевато-серую спинку кровати.

Хардин сдергивает трусы и просит меня:

– Спустиись пониже, крошка.

Я опускаюсь, и он одобряюще кивает. Хардин ползет ко мне через всю кровать и становится передо мной на колени. Мой язык нетерпеливо ждет его плоть, Хардин подносит член к моим губам, медленно двигая рукой вверх и вниз. Я открываю рот шире, Хардин проводит большим пальцем по моей нижней губе, затем скользит внутрь, а затем я обхватываю губами его член и начинаю ласкать языком. В полном экстазе Хардин забывает обо всем, наслаждаясь каждой лаской.

– Давай же, детка! – стонет он, возвышаясь надо мной.

Его глаза сжигают страстью, одной рукой он схватился за изголовье, удерживая равновесие, а бедра двигаются вперед-назад.

– Глубже, – просит он.

Я беру Хардина за ягодицы руками, и он входит глубже, теперь он полностью во мне. Я, как и Хардин, наслаждаюсь каждым движением, чувствую, как содрогается его тело в страстных конвульсиях. Его член, как шелк, мягко скользит у меня во рту, я слышу его прерывистое дыхание, слышу, как вскрикивает в порыве страсти... Все это свидетельствует о том, что он любит меня, что ему нужна я, что ему нравится, что я делаю с ним... И мое тело нуждается в нем.

Он продолжает двигаться.

– Как хорошо! Посмотри на меня, – стонет он.

Я поднимаю глаза, рассматривая его лицо, нахмуренные брови, прикушенную нижнюю губу. Чувствую его горящий взгляд... как он смотрит на меня... член уже достает до горла, вижу, как сокращаются мышцы на животе, и знаю, что сейчас произойдет. Как будто читая мои мысли, Хардин стонет:

– Я сейчас кончу.

Его движения становятся еще более быстрыми и интенсивными. Я сжимаю бедра, чтобы снять напряжение, и впускаю его в себя еще глубже.

Хардин вынимает член из моего рта и кончает на мою обнаженную грудь. Выкрикивая мое имя, он в полном изнеможении подается вперед и упирается лбом о спинку кровати. Я жду, пока он восстановит дыхание и сядет рядом со мной.

К моему ужасу, он вытягивает руку и медленно, с наслаждением, размазывает по мне сперму.

– Все мое, – заключает он и целует меня в губы.

– Я... – Я смотрю на свою липкую грудь.

– Тебе понравилось. – Он улыбается. Да, не отрицаю. – Тебе идет, – говорит он, не отрывая глаз от кожи, и я чувствую, что он действительно так думает.

– Ты извращенец. – Это все, что я могу сказать сейчас.

– Да ладно, впрочем, как и ты.

Он наклоняется ко мне и хватается за бедра, чтобы стащить с кровати.

Я взвизгиваю, Хардин закрывает мне рот рукой.

– Тсс, мы же не хотим, чтобы к нам пришли гости, пока я трахаю тебя на столе, правда?

Глава 128

Хардин

Запах кофе... Я тянусь к Тессе, но ее половина кровати пуста. Открываю глаза, передо мной на столе – две чашки кофе. Тесса пакует свою сумку.

– Который час? – спрашиваю я, надеясь, что еще раннее утро.

– Почти полдень.

Черт, я снова все проспал.

– Я уже собрала вещи и позавтракала. Скоро будет обед, – улыбается она.

Она уже приняла душ и оделась, на ней все те же облегающие джинсы.

Заставляю себя встать. Почему она не разбудила меня раньше?!

– Круто, – холодно отвечаю я в поисках своих штанов, но на полу их уже нет.

– Вот они. – Она протягивает мне аккуратно сложенные джинсы. – Все в порядке? – спрашивает Тесса, должно быть, почувствовав мое настроение.

– Да.

– Хардин!

Она начинает на меня давить, черт подери. Тесса в своем репертуаре!

– В порядке, просто выходные закончились слишком быстро, вот и все.

Ее улыбки достаточно, чтобы поднять мне настроение.

– Да, слишком быстро, – соглашается она.

Ненавижу, когда она далеко, жизнь по отдельности – не для меня.

– Потерпи до четверга, – просит она.

Но разве это облегчит расставание...

– Что Карен готовит на обед? – меняю я тему разговора. – Надеюсь, кленовый сироп в состав не входит.

Тесса смеется:

– Нет, сиропа не будет.

Когда мы спускаемся, Лэндон задумчиво сидит за столом, а Карен ставит на стол блюдо с бутербродами. Тесса садится рядом с Лэндоном и спрашивает, все ли с ним в порядке.

– Все хорошо, просто чувствую себя не очень.

Вау, я не думал, что наступит день, когда он ей нагло наврет.

– Ты уверен? Ты ведешь себя так...

– Тесса... – наклоняется Лэндон к ней. Черт его подери, если он взял ее за руку... – Я в порядке. – Он улыбается, убирая свою руку из-под стола.

Быстро хватаю Тессу за руку и кладу ее себе на колено, накрывая своей.

Я не участвую в скучной болтовне во время обеда. Нужно еще отвезти Тессу в Сиэтл, и я еще раз жалею, что не переехал с ней сразу.

– Мы еще увидимся перед твоим отъездом?

На прощание Тесса обнимает Лэндона. Ее глаза предательски блестят. Отвожу взгляд.

– Конечно, да. Может, я заскочу к вам, как вернетесь из Англии? – отвечает он, заставляя ее улыбнуться.

Молодец, я ценю его попытку успокоить Тессу, зато представляю, в каком дерьме окажусь, когда она узнает, что Лэндон расстался с Дакотой, а я знал и скрывал.

Спустя десять минут я практически насильно выдергиваю Тессу из дома. Карен расстроена расставанием еще больше. На прощание она говорит Тессе, что любит ее, что кажется мне чем-то странным и нелепым, но милым.

– Я, наверное, моральный урод, если с твоей семьей мне комфортнее, чем с собственной? – спрашивает меня Тесса по дороге домой после пятнадцатиминутного молчания.

Она смотрит на меня в ожидании ответа, на что я закатываю глаза, изображая злость.

– И твоя, и моя семейки не в себе, – отвечаю я наконец.

Она молча кивает, и мы едем дальше, снова в полном молчании.

Мое беспокойство все более усиливается по мере приближения к Сиэтлу. У меня нет ни малейшего желания отпускать Тессу, четыре дня без нее – это целая вечность.

Вернувшись, сразу отправляюсь в спортзал.

Глава 129

Тесса

В понедельник утром я прихожу к врачу на полчаса раньше. В приемной полно орущих детей и кашляющих женщин. Сажусь на один из казенных голубых стульев. В надежде чем-нибудь себя занять листаю журналы, но, кроме рекламы подгузников и советов для кормящих мам, в них ничего нет.

– Янг? Тереза Янг?

Меня вызывает пожилая женщина, сверившись с книгой записей.

Быстро встаю, пытаюсь обойти маленького мальчика, который возится на полу с игрушечным грузовиком. Грузовик врезается в мою туфлю, и мальчик смеется. Я улыбаюсь ему, в ответ он тоже широко улыбается.

– Какой срок? – спрашивает меня женщина, видимо, мать мальчика.

Она оценивающе смотрит на мой живот, и я инстинктивно прикрываю его рукой.

– Нет-нет, я не...

– Извините! – краснеет она. – Я просто подумала, вы не...

То, что ей неловко так же, как и мне, снимает напряжение, и мне легче. Спрашивать женщину, на каком она месяце, особенно если она не беременна... Это плохое начало. Женщина смеется.

– На будущее: когда вы сами станете матерью, вы поймете, что... Вы сами так же будете считать!

Даже думать об этом не хочу. У меня нет времени загадывать, что произойдет в будущем, а если я хочу быть с Хардином, то никогда не стану матерью. Игрушечный грузовик моего малыша никогда не врежется мне в ботинок, и ребенок не заберется ко мне на колени. Оборачиваюсь и смотрю на мальчика в последний раз.

Я вежливо улыбаюсь и подхожу к медсестре. Она выдает мне контейнер для мочи и просит пройти в туалет в конце коридора, а потом принести назад для проведения теста на беременность.

Несмотря на критические дни, я немного волнуюсь. Мы с Хардином в последнее время не предохранялись, а незапланированный ребенок сейчас совсем некстати. Хардин тогда точно сорвется, и ребенок совершенно разрушит все мои жизненные планы.

Я отдаю контейнер медсестре, она проводит меня в пустой кабинет, чтобы измерить давление.

– Не скрещивай ноги, дорогая, – приветливо просит она, и я делаю, как она велит.

Измерив мне температуру, женщина исчезает, а через несколько минут в кабинет входит представительный седой мужчина. Он снимает резиновые перчатки и протягивает мне руку.

– Я доктор Вест, рад познакомиться с тобой, Тереза.

Вообще-то я надеялась, что осматривать меня будет женщина, но этот доктор вроде бы тоже ничего, хотя было бы проще, если бы он не был таким симпатичным.

Доктор Вест задает мне множество вопросов, причем некоторые ставят меня в тупик: мне приходится рассказать о Хардине, что мы не предохраняемся во время секса и так далее. Во время разговора пытаюсь смотреть доктору в глаза, но это дается мне с трудом.

Медсестра возвращается и кладет перед Вестом на стол листок. Он его читает, и у меня от волнения перехватывает дыхание.

Доктор приветливо улыбается.

– Ну что ж, беременности нет, приступим к осмотру.

Я облегченно выдыхаю, даже не осознавая, что от волнения я задержала дыхание.

Он долго дает мне рекомендации. О некоторых вещах я вообще слышу в первый раз.

– Перед тем как мы сделаем снимок, я бы хотел быстренько осмотреть малый таз, не против?

Я киваю и пытаюсь успокоиться. Я не понимаю причину своей нервозности: он врач, я взрослый человек, нужно было записаться на прием после критических дней. Я не думала об осмотре, когда звонила врачу, просто хотела, чтобы Хардин отвязался.

– Почти закончили, – говорит доктор Вест.

Осмотр действительно прошел быстро, неловкости я не почувствовала, думала, что будет хуже. Ну и слава богу.

Он хмурится, на его лбу появляется глубокая складка.

– А раньше вас осматривали?

– Нет, не думаю, – тихо отвечаю я.

Я знаю, что нет, но добавляю вторую часть скорее от нервов. Поворачиваюсь к экрану, Вест водит датчиком внизу живота.

– Хм... – задумчиво говорит он себе.

Мое беспокойство растет, и я начинаю волноваться: неужели тест

ошибся и на самом деле я беременна? Я слишком молода, еще не получила образования, наши непонятные отношения с Хардином...

– Меня немного смущает размер матки. Беспокоиться не о чем, но вам нужно будет прийти на дополнительное обследование.

– Не о чем беспокоиться? – От волнения у меня пересыхает во рту и потеют ладони. – Что вы имеете в виду?

– Ничего такого... Я не могу сказать с уверенностью, – говорит он очень неубедительно.

Я поднимаюсь, одергиваю рубашку.

– Что это может быть?

– Ну... – Доктор поправляет очки в толстой оправе. – В худшем случае бесплодие, но я ничего не могу сейчас утверждать без дополнительного обследования. Кисты у вас нет, что уже хорошо, – показывает он на экран.

Останавливается сердце.

– Какой процент? – спрашиваю я, не слыша собственного голоса.

– Я не могу ничего утверждать, это не диагноз. Мисс Янг, бесплодие – это в самом худшем случае, пожалуйста, не накручивайте себя, пока мы не провели дополнительное обследование. Я продолжу сегодня работать с вашим снимком, возьму кровь для анализов и назначу вам следующий прием. Хорошо?

Я киваю в ответ. Вест сказал, это не диагноз, но, судя по всему, это он и есть. Чувствую себя ужасно, как будто клубок нервов медленно скатывается вниз по позвоночнику, а сердце стучит на весь кабинет. Я готова разреваться, и мне все равно, что подумает доктор.

– Это довольно частый случай, не волнуйтесь, мы все выясним, я уверен, ничего страшного, – сдержанно говорит он и выходит из кабинета, оставляя меня наедине с ужасной проблемой.

Он не уверен. Судя по всему, он как раз во всем уверен, как же я могу успокоиться?

Медсестра выдает мне противозачаточные таблетки. Неожиданно она превращается в наседку и беспрестанно трещит о своих внуках и о том, как они любят домашнее печенье. Молчу и отвечаю только из вежливости. Меня тошнит.

Она продолжает рассказывать уже о моей контрацепции, про недостатки и преимущества, о которых я уже слышала от доктора Веста. О цикле мне уже беспокоиться не нужно, единственное, будет небольшой набор веса. Медсестра все щебечет про эффективность приема таблеток сразу после окончания менструации. Затем снова напоминает, что таблетки предохраняют от беременности, но не от заболеваний, передающихся

половым путем.

Запись на повторное обследование подтверждена, и я мчусь в город, чтобы сфотографироваться и закончить с бумажной волокитой. Конечно, все уже оплачено мистером Вэнсом. Интересно: вокруг меня столько людей, которые готовы оплатить все мои нужды.

Каждый прохожий либо несет на руках ребенка, либо это беременная женщина. Не нужно было давить на врача. Теперь я сойду с ума, пока через три недели дождусь результатов повторного теста. Три недели! Три недели думать о том, что я, возможно, никогда не стану матерью. Я и не представляла, как это больно просто думать об этом, раньше я относилась к этому спокойнее. Хардину этого я рассказать не могу, пока не буду уверена. В принципе, на его планы это не влияет в любом случае.

Я пишу ему эсэмэс, что прием прошел нормально, и еду к Кимберли и Кристиану. По дороге я уже себя убедила, что всю неделю я не буду об этом думать. Нет смысла себя накручивать, тем более доктор сказал, что повода для беспокойства нет. Но полная внутренняя опустошенность говорит об обратном.

Все, хватит, еду в Англию. В первый раз в жизни я выберусь из штата Вашингтон. Я уверена, поездка будет отличная, хоть я и буду нервничать. А что поделать?

Глава 130

Хардин

Тесса, похоже, сейчас потеряет сознание от предвкушения поездки. Она сидит с ручкой в зубах, в очередной раз проверяя список необходимых вещей.

– Все взяла? Ты уверена? – подшучиваю я над ней.

– Что? Да, – вздыхает она, проверяя содержимое сумки в десятый раз с момента, как приехали в аэропорт.

– Нужно идти, иначе мы опоздаем на самолет, – говорю ей я.

– Я знаю, – отвечает Тесса, продолжая рыться в сумке.

Сумасшедшая, я ее обожаю за это, но иногда она по-настоящему играет на нервах.

– Мы точно можем оставить здесь машину?

– Да, это долгосрочная парковка для машин. – Я показываю ей знак над нашими головами.

Она смотрит на меня в полной прострации, как будто я разговариваю сам с собой.

– Дай мне уже эту сумку.

Стягиваю с ее плеча сумку, слишком тяжелую, чтобы нести в руках. Ох уж эта женщина, бьюсь об заклад, там половина ее барахла!

– Тогда я возьму чемодан... – Она тянет за ручку чемодан на колесах.

– Нет, дай мне, уймись, я справлюсь, – уверяю ее я.

Утром она была такая забавная, никогда не забуду: складывала, перекладывала, паковала, переупаковывала вещи, чтобы те влезли в чемодан. Я ее понимаю: она так долго ждала этой поездки. Несмотря на то, что порой она меня раздражает, я рад, рад ехать с ней в ее первое путешествие за границу, смотреть под облаками в ее удивленные серо-голубые глаза. Я специально забронировал ей место у окна.

– Готова? – спрашиваю я, и автоматическая дверь широко распаивается, как будто приветствуя нас.

– Нет, – нервно улыбается она, и мы заходим в шумный аэропорт.

– Тебя, по-моему, сейчас вырвет прямо на меня, – замечаю я Тессе шепотом, наклоняясь к ней.

Она бледная, как поганка, ее маленькие руки трясутся. Беру ее за руку

и успокаивающе сжимаю. Она улыбается в ответ.

Чувак на регистрации на нее глазел, явно хотел, я распознал эту дурацкую ухмылку, когда она ему улыбнулась. Я сам так же улыбаюсь. У меня были все права послать его куда подальше, но Тесса явно бы это не одобрила. И после того как она за руку потащила меня от стойки, а я показал ему средний палец, она сидела надутая.

– Слава богу, он близорукий, – мямлит она, обернувшись через плечо.

Прошу ее застегнуть кардиган, отчего ее настроение только улучшается. Старик рядом со мной – явный извращенец, Тессе повезло, что она сидит у окна, так я хотя бы могу прикрыть ее от его бегающих глазок. Упрямая, как всегда, она отказалась застегнуть кардиган, выставив грудь напоказ. Слава богу, вырез на рубашке неглубокий, но когда она наклоняется вперед – все видно. Проигнорировав мою просьбу, она заявляет, что я не могу ее контролировать. Я и не собираюсь, я пытаюсь оградить ее от долбанных извращенцев, которые пялятся на ее грудь.

– Нет, все в порядке, – отвечает она, но глаза ее выдают.

– Мы взлетим с минуты на минуту.

Смотрю на стюардессу, в третий раз проверяющую, все ли багажные полки закрыты. Господи Иисусе, они все закрыты, мадам. Давайте уже взлетим, пока я не вынес Тессу из самолета.

Вообще-то отмена поездки была бы мне на руку.

– Есть еще шанс выпрыгнуть из самолета, билеты невозвратные, – замечаю я, убирая выбившуюся прядь ей за ухо.

На губах Тессы – слабое подобие улыбки. Она все еще сердится, но снисходительна из-за нервозности.

– Хардин, – тихо просит Тесса.

Она кладет голову на сиденье и закрывает глаза. Я не могу смотреть, как она нервничает, если так будет и дальше, то этот полет будет сплошной нервотрепкой не только для нее. Я наклоняюсь и закрываю створку иллюминатора, надеясь, что это ей поможет.

– Долго еще? – нетерпеливо спрашиваю я у стюардессы, проходящей мимо по ряду. Она смотрит то на Тессу, то на меня и раздраженно поднимает бровь.

– Несколько минут.

Она пытается профессионально улыбнуться. Мужик рядом со мной постоянно ворочается; надо было купить дополнительный билет, тогда бы не пришлось сидеть рядом с этим придурком. От него воняет, как от пепельницы.

– Несколько минут было... – начал я.

Тесса кладет руку на мою, открывает глаза и взглядом умоляет не устраивать сцену. Я глубоко вздыхаю и закрываю глаза.

– Хорошо, – говорю я, отворачиваясь от стюардессы.

– Спасибо, – шепчет Тесса.

Вместо спинки сиденья она кладет голову мне на руку. Я трогаю ее за бедро и прошу приподняться, чтобы я смог обнять ее. Она прижимается ко мне и удовлетворенно вздыхает, когда я обнимаю и крепко прижимаю ее к себе. Как я люблю этот звук!

Самолет медленно движется по взлетной полосе, и Тесса зажмуривается. Как только самолет взлетает, она открывает шторку и восторженно смотрит на быстро мелькающий внизу ландшафт.

– Потрясающе! – улыбается она.

Сейчас у нее нормальный цвет лица, она пышет восторгом, и это чертовски заразительно. Я пытаюсь сдержать улыбку, но не могу не смеяться над ее «все такое крошечное».

– Ну вот, все не так уж и плохо, мы даже пока не разбились, – небрежно замечаю я.

В ответ в салоне кто-то начинает покашливать и возмущенно бормотать, но мне все равно. Тесса понимает мой юмор и игриво толкает меня в грудь.

– Замолчи, – предупреждает она, и я хихикаю.

Через три часа она снова не находит себе места. Я предполагал, что так и будет. Мы уже посмотрели все дурацкие ролики спонсоров авиакомпаний, дважды изучили журнал «Магазин на борту» и пришли к выводу, что ни вольер для собак, ни подставка для телевизора не могут стоить две тысячи долларов.

– Полет длится долгие девять часов, – предупреждаю ее я.

– Уже шесть, – поправляет меня Тесса, водя пальцами по татуировке знака бесконечности на моем запястье.

– Уже шесть, поспи немного, – повторяю я.

– Я не могу.

– Почему?

Она смотрит на меня.

– Как ты думаешь, чем занимается папа? Я знаю, что в прошлый раз, когда ты уезжал, за ним присматривал Лэндон, но в этот раз нас не будет три дня.

– С ним все будет в порядке.

Да, конечно, сначала он побесится, но потом будет ей благодарен.

– Я рада, что мы не приняли предложение твоего отца, – неожиданно

заявляет она.

Черт.

– Почему? – спрашиваю я, изучая ее лицо.

– Реабилитация стоит немалых денег.

– И что?

– Я не могу позволить твоему отцу тратить деньги на моего отца. Это не его ответственность, и мы не знаем точно, что мой отец...

– Тесса, он наркоман.

Я понимаю, она до сих пор не хочет это признать, но знает, что это так.

– Папа сам тоже должен оплатить лечение.

Нужно позвонить Лэндону, как только мы приземлимся, и узнать, как там наш план. Надеюсь, что ее папаша согласился.

Жалко, конечно, что Тессу не посвятили в планы. Несколько часов я колошматил боксерскую грушу, обдумывая проблему. В конце концов, все просто: либо он соглашается на лечение, либо убирается из жизни Тессы раз и навсегда. Я не допущу, чтобы он портил Тессе жизнь. Я и сам доставляю ей немало проблем, и если кто и будет причиной ее волнений – это только я. Я отправил Лэндона поговорить с этим куском дерьма, чтобы тот выбрал: либо клиника, либо жизнь без Тессы. Я подумал, что если вовлечь в это Лэндона, то будет не так жестоко, как если бы с ее отцом разговаривал я. Меня терзает только то, что платить за это, помогая Тессе, будет мой отец. Я хотел отказать ему. Хотел, но не смог.

– Я не знаю, – вздыхает она, глядя в окно. – Мне нужно подумать.

– Ну... – начинаю я, и она хмурится из-за моего тона.

– Что ты сделал? – Она щурится и отталкивает меня.

Ничего, далеко не убежит, пока не приземлимся.

– Обсудим это позже, – говорю я и смотрю на мужчину рядом.

Этой авиакомпания явно нужно подумать над приобретением более широких кресел; если бы не ручка между мной и Тессой, то я бы уже сидел на этом парне.

– Ты отправил его на лечение, да? – яростно шепчет она, уже не думая, что скандалит.

– Никуда я его не отправлял.

И это правда. Я не знаю, согласился он или нет.

– Но пытался?

– Возможно, – признаюсь я.

Она качает головой от досады и опирается на спинку, молча смотря куда-то вдаль.

– Ты сумасшедшая? – спрашиваю я.

Она меня игнорирует.

– Тереза...

Я говорю слишком громко, и она с открытыми глазами поворачивается ко мне.

– Я нормальная, – шепчет она. – Я просто шокирована и пытаюсь понять, как ко всему этому относиться, ясно?

– Ясно, – отвечаю я.

Ее реакция лучше того, что я ожидал.

– Я терпеть не могу, когда ты что-то от меня скрываешь! Ты так постоянно делаешь, моя мать... Я не ребенок. Я в состоянии справиться с проблемами сама.

С трудом подбираю слова и пытаюсь думать, прежде чем говорить все то, что у меня на уме. Я в этом совершенствуюсь все больше и больше.

– Да, – отвечаю я спокойно. – Но это не означает, что я не буду пытаться помочь решить их.

Ее взгляд смягчается, она кивает:

– Я понимаю, но прошу тебя: перестань все от меня скрывать. Все, что касается тебя, Лэндона, отца, – я хочу все знать. Я же все равно узнаю.

– Хорошо, – говорю я. – С этой минуты я буду тебе рассказывать все.

Я не имею в виду прошлое, его она не узнает, я имею в виду, что она будет знать все с этой минуты.

На мгновение на ее лице проступает вина.

– По крайней мере, если это будет то, о чем мне лучше не знать, – добавляет она мягко.

Договорились.

– Что конкретно ты имеешь в виду? – спрашиваю я ее.

– Что-нибудь, что тебе лучше не знать, тоже считается. Например, мой гинеколог – мужчина, – заявляет она.

– Что?

То, что гинеколог Тессы – мужчина, даже в голове не укладывается; я слышал истории о том, что мужики-гинекологи творят с пациентками.

– Видишь, тебе лучше было бы этого не знать.

Она даже не скрывает, что ей приятно видеть мою реакцию и ревность.

– Ты поменяешь доктора.

Она качает головой, давая понять, что делать этого не собирается. Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо:

– Тебе повезло, что туалеты здесь слишком маленькие, иначе я бы тебя отымел в одном из них.

Ее дыхание учащается, она сжимает ноги. Мне нравится ее реакция на

мой черный юмор, он действует безотказно. Неожиданный бонус: мне нужно было ее отвлечь и поменять тему разговора.

– Я бы прижал тебя к двери и овладел там же. – Моя рука поднимается по ее сжатым ногам. – Я бы закрыл твой рот рукой, чтобы приглушить стоны.

Она судорожно сглатывает.

– Это было бы так здорово – твои ноги вокруг моей талии, твои пальцы в моих волосах.

Ее глаза широко открыты, зрачки расширены, и, черт возьми, я и правда хочу, чтобы туалеты были здесь побольше. Я и руки-то не могу вытянуть. За тысячу долларов за перелет туда и обратно, по крайней мере, я бы смог трахнуть свою девочку во время такого длинного перелета.

– Сжимая бедра, боль не прогонишь, – снова шепчу ей на ухо. Опускаю ее столик, чтобы раздвинуть ноги. – Только я могу. – Она выглядит так, будто сейчас кончит только от моих слов. – Тебе будет не совсем комфортно провести остаток пути в мокрых трусиках.

Я целую ее за ухом, продолжая дразнить, и тут мужик рядом со мной нервно кашляет.

– Проблемы? – поворачиваюсь я к нему, хотя мне на самом деле все равно, слышал ли он меня.

Мужик быстро качает головой и продолжает читать электронную книгу. Я наклоняюсь и пытаюсь рассмотреть первый абзац тускло освещенной страницы. Я вижу имя, Холден, и не могу удержаться от смеха. Только надменные мужики среднего возраста и бородатые хипстеры могут получить удовольствие от чтения «Над пропастью во ржи». Что там такого захватывающего в искателе-подростке? Да ничего.

Я поворачиваюсь к Тессе.

– Мне продолжать? – Она судорожно переводит дыхание.

– Нет. – Она поднимает столик, давая понять, что на этом веселье заканчивается.

– Еще пять часов, – улыбаюсь я, хотя сам возбужден от мысли, какая она сейчас влажная.

– Ты скотина! – шипит она, но на губах – улыбка, которую я так люблю.

– И ты любишь меня, – заключаю я, отчего она еще шире улыбается.

Хитроу не так ужасен, как мне помнится. Багаж мы получили быстро. Тесса молчит почти всю дорогу, ее рука в моей – лишь гарантия того, что она не сильно расстроилась по поводу лечения в клинике. Нас уже ждет арендованная машина. Веселюсь, когда Тесса пытается пойти в

противоположную сторону движения.

Когда мы приезжаем в Хэмпстед, она уже спит. Бедняжка пыталась бороться со сном всю дорогу, смотреть в окно, но это было бесполезно, и она крепко заснула.

Старый городок такой же, как раньше, с какой стати ему меняться? Прошло всего несколько месяцев с моего последнего приезда. Въезжаем в город, и я вижу знак-приветствие и чувствую себя на родине.

Проезжаем исторические и туристические места, а затем въезжаем в жилую часть города. Вопреки распространенному мнению, в Хэмпстеде не все живут в особняках и не купаются в роскоши. Это очевидно, как только мы въезжаем на гравийную дорогу к дому матери. Старый дом вот-вот развалится, и я рад увидеть на газоне табличку «Продано». Дом ее будущего мужа рядом, он в гораздо лучшем состоянии, чем эта развалина, и в два раза больше.

– Тесса, – бужу я.

Через долю секунды после того, как машина освещает окна, мама появляется на пороге. Она открывает дверь и сломя голову сбегает по ступенькам к машине. Тесса открывает глаза и смотрит на мою маму. Та почти выламывает заднюю дверь, чтобы помочь Тессе выйти. Что она делает с людьми, что ее все обожают?

– Тесса, Хардин! – радостно кричит мама.

Тесса отстегивает ремень безопасности и выбирается из машины. Они обнимаются и здороваются, а я выгружаю вещи из багажника.

– Я так рада, что вы оба приехали! – улыбается мама, вытирая слезы.

Это будет долгий уик-энд.

– Мы тоже, – отвечает Тесса за нас обоих, и мама за руку уводит ее в дом.

– Я не люблю чай, поэтому не ждите ничего типично английского. Но я сварила кофе, я знаю, вы оба любите кофе, – тараторит мама.

Тесса благодарно смеется. Мама со мной не разговаривает, по понятным причинам держит дистанцию, избегая разговора о свадьбе.

Обе исчезают на кухне, а я поднимаюсь в свою старую комнату, чтобы избавиться от чемоданов. Слышу раздающийся по всему дому смех и пытаюсь убедить себя, что ничего ужасного за выходные не случится. Все будет в порядке.

Комната пуста, остались только кровать и комод. Обои содраны, на стенах – ужасные полосы засохшего клея. Очевидно, мама готовит дом для нового владельца, но видеть комнату в таком состоянии немного непривычно.

Глава 131

Тесса

– До сих пор не могу поверить, что вы оба здесь, – говорит мне Триш.

Я беру чашку черного кофе из ее рук, – черный, как я люблю. Улыбаюсь ей. Какая она замечательная! Триш красивая, с яркими глазами и такой же улыбкой. На ней темно-синий спортивный костюм.

– Я так рада, что мы все-таки к вам выбрались! – восклицаю я.

На часах микроволновой печи уже десять вечера. Долгий перелет и смена часовых поясов совершенно меня вымотали.

– И я. Если бы не ты, я знаю, он бы не приехал.

Она берет меня за руку. Не знаю, что сказать, и улыбаюсь в ответ.

– Как перелет? Хардин хорошо себя вел? – смеется она.

У меня не хватит смелости сказать правду: ее сын вел себя по-свински и в зоне досмотра, и еще половину полета.

– Да, он был хорошим мальчиком.

Отпиваю горячего кофе. Хардин присоединяется к нам. Дом старый и заброшенный, разделенный на комнатки, отчего кажется еще меньше, интерьер украшают только картонные коробки по углам (переезд), но я здесь чувствую себя на удивление уютно и легко. Это место, где мой парень провел детство.

Хардин пригибается, чтобы пройти в арку, ведущую на кухню, и по его лицу я точно могу сказать, что он не чувствует того же, что и я. Эти стены напоминают ему слишком о многом. Первые впечатления постепенно тускнеют.

– Что с обоями? – спрашивает он.

– Я их ободрала, чтобы перед продажей покрасить стены, но новые хозяева планируют все снести и построить новый дом, – объясняет Триш.

Я ловлю себя на мысли, что новость о сносе мне нравится.

– Да, в любом случае этот дом – уже развалюха. – Хардин берет у меня чашку с кофе и делает глоток. – Ты устала? – поворачивается он ко мне.

– Все в порядке, – отвечаю я.

Мне нравится компания Триш и ее тонкий юмор. Я устала, но выспаться еще успею, да и лечь рано.

– Я у Майка, в соседнем доме. Я полагаю, вы там остановиться не

захотите.

– Уж точно нет, – отвечает Хардин.

Я забираю свой кофе назад, молча умоляя быть с матерью повежливей.

– Ясно. – Триш не обращает внимания на грубость. – У меня на завтра есть планы, надеюсь, ты найдешь, чем занять себя.

В какой-то момент я понимаю, что она обращается ко мне.

– Что за планы? – Хардину явно не нравится эта новость.

– Так, предсвадебные хлопоты. Я записала нас двоих в спа-салон на завтра, ну и хотела, чтобы Тесса пошла со мной на последнюю примерку свадебного платья.

– Конечно, – соглашаюсь я, но Хардин перебивает:

– Сколько времени это займет?

– До обеда, это если ты хочешь присоединиться, Тесса. Просто я подумала, что пока ты здесь, неплохо провести время вместе.

– Я не против, – улыбаюсь я.

Хардин не спорит, и это, несомненно, хороший знак, ну и в любом случае он бы не убедил меня в обратном.

– Я рада, – улыбается в ответ Триш. – Моя подруга Сьюзен присоединится к нам за обедом. Она с нетерпением ждет встречи с тобой, много слышала о тебе, даже не верит, что ты существуешь, она...

Хардин захлебывается кофе, перебивая возбужденно-радостное щебетание матери.

– Сьюзен Кингсли? – дрожащим голосом спрашивает он, поедая Триш глазами.

– Да... но она сменила фамилию, вышла замуж во второй раз.

Триш смотрит на Хардина так, как будто я стала невольной участницей разговора, не предназначенного для моих ушей. Хардин переводит взгляд то на мать, то на стену, затем резко поворачивается на каблуках и выходит, оставив нас вдвоем.

– Я – в соседнем доме, пора спать, если тебе что-то нужно, дай мне знать.

Голос Триш уже не такой радостный, как раньше, она, кажется, расстроилась. Она наклоняется ко мне, целует в щеку и выходит через черный ход.

Еще несколько минут стоя допиваю кофе – непонятно зачем, я все равно ложусь спать. Допив, ополаскиваю чашку и поднимаюсь в поисках Хардина. Узкий коридор наверху совершенно пуст, только рваные обои свисают со стен. Не могу удержаться и сравниваю красивый дом Кена с этим; разница просто поразительная.

– Хардин? – зову я.

Все двери закрыты, думаю, не очень хорошо открывать все подряд, не зная, что за ними.

– Вторая дверь, – отвечает он.

Иду на голос и пытаюсь открыть дверь, но ручка заедает, и мне приходится толкать дверь ногой.

Хардин сидит на краю кровати, обхватив голову руками, и смотрит на меня.

– Что случилось? – спрашиваю я, запуская пальцы в его лохматую шевелюру.

– Не надо было привозить тебя сюда, – говорит он, к моему удивлению.

– Почему? – Я сажусь на кровать, оставив между нами несколько сантиметров.

– Потому что... – вздыхает он. – Просто не следовало, и все.

Он ложится на матрас и закрывает рукой лицо, чтобы скрыть эмоции.

– Хардин...

– Я устал, Тесса, ложись спать, – глухо произносит он, прикрыв рукой рот, и я понимаю, что разговор окончен.

– Ты не будешь переодеваться? – спрашиваю я.

Не хочу спать без его рубашки.

– Нет.

Он переворачивается на живот и выключает свет.

Глава 132

Тесса

В девять звонит будильник. Я с трудом поднимаюсь с постели. Я почти не спала, всю ночь ворочалась. Когда я последний раз смотрела на часы, было три утра. Непонятно, то ли я спала всю ночь, то ли нет.

Хардин спит, скрестив руки на животе. Прошлой ночью он даже меня не обнимал. Единственный раз протянул во сне руку, и то только чтобы убедиться, что я рядом, а потом снова убрал ее на живот. Его перепады настроения меня не удивляют. Знаю, он не хотел ехать на свадьбу, но мне непонятны его вчерашние тревога и беспокойство, особенно то, что он отказался обсуждать эту тему. Я только хочу спросить, зачем он ехал сюда со мной, если даже не хочет быть рядом.

Убираю его волосы со лба, спускаюсь вниз на подбородок со светлой щетиной. Его веки начинают трепетать, и я быстро отдергиваю руку и встаю. Не хочу его будить, он спал так же плохо, как и я. Я так хочу знать, что его терзает, почему он закрывается от меня. Он все написал тогда мне в письме, а потом порвал его, хотя там было о его прошлом, ошибках, которые он совершил, и я с ними смирилась. Ничего, что он мог совершить в прошлом, не может отразиться на нашем будущем. Он должен это понять. Обязан понять, иначе ничего не получится.

Найти ванную нетрудно, я терпеливо жду, когда коричневая вода стечет и посветлеет... Душ невероятно шумный, напор воды такой сильный, что больно коже, хотя помогает снять напряжение с плеч и спины.

Надеваю джинсы и кремовую майку, раздумываю, брать ли кружевную кофточку с цветочным принтом. Она без пуговиц, и значит, Хардин не будет просить меня застегнуться. Пусть радуется, что я не в одном топе гулять ушла. Сейчас весна, здесь, в Англии, это особенно чувствуется.

Триш не называла точное время встречи, поэтому спускаюсь и варю кофе. Часом позже я возвращаюсь наверх за своей электронной книгой, чтобы убить время за чтением. Хардин уже перевернулся на спину, его лицо мрачнее тучи. Быстро выхожу из комнаты, не потревожив его, и возвращаюсь на кухню.

Через пару часов появляется Триш. Ее темные волосы собраны в низкий пучок, как и мои, и, конечно же, она в спортивном костюме, в чем

же еще.

– Так и знала, что ты уже проснулась. Хотела дать тебе времени немного поспать после вчерашнего, – улыбается она. – Я готова идти, если ты готова.

В последний раз смотрю на узкую лестницу, надеясь, что Хардин сбежит вниз с улыбкой и поцелуем на прощание, но этого не случается. Я беру сумку и следую за Триш к выходу.

Глава 133

Хардин

Я ищу Тессу, но ее уже нет рядом. Не знаю, который час, на окнах нет штор, а солнце нещадно палит, как будто пытаюсь меня разбудить. Я очень плохо спал, Тесса тоже крутилась всю ночь. Большую часть времени я не спал, пытался сохранить между нами дистанцию. Мне нужно взять себя в руки, пока я не испортил выходные, но, кажется, я никогда не избавлюсь от навязчивых мыслей. Особенно после того, как мама догадалась пригласить Сьюзен Кингсли на обед.

Я не хочу переодеваться, просто чищу зубы и смачиваю волосы. Тесса уже приняла душ, ее косметичка сиротливо стоит в пустом шкафчике.

На кухне – еще горячий кофейник, наполовину полный, на столе – вымытая кружка. Тесса с мамой, должно быть, уже ушли. Нужно было поговорить с ней и убедить не идти. Почему я не поговорил? События могут развиваться по двум сценариям: либо Сьюзен будет вести себя как последняя стерва и превратит день Тессы в кошмар, либо будет держать свой поганый рот на замке и всем будет счастье.

Какого черта, что я собираюсь делать, пока мама водит Тессу по городу? Конечно, я могу пойти и найти их, но мама расстроится. В конце концов, завтра ее свадьба, я обещал Тессе, что буду хорошо себя вести. Хоть я уже частично нарушил обещание, лучше не усугублять.

Глава 134

Тесса

– Твои волосы – просто загляденье.

Триш тянется только что наманикюренными пальцами через стол, чтобы потрогать мои волосы.

– Спасибо, надеюсь, я привыкну к новому цвету, – улыбаюсь я, глядя на свое отражение в зеркале.

Парикмахерша удивилась, что я никогда не красила волосы. В конце концов я поддалась на уговоры и согласилась подкрасить корни в более темный цвет. Получился светло-каштановый, плавно переходящий в мой натуральный блонд на концах. Разница еле заметна и естественнее, чем я предполагала. Цвет не постоянный, будет держаться около месяца, да и на более долгий эксперимент я была не готова, хотя чем больше я смотрю на себя в зеркало, тем больше мне нравится новый образ.

Брови у меня теперь идеальной формы, ногти на руках и ногах покрыты ярко-красным лаком.

Я отказалась от предложения Триш сделать депиляцию зоны бикини, хотя бы потому, что с мамой Хардина делать это не совсем комфортно, мне проще побрить.

Пока мы идем к машине, Триш издевается над моими растоптанными туфлями, так же как и ее сын, я ей отвечаю насмешками над ее ежедневным спортивным костюмом.

Глазею в окно, разглядывая дома, здания, прохожих.

– Это тут, – говорит Триш минутой спустя, паркуясь на крытой площадке между двумя маленькими зданиями.

Я иду за ней.

Кирпичное здание почти полностью покрыто мхом. Сразу же вспоминаю Лэндона и «Хоббита». Если бы Лэндон был здесь, он подумал бы то же самое. Мы бы смеялись над Хардином, который обычно высмеивает кино; он бы возмущался, что видение Толкиена в фильме исказили, и все в таком духе. Лэндон бы начал с ним спорить, заявляя, что на самом деле Хардин любит кино, а Хардин в ответ послал бы его куда подальше. Представляю, как было бы неплохо, чтобы мы все жили рядом: я, Хардин и Лэндон. Лэндон и Дакота могли бы переехать в Сиэтл, может

быть, даже поселиться рядом с нами. Чтобы дорогие и близкие люди были рядом со мной, а не приходилось летать на пару дней друг к другу за границу.

– Сегодня тепло, правда? Может, сядем на открытой веранде? – спрашивает Триш, показывая на столики на террасе.

– Да, можно, – улыбаюсь я и иду за ней в конец ряда.

Официантка приносит нам кувшин с водой и два стакана. В Англии даже вода другая – со льдом и идеально нарезанными дольками лимона.

Триш ищет кого-то взглядом.

– Так, мы еще ждем кое-кого... А, вот она!

Дорогу переходит высокая брюнетка и машет нам рукой. Юбка в пол и высокие каблуки немного ей мешают. Женщина неуклюже пробирается к нам между столами.

– Сьюзен! – Лицо Триш освещается радостью.

– Триш, дорогая, как ты?

Сьюзен наклоняется и целует Триш в обе щеки, потом поворачивается ко мне и целует меня. Неловко улыбаюсь в ответ, не зная, нужно ли ответить тем же.

Ее темно-синие глаза резко контрастируют с бледной кожей и темными волосами.

– Ты, должно быть, Тереза, я так много о тебе хорошего слышала.

Я удивлена. Она берет меня за руки, мягко сжимает их и улыбается, пододвигает стул и садится рядом.

– Приятно познакомиться, – улыбаюсь я ей.

Я понятия не имею, что о ней думать. Вчерашняя реакция Хардина на ее имя мне не понравилась, но она милая, и это меня смущает.

– Давно ждете? – спрашивает она, поворачивается к нам и вешает сумочку на спинку стула.

– Нет, только что пришли. Все утро провели в спа. – Триш откидывает свои блестящие волосы за плечи.

– Да уж вижу, вы обе благоухаете, как только что срезанные цветочки, – смеется Сьюзен, наполняя свой стакан водой.

У нее очень приятный акцент, гораздо насыщеннее, чем у Триш и Хардина.

Несмотря на настроение Хардина, я влюбилась в Англию, особенно в сельскую местность. Перед поездкой я рылась в Интернете в поисках информации, но фотографии в Сети ничто по сравнению с истинной красотой этого дышащего историей места. Смотрю вокруг и удивляюсь, как такие мелочи, как мощенная булыжниками улица с маленькими кафе и

магазинчиками, приводят в полный восторг.

– Ты готова к последней примерке? – спрашивает Сьюзен Триш.

Я продолжаю осматриваться, не обращая внимания на их болтовню. Вижу на другой стороне улицы огромное здание библиотеки. Я даже представить себе не могу, сколько книг там хранится.

– Да, готова, и если платье мне не подойдет, я засужу владельца магазина. – смеется Триш.

Я поворачиваюсь к ним, заставляя себя подождать, пока Хардин не устроит мне нормальную экскурсию с осмотром достопримечательностей.

– Ну, так как я и есть владелица магазина, то я готова к решению проблемы, – очаровательно смеется Сьюзен.

Продолжаю убеждать себя, что с ней надо быть поосторожней. Я смотрю на эту красивую женщину, и в голове роятся неприятные мысли. Интересно, у Хардина была с ней интимная связь? Он как-то говорил, что у него были связи с женщинами гораздо старше его, может, Сьюзен с ее голубыми глазами и длинными каштановыми волосами – одна из них? Даже при одной мысли об этом содрогаюсь, надеюсь, нет.

подавляю приступ ревности и с удовольствием приступаю к аппетитному сэндвичу, принесенному официанткой.

– Тереза, расскажи мне о себе. – Сьюзен отламывает кусок салата вилкой и подносит к накрашенным губам.

– Можешь звать меня Тесса, – нервно начинаю я. – Я отучилась год в штате Вашингтон и только что переехала в Сиэтл.

Кошусь на Триш. Судя по ее реакции, об этом ей Хардин не рассказывал, а может, и рассказывал, и она расстроена тем, что он не переехал со мной.

– Я слышала, что Сиэтл хороший город, я никогда не была в Америке... – Сьюзен морщит нос. – Но мой муж обещал этим летом меня туда свозить.

– Обязательно нужно съездить. Тебе понравится.

Что я такое говорю? Сажу в историческом месте, в Англии, и убеждаю, что ей понравится в Штатах. Скорее всего, Сьюзен будет не в восторге. Я нервничаю. Трясущимися руками достаю из сумки мобильный и пишу Хардину эсэмэс, простое «Я скучаю».

Остаток обеда проводим в разговорах о свадьбе. Сьюзен мне все больше нравится. Прошлым летом она вышла замуж, это ее второй брак, свадьбой занималась сама, детей нет, только племянник и племянница. У нее – собственный магазин, тот самый, где Триш шьет платье на свадьбу, один из лучших в Лондоне. У ее мужа – три паба, довольно популярные,

недалеко друг от друга.

Магазин Сьюзен находится всего лишь в паре минут ходьбы от ресторана, и мы решаем пройтись. Тепло, ярко светит солнце, даже воздух кажется свежее, чем в Вашингтоне. Хардин до сих пор не ответил на мое сообщение, почему-то меня это не удивляет.

– Шампанского? – предлагает Сьюзен, как только мы заходим.

Салон небольшой, декорирован в старомодном черно-белом стиле, совершенно очаровательно.

– Нет, спасибо, – улыбаюсь я.

Триш соглашается выпить, обещает, что не больше бокала. Отвечаю, что она может пить сколько хочет, но я даже на пассажирском сиденье чувствую себя неловко, что уж говорить про вождение? Смотрю на Триш и Сьюзен, как они смеются и шутят. Разница между Хардином и Триш очевидна: она такая веселая, живая... а Хардин такой... ну ладно, Хардин. Я знаю, они мало общаются, но в глубине души надеюсь, что эта поездка изменит все к лучшему. Ну, не так глобально, хотя бы не омрачит день свадьбы.

– Я на минутку, почувствуй себя как дома, – бросает мне Триш, убегает в примерочную и задергивает штору.

Сажусь на кушетку и не могу сдержать смех, когда слышу, как возмущается Триш: Сьюзен нечаянно прищемляет ей кожу замком. Может быть, они с Хардином похожи больше, чем я думаю.

– Прошу прощения.

Мои мысли прерывает женский голос. Я оборачиваюсь: передо мной – молодая голубоглазая женщина на последних месяцах беременности.

– Вы не видели Сьюзен?

– Она там, – показываю я на примерочную, где Триш примеряет свадебное платье.

– Спасибо, – улыбается она, вздыхая с облегчением. – Если она спросит, я была здесь уже в час.

Должно быть, сотрудница салона. Я замечаю бейдж, приколотый к рубашке с длинными рукавами.

Натали.

Смотрю на часы. Пять минут второго.

– Я не скажу, – заверяю я.

Отдергивается штора, и появляется Триш в свадебном платье. Оно очень красивое; в этом простом платье с рукавами-фонариками Триш прекрасна.

– Вау! – в голос восхищаемся мы с Натали.

Триш отходит назад и оглядывает себя в зеркало в полный рост; она растрогана и вытирает слезы.

– Это третья примерка, и каждый раз история повторяется, – улыбается Натали.

Ее глаза наполняются слезами, мои тоже. Она инстинктивно прижимает руку к животу.

– Она такая красивая. Майк – счастливчик.

Улыбаюсь Триш. Она все еще любит себя в зеркале, и я ее не осуждаю.

– Вы знакомы с Триш? – спрашивает меня Натали.

– Да. – Я поворачиваюсь к ней. – Я... – Неплохо бы позже обсудить с Хардином, как мне вести себя во время знакомств с местными и кто есть кто. – Я встречаюсь с ее сыном.

Глаза Натали расширяются.

– Натали!

Голос Сьюзен резонирует в маленьком пространстве. Триш бледнеет, смотрит то на меня, то на Натали. Похоже, я чего-то не знаю. Я смотрю на Натали... темно-голубые глаза... каштановые волосы... светлая кожа...

Сьюзен... Сьюзен – мать Натали?!

О господи! Натали. Натали. Что-то всплывает в памяти. О ней коротко рассказывал Хардин. Какое-то время они встречались, а потом Хардин ее бросил.

– Ты – Натали, – говорю я.

Она кивает, не отрывая от меня глаз.

– Да, это я, – отвечает она. По выражению ее лица понятно, что она, судя по всему, не в курсе, как много я знаю о ней, и она не знает, что сказать. – А ты... Тесса, – продолжает она, и я вижу, она собралась с мыслями.

– Я... – Что делать? Хардин говорил, что она счастлива, она простила его и строит новую жизнь. Я глубоко ей сочувствую. – Прощу прощения, – говорю я.

– Я – за шампанским, Триш, идем.

Сьюзен хватает Триш за руку и тащит прочь. Триш оборачивается и смотрит через плечо на нас с Натали, пока она и ее платье не исчезают.

– Ты за что извиняешься?

В ярком свете глаза Натали сверкают. Мне трудно представить эту девушку... с моим Хардином. Она такая простая и красивая.

Я нервно смеюсь:

– Я не знаю. – Действительно, за что, спрашиваю я себя. – За то, как он

поступил с тобой.

– Ты знаешь? – В ее голосе я слышу удивление; Натали продолжает смотреть на меня изучающим взглядом.

– Да, – смущенно отвечаю я, чувствуя, что нужно объясниться. – Хардин, он сейчас другой. Ему очень жаль, – говорю я.

Это не исправит прошлого, но ей необходимо это знать, Хардин не такой, как раньше.

– Недавно я столкнулась с ним на улице. Он был... не знаю... опустошенный, что ли... Я увидела его на улице, случайно... Так он изменился?

Ищу в ее голубых глазах осуждение, но его там нет.

– Да, он изменился, – говорю я, стараясь не смотреть на ее живот.

Она поднимает руку, и я вижу на безымянном пальце золотое обручальное кольцо. Я рада, что она вернулась к жизни и начала все сначала.

– Он совершил много ужасного, я понимаю, что многого не знаю, – сглатываю я, стараясь говорить уверенно. – Но для него было очень важно знать, что ты его простила. Это было действительно важно. Спасибо, что нашла в себе на это силы.

Честно говоря, не думаю, что Хардину так важно ее прощение, но то, что она его простила, сломало стену между ним и остальным миром и, я знаю, облегчило его страдания.

– Ты, должно быть, очень его любишь, – заключает она после долгой паузы.

– Да, очень.

Наши глаза встречаются. Я чувствую связь между нами: она, та, кого Хардин очень сильно обидел, и я, – это странно, но я это чувствую. Мне трудно представить, сколько боли и страдания он причинил, как она пришла в себя после такого унижения. Ее бросил не только Хардин, но тогда и семья отказалась от нее. Вначале я для него была, как она, игрушкой, пока он не влюбился. Вот в этом разница между мной и ею. Он любит меня, но не смог полюбить ее.

Думаю: если бы он был с ней сейчас, то не был бы со мной. Эта мысль меня убивает, и я эгоистично благодарю бога, что Хардин не относился к ней тогда так, как относится ко мне сейчас.

– Он хорошо с тобой обращается? – удивляет меня вопросом Натали.

– Да, в основном... – Я не сдерживаюсь и улыбаюсь; боже, какой ужасный ответ. – Он работает над этим, – уверенно заканчиваю я.

– Надеюсь, – поворачивается она с улыбкой.

– Что ты имеешь в виду?

– Я молилась, чтобы Хардин нашел убежище, отдушину, думаю, в конце концов это и случилось. – Она улыбается и снова трогает живот. – Все заслуживают второй шанс, даже самые заядлые грешники, как ты думаешь?

Преклоняюсь перед ней. Я не могу сказать, если бы Хардин поступил со мной так же, как с ней... что я бы так же думала о нем, как она сейчас... Я бы желала ему неминуемой смерти, а она... да... сочувствующая женщина, желающая ему добра.

– Да, я тоже так думаю, – соглашаюсь я, несмотря на то что до сих пор не могу понять, как она нашла в себе силы его простить.

– Я знаю, ты думаешь, я странная, – смеется она. – Но я просто встретила своего Элайджу. Дело не в Хардине, мы ждем нашего первенца.

По спине пробегают мурашки. Хардин был как огромный булыжник посередине ее жизненного пути, преградой к той жизни, которой она заслуживала. Не хочу, чтобы Хардин стал для меня таким же камнем преткновения, кем-то, кто вызывает болезненные воспоминания и необходимость простить. Я хочу, чтобы он был моим спасением, моим Элайджей.

– Малыш толкается, скорее бы уже родился, – смеется она.

Я, кажется, чувствую рукой, что малыш пинается, и радуюсь вместе с ней. Это так заразительно.

– Когда срок? – спрашиваю я, все еще чувствуя толчки под ладонью.

– Должен был два дня назад. Он упрямый, мальчик, я и пришла на работу подвигаться, в надежде, что он решит к нам присоединиться.

Она так нежно говорит о неродившемся младенце. Почувствую ли я когда-нибудь то же самое? Румянец на щеках и нежность в голосе? Будет ли малыш пинать меня в живот изнутри? Прогоняю жалость. Диагноз пока точно не известен. Без паники. Но внутренний голос насмешливо спрашивает: «А ты уверена, что Хардин захочет стать отцом твоих детей?»

– Все в порядке? – спрашивает меня Натали.

– Да, просто задумалась, – вру я и убираю руку с живота.

– Я рада, что встретила тебя, – говорит она.

На пороге появляются Триш и Сьюзен, в руках Сьюзен – букет цветов и фата. Смотрю на часы, половина второго. Судя по румянцу Триш и ее пустому бокалу, мы с Натали разговаривали долго.

– Дай пять. Может, поведешь машину? – смеется Триш.

Мне не нравится эта мысль, позвонить Хардину было бы лучше.

– Береги себя, и еще раз мои поздравления, – говорю я Натали, выходя

из салона.

Платье Триш у меня в руках, она идет сзади.

– И ты, Тесса, – улыбается Натали.

– Я понесу, оно слишком тяжелое, – говорит Триш, пока мы идем по тротуару. – Я могу вести машину, выпила всего бокал.

– Все нормально, – говорю я; на самом деле я жутко боюсь вести машину при здешнем левостороннем движении.

– Не беспокойся, я поведу, – уверяет она и достает ключи из кармана куртки.

Глава 135

Хардин

Я облазил весь дом, дважды обошел весь этот чертов район и даже позвонил Лэндону. Я на взводе, а Тесса по-прежнему не отвечает на звонки. Да где же они, черт бы их побрал?

Смотрю на экран телефона: уже начало четвертого. Сколько можно торчать в этом проклятом спа?

Наконец доносится звук едущего по гравию автомобиля. Я киплю. Подхожу к окну и вижу, что это моя мама. Тесса выходит из машины первая и достает из багажника большой белый чехол. Что-то в ней изменилось.

– Я достала! – кричит она моей маме, пока я открываю входную дверь.

Я быстро спускаюсь по лестнице и беру у нее из рук это чертово платье.

Ее волосы... что она с ними сделала?

– Я ненадолго, пойду позову Майка! – кричит нам мама.

– Какого черта ты сделала с прической? – вырывается у меня.

Тесса хмурится, и по лицу я вижу, как моментально портится ее настроение.

Черт.

– Да я просто спросил... смотрится неплохо, – говорю я и снова поднимаю глаза на ее новую прическу.

И правда неплохо. Она всегда потрясающе выглядит.

– Я их покрасила... тебе не нравится?

Она идет вслед за мной в дом. Я кидаю чехол на диван.

– Аккуратнее! Это свадебное платье твоей матери! – кричит она, поднимая край чехла с пола.

Ее волосы блестят сильнее обычного, да и брови выглядят иначе. Женщины тратят слишком много времени на попытки впечатлить мужчин своей внешностью, а те едва могут заметить разницу.

– Я совсем не против твоей новой прически, просто удивился, – объясняю я свою реакцию.

Цвет волос не особенно изменился – просто стал немного темнее наверху, но в остальном все по-прежнему.

– Отлично, потому что это мои волосы и я буду делать с ними, что захочу.

Она скрещивает руки на груди, и с моих губ слетает смешок.

– Что? – сердито спрашивает она.

– Ничего. Твой феминистский стиль поведения кажется мне очень забавным, вот и все, – смеюсь я.

– Я очень рада, что тебе нравится, потому что это он и есть, – отвечает она.

– Хорошо.

Хватаю ее за рукав и притягиваю к себе, не глядя на вырез. Думаю, не самое лучшее время обращать на него внимание.

– Я серьезно, завязывай со своим неандертальским поведением, – говорит она.

Она меня обнимает – и недовольная гримаса на лице сменяется легкой улыбкой.

– Ладно, не кипятись. Что мама с тобой сделала?

Я прикасаюсь губами к ее лбу, чувствуя облегчение, потому что она не упомянула Сьюзен или Натали. Лучше уж пусть костерит меня за свою прическу, чем за мои прежние знакомства.

– Ничего. Ты невежливо отреагировал на мою новую прическу, и я решила, что следует предупредить тебя о происходящих переменах.

Она прикусывает щеку, чтобы скрыть улыбку. Она дразнит и испытывает меня, это просто обворожительно.

– Хорошо-хорошо, никакого больше неандертальства. – Я закатываю глаза, и она отталкивает меня, и я притягиваю ее обратно и бормочу: – Я серьезно, я тебя понял.

– Сегодня мне тебя не хватало, – выдыхает она, уткнувшись мне в грудь, и я вновь ее обнимаю.

– Правда? – переспрашиваю я, желая услышать это еще раз.

В конце концов, ей никто не напоминал о моем прошлом. Все в порядке. Выходные пройдут хорошо.

– Да, особенно во время массажа. У Эдуардо руки даже больше, чем у тебя, – хихикает Тесса.

Я закидываю ее на плечо и несу к лестнице. Смех переходит в визг. Я уверен в том, что она не была на массаже: она бы не стала, смеясь, рассказывать, что его делал другой мужчина.

Ну вот, я могу не вести себя как неандерталец. Не считая случаев, в которых мне действительно что-то угрожает. Впрочем, черт бы с этими исключениями: речь идет о Тессе, а это значит, что всегда находится нечто,

что встает между нами.

Со скрипом открывается задняя дверь, и до нас доносится мамин голос. Ворчу, а Тесса пытается вывернуться и уговаривает опустить ее. Я выполняю ее просьбу лишь потому, что соскучился по ней, и потому, что мама будет возмущаться, если я буду так вести себя при ней и соседе.

– Мы уже идем! – отвечает Тесса, когда я ставлю ее на ноги.

– А вот и нет. – Я целую ее в уголок рта, и она улыбается.

– Может, ты не идешь.

Она вздергивает бровь, и я шлепаю ее по заднице, после чего она быстро спускается по лестнице.

Я более-менее расслабился. Прошлой ночью я вел себя как полный идиот, и почему я так из-за этого переживал?

– Что вы хотите на обед? Может, нам вчетвером сходить в «Зару»? – спрашивает мама у своего будущего мужа, когда мы входим в комнату.

Тесса кивает, хотя понятия не имеет, о чем идет речь.

– Ненавижу это место, там слишком людно, да и Тессе там не понравится, – бурчу я в ответ.

Тесса бы могла там пообедать, чтобы не провоцировать спор, но я-то знаю, что ей не особенно хочется впервые попробовать печень или паштет из ягненка в ситуации, когда ей придется сохранять на лице улыбку и делать вид, что в жизни не ела ничего вкуснее.

– Ну, может быть, сходим в «Кухню Блюз»? – предлагает Майк.

Честно, не хочу я переться ни в какой ресторан.

– Там слишком громко. – Я облокачиваюсь о стол и начинаю теревить края скатерти в местах, где его ткань начала протираться.

– Ну, тогда выбирай сам, – нетерпеливо говорит мама.

Она сердится на меня за нерасторопность, однако я же тут, верно?

Смотрю на часы и киваю. Сейчас только пять: раньше чем через час мы не выйдем.

– Пойду наверх, – объявляю я.

– Нам нужно выйти через десять минут – ты же знаешь, как здесь сложно найти парковочное место, – говорит мама.

Отлично. Торопливо выхожу из гостиной и слышу, как за мной выбегает Тесса.

– Постой! – Она догоняет меня в прихожей и хватает меня за рукав.

Я оборачиваюсь к ней и спрашиваю:

– Ну что? – спрашиваю я как можно мягче, несмотря на раздражение.

– Что с тобой? Если тебя что-то беспокоит, скажи мне, и мы что-нибудь придумаем, – предлагает она, нервно улыбаясь.

– Как прошел ланч? – Она ничего не рассказывала, но я не могу не спросить.

Она понимает, о чем я.

– Ах, это...

Она опускает глаза, я беру ее за подбородок, задирая голову.

– Неплохо.

– О чем вы разговаривали? – спрашиваю я.

Очевидно, все прошло не так плохо, однако ей явно неудобно это обсуждать.

– Я встретила... Натали. Познакомилась с ней.

Я напрягаюсь. Чуть приседаю, чтобы лучше видеть ее лицо.

– И?

– Она славная, – отвечает Тесса.

Жду, что она нахмурится или что в ее взгляде появится недовольство, однако этого не происходит.

– Славная? – переспрашиваю я, сбитый ответом с толку.

– Да, очень славная... и беременная, – с улыбкой говорит Тесса.

– А что насчет Сьюзен? – нерешительно спрашиваю я.

– Она тоже оказалась очень веселой и милой.

Но... но Сьюзен ненавидела меня за то, что я сделал с ее племянницей.

– Выходит, все прошло нормально?

– Да, Хардин. День прошел нормально. Я скучала по тебе, но все было хорошо.

Она вытягивает руку и хватается меня за футболку, чтобы притянуть поближе к себе. В полумраке прихожей она чертовски хороша.

– Все в порядке, не переживай, – говорит она.

Кладу свою голову поверх ее, и она крепко меня обнимает.

Она меня успокаивает? Тесса успокаивает меня, убеждает, что все будет в порядке, – и это после встречи с девушкой, чью жизнь я едва не разрушил. Она говорит, что все будет в порядке... будет ли?

– Но обычно так не бывает, – шепчу я в ответ, надеясь, что она не слышит.

Если она и услышала, то решила не отвечать.

– Я не хочу идти с ними на ужин, – признаюсь я, нарушая тишину.

Я лишь хочу подняться с Тессой наверх и расслабиться, забыть обо всех проблемах, о которых я переживал весь день, о призраках прошлого и остаться с ней наедине. Сейчас мне не хочется думать ни о чем, кроме нее. Хочется остаться с ней наедине, чтобы никто нас не отвлекал от совместного времяпрепровождения.

– Придется: до свадьбы твоей матери осталось всего ничего. Нам не так уж и долго придется здесь пробыть.

Она приподнимается на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку, а затем ее губы двигаются ниже.

– О да, очень обнадеживающе, – саркастически отвечаю я.

– Да ладно тебе.

Тесса проводит меня обратно в гостиную, держа за руку, но в момент, когда мы снова оказываемся в одной комнате с мамой и Майком, я выпускаю ее руку из своей.

– Ну что ж, пойдемте ужинать, – вздыхаю я.

Ужин, как я и ожидал, проходит скучно. Мама заговаривает Тессу, обсуждая свадьбу и маленький список гостей. Она посвящает ее в подробности, рассказывает, какие именно родственники будут на свадьбе. Среди них не так уж много приглашенных со стороны мамы: всего-то один дальний кузен. Неудивительно, ее родители уже давно умерли. Как и я, Майк ведет себя тихо, однако, в отличие от меня, не скучает. Он смотрит на маму так, что мне хочется его стукнуть. Но, хоть это и раздражает, в этом нет ничего плохого. Он явно ее любит, так что, пожалуй, он не так уж плох.

– Ты – моя единственная надежда на внуков, Тесса, – говорит мама, пока Майк оплачивает счет.

Тесса давится водой, и я стучу ей по спине. Она закашливается и извиняется, после чего на ее лице появляется смущение. Реакция была слишком бурной, однако мама явно застала ее врасплох.

Понимая, что я разозлился, мама говорит:

– Я шучу. Я понимаю, что ты еще молод, – и, дурачась, показывает мне язык.

Молод? Ну и что с того, что мы молоды? Нечего ей говорить о внуках с Тессой. Мы уже говорили на эту тему: никаких детей. То, что мама заставляет Тессу чувствовать себя из-за этого виноватой, не приведет ни к чему, кроме еще одной ссоры. Большинство ссор между нами было из-за вопросов брака и детей. Ни того ни другого я не хочу ни сейчас, ни в будущем. Я хочу проводить каждый день с Тессой, но жениться на ней не собираюсь. Вспоминаю, о чем однажды ночью Ричард предостерег меня, но тут же отбрасываю эту мысль.

После ужина мама целует Майка и желает ему спокойной ночи, после чего он направляется к себе, в соседний дом. Она соблюдает дурацкую традицию, по которой жениху нельзя видеть невесту.

Мне жутко хочется улечься вместе с Тессой в мою старую постель, но

я не могу этого сделать, пока мама дома. В этом дурацком месте нет никакой звукоизоляции. Всякий раз, когда мама у себя в комнате переворачивается в кровати, я буквально слышу скрип матраса.

– Надо было остановиться в отеле, – жалею я, пока Тесса раздевается.

Я бы не возражал, если бы она спала в парке, чтобы мне не приходилось мучиться всю ночь, лежа рядом с полуобнаженным телом. Она надевает мою футболку, и я не могу не пялиться на проступающие под ней очертания груди, широких бедер, прикрытых обтягивающей тканью. Хорошо, что футболка не слишком ей велика, иначе бы Тесса не выглядела так хорошо. Тогда бы я не был так возбужден и эта ночь не показалась бы мне такой длинной.

– Иди сюда, детка.

Протягиваю к ней руки, и она кладет голову мне на грудь. Мне хочется рассказать ей, как я ценю то, как хорошо она справилась со всей этой ситуацией с Натали, но не могу подобрать слов. Думаю, она и так это понимает: она должна понимать, как я боялся, что мы поссоримся.

Через несколько минут она уже спит, прижавшись ко мне, а я глажу ее по волосам, и слова сами срываются с моих губ:

– Ты для меня все, милая.

Просыпаюсь весь в поту. Тесса по-прежнему лежит, прижавшись ко мне. В душной комнате нечем дышать. В доме слишком жарко. Мама, должно быть, включила это чертово отопление. Сейчас же весна, в этом уже нет необходимости. Прежде чем спуститься вниз и проверить термостат, я поднимаю обнимающую меня руку Тессы и убираю с ее лица мокрые от пота волосы.

Не вполне проснувшись, иду на кухню, но замираю на пороге, увидев, что там творится. Я протираю глаза и моргаю, не веря своим глазам.

Но ничего не пропадает... они остаются на кухне, сколько бы я ни тер глаза.

Мама сидит на столе с раздвинутыми ногами. Перед ней стоит мужчина, положивший руки ей на талию. Она запустила руки в его светлые волосы. Он целует ее, или она его, не знаю. Зато я точно знаю, что этот мужчина – не Майк.

Это гребаный Кристиан Вэнс.

Глава 136

Что происходит? Это один из немногих случаев, когда мне нечего сказать. Мама убирает руку с головы Вэнса и кладет ему на лицо, они продолжают целоваться.

Должно быть, я издал какой-то шум, наверное, громко выдохнул, не знаю. Мама открывает глаза и тут же отталкивает Вэнса. Он мгновенно поворачивается ко мне с широко раскрытыми глазами и отходит от стола. Как они могли не услышать, как я спускался по лестнице? Что он делает в этой кухне?

Какого черта происходит?

– Хардин! – вскрикивает мама тонким от ужаса голосом, спрыгивая со стола.

– Хардин, я могу... – начинает Вэнс.

Я поднимаю руку, останавливая их, пытаюсь переварить все, что я только что увидел.

– Как... – начинаю я, с трудом подыскивая слова. – Как?.. – повторяю я, отступая назад.

Мне нужно уйти, но сначала надо выяснить.

Я попеременно смотрю на них, пытаюсь понять, как люди, которых, как я думал, я знаю, могли так поступить. Но у меня ничего не выходит, настолько это бессмысленно.

Я разворачиваюсь к лестнице, а мама делает шаг ко мне.

– Это не то... – начинает она.

По мере того как отхожу от шока, с облегчением чувствую знакомое нарастающее раздражение. Минуту назад я был растерян, но теперь прихожу в себя. Я могу справиться со злостью, это мне не в новинку: стоять же в потрясении и недоуменно молчать мне не нравится.

Разворачиваюсь и иду обратно к ним. Мама делает шаг назад, а Вэнс, наоборот, выходит вперед, загораживая ее. Что происходит?

– Да что за херня, ты с ума сошла? – кричу я, не обращая внимания, что на ее глазах выступают слезы. – Ты завтра выходишь замуж! А ты, – перевожу взгляд на своего бывшего начальника, – ты обручен, но собирался заняться сексом с моей мамой на кухонном столе!

Я опускаю руку и бью по и без того шаткому столу. Мне нравится, как дерево трещит от удара, и мне хочется повторить.

– Хардин! – кричит мама.

– Нечего на меня орать! – Я почти кричу. Наверху слышится топот – значит, мы разбудили Тессу. Она наверняка меня ищет.

– Не разговаривай так с матерью, – негромко, но угрожающе говорит Вэнс.

– Не указывай мне! Ты никто! Кто ты такой?

Я сжимаю кулаки. Нервы мои на пределе, я вот-вот взорвусь.

– Я... – начинает он, но мама кладет руку ему на плечо и тянет назад.

– Не надо, Кристиан, – просит она.

– Хардин? – доносится с лестницы голос Тессы, и через несколько секунд она входит на кухню.

Она оглядывает комнату, смотрит на нежданного гостя, переводит взгляд на меня и встает рядом.

– Все в порядке? – едва слышно спрашивает она, беря меня за руку.

– Просто прекрасно! – Я вырываю руку и вытягиваю ее перед собой. – Только тебе, может, придется рассказать своей подружке Кимберли, что ее жених целовался тут с моей мамой.

При этих словах Тесса широко раскрывает глаза, но ничего не говорит. Я бы предпочел, чтобы она осталась наверху, но, будь я на ее месте, я бы тоже спустился.

– Где там остановилась Кимберли? Не в отеле ли неподалеку отсюда, вместе с твоим сыном? – саркастически спрашиваю я Вэнса.

Мне не нравится Кимберли, она шумная и неприятная в общении, но она любит Вэнса, и я был уверен, что и он ее любит. Похоже, я ошибался. Ему наплевать на нее и предстоящую свадьбу. В противном случае всего этого сейчас не происходило бы.

– Хардин, нам всем необходимо успокоиться.

Мама пытается разрядить обстановку. Она убирает руку с плеча Вэнса.

– Успокоиться? – переспрашиваю я. Невероятно. – Тебе завтра замуж выходить, а ты тут посреди ночи ведешь себя как проститутка.

Как только я произношу это, Вэнс бросается на меня, и я падаю, ударившись головой о кафельный пол кухни. Он прижимает меня к полу.

– Кристиан! – кричит мама.

Он прижал меня весом своего тела, но я выворачиваю руки. Получив удар в нос, я прихожу в бешенство, и на мои глаза спускается красная пелена.

Глава 137

Тесса

Я что, сплю? Надеюсь, мне это снится... этого не может быть.

Кристиан бьет Хардина. Когда его кулак влетает в нос Хардина, раздается ужасный звук. От него болят уши и сжимается сердце. Хардин в ответ бьет в челюсть, но Кристиану удается вывернуться.

Хардин тут же откатывается в сторону и толкает Кристиана плечом, тот падает на пол. Не знаю, как много ударов они наносят друг другу, и уже не понимаю, кто побеждает.

– Останови их! – кричу я Триш.

Я хочу вмешаться, потому что знаю, что, как только Хардин увидит меня, он тут же остановится, но мне страшно. Если он окажется слишком зол, чтобы контролировать себя, и случайно меня заденет, то потом места себе не найдет от чувства вины.

– Хардин!

Триш хватается Хардина за плечо, пытаюсь остановить его, но ни он, ни Кристиан ее не замечают.

Тут распахивается дверь, и появляется растерянный Майк. О боже!

– Триш? Что прои...

Он моргает из-за толстых стекол очков и тут же понимает, что происходит.

В следующее мгновение он присоединяется к драке, подходит к Хардину сзади и хватается его за руки. Поскольку Майк достаточно силен, он легко поднимает Хардина и прижимает к стене. Кристиан вскакивает, и Триш отталкивает его в другую сторону. Хардина трясет, он так тяжело дышит, что мне кажется, что он повредит себе легкие. Я подбегаю к нему, не зная, что мне делать. Я просто хочу подойти к нему поближе.

– Что здесь происходит? – сердито спрашивает Майк.

Все случилось так быстро: ужас в карих глазах Триш, злое, все в синяках, лицо Кристиана, кровоточащий нос Хардина... Это какой-то кошмар.

– Их спрости! – кричит Хардин, и ему на грудь падают капельки крови.

Он тычет пальцем в перепуганную Триш и взбешенного Кристиана.

– Хардин, – спокойно прошу я. – Пошли наверх.

Я хочу взять его за руку, стараюсь успокоить. Меня трясет, по щекам текут горячие слезы, но сейчас не время думать о себе.

– Нет! – Он отстраняется от меня. – Расскажи ему! Расскажи, чем вы занимались!

Хардин вновь пытается наброситься на Кристиана, но Майк тут же вклинивается между ними. Я на секунду зажимаюсь, надеюсь, что Хардин не станет драться и с ним.

Я вновь – в своей комнате в общежитии, по обе стороны от меня стоят Хардин и Ной, и Хардин заставляет меня признаться парню, с которым я встречалась половину своей жизни, в том, что я ему изменила. Выражение лица Ноя в тот момент не идет ни в какое сравнение с выражением лица мужчины, на которого я смотрю сейчас. На лице Майка – смесь осознания, смущения и страдания.

– Хардин, пожалуйста, не делай этого. Хардин, – повторяю я, умоляя его не ставить Майка в неловкое положение.

– К черту все это! К черту вас всех! – кричит Хардин, он бьет по дешевому столу, и тот трещит. – Уверен, Майк не будет возражать, если завтра вы воспользуетесь приготовлениями к свадьбе. – Хардин понижает голос, тщательно подбирая слова. – Уверен, он не будет против, учитывая, какую прорву денег он должен был выкинуть на эту свадьбу. – Он усмехается.

Меня пробирает озноб, я опускаю глаза. Когда он в таком состоянии, его не переубедить. Никто и не пытается ничего сделать. Все молчат, и Хардин продолжает:

– Из вас получится отличная пара. Обрученная бывшая жена алкоголика и его лучший друг, – злобно смеется он. – Майк, боюсь, ты минут на пять опоздал на представление. Ты пропустил ту часть, в которой твоя невеста целовалась с другим.

Кристиан хочет вновь броситься на Хардина, но Триш преграждает ему путь. Хардин и Кристиан злобно таращатся друг на друга.

Я никогда не видела Кристиана таким. Обычно он общителен и остроумен, но сейчас от него так и веет злобой. Он совсем не похож на того себя, который обнимает Кимберли за талию и шепчет ей, как она прекрасна.

– Ты сопливый лицемер... – цедит Кристиан сквозь зубы.

– Это я-то? Это ты постоянно расписывал мне прелести брака, а у самого – интрижка с моей мамой!

Происходящее не укладывается у меня в голове. Кристиан и Триш? Триш и Кристиан? Это какая-то ерунда. Я знаю, они давно дружат, и

Кристиан приютил их и заботился о них после того, как Кен ушел. Но интрижка?

Я никогда не думала, что Триш способна на такое, а Кристиан всегда казался влюбленным в Кимберли. Кимберли... Мне так ее жаль, она так любит Кристиана. Она всю планирует свадьбу мечты с лучшим на свете женихом, а выходит, что она его совсем не знает. Она будет в шоке. Ей удалось наладить прекрасные отношения с Кристианом и его сыном. Неважно как, но я не дам ей узнать об этом от Хардина. Я не дам ему насмеяться над ней так же, как только что издевался над Майком.

– Это не так!

Кристиан зол не меньше Хардина. Его зеленые глаза сверкают от ненависти. Я понимаю, что единственное, чего ему сейчас хочется, так это добраться до Хардина.

Майк молчит и смотрит на свою заплаканную невесту.

– Мне так жаль, этого не должно было произойти. Я не знаю... – Голос Триш срывается, и я отворачиваюсь.

Майк качает головой, отвергая извинения, молча проходит через кухню к выходу во двор и хлопает дверью. Триш падает на колени и закрывает лицо руками, стараясь приглушить рыдания.

Кристиан опускает руки и заботливо обнимает ее, мгновенно растеряв всю злость. Хардин вновь поднимается и сжимает кулаки. Встаю перед ним и кладу ладони ему на щеки. У меня все сжимается при виде крови, залившей ему все лицо. Его губы тоже разбиты... он весь в крови.

– Не надо, – предупреждает он, отталкивая мои руки.

Он смотрит на свою мать и Кристиана, обнимающего ее. Похоже, они забыли о нашем присутствии. Или же им все равно. Не знаю.

– Хардин, пожалуйста, – говорю я с надрывом в голосе, снова обнимая его.

Наконец он смотрит на меня, и я вижу, как на его лице появляются признаки угрызений совести.

– Пожалуйста, пошли наверх, – прошу я его.

Он смотрит на меня, и я стараюсь не отворачиваться. Хардин постепенно успокаивается.

– Уведи меня подальше от них, – бормочет он. – Уведи меня отсюда.

Беру его под руку и увожу с кухни. Когда мы доходим до лестницы, Хардин останавливается.

– Нет... я хочу уйти отсюда.

– Хорошо, – тут же соглашаюсь я. Я тоже этого хочу. – Пойду возьму наши сумки, а ты иди к машине.

– Нет, если я туда пойду...

Ему необязательно договаривать. Я знаю, что случится, если я оставлю его наедине с матерью и Кристианом.

– Пойдем наверх, это не займет много времени, – обещаю я ему.

Изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, поддерживать его, и пока что мне это удается.

Он соглашается и идет следом за мной по лестнице в комнату. Я спешно раскидываю наши вещи, не тратя время на то, чтобы аккуратно их складывать. Я подпрыгиваю и вскрикиваю от неожиданности, когда Хардин ударяет по шкафу, от которого отваливается кусок и с грохотом падает на пол. Он наклоняется и выдвигает один из ящиков. Швыряет его в сторону и берет следующий. Если я не уведу его отсюда, то он разнесет всю комнату.

После того как он швыряет в стену последний ящик, я обнимаю его за талию.

– Пойдем в ванную.

Мы проходим по коридору, и я закрываю за нами дверь. Хватаю полотенце, включаю воду и велю ему сесть на унитаз. То, что он молчит, успокаивает, и я не хочу давить на него.

Он ничего не говорит и даже не дергается, когда я подношу теплое полотенце к его щеке, чтобы вытереть кровь рядом с носом, на губах и подбородке.

– Нос не сломан, – заключаю я после беглого осмотра.

Разбитая нижняя губа уже распухла, но, по крайней мере, перестала кровоточить. Я все еще не в себе от вида ужасной сцены, когда двое разгневанных мужчин избивают друг друга.

Хардин молчит.

Смыв большую часть крови, споласкиваю испачканное полотенце и оставляю его в раковине.

– Пойду за сумками. Оставайся тут, – прошу я, надеясь, что он меня послушает.

Спешу в комнату, чтобы схватить наши сумки и застегнуть чемодан. На Хардине нет ни футболки, ни обуви, одни шорты. На мне лишь его футболка. Когда я услышала крики, то не подумала о том, чтобы переодеться. Я не знала, что случилось, но уж точно не ждала, что Кристиан и Триш будут заниматься сексом.

Хардин молчит, а я натягиваю на него чистую футболку и носки. Надеваю толстовку и джинсы, не заботясь о внешнем виде, и еще раз мою руки, стараясь вычистить кровь из-под ногтей.

Молча идем к лестнице. Здесь Хардин берет у меня обе сумки. Он

закидывает их на плечо и морщится от боли, а я с ужасом представляю себе, какой синяк появится у него под футболкой.

Когда мы выходим из дома, до меня доносятся всхлипывания Триш и успокаивающий голос Кристиана. Дойдя до взятой напрокат машины, Хардин оборачивается и смотрит на дом, и я вижу, как содрогаются его плечи.

– Я могу сесть за руль. – Я достаю ключи, но он тут же выхватывает их у меня.

– Нет, я поведу, – наконец произносит он.

Я не спорю.

Хочу спросить, куда мы направляемся, но решаю подождать: пока что он не в себе, надо быть аккуратнее. Я беру его за руку и радуюсь тому, что он не отстраняется.

Минуты кажутся часами. Мы молча проезжаем деревеньки, и с каждой милей возрастает напряжение. Смотрю в окно и вижу знакомую улицу: я была здесь днем, когда мы проходили мимо свадебного салона Сьюзен. Я начинаю плакать, вспоминая, как стояла в свадебном платье Триш и смотрела на себя в зеркало, пока она смахивала с глаз слезы. Как она могла так поступить? Она же должна была выйти замуж; зачем ей так себя вести?

Слышу голос Хардина:

– Это какая-то бессмыслица.

– Я тоже ничего не понимаю, – отвечаю я, осторожно сжимая его руку.

– У меня в жизни все вечно идет не так, – говорит он ровным голосом.

– Я знаю. – Сейчас не время спорить с ним, хоть я и не согласна.

Хардин останавливается на парковке небольшого мотеля.

– Переночуем здесь, а завтра уедем, – произносит он, глядя в лобовое стекло. – Не знаю, что сказать о твоей работе и том, где ты будешь жить, когда мы вернемся в Штаты.

Он выходит из машины.

Я так переживала из-за драки на кухне, что совсем забыла, что в ней участвовал мой босс, в доме которого я жила.

– Ты идешь? – спрашивает Хардин.

Вместо ответа вылетаю из машины и молча иду за ним к мотелю.

Глава 138

Тесса

Мужчина за стойкой, улыбаясь, дает Хардину ключи от нашей комнаты. Хардин мрачен. Я пытаюсь улыбнуться, но выходит натянуто и неуклюже, и клерк быстро отворачивается.

Мы молча идем по длинному узкому коридору. На стенах кремового цвета висят картины на религиозную тему. На одной изображен красивый ангел, преклоняющий колени перед девой. На другой – обнимающиеся любовники. При взгляде на последнюю картинку я содрогаюсь: у нашей комнаты нас встречает взгляд самого Люцифера. Смотрю в его пустые глаза, забегаю в номер вслед за Хардином и включаю весь свет, чтобы рассеять тьму. Хардин кидает мою сумку на кресло в углу, а чемодан бросает на пол рядом с дверью, там, где стою я.

– Пойду в душ, – негромко говорит он.

Не оглядываясь, уходит в ванную и закрывает за собой дверь.

Хочу пойти следом за ним, но сомневаюсь, стоит ли. Не хочу докучать ему или еще больше расстраивать, но в то же время мне хочется удостовериться, что он в порядке, и я не хочу оставлять его одного.

Разуваюсь, снимаю джинсы и футболку Хардина и иду вслед за ним абсолютно голая. Когда я открываю дверь, он не оборачивается. Маленькая ванная уже наполнилась паром, скрывающим обнаженное тело Хардина, но черные татуировки все же видно. Я подхожу к нему.

Встаю на его лежащие на полу вещи.

– Не надо... – глухо начинает Хардин.

– Знаю, – перебиваю я его.

Я знаю, что он зол и растерян, что между нами вновь появляется стена, над разрушением которой я столько трудилась. Он так хорошо контролировал свой гнев, что я готова убить Триш и Кристиана за то, что он сорвался.

Я удивляюсь своим мыслям и отгоняю их.

Ничего больше не говоря, он отодвигает занавеску и встает под поток, извергающийся из душа. Я глубоко вдыхаю, набираясь уверенности, и встаю позади него. Вода обжигающе горяча, под ней едва можно стоять, и я прячусь от нее за Хардином. Наверное, он это замечает, потому что делает

воду чуть холоднее.

Беру бутылочку бесплатного геля для душа, выдавливаю на мочалку и аккуратно начинаю намыливать Хардину спину. Он отстраняется и делает шаг вперед, но я не отстаю.

– Можешь не разговаривать, но я знаю, что сейчас тебе нужно, чтобы я была рядом, – почти шепчу я, мой голос теряется за дыханием Хардина и шумом воды.

Он молча стоит, пока я тру ему спину там, где набита татуировка. Моя татуировка.

Хардин поворачивается ко мне, чтобы я могла намылить его грудь, и следит за тем, как я это делаю. Стою в затянутой паром ванной и чувствую, как он злится. Похоже, он сейчас взорвется. Внезапно Хардин берет меня за шею обеими руками и отчаянно целует. Мои губы непроизвольно раздвигаются под его напором. В прикосновениях нет ничего, даже отдаленно напоминающего нежность. Наши языки встречаются, и я аккуратно кусаю его за нижнюю губу, пытаюсь не задевать рассеченное место. Он издает легкий стон и прижимает меня к мокрому кафелю.

Он прерывает поцелуй, и я негромко вскрикиваю. Но вскоре он уже грубо целует меня в шею и грудь. Затем обхватывает руками с разбитыми костяшками, продолжая покрывать меня поцелуями. Я откидываю голову и запускаю пальцы ему в волосы, обнимая его так, как он любит.

Неожиданно он опускается на колени, и на секунду я смутно вспоминаю, что что-то похожее уже было. Но в следующее мгновение он снова начинает ласкать меня, и я не могу вспомнить, что это.

Глава 139

Хардин

Тесса запускает пальцы мне в волосы и притягивает к своей распаренной в горячей воде коже. Прикасаясь в ней, я забываю обо всем остальном.

Она вскрикивает, когда я прекращаю поцелуй, и пытается подтянуть меня обратно. Ее бедра приподняты, она хочет продолжения.

Вскоре я поднимаюсь и задираю ей ноги, закидываю себе на талию. Вхожу в нее, она постанывает.

– Черт, – невнятно выдыхаю я, охваченный возбуждением от секса без презерватива.

Она закатывает глаза, а я продолжаю двигать бедрами. Я стараюсь не быть слишком грубым. Вместо этого я двигаюсь медленно, но сильно сжимаю ее руками. Она обнимает меня за плечи, а я начинаю целовать ее чуть выше груди. У меня кружится голова, и я замечаю кровь у себя между ног.

Она тоже это замечает. Ничего не говорит об оставленных засосах и лишь прикусывает губу, глядя между ног. Она снова обнимает меня за бедра, и я прижимаю ее к стене. Мои пальцы впиваются в ее ягодицы, я вхожу в нее снова и снова, выкрикивая ее имя.

Она обхватывает меня ногами еще сильнее, и я продолжаю работать бедрами, приближаясь к развязке.

– Хардин, – прерывисто и нежно шепчет она.

Осознание, что мне необязательно помнить, что нужно вовремя остановиться, заводит меня еще больше, и я кончаю с ее именем на губах.

– Я люблю тебя. – Я целую ее в висок и кладу свою голову на ее, переводя дыхание.

– Я люблю тебя, – выдыхает она с закрытыми глазами.

Я по-прежнему не отстраняюсь, наслаждаясь моментом.

Спиной я чувствую, что вода становится холоднее: горячей воды хватит еще минут на десять. Перспектива принять холодный душ посреди ночи заставляет меня помочь Тессе опуститься на ноги. Я отхожу от нее и вижу у нее на ногах свидетельство своего оргазма. Один этот вид стоил семи месяцев ожидания.

Я хочу поблагодарить ее, сказать, что люблю ее, что она меня успокоила, причем не только сегодня, но с того самого дня, когда она внезапно поцеловала меня в моей старой комнате в общежитии, но не могу подобрать слов.

Делаю воду погорячее и смотрю в стену, облегченно вздыхая, чувствуя прикосновение мочалки к спине. Тесса снова продолжает то, что начала несколько минут назад.

Поворачиваюсь к ней лицом, и она начинает тереть мою шею. Я молчу. Я все еще злюсь, но она помогла мне успокоиться так, как может только она.

Глава 140

Тесса

– Моя мама так ужасно поступила, – наконец нарушает долгое молчание Хардин. Я вздрагиваю от неожиданности, но продолжаю его мыть. Он продолжает: – Бессмыслица, как у Толстого.

Я перебираю в уме произведения Толстого и понимаю, что он говорит о «Крейцеровой сонате». Я вздрагиваю, несмотря на температуру воды.

– «Крейцера соната»? – спрашиваю я, надеясь, что ошибаюсь или что мы по-разному истолковали эту книгу.

– Само собой. – Он снова становится отстраненным, опять воздвигает между нами стену.

– Не думаю, что стала бы сравнивать эту ситуацию с чем-то настолько... угрюмым, – мягко возражаю я.

В книге много кровопролития, ревности и злости. Надеюсь, что в этой ситуации все разрешится более мирно.

– Не целиком, но отчасти, – отвечает он, будто знает, о чем я думаю.

Я вспоминаю сюжет, пытаюсь понять, в чем Хардин видит сходство с тем, что у его матери была интрижка, но в голову не приходит ничего, кроме представлений Хардина о браке. Я снова вздрагиваю.

– Я никогда не собирался жениться и по-прежнему не собираюсь, так что ничего не изменилось, – холодно продолжает он.

Не обращаю внимания на дискомфорт в груди и сосредоточиваюсь на мочалке.

– Хорошо.

Я мою сначала одну, а затем другую его руку, а когда поднимаю взгляд, вижу, что он стоит с закрытыми глазами.

– Как думаешь, на какую сюжетную линию похожа наша ситуация? – спрашивает он меня, забирая у меня мочалку.

– Не знаю, – честно отвечаю я.

Я бы очень хотела знать ответ на этот вопрос.

– Я тоже.

Он добавляет геля для душа на мочалку и начинает тереть мою грудь.

– Можем ли мы сами решить, что делать в сложившейся ситуации?

Я смотрю на его растерянное лицо.

– Не думаю. Ты должна понимать, что есть только два возможных варианта, – говорит он, пожимая плечами.

Я знаю, что он растерян и рассержен, но не хочу, чтобы ошибка Триш негативно сказалась на наших отношениях: я вижу, что Хардин размышляет об отношениях между нами.

Пробую сменить тему:

– Что тебя больше всего беспокоит? То, что свадьба уже завтра... то есть сегодня? – поправляюсь я.

Уже почти четыре утра, а свадьба назначена на два. Что произошло после нашего отъезда? Вернулся ли Майк, чтобы поговорить с Триш, или Кристиан и Триш остались там одни?

– Не знаю, – вздыхает он, проводя мочалкой по моим животу и бедрам. – Мне нет дела до свадьбы. Думаю, меня просто раздражает, что они всем ввали.

– Мне жаль.

– Это маме должно быть жаль. Это она продала дом и изменила жениху в ночь перед свадьбой. – Он начинает злиться и становится грубее.

Ничего не говорю, забираю у него мочалку и вешаю ее на крючок.

– И этот Вэнс. Кто вообще заводит интрижку с бывшей женой своего лучшего друга? Мой отец и Кристиан Вэнс знают друг друга с детства, – говорит Хардин горьким, угрожающим тоном. – Надо позвонить отцу и рассказать, какая проститутка...

Я протягиваю руку и закрываю ему рот, не давая закончить предложение.

– Она все-таки твоя мать... – мягко напоминаю я ему.

Я знаю, что он злится, но не стоит так себя вести.

Я убираю руку от его рта, давая ему возможность говорить.

– Меня не волнует ни то, что она моя мать, ни Вэнс. Когда я расскажу Кимберли о случившемся, а ты уйдешь с работы, ему придется несладко, – самодовольно заявляет он, как будто лучшего способа отомстить и не придумать.

– Ты не расскажешь Кимберли о случившемся, – сообщаю я. – Если Кристиан не расскажет ей об этом, то это сделаю я, а не ты. Не надо ставить ее в неловкое положение. Я понимаю, что ты злишься на мать и Кристиана, но Кимберли ни в чем не виновата, и я не хочу ее обижать, – говорю я уверенно.

– Хорошо. Но ты уйдешь с работы, – утверждает он и поворачивается, чтобы смыть шампунь.

Я вздыхаю и тянусь к шампуню, который держит Хардин, но он

отдергивает руку.

– Я серьезно, ты на него больше не работаешь.

Я понимаю, что он зол, но сейчас не время разговаривать о моей работе.

– Мы поговорим об этом позже, – замечаю я, наконец дотянувшись до шампуня. Вода становится холоднее, так что я бы хотела поскорее помыть голову.

– Нет!

Он отстраняется. Я стараюсь не волноваться и разговаривать с ним как можно спокойнее, но это не так-то просто.

– Я не могу просто так бросить стажировку. Мне надо будет известить об этом университет, заполнить кучу бумаг и написать объяснительную. Затем придется записаться на несколько дополнительных курсов, чтобы набрать потерянные кредиты, которые я должна была бы получить от издательства. А поскольку уже поздно подавать бумаги для получения финансовой помощи, то придется платить самой. Я не могу просто так взять и уволиться. Я попробую что-нибудь придумать, но пожалуйста – мне нужно немного времени. – Я решаю не мыть голову.

– Тесса, меня не волнует, что тебе надо будет заполнять какие-то документы. Речь идет о моей семье, – говорит он, и я тут же чувствую себя виноватой.

Прав он или нет? Я не знаю, но, глядя на его разбитые нос и губы, чувствую себя виноватой.

– Знаю, извини. Просто сначала мне надо найти другую стажировку, вот и все, о чем я прошу.

Почему я его об этом прошу?

– То есть вот и все, что мне нужно... это то, что мне нужно... немного времени. Мне и так придется переезжать в отель...

Я начинаю нервничать от перспективы остаться без крыши над головой, без работы, без друзей.

– Тебе все равно не найти другой стажировки. По крайней мере оплачиваемой, – грубо напоминает Хардин.

Мне это известно, но я еще тешила себя надеждой на обратное.

– Я не знаю, что мне делать. Мне нужно время. Все это так бессмысленно. – Я выхожу из душа и беру полотенце.

– У тебя не так уж много времени на раздумья. Тебе надо переехать обратно ко мне.

Я останавливаюсь, услышав эти слова.

– Вернуться туда? – Мне становится дурно от этой идеи. – Я не

собираюсь возвращаться, а после прошедших выходных мне не хочется приезжать туда даже ненадолго, не говоря уж о том, чтобы жить там. Это не вариант.

Я заворачиваюсь в полотенце и выхожу из ванной.

Беру телефон и ужасаюсь, увидев пять пропущенных звонков и два сообщения от Кристиана. В обоих сообщениях он просит Хардина немедленно ему позвонить.

– Хардин, – зову я его.

– Что? – спрашивает он недовольным голосом.

Я закатываю глаза и подавляю недовольство.

– Несколько раз звонил Кристиан.

Он высовывается из ванной, завернутый в полотенце.

– И?

– Что, если что-то случилось с твоей матерью? Ты не хочешь узнать, все ли у них в порядке? – спрашиваю я его. – Или я...

– Нет, к черту их. Не звони им.

– Хардин, мне кажется...

– Нет, – перебивает он.

– Я уже отправила ему сообщение. Просто хотела узнать, все ли в порядке с твоей матерью, – признаюсь я.

– Ну, разумеется, – недовольно бурчит он.

– Я понимаю, что ты расстроен, но пожалуйста, перестань срываться на меня из-за этого. Я пытаюсь тебя поддерживать, но мне нужно, чтобы ты перестал быть со мной резок. Я ни в чем не виновата.

– Извини. – Он запускает руку в себе волосы. – Давай просто выключим телефоны и поспим.

Его голос и лицо стали намного спокойнее.

– Футболка испачкалась, – говорит он, кидая перепачканную кровью футболку на пол. – И я не знаю, где взять другую.

– Я достану.

– Спасибо.

Он вздыхает. То, что он не возражает, что я одета в его вещи, радует меня даже в сложившейся ситуации. Беру у него футболку, в которой он был до этого, протягиваю чистые трусы, в которых он может спать, и принимаюсь аккуратно перекладывать вещи в чемодане.

– Утром я поменяю билеты. Сейчас я слишком устал.

Прежде чем лечь в кровать, он ненадолго садится рядом.

– Я могу это сделать, – предлагаю я, доставая из чемодана ноутбук.

– Спасибо, – сонно бурчит он в ответ.

И через секунду Хардин бормочет:

– Я бы хотел увезти тебя куда-нибудь далеко.

Я сижу, положив руки на клавиатуру ноутбука, и жду, не скажет ли он что-нибудь еще, но он засыпает.

В момент, когда я открываю сайт авиакомпании, на столе вибрирует мой телефон. Это Кристиан. Я игнорирую звонок, но когда он звонит во второй раз, беру телефон и тихо выхожу в коридор.

– Алло, – шепчу я.

– Тесса? Как он? – испуганно спрашивает он.

– Он... в порядке. У него разбиты нос и губы, да еще несколько синяков и ссадин, – говорю я, не стараясь скрыть враждебность.

– Черт, – отзывается он. – Мне жаль, что так вышло.

– Мне тоже, – резко говорю я своему начальнику, стараясь не обращать внимания на жуткую картину, висящую передо мной.

– Мне нужно с ним поговорить. Я понимаю, что он растерян и зол, но мне надо кое-что ему объяснить.

– Он не хочет с тобой разговаривать, да и с чего бы ему хотеть? Он тебе доверял, а ты знаешь, что он мало кому доверяет. – Я повышаю голос. – Ты обручен с прекрасной женщиной, а Триш должна была выйти замуж завтра.

– Она по-прежнему собирается это сделать, – отвечает он.

– Что?

Отхожу от двери дальше по коридору и останавливаюсь перед спокойной картиной с преклоняющим колени ангелом. Но чем дольше я смотрю на нее, тем более угрюмой эта картина мне представляется. За спиной у первого ангела стоит второй. Он полупрозрачен и держит в руках кинжал. Дева с темными волосами смотрит на него с мрачной улыбкой и ждет, когда он нападет на первого ангела. Лицо второго ангела перекошено, его плохо нарисованное тело покрыто трещинами. Он готовится нанести удар первому ангелу.

Я отворачиваюсь и прислушиваюсь к голосу в трубке.

– Свадьба состоится. Майк и Триш любят друг друга, и завтра они поженятся, несмотря на мою ошибку. – Похоже, Кристиану нелегко об этом говорить.

У меня возникает множество вопросов, но не могу вымолвить ни слова. Он мой начальник, и у него была интрижка с матерью Хардина. Это меня не касается.

– Я понимаю, что ты обо мне думаешь, но если вы дадите мне шанс объясниться, то, может быть, меня поймете.

– Хардин хочет, чтобы я поменяла билеты на завтрашнее утро.
– Он не может улететь, не попрощавшись с матерью. Это ее убьет.
– Не думаю, что им удастся нормально поговорить, – замечаю я, поворачивая обратно и останавливаясь у двери.

– Я понимаю, что ты беспокоишься о нем, и очень этому рад. Но у Триш в жизни и так было достаточно сложностей, и ей пора наладить свои дела. Я не прошу его приходить на свадьбу, но пожалуйста, постарайся уговорить его попрощаться с матерью. Одному Богу известно, когда он в следующий раз прилетит в Англию, – вздыхает Кристиан.

– Не знаю... – Я провожу пальцами по бронзовой ручке. – Я попробую с ним поговорить, но ничего не обещаю. Я не буду на него давить.

– Понимаю. Спасибо, – говорит он с облегчением.

– Кристиан? – вырывается у меня прежде, чем я заканчиваю вызов.

– Да, Тесса?

– Ты расскажешь Кимберли о произошедшем? – Я задерживаю дыхание и жду ответа на свой неуместный вопрос.

– Разумеется, – говорит он с мягким акцентом. – Я люблю ее больше, чем...

– Хорошо.

Я стараюсь это осознать, но в голову мне приходит лишь картина, как Кимберли стоит на кухне и улыбается. Потом она смеется, запрокинув голову, а Кристиан смотрит на нее с восторгом, как будто для него больше никого не существует. Смотрит ли он так же на Триш?

– Спасибо. Если тебе что-то понадобится, дай мне знать. Я очень сожалею о случившемся. Надеюсь, твое мнение обо мне не окончательно испортилось, – говорит он и завершает разговор.

Я в последний раз смотрю на ужасное чудовище на стене и возвращаюсь в комнату.

Глава 141

Хардин

– Где ты? – раздается на кухне его сердитый голос.

Хлопает парадная дверь, и я спрыгиваю с кухонного стула, хватая свою книгу. Плечом я задеваю стоящую на столе бутылку, она вдребезги разбивается о пол, покрывая его коричневой жидкостью, и я стараюсь как можно быстрее спрятаться, прежде чем он увидит, что я наделал.

– Триш! Я знаю, что ты здесь! – снова кричит он.

Голос приближается. Своими маленькими руками хватаю со стола полотенце и бросаю его на пол, стараясь прикрыть беспорядок.

– Где твоя мама?

Я оборачиваюсь, услышав его голос.

– Ее... ее здесь нет, – отвечаю я и встаю.

– Что ты наделал?

Он отодвигает меня в сторону и видит устроенный мной беспорядок. Я разбил бутылку случайно. Я знал, что он разозлится.

– Этому виски было больше лет, чем тебе, – говорит он.

Я поднимаю глаза на его красное лицо, а он запинаясь повторяет:

– Ты разбил мою бутылку.

Папа говорит низким голосом. Он всегда так разговаривает, когда приходит домой поздно.

Я пячусь назад небольшими шажками. Если я доберусь до лестницы, то смогу убежать. Он слишком пьян, чтобы за мной гнаться. В последний раз он упал.

– Что это? – Он переводит взгляд на мою книгу.

Я прижимаю книгу к груди. Нет, только не эту.

– Иди сюда, парень, – говорит он, подходя ко мне.

– Пожалуйста, не надо! – прошу я.

Он вырывает у меня из рук мою любимую книгу. Мисс Джонсон говорит, что я хорошо читаю. Лучше всех в пятом классе.

– Ты разбил мою бутылку, так что я испорчу что-то из твоих вещей, – с ухмылкой объясняет он.

Я отхожу назад, пока он рвет мою книгу пополам и вырывает из ее страницы. Я прикрываю уши руками и смотрю на то, как по комнате

летают страницы «Великого Гэтсби». Он хватает летающие в воздухе страницы и разрывает их на мелкие клочки.

Я не могу вести себя как ребенок. Я не могу плакать. Это всего лишь книга. Мои глаза увлажняются, но я не ребенок, так что мне нельзя плакать.

– Ты похож на него со всеми этими книгами, – выплевывает он.

Похож на кого? Джея Гэтсби? Он не читает столько, сколько я.

– Она думает, что я идиот, но это не так. – Он хватается за спинку стула, чтобы не упасть. – Я знаю, что она сделала.

Внезапно он успокаивается, и мне кажется, что папа сейчас заплачет.

– Приберись здесь, – бурчит он и уходит, оставляя меня одного на кухне.

Напоследок он пинает ногой переплет моей книги.

– Хардин! Хардин, проснись! – зовет меня кто-то снаружи маминой кухни. – Хардин, это всего лишь сон. Пожалуйста, проснись.

Открываю глаза и вижу перед собой обеспокоенное лицо и незнакомый потолок. Я понимаю, что я не в кухне у мамы. Здесь нет ни разлитого виски, ни разорванной книги.

– Извини, что оставила тебя здесь одного. Я вышла за завтраком. Я не думала... – Она всхлипывает и обнимает мою вспотевшую спину.

– Не переживай... – Я глажу ее по волосам. – Я в порядке.

Я несколько раз моргаю.

– Хочешь поговорить? – спрашивает она негромко.

– Нет, я и не помню, что мне снилось, – отвечаю я.

Она гладит меня по спине, и сон все больше и больше забывается.

Позволяю ей обнять меня на несколько минут и встаю.

– Я принесла тебе завтрак, – говорит она, вытирая нос рукавом моей кофты. – Извини.

Она робко улыбается, держа передо мной испачканный соплями рукав.

Я не могу сдержаться и смеюсь, совсем забыв о кошмаре.

– На этой кофте бывали вещи и похуже, – нахально напоминаю я ей, стараясь вызвать у нее смех.

Я вспомнил, как она ласкала меня руками, когда я был в нее одет, и как мы потом все перепачкали.

Тесса краснеет и тянется за подносом. Она нагроулила его разными сортами хлеба, фруктами, сыром и даже небольшой коробочкой хлопьев.

– Мне пришлось подраться за них со старушкой, – улыбается она, кивая на хлопья.

– Ну конечно, – дразню я ее, пока она ест виноград.

– Я бы могла, – настаивает она.

С момента, как мы ночью прибыли сюда, наше настроение сильно изменилось.

– Ты поменяла билеты? – спрашиваю я ее, открывая упаковку хлопьев и начиная есть их руками, не заморачиваясь принесенной тарелкой.

– Я хотела обсудить это с тобой. – Она понижает голос. Она не поменяла билеты. Я вздыхаю и жду, когда она закончит. – Ночью я говорила с Кристианом... точнее, утром.

– Что? Зачем? Я же сказал тебе... – Я встаю, перевернув хлопья.

– Я знаю, но пожалуйста, выслушай меня, – просит она.

– Хорошо. – Я сажусь обратно на кровать, ожидая объяснений.

– Он просил передать, что ему очень жаль и что ему надо с тобой поговорить. Я понимаю, что ты не хочешь с ним говорить. Если ты не хочешь поговорить ни с одним из них – ни с Кристианом, ни с матерью, я прямо сейчас возьму ноутбук и поменяю билеты. Я всего лишь хотела предложить тебе это прежде, чем поменяю их. Я знаю, что ты переживаешь... – Ее глаза вновь увлажняются.

– Нет, – уверяю я ее.

– Ты хочешь, чтобы я поменяла билеты?

– Да. – Она хмурится и наклоняется, чтобы взять лежащий на тумбочке ноутбук.

– Что еще он сказал? – нерешительно спрашиваю я.

Это не имеет значения, но мне интересно.

– Свадьба состоится.

Какого черта?

– Он сказал, что поговорит с Кимберли о произошедшем и что он ее очень любит. – Когда Тесса упоминает преданную подругу, ее нижняя губа начинает дрожать.

– Майк дурак. Может быть, ему все-таки стоит жениться на маме.

– Не знаю, что заставило его простить ее так быстро, однако он простил. – Тесса на минуту смолкает и смотрит на меня, пытаясь заставить прислушаться к тому, что она говорит. Затем быстро произносит: – Кристиан попросил меня попытаться уговорить тебя хотя бы на то, чтобы ты попрощался с матерью.

– Нет уж. Ни за что. Я одеваюсь, и мы проваливаем отсюда. – Я обвожу рукой чрезмерно дорогой номер.

– Хорошо, – соглашается она.

Это было легко. Слишком легко.

– Что ты имеешь в виду под этим «хорошо»?

– Ничего. Просто соглашаюсь. Я понимаю, что ты не хочешь прощаться с мамой. – Она пожимает плечами и убирает растрепанные волосы за уши.

– Правда?

– Да, – слабо улыбается она. – Я знаю, что бываю к тебе слишком строга, но сейчас я готова тебя поддержать. В этот раз ты имеешь право вести себя так, как считаешь нужным.

– Хорошо, – отвечаю я с облегчением. Я думал, что она будет спорить и пытаться уговорить меня пойти на свадьбу. Потирая виски, я говорю: – Жду не дождусь, когда вернусь в Штаты.

– Я тоже, – тихо отвечает Тесса.

Где она собирается жить? После случившегося она не может просто взять и вернуться в дом к Вэнсу, но и ко мне она не переедет. Не знаю, что она будет делать, но я знаю, что хочу оторвать Вэнсу голову за то, что он усложнил ее возвращение.

Мне бы хотелось найти ей работу там же, где работаю я сам, – в «Болтхаус», но это невозможно. Она даже не второкурсница, а направления на стажировки в издательства просто так не раздают даже выпускникам. Ей не найти другой стажировки, особенно в Сиэтле. По крайней мере до тех пор, пока она не будет на старших курсах или даже не закончит университет.

Беру у нее ноутбук, чтобы самостоятельно поменять билеты. Не надо было соглашаться лететь в Англию. Это Вэнс уговорил меня взять с собой Тессу и испортил всю поездку.

– Пойду заберу наши вещи из ванной, и мы можем ехать в аэропорт, – говорит Тесса, убирая мои грязные вещи в верхнее отделение чемодана.

Она хмурится, на ее лице написано разочарование. Меня раздражают ее ссутуленные плечи, потому что я знаю, что на них лежит груз моих проблем. Я люблю Тессу и ее сопереживание. Просто мне не хочется, чтобы ей приходилось разбираться с моими сложностями. Я и сам могу с ними разобраться.

– Все хорошо? – спрашиваю я.

Она поднимает на меня глаза и натягивает на лицо абсолютно неубедительную улыбку.

– Да, а у тебя? – спрашивает она и становится еще больше обеспокоенной.

– Нет, если у тебя не все хорошо. Тесса. Не переживай из-за меня.

– Я не переживаю, – врет она.

– Тесс... – Я подхожу к ней и беру у нее из рук футболку, которую она

на протяжении последних двух минут складывала не менее десяти раз. – Все нормально, поняла? Я все еще зол, но я знаю, что ты беспокоишься, не выйду ли я из себя. Нет, не выйду. – Я опускаю взгляд на свои разбитые руки и, смеясь, поправляюсь: – Больше не выйду.

– Я знаю. Просто ты так хорошо справлялся с приступами гнева. Я не хочу, чтобы ты лишился достигнутых успехов.

– Знаю. – Я провожу рукой по волосам и пытаюсь подумать о нашем положении, не начиная злиться.

– Я и так горжусь тем, как ты вышел из этой ситуации. Это Кристиан начал драку.

– Иди сюда. – Протягиваю руки, и она обнимает меня, утыкаясь лицом мне в грудь. – Даже если бы он на меня не бросился, мы бы все равно подрались. Я бы сам ударил его, не ударь он меня.

Опускаю руки и прикасаюсь к ней там, где заканчивается футболка, и она отстраняется от холодного прикосновения к ее теплой коже.

– Я знаю, – соглашается она.

– Поскольку до среды ты свободна, мы останемся в доме моего отца...

Меня перебивает звонок ее телефона.

Оба смотрим на столик.

– Я не буду отвечать, – говорит она.

Отпускаю Тессу и беру ее телефон. Я смотрю на экран и, вздохнув, отвечаю:

– Хватит доставать Тессу. Если хочешь поговорить со мной, то звони мне. Не втягивай ее во все это, – говорю я прежде, чем он успевает что-то сказать.

– Я тебе звонил, но ты выключил телефон, – отвечает Кристиан.

– Как думаешь, почему? Если бы я хотел с тобой поговорить, я бы поговорил, но раз я этого не сделал, то прекрати меня доставать.

– Хардин, я понимаю, что ты злишься, но нам нужно поговорить.

– Нам не о чем разговаривать! – кричу я.

Тесса обеспокоенно следит за тем, как я пытаюсь держать себя в руках.

– Нет, есть. Нам много о чем надо поговорить. Дай мне пятнадцать минут, – просит он.

– Почему я должен с тобой разговаривать?

– Потому что я понимаю, что ты чувствуешь себя преданным, и хочу объясниться. Я переживаю о тебе, твоя мама тоже.

– И теперь вы вместе что-то против меня замышляете? Идите к черту. – У меня трясутся руки.

– Ты можешь делать вид, что тебе до нас нет дела, но то, что ты злишься, свидетельствует об обратном.

Я убираю телефон от уха, пытаюсь не разбить его о стену.

– Пятнадцать минут, – говорит он. – Свадьба начнется только через несколько часов. Все приглашенные мужчины идут на ланч в бар «Габриэль». Встреться со мной там.

Я подношу телефон к уху.

– Хочешь, чтобы я встретил тебя у бара? Ты что, тупой?

Выпить сейчас было бы неплохо... обжигающий вкус виски на языке...

– Я не собираюсь пить, просто хочу поговорить. Лучше всего будет встретиться в людном месте, – вздыхает он. – Можно встретиться где-нибудь еще, если тебе не нравится.

– Сойдет, – соглашаюсь я.

Тесса удивленно смотрит на меня, чуть наклонив голову набок, явно смущенная переменой в моем настроении. Я хочу поговорить с ним не из-за беспокойства, просто из любопытства. Он утверждает, что произошедшему есть объяснение, и я хочу его услышать. Иначе мои жалкие попытки изредка общаться с матерью прекратятся.

– Хорошо... – Он не ожидал, что я соглашусь. – Скоро полдень. Я встречу тебя там в час.

– Договорились, – резко отвечаю я.

Не представляю, как наша встреча может не закончиться дракой.

– Завези Тессу в «Вереск» – Ким и Смит должны быть там. Это всего в паре километров от «Габриэль», к тому же Кимберли сейчас была бы рада обществу подруги.

От услышанного в его голосе стыда мне смешно. Придурок.

– Тесса поедет со мной, – заявляю я.

– Ты уверен, что хочешь, чтобы она опять оказалась в ситуации, которая может закончиться дракой?

Да. Да, хочу. Нет, не хочу. Я хочу, чтобы она приглядывала за мной, она достаточно часто видела меня в подобных ситуациях.

– Ты говоришь это лишь для того, чтобы она поехала успокаивать твою невесту, которой ты изменил.

– Нет. – Вэнс делает паузу. – Я просто хочу поговорить с тобой с глазу на глаз, и я не думаю, что Тессе или Триш нужно там присутствовать.

– Хорошо. Встретимся через час.

Отключаюсь и поворачиваюсь к Тессе.

– Он хочет, чтобы ты побыла с Кимберли, пока мы разговариваем.

– Она знает?

– Похоже.

– Ты уверен, что хочешь с ним встретиться? Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным это делать.

– Думаешь, мне стоит?

Мгновение она думает.

– Да, стоит.

– Тогда я с ним встречусь. – Я начинаю ходить по комнате.

Тесса встает с кровати и обнимает меня за талию.

– Я так тебя люблю, – говорит она, уткнувшись в мою голую грудь.

– И я тебя люблю. – Я никогда не устану слышать от нее эти слова.

Когда она выходит из ванной, я едва не задыхаюсь.

– Черт.

Я пересекаю комнату в три шага.

– Хорошо выглядит? – спрашивает она, не спеша поворачиваясь.

– Да.

Я снова едва не задыхаюсь. Хорошо? Она спятила? Белое платье, в котором она была на свадьбе моего отца, сейчас смотрится на ней даже лучше, чем тогда.

– Я его едва смогла застегнуть, – смущенно улыбается она. Она поворачивается и приподнимает волосы. – Можешь помочь застегнуть до конца?

Мне нравится, что она краснеет и смущается, даже несмотря на то, что я уже далеко не один раз видел ее голой. Я не совсем ее испортил.

– Ты передумал? Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя неудобно, – мягко говорит она.

– Все в порядке. Я просто собираюсь потратить пятнадцать минут на то, чтобы послушать, что он хочет сказать, – вздыхаю я.

На самом деле сейчас мне хочется поехать в аэропорт, но после того, с каким видом Тесса собирала наши вещи, мне необходимо сделать это – не только для нее, но и для себя.

– Рядом с тобой я похож на бродягу, – говорю я ей, и, глядя на меня, она улыбается в ответ.

– Перестань. – Я опускаю глаза на свои футболку и рваные джинсы.

– Ты мог бы побриться, – с улыбкой замечает она.

Я вижу, что она нервничает и старается разрядить обстановку. Я же спокоен... просто хочу со всем этим покончить.

– Тебе же нравится. – Я беру ее руку и провожу ей по своему лицу. – Особенно когда я залезаю тебе между ног.

Подношу ее руку ко рту и целую ее пальцы. Она отдергивает ее, когда я беру в рот ее указательный палец, и толкает меня в грудь.

– Вечно ты себя так ведешь, – шутливо выговаривает она мне, и я на секунду забываю о происходящем абсурде.

– И буду продолжать и дальше.

Хватаю ее обеими руками за зад и сжимаю, отчего она вскрикивает.

Мы нервничаем, пока едем до места, где нас должны ждать Кимберли и Смит, точнее, до парка, в котором они должны нас ждать. Тесса сидит в пассажирском сиденье и смотрит в окно, теребя свои крашенные ногти.

– Что, если он ей не рассказал? Стоит ли мне это сделать? – спрашивает она, когда я проезжаю через ворота.

Несмотря на волнение, она явно замечает, как в парке красиво.

– Ого! – говорит она, с интересом глядя по сторонам.

– Я знал, что тебе здесь понравится.

– Тут очень красиво.

Она любит пейзажем одного из немногих мест в городе, не испорченного смогом и офисными зданиями.

– Вон она...

Я подъезжаю к блондинке, сидящей на скамейке. Смит сидит на скамейке неподалеку с игрушечным паровозиком в руках. Этот малыш такой странный.

– Если тебе что-то понадобится, пожалуйста, позвони мне. Я тебя найду, – обещает Тесса, перед тем как выйти из машины.

– То же касается и тебя. – Я аккуратно притягиваю ее к себе и целую. – Серьезно. Если что-то пойдет не так, сразу же мне позвони.

– Я больше волнуюсь из-за тебя.

– Со мной все будет в порядке. А теперь иди и расскажи своей подруге, какой ее жених придурок. – Я снова ее целую.

Тесса хмурится, но ничего не говорит, выходит из машины и идет по дорожке к Кимберли.

Глава 142

Тесса

Идя по траве к Кимберли, я стараюсь собраться с мыслями. Я не знаю, что ей сказать, и я боюсь, что она не знает о произошедшем. Я не хочу ей рассказывать. Это должен сделать Кристиан. Однако я не думаю, что стану делать вид, что ничего не произошло, если окажется, что она не знает.

Она поворачивается ко мне, и я немедленно получаю ответ. Кимберли сидит в тени, но я вижу, что глаза у нее заплаканные.

– Извини, – говорю я.

Я сажусь на скамейку рядом с ней, и она обнимает меня.

– Я бы поплакала, но боюсь, что больше не могу. – Она пытается улыбнуться, но это не сочетается с ее взглядом.

– Я не знаю, что сказать, – признаюсь я, переводя взгляд на Смита, который, к счастью, слишком далеко, чтобы нас слышать.

– Можешь начать с того, что поможешь мне спланировать двойное убийство. – Кимберли собирает рукой волосы и отводит их от лица.

– Это я могу, – усмехаюсь я.

Хотелось бы мне быть хотя бы вполовину такой же сильной, как Кимберли.

– Хорошо, – улыбается она, сжимая мою руку. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, ты тоже очень хорошо выглядишь, – отвечаю я.

Ее расшитое бисером пепельно-синее платье переливается в ярком солнечном свете.

– Ты пойдешь на свадьбу? – спрашивает она.

– Нет, просто хотелось компенсировать плохое настроение хорошим внешним видом. А ты?

– Да, – вздыхает она. – Не знаю, что буду потом делать, но я не хочу смущать Смита. Он умный ребенок, и я не хочу, чтобы он знал о том, что происходит. – Она переводит взгляд на маленького ученого и его поезд.

– К тому же приехали Саша и Макс, и я не собираюсь давать повод для сплетен.

– Саша приехала сюда вместе с Максом? А как насчет Дэнис и Лилиан? – Вероломству Макса нет предела.

– Вот и я о том же! Ни стыда ни совести. Приезжает в Англию на

свадьбу вместе с женатым мужчиной. Мне стоит хорошенько ей врезать, чтобы немного успокоиться.

Кимберли так напряжена, что это заметно со стороны. Не могу даже вообразить, как ей сейчас тяжело, и восхищаюсь тем, как она справляется.

– Как ты... я не хочу лезть не в свое дело, но...

– Тесса, я постоянно лезу не в свое дело, так что и тебе можно, – замечает она, дружески улыбаясь.

– Ты останешься с ним? Если ты не хочешь говорить об этом, то можешь не отвечать.

– Наоборот, я хочу об этом поговорить. Мне нужно поговорить об этом, иначе боюсь, что мне не удастся сохранить злость, – цедит она сквозь зубы. – Я не знаю, останусь ли я с ним. Я люблю его, Тесса. – Она снова смотрит на Смита и усмехается. – И я люблю этого мальчика, даже несмотря на то, что он разговаривает со мной раз в неделю. Мне бы хотелось сказать, что я удивлена, но это не так.

– Почему? – тут же спрашиваю я.

– Они слишком давно знакомы, и я не уверена, могу ли я соперничать с существующими между ними отношениями, – говорит она с болью в голосе, и я смахиваю с глаз слезы.

– Правда?

– Да. Я расскажу тебе кое о чем, о чем Кристиан просил меня тебе не рассказывать до тех пор, пока он не расскажет Хардину, но я думаю, что тебе нужно это знать...

Глава 143

Хардин

Пафосный «Габриэль» в самом богатом районе Хэмпстеда. Разумеется, он хочет встретиться здесь. Я паркую прокатную машину и иду к двери. Внутри сразу же оглядываюсь. За круглым столом в углу бара сидят Вэнс, Майк, Макс и та блондинка. Что она тут делает? И почему Майк сидит рядом с Вэнсом, который меньше суток назад приставал к его невесте?

Все посетители в галстуках, кроме меня. Надеюсь, я оставил на полу грязные следы. Мне что-то говорит официантка, но я пропускаю ее слова мимо ушей.

– Рад тебя видеть, Хардин. – Макс встает и протягивает мне руку. Я его игнорирую.

– Хотел поговорить – давай, – резко обращаюсь я к Вэнсу, подходя к столу.

Прежде чем встать, он поднимает полный до краев стакан с выпивкой и отпивает.

Майк сидит, уставившись в стол, и я изо всех сил пытаюсь не сказать ему, как глупо он выглядит. Он всегда был тихоней: надежный сосед, у которого мама постоянно одалживала молоко и яйца, если они заканчивались.

– Как проходит твой визит? – спрашивает Сабрина.

Я смотрю на нее, пораженный тем, что она решила заговорить со мной.

– Где твоя жена? – спрашиваю я Майка.

С чересчур накрашенного лица сидящей рядом с ним блондинки сползает улыбка, и она начинает покачивать пустым бокалом из-под martini.

– Хардин... – начинает Вэнс, который хочет попробовать заткнуть мне рот.

– Заглохни, – огрызаюсь я. Он встает. – Я уверен, что его жене и дочери его недостает, пока он сидит тут с этой...

– Хватит, – говорит Кристиан и аккуратно берет меня за руку, пытаюсь отвести от стола.

Я отдергиваю руку.

– Не трогай меня.

Тут раздается крик Стефани:

– Эй! Разве так ведут себя с отцом?

Она что, тупая? Мой отец в Вашингтоне.

– Что?

Она улыбается:

– Ты слышал, что я сказала. Тебе следует более уважительно относиться к своему отцу.

– Саша!

Макс грубо хватает ее за тонкую руку, едва не сталкивая на пол.

– Ой, я что, сказала что-то, чего не должна была?

Ее смех слышен на весь бар. Дура.

Растерянно смотрю на бледного Майка. Он выглядит так, будто готов потерять сознание. Отвлекаюсь от них и перевожу взгляд на Вэнса, такого же бледного, как и Майк. Он беспокойно переступает с ноги на ногу.

Чего они так переживают из-за слов какой-то дуры?

– Помолчи. – Макс выводит ее из-за стола и практически вытаскивает из бара.

– Она не должна была... – Вэнс проводит по голове рукой и упирает кулаки в бока. – Я собирался...

Чего она не должна была делать? Отпускать глупое замечание, что мой отец – Вэнс, когда очевидно, что мой отец...

Я смотрю в зеленые глаза стоящего передо мной перепуганного мужчины, который лихорадочно водит рукой по волосам...

Мне требуется секунда, чтобы осознать, что я делаю абсолютно то же самое.

Благодарности

Не могу поверить, что пишу слова благодарности уже для третьей книги! Время между написаниями книг пролетело для меня незаметно, и я рада, что мне представилась такая возможность. Есть масса людей, которых мне необходимо поблагодарить, однако я попытаюсь никого не забыть.

Прежде я бы хотела поблагодарить своих читателей и преданных поклонников. Ребята, вы никогда не перестаете удивлять меня своими поддержкой и преданностью. Вы собираете толпы на каждом моем мероприятии, ежедневно пишете обо мне в Твиттере, беспокоитесь обо мне и поддерживаете в Сети. Мне даже кажется, что наши отношения выше, чем обычные отношения «читатель/писатель», выше, чем дружеские. Мы – семья, и я бесконечно признательна вам за то, что вы есть у меня и друг у друга. У нас впереди – еще одна книга, и я надеюсь, что вы по-прежнему чувствуете гордость и причастность к ее публикации. Я невероятно рада тому, что вы у меня есть.

Адам Уилсон, мой фантастический редактор в «Gallery». Мы через многое прошли, работая над книгой, несясь с ураганной скоростью, и при этом ты находил способ облегчить для меня эту задачу. Своими замечаниями и шутками ты преподал мне урок того, как стать лучшим автором. Да к тому же тебе понятно мое чувство юмора. Поначалу я боялась, что мне попадется «большой, плохой редактор», однако ты оправдал все мои надежды! Спасибо!

Эшли Гарднер, ты стала для меня близким другом. Я уже говорила об этом, но все же я повторюсь: ты из тех женщин, которыми я восхищаюсь и на которых хочу быть похожей. Ты сильная и яростная, но в то же время веселая и приятная в общении. Ты всегда можешь посоветовать потрясающую книгу и отвести меня в странный ресторан, не заставляя при этом чувствовать себя глупо из-за того, что я ем севиче вилкой, или из-за того, что чего-нибудь не понимаю (в том числе и не имеющего отношения к еде, ха-ха). Я действительно восхищаюсь тобой и очень рада за твой новый брак. Спасибо тебе за все.

Кэндис Фэктор, когда мы встретились, то были так похожи, что это даже настораживало. Я знала, что была с тобой и Эми на одной волне, так что я обрадовалась, когда вы оказались такими потрясающими. Я восхищаюсь твоей восторженной манерой разговора – мы и в этом похожи. Ты всегда так оригинальна и естественна. Я очень рада возможности

работать вместе с тобой и считать тебя своим другом.

Назия Хан, я признательна тебе за то, что ты научил меня выражать свои мысли публично и достойно справляться с интервью. Ты всегда находишь способ поднять окружающим настроение и выходишь из себя лишь тогда, когда я даю людям адрес своей электронной почты прежде, чем дать твой (ха-ха). Ты тоже стал мне хорошим другом, мы собираемся вместе пойти на АМА (не в то время, когда вы читаете это), и очень рада, что именно ты отправишься со мной туда! Спасибо тебе за все!

Кэтлин, Зои, Ник, Даниэль, Кевин (вы оба), Тарун, Рич, все на Wattpad – ребята, вы, несомненно, лучшая команда, на какую можно надеяться. Я знаю, что никто из вас и не подозревал, сколько ему предстоит сделать для меня и серии моих книг, когда вы регистрировались на Wattpad, и я хочу поблагодарить вас всех за то, что приняли меня в семью. Спасибо за помощь с серией и всем остальным. Мне не терпится узнать, что ждет нас всех в будущем! Вы – самая изобретательная, отчаянная и веселая группа. Вы все для меня очень важны. Спасибо вам за все те веселые мгновения, за фотографии Ника, за совместное распитие вина и ночные пивные марафоны под дождем, а также за то несметное количество еды, которым они меня встречают всякий раз, когда я решаю туда заглянуть.

Аллен и Иван, без Wattpad я бы никогда не нашла себя, так что спасибо вам за создание важнейшей вещи в моей жизни. Знаю – другие разделяют мои чувства.

Кристин Дуайер, спасибо за то, что постоянно заставлял меня смеяться и называл «чуваком». Я невероятно рада возможности работать вместе с тобой и ценю все время, что ты мне уделил. Я очень тепло отношусь к тебе и твоему чувству юмора, ценю твое трудолюбие и то, что ты не даешь мне забывать, что добро побеждает зло, и все, что ты делаешь для меня!

Спасибо всем в «Gallery», кто был доброжелателен ко мне – неопытному, чрезмерно восторженному, странному автору, по большей части не имеющему понятия о том, что он делает, но крайне преданному своему делу! Я ценю ваш вклад в работу – вклад всех и каждого: от сотрудников отдела продаж до сотрудников производственного отдела. Спасибо Джен Бергстром и Луису Бурке за то, что позволили Адаму напечатать мои книги. Спасибо Мартину Карлоу – мне известно, как усердно ты работал над этим проектом, и я благодарна тебе за это. Стиву Брэслину – как говорит Адам, «ты так или иначе удерживаешь этот поезд на рельсах!».

Кристина и Ло, вы отличные наставники и друзья, и я так рада, что познакомилась с вами!

Всем пылким Тессам и Хардинам, иногда совершающим ошибки.

Спасибо всем моим друзьям и родственникам, поддерживавшим меня после того, как узнали о моей писательской карьере. Потому что я, знаете ли, умудрилась опубликовать четыре книги, никому из них об этом не рассказав. Я рада, что вы у меня есть.

Последний по счету, но не по важности – мой Джордан. Ты много для меня значишь, и я крайне признательна тебе за поддержку как в прошлом году, так и во всех предыдущих. Нам так повезло найти друг друга в таком раннем возрасте, и было просто невероятно расти как личность вместе с тобой. Ты заставляешь меня смеяться, хотя иногда мне хочется тебя убить (не по-настоящему – я бы скучала). Люблю тебя.

notes

Примечания

Центральный вашингтонский университет (Central Washington University, CWU) расположен в Элленсбурге, в центре штата Вашингтон, благодаря чему и получил свое название.

Ведущий популярного телешоу о психологии «Доктор Фил» Филипп Макгроу.

«К у м б а й я» («Приди, Господь») – спиричуэл, с начала XX века популярный среди скаутов в США. В настоящее время – символ морализаторства, лицемерия или наивно оптимистических взглядов на мир.